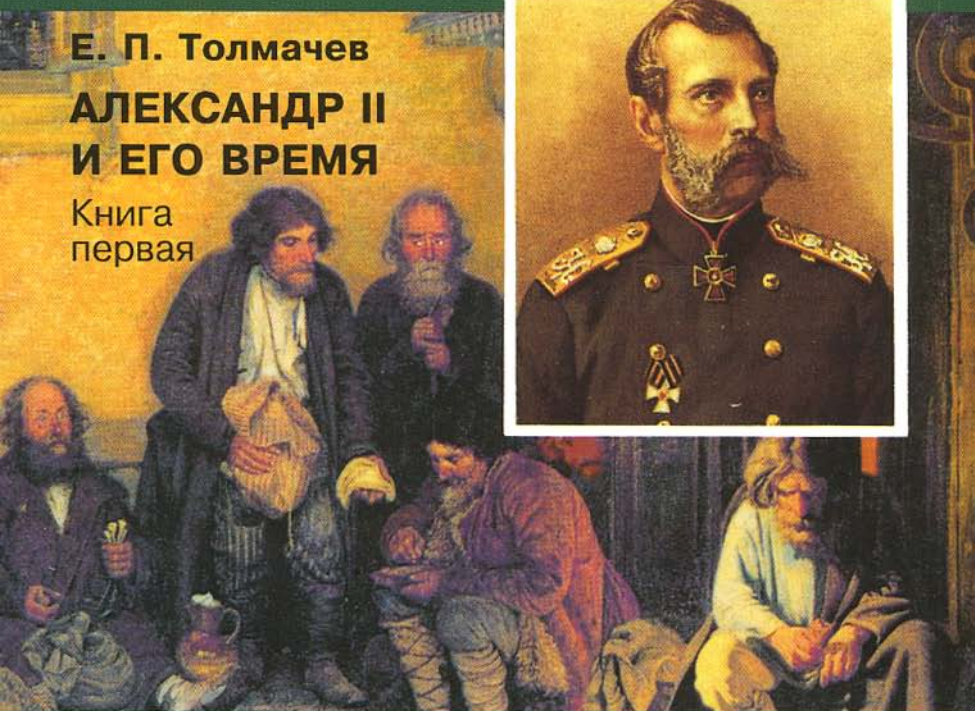

ТАЙНЫ

Век XIX

Е. П. Толмачев
**АЛЕКСАНДР II
И ЕГО ВРЕМЯ**

Книга
первая

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Бек XIX

Е. П. Толмачев
АЛЕКСАНДР II
И ЕГО ВРЕМЯ

Книга первая

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

УДК 947
ББК 63.3(2)
Т52

Рецензенты:

доктор исторических наук И. В. ЛЕВОЧКИН
доктор исторических наук А. И. УТКИН
доктор исторических наук А. В. ЧУНАКОВ

Толмачев Е. П.

Т52 Александр II и его время: В 2 кн. Кн. 1. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 432 с. — (Тайны истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-02052-4 (кн. 1)

ISBN 5-300-02051-6

В монографии рассматривается один из наиболее ярких периодов истории Российского государства, связанный с жизнью императора Александра II Автор рассказывает о Великих реформах второй половины XIX в., о присоединении к России Кавказа, большей части Средней Азии, о дальневосточной политике, продаже Аляски, Крымской и русско-турецкой войнах (1877—1878); о революционном движении 60—70-х годов, Польском восстании 1863 г. Используя большой фактический, прежде всего архивный, материал, автор освещает историю трагической жизни Александра II, дает портреты многих государственных и общественных деятелей той эпохи

В первую книгу включены части 1—2 монографии

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 5-300-02052-4 (кн. 1)
ISBN 5-300-02051-6

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

*СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ
ОЛЬГИ ИВАНОВНЫ ТОЛМАЧЕВОЙ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ночь на 2 марта 1881 г. по всей России циркулярно была распространена телеграмма министра внутренних дел: «Сегодня, 1 марта в 1 ч. 45 м. пополудни, при возвращении государя императора с развода, на набережной Екатерининского канала, у сада Михайловского дворца, совершено было покушение на священную жизнь его величества посредством брошенных двух разрывных снарядов; первый из них повредил экипаж его величества, разрыв второго нанес тяжелые раны государю. По возвращении в Зимний Дворец, его величество сподобился приобщиться св. Тайн и затем в бозе почил в 3 часа 35 минут пополудни. Один злодей схвачен»¹.

Так великая империя узнала о гибели своего властителя, державшего бразды ее правления в своих руках в течение 26 лет.

Деятельность Александра II и его время, бесспорно, являются предметом серьезного научного исследования. С каждым годом растет число трудов, посвященных различным проблемам царствования монарха, ставшего инициатором и творцом Великих реформ 60—70-х годов XIX в.

В отечественной и зарубежной исторической литературе нет еще комплексных исследований, рассматривающих всесторонне и объективно все основные проблемы интересующего нас царствования. В то же время накопленные исторические материалы открывают нам возможность начертать общий обзор этой преобразовательной эпохи.

Долгое время в советской историографии и литературе Александр II представлялся хитрым и лицемерным монархом, не без успеха разыгрывающим роль либерала². Его представляли также сторонником беспощадных репрессий против революционеров. Личность этого деятельного монарха приобретает для нас особый интерес.

Известно, что до вступления на престол он как наследник получил блестящее образование и воспитание, которое заранее готовило его к исключительной деятельности второго после Петра I преобразователя России.

Актуальнейшей темой для истории и для нас, в частности, является опыт крупнейших реформ преобразовательной эпохи прошлого века в сопоставлении с современностью. Хотя со времени Великих реформ прошло уже более столетия, многие исследователи считают, что все последующее развитие России — экономическое, социальное, политическое и культурное — имело своей отправной точкой те действия и движения, которые возникли в 50—70-х годах XIX в. Требуется более глубокого изучения и обобщения ситуация для реформ тогда и сейчас: причины, характер и следствия изменения всей системы административных институтов, деятельность реформаторов, их побудительные мотивы, просчеты и ошибки, борьба прогрессивных и консервативных сил.

Не менее важное значение имеет дальнейшее освещение присоединения Кавказа и Средней Азии к России — сложного и противоречивого процесса, растянувшегося на многие десятилетия и оказавшего серьезное влияние на исторические судьбы народов, проживающих в этих регионах.

До сих пор спорными являются и другие проблемы внешней политики России, особенно связанные с Ближним и Дальним Востоком, борьбой за отмену нейтрализации Черного моря, продажей Аляски.

Одним из острых и злободневных продолжает оставаться вопрос об общественно-политическом движении — революционных демократах, народниках, либералах-оппозиционерах и консерваторах-охранителях.

Известно, что в советской историографии на первый план всемерно выдвигалось революционно-демократическое (радикальное) направление общественной мысли и освободительного движения.

Либерально-буржуазное (прагматически-умеренное) движение принижалось, недооценивалось. Всячески преувеличивалась степень различий и размежевания отдельных направлений и их внутренних течений³.

Весь этот круг вопросов в определенной мере затрагивается в данном исследовании. Хронологические рамки книги определяются событиями, связанными с жизнью Александра II (1818—1881). Тем не менее в ряде глав рассмотрение проблем далеко выходит за означенные грани.

Автор стремился достоверно и объективно, с современных позиций, отрешившись от односторонности и зашоренности, от различных идеологических установок и догм, истолковать основные вехи в трагической судьбе «царя-освободителя», рассмотреть особенности внутренней и внешней политики царского правительства во взаимосвязи с мировыми общественными процессами. По мере своих возможностей он добивался живого, краткого и содержательного изложения большого потока событий, фактов и характеристик лиц преобразовательной эпохи XIX в.

В работе над монографией применен сравнительно-исторический метод исследования, который включает в себя принцип историчности, периодизации проблемы, конкретный и сравнительный анализ, позволяющий выявить общее и особенное в восходящем развитии истории. Новизна работы заключается в том, что в ней предпринята попытка комплексно рассмотреть все основные проблемы царствования Александра II.

В работе над книгой мне помогло и ознакомление со многими местами (Север, Прибалтика, Центральная Россия, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Сахалин, Молдавия, Украина, Крым, Кавказ, Средняя Азия; Болгария, Польша, Германия), тем или иным образом связанными с политикой Александра II.

В работе впервые вводятся в научный оборот многочисленные, ранее не использованные архивные документы.

Во многом оригинальные материалы монографии, раскрывающие и некоторые малоизученные вопросы, призваны содействовать осмыслению и углубленному изучению нашего прошлого.

Приношу искреннюю благодарность за добрые советы и пожелания сотрудникам архивов, библиотек и музеев, оказавших мне содействие и помощь.

Документальной базой настоящего исследования послужили: А — материалы государственных и ведомственных архивов Российской Федерации, а также публикации документов, Б — мемуарная литература, В — переписка современников, Г — публицистика — газеты и журналы, а также отдельные сочинения современников, носящие публицистический характер.

Группа А. В основу книги, анализа и выводов легли документы из фондов ряда архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА), Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА), Архива внешней политики Российской Федерации (АВПР), Российского Государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ), Российского Государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Российского Государственного архива древних актов (РГАДА), а также отделов рукописей Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ), Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки (ОРК ГПИБ).

В ГАРФ одним из наиболее важных источников работы стал фонд Александра II (ф. 678); 1144 единицы хранения этого фонда систематизированы по девяти разделам, каждый из которых представляет определенную ценность для проведенного исследования. Например, в I разделе собраны материалы к личной биографии Александра II, в том числе документы, относящиеся к свадьбе его с принцессой Гессенской. II раздел составили учебные материалы будущего императора за 1825—1836 гг. IV раздел содержит материалы, относящиеся к военной и государственной деятельности царя и его правительства и т. д.

Ценные материалы почерпнуты в ГАРФ также в личных фондах: Константина Николаевича (ф. 722) — великого князя, брата Александра II; Горчакова А. М. (ф. 828) — государственного канцлера; Лорис-Меликова М. Т. (ф. 569) — министра внутренних дел; Александра III (ф. 678); Николая Николаевича-

старшего (ф. 646) — великого князя, брата Александра II, Главнокомандующего Дунайской армией; Романова В. А. (ф. 652) — великого князя, сына Александра II; Игнатъева Н. П. (ф. 730) — министра внутренних дел, директора Азиатского департамента МИД, посла в Турции; Каткова М. Н. (ф. 1718) — редактора газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник» и др.

В РГИА интересный материал был найден в документах высших правительственных учреждений, в которых отражена внутренняя политика правящих кругов. Отсюда извлечено немало сведений о преобразованиях в области государственной власти и управления, о проведении либеральных реформ второй половины XIX в. Хорошим источником по истории отмены крепостного права является ф. 1180 (Главного комитета по крестьянскому делу), хранящийся в архиве Государственного совета. Фонд объединяет 261 единицу хранения. В нем сосредоточены журналы заседаний Секретного и Главного комитетов, Редакционных комиссий, доклады, проекты, записки и значительная часть переписки об отмене крепостного права. В ф. 1275 (Совета министров) изучены отчеты, обзоры и записки о деятельности министерств: народного просвещения, финансов, государственных имуществ и II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии. Здесь же исследованы записки о преобразовании судебной части, материалы по преобразованию губернских и уездных земских учреждений и др.

В РГВИА найдено немало принципиально значимых документов, освещающих ход боевых действий. Они позволяют воспроизвести: события Крымской войны — ф. 481, подавление Польского восстания 1863 г. — ф. 484, военные действия на Кавказе — ф. 482.

Осмыслению русско-турецкой войны 1877—1878 гг. помогает ф. 485; а завоевание Средней Азии раскрывает ф. 483.

Большинство документов, связанных с преобразованием русской армии в 60—70-х годах XIX в., сосредоточено в фонде канцелярии Военного министерства, а также в фонде Военно-ученого архива (ВУА).

В АВПР для понимания задач и характера политики русского правительства в период царствования Александра II важное значение имеют фонды Канцелярии Министерства иностранных дел, Азиатского департамента, Департамента личного состава и др. Особенно любопытные материалы содержат ежегодные всеподданнейшие отчеты министра иностранных дел А. М. Горчакова.

По некоторым вопросам темы документы находятся в разных архивах. Например, по революционному движению важные источники имеются в фонде III Отделения и Особого присутствия Правительствующего сената (ГАРФ), в фондах Министерства юстиции, Канцелярии министра внутренних дел, Департамента

народного просвещения (РГИА). Ряд материалов можно найти в личных фондах А. А. Корнилова (ГАРФ), А. А. Кизеветтера (ОР РГБ), Б. Б. Глинского (РГАЛИ) и др.

В группе А среди опубликованных источников прежде всего следует выделить Полное собрание законов Российской империи (ПЗС)¹, а также Собрание трактатов, конвенций, соглашений по внешним сношениям России².

Сюда входят также материалы Государственного совета, Совета министров, Комитета министров, Правительствующего сената, всеподданнейшие доклады министров и главноуправляющих ведомствами, сборники постановлений министерств, документы различных комиссий и совещаний, служебная переписка, приказы по военному ведомству³ и др.

В эту же группу материалов мною включен официальный «Обзор царствования государя императора Александра II и его реформ 1855—1871»⁴ и «Годы учения императора Александра II»⁵.

В числе других к этой группе источников отнесена «Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля («Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах»)»⁶. Эта книга является пока единственным, известным науке в подлиннике, местным источником по истории борьбы горцев Дагестана за независимость в первой половине XIX в. Произведение охватывает весь период деятельности Шамиля и двух предшествовавших ему имамов — Гази-Магомеда и Гамзат-бека. Мухаммед Тахир, известный впоследствии дагестанский ученый, начал составлять это произведение вскоре после того, как Шамиль назначил его своим секретарем (1850—1851 гг.).

В группу Б включена мемуарная литература — дневники, воспоминания, заметки участников путешествий, военных походов и дипломатических миссий, описания научных экспедиций и т. п. При всем субъективизме, характерном для этого рода источников, они дают интереснейшие сведения, значительно расширяют наши знания о прошедших событиях, общественных и государственных деятелях, дополняют и уточняют официальные документы. Этот жанр повествования важен тем, что раскрывает «историю в человеке».

Ряд дневников и воспоминаний являются источником для изучения биографии Александра II. Раскрывая духовный мир, круг интересов, быт придворных кругов, представителей «высшего света», дворянства, буржуазии, чиновничества, молодежной среды, они интересны для познания духовной жизни представляемой ими социально-общественной сферы и потому приобретают историко-культурный интерес.

Весьма любопытные данные о рождении будущего императора Александра II и его родителях — великокняжеской чете Николае Павловиче и Александре Федоровне — содержат

воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны в период 1817—1819 гг. П. М. Дарагана, а также А. Т. Гримма⁷ — наставника великого князя Константина Николаевича. Мы не можем пренебречь и мельчайшими подробностями обстановки, в которой складывался характер Александра Николаевича в годы его учебы, отраженными в записках К. К. Мердера⁸ в продолжение его десятилетнего пребывания при особе наследника престола в качестве воспитателя. Быт императорской семьи, привычки и привязанности ее членов, светская жизнь Петербурга нашли отражение в воспоминаниях императрицы Александры Федоровны⁹.

Особенно ценным источником для истории 50-х годов прошлого столетия, характеристик членов царской семьи и конкретных картин той эпохи являются воспоминания и дневники А. Ф. Тютчевой — фрейлины жены Александра II, Марии Александровны¹⁰.

Любопытные детали о последних днях и минутах родителей Александра II — Николая Павловича и его супруги Александры Федоровны сообщают в своих воспоминаниях фрейлины А. К. Анненкова и баронесса М. П. Фредерикс¹¹.

В воспоминаниях князя В. П. Мещерского¹² лучшей частью являются те главы, которые относятся к жизни, болезни и лечению безвременно скончавшегося наследника Александра II — Николая Александровича.

Определенный интерес представляют «памятные книжки» Александра II, хранящиеся в его фонде (ф. 678) ГАРФ в Москве. Хотя большинство записей в них изложено кратко и сжато, тем не менее они позволяют уточнить время и ход проведения многих секретных совещаний.

Многие тайны политики раскрывают дневники брата Александра II и его ближайшего сподвижника на государственном поприще, великого князя Константина Николаевича, хранящиеся в его фонде (ф. 722) ГАРФ. Они охватывают обширный период с 1836 г. (с 9-летнего возраста его автора) до 1889 г.

Долгие годы Константин Николаевич находился в эпицентре важнейших исторических событий России, возглавлял Морское министерство, которое современники называли «министерством прогресса», активно возрождал мощный флот России, входил в состав различных комитетов и комиссий. Принимал деятельное участие во всех реформах Александра II, особенно в крестьянской реформе, отмене телесных наказаний и принятии устава общей воинской повинности. Председательствовал в Государственном совете с 1865 по 1881 г.

Некоторые детали времяпрепровождения членов царской фамилии содержат краткие дневниковые записи — «памятные книжки» наследника престола великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III, находящиеся в его фонде (ф. 677) ГАРФ. Дневники эти велись с 1862 по

1881 г. (с перерывом на 1877 г. — время пребывания в Дунайской армии).

Первоклассными источниками для изучения внутренней и внешней политики России, деятельности ее органов государственного управления, общественно-политической и культурной жизни страны являются мемуары таких высших царских сановников, как П. А. Валуев, Д. А. Милютин, Е. А. Перетц, С. Ю. Витте и др. Большой интерес представляют дневники П. А. Валуева¹³, занимавшего в 60—70-е годы крупные министерские посты империи и игравшего видную роль в проведении политики правительства. В дневнике, который он вел с очень раннего времени почти до смерти, собран громадный исторический материал, созданы психологические портреты многочисленных политических деятелей. Валуев критически, достаточно полно освещает последний период подготовки освобождения крестьян, проведение и ход других либеральных преобразований, особенно земской реформы.

Удивительно, что он строго осуждает деятельность высшей администрации за стеснение мысли, бюрократизм, излишнюю централизацию, как раз за то, в чем сам был повинен в значительной степени. Важно подчеркнуть, что автор не ограничивается изложением официального обсуждения проектов в тех или иных государственных инстанциях, но и приоткрывает закулисную сторону разногласий внутри правительственной сферы по поводу готовящихся преобразований, приводит интересные суждения Александра II, императрицы и близко стоящих к ним высокопоставленных лиц.

Величайшую ценность для исторической науки и для изучаемых нами вопросов представляют воспоминания и дневники военного министра Д. А. Милютина¹⁴, написанные с совершенно других позиций. На протяжении 96-летней жизни Милютина уместилось как бы несколько эпох. Он был свидетелем пяти последних царствований. Являясь крупным военным и государственным деятелем, стоявшим на либеральных позициях, Милютин активно участвовал в преобразованиях Александра II, непосредственно руководил военными реформами 1860—1870-х гг. Дневник велся Милютиным с апреля 1873 по 1899 г. В нем он отмечает массу интереснейших фактов о всех событиях государственной жизни, подробно излагает внутривластные события, раскрывающие потайную сторону жизни придворных и правительственных сфер, дает подробную характеристику Александру II.

Для понимания эволюции романовской монархии, развития экономики, железнодорожного транспорта страны большое значение имеют «Воспоминания» графа С. Ю. Витте¹⁵.

Свои воспоминания он писал в период 1907—1912 гг., находясь в отставке, формально оставаясь членом Государственного совета и председателем Комитета финансов Российской империи. В вос-

поминаниях Витте нельзя искать «бесстрастного фотографического пересказа» важнейших исторических событий русской истории, в которых он был и творцом и участником. Зато его уровень понимания, широкая эрудиция, близость к правящим сферам дают нам возможность ощутить «дыхание эпохи» преобразований. Мы узнаем много нового о кавказских наместниках, об университетских порядках, о железнодорожных королях России, о самом Александре II и его окружении. С. Ю. Витте не просто рассказывает о той или иной ситуации, но выявляет внутренние пружины и психологические мотивы поведения ее участников.

Существенным источником для изучения исхода царствования Александра II и перехода власти к Александру III является дневник государственного секретаря Е. А. Перетца¹⁶, когда он стоял ближе всего к правительственным верхам и был не только свидетелем, но и участником борьбы различных тенденций и группировок в этих верхах. Среди других вопросов в дневнике нашли отражение деятельность Государственного совета, министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова, назначение А. А. Абазы министром финансов, покушение на Александра II.

Живо и убедительно звучит «Дневник» выходца из крепостных крестьян, академика, историка русской литературы, деятеля цензуры А. В. Никитенко¹⁷, записи которого претерпели небольшую правку и сохранили живое своеобразие XIX в. А. В. Никитенко вел дневник на протяжении 60 лет, начиная с 14-летнего возраста. Скрупулезно отражая в своих записях великое множество событий литературы, общественных и политических явлений, он заносил в «Дневник» все, «чему свидетель в жизни был», и факты, и общественные отклики на них, и собственные размышления, вызванные ими. Последние 15 лет в дневниках Никитенко настойчиво звучит тема неподготовленности России к революции, опасности и ненужности социальных экспериментов в стране.

Живой и наглядный комментарий целой эпохи в истории русского самодержавия представляют воспоминания государственного деятеля, литератора и историка Е. М. Феокистова¹⁸, охватывающие время с конца сороковых до девяностых годов XIX в. В течение нескольких десятков лет он был своим человеком в правящей среде, сотрудничал в ряде центральных журналов. В 1883—1896 гг. являлся начальником Главного управления по делам печати, был ревностным сторонником Д. А. Толстого, К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова. Воспоминания писались им около десяти лет, с 1887 по 1896 г. на основании дневников, писем, документов, записей особо примечательных бесед, злободневных острот и анекдотов. Перед нами разворачивается настоящий калейдоскоп событий и лиц, очерченных тонко, с большой достоверностью, нередко безжалостно, даже зло.

Серию биографических портретов изучаемого нами периода оставил потомкам в своих «Петербургских очерках» публицист и

историк князь П. В. Долгоруков¹⁹. Стоящие между мемуарами и памфлетом, эти очерки сознательно заострены в заранее намеченном политическом направлении и служат обоснованием для кажущихся автору бесспорных политических выводов.

Характеристики Долгорукова умны, проницательны, выдают хорошее знание людей, понимание государственного механизма, приводимого ими в движение. Однако в некоторых из них раздражение, переходящее в брань, сильнее правды. В них ощущается непомерное и неуголенное честолюбие человека, претендовавшего на пост министра и не получившего его. Эмигрировав за границу, П. В. Долгоруков становится ренегатом собственного класса, участвует в редактировании «Колокола» и развивает бурную изобличительную деятельность. Несмотря на разные идейные позиции, Герцен отдавал должное Долгорукову, который, «подобно неумимому тореадору, не переставая, дразнил быка русского правительства и заставлял трепетать камарилью Зимнего Дворца»²⁰.

По темам судебной реформы и отмены телесных наказаний наибольшего внимания заслуживают воспоминания известного либерального русского юриста А. Ф. Кони²¹. Эти воспоминания ценны умением глубоко проникнуть в сущность сложных явлений, реалистичностью и непредвзятостью. Необыкновенная память, высочайший интеллект позволяли ему отображать в своих мемуарах с большой достоверностью факты общественно-политической и литературной борьбы XIX столетия, встречи со множеством разнообразных людей, быт и нравы минувших десятилетий. Большинство его воспоминаний может служить образцом мемуарного жанра, хотя некоторых государственных и судебных деятелей он незаслуженно восхваляет, а роль других преувеличивает.

Многие проблемы подготовки и проведения Польского восстания 1863 г. рассмотрены в мемуарах М. Муравьева, А. Мосолова, П. Черевина, И. А. Арсеньева, А. И. Дельвига и других²², каждому из которых был присущ свой стиль. Например, Муравьев освещал польские события как рьяный защитник твердой и неограниченной самодержавной власти. «Барабанный стиль» статей Арсеньева был наполнен советами властям, как следует бороться с национально-освободительным движением, что вызвало недовольство наместника. Мемуары Дельвига стилистически сухи, протокольно точны и детальны.

Яркие описания путешествий по Европе и Азии, предпринимавшихся с дипломатическими, торговыми, научными и туристическими целями отражены в книгах М. И. Венюкова, Н. П. Игнатьева, Л. Ф. Костенко, А. И. Кошелева, А. А. Татарина, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. А. Северцова, А. П. Федченко, Н. В. Ханькова²³ и др.

Все эти работы позволяют лучше уяснить обстановку того времени в России и соседних с ней странах.

Военные события в Закавказье, Средней Азии, Крымской и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. описаны в дневниках и воспоминаниях П. Д. Гагарина, Н. Н. Муравьева, М. Я. Ольшевского, П. Назарова, Г. Сяркового, В. И. Васильчикова, П. Паренсова, М. Газенкампа²⁴ и др.

Ряд сведений о личном участии Александра II в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. дают книги Л. М. Чичагова «Дневник пребывания царя-освободителя в Дунайской армии в 1877 году» и В. Соллогуба «Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 году»²⁵.

«Дневники» трактуют, так сказать, внешнюю сторону дела: о выездах царя на позиции, о посещениях им госпиталей, о смотрах проходившим войскам, с математической точностью указывают день, а иногда и час, передвижения главной квартиры государя с одной стоянки на другую, дают описание заседаний военного совета.

Огромный пласт мемуарной литературы оставили участники революционного, народовольческого движения.

Одной из вершин этого направления является мемуарно-автобиографическая книга А. И. Герцена «Былое и думы»²⁶, над которой он работал более 15 лет. По признанию самого автора, «Былое и думы» являются и записками, и мемуарами, и воспоминаниями, и исповедью. В этом итоговом труде Герцен охватывает все стороны жизни и все многообразные отношения людей — как социальные, политические, так и нравственные и личные. Неподражаема по своему богатству портретная галерея книги. «Ваши воспоминания, — писал Гюго 15 июля 1860 г., — это летопись чести, веры, высокого ума и добродетели»²⁷.

Большой интерес представляют также мемуары знаменитого «князя-революционера», известного анархиста П. А. Кропоткина²⁸. Как и Герцен, он был свидетелем и участником крупнейших социальных и политических событий России и Европы XIX в.

Записки П. А. Кропоткина содержат любопытные суждения о лицах царского двора, о Польском восстании и Интернационале. Апостол анархизма подробно рассказывает о возникновении нигилизма, распространении революционных идей в России и «хождении в народ». Хорошо знавший в лицо многих народовольцев, он оправдывает их действия, приведшие к гибели Александра II. В своих мемуарах Кропоткин выступает последовательным приверженцем революционного обновления общества.

В группу В вошел широкий круг эпистолярного наследия современников изучаемых нами событий. Немало писем опубликовано в журналах, особенно в «Русской старине», «Русском архиве» и «Библиотеке для чтения», в отдельных изданиях, посвященных жизни и деятельности членов августейшей фамилии, а также видных общественных и государственных деятелей.

Так, дорожные письма воспитателя С. А. Юрьевича во время путешествия по России с цесаревичем в 1837 г. позволяют нам

составить некоторое представление о 19-летнем Александре Николаевиче²⁹.

Весомый материал по польскому вопросу содержится в письмах видного славянофила И. С. Аксакова, записках П. Менькова³⁰ (в которых приводятся письма участников подавления восстания А. К. Гейнса и Н. Ф. Козлянинова) и др.

Однако большая часть писем хранится в личных архивных фондах: в ГАРФ — ф. 728 (Зимнего Дворца), ф. 815 (В. А. Арцимовича), ф. 1155 (Ростовцевых); в РГИА — ф. 851 (А. В. Головнина), ф. 869 (Милютиных), ф. 908 (П. А. Валуева), ф. 982 (С. С. Ланского); в РГАВМФ — ф. 224 (великого князя Константина Николаевича); в ОР РГБ — ф. 169 (Д. А. Милютина), ф. 231 (М. П. Погодина), ф. 265 (Самариных), ф. 327 (В. А. Черкасского); в ОР РНБ — ф. 14 (И. С. Аксакова), ф. 531 (А. С. Норова), ф. 650 (Романовых), ф. 652 (Я. И. Ростовцева), ф. 716 (В. А. Соллогуба).

Ценность писем состоит в том, что они во многом уточняют и дополняют документы, дневники и воспоминания современников.

И, наконец, в группу Г привлечена публицистика XIX в. Много ценных материалов изучено в журналах: «Военный сборник», «Исторический вестник», «Отечественные записки», «Русский архив», «Русская беседа», «Русский вестник», «Русская мысль», «Русская старина», «Современник», «Русское богатство», «Библиотека для чтения» и др.

Хорошим источником документальных материалов послужили и газеты: «Голос», «Московские ведомости», «Правительственный вестник», «Русские ведомости», «Русский инвалид» и др.

В исследовании использованы также некоторые иностранные газеты (австро-венгерские, английские, германские и французские), в том числе выходящие на русском языке («Русская мысль», Париж; «Новое русское слово», Нью-Йорк).

Естественно, для аргументации многих положений автор должен был использовать и широкий круг разнообразных источников, уже введенных в научный оборот. Прежде всего, имеются в виду некоторые внешнеполитические документы, мемуарная литература, труды русских общественных деятелей и другие материалы.

Как ни богаты письменные материалы об Александре II, в них, к сожалению, имеются заметные пробелы. Доступ ко многим историческим документам до последнего времени был ограничен из-за сознательно созданных препятствий.

Время, связанное с именем Александра II, широко отражено в дворянско-буржуазной и послеоктябрьской историографии. Всю эту литературу можно разложить на составляющие, описывающие биографию монарха, подготовку, проведение и реализацию Великих реформ, международные отношения, общественно-политические движения и др.

Биография Александра II Лучшая и наиболее полная до настоящего времени биография самодержца от рождения до смерти, на широком фоне разворачивающихся событий, была создана С. С. Татищевым в его фундаментальном двухтомном труде «Император Александр II. Его жизнь и царствование», вышедшем в С.-Петербурге в 1903 г. «Зародышем», по словам Татищева, этой книги было составленное им в 1896 г. «жизнеописание императора Александра II, помещенное в I томе «Русского биографического словаря», издаваемого Императорским Русским Историческим Обществом». Свою задачу биограф видел в том, чтобы «воскресить пред современниками незабвенный», «величавый и обаятельный образ царя-освободителя, которому он верою и правдою служил семнадцать лет»¹. В работе С. С. Татищева огромное количество фактов из правительственных архивов, материалов различных совещаний, комиссий, встреч и писем царя, его родственников, общественных и государственных деятелей.

Наиболее сильно и с «большим знанием дела»² изложены главы, посвященные внешней политике России и международным отношениям. В то же время этот несомненно талантливый фолиант создан с позиций апологетики существовавшего строя.

С этих же позиций отдельные частные вопросы биографии царя Александра Николаевича изложены в небольших брошюрах П. Устимовича, П. Ф. Алисова, Н. С. Гоппена, Д. Плетнева, П. П. Гадзяцкого, А. Клеванова, В. К. Надлера, А. Шумахера, А. П. Сафонова, А. Н. Ломана, С. И. Пономарева, А. И. Александрова, Е. А. Ефимова, П. Козлова, А. Г. Авчинникова, А. С.

Рождествина, Н. П. Дучинского, И. И. Иванова³ и др. Научная ценность этих работ, к сожалению, невелика.

Жизнь Александра Николаевича с момента рождения до совершеннолетия в ее главных чертах прослежена в заключительном очерке «Александр II и В. А. Жуковский» в книге Б. Б. Глинского «Царские дети и их наставники»⁴.

Автор, не преследуя целей научного изложения, давал легкое историческое чтение юношеству, как пособие к тем курсам отечественной истории, начиная с Петра I, которые изучались в свое время в учебных заведениях.

Глинский пытался показать, под чьим воздействием — родительского дома, классной комнаты и окружающей бытовой обстановки — сложились характер, наклонности и кругозор будущего императора.

Следует заметить, что длительное время, начиная с октября 1917 г. и примерно до конца 80-х годов, во всех исторических работах советских исследователей времени царствования Александра II четко просматривался классовый подход.

Всячески подчеркивалось преимущество марксистско-ленинской методологии и с этим связывалось «подлинно научное» изучение исторических событий. Особая роль отводилась классикам марксизма-ленинизма, каждый тезис которых, любое их высказывание считалось истиной в последней инстанции. Научность любой работы непосредственно связывалась с цитированием К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Чем больше было ссылок на классиков, тем более научной считалась работа. И в этой характерной особенности, на мой взгляд, не было вины самих историков. В противном случае их работы могли быть просто не опубликованы. Несмотря на такую одиозность, многие публикации выполнялись на довольно приличном научном уровне.

В первые десятилетия после Октябрьской революции наблюдался резкий спад интереса к личности Александра II и его окружению. Видимо, это объясняется методологической установкой для советских литераторов и ученых, которые в отличие от «буржуазных авторов», исходящих из идеалистических концепций о решающей роли личности в истории, обращали основное внимание на историю народных масс — «подлинных ее творцов и создателей материальных благ». Свое влияние оказывали регулярные идеологические проработки против чуждого влияния «буржуазной науки», борьба с «великодержавным шовинизмом»⁵, принудительная высылка литераторов и историков за границу⁶.

Выходящие в эти годы очерки об Александре II далеки от объективности, и по форме и по содержанию они напоминают памфлеты, несущие на себе печать социально-политического обличения.

В 1922 г. в журнале «Былое» появилось небольшое повествование Н. Н. Фирсова «Александр Второй»⁷, в котором давалась резко критическая оценка личности Российского императора.

Справедливо подметив двойственность характера властителя России, автор старательно обошел прогрессивные стороны Великих реформ, начатых по инициативе монарха.

Через два года в издательстве «Петроград» С. Любош опубликовал брошюру «Последние Романовы», в которой есть очерк и об Александре II⁸. С первых до последних строк этого краткого описания ощущается концептуальная заданность — сознательно принизить большие шаги во внутренней и внешней политике Александра II и всячески возвеличить роль революционеров-террористов.

В 1927 г. вышла книга писателя Г. И. Чулкова «Императоры: Психологические портреты», переизданная издательством «Московский рабочий» в 1991 г.⁹ В предисловии к книге в сентябре 1927 г. Чулков отмечал: «Мне кажется, наступило время, когда мы можем писать не только страстные памфлеты против поверженных монархов, но и спокойно зарисовывать их личины. События и люди красноречивы сами по себе». Он так определил творческий метод создания психологических портретов российских императоров (от Павла I до Александра III): «...в своем изложении фактов я как бы становлюсь время от времени на точку зрения самих царей». Вместе с тем важно отметить, писатель предлагает и собственное видение минувших событий, с которым не всегда можно согласиться.

Ряд суждений писателя об Александре II и его времени не находят подтверждения в изученных мною архивах и противоречат логике событий и фактов. Например, чего стоит такое выражение: «В галерее государственных деятелей «эпохи реформ» вы найдете людей иногда противных и ничтожных, иногда, напротив, внушающих к себе уважение и сочувствие, но в этой галерее вы тщетно стали бы искать людей, сознающих свое право на власть»¹⁰. Разве брат царя великий князь Константин Николаевич, граф М. Т. Лорис-Меликов или братья Н. А. и Д. А. Милютины не отвечают этим требованиям?

В целом, несмотря на проявленное незаурядное литературное дарование, Г. И. Чулков создал малосимпатичный и, на мой взгляд, недостаточно объективный образ Александра II. Автор вскользь, как бы мимоходом, вспомнил о великих преобразованиях в империи.

В 1992 г. в исторической серии издательства «Знание» опубликована небольшая брошюрка А. И. Яковлева «Александр II и его эпоха»¹¹. Автор в довольно сдержанных тонах анализирует личность и деятельность Александра Николаевича Романова, как консервативного революционера, воссоздает исторически достоверный, противоречивый портрет царя-освободителя. В сжатой форме Яковлев рассказывает об основных реформах Александра II. Кратко показана положительная роль великого князя Константина Николаевича, великой княгини Елены Петровны, Я. И. Ростовцева, Н. А. и Д. А. Милютиных. Достоинно сожаления, что

автор изначально отбросил показ деятельности Александра II в сфере внешней политики.

В том же году журнал «Вопросы истории» (№ 6 и 7) напечатал под рубрикой «Исторические портреты» очерк доктора исторических наук, профессора МГУ Л. Г. Захаровой «Александр II»¹². Богатый педагогический и научно-исследовательский опыт, кропотливый и тонкий труд позволили автору ёмко и выразительно на нескольких страницах создать правдивое жизнеописание российского монарха от рождения до его трагической смерти на фоне сложнейших событий внутренней и внешней жизни страны. Публикация отличается высоким научным уровнем, документальной обоснованностью, четкостью и доходчивостью, что, впрочем, характерно для всех печатных исторических работ Л. Г. Захаровой. К сожалению, из очерка трудно понять отношение автора к революционному терроризму.

В 1993 г. указанный материал в несколько расширенном виде был помещен в сборнике «Российские самодержцы (1801—1917)»¹³.

О жизни и деяниях Александра II в издательстве «Владос» в 1994 г. вышла брошюра Л. М. Ляшенко¹⁴. Опираясь на многие печатные источники автор приводит внушительный набор характеристик реформаторов и ретроградов второй половины XIX в. В работе основное внимание уделено подготовке крестьянской реформы и очень немного, мимоходом говорится о других реформах Александра II. Из поля зрения Ляшенко совсем выпали вопросы Дальневосточной политики России и присоединения Кавказа. Всего несколько строчек посвящено Среднеазиатской политике. Кое-где допускаются досадные неточности. Так, вскоре после рождения Александра Николаевича, Ляшенко в тексте называет его цесаревичем, тогда как этот официальный титул тот получил после смерти великого князя Константина Павловича манифестом Николая I от 30 августа 1831 г. На с. 14 говорится о том, что один из совоспитанников Александра Николаевича Иосиф Виельгорский был послан императрицей в Крым для распределения помощи раненым, наладил дело, заразился тифом и умер. На самом деле Иосиф Виельгорский задолго до этого, в 1839 г. умер в Италии. Или, например, автор ошибочно пишет, что Александр II скончался после последнего покушения через девять часов. На самом деле царь умер через 1 час 50 минут.

Большой интерес для исследователей представляют письма, дневники и воспоминания современников Александра II, собранные В. А. Чернуха в книге «Александр Второй», выпущенной Пушкинским фондом в СПб в 1995 г.

Жизнеописание Александра II привлекало и зарубежных авторов. О нем писали М. Палеолог, С. Грэхем, Г. Троят, Е. Альмединген, Вс. Николаев¹⁵ др.

Морис Палеолог — бывший посол Франции в России с июля 1914 г. по май 1917 г., помимо своих мемуаров оставил потомкам

небольшое, но удивительное по содержанию историческое исследование «Александр II и Екатерина Юрьевская», вышедшее в Париже в 1922 г., а в 20-х годах переведенное на русский язык. Палеолог описывает интимные отношения Александра II с морганатической супругой княгиней Е. М. Долгоруковой-Юрьевской со слов ее самой или близких к ней лиц. Кроме того, в его распоряжении была личная переписка, которую княгиня передала послу незадолго до своей кончины в 1922 г. Известно, что вся переписка между Александром II и его второй супругой велась на французском языке. Лишь редкие отдельные слова и выражения были русские, случайно включенные в эти письма. Позже письма Александра II и княгини Долгоруковой-Юрьевской были переведены на английский язык и изданы Александром Тарсаидзе¹⁶.

Особого внимания заслуживает историческая биография Александра II, созданная академиком Всеволодом Николаевым. В свое время В. А. Николаев был директором Института истории при Болгарской академии наук, затем попал из Болгарии на Запад, работал в Бельгии, а с 1960 г. — в США. В своей объемной работе, состоящей из 5 частей (31 глава), автор значительное место отводит детству, отрочеству и юности будущего императора и периоду Крымской войны (16 глав). Многие главы написаны ярко и эмоционально, с большой симпатией к Александру II — человеку, государственному деятелю, политику и дипломату. Достойны похвалы страницы книги об отношениях России с США, Англией, Францией, освобождении Болгарии от турецкого ига. В то же время непонятно, почему автор обошел молчанием завершение Кавказской войны, политику России на Дальнем Востоке и Средней Азии. В книге имеются отдельные погрешности. Например, говоря об общественных силах, автор утверждает, что славянофильское движение возникло во время нашествия полчищ Наполеона на Россию как оппозиция западничеству. На самом деле славянофильство выступило впервые в виде целостной системы взглядов в 1839 г. Описывая Берлинский конгресс, Вс. Николаев в числе трех основных представителей от России вместо Убри называет Гирса, который в то время находился в С.-Петербурге. Горчакову было на конгрессе не 85 лет, как пишет автор, а 80 (родился 4 июля 1798 г.).

Перечисленными выше работами в основном исчерпывается историография, непосредственно посвященная биографии Александра II.

Однако историография, связанная с периодом его царствования, многогранна и обширна.

**Крымская война
1853—1856 гг.**

Крымская война получила освещение во многих отечественных и зарубежных работах. Русские дворянские историки — генералы М. И. Богданович, Н. Ф. Дубровин, А. М. Зайончковский¹⁷ и другие ввели в научный оборот

внушительное число фактов, подробно раскрыли ход боевых действий, показали многих участников героической обороны Севастополя. Они оправдывали внешнюю политику Петербурга и объясняли причины поражения России ошибками отдельных генералов, не решаясь критиковать порочность крепостнических порядков, экономическую и военную отсталость своей страны, паразитизм и тупость части военно-чиновничьей верхушки и аристократического офицерства. Некоторые отечественные историки (Н. И. Николаев)¹⁸ считали причиной поражения России «превосходство западной культуры» и делали из результатов Крымской войны выводы о необходимости буржуазных преобразований.

Своеобразную историческую концепцию Крымской войны сформулировал М. Н. Покровский в 1908—1924 гг.¹⁹ Бичуя внешнюю политику самодержавия, он в то же время не дал объективного освещения Крымской войны: обошел молчанием агрессивную политику европейской буржуазии, не обмолвился ни словом о героическом сопротивлении русских солдат и матросов в осажденном Севастополе. Для работ советских историков 20-х—начала 30-х годов характерна классовая оценка социально-экономического положения, недостаточность источниковедческой базы, умаление храбрости и героизма защитников нашего Отечества.

В дальнейшем фундаментальный труд Е. В. Тарле (1943 г.), работы 50—60-х годов Б. И. Зверева, А. Степанова, Л. Горева, И. В. Бестужева, В. Поликарпова, Г. И. Семина²⁰ и других дали более подробный анализ дипломатической и военной истории 1853—1856 гг., показали ее подлинных героев. Наиболее полным и глубоким исследованием Крымской войны, несмотря на отдельные пробелы и ошибки, является двухтомник Е. В. Тарле, написанный с позиций высокого патриотизма. Большое место автор отвел дипломатической истории этого военного столкновения. По-новому и более детально он осветил ряд проблем, например, о вступлении Австрии во враждебную России коалицию, о сложной, роковой и вполне удавшейся прусским и австрийским дипломатам интриге, которая безнадежно рассорила Николая I с Наполеоном III, о роли И. Ф. Паскевича в уходе русских войск из Молдавии и Валахии, о предыстории парижских мирных переговоров и о тайной антианглийской политике Наполеона III, о неожиданной существенной помощи, которую он оказал в этой связи А. Ф. Орлову в феврале и марте 1856 г. и др.

Некоторые идеи Тарле были развиты в 1950-е годы в монографиях Л. А. Горева и И. В. Бестужева²¹. Вопросы русского военного искусства, доблесть и мужество защитников Севастополя, просчеты командования одной и другой стороны нашли отражение в работах Л. Г. Бескровного, Б. И. Зверева и Г. П. Мещерякова²².

В 1960—1970 гг. опубликованы исследования Е. Е. Бурчуладзе, А. М. Погосяна, Х. М. Ибрагимбейли²³, в которых показано участие кавказских народов в Крымской войне, их взаимоотношения с Россией, Турцией и Ираном.

Зарубежные историки К. Базанкур, А. Кинглек, Х. Темперлей, А. Мале, К. Виллами²⁴ и другие стремились исказить саму постановку вопроса о «виновниках» Крымской войны, найти оправдание политике правящих кругов союзников и преувеличить успехи их войск.

Подробно ход Крымской войны осветили К. Маркс и Ф. Энгельс в серии своих статей, вошедших в 9, 10 и 11-й тома сочинений (второе издание, 1957—1958 гг.)²⁵. Статьи содержат ценные выводы о политике правящих кругов, ввергнувших народы в войны, анализируют условия военных действий, стратегию и тактику и представляют немалый интерес, в первую очередь, для военных специалистов и историков военного искусства. При чтении военных статей Энгельса следует учитывать, что, располагая часто только тенденциозной информацией западноевропейской прессы, Энгельс иногда допускал одностороннюю оценку некоторых военных операций, как например, синопского сражения или взятия Бомарсунда.

В более поздних работах западных исследователей появляются новые, ранее неизвестные документы. Например, в монографии В. Моссе²⁶ приведены данные о подписании англо-австро-французского секретного соглашения против России, включавшего создание так называемой Крымской системы.

При всей широте диапазона исследований, посвященных Крымской войне, целый ряд ее проблем еще не разработан до конца. Специальных исследований заслуживают интересы западноевропейских держав и Турции в восточном вопросе, реальные действия их правительств. Анализ основных сражений войны требует всестороннего учета объективных и субъективных факторов, более широкого освещения непосредственных участников событий с привлечением отечественных и иностранных источников. До сих пор недостаточно полно исследована история Парижского конгресса и борьба России за отмену его решений.

Общие труды по истории Великих реформ

Весомое место в дореволюционной историографии о царствовании Александра II отведено

периоду Великих реформ. Самым ярким произведением из этого ряда литературы является книга известного либерального публициста Г. Джаншиева «Эпоха великих реформ»²⁷, выдержавшая с 1892 по 1907 г. 10 изданий.

Как отмечал А. Ф. Кони, в этом документальном повествовании «Тщательное изложение хода законодательных работ» перемежается «с яркими образами работников и отголосками

литературных мнений»²⁸. Причем, как неоднократно подчеркивалось, Джаншиеву свойственны «образность языка, выпуклость характеристик и остроумие политических страниц», «и хотя почти отсутствует очерк подготовки реформ, совершенно нет классового характера крестьянской реформы, не выяснены ее экономические предпосылки, тем не менее почетный титул «первого историка эпохи великих реформ», который дан Джаншиеву таким компетентным судьей, как П. Н. Милюков, вполне им заслужен»²⁹.

О различных сторонах преобразований во времена Александра II писали А. А. Головачев, А. Вертеловский, В. О. Ключевский, А. А. Титов, А. А. Корнилов³⁰ и др.

Публицист А. А. Головачев, состоящий постоянно в оппозиции к правительству, в своих исследованиях указывал на разрыв между проектами реформ 60-х годов и их реальным осуществлением. Он уверял, что пореформенный строй «весь проникнут началами крепостного права»³¹.

Несколько иную оценку реформам дал знаменитый историк В. О. Ключевский. «Русская жизнь, — писал он, — стала передвигаться на основании, общем с теми началами, на каких держится жизнь западноевропейских обществ, следовательно, давно усвоенные идеи, составлявшие весь запас европейской культуры, теперь нашли себе родственную почву»³².

Историк и общественный деятель А. А. Корнилов, для работ которого характерен легкий слог, умелый подбор и систематизация фактического материала, был последовательным сторонником либеральных реформ, отвергал крайние эксцессы как революции, так и реакции.

В послеоктябрьский период реформы 1860—1870-х годов нашли отражение прежде всего в учебниках для вузов³³. Помимо этого впервые обобщенный материал о реформах второй половины XIX в. вышел отдельной брошюрой в 1988 г. как межвузовский сборник научных трудов³⁴. В сборник вошли работы историков и юристов по вопросам крестьянской, судебной, университетской, городской и цензурной реформам. В нем также была дана критическая оценка либеральных реформ в России в освещении англо-американской историографии. Все материалы сборника написаны с позиций ярко выраженного классового подхода.

На принципиально другой основе сборник о Великих реформах был издан в 1992 г.³⁵ В нем использованы материалы научной конференции, состоявшейся в мае 1989 г. в Пенсильванском университете США. Представленные в сборнике исследования российских и зарубежных ученых отличаются новыми, оригинальными подходами, не изучавшимися ранее аспектами реформ, а также широкими концептуальными обобщениями и выводами. Книга посвящена памяти профессора Московского государственного университета П. А. Зайончковского.

Изучением грандиозных преобразований в России XIX в. занимались многие крупные зарубежные ученые. Среди них следует назвать К. Кардонна, Ж. Еекардта, А. Леруа-Болье, Э. Омана, С. Томпкинса, В. Моссе, Н. Рязановского³⁶.

Большинство из них дает высокую оценку осуществлению реформ и прежде всего крестьянского «освобождения». Они отмечают благородство замыслов императора Александра II и непреходящую моральную ценность эмансипации крестьян.

Крестьянская реформа Дореволюционные историографы в своих книгах, посвященных преобразованиям Александра II, больше всего уделили внимания крестьянской реформе 1861 г., знаменовавшей начало буржуазной России.

В числе первых различные аспекты реформы поднимали в своих работах Г. Янсон, Л. В. Ходский, И. Иванюков, В. Ленский, М. И. Сухомлинов, Н. Дружинин, Н. П. Семенов, В. Сваричевский, Н. Сахаров³⁷. Среди них наиболее глубокой книгой о реформе, основанной на документальных материалах, явилась монография экономиста И. Иванюкова «Падение крепостного права в России», вышедшая в 1882 г.

Иванюков основное внимание уделил процессу подготовки реформы, только в главе «Наделы и повинности крестьян» остановился на их экономическом положении после отмены крепостного права³⁸.

Широкую известность в свое время имела и работа Л. В. Ходского «Земля и земледелец»³⁹, в которой автор посвятил специальную главу реализации «Положений» 19 февраля 1861 г. Так же, как и предыдущий исследователь, в восторженных тонах освещает крестьянскую реформу известный публицист Г. Джаншиев в книге «Эпоха великих реформ».

В канун революции 1905 г. появились публикации историка А. А. Корнилова⁴⁰, в которых он отдавал предпочтение в разработке крестьянской реформы либеральному дворянству. Корнилов привлек к обоснованию своих материалов немало мемуарных и эпистолярных источников.

Крупным шагом вперед в изучении крестьянской реформы в связи с ее 50-летием явилось шеститомное издание «Великая реформа»⁴¹. В этом издании, состоящем из нескольких десятков научно-популярных статей, принимали участие видные демократически настроенные исследователи-историки В. Д. Бонч-Бруевич, А. К. Дживелегов, И. И. Игнатович, С. П. Мельгунов, А. З. Попельницкий, В. И. Пичета и др.

В целом, подводя итоги дореволюционной историографии реформы 1861 г., следует подчеркнуть, что из большого круга проблем меньше всего была исследована наиболее важная из них — реализация реформы.

В первые послереволюционные годы верховенство «школы» М. Н. Покровского тормозило изучение проблемы эмансипации крестьян. Он ошибочно считал, что реформа 1861 г. задержала развитие капитализма в стране.

В 1920—1930-е годы начинают проводиться конкретно-исторические исследования по подготовке и проведению реформы, основанные на привлечении источников центральных и местных архивов, в том числе и в национальных районах⁴². Одной из заметных работ стал научно-популярный очерк Е. А. Мороховца «Крестьянская реформа 1861 г.»⁴³, где история падения крепостного права фактически заменялась «описанием классовой борьбы крестьян против крепостничества и реформы, проведенной крепостниками-магнатами»⁴⁴.

Слабой стороной всех работ того времени явилось полное пренебрежение сравнительно-историческим методом, сопоставлением изучаемых процессов с аналогичными явлениями в странах Запада. Более детальное и глубокое изучение крестьянских реформ начинается со второй половины 1940-х годов. Пишутся статьи и монографии, основанные на местных материалах, появляются общие труды по истории крестьянского движения XIX в.⁴⁵

Крупными обобщающими исследованиями реформы явились работы талантливого профессора истории Московского государственного университета П. А. Зайончковского «Отмена крепостного права в России» и «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.»⁴⁶ Обе эти книги написаны на основе глубокого осмысления обширного круга исторических источников. Первая работа основательно раскрывает социально-политическое положение России первой половины XIX в., освещает ход подготовки реформы, подробно анализирует «Положения» 19 февраля 1861 г. Большое внимание в ней уделено вопросам реализации реформы: составлению уставных грамот, заключению выкупных актов и крестьянскому движению в начале 60-х годов. Вместе с тем в работе характеризуются реформа государственных и удельных крестьян и условия отмены крепостного права на Кавказе и в Бессарабии. Данная монография была переиздана в 1960 и 1968 годах. Во 2-м и 3-м изданиях ее была существенно увеличена глава о деятельности Секретного комитета по крестьянскому вопросу, что позволило расширить представление о борьбе в правящих кругах и позиции самого Александра II.

Вторая книга посвящена реализации реформы в различных экономических районах России, в том числе на Украине, в Белоруссии и Литве.

В 1960—1990-х годах историография крестьянской реформы обогащается серьезными исследованиями Н. М. Дружинина, И. Д. Ковальченко, Б. Г. Литвака, Л. Г. Захаровой, В. А. Федорова⁴⁷. Большим достоинством работ Литвака и Захаровой является показ формирования правительственной программы через

деятельность готовивших реформу людей, в столкновении их взглядов и позиций. В последней работе Б. Г. Литвака (1991) рассматривается влияние крестьянской и других реформ на ускорение процесса развития капитализма в России. В книге Л. Г. Захаровой приводится высоко аргументированное историографическое предисловие о крестьянской реформе.

Общий недостаток исследователей отмены крепостного права в послеоктябрьское время проявляется в тенденции к преувеличению крестьянского движения периода подготовки и реализации реформы.

История реформы 1861 г. привлекала внимание и зарубежных авторов. Первыми иностранными авторами, писавшими о крестьянской реформе в России, были французы Леруа-Болье и Кардонн⁴⁸. Среди немецких исследователей крестьянской реформы одним из первых был Энгельман⁴⁹.

Наиболее насыщенный этап зарубежной историографии крестьянской реформы начинается примерно со второй половины 1960-х годов. В американской литературе появляются два весомых исследования: Т. Эммонса «Русское поместное дворянство и освобождение крестьян в 1861 году» (1968) и Д. Филда «Конец крепостничества. Дворянство и бюрократия в России. 1855—1861» (1976)⁵⁰. Обе книги основаны на широкой источниковой базе, большая часть которой опубликована. В работе Эммонса значительное место отводится либеральному движению, подчеркивается определяющая его роль в подготовке реформы. Филд в своей книге, разбирая причины реформы, отрицает концепцию «революционной ситуации». В обоих исследованиях содержится немало спорных суждений.

В 1970—1980-е гг. опубликовали свои работы Д. Бейрау, Б. Линкольн, Д. Орловский, У. Пинтнер, К. Ровней, В. Николаев⁵¹ и другие, в них освещаются различные аспекты крестьянской реформы. В книге Всеволода Николаева кратко прослеживаются основные этапы подготовки реформы и даны интересные характеристики некоторым членам Секретного и Главного комитетов по крестьянским делам.

Приведенная историография крестьянской реформы, естественно, далеко не полна. Несмотря на значительное число различных публикаций, комплекс проблем, связанных с отменой крепостного права, во многом не исчерпан. Дальнейшего всестороннего изучения требуют как подготовка, так и результаты реформы в различных регионах России (работа губернских дворянских комитетов, деятельность мировых посредников, уставные грамоты, выкупные сделки и др.).

Богатейший документальный материал реформы нуждается в новом объективном осмыслении, без излишней идеологизации и политизации. Особенно важно непредубежденным взглядом оценить влияние реформы на последующее экономическое и политическое развитие России.

Исследованием проблем земства в прошлом веке в числе первых занимались В. Н. Лешков, А. И. Васильчиков, Б. Н. Чичерин, А. А. Головачев, В. П. Безобразов⁵² и др.

Взгляды профессора юридического факультета Московского университета В. Н. Лешкова и видного экономиста князя А. И. Васильчикова, связанные с идеями славянофилов, выражали так называемую «общественную» теорию самоуправления. Авторы этой теории противопоставляли земские учреждения государственному, как и государству вообще. Правильное развитие земской организации, по их мнению, должно привести к мирному разрешению всех социальных, аграрных и политических вопросов. Проанализировав системы самоуправления Англии, Франции и Пруссии, А. И. Васильчиков сделал вывод, что ни одна из этих систем не может быть перенесена на русскую почву.

Видный теоретик государства и права Б. Н. Чичерин считал, что введение представительных учреждений потребует сильной власти в лице самодержавия, которое будет контролировать и местные дела.

Общественный деятель и публицист А. А. Головачев утверждал, что земские учреждения могут принести «действительную пользу» только в том случае, если они будут действовать самостоятельно, а не под контролем администрации. Наоборот, экономист В. П. Безобразов в своей работе, напечатанной в 1874 г., единственный путь к процветанию земства видел в объединении его с государственным управлением.

Теория местного самоуправления получила дальнейшее развитие в работах членов Юридического общества при Петербургском университете А. Д. Градовского, Н. М. Коркунова, М. И. Свешникова, К. К. Арсеньева⁵³ и др. Ими были подготовлены многочисленные и интересные исследования по проблемам местного управления в России и ряде стран Европы, вопросам о пределах власти и ответственности губернаторов, о всесословной волости, о фиксации земского обложения, о земельной адвокатуры и об отношении земства к народному образованию.

Видный государственный деятель России С. Ю. Витте в своей конфиденциальной записке «Самодержавие и земство»⁵⁴, напечатанной в Штутгарте в 1901 г. и позже переизданной в Петербурге, доказывал, что земские учреждения «не соответствуют самодержавному строю» и что при дальнейшем развитии они должны будут привести к конституции.

Наиболее полным, обобщающим фундаментальным исследованием земства явилась четырехтомная монография московского ученого и публициста Б. Б. Веселовского «История земства за 40 лет»⁵⁵, вышедшая в 1909—1911 гг. Работа изобилует конкретными сведениями о различных прогрессивных сторонах деятельности земских учреждений.

Важным шагом в историографии земства можно считать появление специальных работ об отдельных направлениях земской жизни: кооперации, народном образовании, медицине, статистике⁵⁶ и др.

В связи с юбилеями земств выходили обзорные исследования их деятельности⁵⁷.

Немало ценных материалов содержат юбилейные издания центральных органов, в той или иной мере осуществлявших руководство земствами.

Для подготовки настоящего исследования были также использованы «Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие 1855—1880 гг. (СПб., 1880); «Министерство внутренних дел. Исторический очерк» (СПб., 1901); «Государственный Совет. 1801—1901 годы» (СПб., 1901); «История Сената за 200 лет, 1711—1911» (СПб., 1911).

Декретом Советского правительства земства были упразднены в 1918 г. Произошел резкий спад публикаций по этой тематике. В 1920—1930-е годы были написаны немногие работы, в которых отражались лишь отдельные вопросы земства⁵⁸. Стала намечаться тенденция отрицания позитивного значения земской реформы. В этом плане влияние оказала позиция академика М. Н. Покровского⁵⁹, считавшего введение земского самоуправления в 1864 г. шагом назад.

В 1940—1960-е годы в советской историографии определился более объективный взгляд на значение земских учреждений. Появились хорошо аргументированные исследования, освещающие разные аспекты земской реформы. В докторской диссертации В. В. Гармизы (1948), вышедшей отдельной монографией в 1957 г.⁶⁰, подробно исследован вопрос о подготовке земской реформы 1864 г. Книга Л. Г. Захаровой (1968) убедительно раскрыла причины принятия земской контрреформы 1890 г.⁶¹ Вопросы истории земского самоуправления затрагивал в своих работах известный профессор МГУ П. А. Зайончковский⁶².

С конца 1950-х годов историография земской реформы пополнилась исследованиями о местном самоуправлении в отдельных губерниях⁶³.

Наиболее основательное освещение земская проблематика получила в обобщающих работах Н. М. Пирумовой 1977 и 1986 гг.⁶⁴ В первой книге показана история земского либерального движения, во второй — земской демократической интеллигенции.

Завершающий, драматический период существования земства и его ликвидации в 1917—1918 гг. раскрыт в работе Г. А. Герасименко «Земское самоуправление в России» (1990)⁶⁵. Автор, к сожалению, находясь на позициях классового подхода, не нашел добрых слов в защиту такой влиятельной системы местного самоуправления как земство В 1992 г. об учреждениях земства в 1864—1879 гг. со знанием дела рассказал в своем научном очер-

ке сотрудник Государственного Исторического музея Ф. А. Петров⁶⁶.

Крупным вкладом в дальнейшее изучение отечественного местного самоуправления стала книга Л. Е. Лаптевой «Земские учреждения в России» (1993)⁶⁷. Автор скрупулезно провела специальное юридическое исследование проблем функционирования земских учреждений в нашей стране, созданных реформой 1864 г. В работе глубоко, с широким привлечением нового документального материала анализируются особенности правового положения земств, их статус в системе государственных учреждений России и основные направления деятельности.

Из числа источниковедческих работ обращают на себя внимание исследования В. А. Нардовой и В. Г. Чернухи (1978)⁶⁸, раскрывающие динамику подготовки отдельных законов земства.

Зарубежная историография традиционно представляет земскую реформу как стремление самодержавия подражать западным образцам. Такой подход, например, ясно просматривается в работах Д. Маккензи Валласа, А. Леруа-Болье и С. Ф. Старра⁶⁹. Англо-американские ученые В. Рубол, Р. Мэннинг и Т. Эммонс⁷⁰ много внимания в своих исследованиях уделяют последствиям земской реформы, влиянию либеральной оппозиции, кризису самодержавия.

В итоге следует отметить, что историография земской реформы 1864 г. также требует своего дальнейшего развития. Ведь большая часть исследований по земству написана в дореволюционный период. Нужны новые подходы и поиски, непредвзятый взгляд на развитие местного управления. Особенно важно установить, что следует ныне заимствовать из полувекового опыта хозяйственной деятельности земских учреждений, их влияния на народное образование и здравоохранение, организацию благотворительных заведений, страхование имущества, местной торговли, почты и др.

Городская реформа

Историография городской реформы 1870 г. разработана весьма скудно.

Первопроходцами в дореволюционный период по этой теме были И. И. Дитятин, Г. А. Джаншиев, К. А. Пажитнов, В. И. Пичета, Г. И. Шрейдер⁷¹. Правовед Дитятин посвятил свое исследование подготовке Городового положения, а другие названные авторы основное внимание уделили критическому анализу самого закона 1870 г.

Целый ряд обзорных материалов о деятельности городского самоуправления появился в свет в связи с 40-летием Городового положения и 100-летием Жалованной грамоты городам⁷². Среди этих изданий обращает на себя внимание отчет о десятилетии С.-Петербургского городского общественного управления. Автор этого отчета гласный думы, видный либеральный общественный деятель, редактор журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевич кри-

тически проанализировал избирательный закон, процедуру рассмотрения думских ходатайств, отсутствие четкой разграниченности обязанностей общественного управления и администрации, совмещение обязанностей председателей думы и управы и др.

Толковый материал по истории разработки городской реформы и разбор Городового положения содержится в объемистом труде «Столетие с.-петербургского городского общества»⁷³, подготовленном И. И. Дитятиным, ставшим к тому времени профессором Харьковского университета. Выражая несогласие с консервативными силами, пытавшимися перечеркнуть положительную деятельность органов самоуправления, автор в заключительной главе работы приводит убедительный перечень конкретных полезных мероприятий думы.

Серию интересных статей и очерков, посвященных истории и разным сторонам деятельности Московского городского управления создал гласный этой думы, а затем редактор ее периодического органа М. П. Щепкин⁷⁴. Любопытный материал собрал в своей книге «К вопросу о реформе городского общественного управления» (1890) харьковский городской голова И. О. Фисенко⁷⁵. Исходя из личного опыта, он попытался проанализировать 20-летнюю деятельность городских учреждений и выявить основные причины, тормозящие успешное развитие городского хозяйства и благоустройства.

Повышенный интерес к городской реформе 1870 г. проявлялся в начале XX в. в связи с изменением избирательного закона в С.-Петербурге и неприятием контрреформы 1892 г.⁷⁶ В литературе этих лет наблюдается некоторая идеализация закона 1870 г. Единственным серьезным минусом Городового положения 1870 г. признавался избирательный закон.

Развернутая характеристика городской реформы предпринята в статьях Г. И. Шрейдера и В. И. Пичеты⁷⁷.

В советское время историко-научных исследований городского самоуправления России проводилось немного. Более всего повезло истории Московского городского общественного управления. Она проанализирована в диссертациях Б. В. Златоустовского («Московское городское самоуправление в период буржуазных реформ 60-х годов XIX в.»), Э. А. Павлюченко («Московское городское управление в 70—80-х годах XIX в.») и Л. Ф. Писарьковой («Московское городское общественное управление с середины 1880-х годов до первой русской революции»), освещающих период с 1860 по 1905 гг.

Подробные очерки о самоуправлении в столичных центрах содержатся в многотомных изданиях «История Москвы» и «Очерки истории Ленинграда»⁷⁸.

Ряд аспектов правительственной политики в вопросах общественного управления в некоторых губернских городах отражен в работах М. А. Горловского, Н. Н. Байдаковой и Л. Ф. Писарьковой⁷⁹.

В 1984 г. вышла в свет монография В. А. Нардовой, которая в следующем году была защищена как докторская диссертация⁸⁰. Автор весьма удачно исследовала взаимоотношение самоуправления и местного самоуправления на материалах городского общественного управления.

В работе обоснованно ведется речь о сословном составе, источнике получения избирательного права, принадлежности к одному из трех имущественных разрядов и частоте сменяемости руководителей городского общественного управления за весь период действия Городского положения 1870 г.

В последующем автор развила некоторые положения монографии в своих статьях, опубликованных в 1986 и 1992 гг.⁸¹

Процесс становления институтов городского самоуправления в России в определенной степени интересовал и зарубежных исследователей. Об этом писали в своих работах Х. Бэрри, С. Ф. Старр, Л. Ч. Хюттон⁸² и др.

Отдавая должное отечественным и иностранным историографам городской реформы, следует отметить, что многие вопросы преобразования городского общественного управления нуждаются в дальнейшем осмыслении. Например, требует более детального изучения самоуправление не только в российских губернских городах XIX в., но и в крупных центрах развитых зарубежных стран с целью сопоставления и выявления положительного опыта в решении разнообразных хозяйственных и бытовых задач.

Судебная реформа

Большая часть дореволюционных исследований по судебной реформе, ее подготовке и проведению создана в XIX в. представителями либерально-буржуазной историографии, в частности представителями государственной школы.

История дореформенного суда, крупные недостатки действовавшей в стране системы судостроительства и судопроизводства обстоятельно показаны в работах К. Д. Кавелина, Ф. М. Дмитриева, В. Линовского и Я. И. Баршева⁸³.

По истории судебной реформы в пореформенный период наиболее крупные работы были созданы М. А. Филипповым, Г. А. Джаншиевым и А. Тимановским⁸⁴. Хотя этим работам присуща всемерная идеализация судебных уставов, все они представляют значительный интерес.

Более детальное изучение истории подготовки судебной реформы и всех ее институтов возобновляется в начале XX в. Наиболее заметными являются исследования И. В. Гессена и коллективные монографии «Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет», «Судебная реформа»⁸⁵. Работа Гессена хороша тем, что в ней обобщается судебная практика вновь созданных судебных органов, сравниваются многие судебно-процессуальные институты пореформенной России с подобными институтами

стран Западной Европы. Однако в ней отсутствует история судебной реформы. В двух названных коллективных монографиях привлекается богатый архивный материал, однако, изложение ряда вопросов нуждается в большей полноте и точности.

Для уяснения истории судебной реформы значительный интерес представляют сочинения А. Ф. Кони и особенно его книга «Отцы и дети судебной реформы»⁸⁶. Все работы этого выдающегося судебного деятеля и ученого-юриста пронизаны идеями гуманизма и справедливости.

Неплохо изложена история разработки и содержание судебных уставов в учебных курсах И. Я. Фойницкого, Е. В. Васильевского и В. К. Случевского⁸⁷. Этих авторов можно упрекнуть в том, что они несколько идеализируют судебную реформу и не вводят в оборот новых данных по ее истории.

После Октябрьской революции одним из первых исследователей судебной реформы стал М. Н. Покровский⁸⁸. В характерной для него манере Покровский выводит необходимость судебной реформы из развития капитализма в России. Не вводя в научный оборот новых данных, все изложение судебной реформы он основывает, главным образом, на работах И. В. Гессена, П. Барсукова и А. А. Головачева.

Глубокое изучение судебной реформы возобновляется после Покровского только в 50-е годы. В 1957 г. появляется книга профессора М. А. Чельцова-Бебутова⁸⁹, в которой серьезно анализируются судебные уставы, принятые 20 ноября 1864 г. Вместе с тем в работе не рассматривается история принятия этих уставов и идейная борьба вокруг судебного преобразования.

В дальнейшем углубленное изучение истории судебной реформы провел Б. В. Виленский, который опубликовал две фундаментальные работы в 1963 и 1969 гг.⁹⁰ Однако, он, как и его предшественники, обошел молчанием подготовку и принятие «Основных положений преобразования судебной части в России». Не раскрыт им также вопрос о борьбе различных группировок за содержание судебной реформы, не выяснена взаимосвязь крестьянской реформы с судебной. Во многом эти пробелы устранены в исследовании М. Г. Коротких⁹¹.

Судебная реформа и ее последующая судьба были освещены также в вузовских учебниках⁹².

В зарубежной историографии до сих пор не создано работ, которые бы приводили новые идеи, источники или данные по судебной реформе. В XX столетии к судебной реформе обращались М. Карпович, Бернард Парес, В. Гитерман, Б. Уортман, Ф. Кайзер⁹³ и др. Во всех этих работах развиваются концепции, выдвинутые еще русскими дореволюционными авторами. Из современных зарубежных исследований заслуживают внимания работы Теодора Тарановски, поместившего свою статью в сборник «Великие реформы в России 1856—1874», вышедшей в издательстве МГУ⁹⁴.

Несмотря на все приведенные работы, целый ряд вопросов, связанных со смыслом, характером и целями судебной реформы 1864 г., продолжает оставаться до конца не выясненным.

Реформа телесных наказаний

Реформа телесных наказаний, пожалуй, как ни одна другая реформа Александра II, разработана в отечественной историографии весьма слабо. Может быть, здесь сказалось распространённое отвращение во многих «мыслящих и сердечных людях» к этим способам воздействия и нежелание лишний раз возбуждать их на страницах печати. Сама специфика этой темы была доступна прежде всего юристам и, конечно, наиболее смелым и талантливым политическим деятелям, писателям и публицистам, способным вынести проблемы телесных наказаний на всеобщее обозрение, как укор существующему строю.

Одним из первых настаивал на отмене телесных наказаний практически во всех своих работах по судебному преобразованию видный государственный деятель, опытный законовед и «блестяще образованный человек» Д. А. Ровинский⁹⁵.

Также постоянно в своих работах выступали за пересмотр архаичного русского права, возражали против крайне суровых телесных наказаний известные юристы, специалисты в области уголовного права Н. А. Буцковский и В. Д. Спасович⁹⁶.

Как крупную победу милосердия, благородной отважной веры в силу добра и доверия отметили в своих публикациях отмену жестоких телесных наказаний историк Г. А. Джаншиев и публицист Г. И. Студеникин⁹⁷.

Работа Джаншиева носит характер политического памфлета, в котором дана испепеляющая критика российских законов, допуская телесные наказания, и их приверженцев. Автор благоволил к борцам против телесных наказаний.

С середины 80-х годов XIX в. до 1917 г. авторами ряда работ, резко критиковавшими полицейский режим, применение смертной казни и телесных наказаний, стали члены Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова — Д. Н. Жбанков и В. И. Яковенко⁹⁸.

С. С. Татищев в своем труде об Александре II упоминает о реформе телесных наказаний буквально на одной странице⁹⁹.

В общедоступном изложении — на 8 страницах — об отмене телесных наказаний рассказал А. А. Титов в книге «Реформы Александра II и их судьба» (1910)¹⁰⁰. И Татищев, и Титов не рассматривают телесные наказания в их историческом развитии.

Краткий обзор телесных наказаний в России со средних веков до начала XX в. прослеживает в своей работе публицист И. Гольденберг¹⁰¹. Год выхода его брошюры не помечен. Однако приведенные в ней данные позволяют сделать вывод, что она напечатана не позднее 1913 г. Автор предстает перед нами как

яростный противник телесных наказаний, настоящий борец против неисчислимых страданий народа.

В период самодержавия страстными обличителями телесных наказаний выступали наши знаменитые писатели Ф. М. Достоевский, Н. Г. Помяловский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, историк В. И. Семевский¹⁰².

В советские годы историография телесных наказаний практически не разрабатывалась. О реформе телесных наказаний умалчивалось даже в исторической энциклопедии. По всей видимости, причиной этого являлась специфика развития нашего общества и государства. Со второй половины 1930-х годов, потеряв зрение, до конца жизни (16 января 1953 г.) исследованием царских тюрем почти за 200 лет занимался профессор МГУ М. Н. Гернет¹⁰³. В его обстоятельном 5-томном сочинении затрагиваются и некоторые вопросы телесных наказаний 'заключенных.

В зарубежной историографии телесных наказаний внимание привлекает двухтомное издание шотландского историка и литератора Д. Г. Бертрама «История розги (во всех странах, с древнейших времен)»¹⁰⁴. Его сочинение отличается документальностью, профессионализмом и живой художественностью изложения. Книга впервые была издана в Лондоне в 1870 г. под названием «Флагелляция и флагеллянты: история розги во всех странах с древнейших времен и до наших дней». Автор выступил под псевдонимом члена Британской академии Вильяма М. Купера. В России эта книга впервые вышла в 1906 г. В советские годы она не издавалась ни разу.

Включенный в эту книгу раздел «Розга в России» составлен русским переводчиком доктором медицины А. З-им, который допустил ряд неточностей. Например, ему не известно было, что телесные наказания отменены для дворянства — при Екатерине II, а для духовенства — при Павле I.

В целом проблематика реформы телесных наказаний требует своего дальнейшего изучения. Так, недостаточно еще изучены причины распространения телесных наказаний в различных регионах России в XIX в. Заслуживают отдельных исследований и подвижники, борцы за отмену телесных наказаний, их жизнь и деятельность.

Финансовые реформы

История финансовых реформ в царствование Александра II не нашла широкого освещения в дореволюционной России и крайне слабо представлена после октября 1917 г. Одним из первых глубокий и критический анализ финансовых реформ дал уже упоминаемый нами А. А. Головачев в 4-х главах книги «Десять лет реформ 1861—1871»¹⁰⁵, составленной главным образом из серий статей в журналах. Нарисовав картину финансового положения России перед раскрепощением крестьян, Головачев последовательно разбирает реформы податной и налоговой системы, а так-

же реорганизацию сметных правил, создание бюджетного и кассового единства и преобразование государственного контроля. Динамика проведения финансовых реформ 60-х годов XIX в. объективно изложена в работе П. Сабурова «Материалы для истории русских финансов. 1866—1897»¹⁰⁶ (1899) и в юбилейном издании «Министерство финансов. 1802—1902»¹⁰⁷ (1902). В общедоступном изложении финансовые реформы представлены в небольшой брошюре А. А. Титова «Реформы Александра II и их судьба»¹⁰⁸, составленной автором по поручению Исторической комиссии учебного отдела Общества распространения технических знаний еще в 1904 г., однако появилась в свет она только в 1910 г.

Немалый интерес представляет книга А. Н. Куломзина и В. Г. Рейтерна «М. Х. Рейтерн. Биографический очерк»¹⁰⁹ о «неутомимо-ревностном» министре финансов, возглавлявшем это ведомство в течение 16 лет и руководившем всею экономической политикой России. В тексте помещены записки Рейтерна 1866, 1876 и 1877 гг., а также рескрипт на его имя в связи с отставкой 7 июля 1878 г. О создании системы государственного контроля много примечательных страниц написано в очерке М. Кремяновского «Государственный контроль в России за 100 лет»¹¹⁰, напечатанном в журнале «Вестник Европы» (1915). Книга «Государственный банк. Краткий отчет о деятельности за 1860 по 1910 годы»¹¹¹ рассказывает о том, как он был учрежден в 1860 г. и стал крупнейшим коммерческим банком России.

В советское время о финансовых реформах 60-х годов XIX в. первым появился материал А. П. Погребинского в 1951 г. в журнале «Вопросы истории»¹¹². Автор ставил своей целью, опираясь на труды классиков марксизма и используя марксистскую методологию, критически проанализировать официальные материалы финансовой политики России после реформы 1861 г. В 1954 г. вышла его монография «Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.)»¹¹³, в которой предыдущий материал был несколько расширен и составил один из трех разделов книги. Погребинский стремился осветить лишь центральные проблемы финансов дореволюционной России. В книгу были включены также специальные главы, посвященные строительству железных дорог в пореформенный период. К сожалению, автору не удалось разработать все разделы книги с достаточной полнотой, поскольку некоторые стороны финансовой политики самодержавия были засекречены и не отражены даже в архивных документах.

В последующем разные стороны финансовых реформ были рассмотрены в работах А. И. Коняева, И. Ф. Гиндина¹¹⁴ и др.

В зарубежной историографии финансовые реформы Александра II нашли некоторое освещение в трудах Д. Филда, А. Гершенкзона, С. Хока¹¹⁵.

В целом финансовые реформы 60-х годов XIX в. требуют своего дальнейшего изучения в контексте с другими преобразованиями того времени. Особое значение имеет углубленное изучение мероприятий российского правительства по стабилизации курса рубля, укреплению кредитной системы и ликвидации инфляции.

Реформы народного просвещения

Реорганизация народного образования в период царствования

Александра II нашла широкое отражение в научной литературе до октября 1917 г. В 1850—1860-х годах появляются педагогические статьи хирурга Н. И. Пирогова, педагогов К. Д. Ушинского и В. Я. Стоюнина¹¹⁶, в которых они выступали за просвещение народа, за всестороннее, лишенное всякого давления извне, общечеловеческое образование. Вопросы совершенствования высшего образования, в том числе и среди женщин, нашли отражение в работах общественных деятелей Н. И. Костомарова, Б. Н. Чичерина, В. С. Иконникова, писательницы А. Н. Анненской¹¹⁷.

Особо следует отметить четырехтомник «Материалы для истории женского образования» публициста Е. О. Лихачевой¹¹⁸. Четвертый том посвящен периоду с 1856 по 1880 г. Лихачева в своей работе показала богатую, едва ли не полную картину возникновения, становления и развития женского образования и воспитания в России. В журнале «Русская мысль» охарактеризовали труд как «превосходный» — «автор сумел придать жизнь этому сухому архивному материалу»¹¹⁹. К «Материалам...» Лихачевой примыкает очерк «Начало женских гимназий в России»¹²⁰.

Ход и результаты учебной реформы досконально обсуждались в работах В. Модестова, А. Я. Абрамова, М. Н. Каткова¹²¹.

Одним из солидных трудов, в котором говорится о преобразовании системы народного просвещения, является юбилейный «Исторический обзор деятельности Министерства народного образования. 1802—1902», составленный С. В. Рождественским¹²². Работа по подготовке этого труда была начата в 1899 г. по распоряжению министра Народного просвещения Н. П. Боголепова под председательством товарища министра (заместителя) Н. А. Зверева. Из-за краткости времени, оставшегося до юбилея, было решено издать краткий исторический очерк, содержащий биографические сведения о лицах, стоявших во главе министерства, обзор законодательства и перечень важнейших административных распоряжений по ведомству народного просвещения.

Составленный на основании этого решения сжатый исторический обзор организации министерства и учреждений, ему подведомственных, естественно, не дает полной и всесторонней картины и оценки их деятельности.

В 1912 г. в Москве книгоиздательством «Польза» была выпущена книга Н. В. Чехова «Народное образование в России с 60-х годов XIX века»¹²³, в 11-ти главах которой автор доступным

языком рассказывает о педагогическом движении 50-х и 60-х годов, о земских, городских школах и школах особых типов. Особое внимание Чехов уделяет народным учителям и внешкольному образованию.

Широкий обзор реформ народного просвещения представлен в IV и VII томах «Истории России в XIX веке» под редакцией М. Н. Покровского¹²⁴.

В советский период интересующей нас теме одними из первых посвятили свои исследования Ш. И. Ганелин, В. З. Смирнов и Р. Г. Эймонтова¹²⁵. В книге проф. Ганелина рассматривается история гимназии с 60-х — до конца 90-х гг. XIX в., когда открывается новая страница в истории школы. В издании сделана попытка показать живую школу со всеми ее сильными и слабыми сторонами, во всем многообразии опыта ее работы. Исследование построено на использовании архивных материалов, официальных изданий, общей и педагогической периодики. В монографии проф. Смирнова дается краткая характеристика проектов реформы начальной и средней школы, подготовленных ученым комитетом Министерства народного просвещения и другими организациями, а также «Положения об начальных народных училищах» и «Устава гимназий и прогимназий», принятых в 1864 г. В работе подробно рассматриваются выступления представителей различных педагогических направлений, причем в основном педагогов-практиков и деятелей по народному образованию, по основным вопросам начального и среднего образования, получившим отражение в подготавливаемых проектах реформы.

В 1976 г. вышли в свет «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в.»¹²⁶. Книга написана большим коллективом ученых, представляет собой первый обобщающий труд по истории школы и педагогической мысли народов нашей страны второй половины XIX столетия. Книга воссоздает картину развития школы и педагогики в России в пореформенный период (до середины 90-х годов прошлого века). История школы и педагогической мысли народов России рассматривается в тесной взаимосвязи с общественной жизнью и социально-экономическим развитием страны. Безусловно, данный труд не может претендовать на исчерпывающее освещение проблемы. Я полностью согласен с мнением авторского коллектива, что масштабность темы, ее многогранность требуют дальнейших углубленных разысканий. Последующее изучение темы предполагает фронтальное проблемное исследование наиболее актуальных вопросов истории школы и педагогической мысли. Ключевые проблемы должны быть определены совместными усилиями специалистов по теории и истории педагогики. Этот путь наиболее перспективен и для создания капитальной истории отечественной школы и педагогической мысли.

Среди зарубежных исследований заслуживают внимания работы Е. Шмида¹²⁷.

которые в той или иной мере рассматривали реформы русской армии 60—70-х годов XIX в. Ряд фактических сведений по этой теме дает «Исторический очерк деятельности Военного Управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855—1880)»¹²⁸, опубликованный в шести томах в период 1879—1881 гг. Первоэлементами данного очерка, собранного и обработанного генерал-майором Максимовским и полковником Хорошихиным, под редакцией военного историка генерала Богдановича, являются «всеподданнейшие» отчеты Военного министерства и его отдельных управлений.

К сожалению, читатель найдет в этой работе материал в односторонне позитивном ключе, без критического подхода к теме, интересных обобщений и выводов. Важнейшей проблеме военных реформ — введению всеобщей воинской повинности — посвятил свой очерк «Воинский устав 1 января 1874 года» (по поводу двадцатилетия) известный либеральный публицист и историк Г. Джаншиев и включил его в уже упоминаемую книгу «Эпоха великих реформ» в виде отдельной главы¹²⁹. Опираясь на архивные материалы Государственного совета, автор подробно освещает ход подготовки Закона о всеобщей воинской повинности.

Особое внимание уделяется усилиям военного министра Д. А. Милютина, его борьбе с графом Д. А. Толстым из-за льгот для имеющих среднее и высшее образование. В то же время Джаншиев упустил важные моменты начального периода подготовки реформы. По-видимому, ему была неизвестна записка П. А. Валуева «Мысли невоенного о наших военных силах», сыгравшая важную роль в начале реформы. Автор упустил в очерке также деятельность комиссии о воинской повинности, созданной Военным министерством в начале 1871 г.

В 1888 г. вышли в свет «Учебные записки по военной администрации профессора Николаевской академии Генерального штаба генерала А. Ф. Редигера, получившие в последующих изданиях наименование «Комплектование и устройство вооруженной силы» (ч. 1 и 2)¹³⁰. Работа Редигера хорошо аргументирована, отличается богатством фактического материала. Слабой ее стороной является рассмотрение военных вопросов вне связи с политическим и экономическим положением страны.

Для уяснения сущности военных реформ весьма полезным является ознакомление с 13-томным изданием «Столетие Военного министерства. 1802—1902» под общей редакцией генерала Д. А. Скалона, выходящим с 1902 по 1914 г.¹³¹

Особенно важный фактический материал содержится в этом издании в очерке П. А. Данилова «Развитие военного управления в России» и описаниях управлений Военного министерства.

В советской историографии военные преобразования XIX в. долгое время не являлись предметом специального исследования. обстоятельная монография П. А. Зайончковского «Военные реформы 1860—1870 годов в России» появилась лишь в 1952 г.¹³² В этой работе автор, будущий профессор Московского государственного университета, использовал широкий круг источников — фонды Военного министерства, Государственного совета, Совета министров и многочисленные частные фонды. Зайончковский осветил важнейшие вопросы военных реформ: комплектование армии, ее организацию, перевооружение, боевую подготовку войск, а также перестройку военно-учебных заведений. После него вопросы реформы поднимались лишь в ряде статей обзорного характера и в некоторых учебных пособиях.

В зарубежной историографии наиболее квалифицированно военные реформы 1860—1870-х годов в России рассматриваются в работах Ф. Миллера, Е. Брукса, Д. Брэдли¹³³.

О модернизации российского флота писали В. Трейве и Д. Кипп¹³⁴.

В заключение следует сказать, что военные реформы 60—70-х годов XIX в. требуют дальнейшего углубленного изучения и обобщения. Предстоит раскрыть преобразования, проведенные в это время в Военно-Морском Флоте, а также целый ряд вопросов организации и устройства армии: интендантство, состояние крепостей, инженерных сооружений, военно-санитарной части, военно-судебного ведомства, состояние иррегулярных войск и др.

Проблемы политики России в Западной Европе

В дореволюционной историографии работы по вопросам внешней политики правительства Александра II появлялись значительно реже, чем по внутривополитическим проблемам. По всей видимости, такое положение объясняется сугубой секретностью документов по вопросам международных отношений. Доступ в государственные архивы получали лишь немногие исследователи, пользовавшиеся особым доверием властей.

Среди работ, затрагивающих общие вопросы взаимоотношений России с другими странами, следует назвать книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», изданную в Петербурге в 1871 г.¹³⁵ Автор — блестящий публицист, социолог и естествоиспытатель, призывал в сфере внешней политики следовать только «нашим особенным русско-славянским целям» и не жертвовать ими во имя «человечества, свободы, цивилизации». Удел России, отмечал он, «удел счастливый: не покорять и угнетать, а освобождать и восстанавливать». Установление всемирного господства одного культурно-исторического типа, писал Данилевский, было бы губительным для человечества, ибо господство одной цивилизации, одной культуры лишило бы человеческое общество необходимого условия совершенствования — элемента разнообразия.

«Всемирная ли монархия, — по его мнению, — всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа — одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории»¹³⁶.

Время показало полную несостоятельность обвинений в примитивном капитализме, выдвигаемых кое-кем против Н. Я. Данилевского. Имя Н. Я. Данилевского ныне в западной философии и социологии культуры упоминается первым в ряду таких мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Нортроп, А. Шубарт, П. А. Сорокин, объединяемых общим критическим отношением к европоцентрической однолинейной схеме общественного прогресса.

Большой интерес для понимания исторических событий, происшедших на международной арене и связанных с периодом правления «царя-освободителя», представляют «Сборник, изданный в память двадцатипятилетия управления Министерством иностранных дел государственным канцлера, светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова. 1856—1881 г.», «Очерк истории Министерства иностранных дел 1802—1902», труды К. А. Скальковского, С. С. Татищева, Б. Э. Нольде, М. Н. Соболева¹³⁷.

Во всех этих работах главная заслуга в осуществлении внешнеполитического курса России, безусловно, отводилась прежде всего императору и министру иностранных дел. Каждая из этих книг глубоко специфична.

«Сборник», вышел в Петербурге в 1881 г. Составители сборника отмечали 15 апреля того же года, что среди выдающихся государственных людей столь богатого великими деяниями царствования Александра II история отведет одно из почетнейших мест государственному канцлеру А. М. Горчакову, как «одушевленному истинно русским чувством и высоко даровитому выразителю мудрых намерений государя во всем, что касается внешней политики России»¹³⁸. В «Сборник» вошел перечень международных актов и распоряжений Горчакова по Министерству иностранных дел, а также собрание важнейших подписанных им дипломатических депеш.

Изданный в ознаменование исполнившегося 8 сентября 1902 г. столетия учреждения министерств Александром I Благословенным, «Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902» в настоящее время является библиографической редкостью. Он представляет собой историческое описание устройства ведомства иностранных дел с древнейшего времени и общий обзор главных событий русской внешней политики XIX столетия, с изложением важнейших договоров, заключенных Россией с иностранными державами. Он основывается на составленных делопроизводителями архивов министерства С. А. Белокуровым, князем Н. В. Голицыным, Н. П. Павловым-Сильвянским и другими исследованиях о посольском приказе, о государственной коллегии иностранных дел и о политических системах импера-

торов Николая I и Александра II, а также на исследованиях по истории внешних сношений неперменного члена Совета Министерства иностранных дел, профессора Ф. Ф. Мартенса, помещенных в издаваемом министерством «Собрании трактатов и конвенций». Издание богато иллюстрировано. В числе иллюстраций большей частью неизданные ранее портреты лиц, стоявших во главе управления ведомством иностранных дел, начиная с «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел обергегателя» Ордина-Нащокина, и собрание портретов императорских послов и посланников, пребывавших при дворах великих держав в течение минувшего столетия.

Сочинение видного публициста, международного К. А. Скальковского «Внешняя политика России и положение иностранных держав» (1897 г.) имело целью ознакомить образованную публику с внутренним политическим положением всех держав мира и изложить точку зрения на реальные отношения с ними нашей страны.

Работа необычайно интересна. Автор при рассмотрении стран всех континентов, в большинстве которых побывал сам, кроме Австралии, использует материалы редакций иностранного отдела «С.-Петербургских ведомостей» времен В. Ф. Корша и «Нового времени» А. С. Суворина, где деятельно трудился на протяжении четверти века.

Скальковский отмечает, что очень благоприятное влияние на успех России на дипломатическом поприще имело то, что все государи ее, включая и Александра II, лично чрезвычайно внимательно относились к вопросам иностранной политики и что общее число руководителей этой политики было невелико, поэтому каждый из них обладал значительным опытом.

В книге немало интересных мыслей о российской дипломатии и ее видных представителях в лице К. К. Нессельроде, А. М. Горчакова, А. Г. Жomini и др. К сожалению, в сочинении мало истории отечественной дипломатии. Кроме того, автор не пользовался материалами архивов, в сочинении его нет ссылок на исторические документы.

В книге профессора барона Б. Э. Нольде «Внешняя политика» (1915) к интересующим нас проблемам ближе всего находятся три исторических очерка из имеющихся девяти: «Босфор и Дарданеллы», «Россия, Пруссия, Польша (1861—1863)» и «Из прошлого франко-русских отношений». В первом очерке автор резонно отмечает, как еще Наполеон говорил, что политика государств определяется их географией. Анализируя договоры 1841, 1856 и 1871 гг. о черноморских проливах, он приходит к выводу, что решение проблемы Босфора и Дарданелл для России непосредственно связано с разрешением восточного вопроса. Второй очерк рассматривает взаимоотношения России и Пруссии в ходе Польского восстания 1863 г. и принятие 27 января того же года в Петербурге конвенции Альвенслебена, названной так в

честь генерал-адъютанта прусского короля. Третий очерк посвящен материалам XV тома собраний трактатов Ф. Ф. Мартенса, в которых рассматриваются сношения между Россией и Францией с 1822 по 1856 г., в период служения России «великому союзу», созданному во имя охраны консервативных начал в Европе. Высоко оценивая труд Мартенса, Нольде сожалеет, что тот не остановился на документах парижского конгресса с несколько большей подробностью. «История этого конгресса, — отмечает он, — весьма затруднена тем, что протоколы его составлялись весьма искусственно и не дают картины истинного хода переговоров».

В целом работа Нольде, бессменного редактора журнала «Известия Министерства иностранных дел» (1908—1917), видного специалиста в области международного права, выполнена высоко профессионально. Один из недостатков ее в том, что переписка Александра II с Вильгельмом I приводится на французском языке, без перевода на русский.

После Октябрьской революции 1917 г. в числе первых к исследованию вопросов дипломатии и внешней политики царской России приступил видный советский историк М. Н. Покровский¹³⁹. Он подверг внешнеполитическую деятельность самодержавия уничтожающей критике, порицая и клеймя ее позором. Покровский справедливо утверждал, что Россия имела два лица: одно — с которым она выступала на Западе, и другое — с которым она предстала перед Востоком¹⁴⁰.

Однако в большинстве оценочных положений внешней политики России этот ученый не избежал традиционных идеологических клише.

В 1940 г. вышел сборник, посвященный анализу трудов М. Н. Покровского, в котором особо следует выделить статью А. Л. Попова¹⁴¹. Этот ученый, как и другие соавторы книги, возражал против упрощенного понимания Покровским взаимодействия социальной основы и направления внешней политики России, против характерного для него «выведения мотивов русской внешней политики непосредственно из экономики, а вернее — из внешней торговли». Попов показал, что на внешнюю политику оказывает влияние целый ряд факторов, среди которых, прежде всего, сама международная обстановка и, конечно, внутренняя политика страны.

В 30-х годах советская историческая литература пополнилась целым рядом исследований международной политики России 50—70-х годов XIX в.¹⁴²

Заметным событием для предвоенной советской историографии стал выход в свет первого тома «Истории дипломатии» (авторы глав Е. В. Тарле, А. В. Ефимов, А. Л. Нарочницкий, В. М. Хвостов). Издание было создано на основе нового подхода к внешнеполитической истории России. Оно резко отличалось от прежней трактовки, где стремились представить

внешнеполитическую деятельность как цепь ошибок и поражений, а отечественных дипломатов изображали в виде неловких и косных неудачников. Теперь на страницах «Истории дипломатии» возник живой, насыщенный фактами исторический рассказ¹⁴³.

В 1940—1970-х годах историография по проблемам внешней политики России времен Александра II заметно углубилась. В историческое исследование был введен мощный пласт документальных материалов. Содержательные исследования по общим проблемам дипломатии и внешнеполитической деятельности западноевропейских держав провели В. М. Хвостов, А. С. Ерусалимский, А. З. Манфред¹⁴⁴ и др. Хорошо продуманный, законченный очерк истории внешней политики России с 1856 г. до конца XIX в. был создан В. М. Хвостовым и Л. И. Нарочницкой на основе современных данных в главах пятого тома «Истории СССР» (М., 1968).

В работах А. Л. Нарочницкого, Р. И. Рыжовой, Н. С. Киняпиной, Л. М. Шнеерсон, В. Г. Ревуненкова, М. Т. Панченковой¹⁴⁵ и других показана эволюция внешней политики России после поражения в Крымской войне, сложные отношения ее с державами Западной Европы, стремление Петербурга восстановить утраченные позиции в восточном вопросе и на Балканах, добиться отмены статей Парижского договора, ограничивавших суверенные права России на Черном море.

Среди названных работ хотелось бы особенно выделить книгу Н. С. Киняпиной «Внешняя политика России второй половины XIX в.» (1974), в которой убедительно показана прогрессивная роль России в освобождении балканских народов и дана четкая периодизация внешней политики России, исходя из задач государства и расстановки сил в Европе.

В 1980—начале 1990-х годов историография внешней политики России периода царствования Александра II обогащается новыми интересными и содержательными исследованиями.

Неоценимое значение для изучения историографии международной политики России имеет коллективная монография «Итоги и задачи изучения внешней политики России» (1981)¹⁴⁶. В ней впервые определены основные достижения отечественной историографии, охватывающие период с IX в. до 1917 г. В 4-й и 5-й главах этой книги сформулированы проблемы внешней политики, направления исследований и дана обширная литература по всем вопросам. Как бы продолжением этой фундаментальной работы явился содержательный труд «Внешняя политика России (Историография)». (1988)¹⁴⁷.

В работе над главами о внешней политике правительства Александра II я неизменно стремился следовать рекомендациям последних названных книг. Обе эти работы обоснованно призывают к написанию обобщающих трудов по внешней политике России и изучению такого немаловажного направления, «как

позиция общественности по кардинальным внешнеполитическим проблемам»¹⁴⁸.

В числе работ 1980-х годов видное место занимает монография Л. И. Нарочницкой «Россия и отмена нейтрализации Черного моря 1856—1871 гг.»¹⁴⁹ Важно подчеркнуть, что автор рассматривает проблему отмены унижительных ограничений Парижского трактата в широком контексте европейской политики России в целом. В исследование привлечено немало новых архивных материалов.

Среди зарубежной литературы, более или менее объективно отражающей общие вопросы внешней политики России во II половине XIX в., следует выделить работы С. Уальполя, Ш. Морни, Шарля Ру, Франсуа Жюля, Лависса и Рамбо, А. Дебидура, А. Тэйлора, К. Грюнвальда¹⁵⁰.

Отмечая определенные успехи историографов в изучении внешней политики России в Западной Европе, следует заметить, что до сих пор не создано крупных обобщающих работ по этой проблеме периода царствования Александра II. Углубленного изучения требуют отношения России с Францией, Великобританией, Австро-Венгрией, Испанией, Португалией, Швейцарией, Голландией, скандинавскими странами. Недостаточно еще освещены взаимоотношения с Грецией и другими балканскими странами. В специальных исследованиях нуждается позиция России в ходе объединения германских государств и государств Италии в период Рисорджименто. Большой интерес для широкого круга читателей нашло бы издание научных биографий известных политических деятелей и дипломатов нашего Отечества. Новое прочтение источников и документов с позиций современных знаний и подходов может многое дать для осмысления процессов развития внешней политики России в прошлом веке, по достоинству оценить высокий профессионализм русской дипломатической школы.

Политика России на Кавказе

Отечественная дореволюционная историография главное внимание уделяла военным и дипломатическим сторонам политики России на Кавказе. В работах П. Г. Буткова, Н. Ф. Дубровина, Н. Н. Муравьева (Карского), Р. А. Фадеева, В. А. Потто, А. Л. Зиссермана, И. Иванина, С. С. Эсадзе, Н. Н. Белявского, Чернявского¹⁵¹ и других собран огромный фактический материал, заложен богатейший фундамент для дальнейших исследований. В книгах этих авторов раскрывается своеобразие политической обстановки на Кавказе, прослеживаются этапы утверждения русского владычества, изнурительная вооруженная борьба, тянувшаяся годами и десятилетиями.

Наиболее крупным исследованием явилось многотомное издание генерала Н. Ф. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе». Помимо детального обзора военных дейст-

вий в работе содержится обширный материал по внутреннему строю и быту народов Кавказа.

Советские кавказоведы, отказавшись от апологии самодержавия, рассматривали политику России на Кавказе с классово-партийных позиций, нередко в ущерб объективному анализу исторических фактов. В 1920—1930-е годы историки предпочтительнее отдавали в основном раскрытию колониальной политики самодержавия и национально-освободительного движения на Кавказе¹⁵².

В то же время из поля зрения исследователей выпадали многие весомые вопросы, связанные с прогрессивным характером присоединения Кавказа к России, добрососедскими отношениями народов, а также агрессивной политикой западных держав в этом регионе.

В 1940—1990-е годы в публикациях С. Б. Бушуева, А. В. Фадеева, В. Г. Гаджиева, Х. М. Ибрагимбеили, Н. А. Смирнова, А. Д. Даниялова, М. М. Блиева¹⁵³ и других анализируются международные противоречия на Кавказе, более детально исследуются социально-экономические отношения в различных районах, убедительно доказываются положительные последствия вхождения Кавказа в состав России.

История взаимоотношений народов России и Кавказа вызывает неослабный интерес и у зарубежных ученых. Одними из первых этим проблемам посвятили свои труды Т. Лапинский, К. Ган, П. Моран, Д. Бадделей¹⁵⁴. Ряд современных западных историков признают присоединение Кавказа к России в целом прогрессивным явлением¹⁵⁵. Другие исследователи видят в присоединении Кавказа завоевание¹⁵⁶.

При очевидных достижениях интернационального кавказоведения многие аспекты русско-кавказских отношений требуют более глубокого изучения. До сих пор недостаточно разработаны вопросы о времени и характере присоединения к России отдельных кавказских народов, деятельности русской администрации с целью предотвращения межнациональных конфликтов в регионе, развития экономики, науки и культуры на Кавказе, защиты от внешней экспансии.

**Русско-турецкая война
1877—1878 гг.**

**Проблемы балканского кризиса и
войны России и Турции 1877—
1878 гг. занимают видное место в**

отечественной историографии. До 1917 г. вышло несколько десятков публикаций, посвященных этой теме, которые можно разделить на два направления. Яркими представителями одного были А. Н. Куропаткин, А. К. Пузыревский, М. А. Домонтович, П. А. Гейсман, П. Д. Зотов¹⁵⁷. Они комментировали события войны, оправдывали принятие установок высшего военного командования, реабилитировали просчеты военного руководства. И другое направление, характерными выразителями которого явля-

ются Н. М. Седельников, Е. И. Мартынов, К. М. Войде, Н. А. Епанчин¹⁵⁸, а также авторы «Описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове». Эти исследователи стремились извлечь подлинные уроки из войны, отметили ряд серьезных просчетов военного руководства, сделали важные военно-исторические обобщения.

Весомый вклад в развитие военного искусства России в конце XIX в., разработку его теоретических и методологических проблем на основании исследования русско-турецкой войны 1877—1878 гг. внесли военные ученые Г. А. Леер, Д. Ф. Масловский, А. Н. Петров, Н. П. Михневич¹⁵⁹.

В конце XIX столетия довольно поучительное сопоставление двух договоров — Сан-Стефанского и Берлинского, подведших итог войны, провел публицист Н. В. Креницын¹⁶⁰.

Поток публикаций по войне 1877—1878 гг. продолжился и после октября 1917 г. Одним из первых с небольшим анализом этой войны выступил А. И. Верховский в своих «Очерках по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв.»¹⁶¹. В 1928 г. вышла солидная монография А. А. Свечина «Эволюция военного искусства»¹⁶², в которой одна из глав второго тома посвящена русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Автор анализирует в основном проблемы военного характера.

В 1930—1940-е годы появляются публикации Л. С. Еремеева и С. О. Макарова, А. Коленковского и В. Белолипецкого, Н. Н. Яковлева, Ф. Жемайтиса, К. Иванова¹⁶³, в которых привлекаются новые архивные документы, резкий крен делается на классовую обусловленность русско-турецкой войны.

В 1950—1970-е годы выходят содержательные исследования П. К. Фортунатова, В. Д. Конобеева, Н. И. Беляева, Л. Г. Бескровного, В. И. Виноградова, В. А. Золотарева¹⁶⁴ и других, в которых большое внимание уделяется военным действиям, боевому содружеству народов нашей страны с балканскими народами, международной позиции России и ее отношениям с европейскими державами. Особо высокой оценки заслуживают капитальный труд Н. И. Беляева «Русско-турецкая война 1877—1878 гг.» и монография Института военной истории «Русско-турецкая война 1877—1878 гг.» (в составе авторского коллектива В. И. Ачкасов, А. П. Барбасов, В. И. Виноградов, И. И. Ростунов, болгарский ученый Й. Митев)¹⁶⁵. Обе эти работы охватывают большой комплекс военных и военно-политических проблем войны.

Привлекая новый фактический материал, Л. И. Нарочницкая¹⁶⁶ в своей книге показывает различные формы помощи России. Это и действия русской дипломатии в защиту балканских народов, и освободительный поход русской армии на Балканы, и широкое общественное движение в России в поддержку славян. В исследовании К. А. Поглубко, а также в книге Д. Б. Мельцера и болгарского историка И. Тончева¹⁶⁷ красной нитью проходит

идея связи болгарского освободительного движения с русско-турецкой войной 1877—1878 гг.

Среди отечественных публикаций 1980 — начала 1990-х годов, связанных с последней русско-турецкой войной, следует отметить работы В. М. Хевролиной, В. А. Золотарева, А. П. Барбасова, К. Б. Виноградова¹⁶⁸.

В своем четком обзоре новейшей литературы за 1976—1979 гг. по проблемам Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и последовавшей русско-турецкой войны В. М. Хевролина справедливо подчеркивает значительный вклад советских историков в разработку указанных вопросов. В монографиях В. А. Золотарева широко представлены основные проблемы войны в источниковедении и историографии, приведен богатейший статистический материал, иллюстрирующий ее экономические, военные и демографические показатели. В монографии 1991 г. удачно подведены итоги осуществленных до настоящего времени исследований и определены наиболее актуальные направления дальнейшего изучения многообразных проблем последней русско-турецкой войны. Безусловно, спорным в этой работе является утверждение (с. 217), что захват Константинополя и проливов являлся целью Петербурга в войне¹⁶⁹.

В книге А. П. Барбасова, В. А. Золотарева «О прошлом во имя грядущего» живо освещаются традиции боевого содружества русского и болгарского народов, показано развитие военного искусства русской армии, победы которой сыграли решающую роль в завоевании национальной независимости Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории.

В исследовании К. Б. Виноградова «Мировая политика 60—80-х годов XIX века» среди других очерков в превосходной научной и увлекательной форме впервые за многие годы проанализирована работа Берлинского конгресса 1878 г., ставшего гигантским компромиссом Англии, России и Австро-Венгрии в результате русско-турецкой войны.

За прошедшие сто с лишним лет по проблемам русско-турецкой войны сложилась обширная зарубежная историография. Интересный фактический материал можно найти в исследованиях Ф. Рюстова, А. Шпрингера, Т. Трота, Ф. Грина, Ф. Грюне, Ф. Морица, Генова Цонко¹⁷⁰ и др.

Особенно непреходящ интерес к проблемам этой войны у турецких историков. Анализу причин войны посвящены работы Ахмеда Мидхата «Достоверные истины», Мехмеда Арифа «Несчастье, постигшее нас», Ахмеда Джевата «Военная история», Ахмеда Джемала «Оборона Плевны»¹⁷¹ и др. Как выразительно отмечает историк В. А. Золотарев, в большинстве своем турецкие ученые трактуют цели и характер войны, исходя из националистической концепции величия и могущества Османской империи. Участие России в войне однозначно оценивается ими как «нашествие неверных», «посягательство на мусульманский

мир». Национально-освободительное движение балканских народов определяется современными турецкими историками как «антиправительственные восстания», «прорусское движение» и т. п., солидарность русского народа с христианским населением Болгарии в его борьбе против турецкого ига считается грубым вмешательством в дела Османской империи.

Но как бы турецкие ученые ни оценивали причины и результаты военных столкновений с Россией, истина состоит в том, что война 1877—1878 гг. была порождением соответствующей исторической эпохи¹⁷². В целом, оценивая результаты более чем столетнего изучения русско-турецкой войны, надо отметить, что многие весьма существенные стороны этого крупного вооруженного столкновения до сих пор остаются в тени, либо же освещаются довольно односторонне. Заслуживают специального исследования и более широкого освещения героические подвиги русских солдат и матросов, действия наших добровольцев во главе с генералом М. Г. Черняевым, боевые дела таких военачальников, как Н. Г. Столетов, П. С. Ванновский, Ф. Ф. Радецкий, М. И. Драгомиров, И. В. Гурко, Э. И. Тотлебен, М. Т. Лорис-Меликов и др. Громадный накопленный фактический материал требует дальнейшего объективного осмысления и всестороннего обобщения с современных позиций, без излишней идеологизации и политизации.

Политика России в Средней Азии

В основу многих книг и статей революционного времени, посвященных среднеазиатской политике

самодержавия, была положена концепция, выраженная в «циркулярной ноте» (1864 г.) министра иностранных дел России А. М. Горчакова о «непреодолимом стремлении правильно организованного государства» распространять свое влияние на соседние территории, где, как считалось, не существовало «твердого порядка».

Книги М. А. Терентьева, М. И. Венюкова, Н. И. Веселовского, В. В. Григорьева, С. В. Жуковского¹⁷³ во многом объясняли и оправдывали колониальные завоевания самодержавия. Острое соперничество в Азии между Россией и Великобританией ярко охарактеризовано в работах М. Грулева, Ф. Ф. Мартенса, А. П. Субботина, М. А. Терентьева¹⁷⁴.

В послереволюционные годы наиболее углубленно история присоединения среднеазиатских территорий была разработана Н. А. Халфиным, М. К. Рожковой, М. Н. Тихомировым¹⁷⁵. В этих работах анализируются социальные, экономические, политические условия в Средней Азии и ее связи с Россией. Решающими мотивами продвижения России на Среднем Востоке авторы считают экономические. В хорошо аргументированной монографии Г. А. Хидоятова¹⁷⁶ довольно вразумительно показана враждебная России политика Англии, которая во что бы то ни

стало хотела утвердиться в Средней Азии. Автор убеждает, что главной причиной продвижения России в среднеазиатские ханства было стремление ограничить экспансионистские действия Великобритании в Средней Азии.

Среди зарубежных историков больше всего о политике европейских держав в Средней Азии писали англичане. Британские историки и публицисты Д. Уркхарт, Г. Роулинсон, Дж. Керзон и другие¹⁷⁷ объясняли завоевания Англии надуманной «угрозой Индии» со стороны Российской империи. В своих выводах они ссылались на «завещание Петра I» — фальшивку, впервые появившуюся во Франции во второй половине XVIII в., в которой без всякого основания Петру I приписывались фантастические планы захвата всей Европы, Османской империи, Ирана, Индии и других стран. Некоторые зарубежные историки, признавая отсталость и изолированность Средней Азии от мира, одобрительно отзываются о «порядке и стабильности», принесенных Россией в этот регион¹⁷⁸.

Современные англо-американские и французские историки перешли к многоплановому и более детальному изучению среднеазиатских проблем, политики российской администрации и отношений между народами Средней Азии и России¹⁷⁹.

Пришло время и отечественным исследователям пересмотреть многие ранее устоявшиеся взгляды на политику России в Средней Азии. Была ли «экспансия русского медведя» в незащищенные и бедные среднеазиатские ханства, о чем на разные голоса твердила в свое время «просвещенная Европа»? И что принес русский народ народам Средней Азии: варварство, грабежи или цивилизацию, мир и сотрудничество?

Дальневосточная политика России

Можно с уверенностью утверждать, что в отечественной историографии существовал постоянный,

все возрастающий интерес к изучению политики России на Дальнем Востоке. Среди дореволюционных исследователей по этой тематике было немало выдающихся ученых своего времени, внесших бесценный вклад в мировую науку.

Богатством содержания отличаются труды известных ученых А. Корсака, И. Бичурина, бывшего русского консула в Китае и исследователя И. Захарова, статьи и очерки о русско-китайской торговле К. Скачкова, книги публициста и ученого М. И. Венюкова, юриста и историка Ф. Ф. Мартенса¹⁸⁰. Например, А. Корсак дал подробный обзор сношений между Россией и Китаем с 1689 по 1854 г. Сочинения И. Бичурина проникнуты глубоким уважением к высокой культуре Китая и его народу.

Остро и верно отражали в своих статьях, очерках и сборниках вопросы дальневосточной политики И. Барсуков, А. Я. Максимов, М. П. Федоров, П. Головачев, И. К. Можайский, Н. В. Богоявленский, В. Мельников, В. С. Кадников¹⁸¹ и др.

Книга умеренно-либерального публициста Максимова «Наши задачи на Тихом океане» выдержала с 1894 по 1901 г. четыре издания. В своих политических этюдах автор изложил краткие обзоры отношений России на Крайнем Востоке с Китаем, Японией, Кореей и Англией.

В советский период важную роль в разработке вопросов дальневосточной политики оказало издание «Истории дипломатии» (под ред. академика В. П. Потемкина), содержащей общий анализ международных отношений и изучаемого периода (главы члена-корр. АН СССР В. М. Хвостова).

В исторической литературе выделяются работы П. И. Кабанова и А. Л. Нарочницкого¹⁸². В книге Кабанова «Амурский вопрос» показано значение заселения Восточной Сибири для подготовки воссоединения Приамурья с Россией и включения ее в состав Южно-Уссурийского края. Исследование внесло значительный вклад в дипломатическую историю вопроса и обоснование исторических прав России на эти земли.

Досконально разбирает вопросы дальневосточной политики России академик А. Л. Нарочницкий в своем фундаментальном исследовании «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895». На основе солидного документального материала в книге раскрываются отношения России с Китаем, Японией, Кореей, западноевропейскими державами, США на Дальнем Востоке¹⁸³.

Весомый вклад в изучение внешней политики России в этом регионе представляет коллективная монография «Международные отношения на Дальнем Востоке»¹⁸⁴. В первой книге этого обобщающего труда (авторы — А. Л. Нарочницкий, А. А. Губер, М. И. Сладковский, И. Я. Бурлингас) собраны важные сведения за период с XVI в. до 1917 г. и намечены основные тенденции политики России с ее дальневосточными соседями: с Китаем, Японией, Кореей. Довольно подробно в книге проанализированы дальневосточные отношения России с США и Англией.

Вышедшее в свет в 1974 г. учебное пособие Р. В. Макаровой учитывает исследовательскую работу историков в области дальневосточной политики России 50—60-х годов XIX в.¹⁸⁵ Некоторые особенности англо-русских противоречий на Дальнем Востоке показал в своей монографии Н. П. Клименко¹⁸⁶.

Исследование русско-японских отношений наиболее полно осуществлено учеными-востоковедами Э. Я. Файнбергом и Л. Н. Кутаковым¹⁸⁷. Если Файнберг рассматривает отношения между странами в 1697—1875 гг., то Кутаков — с XVIII до начала XX в. Оба автора подробно останавливаются на усилиях российской дипломатии, направленных на установление контактов, торговых и политических отношениях с официальными кругами Японии.

Многие аспекты русско-американских отношений рассмотрены в трудах С. Б. Окуня, М. М. Малкина, Т. М. Батуевой,

Г. П. Куропятника, Н. Н. Болховитинова¹⁸⁸. Высочайшую оценку заслуживают работы члена-корреспондента РАН Н. Н. Болховитинова, посвятившего проблемам русско-американских отношений более 30 лет неустанный подвижнический труд. Занимаясь историей продажи Аляски, ученый убедительно доказал необходимость этой сделки между Россией и США. В противном случае Русская Америка могла бы отойти к США бесплатно.

Дальневосточная политика России широко отражена в работах таких зарубежных авторов, как Е. Ровенштейн, К. Маркс, Ф. Энгельс, С. Новаковский, Г. Стайгер¹⁸⁹.

Продажа Аляски описана в книгах В. Фэрара «Присоединение Русской Америки к Соединенным Штатам» и А. В. Шилса «Покупка Аляски»¹⁹⁰.

В 1991 г. вышел первый том обширного исследования профессора Канзасского университета Нормана Сола¹⁹¹, в которой он скрупулезно анализирует российско-американские отношения за период 1763—1867 гг. Хотя во многом американский историк идет по следам изысканий Н. Н. Болховитинова, тем не менее его содержательная работа вносит большой вклад в изучение проблемы многосторонних отношений России и США.

Перечень основных публикаций, посвященных дальневосточной политике правительства Александра II, показывает ряд пробелов отечественной исторической литературы. По всей видимости, прежде всего требуются комплексные исследования, рассматривающие все основные проблемы отношений России на Дальнем Востоке с ведущими державами мира и тихоокеанскими государствами.

Особо нуждаются в дополнительном исследовании торгово-экономические и культурные связи России с Китаем и Японией.

**Польское восстание
1863 г.**

В дореволюционной историографии Польское восстание 1863 г. обстоятельно освещено в работах

Н. В. Берга, корреспондента «С.-Петербургских ведомостей», историков С. С. Татищева и Б. Б. Глинского¹⁹².

Берг пытается исторически и психологически объяснить сложные отношения между русскими и поляками на протяжении последних веков. Он показывает ежегодные посещения Польши Александром II с 1856 по 1860 г., подробно описывает драматические события в Варшаве с начала 1861 г., приводит массу интересного фактического материала, говорит о руководстве и движущих силах восстания. Несмотря на участие в восстании крестьянства, Берг считал, что движущими силами мятежа были лишь городские слои населения, отчасти представители шляхты. Руководство восстанием на местах, по его мнению, принадлежало выходцам из средней и мелкой буржуазии. Автор осуждает жестокости как со стороны инсургентов, так и со стороны царских войск.

Берг показал также попытку переправить отряд добровольцев из Англии в один из пунктов балтийского побережья.

Татищев последовательно раскрыл ход подготовки, проведение мятежа и его последствия, много внимания уделил переписке Александра II с наместниками в Царстве Польском — М. Д. Горчаковым, К. К. Ламбертом, А. Н. Лидерсом, великим князем Константином Николаевичем.

Глинский привел данные о военном заговоре в Западном крае, Польском восстании 1863 г., обращении польских революционеров к редакции «Колокола», фабрикация царской грамоты в Казани, описал деятельность М. Н. Каткова в «Московских ведомостях», настроения в правительственных сферах.

Ряд проблем восстания 1863 г. нашли освещение в работах либеральных историков В. Д. Спасовича, А. А. Корнилова, З. Ленского¹⁹³.

Каждый из них высказал свою точку зрения на восстание. Например, Спасович, признавая национальный характер восстания и главное значение в нем аграрного вопроса, основной движущей силой мятежа считал «польский романтизм».

З. Ленский охарактеризовал восстание как мещанское, руководство в котором принадлежало выходцам из буржуазии¹⁹⁴.

В советское время Польское восстание привлекло внимание целого ряда историков. В числе первых появились работы С. Агурского и М. Н. Покровского¹⁹⁵. Агурский показал в своей книге восстание 1863 г. на территории Белоруссии, приведя в приложении документы на русском и польском языках. Покровский назвал Польское восстание 1863 г. «политической мелкобуржуазной революцией» и изобразил его в виде небольшой вспышки — «легкой войны»¹⁹⁶.

В 1940—1950-х годах в печати появились исследования М. В. Миско, С. Н. Драницына, В. Н. Кондратьевой, А. Я. Манусевича, И. С. Миллера, И. М. Белявской, М. Найдёнова, У. А. Шустера¹⁹⁷ и др. В них более глубоко, с позиций господствующей классовой точки зрения рассматривались отдельные проблемы восстания 1863 г.

Накопленный ранее материал позволил в 1960-х годах создать сравнительно подробную историю восстания в монографиях М. В. Миско, А. Ф. Смирнова, Г. П. Марахова, В. А. Дьякова, И. С. Миллера¹⁹⁸ и др.

Польское восстание 1863 г. нашло отражение и в зарубежной историографии.

Уже в 60-х годах прошлого столетия появились работы немецкого историка Т. Штрэттера и английского ученого Е. Сатерленда¹⁹⁹.

Наиболее полное описание истории восстания среди зарубежных авторов дали поляки. Выдающийся польский историк В. Смольский, писавший под псевдонимом В. Грабенский, в 1910 г. воспроизвел историю восстания 1863 г., его подготовку и последствия²⁰⁰.

В 1950—1960-х годах восстание 1863 г. фундаментально исследовали польские ученые С. Киневич, П. Лозовский и З. Мийнарский²⁰¹.

И хотя Польское восстание 1863 г. неплохо отражено в международной историографии, это не значит, что все вопросы его исчерпаны. В дальнейшем объективном исследовании нуждаются причины, ход, движущие силы и последствия восстания, позиция общественности разных стран того времени, характеристики инсургентов, участников подавления и др.

Революционное движение 60—70-х годов XIX в. Первыми историками революционного движения 60—70-х годов XIX в. были сами участники его.

Начало осмысления опыта революционной борьбы было заложено в трудах А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского. Большое число оппозиционных материалов напечатано в «Голосах из России» (с 1856), в «Полярной звезде» (с 1855), в «Колоколе» (с 1857). Среди них материалы о безденском деле, о студенческих волнениях 1861 г. Заслуживают особого внимания статьи Герцена исторического, обзорного характера, такие как «Новая фаза русской литературы», «VII лет», «Еще раз Базаров»²⁰². В последующем интересующая нас тема разрабатывалась в сочинениях А. М. Скабичевского, А. Л. Волынского, М. П. Драгоманова²⁰³.

Сотрудник «Отечественных записок», критик и историк литературы Скабичевский в своих «Очерках» справедливо выступил против авторов, стремившихся отождествить воззрения Герцена и славянофилов. В 1874 г. его очерки были уничтожены цензурой и вошли впоследствии в собрание сочинений под названием «40 лет русской критики».

Литературный критик и искусствовед Волинский (наст. фамилия — Флексер) с начала 90-х годов в серии статей в журнале «Северный вестник» резко критиковал Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Михайловского. После Белинского в их идеях он видел только «какой-то странный бред публицистических недоразумений»²⁰⁴. В 1896 г. статьи были собраны в его книге «Русские критики».

Публицист и этнограф Драгоманов, находясь в основном в эмиграции, позволял себе критическое отношение к политике александровского царствования, к деятельности либералов, а также к представителям революционного крыла — Герцену, Чернышевскому, Бакунину.

В 80-х годах появился обстоятельный очерк С. С. Татищева «Социально-революционное движение в России»²⁰⁵, последовательно излагающий события и факты оппозиционной жизни. В 1880 г. публицист А. П. Мальшинский в «Обзоре социально-революционного движения в России» утверждал, что революционная пропаганда явилась не результатом влияния идей

социализма, пришедших извне, а следствием разложения общества, «потерявшего свое равновесие»²⁰⁶. В 80-х годах появляются и первые марксистские работы Г. В. Плеханова, посвященные истории и критике народнического революционного движения, а также некоторым вопросам идейно-политического движения 40—60-х годов, особенно взглядам Чернышевского²⁰⁷.

Одним из первых (1881) посвятил «хождению в народ» несколько страниц своей книги «Подпольная Россия» революционный народник С. Степняк-Кравчинский²⁰⁸. Он показал влияние политической эмиграции, Интернационала и Парижской коммуны на представителей интеллигенции России, раскрыл взаимодействие западноевропейского и русского социалистического движения.

Публицист Н. П. Голицын в своей истории социально-революционного движения в России (1887) считал, что русская политическая эмиграция, «цюрихские революционеры», снарядили целую армию глашатаев и наставников по бакунинскому завету «в леса и народ». Но народ устоял, подчеркнул он, не послушался корифеев революционной эмиграции²⁰⁹.

В 90-х — начале 900-х годов наблюдается заметный рост изданий различного характера и масштаба по отдельным темам революционных выступлений в пореформенный период, а также об идейных вдохновителях этого движения.

В это время публикуется целый ряд работ В. И. Ленина, где он определил главные черты «первых русских социалистов» («Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»), дал свою характеристику пореформенной эпохи («Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве») и утверждал, что именно марксисты являются верными хранителями и продолжателями традиций передовых шестидесятников («От какого наследства мы отказываемся?»)²¹⁰.

В годы первой русской революции Ленин развивает свои взгляды на народничество. В статье «О народничестве» он убежденно пишет: «Крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества»²¹¹.

Один из видных идеологов народничества П. Л. Лавров в 1895 г. в Женеве издал книгу «Народники-пропагандисты», в которой обстоятельно показал роль и влияние политической эмиграции на «хождение в народ»²¹².

В 1905 г. легальными в России стали имена А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, М. Л. Михайлова, братьев Н. А. и А. А. Серко-Соловьевичей, Н. В. Шелгунова и других революционеров. Были опубликованы сочинения Герцена, Чернышевского, следственные материалы, переписка, мемуарные источники, документальные сборники по истории революционного движения.

В 1909 г. довольно подробно «хождение в народ» было изложено в книге либерального историка Л. Барриве «Освободитель-

ное движение в царствование Александра второго». В работе отмечается наличие элементов организованности в движении разночинцев и единство целей его участников²¹³.

Богатый фактический материал о правительственной политике и революционном экстремизме содержит книга крупного либерального историка А. А. Корнилова «Общественное движение при Александре II»²¹⁴. В книге «легального марксиста» В. Я. Богучарского (основной из литературных псевдонимов историка В. Я. Яковлева) «Активное народничество семидесятых годов» (1912) приведен обстоятельный анализ основных идейных течений революционной мысли. Как отметил Б. С. Итенберг, автор допустил принципиальную ошибку: он сблизил идеологию революционного народничества со славянофильством²¹⁵.

В 1913 г. появилась уже упоминавшаяся книга историка публициста Б. Б. Глинского «Революционный период русской истории. 1861—1881 гг.», в которой автором собран обильный материал.

В первые годы советской власти по интересующей нас теме публикуются работы Ю. М. Стеклова, В. И. Невского, М. Н. Покровского²¹⁶. К сожалению, ничего существенного эти авторы не внесли в историю революционного движения 60—70-х годов.

В 1929 г. вышла книга Феликса Кона «История революционного движения в России»²¹⁷, в которой автор сделал ряд важных обобщений о «хождении в народ». В частности, он указал, что помимо воли участников «хождения в народ» стихийно создавалась «своеобразная организация».

В следующем году М. Поташ в книге о народничестве социализме проанализировал идейные предпосылки и значение «хождения в народ» в развитии программных и тактических установок народников²¹⁸. С середины 1930-х годов под влиянием культа личности Сталина разработка темы народничества по существу была приостановлена и заменена негативными, односторонними оценками.

После XX съезда КПСС (1956) вновь началась активная исследовательская работа в области народничества. За ее разработку принялись не только историки, но и литературоведы, философы и экономисты. Свою роль сыграли и проведенные в октябре 1959 г. дискуссии в МГУ, на страницах журналов «Вопросы литературы» и «Истории СССР».

Оживление в исторической науке породило многообразие форм публикаций — от книг и статей до авторефератов диссертаций и тезисов различных конференций. Для работ, опубликованных в конце 1950-х и в 1960-х годах, присущи во многом качественно новая направленность исследования, многоплановость и сложность рассматриваемой проблемы.

Особого внимания из них заслуживает книга Ш. М. Левина «Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века»²¹⁹,

явившаяся итогом многолетнего труда автора. В работе рассматриваются практически все основные идейные течения в русском обществе и правительственном лагере на протяжении двух пореформенных десятилетий. Находясь на железных рельсах классового подхода, Левин всемерно прославлял террористов-народников, раскалывавших общество, разжигавших ненависть к существовавшему строю. К числу достижений он относил и резкую оппозиционность социально-революционного народничества русскому либерализму. Автор «пел дифирамбы» экстремистам, их верности идее насильственного ниспровержения самодержавия, нисколько не задумываясь, к чему это вело, закрывая глаза на предпринимаемые в стране широкие реформы во всех сферах жизни общества.

Примерно в таком же стиле написана брошюра Р. В. Филиппова «Первый этап «хождения в народ (1873—1874)»²²⁰, в которой показаны попытки народников найти «организующие начала движения» и рассказывается об их пропаганде в некоторых районах России.

С тех же позиций, вместе с тем глубоко и аргументированно, показывает народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. Б. С. Итенберг в своей книге «Движение революционного народничества», вышедшей в 1965 г.²²¹

Революционное движение 60—70-х годов XIX в. нашло свое отражение и за рубежом.

Вскоре после первых покушений на Александра II видный английский буржуазный журнал «Фортнайтли Ревью» опубликовал обширную статью русского писателя и журналиста П. Боборыкина «Нигилизм в России». Считается, что это была первая попытка в английской печати более глубоко проанализировать начавшееся в России движение разночинцев²²².

В 1883 г. немецкий либерально-буржуазный профессор Базельского университета Альфонс Тун в книге «История революционных движений в России», показав события 60-х годов, основное внимание посвятил революционному движению народнического и народовольческого периода²²³. Интересно, что у Чернышевского он отрицал всякие оригинальные идеи «в социально-экономической области», считая его «демократом и социалистом в смысле школы Сен-Симона и Фурье»²²⁴.

Итальянский историк Франко Вентури в 1952 г. напечатал свой капитальный труд «Русское народничество»²²⁵, в котором рассмотрел революционно-демократическое движение в России с начала зарождения русского утопического социализма до 1881 г. включительно. Автор провел добротный анализ теоретических источников русского крестьянского социализма. Вместе с тем, «народники нигде не смогли вызвать бунт или мятеж, — подчеркивает профессор Вентури. — Повсюду крестьяне слушали этих необычных странников с изумлением, удивлением, а иногда с подозрительностью»²²⁶.

В 1955 г. в Голландии вышла книга Д. Майера «Знание и революция. Русская колония в Цюрихе», в которой автор оценил народничество как чисто интеллектуальное движение²²⁷.

Преподаватель Варшавского университета М. Ваврикова в 1963 г. напечатала свою монографию «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», где проанализировала историю революционного народничества с середины 50-х годов до конца 1878 г.²²⁸

Ряд англо-американских историков не сомневается в объективно отрицательной роли революционных демократов. Нет сомнения, пишет Б. Пейрс, «они никогда не были способны ни на что, кроме вреда для России». А в ореоле революционеров повинно само правительство, своими неумелыми действиями превращавшее их в героев²²⁹.

Английский исследователь Д. Броуэр в своем труде (1975) дал достоверную оценку влияния системы просвещения России на формирование революционной молодежи²³⁰. М. Партридж предложила хорошо аргументированную трактовку развития революционной деятельности А. И. Герцена²³¹.

Краткий обзор историографии революционного движения 60—70-х годов XIX в., усложнение идеологических и познавательных задач убеждают, что объективное, научное разрешение сложной проблематики общественного движения в пореформенной России требуют дальнейшего беспристрастного, комплексного их изучения в тесной связи с другими вопросами без вульгарных и примитивных извращений.

Часть I

**СТАНОВЛЕНИЕ
ЛИЧНОСТИ
РЕФОРМАТОРА**

ВОСПИТАНИЕ НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА

Воспитание человека начинается с его рождения.

Ж.-Ж. Руссо

1. Детство и отрочество (1818—1834)

Истоки

Будущий российский император и реформатор Александр II родился в самом сердце страны — в Московском Кремле. Произошло это весной 1818 г. Как отмечают современники, весна тогда была теплая, светлая, буйно распускалась зелень.

Москва не успела еще оправиться от нашествия французов и страшного пожара двенадцатого года. Везде, даже на главных улицах, не исключая Тверской, виднелись обгорелые остовы стен, закоптелые, полуразрушенные дома, окруженные забором пустыри¹. Толпы празднично одетого народа в светлый день Пасхи гуляли по Кремлю, обращая внимание на скромное здание, стоявшее неподалеку от колокольни Ивана Великого. Это был дом митрополита Платона при Чудовом монастыре², в котором с конца сентября 1817 г. проживала великокняжеская чета³: 22-летний Николай Павлович, второй брат царствовавшего тогда императора Александра I⁴, и его 19-летняя супруга — Александра Федоровна, урожденная принцесса Прусская Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III⁵, готовившаяся стать матерью. Александра была родной племянницей и крестной дочерью английской королевы Софии-Шарлотты, супруги короля Георга III и, таким образом, родственницей будущей английской королевы Виктории-Александрины⁶.

По отзывам современников, великий князь Николай Павлович в то время еще не имел той величественной, могучей и статной фигуры, которая ныне представляется каждому при имени императора Николая I. Он был очень худощав и от того казался еще выше. Николай Павлович горячо любил свою молодую супругу, отвечавшую ему взаимностью.

И вот в среду, 17 апреля⁷, на четвертый день святой недели загудел златоглавый Иван Великий. Его торжественный звон подхватили колокола всех сорока сороков церквей Белокаменной. Первопрестольная столица, а затем и вся Россия узнали, что в этот день родился великий князь Александр Николаевич.

«...В 11 часов, — писала позже в своих мемуарах Александра Федоровна, — я услышала первый крик моего первого ребенка! Никс (вел. кн. Николай Павлович. — *Авт.*) целовал меня и плакал, и мы возблагодарили Бога вместе, не зная, даровал ли он нам сына или дочь, когда матушка (императрица Мария Федоровна, вдова Павла I)⁸, подойдя к нам, сказала: «Это сын». Мы почувствовали себя еще более счастливыми при этом известии, но помнится мне, что я ощутила нечто важное и грустное при мысли, что этому маленькому существу предстоит некогда сделаться императором»⁹. Появление новорожденного было возведено также 201 пушечным выстрелом, прозвучавшим в стенах Кремля.

Место рождения великого князя не случайно было выбрано в пределах Кремля. Благочестивая семья Романовых хорошо понимала, что значит для русских людей церковный центр России.

Весть о рождении Александра Николаевича широко обсуждалась «членами царской семьи, их иноземными родственниками, всей мыслящей Россией, поскольку и император Александр I, и его первый брат, цесаревич Константин Павлович¹⁰ (цесаревич в России — официальный титул наследника престола. С 1797 г. передавался только по мужской линии), были бездетны и царский престол должен был перейти в род Николая Павловича.

Рождение Александра Николаевича укрепило положение царствующей династии Романовых. Ведь целых двадцать лет в императорской семье не было приращения.

На августейшего младенца невольно были обращены взоры поэтов и писателей.

Подобно старику Державину, приветствовавшему рождение Александра I, молодой, известный поэт Жуковский, живший тогда при дворе великого князя Николая Павловича и преподававший русский язык матери новорожденного¹¹, отозвался на появление царственного первенца восторженной лирой.

Но он рожден в великом граде славы,
На высоте воскресшего Кремля;
Здесь возмужал орел наш двоеглавый,
Кругом его и небо и земля,
Питавшие Россию в колыбели;
Здесь жизнь отцов великая была.

По словам поэта, это приветствие «носило в ту минуту какой-то пророческий отпечаток». Жуковский назвал новорожденного «прекрасным России упованием» и предвещал, что державный отрок будет представителем «обильного чество века», «славного участник славный будет», что будет он «времен своих красой» и «на чреде высокой не забудет светлейшего из званий — человек».

Но уж судьба свой суд о нем сказала,
Уже в святилище ее стоит
Ему испить назначенная чаша¹², —

прозорливо предвидел Жуковский и будущую его трагическую судьбу.

Кормилицей младенца была назначена крестьянка подмосковного села Большие Мытищи Авдотья Гаврилова¹³.

По традиции крещение новорожденного совершили в церкви Чудова монастыря¹⁴. Издавна этот монастырь был особо почитаем. В его церкви Чуда Михаила Архангела крестили многих младенцев из царского дома: детей Ивана Грозного, в 1557 г. — царевича Федора¹⁵. В 1629 г. патриарх Филарет крестил своего внука — будущего царя Алексея Михайловича, а в 1672 г. здесь был крещен царевич Петр — будущий преобразователь России, император Петр Великий¹⁶.

«Во время крестин (совершившихся 29 апреля в Чудовом монастыре), — свидетельствовала августейшая супруга Николая Павловича, — нашему малютке было дано имя Александр; то был прелестный ребеночек, беленький, пухленький, с большими темно-синими глазами»¹⁷. Вдовствующая императрица Мария Федоровна после причастия, возложив на младенца знаки ордена св. Андрея Первозванного, следуя примеру матери Петра Великого, положила его в серебряную раку, где находились нетленные мощи св. Алексея, митрополита Московского¹⁸. Не менее важными для царской семьи были и военные традиции. Император Александр I, получив известие о радостном событии на пути из Варшавы в Одессу, 27 апреля в Бельцах Бессарабской области тотчас же назначил новорожденного великого князя шефом лейб-гвардии гусарского полка¹⁹. С годами он становится шефом свыше 30 отечественных и зарубежных частей и числится более чем в 20 полках и подразделениях²⁰.

9 июня августейший малыш был отправлен в Павловск в сопровождении адъютанта великого князя Николая Павловича штабс-капитана В. Ф. Адлерберга²¹, а также состоящих при младенце дам и доктора Крейтона. Туда же в середине июня возвратилась и великокняжеская семья.

Первоначальное воспитание ребенка, как обычно, было вверено женщинам — признанным воспитательницам. Державная бабушка, Мария Федоровна «всегда ровная, милостивая и добрая»²², не чая души в маленьком внуке, окружила его надзирательницами и боннами. Главной воспитательницей она определила Ю. Ф. Баранову, дочь своей близкой подруги Ю. Ф. Адлерберг²³. В качестве надзирательницы при великом князе состояла Н. В. Тауберт, а боннами — англичанки М. В. Коссовская²⁴, А. А. и Е. И. Кристи.

Естественно, большое влияние на мальчика имела его мать Александра Федоровна.

По отзывам близких к ней людей, это была талантливая, весьма образованная и одаренная богатым художественным вкусом женщина. С детства у нее был развит интерес к изучению истории, литературы и искусства, сохранившийся до конца ее

жизни²⁵. С первых дней пребывания в Северной Пальмире Александра Федоровна произвела на петербуржцев самое благоприятное впечатление. Высокая ростом, голубоглазая, она во многом напоминала свою мать — знаменитую своей красотой прусскую королеву Луизу²⁶.

Как «богиня красоты и грации» она очаровала всех своею любезностью, лаской, вниманием и оживляла беседы живою, остроумною речью²⁷. Жуковский, питавший к ней глубокое уважение до последних лет своей жизни, считал ее идеалом женщины.

В стихотворении «К портрету великой княгини Александры Федоровны» он пылко писал:

Для нас природа ей все прелести дала,
Для нас ее душа цвела и созревала:
Как гений радостей она пред нами стала
И все прекрасное с собой нам принесла²⁸.

Жуковский воспел ее под именем Лалла-Рук (героиня одноименной поэмы Томаса Мура²⁹).

«Александра Федоровна была добра, — отмечала позже фрейлина Тютчева, — у нее всегда была улыбка и доброе слово для всех, кто к ней подходил; но эта улыбка и это доброе слово никогда не выходили за пределы небольшого круга тех, кого судьба к ней приблизила»³⁰.

Всю жизнь, отмечала она в своих воспоминаниях, в ней жила склонность к меланхолии и мечтательности. После развлечений светской жизни она любила углубляться в самое себя и в такие минуты природа оказывалась для нее «столь же необходимой, как хорошая проповедь»³¹.

Став императрицей, Александра Федоровна была чужда всякого личного честолюбия и далека от желания властвовать. В своем дневнике Пушкин признавался: «Я ужасно люблю царицу»³². Он возвышенно описывает выходы государыни на придворные балы в восьмой главе «Евгения Онегина», когда она, «колеблясь подобно лилии крылатой», входит в тесный круг придворных:

И над поникшею толпою
Сияет царственной главою.

Александра Федоровна стремилась делать только добро и пользовалась своим влиянием, чтобы помогать ближним. Свою жизненную задачу она видела в благотворительности во всех ее видах, которую проводила с утонченною деликатностью.

Узнав о пожаре, уничтожившем в 1855 г. несколько домов на Черной речке, императрица послала немедленно доверенное лицо, наказав разузнать об убытках, понесенных каждой семьей, и раздать им пособие лично, «не говоря — от кого оно прислано». Оказывая много благодеяний, государыня всегда тщательно старалась скрыть, что эти благодеяния делаются ею;

истина открывалась иногда только по прошествии нескольких лет³³.

Царица не раз говорила, что слова «приказание и приказывать» понятны ей только в устах императора.

Под бюстом Александры Федоровны работы Рауха Николай приказал подписать слова: «Счастье моей жизни»³⁴.

Известно, что Николай Павлович страстно любил своего сына-первенца, но с детства воспитывал его по-спартански. Так, дочь Балугьянского, бывшего наставника Николая I, графиня М. М. Медем рассказывала: «В 1821 г. после нашего выпуска из Екатерининского института отец повез меня с сестрой в Аничковский дворец представить великой княгине Александре Федоровне. После нескольких приветствий великий князь Николай Павлович, который присутствовал при этом представлении, объявил, что желает похвастать своим сыном, и, несмотря на протест великой княгини, ввел всех троих в спальню сына, отодвинул ширму, разбудил спящего ребенка и вынул его из кровати, утверждая при этом, что солдат должен быть готов во всякое время. Потом, поставив сына на пол, сам стал рядом с ним на колени, взял громадный барабан и под звуки выбиваемого им самим марша заставил сына маршировать»³⁵.

Молодая чета оставляла своего сына на попечение бабушки во время двух поездок за границу, предпринятых для укрепления здоровья великой княгини Александры Федоровны с сентября 1820 по август 1821 г. и осенью 1824 г.³⁶ Под «властью» женского общества «маленький Саша» пробыл до шестилетнего возраста, когда его воспитание перешло к Карлу Карловичу Мердеру³⁷.

Воспитатель
К. К. Мердер

В высшей степени ответственную и важную должность воспитателя подрастающего великого князя

Мердер вступил 8 июля 1824 г. в возрасте 36 лет, за полтора года до того, как Александр Николаевич сделался наследником престола³⁸. «Выбор Мердера самим государем, — пишет Смирнова-Россет, — удивил петербургскую публику и доказывает проницательность императора. Мердер был очень дурен, весь в рябинках; его взор был строгий, прямой, он был знаток детства»³⁹.

Мердер пробыл при великом князе 10 лет, почти до самой своей смерти в 1834 г. Все эти годы Мердер считал главной целью жизни — быть полезным воспитаннику, которому он отдал самого себя, все свое время, отдых и досуг.

«Государь дал мне то, что для него и для целой России всего драгоценнее. Да поможет мне Бог исполнить мое великое дело!» — записал он в своем дневнике 21 августа 1826 г.⁴⁰

Мердер принимал живейшее участие в детских играх и учебных занятиях наследника, не оставляя его без надзора ни днем,

ни ночью. Такая близость давала Карлу Карловичу возможность внимательно наблюдать за нравственным развитием будущего русского императора и в последующем деятельно помогать наставнику великого князя В. А. Жуковскому в его заботах «об умственном и духовном просвещении воспитанника».

Капитан Мердер был лично известен Николаю Павловичу как ротный командир, сформированной в 1823 г. в Санкт-Петербурге школы гвардейских подпрапорщиков. Родился он 8 января 1787 г. в г. Белице Могилевской губернии в семье городничего. В 11 лет он был отвезен в Петербург и определен в 4-й кадетский корпус, где в короткое время вошел в число лучших воспитанников. В 1804 г. Мердер, успешно окончив курс учения, был произведен корнетом в Елисаветградский гусарский полк. Он показал себя храбрым боевым офицером, израненным в походах 1805—1807 гг., особенно проявив себя при Аустерлице. В 1809—1823 гг. — дежурный офицер 1-го кадетского корпуса.

О Мердере, несомненно оказавшем большое и благотворное влияние на будущего императора, его коллега по воспитанию В. А. Жуковский отозвался в следующих выражениях: «Отменно здравый ум, редкое добродушие и живая чувствительность, соединенные с холодною твердостью воли и неизменным спокойствием души, — таковы были отличительные черты его характера»⁴¹.

Имея от природы натуру деятельную и любознательную, Карл Карлович постоянно трудился, приобретая новые знания с тем, чтобы впоследствии поделиться ими со своим воспитанником. Про Мердера говорили, что он был рыцарем чести. Его ежедневные записи в дневнике, а также постоянное, доброжелательное расположение к нему членов царской семьи служат лучшим доказательством того, как «благоразумно и добросовестно исполнял Карл Карлович свои обязанности»⁴².

Известно, что предок Мердера прибыл в Россию из Германии, поэтому Николай Михайлович Карамзин, написавший «Историю государства Российского», в записке, поданной императору Александру I, выразил горячее желание русских людей того времени: «О, дай Бог, чтобы когда-нибудь русские воспитывали великих князей наших! Желая сего счастья милому Александру Николаевичу!»⁴³. И, действительно, это пожелание исполнилось. В. А. Жуковский, с ним К. И. Арсеньев⁴⁴ и некоторые другие из русских вскоре были назначены наставниками и воспитателями великого князя.

Восстание декабристов

Прежде чем продолжить разговор о воспитании Александра Николаевича, я вынужден несколько остановиться на событиях, происшедших в конце 1825 г. и отразившихся самым непосредственным образом на судьбе великого князя.

19 ноября 1825 г. неожиданно от тифозной горячки умер вдали от Петербурга, в Таганроге «победитель непобедимого Наполеона», «умиротворитель Европы», «царь царей» Александр I Благословенный. Гонец, посланный в С.-Петербург, принес императорской семье горестные слова овдовевшей Елизаветы Алексеевны: «Наш ангел на небесах, а я еще здесь»⁴⁵.

Сына у Александра I не было, а две дочери умерли в раннем детстве. Наследником престола должен был стать его брат цесаревич Константин, второй сын Павла I, главнокомандующий польской армией. Однако в письме от 14 января 1822 г. по настоянию Александра I Константин⁴⁶ отрекся от престола, основанием чему послужил, по всей видимости, его морганатический брак с польской графиней Жанетой Грудзинской (Лович)⁴⁷, особе не царской крови. По принятым тогда правилам престолонаследия Константин не мог передать в дальнейшем престол своим потомкам.

Манифестом от 16 августа 1823 г. Александр I назначил наследником престола следующего брата⁴⁸ — Николая, который занимал должность главного инспектора инженерной части. Акт отречения и манифест не были обнародованы и доведены до его сведения, хотя Николай Павлович помнил, что еще летом 1819 г. Александр I в доверительном разговоре в присутствии Александры Федоровны принял решение «уступить свои права на престолонаследие ему и его потомству»⁴⁹.

О манифесте знал узкий круг людей: Александр I, императрица-мать Мария Федоровна, граф А. А. Аракчеев, князь А. Н. Голицын — любимцы императора и Филарет — митрополит Московский, редактировавший текст манифеста⁵⁰.

Данный манифест в четырех экземплярах хранился в Москве в Успенском соборе, в Петербурге — в сенате, синоде и в Государственном совете⁵¹ с собственноручной надписью царя: «Вскрыть после моей смерти».

Из-за таинственности, которой был облечен вопрос о престолонаследии, создалось двусмысленное и взрывоопасное положение междуцарствия. Николай принес присягу в Петербурге Константину, а Константин в Варшаве принес присягу младшему брату Николаю. 27 ноября население было приведено к присяге Константину. Таким образом, Константин формально являлся новым императором. В магазинах выставили его портреты, даже успели отчеканить несколько новых монет с его изображением.

Сложилось уникальное явление во всемирной истории: два брата, наследники престола спорили друг с другом не о том, кто захватит власть, чему не счесть примеров, а, напротив, отказывались от трона один в пользу другого.

Константин еще 26 ноября отправил своего брата великого князя Михаила Павловича из Варшавы в Петербург с письмом к императрице — матери Марии Федоровне и брату Николаю, где подтверждал свой отказ от престола.

Только получив второе письмо от Константина 12 декабря, великий князь Николай согласился принять престол, и «переприсяга» была назначена ему на 14 декабря. В этот же день — 12 декабря Николай получил письмо из Таганрога от Дибича о готовящемся обширном заговоре⁵².

Тогда же, как бы предчувствуя недоброе, он написал в Таганрог князю П. М. Волконскому: «Воля Божья и приговор братний надо мной свершаются. 14-го числа я буду или государь — или мертв!»⁵³

Трехнедельное междуцарствие и принесение новой присяги взволновали население и армию. Константин был более популярен среди армии. Он участвовал в боях с Наполеоном⁵⁴, в 1812—1813 гг. командовал гвардией. Николая же недолюбливали за его солдафонские наклонности. Сложившейся ситуацией решили воспользоваться члены Северного тайного общества⁵⁵. План переворота, разработанный ими на квартире поэта Кондратия Рылеева⁵⁶, предполагал воспрепятствовать присяге, поднять сочувствующие войска, привести их на Сенатскую площадь и силой оружия, если не захотят добром, заставить сенаторов объявить правительство низложенным и издать революционный Манифест к русскому народу.

Манифест предусматривал свержение правительства, отмену крепостного права, уничтожение рекрутчины, объявление гражданских свобод и созыв Учредительного собрания.

14 декабря произошло восстание в Петербурге. На Сенатской площади под знаменами восстания собралось около трех тысяч солдат при 30 офицерах. Несколько десятков тысяч сочувствующих из «простонародья», «черной кости» готовы были поддерживать восставших.

Тем не менее, декабристы не достигли поставленных целей. Предупрежденный 12 декабря подпоручиком Яковом Ростовцевым⁵⁷, Николай Павлович опередил членов тайного общества.

Сенат и Государственный совет присягнули ему рано утром, в 7 часов 20 минут, еще затемно. Диктатор восстания князь Сергей Трубецкой⁵⁸ не явился на площадь и этим внес разлад и неуверенность в ряды декабристов. Петр Каховский, намеревавшийся убить Николая I, с наступлением утра отказался от своего замысла, не захотел быть террористом-одиночкой⁵⁹.

Отказался действовать по плану — вести войска на Зимний дворец и капитан Александр Якубович⁶⁰. Он опасался того, что в схватке солдаты убьют Николая и его близких и вместо ареста царской семьи случится цареубийство. Каре восставших неоднократно беглым огнем отражало натиск верной Николаю конной гвардии.

Не принесли успеха попытки уговорить восставших, предпринятые губернатором графом М. Милорадовичем, митрополитом Серафимом и великим князем Михаилом Павловичем⁶¹. При этом граф Милорадович был смертельно ранен Каховским. К

вечеру декабристы выбрали нового «диктатора» — князя Евгения Оболенского, начальника штаба восстания⁶².

Он трижды пробовал созвать военный совет, но было уже поздно. Николай взял инициативу в свои руки и собрал на площади против восставших вчетверо большие силы. В его распоряжении находилось 36 артиллерийских орудий. «Погода из довольно сырой, — писал позже Николай I в опубликованных записках, — становилась холоднее; снегу было весьма мало, и оттого весьма скользко; начинало смеркаться, ибо уже 3 час пополудни. Шум и крики делались настойчивее, и частые ружейные выстрелы ранили многих из конной гвардии и перелетали через войска; большая часть солдат на стороне мятежников стреляли вверх. Выехав на площадь, желал я осмотреть не будет ли возможности, окружив толпу, принудить к сдаче без кровопролития. В это время сделали по мне залп: пули просвистали мне чрез голову и, к счастью, никого из нас не ранило. Рабочие Исаакиевского собора⁶³ из-за заборов начали кидать в нас пеньями. Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни и тогда окруженные ею войска были бы в самом трудном положении»⁶⁴.

Николай отдал приказ стрелять картечью. К ночи все было кончено.

Из документа чиновника Министерства юстиции по статистическому отделению С. Н. Корсакова мы узнаем, что в день 14 декабря было «убито народа»: генералов — 1, штаб-офицеров — 1, обер-офицеров разных полков — 17, нижних чинов лейб-гвардии Московского полка — 93, гренадерского — 69, /морского/ экипажа гвардии — 103, Конного — 17, во фраках и шинелях — 39, женска пола — 9, малолетних — 19, черни — 903. Общий итог убитых — 1271 человек»⁶⁵.

Из-за поступивших доносов в тот же день — 14 декабря были арестованы на юге 13 человек членов Южного тайного общества⁶⁶. Видя, что заговор раскрыт, прочие члены Южного общества приняли решение действовать с оружием в руках. Они сумели возмутить войска уверением, что Константин Павлович не отрекся от престола.

29 декабря 1825 г. в селе Трилеса началось восстание Черниговского полка, возглавленное членами Южного общества подполковником С. Муравьевым-Апостолом и подпоручиком М. Бестужевым-Рюминым⁶⁷.

Восставшие войска заняли Васильков и оттуда двинулись к Киеву на соединение с другими полками. Посланный навстречу восставшим отряд правительственных войск встретил их залпами картечи, и 3 января 1826 г. восстание на юге было подавлено.

После разгрома обоих восстаний к следствию было привлечено 579 человек. Пятеро руководителей — П. И. Пестель⁶⁸, С. И. Муравьев-Апостол, К. Ф. Рылеев, М. П. Бестужев-Рюмин и П. Г. Каховский 13 июля 1826 г. повешены. 121 человек сослан

на каторгу и на поселение в Сибирь. Репрессиям подверглись также более 3 тысяч солдат.

Наиболее активные участники выступлений из числа солдат были прогнаны сквозь строй, некоторые выжившие сосланы в Сибирь на каторгу или поселение.

Штрафной Черниговский полк и другой сводный полк из деятельных участников восстания были сосланы на Кавказ, где в то время велись энергичные военные действия.

Восстание декабристов⁶⁹ стало первым открытым выступлением с оружием в руках с целью свержения самодержавия и ликвидации крепостного права. Оно, несомненно, оказало сильное влияние на Николая I и его семью. Самодержец назвал 14 декабря роковым днем. «Видя, что дело становится весьма важным и не предвидя еще, чем кончится, — признавался Николай Павлович, — послал я Адлерберга с приказанием к шталмейстеру (заведующий царскими конюшнями. — *Авт.*) князю Долгорукому готовить загородные экипажи для матушки и жены и намерен был в крайности выпроводить их с детьми под прикрытие кавалергардов в Царское Село»⁷⁰.

Во время событий на Сенатской площади обе императрицы находились в обществе историографа Карамзина, который по своим дружеским отношениям к царской семье имел право утешать цариц и был свидетелем их слез. «Государь прислал предупредить свою супругу, — пишет Яковлев, — что он вынужден сделать несколько пушечных выстрелов, но, несмотря на это предупреждение, выстрел до того поразил Александру Федоровну, что у нее с тех пор на всю жизнь осталось нервное движение на лице. Мать и супруга слились в одну общую молитву, которую прервал генерал Толь⁷¹ возгласом: «Государь идет». Александра Федоровна бросилась навстречу к мужу, обняла его и мысленно благодарила Бога за спасение Николая.

Вечер этого дня Николай Павлович провел в своей семье. «Какое начало царствования!» — воскликнул он в одно время со своей женой»⁷². Императрица начала писать письмо к отцу, описывая события дня, но перо выпало из ее рук и она почти без чувств упала тут же, от усталости и потрясения пережитых ею волнений.

Александра Федоровна 15 декабря 1825 г. восклицала о пережитом: «Боже! Что за день! Каким памятным он останется на всю жизнь! Я была совсем без сил, не могла есть, не могла спать, лишь совсем поздно, после того как Николай успокоил меня, сказав, что все тихо, я легла и спала, окруженная детьми, которые тоже провели эту ночь как бы на бивуаках. Три раза в течение ночи Николай приходил мне сообщить, что приводят одного арестованного за другим и что теперь открывается, что все это — тот самый заговор, о котором писал Дибич. В 3 часа Милорадович скончался. Мне день 14-го представляется днем Промысла Божия, так как эта открытая вспышка даст возмож-

ность скорее и вернее установить как участников, так и самые размеры заговора»⁷³.

Мы знаем, что участников заговора Николай I так и не простил до самой своей смерти.

Прощение декабристы получили уже от его сына Александра Николаевича, который манифестом 12-го декабря 1825 г. в семилетнем возрасте был провозглашен наследником всероссийского престола⁷⁴.

На всю жизнь Александр Николаевич сохранил впечатления от дня восстания декабристов. На «маленького Сашу» — так звали его в императорской семье — надели Андреевскую ленту и вывели к построенному на дворе гвардейскому саперному батальону. Император, обратясь к саперам, просил их полюбить его сына, как сам он любит их. Потом передал его на руки находившимся в строю Георгиевским кавалерам, приказав первому человеку от каждой роты подойти его поцеловать. «Саперы с кликами радости и восторга, — отмечает Корф, прильнули к рукам и ногам наследника»⁷⁵.

Казалось бы сильные впечатления декабря 1825 г. должны были ожесточить юного наследника престола. Но душа его остается среди неизбежных, увы, страстей времени чистою, кроткою, любящею и доброю.

Он продолжал вести прежнюю жизнь под надзором Мердера, лишенную всякой роскоши и чопорности. Так, когда однажды французский посол маршал Мармон⁷⁶, согласно обычаям своей страны, просил позволения представиться восьмилетнему великому князю, Николай Павлович отклонил эту просьбу следующими словами: «Вы, значит, хотите вскружить ему голову? Какой прекрасный повод к тому, чтобы возгордиться этому мальчугану, если бы стал выражать ему почтение генерал, командовавший армиями!.. Я хочу воспитать в моем сыне человека, прежде чем сделать из него государя»⁷⁷. Вместо официального представленья Николай пригласил Мармона познакомиться с наследником в Царском Селе.

Действительно, посол отправился в Царское Село, где в одном из парков нашел великого князя с сестрами, Марией и Ольгой Николаевнами⁷⁸. Наследник привел в восхищение гостя своей ловкостью, находчивостью и живостью. Когда вся компания сядила в лодку, последняя случайно накренилась и зачерпнула воды. Другой ребенок в таком случае испугался бы и вскрикнул, но Александр Николаевич смело схватил багор, поспешно оттолкнул лодку от берега и спокойно стал грести.

Умение держать себя в обществе, на людях, было отличительной чертой маленького наследника. Так, во время коронации государя в Москве летом 1826 г., он приводил в неописуемый восторг жителей Первопрестольной, когда в лейбгусарском мундире и на арабском коне появился в свите своего отца или участвовал в парадах в строю гусар. Когда приближен-

ные выразили царю восхищение и удивление поведением наследника и умением его с достоинством держать себя, Николай Павлович с уверенностью сказал вслух: «Я покоен насчет моего сына, он в хороших руках»⁷⁹.

Что же касается общего преподавания наук и руководства всем обучением великого князя, то на эту ответственную должность был призван человек высоких нравственных убеждений — В. А. Жуковский, пользовавшийся особым расположением обеих императриц, Марии Федоровны и Александры Федоровны, а также успевший себе приобрести громадную известность, как один из самых замечательных русских поэтов начала XIX в.

Наставник
В. А. Жуковский

Итак, в 1826 г. Василий Андреевич Жуковский был приглашен наставником наследника престола.

Это был человек редкостных душевных качеств, «чистая душа», как его называл один из его друзей А. И. Тургенев⁸⁰. В груди его билось необыкновенно нежное, чувствительное сердце.

Родился Жуковский 28 января (9 февраля) 1783 г. в селе Мишенском Белевского уезда Тульской губернии. Он был внебрачным сыном богатого помещика Бунина и турчанки Сальхи, взятой в плен при штурме крепости Бендеры⁸¹. Одаренный от природы Жуковский получил к тому же весьма добротное образование: во-первых, семейное и, во-вторых, школьное. В семье, где он родился и вырос, по его собственному выражению, была «целая династия хороших писателей».

Важнейшим периодом творческого формирования будущего поэта стало его пребывание в Благодородном пансионе при Московском университете (1797—1800). На выпускных экзаменах в июне 1800 г. он признан первым учеником и награжден специальной именной медалью. За время учебы Жуковский проявил разнообразные дарования: показал блестящее знание изучаемых предметов, перевел и напечатал несколько произведений — в стихах и прозе, неплохо рисовал, играл на фортепьяно и пел. Но при разносторонней подготовке и богатстве душевных качеств, Василий Андреевич никогда не считал своего обширного образования законченным и постоянно стремился к дальнейшему развитию своих умственных и духовных сил. Создал строго продуманную систему самовоспитания. Приехав к регулярному труду, он овладел ведущими европейскими языками — древними и новыми. Многочисленные пометки его на книгах свидетельствуют о том, что уже в молодые годы Жуковский перечитал уйму русских и иностранных художественных произведений, труды по философии, эстетике, теории словесности. Василий Андреевич вырабатывает собственное представление о важнейших этических и эстетических принципах. Он стал родоначальником романтизма в русской литературе. В печати Жуковский дебютировал стихотворением «Майское утро» (1797).

Литературная известность и читательский успех приходят к нему с элегией «Сельское кладбище» (1802), в которой Вл. Соловьев усмотрел «начало истинно человеческой поэзии в России»⁸².

Жуковский все более углубляется в литературное творчество. Особенно плодотворным для него был 1806 г., ознаменованный «лирическим взрывом», созданием около 50 стихотворений разных жанров. В 1808—1809 гг. Василий Андреевич исполнял обязанности редактора и издателя одного из лучших журналов того времени — «Вестника Европы». С 1808 г. в свет выходит большой цикл первоклассных баллад поэта (всего им создано 39 баллад), открывших романтический мир идей и чувств. Широкий отклик в его творчестве нашла Отечественная война 1812—1814 гг. 10 августа 1812 г. в звании поручика 29-летний Жуковский вступил в Московское ополчение, а во время Бородинского сражения находился на поле боя в резервном полку. Главным словом об Отечественной войне стало его стихотворение «Певец во стане русских воинов», которым поэт «сделал эпоху в Русской словесности и — в сердцах воинов»⁸³.

В 1815 г. Жуковский был приближен к царскому двору. Принимая во «внимание его труды и дарования», по высочайшему повелению в декабре 1816 г. ему назначен пожизненный пенсион (4000 рублей в год).

Жуковский, независимо от того положения, какое занимал при августейшей ученице с 1817 г., был уже в некоторой степени подготовлен к принятию предложенного ему нового высокого назначения — быть наставником наследника. Тем не менее с трепетом и с глубокой обдуманностью решил он принять сделанное ему предложение, сознавая высокую ответственность, какая возлагалась на него.

«Помолитесь за меня, — писал он своей племяннице А. П. Елагиной⁸⁴ из-за границы 7(19) февраля 1827 г., куда ездил лечиться, — на руках моих теперь важное и трудное дело, и ему одному посвящены все минуты и мысли. Стихов писать некогда... В голове одна мысль, в душе одно желание: не думавши, не гадавши, я сделался наставником наследника престола. Какая забота и ответственность (не ошибайтесь: наставником, а не воспитателем — за последнее я никогда бы не позволил себе взяться)!.. Цель для целой остальной жизни... По плану учения великого князя, мною сделанному, все лежит на мне. Все его лекции должны сходиться в моей, которая есть пункт соединения; другие учителя должны быть только дополнителями и репетиторами. Можете из этого заключить, сколько мне нужно приготовиться, чтобы лекции могли идти без всякой остановки»⁸⁵.

Жуковский всю свою жизнь оставался тихим и скромным человеком, всегда предобросовестно относящимся ко всякой выпадавшей на его долю работе. Находясь близко ко двору, он никогда не стремился извлечь для себя собственных выгод, но

зато за других всегда был готов ходатайствовать перед Николаем I. И неоднократно удавалось ему своим заступничеством облегчить чью-нибудь тяжелую долю или помочь в решении сложного дела.

Попутно замечу, в те отдаленные времена, когда мало кто задумывался над этим вопросом, Василий Андреевич Жуковский, движимый непосредственным чувством гуманности и справедливости, освободил своих крепостных.

Таков был человек, которому в 1826 г. Николай I, наряду с К. К. Мердером, вверил воспитание своего сына. Не подлежит сомнению, что влияние такого высокогуманного воспитателя имело свое благотворное влияние на его царственного питомца. Недаром в приветствии к Жуковскому князь П. А. Вяземский сказал:

Еще пред ним раскрылся жребий славный
Святой залог приняв из царских рук,
Он пробудил в младой семье державной
Благой рассвет познаний и наук⁸⁶

План обучения

Кажется, Жуковский сделал все, что возможно было при тогдашних условиях и в его положении. К осени 1826 г. им был составлен основательно продуманный «План обучения». В основу воспитания Василий Андреевич положил начала известного швейцарского педагога — демократа Песталоцци, с практическим применением которых он познакомился за границей⁸⁷.

По суждениям Песталоцци, в воспитании человека должны участвовать три фактора — личность воспитателя, влияние воспитателя на своего питомца своим примером, своими убеждениями, сама жизнь, окружающие воспитанника условия жизни, в борьбе с которыми вырабатывается самостоятельность и закаляется характер, и, наконец, чувство человеколюбия в воспитании, сознание им своего долга перед людьми, деятельная любовь к людям. Исходя из этих трех начал, Жуковский разделил время и предметы занятий наследника от 8 до 20 лет.

Сообразно с возрастом, в первый период, отроческий, учение должно носить характер подготовительный, во второй — юности — более подробный, детальный, в третий — первых лет молодости, приближающийся к более зрелому возрасту, — применительный. В первый период, от 8 до 13 лет, по образному выражению Жуковского, воспитаннику дается компас (развитие ума и сердца), карта (краткие сведения по некоторым наукам) и орудия, необходимые в жизненном пути (знание языков и развитие природных способностей).

Во второй период, от 13 до 18 лет, совершается уже путешествие, которое состоит в обстоятельном изучении наук, имеющих целью познакомить воспитанника с человеком и с окружающим миром.

В третий период, от 18 до 20 лет, подводятся итоги совершенного путешествия и составляется самостоятельный отчет о пройденном.

Эта последняя работа должна, по мысли Жуковского, сводиться к следующему:

- 1) обозрение знаний, приобретенных во втором периоде;
- 2) взгляд на место, занимаемое человеком в обществе, и на обязанности, с ним связанные;
- 3) отчет в самом себе, перед самим собою и утверждение в правилах добродетели;
- 4) идеал человека вообще и государя в особенности.

Все предметы занятий Жуковский разбил на четыре группы, сообразно выше указанным периодам «путешествия». В первую группу он включил практическую логику для образования ума и начала христианской нравственности для образования сердца. Параллельно должны были излагаться начала русской грамматики, геометрии, арифметики и священной истории.

Во вторую группу вошли науки о природе: география, физика, геология, ботаника, зоология и другие, и о человеке: право, история, статистика. Особое внимание обращалось на религию. Третью группу составили иностранные языки — французский, немецкий, английский и польский. К четвертой группе отошло развитие природных дарований, преподавание рисования и музыки, знакомство с архитектурой, гимнастика, ручная работа и чтение.

Наследники престола по установившейся традиции с ранних лет обучались ратному делу и проходили весь цикл военной службы. Поэтому Жуковский в своем плане отвел соответствующее место военной подготовке. Вместе с тем, Василий Андреевич считал нужным предостеречь от увлечения военными занятиями, чтобы они занимали второстепенное место и отнюдь не мешали научным. Для военных упражнений будущего государя Жуковский предлагал учредить что-то наподобие потешных полков Петра I, набрав в них от 100 до 200 благовоспитанных детей.

Согласно плану Жуковского, все входившие в круг образования царевича науки должны были сделать из него просвещенного монарха — человека, призванного осуществить благо вверенного ему народа.

В своем докладе Николаю I Жуковский отмечал: «Во-первых, скажу: его Высочеству нужно быть не ученым, а просвещенным. Просвещение должно познакомить его только со всем тем, что в его время необходимо для общего блага, и во благе общем — для его собственного. Просвещение в истинном смысле есть многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью. Человек знающий, но не нравственный, будет вредить, ибо худо употребит известные ему способы действия»⁸⁸.

Говоря об обязанностях монарха относительно своих подданных, Жуковский подчеркивает: «Уважай закон. Люби и распро-

странней просвещение, оно — сильнейшая подпора благонамеренной власти; народ без просвещения есть народ без достоинства. Люби свободу, т. е. правосудие, ибо в нем и милосердие царей и свобода народов, свобода и порядок — одно и то же. Окружай себя достойными тебя помощниками... Уважай народ свой: тогда он сделается достойным уважения. Люби народ свой. Имей в душе идеал прекрасного — верь добродетели! Сия вера есть вера в Бога, она защитит душу твою от презрения к человечеству, столь пагубного в правителе людей»⁸⁹.

Какая тут огромная разница в сравнении с инструкцией для воспитания великих князей Александра и Константина Павловича! Там вполне отразился сухой рассудочный дух XVIII столетия: «Понеже детям надлежит быть щедрыми, для того поваживать их к дележу... уверяя, что щедрый не останется без награждения, и в самом деле щедрейшему дать вдвое...» «Да будет то, что бабушка приказала непрекословно исполнено; что запретила... то чтобы казалось столько же трудно нарушить, как переменить погоду по их хотенью». У идеалиста Жуковского в основу положено сердце, и самый авторитет отца опирается на любовь: «Его Высочество, — пишет он, — должен приучиться действовать без награды: мысль об отце должна быть его тайною совестью»⁹⁰.

Главной наукой будущего монарха, «сокровищницей царского просвещения» Жуковский называет историю. По его мнению, история даст наследнику престола понятие о периодах времени и народа, заставит полюбить человечество. Она наставляет «опытами прошедшего», ими объясняет настоящее, предсказывает будущее, она знакомит государя с нуждами его страны и его века»⁹¹.

Важное значение Жуковский придавал выбору книг для чтения, замечая, что чтение должно идти рядом с учением: «...нет ничего вреднее привычки читать все, что ни попадает в руки. Это приводит в беспорядок идеи и портит вкус»⁹². По его предложению была составлена образцовая библиотека. Для выработки сознательного отношения к занятиям и окружающей жизни в круг обязанностей наследника и его товарищей было включено ведение дневников. Даже прогулкам в свободное от занятий время придавалось по возможности образовательное значение: они должны быть посвящены осмотру общественных заведений, зданий, кабинетов, мануфактур и т. д.

Для контроля за знаниями наследника назначались ежемесячные и полугодовые экзамены в присутствии императора или императрицы. Представив свой «план» на усмотрение Николая I, Жуковский просил, в случае его утверждения, строго следовать во всем этому плану.

Василий Андреевич предусмотрел в своем плане все вопросы подготовки наследника, вплоть до мелочей.

Постоянное место занятий зимою было определено в Петербурге, летом — в одном из загородных дворцов.

Учение представляется в плане Жуковского святым, ничем никогда не нарушимым делом. «Дверь учебной горницы, — отмечает он, — в продолжение лекций должна быть неприкосновенна... из этого правила не должно быть ни для кого исключения»⁹³. Тщательно была расписана обстановка классной комнаты, зала для гимнастических упражнений, мастерской для ручного труда.

Себе лично Жуковский, кроме общего руководства, оставил преподавание русского языка и позже — отечественной истории. Решившись на ответственную обязанность общего руководителя, Жуковский тем не менее настаивал на том, чтобы, кроме него и Мердера, был избран еще и новый всесторонний по своим качествам воспитатель.

По настоянию Жуковского, главным воспитателем был назначен генерал-лейтенант П. П. Ушаков⁹⁴, который, однако, скорее номинально был главным, — в действительности же таким остался В. А. Жуковский, в руках которого находились все нити обучения.

Таким образом, Жуковским была создана хорошо продуманная, цельная система воспитания и образования наследника, рассчитанная на 12 лет, с 1826 по 1838 г.

Император Николай I, разделяя взгляды Жуковского, за незначительными исключениями (не принял изучение латинского языка, чтение в оригинале классических латинских авторов, отклонил мысль о потешном полке), утвердил план воспитания наследника.

Годы первоначального образования

Осенью 1826 г. начались занятия будущего монарха по предметам первоначального образования по плану Жуковского, еще до возвращения поэта в Россию. Преподавали: французский язык — Ф. А. Жилль; немецкий — секретарь императрицы Александры Федоровны И. П. Шамбо⁹⁵, позже В. А. Эртель; английский — Альфри; позже С. И. Варранд, арифметику — академик Э. Д. Коллинс.

Несомненно, это были знатоки своего дела, блестящие педагоги из лучших столичных учебных заведений. Однако решающего влияния на своего воспитанника они не имели. Все же главными воспитателями Александра были русские люди, патриоты России, высокообразованные и гуманные, с либерально-прогрессивными взглядами, хотя и лояльные к власти. Важнейшую роль в воспитании и становлении характера своего подопечного сыграл его учитель русского языка и отечественной истории Жуковский, который, кроме того, давал начальные знания физики и химии. Василий Андреевич довольно успешно использовал свое громадное влияние на царственного воспитанника, передав ему во многом собственные умонастроения и взгляды и, в частности, свое отрицательное отношение к крепостничеству.

На формирование образа мыслей наследника в годы первоначального образования оказали также большое влияние преподаватель отечествоведения К. И. Арсеньев, отличавшийся в Петербургском университете самостоятельностью воззрения еще при Александре I, и учитель русской литературы П. А. Плетнев⁹⁶, друг Пушкина, который после его смерти продолжил издание журнала «Современник».

Этой же цели способствовало и религиозное воспитание, хорошо согласованное с планом Жуковского. Вместе с родителями наследник регулярно посещал церковные службы, молебны, участвовал в ритуале главных православных праздников, ежегодно причащался и исповедовался.

По личному избранию Николая I сначала законоучителем определили протоиерея Андреевского собора, доктора богословия Г. П. Павского⁹⁷. Это был человек широко образованный и культурный, который, однако, позволял себе довольно свободно толковать Евангелие и православные догматы, что оставило заметный след в сознании будущего самодержца и позволило ему самому впоследствии весьма широко понимать и исповедовать православную веру.

Однако Павский своими писаниями и лекциями в Петербургском университете навлек на себя недовольство синодальных старцев — митрополита С.-Петербургского Серафима и митрополита Московского и Коломенского Филарета и впоследствии, в 1835 г., был смещен и заменен более ортодоксальным протоиереем В. Б. Бажановым⁹⁸.

Помощником воспитателя Мердера в начале учебы был назначен товарищ его по I-му кадетскому корпусу, «уроженец литовский», капитан артиллерии С. А. Юрьевич⁹⁹, на которого, кроме того, возложили обучение наследника польскому языку, репетирование арифметики и устройство гимнастических игр.

В целом надо подчеркнуть, что состав преподавателей, подобранных для обучения наследника престола, отличался высокой квалификацией. Все они были единомышленниками Жуковского, сознавали высокую ответственность, возложенную на них, и всемерно стремились воспитать в будущем монархе человека просвещенного, высоконравственного, уважающего законы своей страны.

Им в значительной степени нужно отдать должное в том, что Александр II стал одним из самых образованных людей своего времени. Образование будущего властителя России при всей его широте было ориентировано на нравственную проблематику, ведущую роль в нем играли гуманитарные дисциплины.

По желанию Николая I, вместе с Александром, чтобы не лишать его общества товарищей, стали учиться два его сверстника — графчик Иосиф Виельгорский и Александр Паткуль¹⁰⁰, размещенные в Зимнем дворце. По иронии Смирновой-Россет,

может быть и не совсем справедливой: «Это товарищество было нужно, как шпоры для ленивой лошади»¹⁰¹.

Следует заметить, что воспитание наследника происходило в отеческом доме, а не вне его, как это было с сыновьями императора Павла. Молодой великий князь вырос на глазах отца и матери. Сыновья и дочери Павла I были строго разлучены между собою: императрица Александра Федоровна, напротив того, в детстве привыкшая к семейной жизни, старалась «соединить своих детей и воспитывать их в одном духе»¹⁰².

Порядок дня был установлен довольно напряженный. Дети вставали в 6 часов утра, совершали утреннюю молитву, завтракали и готовились к занятиям. Учеба в классах начиналась в 7 часов и заканчивалась в полдень, с промежутком с 9 до 10 часов для отдыха. После двухчасовой прогулки в 14 часов обедали, до 17 часов гуляли, играли или отдыхали. В 17 часов занятия возобновлялись до 19 часов, с 19 до 20 часов — гимнастика и разные игры. В 20 часов подавали ужин. После ужина время посвящали обозрению истекшего дня и написанию дневника. В 22 часа ложились спать. В воскресные и праздничные дни дети занимались лишь чтением и физическими упражнениями.

Анализ фактов, приводимых К. К. Мердером, С. С. Татищевым, Б. Б. Глинским¹⁰³ и другими, показывает, что воспитание наследника шло «под двойственным влиянием довольно несогласных между собой факторов»¹⁰⁴.

С одной стороны. Жуковский, который писал 2(14) октября 1826 г. из Дрездена матери своего воспитанника после московского парада, в котором 8-летний Александр Николаевич участвовал верхом на лошади: «Эпизод этот, государыня, совершенно излишний в прекрасной поэме, над которой мы трудимся... Эти воинственные игрушки не испортят ли в нем того, что должно быть первым его назначением? Должен ли он быть только воином, действовать единственно в сжатом горизонте генерала? Когда же будут у нас законодатели? Когда будут смотреть с уважением на истинные нужды народа, на законы, просвещение, нравственность? Государыня, простите мои восклицания, но страсть к военному ремеслу стеснит его душу он привыкнет видеть в народе только полк, в отечестве — казарму...»¹⁰⁵

С другой стороны — император Николай, который, хотя и одобрил формально систему Жуковского и вообще относился к нему с полным доверием и расположением, в то же время сам на первый план в воспитании наследника ставил военные науки и прямо требовал, чтобы из него вышел «военный в душе» — такой, как он сам, «без чего он будет, — говорил Николай Павлович, — потерян в нашем веке»¹⁰⁶, и наследник с ранних лет участвовал во всех смотрах и парадах.

В 7 лет Александру присваивается чин корнета, а далее еще в детском и отроческом возрасте он жалуется воинскими званиями подпоручика, поручика, штаб-ротмистра и ротмистра¹⁰⁷.

Радостно облачаясь в новую красивую форму, царственный питомец, конечно, играл, но игра эта уже становилась началом участия в государственной жизни.

Николай I приказом 25 июня 1827 г. зачислил сына в списки Первого кадетского корпуса, в котором обучение Александра было отложено до исполнения ему одиннадцати лет. Начиная с 1827 г., для развития физических сил наследника регулярно проводились гимнастические игры как во внутренних покоях Зимнего дворца, так и в садах загородных дворцов. Классные занятия под личным руководством Жуковского начались с первых дней 1828 г.

Первые месяцы занятий дали положительные результаты на первых полугодовых экзаменах в июле 1828 г., которыми были довольны все, начиная с самого Жуковского. «...Вижу, что он имеет ум здравый, — докладывал императрице Василий Андреевич, — что в этом уме все врезывается и сохраняется в ясном порядке; вижу, что он имеет много живости; вижу, что он способен к благородному честолюбию, которое может довести его далеко, если соединится с ним твердая воля; вижу, наконец, что он способен владеть собой, посему и имею право надеяться, что он, как скоро поймет всю важность слова должность, будет уметь владеть собою»¹⁰⁸.

С наступлением летних шестинедельных каникул занятия прекращались. Оставались только чтения.

Читая книги своим питомцам, Жуковский и другие учителя стремились учитывать сложный процесс формирования детской души, обсуждали главные мысли прочитанного, терпеливо и мудро отвечали на возникающие вопросы. Уже в 10 лет наследник и его товарищи узнали «Илиаду» Гомера, «Дон Кихота» Сервантеса, «Недоросля» Фонвизина¹⁰⁹, сочинения Карамзина.

В 14 лет наследнику читали «Полтаву» Пушкина, «Путешествие Гулливера» Свифта¹¹⁰ и др. Нередко в царской семье со своими баснями выступал Крылов¹¹¹.

Имеются сведения о беседе Пушкина с наследником¹¹² и о чтении поэтом оды «Клеветникам России», прежде всего, Александру и царской семье¹¹³.

Большую часть времени воспитанники проводили в прогулках и играх. Посещали окрестности Павловска, Петергофа, бывали в Дудергофе, Ораниенбауме и Кронштадте. Прогулки совершались пешком, верхом, в экипажах.

Трем воспитанникам в Царском Селе отвели остров на озере. Островок этот они обсадили деревьями и растениями, сами построили в нем домик, который и обставили собственноручно изготовленной мебелью. Позже император Александр II повелел воздвигнуть здесь памятник Жуковскому¹¹⁴ в воспоминание о счастливых годах своего детства. На другом конце острова мальчики построили крепость и с гостями своими делились на две партии, одна из которых брала крепость, а другая ее защищала.

Впоследствии здесь же было отведено место для гимнастических упражнений.

Дети много играли в мяч, стреляли в цель, любили кататься на лодке по озеру, удили рыбу, купались. Великий князь хорошо стрелял и превосходно плавал, поражая воспитателя ловкостью и смелостью. Несколько дней провели в кадетском лагере¹¹⁵.

В это время Жуковский приучал своего питомца правильно изъясняться и выразительно читать по-русски. Упражнением в слогe великому князю служила частая переписка с родителями. «Он выражается очень непринужденно и просто, — сообщал Жуковский императрице, — пускай прежде научится думать, разбогатеть идеями и чувствами, тогда получит и слог, я в этом не сомневаюсь»¹¹⁶. Дисциплинирующим стимулом для наследника являлся и его дневник, который он начал вести с 1 января 1826 г., фиксируя свои занятия, настроения и происходящие вокруг события¹¹⁷.

По окончании каникул, в середине сентября, ребята вместе с вдовствующей императрицей вернулись в Зимний дворец. Вскоре здесь Александра поджидало большое горе. 24 октября 1828 г. скончалась его горячо любимая бабушка — императрица Мария Федоровна.

Между тем обучение шло весьма успешно. В январе 1829 г. состоялись первые годовичные экзамены, которые продолжались в течение недели. Довольный их результатами, Николай I дал высокую оценку труду Жуковского и его коллег. «Мне приятно сказать вам, что я не ожидал найти в сыне моем таких успехов... Все у него идет ровно, все, что он знает, знает хорошо, благодаря вашей методе и ревности учителей... Примите мою искреннюю благодарность»¹¹⁸.

Важно отметить, что после каждых экзаменов (два раза в год) подводился итог, сколько кем из ребят собрано денег на благотворительные дела. По плану воспитания Жуковский с Мердером из сумм наследника на оказание помощи нуждающимся устроили среди своих подопечных особую «кассу благотворения». Она собиралась из взносов всех трех воспитанников в соответствии с полученными ими отличными отметками. «Право делать добро, — внушал им Мердер, — величайшее благо». И ребята старались заслужить это право. Такая касса действовала во все время обучения наследника и оказывала на него немалую воспитательную роль.

С 1829 г. программа обучения пополнилась тремя новыми предметами: естественную историю наследнику стал читать академик К. А. Триниус, химию — Кеммерер и всеобщую историю на французском языке — Ф. И. Липман.

Особый интерес Александр проявил к последнему предмету. «О, как я рад: мы сегодня начнем историю! — заявил он Мердеру перед началом первого урока, — если бы вы знали, как я горю нетерпением!»¹¹⁹ Липман был приглашен, как и некоторые

другие преподаватели, из известного тогда в Петербурге пансиона Муральта. Он имел степень доктора прав Берлинского университета, отличался умением интересно передавать события истории, и восемь лет продолжал свой курс, до конца учения великого князя¹²⁰. Преподавание отечественной истории, как уже отмечалось, оставил за собою Жуковский. Чистописанию учил Рейнгольдт, фехтованию — Сивербрик, танцам — Огюст.

Классные занятия попеременно чередовались с физическими упражнениями: гимнастикой, фехтованием, верховой ездой в манеже, прогулками пешком или в санях, катаньем с ледяных гор в саду Аничкова дворца.

В воскресные и праздничные дни, кроме воспитанников, приглашались сверстники из высших аристократических семей — молодые Адлерберги, Фредериксы, Барановы, Нессельроде, Шуваловы, Карамзины, сыновья Мердера. Играли в «бары» в жмурки, в «хромонового черта», придумывали шарады, иногда устраивали представления живых картин, в которых участвовали и великие княжны с их подругами.

Самою любимой забавой наследника и его товарищей была военная игра, которой они развлекались едва ли не каждый вечер.

Изредка в ней участвовал и Николай I. Тогда Александра Федоровна бросала жребий: у кого из юношей быть «начальником штаба» государю, который в этом качестве руководил игрой и приводил все молодое общество в неописуемый восторг¹²¹.

Более всего на первых порах беспокоило воспитателей умение наследника владеть собой. Удача, счастливый исход его сильно радовали, а затруднения, неудача — заставляли падать духом, вызывали уныние, слезы, приводили к бездействию. Воспитатели настойчиво боролись с этим важным недостатком в будущем монархе, что было непросто при его впечатлительной и экспансивной натуре.

Весною 1829 г. император предпринял со своим семейством двухмесячное путешествие, сначала в Варшаву, где он решил короноваться царем польским, а потом в Берлин, на свидание с прусским королем.

В этом путешествии с наследником следовали оба его товарища, Жуковский, Мердер, Юрьевич и Жилье. Мердер пишет в своем дневнике, что великий князь с особенным вниманием относился к путевым впечатлениям и, замечая бедность крестьянских хижин, выражал сожаление. Впервые Александр познакомился со своей многочисленной западной родней, блестящим обществом принцев и принцесс, герцогов и князей.

Дед его, прусский король Фридрих-Вильгельм III назначил его шефом Третьего прусского уланского полка и подарил ему полный парадный мундир этого полка. В Берлине состоялось несколько военных парадов, в которых блеснул своей выучкой и Александр.

Несмотря на иностранное окружение, на все эти пышные приемы в Варшаве и Берлине, Александр чувствовал себя русским и ощущал Россию своей родиной, своим отечеством, к которому он был глубоко привязан.

При приближении к Царскому Селу 23 июня, — фиксирует Мердер в своем дневнике, — великим князем овладело сильное волнение. Он весь горел нетерпением... Уже въезжая в Царское Село, при виде белеющего лагеря, он не мог спокойно сидеть в экипаже, беспрестанно обнимал и целовал меня, а при въезде в царскосельский парк воскликнул: «Наконец я дома! Боже мой! Здесь все — каждый кустик, каждая дорожка напоминает мне о каком-нибудь удовольствии. Какое счастье видеть места и людей, сердцу милых, бывших свидетелей наших радостей!»¹²²

Вскоре в июле 1829 г. Александр участвовал в лагерном сборе военно-учебных заведений столицы в Петергофе, где император стремился приучать его к преодолению всех трудностей и лишений ратной службы.

Постель его была жесткой, пища простой; отдых должен был заключаться в военных играх, тело укрепнуть в гимнастических упражнениях. Всем начальникам он должен был оказывать военное повиновение, царь сам наказывал за отступление от этого правила.

Александрю наиболее запомнилось учение, проведенное самим императором. После обеда 28 июля Николай I велел всем кадетам спуститься с ним к низу большого фонтана Самсона. По его сигналу все они с криком «Ура!» бросились вверх на штурм петергофских каскадов. Первые, входившие на верхнюю площадку, получали из рук императрицы призы. Наследник барахтался в воде, как и все, и был наверху одним из первых¹²³.

Небезынтересно заметить, что 30 августа того же года в Царском Селе был учрежден под покровительством императрицы Александры Федоровны Александровский малолетний кадетский корпус. Об этом корпусе М. Ф. Каменская писала: «Помню, что в 1831 г. в Александровском корпусе были кадетами даже грудные дети, которых мамы в форменных красных кокошниках носили на руках, а сами ребяточки отличались только красными погончиками на белых рубашечках; места офицеров при корпусе занимали женщины, классные дамы»¹²⁴.

В 1830 г. к прежним занятиям добавились уроки Арсеньева по географии и статистике, лекции по русской словесности Плетнева. Кроме того, вплоть до 1833 г. наследнику начал преподавать артиллерию и фортификацию Юрьевич. Александр проявлял все большее прилежание и интерес к предметам, что подтверждается одобрительными отзывами его воспитателя. Представляет интерес запись Мердера в своем дневнике 13 июня 1830 г.: «Я предложил Александру Николаевичу придумать свой девиз для флага, который он желал иметь на Детском острове. Он сел к своему столу, сказал мне: «Хорошо, я вам мой девиз

сейчас нарисую». В самом деле, через несколько времени принес ко мне рисунок, на коем представил водою промытую скалу, муравья и якорь, написав вокруг: постоянство, деятельность, и надежда. Я крайне был обрадован сею прекрасною мыслью и советовал только рисунок отделать получше»¹²⁵.

Между прочим, все члены царской семьи любили живопись и имели страсть к рисованию. Эту страсть развивал в наследнике художник, издавна принадлежавший к приближенным императору, знаменитый батальный живописец А. И. Зауервейд, замечательный столько же своим талантом, сколько и прекрасным характером. Он был сыном немецкого актера, родился в Петербурге, но образование получил за границей. О нем узнал Александр I во время Венского конгресса. По возвращении в Россию Зауервейд был определен на службу в Главный штаб и, служа там, был вместе с тем профессором батальной живописи в Императорской академии художеств до самой кончины¹²⁶. Человек простой в обращении, со стоическим хладнокровием, со свободною самостоятельностью в воззрениях, Зауервейд умел сохранить в отношении к царской семье самостоятельность философа. В своих замечаниях он был так остроумен, говорил с такою иронией, с таким юмором, что рассеивал даже гнев всемогущего царя.

До нашего времени сохранились два неплохих рисунка: «линейный казак» и «улан», выполненные пятнадцатилетним наследником¹²⁷. Известно, что будучи уже императором, Александр нередко вечерами садился к особому столику, на котором были приготовлены карандаши, кисти, краски и тушь, и занимался рисованием «новых форм мундиров, панталонов, киверов, касок»¹²⁸ и других вещей.

Царевич проявлял такое же расположение к музыке, как и к живописи. Императрица следила за тем, чтобы Александр со своими товарищами бывал на концертах, слушал музыку, русскую и итальянскую оперы, бывал на драматических спектаклях. Временами она просила ставить оперы, которые соответствовали юношеским вкусам, нередко приглашались знаменитые музыканты и актеры: композиторы М. И. Глинка, А. Ф. Львов, певица Генриетта Зонтаг, реформатор русского театра М. С. Щепкин¹²⁹.

Следует заметить, что русско-турецкая война 1828—1829 гг., так же как и Польское восстание 1831 г., не повлияли на ход занятий наследника. Учеба была прервана только на три месяца, с июня по сентябрь 1831 г., из-за повального заболевания холерой в Петербурге. В том же году после кончины цесаревича Константина Павловича Николай I манифестом от 30 августа пожаловал этот титул Александру.

Для поощрения к практическим занятиям русским языком по предложению Жуковского и под его редакцией начал выходить небольшой детский журнал «Муравейник», в котором деятельно

участвовал наследник, его августейшие сестры Мария и Ольга, а также совоспитанники — Иосиф Виельгорский и Александр Паткуль¹³⁰. Во время летних каникул великий князь усердно охотился на зайцев и диких уток. Осенью Александр с сестрами побывал в Москве на открытой там промышленной выставке и ознакомился с древностями первопрестольной столицы.

Современники подметили многие детали его посещений, писали, что он очаровал московское общество своей стройностью и красотой в щегольском красном кавалергардском мундире. Но более всего он привлек симпатии москвичей необыкновенной приветливостью, редкими в его годы обходительностью и вниманием ко всем людям, с которыми ему приходилось общаться. Мердер не мог налюбоваться своим питомцем, однако в то же время выражал свое беспокойство по поводу его недостатков, главным образом его апатии в борьбе с трудностями. По возвращении из Москвы воспитатель тем не менее отлично аттестовал наследника царю, который выразил полное свое удовольствие сыну, заметив: «...Ты не можешь сделать меня довольным иначе, как всегда учась с тем же прилежанием»¹³¹. Вместе с тем Николай I интересовался изъянами сына и особенно строго взыскивал с него заслушание воспитателю.

Как-то, узнав о резком ответе его на замечание Мердера, император сказал ему: «Уходи! Ты не достоин подойти ко мне после такого поведения, ты забыл, что повиновение есть долг священный и что я все могу простить, кроме неповиновения».

По требованию Николая I, Мердер перечислил основные недостатки цесаревича: надменность, неподатливость при исполнении приказаний и страсть спорить, доказывающая желание быть всегда правым. «...Все это, — заметил воспитатель, — имеет началом гордость». Царь решил, что сын лишится права носить мундир по воскресеньям, если когда-либо покажет малейшее непослушание. Строгую эту меру взыскания не пришлось, впрочем, применить ни единого раза¹³². В 1832 г. учителем немецкого языка был В. А. Эртель, а английского — С. И. Варранд. Первый был библиотекарем Академии наук и Академии художеств, а второй, приглашенный из пансиона Муральта, как искусный наставник в 1836 г., был принят в лекторы С.-Петербургского университета. Он составил себе известность превосходным учебником английского языка, изданным на французском языке в 1837 г.

Варранд занимался переводами, а Эртель, кроме прямых упражнений в немецком языке, репетировал, по-немецки же, естественную историю. Академик К. А. Триниус читал естественную историю, а наставник математики академик Э. Д. Коллинс — физику. Математике посвящалось 4 урока в неделю. Жилль, после сообщения знаний географии на французском языке, занимался с великим князем исторической геометрией и историей, повторяя уроки преподавателя истории Липмана¹³³.

Накануне дня своего рождения Александр подвергся большой опасности. Катаясь верхом на любимом коне Малек-Аделе, он пустил его на Царицыном лугу, по своему обыкновению, сначала в галоп, потом в карьер и очутился неожиданно перед канатом, окаймляющим плац. Не ожидая встретить эту преграду, Александр решил круто повернуть коня, но Малек-Адель, будучи превосходным скакуном, не подчинился наезднику и перепрыгнул через канат. Александр упал на мостовую и лишился чувств. К счастью, не оказалось никаких повреждений, кроме травмы мышц правого плеча. «Испуг мой, — пишет Мердер, — был невыразим»¹³⁴.

Лето наследник провел в кадетском лагере. Произведенный императором в чин ротмистра, он в качестве офицера на учениях уже стал командовать взводом.

Взыскательный Николай предъявлял к сыну все новые и новые требования. И надо отдать должное, Мердеру, ему не раз приходилось защищать Александра от гнева родителя.

С осени 1832 г. у Мердера стали проявляться первые признаки тяжелой болезни сердца. В марте 1833 г. он в сопровождении семьи вынужден был выехать на лечение за границу. В день его отъезда император за самоотверженное исполнение им в течение 9 лет обязанностей воспитателя наследника пожаловал ему звание генерал-адъютанта.

С 1833 г. по настоянию царя наследнику стали читать курсы: по фортификации — инженер генерал-майор Х. Х. Христиани, директор инженерного училища, а по артиллерии — инспектор классов артиллерийского училища капитан Е. Х. Вессель, лекции которого отличались строгой научностью.

Преподавателем химии был определен академик Г. И. Гесс, который считался в то время одним из лучших отечественных химиков¹³⁵.

После отъезда Мердера цесаревич поддерживал с ним постоянную переписку, всячески ободряя и утешая своего воспитателя. Последнее письмо им было написано 14 апреля 1834 г., где он называл Карла Карловича вторым отцом и сообщал, что через неделю наступает его совершеннолетие, и Сперанский готовит его к присяге. Однако, когда Александр писал это письмо, Мердера уже не было в живых. Он скончался в Риме 24 марта 1834 г. В мае следующего года прах Мердера был перевезен из Рима в С.-Петербург, где и предан земле 28 мая на Смоленском кладбище¹³⁶.

2. Юность (1834—1838)

Завершение учебы

17 апреля 1834 г. Александру исполнилось 16 лет. Согласно статусу,

достижение этого возраста для наследника престола считалось совершеннолетием, и потому цесаревич принял одну

присягу на верность государю¹³⁷ и другую — на верность отечеству. Этот памятный в своей жизни день Александр ознаменовал добрым делом. В пользу бедных Петербурга и Москвы он пожертвовал по 50 тысяч рублей.

Жуковский написал к этому дню «Народный гимн», «Многолетие» и «Песнь на присягу»¹³⁸. Тогда же финский минералог Н. Норденшильд открыл на Урале драгоценный минерал и назвал его в честь совершеннолетия наследника престола Александритом¹³⁹.

По случаю совершеннолетия дворянство дало в доме Нарышкина¹⁴⁰ бал, на котором молодой великий князь впервые появился в обществе. В год объявления совершеннолетия цесаревич с родителями посетил Москву и Берлин¹⁴¹.

В связи с возмужанием наследника Николай I обновляет состав его воспитателей. Вводится должность «попечитель наследника», на которую назначается князь Х. А. Ливен — бывший российский посол в Англии¹⁴². Вместо умершего Мердера воспитателем стал генерал-майор А. А. Кавелин, бывший директор Пажеского корпуса¹⁴³, помощником его остался Юрьевич. Жуковский по-прежнему сохранил звание наставника. Появляются и новые преподаватели.

Особо важное значение для становления личности наследника престола имели лекции, которые начал читать ему с октября 1835 г. преподаватель законовведения блестящий энциклопедист, легендарный Сперанский¹⁴⁴. Со свойственной ему скромностью он назвал их «Беседками о законах». В течение полутора лет М. М. Сперанский с «пламенным усердием» излагал начала юридической науки, внушал цесаревичу уважение к законам, утверждая, что самодержавная власть подчиняется общей морали и имеет свои «пределы».

После смерти генерала Христиани чтение лекций по фортификации в 1836 г. было поручено генералу Ф. Ф. Ласковскому, а по военной истории — полковнику Веймарну¹⁴⁵. Летние месяцы по-прежнему посвящались военной специализации.

«За отличие по службе» на свои именины в 1836 г. Николай I произвел сына в генерал-майоры, придав ему впервые придворный штат.

В то же время император стал постепенно приобщать Александра к государственным делам. Он приглашал наследника престола в свой кабинет при докладе ему министров, а также на заседания Правительствующего сената. Иногда отец обращался к цесаревичу с вопросом: что он думает по поводу той или другой проблемы и с вниманием выслушивал мнение сына. С июня 1835 г. Александр стал членом синода.

Отдельные авторы отмечают, что Николай I не очень любил сына и подумывал об устранении его от престола¹⁴⁶. Можно согласиться, что Николаю Павловичу не нравились в преемнике его сентиментальность, некоторая леность, возможно и другие

какие-то качества. Вполне вероятно, что однажды на параде Николай I до того забылся, что перед всеми непристойно обругал наследника. Возможно и то, что, заехав к нему как-то на дачу под Петергофом и застав его играющим среди дня в карты, разбранился, а увидев через некоторое время, что игра продолжается, надавал сыну пощечин. Однако свидетельства очевидцев, воспоминания царедворцев все же доказывают, что император с большой любовью относился к сыну и стремился сделать из него настоящего руководителя государства.

Об этом говорит и завещание Николая I, написанное сыну 30 июля 1835 г. в Александрии. Перед отъездом в Калиш на встречу с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III, которая должна была запечатлеть нерушимость и вечность русско-прусской дружбы, Николай был в особенно удрученном состоянии. Опасаясь возможных покушений со стороны польских патриотов на его жизнь, царь не решился взять с собою Александра. Завещание Николая — это своеобразное «поучение» отца сыну. В нерушимости родительских заветов (которых в завещании 20) — источник благополучия монарха России и всего его семейства. Вот некоторые из этих родительских заветов:

«Сначала входи в дела, — пишет Николай, — спрашивай, как делалось до тебя, и не изменяй ни в чем ни лиц, ни порядка дел. Дай себе год или два сроку, хорошо ознакомься с делами и с людьми — и тогда царствуй.

Будь к войску милостив, доверчив и береги его; но не позволяй попускать по службе того, что прежде не терпелось.

Соблюдай строго все, что нашей церковью предписывается.

Будь вообще кроток, обходителен и справедлив; сие последнее слово вмещает и снисходительность и строгость, с которыми оно неразлучно.

Ты молод, неопытен и в тех летах, в которых страсти развиваются, но помни всегда, что ты должен быть примером благочестия и веди себя так, чтобы мог служить живым образцом.

Будь милостив и доступен ко всем несчастным, но не расточай казны свыше ее способов.

С иностранными державами сохраняй доброе согласие, защищай всегда правое дело, не заводи ссор из-за вздору; но поддерживай всегда достоинство России в истинных ее пользах. Не в новых завоеваниях, но в устройстве ее областей отныне должна быть вся твоя забота.

Пренебрегай ругательствами и пасквилями, но бойся своей совести»¹⁴⁷.

В этих простых и мудрых словах видна забота отца-государя о первых шагах сына на государственном поприще. Так мог написать только любящий отец, тревожащийся за судьбу сына и государства.

Время шло. Весной 1837 г. заканчивалась основная часть программы обучения, намеченная В. А. Жуковским. В целом

наставник был доволен успехами своего ученика. Состоявшийся общий экзамен показал довольно высокий уровень подготовки Александра Николаевича.

Значительными приложениями к образованию должны были стать его путешествия по России и Европе.

Путешествие по России Со 2 мая по 10 декабря 1837 г. наследник престола вместе со своими наставниками, воспитателями и свитой по воле Николая I совершил обширное путешествие по России¹⁴⁸. Целью его было личное ознакомление со страной и ее населением как важное дополнение к познаниям, приобретенным в ходе обучения. Уже в первом письме к императрице Александре Федоровне Жуковский отмечал: «...Мы, конечно, соберем множество отдельных фактов, и это само по себе весьма полезно, но главная польза этого путешествия — нравственная, та именно, которую только теперь он сможет приобрести: польза глубокого, неизгладимого впечатления. В его лета, в первой и свежей молодости, без всяких житейских забот, во всем первом счастье непорочной жизни, не испытав еще ничего иного, кроме любви к своим близким, начинает он деятельную свою жизнь путешествием по России...»¹⁴⁹

За семь с небольшим месяцев наследник объехал тридцать губерний Европейской России и Западной Сибири до Тобольска, преодолев около тридцати тысяч километров и посетив множество городов и памятных мест. Цесаревич был первым из царственных особ, посетивших далекую Сибирь. При отсутствии железных дорог такой вояж ограничивал возможность составить достоверную картину реальной жизни в провинции.

Путешественники ехали слишком быстро, с короткими остановками в главных губернских городах, и Жуковский по этому поводу выражал недовольство. Он сравнивал путешествие с чтением книги, в которой цесаревич прочтет пока только одно оглавление, дабы получить общее понятие об ее содержании. Приезд в города сопровождался знакомством с местными достопримечательностями, приемом deputаций и прошений, посещением выставок, проведением торжественных смотров, обедов, балов и других увеселений.

За время поездки Александр принял до шестнадцати тысяч просьб, большей частью о денежных пособиях и помиловании. Для удовлетворения просителей губернаторам выдавалось по 8 тысяч рублей, а наиболее важные серьезные ходатайства отсылались великим князем при его личном письме к самому императору.

Вопреки желанию местных властей на Урале и в Сибири наследник принял ссыльных поляков, делегацию раскольников, встречался с декабристами, выслушав всех с большим вниманием и обещая позаботиться об их судьбе. Пораженный тяжелым

положением декабристов, он ходатайствовал перед своим отцом о смягчении их участи, в чем бесспорно сказалось влияние Жуковского. Николай I внял просьбам сына и специальным указом объявил значительные милости разным категориям ссыльных.

Своим «друзьям 14 декабря» он разрешил вступать рядовыми в Отдельный Кавказский корпус или на гражданскую службу в Сибири. Герцену был разрешен перевод из Вятки во Владимирна-Клязьме¹⁵⁰.

Кое-где цесаревич натолкнулся на вопиющие злоупотребления властью. Например, о Вятке губернатор Тюфяев, увековеченный Герценом в «Былом и думах», по представлению наследника был немедленно смещен со своего поста¹⁵¹.

Несмотря на то что Александр со своею свитою пронесся по огромной стране «блестящим метеором», путешествие, по выражению Жуковского, стало «всенародным обручением его с Россией».

«Я своими глазами и вблизи познакомился с нашей матушкой Россией, — заметил будущий император, — и научился еще более любить и уважать ее»¹⁵².

3. Возмужание

Курс высших
государственных наук

Путешествие по России завершило восьмилетнее образование Александра. Оставалось посвятить его в тайны государственного управления, раскрыв сведения о трех главнейших сферах страны: финансовой, дипломатической и военной. С начала 1838 г. приступили одновременно к чтению своих курсов Е. Ф. Канкрин, Ф. И. Бруннов и А. А. Жомини¹⁵³. Естественно, каждый из них оказывал определенное влияние на нравственный облик цесаревича. Министр финансов Канкрин, отличавшийся глубиной и разносторонностью своих познаний, высокой честностью и прямоотой, вел «Краткое обозрение русских финансов».

Он поведал наследнику о налогах и других источниках, существовавших до создателя новой России Петра Великого и со времени его до последнего царствования. Особое внимание было уделено государственным доходам и расходам, системе финансового управления, российским кредитным деньгам, долгам государственного казначейства по внешним и внутренним займам¹⁵⁴.

Один из опытейших русских дипломатов старший советник МИД барон Бруннов на французском языке изложил основные принципы международной политики, рассмотрел дипломатические сношения России с иностранными державами от воцарения Екатерины II до царствования императора Николая I¹⁵⁵. Военный историк и теоретик генерал Жомини, бывший начальник штаба маршала Нея¹⁵⁶, перешедший на русскую службу в 1813 г., пре-

подавал наследнику на французском языке военную политику и стратегию.

Жомини учил, что результат войны «находится в зависимости от тысячи моральных и физических осложнений», придавал большое значение духу и энергии народа, нравственному состоянию армии. Он подчеркивал, что «главе государства нужно давать одновременно политическое и военное воспитание». «Искусство главнокомандующего, — учил Жомини, — есть одно из главнейших средств достижения победы» и «самое главное состоит в том, чтобы выбрать главнокомандующего, который был бы одновременно сведущ и в политике, и в военном искусстве...»¹⁵⁷.

Занятиям высшими государственными науками были посвящены три первых месяца 1838 г.

Зарубежное путешествие Дав представление сыну о различных областях русского царства, Николай I счел возможным довершить его образование знакомством с европейскими дворами¹⁵⁸. Путешествие за рубеж затянулось на более длительный срок: со 2 мая 1838 г. по 23 июня 1839 г.

По мысли Николая I, оно преследовало тройную цель: дополняло образование наследника, давало ему возможность подкрепить несколько расстроенное здоровье и, наконец, — что до времени составляло тайну русской царственной семьи, способствовало избранию Александром Николаевичем — по его собственному усмотрению — августейшей невесты¹⁵⁹.

В воспоминаниях и дневниках современников зафиксированы многие события из жизни будущего императора Александра II. Не обойдены вниманием и его амурные дела.

Еще не достигнув 15 лет, юный Александр увлекся молодой фрейлиной Наташей Бороздиной¹⁶⁰, которая была на два года старше его. Сестра Александра великая княгиня Мария Николаевна забавлялась этим и сделалась поверенной его детских и невинных чувств. «К счастью, — отмечает Смирнова-Россет, — Наташа была благоразумная девочка и смеялась над его вздохами. Наташа всегда была в большой дружбе с великим князем и пользовалась милостями государя»¹⁶¹.

Мы можем только догадываться, с каким волнением отец и мать еще весьма юного Саши смотрели на эту его первую привязанность. Благодаря протекции императора молодая небогатая девушка была вскоре выдана замуж за чиновника министерства финансов Г. П. Каменского, получившего назначение в Лондон. Вскоре не без тревоги родители узнали о втором, но уже куда более серьезном увлечении Александра.

Цесаревичу шел тогда уже двадцатый год, и современники описывают его необыкновенно привлекательным блондином, статным, высоким, кудрявым, с прекрасными добрыми синими

глазами, приветливым и внимательным ко всем и весьма романтическим.

Теперь внимание Александра привлекла красивая девушка одних с ним лет — полька Ольга Калиновская, также фрейлина императрицы. Императрица особо проявляла заботу о судьбе этой девушки-сироты.

В польском восстании 1830 г. отец ее Осип Калиновский отказался участвовать, за что заслужил симпатию императора Николая, который приблизил его к себе и назначил его дочь фрейлиной своей супруги. Эта весьма интересная девушка, конечно, сразу понравилась Александру. Известно, что и цесаревич встревожил ее сердце.

Лишь только при дворе заметили их взаимные симпатии, тут же донесли об этом императрице. Ольга — полька, католического вероисповедания, по своему происхождению, естественно, не могла рассматриваться в качестве невесты царского сына¹⁶².

«...Мы говорили про Сашу, — пишет Николай I супруге, имея в виду, вероятно, генерал-адъютанта графа (позднее князя) Х. А. Ливена, недавно назначенного попечителя наследника. — Надо ему иметь более силы характера, иначе он погибнет... Слишком он влюбчивый и слабовольный и легко подпадает под влияние. Надо его непременно удалить из Санкт-Петербурга... Будем молить Бога, чтобы Ольга К. скоро вышла замуж...»¹⁶³

17 апреля 1838 г. Александру исполнилось 20 лет. Пылкое увлечение Ольгой Калиновской заставляло его родителей спешить с женитьбой сына в надежде, что брак успокоит его страстный, влюбчивый характер.

Женитьба наследника русского престола была всегда сопряжена с большими трудностями: нельзя было и думать о его браке с какой-нибудь католической принцессой, дочерью европейского государя: даже из-за русского престола не согласилась бы она перейти в православие. Отказ от католической религии мог вызвать на ее родине весьма опасные, порой неразрешимые трудности. Впрочем, это всегда было практически невозможно для Романовых — подыскать супругу в какой-либо католической династии Запада. Не случайно они всегда женились на протестантах, преимущественно германских принцессах, для которых переход в православие был несравненно более легким и безболезненным.

Маршрут, составленный Николаем I для цесаревича, включал почти все страны Западной Европы, за исключением католических: Франции и государств Пиренейского полуострова. Вначале наследник совместно с Николаем I побывал в Берлине и Стокгольме, затем по предписанию отца посетил Данию, Ганновер, Баварию, Милан, Венецию, Флоренцию, Ватикан, Неаполь и др.

Как в калейдоскопе перед его взором проходили достопримечательности больших и малых дворов Европы, великолепные

дворцы, величественные соборы с богатейшими древними росписями, несравненные образцы древнего и нового зодчества, шедевры итальянской, голландской и немецкой живописи. Как известно, Александр всю свою жизнь был восторженным почитателем искусства, поэтому с живейшим интересом и любопытством знакомился с различными коллекциями скульптур и картин.

Для нас небезынтересен и сам облик наследника в этот период. Известный французский писатель маркиз де Кюстин¹⁶⁴, встречавшийся с ним в Эмсе в июле—августе 1838 г., противопоставляя его отцу, отмечает: «Русскому великому князю двадцать лет, он высокого роста и прекрасно сложен по своим годам... У него, очевидно, какая-то тайная грусть, написанная на лице¹⁶⁵. Ресницы его опущены и свидетельствуют о зрелости юноши. Выражение его взгляда — доброта. Это в полном смысле слова — государь. Вид его скромнен без робости. Он прежде всего производит впечатление человека, превосходно воспитанного. Все движения его полны грации. Он прекраснейший образец государя, из всех, когда-либо мною виденных»¹⁶⁶.

...Возвращаясь из Италии, цесаревич посетил австрийский, вюртембергский и баденский дворы и 13 марта 1839 г. прибыл в Дармштадт. Свидание с великим герцогом Людвигом II не было условлено заранее, и Александр посетил этот город только по настоянию Кавелина¹⁶⁷. По приезде его незамедлительно посетил Людвиг II и пригласил ехать в театр, а оттуда на вечер в замок. «Этот импровизированный праздник дармштадтский, — повествует Жуковский, — казался всем одним лишним эпизодом, который должен был только надоесть и наскучить»¹⁶⁸. Однако он имел жизненно важное значение для Александра: здесь он встретился с младшей дочерью герцога, пятнадцатилетней принцессой Марией¹⁶⁹, которая произвела на него особенное впечатление, и он сейчас же подумал о возможности связать с нею свою судьбу. О своих чувствах Александр написал родителям. Однако на предложение чуткого Жуковского притвориться больным, чтобы отложить отъезд из Дармштадта, наследник не согласился. Путь его дальше проходил по живописным городам северной Германии и Голландии. Несмотря на доходившие до него слухи о замышляемом эмигрантами-поляками покушении на его жизнь, Александр целый месяц посвятил изучению Великобритании.

Пока Александр пребывал в туманном Альбионе, Николай I занялся присланными из Дармштадта депешами. В письме, датированном 25 марта 1839 г., цесаревич пишет: «Здесь, в Дармштадте, встретил я дочь царствующего великого герцога, принцессу Марию. Она страшно мне понравилась с самого первого момента, когда я ее увидел... Теперь ехать в Копенгаген совсем не нужно, и если ты позволишь, дорогой папа, после моего посещения Англии я снова возвращусь в Дармштадт»¹⁷⁰.

Назначенный попечителем цесаревича после смерти Ливена граф А. Ф. Орлов¹⁷¹, сдержанно докладывает императору, что

«принцесса Мария сделала его высочеству сильное впечатление», но тут же в весьма осторожных выражениях добавляет, что он «огорчен распространенными здесь слухами о ее родителях».

Из секретной записки Николая I Орлову, найденной советскими историками в металлической шкатулке в Зимнем Дворце в 1923 г., мы узнаем, что царь не придавал этим слухам (касавшимся незаконного происхождения Марии) никакого значения. Он выражал весьма терпимое отношение к этому деликатному обстоятельству: «Сомнения относительно законности ее происхождения более действительны, чем ты полагаешь. Известно, что из-за этого ее едва терпят в семье, но она официально признана дочерью своего отца и носит его фамилию, следовательно, никто не может ничего сказать против нее в этом смысле...»¹⁷²

Из бумаг той же шкатулки явствует: русский посол в Лондоне граф Поццо ди Борго¹⁷³, разумеется, по указанию самого царя, тогда же негласно запросил у русского посланника во Франкфурте информацию о принцессе Марии: сколько ей сейчас лет? ее рост? как она выглядит? кто занимался ее образованием и воспитанием после смерти ее матери? насколько строги ее моральные принципы?

Попутно укажем, что в другом своем письме Орлов сообщает Николаю из Гааги (очевидно, чтобы царь не заподозрил его в несогласии с ним): «Не думайте, Государь, что я скрыл от Великого Князя эти слухи относительно происхождения принцессы. Он узнал об них в самый день своего прибытия в Дармштадт, однако реагировал он на них точно, как Вы... Он думает, что, конечно, лучше было бы, если бы было иначе (т. е. если б она была дочерью великого герцога. — Авт.), однако она носит имя своего отца и, следовательно, никто не может, с точки зрения закона, упрекнуть ее»¹⁷⁴.

Как отмечает Вс. Николаев, настоящим отцом будущей императрицы Марии Александровны, супруги Александра II, был швейцарец французского происхождения барон Август-Людвиг де Гранси, шталмейстер великого герцога Людвига. Современники описывают его как необыкновенно красивого человека. Матерью ее была принцесса Вильгельмина Баденская¹⁷⁵, сестра русской императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I. Должно быть, брак ее с великим герцогом был не очень счастливым. Вышла она за него замуж шестнадцатилетней девочкой и, конечно, не по любви. У них было два сына, а позже родилась эта девочка.

В шкатулке сохранилось несколько записок Николая I и Александры Федоровны по этому вопросу. Императрица долго упорствовала не соглашаясь на брак сына с принцессой Марией. Там же нашлась записка самого Александра, который пишет отцу, как он огорчен, что его мать, «такой ангел доброты», в этом вопросе так непреклонна¹⁷⁶.

Вряд ли Николай I предвидел, что, посылая в Англию симпатичного двадцатилетнего молодого человека, еще не женатого и при этом наследника престола громадной империи, создаст для Александра новые болезненные проблемы.

В 1839 г. британской королеве Виктории было около двадцати лет, она была еще не замужем и, естественно, мечтала о своем будущем сказочном принце, как мечтают все молодые девушки. Виктория, судя по ее дневнику, до сих пор отвергала всех представленных ей кандидатов в принцы-консорты¹⁷⁷.

Большой интерес вызвало у молодой королевы (Виктория царствовала к тому времени около двух лет) письмо супруги покойного русского посла в Лондоне «пожилой, почтенной» княгини Ливен, которая писала одной из близких к Виктории придворных дам: «Молодой цесаревич Александр — самый очаровательный из всех европейских принцев... Трудно себе представить более красивого молодого человека. У него привлекательное, прекрасное лицо и необыкновенно приятная манера говорить...»¹⁷⁸ Конечно, цель этого письма княгини Ливен была весьма скромной: она лишь стремилась вызвать интерес к личности русского наследника, ничего больше. Но результат получился самый неожиданный: Виктория, еще не видя Александра, была уже необыкновенно заинтригована.

В свою очередь Александр много слышал о Виктории еще в Петербурге, где словоохотливая княгиня Ливен описывала королеву так: «Красивая, элегантная, очаровательная девушка, с глубокими синими глазами, полуоткрытым ртом, белыми правильными зубами...» Королева Англии слыла весьма деятельной, умной, образованной девушкой, с которой можно поговорить и о литературе, и об искусстве, и о мировой политике¹⁷⁹.

И вот, наконец, в субботу, 4 мая, Александр был ей представлен официально в Букингемском дворце. Виктория детально описывает эту их первую встречу в своем дневнике: «В половине второго я приняла Великого Князя, которого мне представил лорд Пальмерстон¹⁸⁰ и которого сопровождал граф Орлов и граф Поццо ди Борго. Я пригласила Великого Князя сесть; он высокого роста, с тонкой талией, держит себя непринужденно, приятно и искренне, хотя нельзя сказать, что он красавец». Впрочем, тут же она добавляет, противореча самой себе: «У него красивые синие глаза, короткий нос и изящный рот с очаровательной улыбкой. Я нашла великого князя чрезвычайно привлекательным, с располагающим приятным характером, таким естественным, таким веселым... Он всего на год старше меня...»¹⁸¹

Виктория призналась лорду Мельбурну¹⁸², что совсем не ожидала встретить в лице русского великого князя столь обаятельного молодого человека. Ее симпатия распространилась и на всю свиту Александра: «Все они приятные молодые люди, и с ними очень приятно иметь дело». И Виктория еще раз добавляет:

«Мне страшно нравится Великий Князь, он такой естественный и веселый, и мне так легко с ним».

После двух первых встреч, во время которых Виктория явно была просто очарована Александром, молодые люди сближались все больше и больше и страстно влюбились друг в друга.

Однако и английские и русские источники упорно молчат про эту первую любовь Виктории и про неожиданное увлечение ею Александра¹⁸³.

В один из дней пребывания в Англии Александр открыл Юрьевичу свое сердце.

«Цесаревич признался мне, — записал в свой дневник адъютант Юрьевич, — что он влюблен в королеву и убежден, что и она вполне разделяет его чувства...» На следующий день Великий князь опять огорчил меня. Я сказал ему, что этот брак совершенно невозможен. Я прибавил, что в случае такого поступка ему придется отказаться от своей будущей короны и что совесть его никогда не позволит ему сделать это. Он согласился со мной. Но было ясно, что он очень страдает». А дальше Юрьевич делает такую запись: «У меня лично нет ни малейшего сомнения, что если бы Цесаревич сделал предложение королеве, она без колебаний приняла бы его»¹⁸⁴.

28 мая Виктория записала в дневник: «...Он опять повторил, что проведенные им здесь дни навсегда останутся в его памяти... Я их тоже никогда не забуду, потому что я действительно люблю этого приветливого милого молодого человека»¹⁸⁵.

На другой день после отъезда Александра Виктория признавалась своему ментору и премьер-министру лорду Мельбурну: «Я очень, очень опечалена его отъездом!»¹⁸⁶

На память об этих днях у королевы Виктории оставался дорогой подарок русского цесаревича: овчарка по кличке Казбек, к которой она страстно привязалась. До самой смерти Казбек оставался любимцем Виктории как дорогая память ее первого увлечения даже после того, как она вышла замуж 10 февраля 1840 г. за своего кузена Альберта Саксен-Кобург-Готского¹⁸⁷.

Женитьба

Покинув Англию 29 мая 1839 г., Александр все еще переживал свое увлечение королевой Викторией. Конечно, он сразу понял невозможность брака с английской королевой. Николай I торопил его с выбором невесты: ему было уже 20 лет и ждать дольше было невозможно.

Девушки, которые нравились Александру, были для него недоступны: Ольга Калиновская была «простой смертной», Виктория была королевой страны — соперницы России. Холодный душ разочарования второй раз вернул его к реальности.

Его спутники, члены свиты, всеми силами старались внушить ему необходимость немедля исполнить волю отца. И тогда Александр остановил свой выбор на 15-летней дармштадтской прин-

цессе Вильгельмине-Марии, которая менее всех других кандидаток отталкивала его.

Заручившись согласием родителей, Александр поспешил в Дармштадт. Он провел неделю в семье Вильгельмины-Марии, и молодые люди познакомились друг с другом ближе¹⁸⁸.

Прошло еще несколько месяцев в подготовке к свадебным торжествам. Пока велись переговоры между С.-Петербургом и Дармштадтом, Александр вернулся к своей прежней возлюбленной — Ольге Калиновской.

В переписке родителей Александра она названа лишь буквами «О» и «К».

«Что станет с Россией, — писала в своем дневнике Александра Федоровна, — если человек, который будет царствовать над ней, не способен владеть собой и позволяет своим страстям командовать собой и даже не может им сопротивляться?»

Сам царь был страшно огорчен и озадачен этим увлечением сына. «Саша, — писал он жене, — недостаточно серьезен, он склонен к разным удовольствиям, несмотря на мои советы и укоры...»¹⁸⁹ Императорская чета страдала из-за «слабостей» сына.

Дело разрешилось неожиданным образом. Николай выдал Ольгу Калиновскую замуж за вдовца — мужа ее покойной сестры — богатейшего польского помещика Ириней Ожинского, и Александр прекратил свою связь с ней. Их старший сын впоследствии утверждал, что он был сыном Александра, хотя доказательства этому нет¹⁹⁰.

Итак железная воля отца и увещевания матери оказали на Александра желаемое воздействие...

Будучи наставленной в вероучении нашей церкви, молодая принцесса Мария Гессен-Дармштадтская 5 декабря 1840 г. в Большой церкви Зимнего дворца приняла православие и стала великой княжной Марией Александровной. Свадьба состоялась 16 апреля 1841 г.¹⁹¹, накануне дня рождения Александра, которому исполнялось 23 года. Марии же исполнялось 17 лет.

«...Она была перенесена, — как отмечает А. Ф. Тютчева, — ко двору самому пышному, самому блестящему и самому светскому из всех европейских дворов»¹⁹².

Известно, что Мария Александровна с большим желанием училась русской истории и русскому языку. Она с «благоговейным прилежанием» изучала русскую церковь. Цесаревна, по отзывам современников, чем только могла, изо всех сил своего доброго сердца была при своем свёкре «ангелом-заступницей за всех несчастных, обращавшихся к ней. Никогда строгий царь не отказывал своей доброй невестке в том, что она просила для несчастных»¹⁹³.

Конечно, Мария Александровна могла оказать помощь и из своих средств. Ведь только на карманные расходы ей было пожаловано в год 50 тыс. рублей серебром¹⁹⁴.

От брака Александра с Марией Александровной родилось две дочери и шесть сыновей¹⁹⁵.

Следует отметить, что сохранились довольно любопытные характеристики Марии Александровны.

«В первые годы своего пребывания в России, — пишет П. Долгоруков, — (Она. — *Авт.*) пользовалась репутацией женщины необыкновенно умной... Ее отчуждение от всех, ее любовь к уединению приписаны были осторожности, глубокомыслию и, наконец, отвращению, которое, как полагали, внушал ей жалкий николаевский двор. Все это придавало ей в России огромную популярность. Наконец, муж ее вступил на престол, тут обаяние упало, всё обнаружилось, и популярность, какой пользовалась императрица в бытность свою цесаревной, совершенно исчезла»¹⁹⁶.

Интересную характеристику жене Александра дает фрейлина Тютчева: «...Когда я впервые увидела великую княгиню, ей было уже 28 лет. Тем не менее она выглядела еще очень молодой. Она всю жизнь сохранила эту молодую наружность, так что в 40 лет ее можно было принять за женщину лет тридцати. Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на первый взгляд впечатление красавицы; но она была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера... Черты ее не были правильны. Прекрасны были ее чудные волосы, ее нежный цвет лица, ее большие голубые, немного на выкат, глаза, смотревшие кротко и проникновенно. Профиль ее не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий со сжатыми губами, свидетельствующий о сдержанности, без малейших признаков способности к воодушевлению или порывам, а едва заметная ироническая улыбка представляла странный контраст к выражению ее глаз». Далее она сообщает: «В своем окружении матери, жены, государыни она казалась как бы чужой и неосвоившейся. Она была нежно привязана к мужу и к детям и добросовестно исполняла обязанности, которые налагали на нее семья и ее высокий сан; она, по крайней мере, всеми силами старалась их исполнять, но в самом этом усилии чувствовалось отсутствие непосредственности в этих отношениях...»¹⁹⁷

Зарубежное путешествие имело, однако, судьбоносное значение не только в жизни наследника русского престола. Подобно своему питомцу, и седовласый наставник его В. А. Жуковский на 56-м году своей жизни встретил в давно знакомой ему семье художника Е. Рейтерна¹⁹⁸ то долгожданное, тихое счастье, которое сопутствовало ему последние одиннадцать лет жизни. Он стал женихом 18-летней дочери Рейтерна Елизаветы. В 1841 г. Василий Андреевич подал прошение об отставке и уехал в Германию, где обвенчался с Елизаветой¹⁹⁹ в

церкви русского посольства в Штутгарте. В последующие годы Жуковский пытался возвратиться в Россию, однако жизненные обстоятельства его складывались так, что это намерение его не осуществилось. Болезнь жены, рождение дочери Александры и сына Павла²⁰⁰, собственный недуг задержали его в Германии до конца жизни. «Семейная жизнь, — писал Василий Андреевич другу, — лучшее наше сокровище, но это сокровище окупается дорогою ценою»²⁰¹. Жуковский скончался 12 апреля 1852 г., сохранив до последнего вздоха самые лучшие чувства к своему царственному ученику, пользуясь также со стороны царской семьи любовью и уважением.

Знаменитый поэт был похоронен в Баден-Бадене, затем его прах перевезли в Петербург и в присутствии цесаревича и великой княгини Марии Николаевны 29 июля того же года предали земле в Александро-Невской лавре рядом с могилой его друга и учителя Карамзина²⁰².

Государственная и военная деятельность цесаревича

Как отмечалось выше, участие Александра в государственных делах началось уже со дня его совершеннолетия. С каждым годом отец все активнее вводит его в сферу гражданского управления и высших государственных учреждений. В день бракосочетания сына Николай I назначил его членом Государственного совета, а в течение двух последующих лет он становится членом Совета министров, Финансового и Кавказского комитетов и других высших правительственных учреждений империи. Эта деятельность его была довольно «знаменательна и разностороння»²⁰³.

Учитывая способности сына, царь не боится наделять его реальной властью.

В 1842 г., отправляясь на месяц в инспекционную поездку по югу и западу России, он впервые доверяет Александру заменить его в решении текущих государственных дел, что в последующие годы становится правилом. Император пожаловал его за это орденом Владимира I степени. Всеведущий английский посол в С.-Петербурге лорд Кланрикард, еще в мае 1841 г. вернувшись в Лондон, докладывал в Министерстве иностранных дел, что «в России как будто правят два императора»²⁰⁴.

Во второй половине сороковых годов и в начале пятидесятых цесаревич допускается к святой святых практической политики правительства. Он становится председателем особых комитетов, обсуждавших наиболее важные текущие вопросы государственной жизни, например, комитета по сооружению Николаевской железной дороги, комитета по вопросу о занятии Н. Н. Муравьевым устья Амура, Секретных комитетов 1846 и 1848 гг. по крестьянскому вопросу. В последних двух комитетах выработались рекомендации по постепенному упразднению крепостного права. Однако радикальные шаги не были приняты.

Одновременно с гражданскими делами Александр занимался и военными вопросами, которые отнимали у него большую часть времени. В 1843 г. цесаревич был назначен генерал-адъютантом к его императорскому величеству, а в 1844 г. утвержден командиром всей гвардейской пехоты. В этой должности Александр посвятил много времени фронтовым занятиям войск и улучшению быта солдат. По его требованию были изысканы средства для улучшения их питания. Вместо прежнего порядка покупки продуктов от подрядчиков по установленной цене велено было покупать продукты на рынках по вольной цене. Была введена строгая отчетность расходования денег, и цесаревич каждый месяц сам просматривал отчеты.

Бурный революционный почти для всей Западной Европы 1848 г. прошел для России спокойно и мирно, если не считать страшной эпидемии азиатской холеры, которая разразилась тогда в С.-Петербурге. Особенно она свирепствовала в войсках, размещенных в столице и ее окрестностях. Все чрезвычайные меры по борьбе с эпидемией и установлению карантина осуществлял Александр.

В апреле 1849 г. молодой император Австрии и король Венгрии Франц-Иосиф²⁰⁵ обратился к Николаю I с просьбой о помощи против наступавших и грозивших Вене венгерских революционных войск. В июне Николай I двинул в Венгрию свои войска под руководством князя Варшавского генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича²⁰⁶. До 100 тысяч солдат наступали из Галиции и около 38 тысяч из Молдавии и Валахии. В заграничном походе участвовала и гвардия. В это время цесаревичу была определена должность командира гвардейского пехотного корпуса.

10 июня он выехал из Ревеля к вверенным ему войскам, находившимся уже в походе. Осмотрев их по пути в Риге, Вильне, Гродне и Белостоке, наследник прибыл в Варшаву, откуда император Николай I руководил движением своей армии, перешедшей Карпаты. Александр оставался при отце все лето, до того памятного дня 1(13) августа 1849 г., когда предводимая Гёргеем²⁰⁷ венгерская армия капитулировала под Вилагошем перед князем Паскевичем.

Получив об этом известие, Николай I отправил 2 августа Александра в Вену с официальным поручением поздравить императора Франца-Иосифа с благополучным концом мятежа. Но фактически наследнику было доверено просить о помиловании венгерским генералам, сдавшимся русским войскам. Австрийский император с почетом принял августейшего посланца, даровал жизнь Гёргею. Однако 13 сдавшихся Паскевичу венгерских генералов были позднее казнены австрийцами. Расстреляны были также многие весьма умеренные деятели революции.

Летом того же года Александр пережил первое тяжелое испытание — от последствий кори умер его первый горячо любимый ребенок — дочь Александра.

В 1849 г. после кончины великого князя Михаила Павловича на Александра была возложена царем обязанность быть главным начальником всех военно-учебных заведений²⁰⁸.

Весной 1850 г. Александр сопровождал отца в его поездке по России для осмотра крепостей и войск, расположенных в Польском Царстве и в Западном крае. Летом он возглавил лагерный сбор кадет в Петергофе и гвардии в Красном Селе, а осенью, посетив кадетские корпуса в Полоцке, Бресте и Полтаве и проведя смотр частей в Луцке и Елисаветграде, предпринял поездку на Кавказ и в Закавказье.

Как описывает очевидец, посещение Александром Грузии стало непрерывным рядом торжеств и восторженных приемов. Так, «въезд великого князя в Тифлис явился настоящим триумфом. Все население города высыпало ему навстречу с туземными музыкантами и песенниками... размахивая зелеными ветвями и флагами...» Пока великий князь находился в Тифлисе, «толпы днем и ночью не покидали площади перед дворцом и каждое его появление приветствовали радостными кликами и киданием шляп в воздух...»²⁰⁹

Описание современниками пребывания цесаревича на Кавказе показывает проявляемую в то время доброжелательность, искренность и сердечность народов Грузии и их известное восточное гостеприимство.

В то же время это свидетельствует о дружественном отношении к русскому народу в лице престолонаследника. Разве эти чувства могли бы проявляться в форме массового ликования, если бы, как утверждают некоторые националистические историки, Россия угнетала или ущемляла интересы грузин?

Составляя характеристику Александра II, необходимо отметить и такую его важную черту, как личное мужество. Именно здесь, в Закавказье, будущему императору довелось быть участником боевой схватки с чеченцами и проявить бесстрашие и смелость. Произошло это 26 октября 1850 г.

В этот день наследник выехал из Воздвиженской крепости в Ачхай, в сопровождении наместника Кавказа князя Воронцова²¹⁰, под прикрытием отряда из пехоты, нескольких сотен казаков с артиллерией, а также местной милиции и толпы мирных чеченцев. Как обычно Александр ехал верхом с авангардом. Между реками Рошня и Валериком он заметил группу неприятеля под Черными горами и сразу же поскакал к ней, увлекая за собою свою свиту, нескольких казаков и туземцев²¹¹. Чеченцы, выстрелив по нему, бросились бежать, но были атакованы казаками и мирными чеченцами.

В своем докладе императору князь Воронцов описывает храбрость наследника, прибавляя, что он не мог «без страха видеть, с какой быстротой и смелостью Цесаревич бросился на цепь, на большое расстояние от дороги, через перелесье, тем более, что не все из его окружения могли поспеть за его кровным конем»²¹².

Николай I принял во внимание рапорт наместника Кавказа и пожаловал Александру орден св. Георгия IV степени.

Николай I не раз объявлял сыну в рескриптах свою «душевную благодарность» за службу в армии. В одном из них, в 1851 г. он писал: «Вообще родительскому моему сердцу отраднo видеть, до какой степени Вы постигли звание военного начальника, и я за Ваши неусыпные заботы о войске, столь искренне мною любимом, благодарю Вас от всей полноты души»²¹³.

В начале 1852 г. цесаревич по желанию отца предпринял ряд поездок по России для ревизии учреждений как военных, так и административных. В ноябре того же года Александр был назначен главнокомандующим гвардейским и гренадерским корпусами.

В период 1853—1855 гг. он разделял заботы и труды царственного родителя (вплоть до его смерти) по обороне Российской империи, укреплению и совершенствованию ее боевых сил.

Это время было тяжелым испытанием для будущего монарха.

Итоги воспитания

В результате глубоко продуманной и хорошо организованной системы воспитания будущий император Александр II получил, как никто другой из династии Романовых, разностороннее, можно сказать, универсальное образование.

Наследник престола изучил широкий курс математики, физики, естествознания, географии, истории, православного катехизиса, общих начал политической экономии, этнографии, логики, философии, статистики и права.

Он свободно владел русским, французским, немецким, английским и польским языками, получил основательную военную подготовку. Благодаря усилиям Жуковского и Плетнева Александр превосходно, во всех тонкостях усвоил родной русский язык, выражался не только правильно, но и литературно. Естественно, все это сделало будущего властителя России подлинно культурным русским человеком, далеко превосходящим многих современных ему монархов и правителей других стран.

До восшествия на престол Александр практически познакомился со всеми главными сторонами управления империей: военной, финансовой и дипломатической.

На протяжении многих лет, начиная со дня совершеннолетия, он накопил опыт участия в высших государственных учреждениях: Государственном совете, Святейшем синоде, Комитете министров, в различных комиссиях, получил практику управления текущими делами империи в отсутствие государя.

Важным дополнением к развитию кругозора наследника и формированию его мировоззрения стали регулярные длительные поездки по стране и за рубеж, во время которых он общался с представителями разных кругов тогдашнего общества, накапливая все новые и новые жизненные впечатления. По мнению

современников и учителей, будущий глава империи был одарен щедрой рукою природы блестящими способностями, обладал необычайно ясным и здравым умом, живым, веселым нравом, прямым характером и незаурядной памятью.

Воспитатели привили своему царственному воспитаннику высокие нравственные качества, благородные убеждения, горячую любовь к родной стране, великодушие, человечность, сострадание, отзывчивость и веротерпимость.

И хотя по всем главным вопросам того времени Александр разделял взгляды своего отца, отстаивал незыблемость монархии в России, он не был ограниченным догматиком и фанатиком-реакционером. Будущий реформатор сумел правильно оценить создавшееся положение, воспринять новые веяния и требования лучшей, просвещенной части общества.

Некоторые историки считают: основной слабостью Александра как политической фигуры, в том числе и в его отношениях с отцом, было то, что человеческие проблемы для него нередко преобладали над государственными.

В этом была его слабость, но и превосходство: был он прежде всего добрым и благородным человеком, и часто сердце у него брало верх над умом. К сожалению, для человека, предназначенного судьбой быть императором России, это являлось скорее недостатком.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА. НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ

Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!..¹

Н. А. Некрасов

1. Восточная война

Важным этапом в жизни Александра, как и всей России, стала Крымская война 1853—1856 гг.

Россия и Европа
накануне войны

После подавления революции
1848—1849 гг. политический горизонт все более и более заволаки-

вался тучами. В международных европейских делах на первое место вновь выдвинулся восточный вопрос² — это постоянное яблоко раздоров. К середине XIX в. Россия была почти целиком вытеснена с рынков Ближнего Востока Англией и Францией, которые подчинили своему влиянию Турцию. Петербург не хотел терять свои преимущества, приобретенные им в победоносных войнах с Турцией 1735—1739, 1768—1774, 1787—1791, 1806—1812, 1828—1829 гг. В этих войнах Россия закрепила за собой Южную Украину, Крым, Бессарабию, Кавказ и прочно утвердилась на берегах Черного моря. Знаменитые победы Румянцева, Суворова, Потемкина, Кутузова³, Паскевича, Дибича и других заставляли турецкое правительство принимать меры к облегчению условий жизни подвластных Турции христиан. В результате успехов русского оружия была обеспечена в 1829 г. автономия Сербии и ограничена власть султана над Молдавией и Валахией, в 1830 г. провозглашена независимость Греции.

Наиболее могущественная соперница — Великобритания, опасаясь усиления России, вынашивала планы ее военного поражения, чтобы осуществить свои собственные завоевательные цели на Ближнем Востоке.

Вояж Николая I в Лондон в 1844 г., предпринятый с целью достижения русско-английского единства в восточном вопросе, не увенчался успехом. Английские министры фактически уклонялись от переговоров с Россией по этим проблемам. Лондон все больше сближался с Парижем, и в дальнейшем в восточном вопросе эти державы выступали совместно. «Великой целью нашей политики, — подчеркивал Пальмерстон, — должно

быть создание западной конфедерации свободных государств для противодействия восточной лиге деспотических правительств»⁴.

Париж, опираясь на быстро развивающийся в стране капитализм имел собственные притязания к Блистательной Порте, особенно в Сирии и Египте. С давних пор Франция выступала соперником России и в Константинополе. «Франция — единственная страна, — писал канцлер К. В. Нессельроде, — которая продолжает как в Европе, так и на Востоке заявлять о той угрозе, которая существует со стороны России в Османской империи»⁵.

В середине XIX в. у Парижа появились новые основания противодействовать внешней политике Николая I. Совершив государственный переворот, Луи-Наполеон — сын падчерицы Наполеона I Гортензии Богарне и его брата Луи — провозгласил себя наследственным императором⁶. Для оправдания и укрепления своей власти этому политическому авантюристу, фарисейски заявлявшему: «Империя — это мир», необходимы были военные победы, напоминавшие лавры Первой империи⁷. В воображении нового Наполеона уже складывалась программа завоевательных походов, которые покончат с системой «Священного союза»⁸, ликвидируют ненавистные договоры 1815 г. и обеспечат Франции гегемонию на европейском континенте.

Колебания, проявленные Николаем I в вопросе о признании Второй империи⁹, и его презрение к новому императору-выскочке обострили враждебные отношения между Россией и Францией. Известно, что Николай I условился с австрийским императором и прусским королем признать государственный переворот, в результате которого Наполеон III стал императором Франции, но в то же время титуловать Наполеона не братом, а «добрым другом». Можно представить негодование Николая I, когда выяснилось, что его соседи не соблюли условия и что из всех монархов Европы он один называл Наполеона так, как принято именовать президента Соединенных Штатов.

Неприятную позицию по отношению к восточным притязаниям Николая I вынуждена была занять также Австрия. Основательно расшатанная революцией 1848—1849 гг., обязанная своим спасением Николаю I, монархия Габсбургов не могла примириться с переходом Балканского полуострова под хозяйственное и политическое руководство России. Подобный исход не только нанес бы удар развивающемуся австрийскому капитализму, но и усилил бы национальное движение западного, австрийского славянства.

Лицемерная покорность Николаю I, которую обнаружил новый император Франц-Иосиф, так же как общность консервативных целей, которая связывала обоих монархов, не могли уничтожить глубокого антагонизма между Россией и Австрией в восточном вопросе. Не случайно австрийский министр Шварцен-

берг¹⁰ заявлял, что Австрия «еще удивит мир своей неблагодарностью».

В то же время Петербург с момента подавления венгерской революции ошибочно считал Австрию своим надежным союзником как в Европе, так и на Востоке. «Наградой за нашу дальновидную политику, — писал Нессельроде в 1850 г., — является прочный и тесный союз с Австрией»¹¹.

Король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV¹² оставался преданным другом своего «старшего брата» Николая I, но широкие круги немецкой буржуазии не могли простить властителю России его упорного противодействия воссоединению Германии. Берлин еще не был заинтересован в восточном вопросе и предпочитал уклоняться от европейских споров вокруг Константинополя. В обострявшейся борьбе между Англией и Россией Прусская монархия не могла играть роль надежного и активного союзника Николая I.

В эти же годы перед российским императором стоял непобедимый противник — растущая сила европейской демократии. Как уверял сам Николай I, задача его жизни заключалась в том, чтобы сражаться с «адскими принципами революции»¹³.

После 1849 г. радикальные слои мелкой буржуазии видели в самодержавии — «международного жандарма» — главное препятствие на пути политического прогресса.

Уже в XIX в. трезвомыслящие отечественные историки подвергли беспощадной критике проводимый Россией внешнеполитический курс. «Император Николай I, — писал Ф. Ф. Мартенс, — оставался неутомимым защитником порядков, давно потерявших право на существование»¹⁴. С. С. Татищев отмечал «добровольное подчинение наших государственных интересов мнимой солидарности интересов соединенной Европы»¹⁵.

Николай знал, что революция продолжает жить и приобретает все новых сторонников в его собственной стране. Однако он надеялся решительно преодолеть этого страшного противника усилением своего могущества.

Таким образом, обе противоборствующие стороны руководствовались «политикой далекого прицела».

В целом «с 1848 г. Европа не выходит из-под ружья, — сетует русский публицист В. Андреев, — и все успехи науки направлены на усовершенствование средств истребления. Словом, начался период просвещенного варварства...»¹⁶

**Непосредственный повод
Восточной войны**

Непосредственным поводом для развития общеевропейского конфликта послужил вопрос о «палестинских святынях», находившихся на азиатской территории

Оттоманской империи.

В начале 50-х годов между католической и православной церковью обострился спор, кому из них принадлежит право

иметь ключи Вифлеемского храма, где, по преданию, родился Иисус Христос, а также чинить купол над храмом Гроба Господня и владеть религиозными памятниками в Иерусалиме. От монопольного положения в «святых местах» зависел не только престиж церкви, но и ее влияние и доходы от подаяний многочисленных паломников.

Наполеон III счел возможным использовать этот спор для создания дипломатического конфликта и потребовал от султана Абдул-Меджида¹⁷ выполнения старых договоров о привилегиях католиков.

Франция потребовала в 1850 г. от Турции допущения католиков в некоторые из святынь, предоставленных православным, основываясь на старинном договоре с Портою 1740 г. «То, что Франция преследует политические цели в вопросе о святых местах, является совершенно очевидным фактом и не нуждается в пространных комментариях», — вынуждено было отметить российское правительство в 1851 г.¹⁸

Фирманом, изданным в январе 1852 г., Турция, устранив притязания католиков, подтвердила установившиеся права владения латинской и православной церкви, но вместе с тем, в виде уступки Франции, предоставила латинянам, наряду с греками и армянами, ключ от пещеры Рождества Христова в Вифлеемском храме и некоторые другие права на святыни Палестины.

Николай I, с самого начала вступавший за права православной церкви и требовавший от Порты полного соблюдения статус-кво, согласился на указанную уступку латинской церкви ввиду того, что фирман торжественно подтверждал и закреплял на будущее время все остальные, установившиеся постепенно права греческой церкви.

Вместе с тем он потребовал от Порты в пользу греков разрешения приступить немедленно к возобновлению ремонта купола, Гроба Господня. Вопрос, казалось, был разрешен. Но Порта, по настоянию Франции, нарушив только что изданный торжественный фирман, сделала новые уступки католикам¹⁹.

Передача ключей как бы означала передачу католикам и самого храма. Даже такой многоопытный дипломат, как государственный канцлер России граф К. В. Нессельроде, по религии англиканского вероисповедания, по убеждениям — вольнодумец и человек в полном смысле слова светский, не мог понять каким образом в XIX в., в эпоху телеграфа и паровой машины можно спорить о ключах от больших врат Вифлеемского храма. Наконец, без ведома царя, он запросил российского посла в Париже: «Постарайтесь узнать, идет ли речь о ключе в смысле инструмента, которым принято отворять двери, или же здесь подразумевается какой-нибудь особый ключ, например, какая-нибудь эмблема!»²⁰ Нессельроде был немало удивлен ответом, что речь идет о настоящем ключе, которым отворяют двери. Он считал, что спор уладится чисто дипломатическим путем.

Между тем затеянное дипломатическое противоборство сопровождалось демонстрациями французской эскадры в восточной части Средиземного моря и сосредоточением русских войск на турецкой границе. Тогда же в Петербурге вынуждены были обратить внимание на то, что французские требования поддерживают другие западноевропейские державы, прежде всего Англия и Австрия²¹.

Становилось ясно, что за многолетним религиозным «спором о ключах», лишенным ранее политического смысла, скрывается острая борьба европейских держав за влияние на Ближнем Востоке.

В сложившейся ситуации Николай I хотел использовать обострившийся конфликт для активного наступления на Турцию и изоляции Франции. На исходе 1852 г. (9 января 1853 г. н. ст.) он пытался через английского посла в Петербурге Джорджа Сеймура²² сердечно договориться с Лондоном о полюбовном разделе владений Порты. Предвидя близкий распад Оттоманской империи, Николай изложил Сеймуру свой проект решения восточного вопроса. Он соглашался уступить Великобритании Египет и Крит, а также отказывался от захвата Константинополя русскими войсками. Взамен царь настаивал на превращении Сербии, Болгарии и придунайских княжеств в самостоятельные государства под русским покровительством.

Однако предложения российского монарха привели к обратным последствиям: английский премьер Г. Дж. Пальмерстон, опасаясь усиления России на Ближнем Востоке, заключил соглашение с Наполеоном III о совместных действиях против России. Англия и Франция приняли меры к укреплению позиций Турции. В Константинополь был направлен прежний британский посол Стратфорд-Рэдклиф²³, который пользовался огромным влиянием на султана Абдул-Меджида и сделал все возможное для разжигания конфликта между Россией и Портой.

Неверно оценив обстановку, уверенный в поддержке Вены и Берлина, а также в дружественном нейтралитете Лондона, Николай I произвел энергичное давление на Порту.

В начале 1853 г. он приказал своему любимцу начальнику Главного морского штаба, светлейшему князю А. С. Меншикову²⁴ снарядить большую свиту и на военном линейном корабле плыть в сопровождении этой свиты в Константинополь с решительным предписанием восстановить нарушенные Турцией права православной церкви в Палестине. Кроме того, царь требовал от султана торжественно гарантировать эти права в виде специальной конвенции. В случае неполного их удовлетворения Меншикову дозволялось предъявить ультиматум.

Высокомерный царский фаворит в одном из писем тогда писал о предназначенной ему миссии: «Я питаю надежду, что это для меня будет последним актом деятельности в моей очень полной впечатлениями жизни, требующей покоя»²⁵.

16(28) февраля чрезвычайный и полномочный представитель России А. С. Меншиков с вице-адмиралом В. А. Корниловым²⁶, в окружении блестящей свиты, преимущественно из гвардейских офицеров, на пароходофрегате²⁷ «Громозец» прибыли в Топ-Хане²⁸. В многочисленной толпе встречающих, собравшихся на берегу перед Зимним дворцом русского посольства, не оказалось никого из министров Порты. Только на третий день после своего прибытия Меншиков посетил Великого визиря²⁹ Мехмет-Али. При этом он явился к нему не в официальном мундире, а в обычном пальто и мягкой шляпе. Министра иностранных дел Фуад-эфенди он вообще отказался посетить, заявив, что не желает иметь дело с этим «лживым субъектом».

Оскорбленный оказанным ему невниманием Фуад-эфенди вынужден был уйти в отставку³⁰. По совету Стратфорда, заклятого врага России, султан сделал уступку в вопросе о палестинских святынях, но не согласился подписать ни конвенции, ни сенеда, специального договора с Россией, ни проекта ноты, выработанного русским послом, и закрепить право российского царя на покровительство православным подданным Турецкой империи (болгарам, сербам, румынам, грекам и др.).

Тогда Меншиков, потомок известного петровского фаворита, объявил, что порывает отношения с Портой и 9(21) мая 1853 г. вместе со своей свитой и всем составом русского посольства отправился из Константинополя в Одессу.

Конечно, можно допустить, как считают некоторые, что миссия Меншикова в Стамбул является своего рода «образцом развязности, бестактности и неумелости»³¹. Хотя это утверждение можно считать спорным. Вместе с тем следует подчеркнуть, что одним из самых главных подстрекателей, обдуманно и целенаправленно раздувавших пожар Крымской войны, был изощренный английский дипломат Стратфорд-Рэдклиф. Этот мастер политических диверсий сделал все от него зависящее, чтобы ускорить военный взрыв. Само собой разумеется, и Абердин, и Кларендон, и королева Виктория всецело с начала до конца поддерживали Стратфорд-Рэдклифа³².

Кроме того, важно напомнить, что еще в феврале 1853 г. лорд Кларендон и французский посол в Лондоне граф Валевский³³ подписали соглашение о совместных действиях Англии и Франции в сфере восточного вопроса, а в марте (еще до окончания миссии Меншикова) французская эскадра уже отправилась из Тулона в Эгейское море, поближе к берегам Турции.

В начале июня³⁴ английская и французская эскадры подошли к Дарданелльскому проливу и бросили якорь у Безикской бухты. Попытка русской дипломатии (ультиматум графа Нессельроде 4 июня) пригрозить оккупацией дунайских княжеств успеха не имела.

Дипломатические отношения России с Портой были прерваны. Николай торжественно объявил манифестом, что он занима-

ет дунайские княжества «в залог» удовлетворения своих «законных требований».

Пришло время, когда от слов переходят к действиям.

21 июня (3 июля) 1853 г. 82-тысячная русская армия под командованием М. Д. Горчакова³⁵ перешла Прут и вступила в дунайские княжества Молдавию и Валахию «для обеспечения исполнения турками прежних договоров с Россией».

Но война Турции не была объявлена. Как говорит русская поговорка: зверя не убивали, а только дразнили.

В это же время, завершая дипломатическую подготовку войны, представители Англии, Франции, Австрии и Пруссии, собравшись на конференцию в Вене, выработали совместный демарш якобы для разрешения «восточного кризиса».

19(31) июля 1853 г., по инициативе австрийского министра иностранных дел К. Буоля³⁶, они приняли редакцию ноты, представлявшую собою соединение проекта князя Меншикова и проекта, предложенного Портою. Русское правительство приняло венскую ноту с условием, чтобы в ней не было сделано никаких изменений. Но Турция потребовала некоторых перемен в ее редакции. Мирный исход был еще более затруднен тем обстоятельством, что памятная записка графа Нессельроде по этому поводу, сообщенная иностранным правительствам, была понята на Западе как подтверждение притязаний и скрытых замыслов России. Переговоры Николая I с Францем-Иосифом в Ольмюце 14(26)—16(28) сентября и с императором австрийским и королем прусским в Варшаве 21 сентября (3 октября) не улучшили политического положения. Принятый в Ольмюце план примирительных действий был отвергнут Францией и Великобританией³⁷. Париж и Лондон все время вели двойственную политику: с одной стороны, они объявляли о своем миролюбии и желании предотвратить войну, с другой, — сознательно провоцировали вооруженный конфликт между Россией и Турцией.

Порта, опираясь на поддержку Англии, отказалась пойти на уступки и потребовала в качестве предварительного условия переговоров вывода русской армии из дунайских княжеств.

Вена вроде бы старалась добиться примирения сторон, но все заметнее сближалась с Англией и Францией, Берлин занимал нейтральную позицию и не хотел вмешиваться в восточный конфликт.

Под влиянием Англии и Франции султан Абдул-Меджид 27 сентября (9 октября) 1853 г. предъявил ультиматум главнокомандующему Горчакову в 18 дней очистить княжества. Не получив требуемого ответа, 4 октября он объявил России войну. Турецкие войска начали боевые действия на Дунае, на азиатской границе и на Кавказском побережье.

20 октября (1 ноября) 1853 г. Николай I ответил формальным объявлением войны Оттоманской империи³⁸.

Силы противоборствующих сторон

Николаю I пришлось вести войну с коалицией государств, имевшей армию численностью около миллиона человек. По данным «всеобщей отчетности» отчета Военного министерства за 1852 г., русская армия насчитывала на 1 января 1853 г. почти 1,4 млн. солдат и офицеров, но реально она могла выставить против врага около 700 тысяч человек, поскольку значительная часть войск внутренней стражи и местных команд были заняты для поддержания «порядка» внутри страны. К середине XIX в. рекрутская система комплектования армии уже изжила себя, она не позволяла быстро увеличивать силы во время войны. Тем не менее, начиная с июля 1853 г., правительство прибегает к рекрутским наборам, а позже и к ополчению. За время войны численность армии увеличилась вдвое по сравнению с мирным периодом. Ко времени вторжения союзников в Крым действующие войска России были расположены следующим образом (табл. 1).

Таблица 1³⁹

Расположение русских войск
накануне вторжения союзников в Крым

Район расположения войск	Численность (чел.)
Побережье Финского залива и Прибалтика	207 091
Западная граница	140 980
Берега Дуная	181 870
Северное побережье Черного моря	32 093
Крым	39 000
Азово-Черноморское побережье	46 000
Кавказско-турецкая граница	54 790
Итого	701 824

Угроза вмешательства в войну Австрии, Пруссии и Швеции на стороне союзников заставила Петербург держать на западных границах значительные силы армии, рассредоточенные на большой территории. Россия намного уступала союзникам в области военной техники. На вооружении ее преобладали гладкоствольные ружья с дальностью стрельбы на 300 шагов (120—150 м), в то время как европейцы имели нарезное оружие (штуцер), бывшее на 1200—1300 шагов (800 м)⁴⁰. Нарезных ружей насчитывалось в русской армии только 4,6% (или у 6 солдат в роте). Большая часть орудий русской артиллерии была старого образца, уступая по техническим характеристикам противнику. Армия была приучена действовать в плотных боевых порядках.

Количественно и качественно различался и морской флот. В то время как английские и французские корабли в основном представляли собой маневренные винтовые пароходы, вооруженные дальноточной артиллерией, российский флот был преимуще-

ственно парусным. По остроумному замечанию советского историка Н. А. Троицкого, перед флотом Англии и Франции наш флот выглядел, как лилипут перед Гулливером: англо-французы имели 454 боевых судна, включая 258 пароходов, в России — 115 судов при 24 пароходах. В черноморской эскадре из 21 крупного военного корабля только 7 были паровыми. Суда Балтийского флота из-за своей ветхости были почти непригодны к плаванию.

Причины военно-технической слабости заключались в экономической отсталости России, господстве ее феодально-крепостнической системы. Недостаточно развитая военная промышленность не в состоянии была освоить новейшие типы вооружения и обеспечить армию и флот всем необходимым. Среди военачиновничьей верхушки российской армии немало было самодовольных и бездарных представителей аристократических кругов, процветало казнокрадство и взяточничество интендантского аппарата.

На боеспособности армии пагубно отразилось и примитивное состояние транспорта. В империи было только три железные дороги, ни одна из них не соединяла внутренние губернии с Черноморским побережьем. В весеннюю оттепель и осеннюю слякоть южные районы страны становились непроезжими. Легче было перебросить воинские подкрепления в Крым из Англии и Франции, нежели из центра России.

Начальный период войны Военные действия в ходе Крымской войны можно разбить на два периода: первый (начальный) — русско-турецкая кампания, которая велась с октября 1853 г. по март 1854 г.; второй — действия против объединенных сил интервентов, март 1854 г. — февраль 1856 г.

В первом периоде боевые действия начались турецким наступлением на Дунайском фронте, азиатской границе и на Кавказском побережье.

На Дунае против 82-тысячной армии генерала М. Д. Горчакова Турция двинула почти 150-тысячную армию сардарэкрема (фельдмаршала) Омер-паши (австрийца Латоша, перешедшего на турецкую службу)⁴¹.

Первоначально 10-тысячный турецкий отряд в районе Ольteniцы сумел переправиться на левый берег Дуная без серьезного противодействия со стороны русских войск. Однако совершить подобную переправу в другом месте — около Журжева — туркам не удалось. В последующем, несмотря на отдельные столкновения, положение сторон на этом фронте стабилизировалось. Более сложно военные действия разворачивались на Кавказском фронте.

Значительная часть русских войск в Закавказье была вовлечена в операции против восставших горцев во главе с Шами-

лем⁴², а для прикрытия границ с Турцией имелись лишь ограниченные силы — гарнизоны Ахалцыха, Ахалкалаки, Александрополя и Эривани (около 5 тыс. человек). В связи с этим для борьбы против турецкой 100-тысячной армии Абди-паши был спешно сформирован 30-тысячный корпус генерала В. О. Бебутова⁴³.

15(27) октября османы овладели плохо укрепленным пограничным постом св. Николая и начали продвижение в сторону Александрополя. Сдерживая наступление турецких сил, 10-тысячный отряд под командованием Бебутова 19 ноября (1 декабря) наголову разбил 36-тысячное объединение турок при Башкадыкларе (около Карса). Наступившая зима в Закавказье сделала непроходимыми горные дороги и временно прервала боевые действия.

В этот период стяжал себе славу героического Черноморский флот, возглавляемый выдающимися флотоводцами адмиралами В. А. Корниловым и П. С. Нахимовым, талантливыми учениками М. П. Лазарева⁴⁴. После нескольких боев турецкие корабли были блокированы в портах.

18(30) ноября состоялось Синопское сражение — самое крупное событие в кампании 1853 г.⁴⁵ Ровно в полдень под непрекращающимся дождем и нависшими свинцово-серыми тучами отряд под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова в составе 8 кораблей в 2-кильватерной колонне атаковал и разгромил турецкую эскадру Осман-паши⁴⁶, стоявшую на рейде в Синопской бухте и прикрытую шестью береговыми батареями. В результате четырехчасового ожесточенного боя турки потеряли 15 из 16 кораблей, свыше 3 тысяч человек убитыми и ранеными. В плен были взяты около 200 человек, в том числе флагман корабля «Авни-Аллах» Осман-паша и командиры трех кораблей. Взрывы неприятельских судов зажгли турецкий город, превратившийся вскоре в груды обгоревших развалин. Русские потеряли 37 человек убитыми и 235 раненых было привезено в Севастопольский морской госпиталь. Многие корабли получили повреждения. Синопский бой стал последним в истории крупным сражением парусных флотов. Он показал высокие моральные и боевые качества личного состава русского военного флота.

Начало русско-турецкой кампании оживило политику Лондона и Парижа. Пренебрегая Лондонской конвенцией 1840—1841 гг., англо-французская эскадра 27 октября (8 ноября) 1853 г. вошла в Босфор. Вскоре Лондон, Париж, Вена и Берлин предложили воюющим сторонам свое посредничество для ликвидации конфликта. Предварительным условием для переговоров о мире должен был стать вывод Россией своих войск из придунайских княжеств.

Петербургский кабинет отклонил данное предложение. Тем временем известия о русских победах на Черном море и на Кавказе вызвали бурю возмущения среди английских и фран-

цузских деловых кругов. В западной прессе были оглашены переговоры о сферах влияния на Ближнем Востоке, которые вел Николай I в 1844 и 1853 гг. У европейских держав не было сомнений, что Турция без союзников войну проиграет. Англия и Франция решили действовать незамедлительно и открыто выступить против России в качестве «защитников» Порты. 22 декабря 1853 г. (3 января 1854 г.) англо-французский флот появился в Черном море и взял на себя охрану турецких коммуникаций. Одновременно в Стамбул прибыли французские и английские инженеры с целью укрепить этот город.

По истечении двух месяцев Лондон и Париж заключили военно-оборонительный союз с Высокой Портой и в марте 1854 г. предъявили России ультиматум об очищении дунайских княжеств к 3(15) апреля того же года⁴⁷.

Вступление в войну союзников

Не получив ответа, 15(27) марта королева Великобритании Виктория, а днем позже император Наполеон III официально объявили войну России⁴⁸. Николай I вынужден был обратиться за политическим содействием к своим бывшим союзникам — императору Австрии и королю Пруссии. Однако хлопоты были тщетны. Вена и Берлин отказались от какого-либо соглашения с Петербургом и подписали совместно с Лондоном и Парижем коллективное обязательство защищать неприкосновенность Порты, требовать вывода войск из дунайских княжеств, совместно оберегать права турецких христиан и не вступать с Россией ни в какие сепаратные переговоры.

Таким образом, Россия попала в положение международной изоляции перед лицом враждебной коалиции сильных западных держав.

Под предлогом защиты Турции Англия и Франция стремились ослабить Россию, стоящую на пути их захватнических планов. Они ставили перед собой далеко идущие планы.

«Моя заветная цель в войне, начинающейся против России, такова...» — заявил ярый русофоб Пальмерстон, — надо отторгнуть от Российской империи и передать Финляндию шведскому королю, Эстонию и Латвию — прусскому королю, Крым и Кавказ — турецкому султану; из польских губерний сделать нечто вроде существовавшего при Наполеоне герцогства Варшавского, чтобы восстановить, как он выражался, барьер между Россией и Германией. Для того, чтобы отгородить Россию от балканских стран, населенных славянами, изобретательный лорд намеревался передать Молдавию и Валахию под власть австрийского императора⁴⁹.

Боевые действия развернулись на нескольких театрах. С целью упреждения противника на Балканах, русские войска еще 11 марта 1854 г. форсировали Дунай у Браилова, Галаца и Измаила.

Взяв штурмом турецкие укрепления Исакчи, Тульчи, Мачина, они сосредоточились в Северной Добрудже и 5(17) мая начали осаду Силистрии. Население Болгарии приветствовало русские войска как освободителей от турецкого ига. В Северной Греции вспыхнуло антитурецкое восстание.

В это время к русскому правительству неоднократно обращались делегации славянских народов с просьбой помочь им сбросить турецкое иго. Николай I хотел вначале использовать нараставшее движение балканских славян в интересах России. Для подготовки предстоящих выступлений были снаряжены русские агенты в Черногорию и Сербию. Однако откровенно враждебная позиция Австрии заставила царя отказаться от своего первоначального замысла.

В Закавказье турецкая армия Мустафы Зариф-паши (фактически ею командовал английский генерал Р. Гюйон), намного превосходя русские войска по численности, тем не менее была разбита ими. Отважно сражались здесь отряды под командованием генералов Бебутова и Андронникова⁵⁰.

24 июля (5 августа) 1854 г. в сражении при селении Кюрюк-Дара 20-тысячный отряд Бебутова наголову разгромил и обратил в бегство 60-тысячную Анатолийскую армию Мустафы Зариф-паши.

Вступив в войну, англо-французы предприняли грандиозную вооруженную демонстрацию у берегов России.

10(22) апреля эскадра союзников постыдно бомбардировала мирную Одессу с моря из 350 орудий. Однако попытка высадить десант на окраине этой «жемчужины у моря» потерпела неудачу.

Небольшой русский гарнизон, усиленный добровольцами из одесситов, не подпустил неприятельские шлюпки к берегу. Батарея прапорщика А. Щёголева⁵¹ в составе 4 орудий в течение 6 часов вела единоборство с корабельной артиллерией врага. В результате 3 корабля союзников получили серьезные повреждения.

Обращаясь к противникам, П. Вяземский написал:

Нет, повесы, нет, балбесы,
И у нас есть щеголь свой!
Он не выдаст вам Одессы
С батареи щегольской⁵².

Один из лучших фрегатов Британского флота «Тигр» сел на мель недалеко от города. После обстрела его русской артиллерией команда фрегата сдалась в плен. Снятая с «Тигра» пушка и поныне стоит на Приморском бульваре Одессы как памятник доблести и славы защитников города.

С весны 1854 г. эскадра «владычицы морей» бороздила волны Балтийского моря. Она отправилась туда еще в марте в составе 49 судов, за две недели до объявления войны России. Ее проводила на своей яхте сама королева Виктория.

В 1854 г., когда Петербургская губерния «при появлении англо-французского флота в виду Кронштадта» была объявлена на военном положении, цесаревич командовал всеми войсками, предназначенными для обороны столицы⁵³.

Нравственное состояние двора Николая I было тяжелым. Английский флот стоял перед Кронштадтом. Цесаревич Александр Николаевич вместе с другими членами царской семьи ездил смотреть на него и в Ораниенбаум, и на Поклонную гору, за Ораниенбаум. Все ощущали какое-то гнетущее чувство. Но упование на Бога и царя было так велико, что и в голову не приходило, что Россия может потерпеть неудачу. В Александрии, «на верхнем балконе, перед комнатами государя стоял телескоп, направленный на Кронштадт»⁵⁴. Часто Александр Николаевич, как и император, подходил к нему, чтобы смотреть на враждебный флот.

Однако атаковать с моря Кронштадтскую крепость английский адмирал Чарльз Непир⁵⁵ не рискнул. Выждав, пока к нему присоединилась французская эскадра Парсеваль-Дешена (31 судно), имевшая на борту десантный отряд, он направился к Аландским островам, расположенным при входе в Ботнический залив, окружив недостроенное русское укрепление Бомарзунд.

Целый месяц блокировали этот пункт почти полсотни боевых судов Британского и Французского флота, подвергая его время от времени ожесточенной бомбардировке.

Наконец, был высажен десант численностью около 13 тыс. солдат французской морской пехоты. Англичане ограничились высадкой небольшого отряда, имевшего чисто символическое значение. Девять дней шла упорная борьба за полуразрушенные стены и башни Бомарзунда, который мужественно защищали 1600 русских солдат и матросов.

Только на 10-й день, в августе, враги овладели развалинами. Даже один из корреспондентов английской газеты «Herald» вынужден был отметить: «Бомарзунд наполнился пьяными солдатами, не щадившими ничего в своей жажде грабежа»⁵⁶. Удовлетворившись этим, они погрузили обратно на суда десантный отряд и ушли в море.

На Белом море в апреле того же года английские корабли обстреляли Соловецкий монастырь. 18—24 августа англо-французская флотилия совершила нападение на Петропавловск-на-Камчатке.

Небольшой гарнизон здесь под командованием ученика М. П. Лазарева адмирала В. С. Завойко⁵⁷ дал достойный прием непрошеным гостям.

Для противодействия противнику впервые на Балтике русские моряки в широких масштабах использовали минные заграждения системы академика Б. С. Якоби⁵⁸.

Однако главные события происходили на Черном море, на Балканах и в Крыму. Не случайно Николай I послал туда двух

своих младших сыновей — великих князей Николая и Михаила Николаевичей.

Между тем Австрия стала угрожать России на юго-западной границе. Она подтянула сюда 80-тысячную армию и 4(16) июля 1854 г. потребовала от российского правительства очистить придунайские княжества. Пруссия поддержала этот демарш Австрии. Николай I сначала отверг требование Вены, но затем, учитывая сложившуюся обстановку, отдал приказ 72-летнему генерал-фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу, заменившему в марте Горчакова, отвести русские войска за Дунай.

«В июле 1854 г. русские войска со стыдом и озлоблением вернулись в свои пределы от стен непокоренной Силистрии»⁵⁹, а Австрия, по соглашению с Турцией, незамедлительно оккупировала Молдавию и Валахию, подавив национально-освободительное движение в этих княжествах.

Осада Севастополя

«Прощупав» на прочность русские границы на Балтике, Севере и

Камчатке и получив всюду достойный отпор, союзники решили сосредоточить свои усилия на Черноморском побережье.

Планом, составленным в Париже, предусматривалось высадить особый корпус в районе Перекопа и отрезать Крым от России. Десантами в Анапе и Поти намечалось отторгнуть побережье Кавказа. Прежде всего союзники начали активно готовить Крымскую операцию.

Поставив перед собой задачу — сначала захватить Севастополь — главную военно-морскую базу на Черном море, они провели основательную подготовку. В июне-июле 1854 г. англо-французское командование сосредоточило в районе Варны 70-тысячную группировку, предназначенную для посылки в Крым. 89 их судов блокировали 26 русских кораблей в Севастополе.

Пользуясь беспечностью главнокомандующего в Крыму А. С. Меншикова, со 2 по 6 сентября в Евпатории, без какого-либо сопротивления русских войск, высадился 62-тысячный англо-франко-турецкий десант (28 тыс. французских, 27 тыс. английских и 7 тыс. турецких солдат).

Главнокомандующим французских войск являлся маршал Сент-Арно⁶⁰, бывший одним из главных участников государственного переворота 2 декабря 1851 г., приведшего к власти Наполеона III. В награду за расправу над несколькими тысячами граждан Парижа Сент-Арно был назначен военным министром, а с началом Крымской кампании поставлен во главе французской восточной армии. Этот человек в прошлом отличался неслыханными жестокостями, особенно во время алжирского похода, где расстреливал, обезглавливал и закапывал живых людей в землю. «Лишь только я высажусь в Крыму и Бог пошлет

нам несколько часов штилю, — бахвалился Сент-Арно, — кончено: я владею Севастополем и Крымом⁶¹.

Английским главнокомандующим был барон генерал Раглан⁶², одорукий старик в круглой шляпе, имевший вид школьного учителя. В свое время был адъютантом фельдмаршала Веллингтона, при Ватерлоо (1815) лишился руки.

В десантной операции участвовало 389 судов разных наименований, доставивших, кроме того, 112 осадных и полевых орудий, понтонный парк, шанцевый инструмент, десятки тысяч артиллерийских зарядов, миллионы патронов, большое количество туров, фашин, кирпичей, земляных мешков, запасы продовольствия, фуража, угля и дров⁶³. Все это было приготовлено для осады Севастополя. По мнению англо-французского руководства, падение Севастополя должно было погасить русское влияние на Востоке и облегчить дальнейший захват территорий. Выполнению намечаемых планов интервентов способствовало раздробление русских сухопутных сил вдоль всей обширной западной границы. Кроме того, в какой-то мере им помогло то, что около 30 тысяч татар со скотом и имуществом перешли на их сторону, преимущественно в Евпаторию⁶⁴.

В Петербурге считали высадку десанта в Крыму неосуществимой. Однако союзники довольно организованно, в стройных порядках, с музыкой, закончив высадку, 7 сентября начали продвижение к Севастополю.

Главнокомандующий русскими войсками князь Меншиков — высокий 66-летний старик, «с седыми усами и густыми седыми бровями, из-под которых светились умные синие глаза», имевший репутацию человека безукоризненной честности и энциклопедических знаний, в Крымской кампании не проявил себя как настоящий полководец.

Некоторые современники считали, что выбор князя Меншикова для командования в Крыму был роковой ошибкой за которую Россия поплатилась слишком дорого⁶⁵. На его совести была и беспрепятственная высадка вражеского десанта. Говорят, что Корнилов предлагал Меншикову ночью прислать в Евпаторию пароход с брандерами⁶⁶ и сжечь весь неприятельский флот, однако князь не позволил сделать это. Кроме того, Меншиков мог двинуть свою довольно многочисленную кавалерию, а вслед за ней и все свое войско по направлению к реке Булганак по ходу движения союзников от Евпатории, и ударить во фланг неприятелю, совершавшему в это время трудный переход вдоль морского берега⁶⁷. Однако князь выказывал крайнюю пассивность. Выбранная позиция для сражения 8(20) сентября на левом, возвышенном берегу реки Альмы при деревне Бурлюк оказалась неукрепленной. Наши полки попали под ураганный огонь со стороны моря. Тем не менее русская армия (34 тыс. человек и 84 орудия), имеющая в два раза меньше солдат, почти втрое меньше артиллерии и очень не-

большое количество штуцеров, оказала крайне упорное сопротивление противнику. Особенно поддержал свою славу русский трехгранный штык. Финал сражения был предreshен численным перевесом и военно-техническими преимуществами союзников. В русской артиллерии оказалось незначительное количество картечных гранат, которые могли наносить ощутимый вред рассыпному неприятельскому строю. Кроме того, позиция оказалась неукрепленной, хотя для ее упрочения русские войска имели достаточно средств и времени.

У берега моря французская дивизия Боске⁶⁸ зашла в тыл левому флангу армии Меншикова, правый фланг русского войска стали обходить английские гвардейцы. Русские полки отступили, но бегства нигде не было. Меншиков отвел войска сначала к Севастополю, а затем на северо-восток к Бахчисараю. Такой отход армии позволял сохранить связь с тыловыми районами в Крыму и на Украине, создавал определенную угрозу флангу и тылам союзных войск, но в то же время оставлял Севастополь без прикрытия.

Командование антирусской коалиции — французский маршал Сент-Арно и английский генерал Раглан, не решившись атаковать северную сторону Севастополя, предприняли обходный маневр и, разминувшись с войсками Меншикова на марше, подошли к Севастополю с юга.

Англичане захватили Балаклаву, а французы — Камышовую бухту, расположившись на Федюхиных высотах, и стали готовить базу для последующих боевых действий.

Героическая оборона Севастополя

В то время, когда Меншиков со своей армией начал знаменитое фланговое движение и бездействовал у Бахчисарая, гарнизон Севастополя предпринимал титанические усилия для укрепления своей обороны.

Гавань делила город на две части — северную и южную. Правительственные учреждения, доки, арсеналы, казармы, госпитали, лучшие обывательские дома и торговая деятельность были сосредоточены в южной части, составляющей собственно город. Северная же часть служила предместьем. Со стороны суши Севастополь не был укреплен, поскольку возможность нападения с этой стороны не предполагалась. На южной стороне имелись лишь старые и строящиеся укрепления со 145 орудиями.

Как порт и военная гавань Черноморского флота Севастополь был сильно укреплен со стороны моря (13 батарей, 611 орудий)⁶⁹. На севастопольском рейде располагались основные силы Черноморского флота (16 парусных линейных кораблей, 6 паровых и 4 парусных фрегата и другие корабли, экипажи которых составляли 24,5 тыс. человек). Противник превосходил русский флот по боевым кораблям более чем в 3 раза, а по паровым в

9 раз (всего 34 линейных корабля и 55 фрегатов, в том числе 4 линейных корабля и 50 фрегатов паровых).

Душой обороны города стал начальник штаба Черноморского флота знаменитый адмирал В. А. Корнилов, по выражению Л. Н. Толстого, «герой, достойный древней Греции». Этого вдохновенного человека среднего роста, с правильным, почти классическим профилем и строгим выражением лица можно было постоянно видеть верхом, в шинели нараспашку, проводившего многие часы вдоль оборонительной линии города. Позже Корнилов записал в своем дневнике: «Конечно, если бы неприятель прямо после Альминской битвы пошел на Севастополь, то легко бы завладел им»⁷⁰.

Благодаря его четким указаниям повсюду на боевых позициях в короткие перерывы между военными действиями кипела работа. Будто по волшебству, вырастали укрепления. Вместе с солдатами и матросами напряженно трудилось и население города, от мала до велика. Даже арестанты, заглаживая свою вину, по их просьбе были использованы в работе.

Немалую инициативу и энергию проявляли и помощники Корнилова — П. С. Нахимов, В. И. Истомин и Э. И. Тотлебен⁷¹.

Главнокомандующий князь Меншиков решил и самую гавань сделать недоступною для неприятельских судов, для чего приказал: затопить гавань нашими судами, сформировать из моряков пехотные батальоны, а снятые с кораблей пушки поставить на вновь возводимых укреплениях.

11(23) сентября у входа в Северную бухту были затоплены 5 старых линейных кораблей и 2 фрегата⁷². С кораблей на сушу была снята часть орудий, а из экипажей (10 тыс. моряков) сформировали 22 батальона. В результате к середине сентября севастопольский гарнизон насчитывал 50 тысяч бойцов.

Войска и жители города, работая день и ночь под руководством инженер-подполковника Э. И. Тотлебена, в течение 3 недель возвели 20 укреплений. На южной стороне значительно был укреплен Малахов курган, создан оборонительный рубеж из 8 бастионов, большое число промежуточных укреплений, общей протяженностью более 7 километров. Только на южной стороне Севастополя численность артиллерии была доведена до 341 орудия (в том числе 118 тяжелых) против 144 у противника.

13(25) сентября 1854 г. Севастополь был объявлен на осадном положении. Началась героическая 349-дневная Севастопольская оборона. Гарнизон города оказался под ударами англо-франко-турецких войск (67 тыс. человек) под командованием английского генерала Раглана и французского генерала Ф. Канробера⁷³, заменившего Сент-Арно, умершего от холеры.

Подступив к Севастополю, союзники предприняли массированный обстрел города. Первая бомбардировка Севастополя была произведена противником 5—7(17—19) октября 1854 г. По городу вели огонь с суши 144, а с моря 1340 орудий кораблей. Им

могли противодействовать только 118 русских орудий. Неприятель выпустил по городу до 150 тысяч артиллерийских снарядов, произведя в нем сильные разрушения. По свидетельству очевидца, в этот день «смерть пировала на всех концах города, и не было места и уголка в Севастополе, где бы не лопались бомбы и не бороздили землю ядра неприятельские. Корабельная и Артиллерийская слободки (на конце города), как ближайшие к неприятельским батареям, были почти уничтожены; адмиралтейство и знаменитые доки, казармы, улицы: Екатеринославская, Большая и Малая Морские, Театральная площадь, бульвар, Графская пристань и прочие — были заброшены снарядами. Везде сыпались снаряды разрывные, сыпались осколки их и даже камни мостовой вырывались под ядрами. Сторона северная представляла те же картины. Воздух гудел и земля тряслась под оглушительным ревом батарей с суши и моря, а по временам солнце застилалось от дыма и не видно было ничего, кроме огней, сверкавших из орудий неприятельских»⁷⁴.

Большие потери понесли оборонявшиеся. Из строя выбыли убитыми и ранеными 1250 человек. 5 октября был смертельно ранен вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов. На Малаховом кургане осколком бомбы ему раздробило левую ногу у самого живота, отчего в тот же день через несколько часов последовала смерть. Позже, по приказанию Николая I, Корнилову был поставлен памятник, а Малахов курган наименован Корниловским бастионом.

В эти же дни ощутимый урон был нанесен осадной артиллерии и кораблям противника, что заставило генералов Раглана и Канробера отложить намеченный штурм.

Канробер 6(18) октября вынужден был доложить своему военному министру: «Огонь русских батарей сверх ожидания был весьма действителен; крепостная ограда на всем своем протяжении сильно вооружена морской артиллерией огромного калибра; это обстоятельство может замедлить осаду»⁷⁵. Многотысячная союзная армия приступила к длительной осаде города, которая, в сущности, была почти непрерывной, чудовищной бомбардировкой.

После смерти Корнилова оборону Севастополя возглавил Нахимов, герой Синопа, «колоссальная личность, гордость Черноморского флота», как говорили о нем современники. Этот плотный пожилой холостяк, с подстриженными усами, несколько выше среднего роста, с добрыми глазами и легкой проседью в русых волосах пользовался, как никто другой, всеобщей любовью матросов, солдат и населения города⁷⁶.

Из-за больших потерь, понесенных нашими войсками, главнокомандующий южной армией князь М. Д. Горчаков прислал в Крым 4-й армейский корпус, численность которого вместе с артиллерией доходила до 50 тысяч человек. Князь Меншиков, получив такое подкрепление, задумал нанести противнику

решительное поражение. 13(25) октября русские успешно атаковали укрепления англичан в Балаклавской долине. Отряд генерала П. П. Липранди⁷⁷ (16 тыс. человек), сосредоточенный в Чоргуне (около 8 км северо-восточнее Балаклавы), тремя колоннами утром захватил часть вражеских редутов, разгромил английскую кавалерию генерала Дж. Т. Кардигана и заставил неприятеля отказаться от готовившегося наступления на Севастополь. В одном из редутов наши солдаты захватили несколько мешков турецких серебряных меджидие, которые потом продавали по 20 копеек за штуку, спеша поскорее избавиться от «басурманской нечисти»⁷⁸.

К сожалению, успех Балаклавского боя не был развит. 24 октября (5 ноября) русские войска потерпели поражение в Инкерманском сражении (восточнее Севастополя у устья р. Черная). Меншиков выделил для атаки 55-тысячную группу войск под командованием генерала П. А. Данненберга. Главный удар по позициям английского осадного корпуса наносили два отряда — генерала Ф. И. Соймонова (19 тыс. человек при 38 орудиях) и генерала П. Я. Павлова (16 тыс. человек при 96 орудиях). Вспомогательный удар наносил Чоргунский отряд (резервный) генерала П. Д. Горчакова (около 23 тыс. человек). Отряд генерала Н. Д. Тимофеева осуществлял вылазку из Севастополя.

Русские войска перешли в наступление на заре, в густом тумане после проливного дождя. Из-за неисправности Инкерманского моста отряд Павлова запоздал. Англичане успели занять позиции и встретили русских огнем пехоты и артиллерии в упор. «Английская армия была уже на волоске, — вспоминал позже об этом один из британских участников сражения, — она едва держалась»⁷⁹. Раглан вынужден был обратиться за помощью к французам. Подоспела неожиданно дивизия Боске. Меншиков же не ввел в сражение около половины войск, выделенных для участия в нем. Несмотря на малочисленность своего отряда, Тимофеев блестяще справился с поставленной перед ним задачей, скрытно выдвинувшись в охват неприятельской позиции. Горчаков ограничился лишь тем, что построил войска в боевой порядок и открыл по вражеской позиции огонь из артиллерийских орудий.

Русские потеряли 10 634 человека, союзники — 4 700 человек. В результате сражения английская армия надолго была выведена из строя, как активная боевая сила.

Между тем Севастополь, благодаря усилиям Э. И. Тотлебена, так укрепился с суши, что противник совершенно оставил мысль взять его штурмом и перешел к длительной осаде.

В ноябре и декабре положение обеих сторон было довольно сложным. После Инкерманского сражения в Крыму осталось не более 35 тыс. штыков в союзных армиях (до 23 тыс. французов и до 12 тыс. англичан). Буря, разыгравшаяся 2 ноября, потопила много транспортных судов союзников, что отозвалось недостат-

ком в теплой одежде и лишениями всякого рода, вызвавшими болезни и смертность среди осаждавших.

Немногим отличалось от этого и состояние русской армии. Князь Меншиков, как отмечали очевидцы, ни прежде, ни после не сумел организовать правильную работу штаба, что при недостатке административных навыков у самого главнокомандующего породило в войсках беспорядки и злоупотребления. Армия испытывала нужду во всем: в пище, обмундировании, фураже, боеприпасах, и некому было заботиться об удовлетворении этих нужд. Командиры частей, предоставленные самим себе, вынуждены были брать все необходимое у местного населения, разоряя край, вопреки основным законам войны.

Меншиков, обосновавшись в Севастополе, как бы устранился от непосредственного руководства обороной, посылал в Петербург успокоительные донесения, замалчивая нужды армии.

Крымская армия после Инкерманского сражения с трудом могла поставить в строй около 30 тыс. бойцов, число которых ежедневно сокращалось от боевых потерь и болезней.

Прибывший из Петербурга в Севастополь 12 ноября 1854 г. «отец русской хирургии» Н. И. Пирогов с возмущением писал:

«6000 с лишком раненых и для этих раненых не приготовили ровно ничего; как собак бросили их на землю, на нарах целые недели они не были перевязаны и даже почти не накормлены... не заготовили ни белья для раненых, ни транспортных средств...

...Меншиков ни разу не сказал радушного слова тем, которые легли на смерть!»⁸⁰

Состояние госпиталей не выдерживало никакой критики. Так, осмотрев временный госпиталь в Бахчисарае, Пирогов признавался: «Описать, что мы нашли в этом госпитале, нельзя: горькая нужда, славянская беззаботность, медицинское невежество и татарская нечисть соединились вместе в баснословных размерах в двух казарменных домишках, заключивших в себе 350 больных»⁸¹. Крайне не доставало медицинского персонала, отсутствовали медикаменты и госпитальные принадлежности.

Решающее препятствие к активным боевым действиям заключалось в нехватке продовольствия. Интендантской части в армии не существовало, своевременные поставки всего необходимого отсутствовали, дороги были непроходимы.

Нельзя было и помышлять о сборе в Севастополе 7-дневного продовольствия на 30—40 тыс. человек... Например, в Первом уральском казачьем полку, содержащем аванпосты у Чоргуна, половина людей поумирала от лишений разного рода, а лошади пообъедали друг у друга гривы и хвосты. Назначенное следствие окончилось тем, что полк вынуждены были отослать на поправку за Перекоп. Если такое могло случиться в казачьем полку, то что же было в прочих войсках?!

Ни одна батарея в полевой артиллерии не имела полного комплекта лошадей, падавших от голода.

Все сказанное может объяснить, почему русская армия в период наибольшего бессилия неприятеля оставалась бездеятельной и не могла перейти даже к частным наступательным действиям⁸².

Положение резко изменилось после того, когда в декабре 1854 г. командующий южной армией князь Горчаков командировал в Крым генерал-интенданта своей армии генерал-майора Затлера⁸³. Как отмечали современники, Затлер бесспорно был одной из замечательных личностей, прославленных Крымской войною. Не касаясь тех злоупотреблений, которые приписывались ему в отношении расходования казенных денег, нельзя не отдать справедливости искусству, с которым он сумел в короткое время вывести Крымскую армию из безнадежного, казалось бы, положения относительно продовольствия. По прибытии в Крым Затлер представил князю Меншикову записку, в которой описал отчаянное положение армии с продовольствием, и изложил свои предложения, в каком состоянии оно должно находиться, как исправить положение и как восстановить дороги, сообщения и создать транспортные средства. Благодаря принятым мерам уже к концу февраля 1855 г. в Крыму не знали, что значит недостаток в продовольствии.

В 1854 г. при посредничестве Австрии начались переговоры в Вене о прекращении военных действий. Англия и Франция 18(30) июля выдвинули по инициативе Наполеона III в качестве условий мира «четыре пункта», или «четыре гарантии» (как их называли на Западе), которые впоследствии легли в основание Парижского трактата и заключались в следующем:

- 1) замена русского покровительства в Молдавии, Валахии и Сербии общей опекой Франции, Англии, Австрии, России и Пруссии;
- 2) свобода судоходства по Дунаю;
- 3) пересмотр договора 1841 г. о проливах в интересах европейского равновесия (нейтрализация Черного моря);
- 4) все пять держав объявляются коллективно покровительницами всех христианских подданных султана⁸⁴.

Николай I получил «четыре пункта», но ответа не давал. Срок ему не был поставлен.

2(14) декабря 1854 г. Австрия, сбросив лицемерную маску нейтралитета, объявила о союзе с Англией и Францией. 28 декабря (5 января 1855 г.) открылась Венская конференция послов России, Англии, Франции и Австрии. Русским представителем был князь А. М. Горчаков, будущий канцлер.

Между тем с января 1855 г. союзники стали получать крупные подкрепления. По требованию Наполеона III 14(26) января в войну вступила Сардиния, направившая в Крым 15-тысячный корпус под руководством генерала Ламармора⁸⁵.

29 января Николай I подписал Высочайший манифест, в котором указывал на известное всем свое желание — без

употребления оружия и без кровопролития защиту прав единоверцев и вообще всего христианства на Востоке и на согласие свое путем мирных переговоров с западными державами достичь этой цели. Но ввиду того, что враги России собирают новые силы и делают новые враждебные приготовления, император повелел приступить к всеобщему государственному ополчению.

В это время в Евпатории сосредоточился 35-тысячный турецкий корпус Омер-паши. Предпринятый 5(17) февраля 1855 г. штурм Евпатории 19-тысячным отрядом генерала С. А. Хрулева⁸⁶ был отбит.

Смерть Николая I

В конце января Николай I заболел гриппом — господствовавшей тогда в С.-Петербурге болезнью. Царь, однако, не бросил своих занятий и в наступивший Великий пост ходил аккуратно в церковь к богослужению. 9 февраля, «несмотря на протест врачей, он отправился в 23-градусный мороз в манеж на смотр войск в обыкновенной форме. После смотра навестил больного военного министра, вечером занимался с великим князем Константином Николаевичем⁸⁷ и на другое утро почувствовал себя еще хуже. Тем не менее в 10 часов он отправился опять в манеж. Это был последний его выезд, после которого он слег в постель, накрылся солдатской шинелью и передал управление государственными делами наследнику престола.

Известие о поражении русских при Евпатории было «последним ударом для больного»⁸⁸. Болезнь быстро прогрессировала.

«Незадолго перед концом, — как отмечает фрейлина А. Ф. Тютчева, — императору вернулась речь, которая, казалось, совершенно покинула его, и одна из его последних фраз, обращенных к наследнику, была: «Держи всё — держи всё». Эти слова сопровождалась энергичным жестом руки, обозначающим, что держать нужно крепко»⁸⁹.

18 февраля (3 марта) 1855 г.⁹⁰ в 12 часов 15 минут Николай I скончался. «Все замолкло, — писала баронесса Фредерикс. — Все дрожат от ужаса. Не стало могучего русского царя!.. Кажется всем, что сейчас разверзится земля, и вся Россия пропадет...»⁹¹

Трудно было поверить, что на 59-м году внезапно умер царь, всегда выглядевший энергичным и бодрым человеком⁹².

...Народ заподозрил тут неестественную смерть, требуя на расправу врача Мандта⁹³. Последнего успели спасти: он скрылся из Зимнего дворца задними ходами. Мандту угрожала неминуемая опасность быть «разорванным на клочки народом»⁹⁴. Похороны Николая I прошли при громадном стечении народа. Гроб был опущен в склеп императорского дома в церкви Петропавловской крепости. Вскоре фрейлины императрицы занялись вышивкой большого ковра, предназначавшегося к могиле государя,

чтобы покрыть пустое место, ожидавшее жену Николая I — Александру Федоровну.

Дальнейшее ведение и окончание войны выпало на долю молодого монарха Александра II.

2. Начало царствования Александра II

Первые шаги

19 февраля 1855 г. на российский престол вступил император Александр II. Был он тогда в активном, зрелом 36-летнем возрасте.

Внешний облик молодого монарха в это время запечатлел секретарь американского посла А. Уайт: «Он был высок, как все Романовы, красив и держался с большим достоинством, но у него было гораздо меньше величественности и полностью отсутствовала неуместная суровость его отца»⁹⁵.

В Петербурге дурное предзнаменование видели в том, что в Москве в день восшествия на престол Александра II сорвался большой колокол Ивана Великого и убил двоих людей⁹⁶.

Первые шаги нового царя утверждали и продолжали политику Николая I⁹⁷.

Выступая 18 февраля перед членами Государственного совета, Александр II, в частности, сказал: «В годину тяжелых испытаний посетило нас новое несчастье! Мы лишились отца и благодетеля всей России! Покойный государь, мой незабвенный родитель, любил Россию и всю жизнь постоянно думал об одной только ее пользе. Каждое его действие, каждое его слово имело целью одно и то же — пользу России. В постоянных и ежедневных трудах его со мною он говорил мне: «Хочу взять себе все неприятное и все тяжелое, только бы передать тебе Россию устроенною, счастливою и спокойною». Провидение судило иначе, и покойный государь в последние часы жизни сказал мне: «Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в полном порядке, как желал, оставляя тебе много трудов и забот»⁹⁸.

Молодой государь принял верховную власть в разгар войны, посреди неурядиц и несчастий. Это не поколебало у него веры «утвердить Россию на высшей степени могущества и славы»⁹⁹, как выражено было в манифесте 18 февраля о восшествии на престол. Помимо веры для такой исполинской государственной задачи потребовалось много сил и энергии.

Необходимо было прежде всего закончить несчастную войну, которая истощила до крайности денежные средства, исчерпала до дна все военные ресурсы и могла — если бы затянулась — грозить целостности Российской державы.

Страна переживала тяжелое время. Севастополь стойко противостоял соединенным силам англичан и французов. Ежедневно геройский гарнизон нес большие потери. Подкрепления подходили медленно и в малом количестве из-за необходимости содер-

жать вдоль западной границы империи многочисленную армию на случай войны с Австрией. Как уже отмечалось, австрийцы еще при Николае I грозили с тыла Дунайской армии, и ей пришлось снять осаду с Силистрии и отступить, очистив Молдавию и Валахию, территория которых сразу же была занята австрийскими войсками. Но даже и тогда русские войска нельзя было перебросить в Крым, ибо Австрия заключила союз с Англией и Францией и грозила России объявить войну, если та не поспешит заключить мир с ними на условиях, выработанных этими странами.

Пруссия тоже начинала склоняться на сторону этих держав. Примеру Сардинии, вступившей в войну, готовы были последовать Швеция и Испания. Таким образом, против России, рассчитывавшей на собственные силы, была почти вся Европа.

На австрийской границе приходилось держать в готовности усиленный корпус и целую армию в Польше. И, конечно, требовалось укреплять и Закавказье, где можно было ожидать весной вторжения турок. Побережье Балтийского моря также охранялось отдельным корпусом, а берега Белого моря и Тихого океана оставались незащищенными.

Надо отдать должное Александру II: несмотря на столь сложную ситуацию, он не дрогнул, не пал духом. Он прекрасно сознавал, что продолжение войны непосильно для России, но в то же время хотел заключить мир в соответствии с интересами и честью государства. Если такой мир сейчас заключить нельзя, то молодой император решил биться с врагами до последнего. О своих намерениях Александр II прямо заявил 20 февраля дипломатическим представителям иностранных государств, приветствовавших его по случаю воцарения:

«Я готов протянуть руку примирения на условиях, принятых моим отцом, но если совещания, которые откроются в Вене, не приведут к почетному для нас результату, тогда я, господа, во главе моей верной России и всем народом смело вступлю в бой».

Принимая по тому же поводу петербургское дворянство, представившее адрес с изъявлением готовности «не щадить ни себя, ни достояния в защиту святой веры, царя и отечества», Александр II и им сказал о трудности положения и надежде на них: «Я в вас, господа, уверен, я надеюсь на вас. Я уверен, что дворянство будет в полном смысле слова благородным сословием и в начале всего доброго. Не унывать! Я с вами, — вы со мной!»¹⁰⁰

Стремясь укрепить руководство в армии и флоте, Александр II высочайшими приказами по военному и морскому ведомствам в феврале 1855 г. провел ряд новых назначений. Вместо князя Меншикова главнокомандующим Крымской армией назначен князь М. Д. Горчаков¹⁰¹, командующим Южной армией — генерал А. Н. Лидерс¹⁰², великий князь

Константин Николаевич — главным начальником флота и морского ведомства.

Последовало несколько высочайших повелений о составе государственного ополчения, сбор которого в 31 губернии первого, второго и третьего призыва дал 358 126 ратников. Кроме того, три дополнительных рекрутских набора поставили под ружье 372 055 рекрутов¹⁰³.

Созывом ополчения боевые силы России были напряжены до крайних пределов. Тем не менее народ приносил еще значительные добровольные пожертвования. Одних денежных взносов на военные надобности поступило до 6,3 млн. руб., в том числе до 3 млн. на ополчение. Большая часть пожертвований была из губерний великороссийских¹⁰⁴.

Патриоты советовали бросить клич, сделать войну народной и поднять славян, подвластных Турции и Австрии. Но могло ли решиться на такую революционную меру правительство, державшее народ в рабстве и привыкшее даже за рубежом поддерживать реакционные режимы против восставших народов?

3(15) марта 1855 г. на Венской конференции начаты были переговоры о мире, но они закончились безрезультатно, вследствие разногласия по вопросу о пересмотре трактата о проливах 23 мая (4 июня) 1855 г.¹⁰⁵.

Последние сражения за Севастополь

Боевые действия в Севастополе продолжались. Армия союзников возросла до 120 тыс. человек (80 тыс. французов, 15 тыс. англичан и 25 тыс. турок). Неприятель использовал против осажденных тяжелую полевую артиллерию, численность которой возрастала. 7 марта при обстреле Камчатского редута был убит начальник обороны Малахова кургана контр-адмирал Владимир Иванович Истомин.

Ему ядром оторвало голову, и кости его черепа контузили нескольких офицеров.

8 марта в Севастополь прибыл новый главнокомандующий Горчаков. «Ветхий, рассеянный, путающийся в словах и в мыслях старец, — писал о нем современник, — носивший это громкое название, был менее всего похож на главнокомандующего. Зрение его было тогда до такой степени слабо, что он не узнал третьего от себя лица за обедом... Слух или, точнее сказать, весь организм... был сильно временами расстроен... Случалось так, что казак, не расслышав хорошо, что пробормотал ему своим невыразительным языком главнокомандующий, и не смея переспрашивать, приводил его вовсе не туда, куда было приказано, а к кому-нибудь другому... Точно так же носило его иногда по севастопольским батареям, Бог ведает зачем: кого он там воудушевлял, этот непопулярный, никому из солдат и матросов неизвестный генерал?..»¹⁰⁶

Между тем защитники Севастополя показывали величайший пример активной обороны, нанося противнику внезапные удары смелыми вылазками и ночными дерзкими поисками. Раньше всех и без приказа высшего начальства стали делать вылазки пластуны. Они ползали, как кошки, подкрадывающиеся к птицам, и неожиданно бросались на ошеломленного неприятеля.

Чудеса храбрости совершали лейтенант Николай Бирюлев, боцман Степан Буденко, матросы Игнатий Шевченко, Федор Заика, Петр Кошка¹⁰⁷, солдаты Афанасий Елисеев, Яков Махов и многие другие. Кошка участвовал в 18 вылазках, взял в плен и привел в город 6 неприятельских солдат.

Лейтенант Н. А. Бирюлев в течение нескольких месяцев подряд почти каждую ночь принимал участие в вылазках, командуя отрядом добровольцев. На одной из вылазок, когда он столкнулся лицом к лицу с несколькими вражескими солдатами, матрос Игнатий Шевченко бросился вперед и грудью заслонил любимого командира от вражеских пуль.

Обычно вылазки предпринимались отрядами по 100—200 бойцов, в отдельных случаях в них участвовали целые полки. Такие действия наносили серьезный урон противнику, мешая осадным работам и заставляя его постоянно находиться в изматывающем напряжении и тревоге. Пластуны же научили пехотинцев, ходивших в охотники, следующему приему. Сначала они подползали к вражеской траншее, шагов за тридцать останавливались, давали залп и с криком «Ура» снова падали; как только неприятель ответит на залп, они с новым криком «Ура» быстро бросались в траншею и шли в штыки.

Контр-адмирал Ф. М. Новосильский¹⁰⁸ сетовал на то, что подчиненные ему флотские артиллеристы не выполняют его приказа об отводе их в тыл на отдых, «изъявляя готовность защищаться и умереть на своих местах».

Великий хирург Н. И. Пирогов писал из Севастополя, что едва ли не каждый раненый из находившихся в его лазарете «горюет не о потерянной руке или ноге, а скорбит душой о том, что не может остаться в рядах своих товарищей». Многие из раненых по этой причине вовсе не ложились в лазарет, а сделав наскоро перевязку, оставались в строю. Раненный в руку матрос Колпаков отказался покинуть свое орудие, заявив командиру: «Помилуйте, ваше благородие, разве одною рукой нельзя действовать?»

Неутомимо работавший Пирогов, ежедневно выполнявший по 10—12 сложнейших операций, возбуждал «в других одушевление и ревность к труду»¹⁰⁹.

Сестра милосердия А. М. Крупская писала, что Пирогов, «как родной отец о детях, так он заботился о больных, и пример его человеколюбия и самопожертвования сильно на всех действовал, все одушевлялись, видя его; больные, к которым он прикасался, как бы чувствовали облегчение... Солдаты прямо

считают Пирогова способным творить чудеса. Однажды на перевязочный пункт несли на носилках солдата без головы; доктор стоял в дверях, махал руками и кричал солдатам: «Куда несете? Ведь видите, что он без головы». «Ничего, ваше благородие, — отвечали солдаты, — голову несут за нами; господин Пирогов как-нибудь привяжет, авось еще пригодится наш брат-солдат...»¹¹⁰

Наряду с докторами и фельдшерами самоотверженно трудились и гибли от болезней и бомб сестры милосердия Крестовоздвиженской общины¹¹¹. Многие севастопольские женщины и дети с риском для жизни приходили на бастионы и батареи, принося пищу и воду бойцам. Они же участвовали в инженерных работах, оказывали нередко и первую медицинскую помощь раненым. Десятки пострадавших от вражеских пуль и бомб были спасены 18-летней дочерью матроса Дашей Севастопольской¹¹² и молодой женой офицера Елизаветой Хлапониной.

Благодаря изобретательности и энергии Тотлебена защитники города не только не ограничились обороной первой линии укреплений, но даже под огнем союзников постоянно продолжали продвигаться вперед последовательными апрошами¹¹³. В самый разгар осады города защитники его воздвигли перед Малаховых курганом знаменитое укрепление — Зеленый курган. Даже Ф. Энгельс, находящийся за тысячи километров от Севастополя и получающий в основном одностороннюю западную информацию, сумел высоко оценить значение создаваемых русскими полевых укреплений перед главной оборонительной линией. В марте 1855 г. он отмечал: «Сооружение за последнее время на Малаховом кургане и перед бастионом Корнилова выдвинутых вперед укреплений не имеет себе равных в истории осад и характеризует их организаторов как первоклассных специалистов в своей области»¹¹⁴.

Генерал Пелисье в письме к Наполеону III от 29 июня 1855 г. довольно верно обрисовал тот странный характер, который получила осада Севастополя благодаря смелости обороняющихся.

«Что представляет собой осада Севастополя? — писал он. — Это безостановочная борьба двух армий, которые двигаются друг против друга, создавая окопы, устанавливая батареи и оспаривая друг у друга обладание бранным полем, разделяющим их с самого начала, подобно тому как противники оспаривают друг у друга решающие позиции во время сражения. Это — бой, продолжающийся безостановочно в течение восьми месяцев... Каждый раз, когда мы останавливаемся, неприятель начинает наступать на нас...»¹¹⁵

Отражая атаки противника, севастопольцы с неистощимой энергией вели минную подземную войну. В целом за время обороны города нашими саперами было открыто 7 тыс. метров подземных галерей и произведено 94 взрыва. Подземной войной наряду с Тотлебенем руководил талантливый инженер-минер ка-

питан А. В. Мельников. Почти полгода он не выходил на поверхность. Товарищи в шутку называли его «обер-кротом»¹¹⁶.

С 28 марта (9 апреля) в течение 10 дней союзники провели вторую бомбардировку, осыпая Севастополь адским огнем. У наших войск в эти десять дней вышло из строя 6130 человек. Александр II писал М. Д. Горчакову 10 апреля 1855 г.: «Да подкрепит Бог геройских защитников Севастополя... Скажите нашим молодцам, что я и вся Россия ими гордится...»¹¹⁷

Мужественное сопротивление русских вновь заставило союзников отложить штурм, который Ф. Канробер считал сопряженным с чрезмерными потерями. В связи с этим Канробер был заменен сторонником более активных действий генералом Ж. Ж. Пелисье¹¹⁸.

12(24) мая 16-тысячный французский корпус высадился в Керчи с задачей перерезать русские коммуникации со стороны Азовского моря. Военные суда союзников опустошили Азовское побережье, но после отражения десантов под Арабатом, Геническим и Таганрогом отступили. В мае противник предпринял третью бомбардировку Севастополя, и русские войска были вытеснены из передовых траншей.

Летом 1855 г. в кровавой схватке под Севастополем наступила решающая фаза. Как установил дотошный английский историк, участник боев А. Кинглек, союзники сконцентрировали к этому времени в Крыму более 170 тыс. человек. Им противостояло около 46 тыс. русских войск в Севастополе и 64 тыс. в различных пунктах Крыма¹¹⁹. Наиболее заметным было превосходство осаждавших в транспорте и тяжелой артиллерии. Ценой больших потерь французам в конце мая удалось вернуть высоты перед Малаховым курганом, захваченные русскими во время февральских вылазок. Опьяненные этим успехом, Пелисье, Раглан и Омер-паша 6(18) июня в 40-ю годовщину битвы при Ватерлоо предприняли первый общий штурм Севастополя. Накануне штурма 36 часов подряд осадные батареи вели четвертую убийственную бомбардировку укреплений города. На рассвете 6(18) июня артиллерийская канонада вдруг смолкла. 30 тыс. одетых в парадную форму французов поднялись из своих траншей и сомкнутыми колоннами со штуцерами наперевес и примкнутыми к ним ножами двинулись к Малахову кургану. Впереди шли офицеры с саблями наголо.

Примерно около 15 тыс. англичан стройными шеренгами повели атаку на соседний с курганом Третий бастион.

Сильный картечный и ружейный огонь русских не мог остановить натиска осаждавших, которые достигли рвов и лезли на укрепления. Смелый враг был встречен штыками бойцов и отброшен в ров. Тогда неприятельские колонны бросились на батарею П. Л. Жерве, оттеснили находившийся там батальон и, преследуя отступающих, заняли ближайшие строения Корабельной стороны, от Малахова кургана до Доковой балки. Но успех

неприятеля продолжался недолго. Прискакавший сюда на взмыленном коне генерал Хрулев сделал все возможное, чтобы отбить противника. Заметив показавшуюся из-за поворота команду, которая возвращалась с ночных оборонительных работ, он скомандовал: «Благодетели мои! В штыки! За мною!» И, чтобы ободрить бойцов, добавил: «Дивизия идет на помощь!» Никакой дивизии, конечно, не было поблизости и в помине. Но лихая контратака 138 солдат (это была рота Севского пехотного полка), частично вооруженных кирками и лопатами, оказалась столь внезапной, что враги дрогнули и стали пятиться назад. Подоспевшие вскоре подкрепления — шесть батальонов Полтавского, Елецкого и Якутского полков отбили затем и батарею Жерве.

К 7 часам утра штурм был отбит повсеместно. Удача далась дорогой ценой. Наши потери составили 132 офицера и 4792 солдата. Из 138 человек покрывшей себя славой 5-й роты Севского полка осталось лишь 33, погиб и ее отважный командир штабс-капитан Островский.

Союзники потеряли свыше 7 тысяч, в том числе генералов Мейрана, Брюне и Джона Кампбелля¹²⁰. Неудачу штурма западные обозреватели восприняли как серьезное поражение англо-французских войск, в английской прессе русскую победу назвали «парадоксальнейшей из побед».

Потерпев провал, неприятель с ожесточением продолжал свои осадные работы и вел смертельный обстрел укреплений Севастополя. Редели ряды защитников, выбывали из строя лучшие военачальники. 8(20) июня был ранен Тотлебен. Даже попав в госпиталь, он продолжал руководить работами.

Тяжелая трагедия постигла Севастополь в конце июня. 28 июня (10 июля) после осмотра третьего бастиона Нахимов прибыл на Малахов курган (Корниловский бастион). Поговорив с матросами, он поднялся на вал и стал рассматривать в подзорную трубу неприятельские позиции. Его высокая фигура в золотых адмиральских эполетах была заметной мишенью для французских стрелков... Пуля попала ему в висок над левым глазом, пробила череп и вышла около уха. Без единого стога Нахимов упал на землю, как подкошенный. Не приходя в сознание, герой Наварина, Синопа и Севастополя умер в 11 часов 7 минут 30 июня 1855 г.¹²¹

Эта ужасная весть тяжело отозвалась в сердцах защитников Севастополя. Нахимов был душой обороны, обладал могучей нравственной силой. «Этот человек, — писал Тотлебен, — оказал большие услуги: он был всеми любим и очень уважаем. Благодаря его влиянию на флот мы сделали многое то, что казалось бы невозможным... Он был искренний патриот, любивший Россию безгранично, всегда готовый всем жертвовать для чести ее, подобно некоторым благородным патриотам древнего Рима и Греции, и при всем этом какое нежное сердце, как заботился он

обо всех страждущих, он всех посещал, всем помогал...»¹²² О последнем дне прощания с Нахимовым свои впечатления описала сестра милосердия Крестовоздвиженской общины Е. М. Бакунина¹²³.

«Это было в пятницу после обеда. На улице стояли войска и пушки, множество офицеров морских и армейских. Во второй комнате стоял гроб, обитый золотой парчой, кругом много подушек с орденами в головах сгруппированы три адмиральских флага, а сам он был покрыт тем простреленным и изорванным флагом, который развевался на его корабле («Императрица Мария». — *Авт.*) в день Синопской битвы. Священник в полном облачении читал Евангелие. По загорелым щекам моряков, которые стояли на часах, текли слезы. С тех пор я не видала ни одного моряка, который бы не сказал, что радостно бы лег за него»¹²⁴.

Похоронили Нахимова в недостроенном Владимирском соборе рядом с Лазаревым, Корниловым и Истоминым.

«Ни одни похороны, — писал тогда находившийся при штабе главнокомандующего Н. Берг, — не справлялись в Севастополе так, как похороны Нахимова. Он привлек сердца всех. Об нем говорили, страдали и плакали не только мы, на холмах, орошенных его кровью, но и везде, во всех отдаленных уголках бесконечной России»¹²⁵.

В течение июля 1855 г. под Севастополь были переброшены 4 пехотных дивизии и дружины Курского ополчения. Постоянно нарастала мощь огня вражеской артиллерии, от которой ежедневно гарнизон Севастополя терял убитыми и ранеными до 2 тыс. и более человек.

Пытаясь облегчить положение осажденного города, Горчаков 4(16) августа атаковал позиции противника на Черной речке, впадавшей в Большую бухту. Из 67 тыс. полевых войск при 312 орудиях Горчаков ввел в сражение всего 31 тыс. и 132 орудия, сосредоточенных в двух отрядах. Правым (15 тыс. человек) командовал генерал Ред, левым (также 15 тыс. человек) — генерал Липранди. Войска союзников насчитывали здесь 40 тыс., расположенных на Федюхиных и Гасфортовых высотах при 120 орудиях. Плохо подготовленное и неорганизованное наступление под прикрытием предрассветного тумана провалилось.

По словам очевидца, «около р. Черной был ад. От густого порохового дыма нельзя было различить предметов. Пули, ядра и гранаты падали в таком изобилии, что опасность и мысль о смерти казались неуместными: смерть гуляла повсюду»¹²⁶. Сказался, видимо, и переход с утра в лагерь союзников артиллерийского офицера-поляка с юнкером, которые обстоятельно проинформировали противника о готовящемся наступлении. Наши потери составили более 8 тыс. человек, союзников — около 2 тысяч.

После победы в этом сражении Пелисье и генерал Дж. Симпсон, сменивший умершего 16 июля по болезни Раглана, начали пятую бомбардировку Севастополя. Англичане провели от Балаклавы к своим позициям под Севастополем железнодорожную ветку, что позволяло союзникам непрерывно подвозить боеприпасы и наращивать темп обстрела. Потери среди защитников города достигали от двух до трех тысяч человек ежедневно.

«Досадно видеть, — писал в те дни один из участников обороны, — что противники наши обладают такими средствами, какими мы — не в состоянии... На каждый наш выстрел они отвечают десятью: наши заводы не успевают делать такого количества снарядов, которое нужно выпускать»¹²⁷.

Видя дальнейшую оборону Севастополя бесперспективной, Горчаков приказал начать подготовку к эвакуации города.

Через Большую бухту к 15(27) августа был наведен плавучий мост протяжением до 900 метров, перевезены на северную сторону штабы, госпитали, военное имущество.

С рассвета 24 августа (5 сентября) по 27 августа (8 сентября) противник провел шестую бомбардировку Севастополя, огненный ураган которой далеко превзошел все предыдущие обстрелы.

На этот раз союзники сосредоточили на своих осадных батареях свыше 800 тяжелых орудий (до 150 орудий на один километр фронта, что соответствовало примерно нормам Первой мировой войны).

Представление о соотношении орудий осады и обороны в Севастополе дает табл. 2.

Таблица 2¹²⁸

Количество орудий осады и обороны в Севастополе

Основные вехи обороны	Количество орудий	
	осады	обороны
5(17) октября 1854 г.	144	118
28 марта (9 апреля) 1855 г.	531	466
6(18) июня 1855 г.	548	549
4(16) августа 1855 г.	638	586
28 августа (8 сентября) 1855 г.	807	540

С утра 27 августа (8 сентября) противник несколько раз прерывал бомбардировку и возобновлял ее снова, притупляя тем самым бдительность осажденных. Наконец, в полдень батареи сразу замолчали и 62 тысячи штыков (свыше 50 тыс. французов, около 11 тыс. англичан, свыше тысячи сардинцев) устремились на решительный штурм города. Им противостояло около 49 тыс. русских войск (на Корабельной стороне — 23 300 человек под командованием генерала С. А. Хрулева и на Городской стороне — под командованием генерала К. Р. Семякина¹²⁹). Это, соб-

ственно, был не штурм, а, как сказал Боске, «общая схватка двух армий»¹³⁰. С особым ожесточением шел бой на знаменитом Малаховом кургане, куда ринулся 1-й зуавский полк. Шесть отчаянных приступов отразили русские войска. Наконец, дивизия Мак-Магона в 2 часа завладела малаховскими укреплениями. Одержав победу на всех остальных пунктах, русские войска до 5 часов вечера вели отчаянные атаки, чтобы отбить Малахов курган.

У русских вышло в результате штурма 12 913 человек. Французы в этот день потеряли 7561 человека, англичане — 2440, сардинцы — 40 человек¹³¹.

Главкомандующий князь Горчаков к исходу дня очистил южную часть города и в ночь на 28 августа (9 сентября) перевел войска по сооруженному наплавному мосту и на плавсредствах на северную сторону Севастопольской бухты.

Оставшиеся в южной части здания, укрепления и пороховые погреба были сожжены или взорваны. Затопили и последние корабли Черноморского флота.

Так закончилась 11-месячная геройская оборона Севастополя (с 13(25) сентября 1854 г. по 27 августа (8 сентября) 1855 г.).

Несмотря на чрезвычайно трудные условия, нехватку в людях, боеприпасах, продовольствии, транспорте, слабой организации медицинской помощи, героический севастопольский гарнизон продержался против огромной союзной армии 349 дней, выведя из строя 73 тысячи неприятельских солдат, не считая больных и умерших от болезней. Русские войска потеряли около 102 тыс. человек¹³².

Французы вошли в оставленный Севастополь на следующий день, но найдя в нем одни пылавшие развалины, вынуждены были вернуться в свой лагерь.

Героическая севастопольская эпопея вскрыла военную слабость монархии, но вместе с тем прославила патриотизм и величие духа народа, который в лице русского солдата и матроса, в основном крестьянина, был ее главным героем.

Участник обороны города Л. Н. Толстой писал в то время: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский»¹³³.

Известный декабрист М. Бестужев утверждал: «Севастополь пал, но с такою славою, что каждый русский, и в особенности моряк, должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед»¹³⁴.

Как писал позже Е. В. Тарле: «Геройская оборона Севастополя в 1854—1855 гг. и не менее величественная оборона этого же города в 1941—1942 гг. доказала лишний раз, что русский народ умеет любить и защищать свою страну и через всю историю свою гордо пронес героические традиции русского оружия, овеявая его новой бессмертной славой в Великой Отечественной войне с остервенелыми полчищами немецко-фашистских варваров»¹³⁵.

Борьба за Севастополь в годы Крымской войны истощила силы союзников, они испытывали трудности в снабжении боеприпасами, продовольствием и оказались неспособными к активным наступательным действиям. Флот их пытался пробиться к Николаеву, но напоролся на минные заграждения. Противнику с трудом удалось занять Керчь, Еникале, Анапу и Кинбурн, уничтожить военные и продовольственные запасы на Азовском побережье и сжечь несколько небольших городов. Но укрепиться на берегах Черного моря и прорваться из Крыма в глубь России союзническая армия была уже не в состоянии.

Когда в кругах Наполеона III стали говорить о более активных военных действиях, Пелисье заявил, что скорее уйдет в отставку, чем двинется в глубь Крымского полуострова.

Он не осмелился даже атаковать русские укрепления на северном берегу Севастопольской бухты.

Так же неудачны были попытки союзников во второй балтийской экспедиции (май—ноябрь 1855 г.).

Английскую эскадру (17 винтовых линейных кораблей, 30 пароходов-фрегатов и корветов, 15 других судов) возглавлял вице-адмирал Ричард Дендас¹³⁶, французскую (3 линейных корабля, 2 пароходов-фрегата и 3 других судна) — адмирал Ш. Пэно. После подрыва 4 кораблей на русских минах у Кронштадта неприятель особой активности не проявлял. «Все четыре упомянутые судна, — по свидетельству очевидца, — были настолько сильно повреждены, что должны были искать спасения в доках и не принимали более участия в военных действиях»¹³⁷.

Вражеский флот вынужден был ограничиться блокадой и обстрелом побережья. Только 6—11 (18—23) августа эскадры безуспешно пытались захватить Гельсингфорс и прикрывавшую его крепость Свеаборг на островах Финского залива. После 45-часовой стрельбы почти все английские и французские мортиры и бомбардиры вышли из строя.

Русский гарнизон потерял убитыми: нижних чинов 44, ранеными 110, штаб-офицеров — 2, обер-офицеров — 3¹³⁸.

К концу ноября корабли союзников покинули Балтийское море. Вторая балтийская экспедиция англо-французов оказалась такой же безрезультатной, как и первая.

На Белом море 6 англо-французских кораблей с июня по сентябрь вели блокадные действия, результат которых был незначителен. Так же неудачно закончилась вторая экспедиция союзников на Тихоокеанском побережье. Весной 1855 г. их флот в составе 23 военных кораблей появился у Петропавловска-на-Камчатке. Однако население и гарнизон города заблаговременно эвакуировались на имевшихся 2 военных кораблях и 3 вооруженных транспортных судах. 7 (19) июля 1855 г., следуя вдоль русского побережья, союзники потерпели позорное поражение у бухты Де-Кастри, где небольшой отряд казаков обратил в бегство высаженный ими десант.

Падение Севастополя Александр II считал началом новой войны и решил немедленно готовиться к ней. С этой целью со своими младшими братьями, великими князьями Константином, Николаем и Михаилом Николаевичами в сентябре 1855 г. он отправился на театр военных действий¹³⁹. Заехав в Москву, Александр собрал в ней военный совет, в Одессе произвел смотр войскам и прибывшим в город Смоленскому и Московскому ополчениям. В Николаеве он, находясь в течение 6 недель, принял меры по укреплению Южной армии генерала Лидерса и развернул оборонительные инженерные работы вокруг города. С 28 по 31 октября император осматривал войска на позициях в окрестностях Севастополя. Всюду его восторженно встречали участники севастопольской обороны, которых он горячо и сердечно благодарил за службу и за самоотверженно пролитую кровь.

«В Севастополе, — писал граф Г. А. Милорадович, — у кладбища, где успокоились кости 130 тысяч защитников много-страдального города, он вышел из коляски, обнажил голову, набожно крестился и быстро смигивал набегавшие на глаза слезы; наконец склонился над могильным холмом и зарыдал, как ребенок... Уехал он оттуда, долго не отнимая платка от глаз. Как это потянуло к нему севастопольцев. Чтобы видеть его, до ста офицеров и 3737 рядовых раненых вышли из больниц и стали во фронт, в одной только 10-й пехотной дивизии. Узнав об этом, государь вздрогнул и растроганный пошел по рядам, осыпая войска благодарностью. «Я горжусь вами и счастлив, что могу лично благодарить вас за героическую службу вашу; давно я желал этого». Непрерывное «Ура» гремело в полках».

Осмотрев войска, царь посетил все лазареты и везде благодарил, утешал, награждал, иных обнимал и целовал; особенно ласков был он к матросам, их семействам, первым защитникам Севастополя. Генерал К. Р. Семякин писал позже в частном письме: «Государь наш среди солдат и офицеров был гораздо проще, любезнее и добрее каждого из наших корпусных»¹⁴⁰.

Перед отъездом из Крыма Александр II повторил выражение царской признательности в приказе по Крымской армии, в котором пожаловал всем защитникам Севастополя, в память их бес-смертного подвига, серебряную медаль на Георгиевской ленте.

Завершение боев на Кавказском фронте

Более удачно складывалась боевая обстановка на Кавказе. Попытки Турции и Англии использовать в своих интересах вооруженных горцев Шамиля оказались безуспешными. Продвижение Шамиля на Грузию было оперативно пресечено русскими войсками. Отдельный кавказский корпус одерживал последовательно одну победу за другой, чему немало способствовало активное содействие грузинского, армянского и азербайджанского народов.

Назначенному в начале 1855 г. главнокомандующим Кавказским фронтом генерал-адъютанту Н. Н. Муравьеву¹⁴¹ вскоре удалось взять Ардаган и начать наступление на Карс. Крепость была практически неприступна из-за природных условий. К тому же оборонительные сооружения ее были возведены по последнему слову инженерного искусства английскими инженерами. Муравьев обложил 33-тысячный гарнизон Карса, прервал связь крепости с внешним миром и 17(29) сентября 1855 г., уже после падения Севастополя, попытался захватить крепость штурмом. Русские атаки были отбиты, и Муравьев усилил блокаду крепости. Освободившиеся под Севастополем турецкие войска, пополненные новыми отрядами и руководимые Омер-пашой (45 тыс. человек), высадились на Черноморском побережье и осенью 1855 г. вторглись в Мегрелию. Муравьев, продолжая блокаду, поручил оборону против Омер-паши и 15-тысячного Батумского соединения Али-паши отряду генерала И. К. Багратиона-Мухранского (15 тыс. человек).

Против османов действовали не только русские войска, но также отряды грузинской милиции, энергично поддерживаемые местным населением. 16(28) ноября измотанный осадой гарнизон Карса сдался на милость Муравьева. Перед русскими полками открылась дорога на Эрзерум и дальше — в Малую Азию. Узнав о падении Карса, Омер-паша отошел к Сухуму, а в феврале 1856 г. эвакуировался морем в Трапезунд. Победы на азиатском фронте до некоторой степени смягчили впечатления от поражения России на Дунае и на Крымском полуострове, а главное, сыграли значительную роль при заключении мирного договора.

Парижский мир

Взятие Карса завершило Крымскую войну. Россия вступила в переговоры о мире с противостоящими державами. С инициативой мирных переговоров выступил Наполеон III, который считал, что с захватом Севастополя «французское стремление к славе было удовлетворено и не оставалось серьезных причин для продолжения военных действий»¹⁴².

Однако надо подчеркнуть, что после падения Севастополя Тюильрийский кабинет сделал попытку расширить свою захватническую программу. В сентябре 1855 г. министр иностранных дел Франции граф Валевский известил Лондон, что Наполеон III готов продолжать войну в том случае, если на будущем мирном конгрессе будет поставлен вопрос о восстановлении независимой Польши¹⁴³. Вестминстер ответил на это предложение Парижа решительным отказом. После этого между Францией и Россией были установлены контакты через саксонского министра Бейста и зятя К. В. Нессельроде Льва Зеебаха.

В декабре 1855 г. России через австрийского посла в Петербурге графа Эстергази была вручена нота, содержащая пять пун-

ктов, которые были плодом деятельности австрийского канцлера Буоля и французского посла в Вене Буркине и являлись основой для будущих переговоров¹⁴⁴. Фактически Буоль предъявил ультиматум с условиями, невыгодными для России, и подкрепил их угрозой дипломатического разрыва.

В числе других в условия Буоля вошло требование не иметь России и Турции даже военно-морских arsenалов на Черноморском побережье и земельная уступка Молдавии. Несмотря на очевидную невыгодность для России этих условий, Англия долго не соглашалась признать их, и Наполеону III стоило немалых трудов склонить ее.

Адресуя России миролюбивые предложения, Наполеон III советовал принять австрийские условия, как единственно возможные, хотя и тяжелые.

Александр II вынес предложения Австрии на обсуждение особого совещания высших государственных сановников в своем личном присутствии. Это совещание состоялось в Зимнем дворце в кабинете государя вечером 20 декабря 1855 г. (1 января 1856 г.). В нем приняли участие, кроме царя, 8 человек: великий князь Константин Николаевич, государственный канцлер граф Нессельроде, военный министр князь В. А. Долгоруков, министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев, генерал-адъютанты — князь М. С. Воронцов и граф А. Ф. Орлов, статс-секретарь граф Д. Н. Блудов и бывший посланник в Вене барон П. К. Мейендорф¹⁴⁵.

Александр сам зачитал проект предварительных условий мира, после чего состоялся прения. За продолжение войны высказался один граф Блудов. Остальные члены совещания были против войны, мотивируя свои мнения тяжелым положением России. Особенно убедительно по предложению царя высказался граф Киселев. «Четыре союзные державы, — подчеркнул Киселев, — со 108 миллионами населения и 3 миллиардами дохода стоят против России, у которой 65 миллионов населения и едва один миллиард дохода. В таком положении, без помощи извне было бы, по меньшей мере, неблагоприятно рисковать новой кампанией, которая усилит требования неприятеля и сделает мир еще более трудным...

Недостаток оружия и запасов усиливается, затруднения в этом отношении растут ежедневно, как свидетельствует военный министр...» Все это убеждает в необходимости, не отвергая условий мира, постараться о смягчении их невыгодных сторон.

«Если союзники желают мира, — заключил Киселев, — то они примут наши исправления; если же нет, то да будет воля Божья»¹⁴⁶.

Точка зрения Киселева была принята, и государственному канцлеру было поручено сообщить в Вену о согласии России на австрийские предложения, но с изменениями некоторых пунктов в интересах России (относительно земельной уступки).

Но австрийский двор стоял на своем и упорно отказывал в изменении своих предложений в интересах России.

Тогда Александр II вторично созвал в прежнем составе совещание 3(15) января 1856 г. Вначале была зачитана записка государственного канцлера о необходимости согласиться на условия Австрии и избежать таким образом войны. В результате обсуждения все единодушно высказались за заключение мира на австрийских условиях. Александр, скрепя сердце, присоединился к мнению совещания, и на другой день было объявлено о согласии России на предварительные условия мира, предложенные Австрией.

О ходе и результатах прошедшего совещания сразу же стало известно в широких кругах общества. Славянофилы негодовали, обвиняя правящую элиту в трусости и предательстве. Фрейлина Тютчева, снискавшая репутацию «неумолимой громовержицы», 8(20) января писала: «Я совсем несчастна сегодня. Уже вчера в городе разнесся слух, что мы соглашаемся на мир на унижительных основах австрийских предложений... Я не могу повторить всего, что я слышала в течение дня. Мужчины плакали от стыда...»

Не выдержав, Тютчева пошла к императрице — Марии Александровне и повторила ей все самые суровые суждения, которым их (императорскую чету — *Авт.*) подвергают.

«Она мне сказала, что им тоже это очень много стоило, но что Россия в настоящее время не в состоянии продолжать войну.

Я ей возразила то, что повторяют все, что министр финансов и военный министр — невежды, что нужно попробовать других людей, прежде чем отчаяться в чести России. Она мне ответила, что я сужу слишком страстно и что об этих вещах нужно судить спокойно»¹⁴⁷.

Естественно, Александр II знал о бушующих в русском обществе страстях, о борьбе двух мнений относительно исхода войны и «он не хотел занимать слишком вызывающей позиции»¹⁴⁸.

Именно в это время Тютчева, наделенная «порывистым и опасным» характером, фиксирует в своем дневнике удивительно точные и прозорливые наблюдения о царской чете.

11 января она отмечает: «Император — лучший из людей. Он был бы прекрасным государем в хорошо организованной стране и в мирное время, где приходилось бы только охранять. Но ему недостает темперамента преобразователя. У императрицы тоже нет инициативы, она, может быть, будет святой, но никогда не будет великой государыней. Ее сфера — моральный мир, а не развращенный мир земной действительности. Они слишком добры, слишком чисты, чтобы понимать людей и властвовать над ними. В них нет той мощи, того порыва, которые овладевают событиями и направляют их по своей воле; им недостает струнки увлечения... Моя душа грустна, я вижу перед собой будущее печальное и мрачное».

Через несколько дней она повторяет: «А будущее, будущее. Ах, как я боюсь за него!»

21 января она пишет об Александре II: «Мне невыразимо жаль его, когда я вижу, что сам того не ведая, он вовлечен в борьбу с могучими силами и страшными стихиями, которых он не понимает»¹⁴⁹.

На мой взгляд, это довольно спорное суждение. К этому времени молодой император прекрасно сознавал тяжелое внутреннее, военное и внешнеполитическое положение и вынужден был дать согласие на мирные переговоры.

20 января (1 февраля) представители государств, участвовавших в войне, подписали в Вене протокол мирных условий и обязались в трехнедельный срок прислать уполномоченных в Париж для заключения мирного договора.

Представителями России на Парижский конгресс были определены граф А. Ф. Орлов и посланник при Германском союзе барон Ф. И. Бруннов. Прибыв 9 февраля в столицу Франции, Орлов получил аудиенцию у Наполеона III.

А. Ф. Орлов, пользовавшийся наибольшим доверием при дворе Александра II, откровенно изложил Наполеону содержание полученных им инструкций, сказал, на что может согласиться при предстоящих переговорах и что должен отвергнуть. «Россия, — пояснил он, — согласна на свободу плавания по Дунаю, на нейтрализацию Черного моря но, возвращая Карс и другие местности, занятые ею в Малой Азии, она вправе надеяться, что союзники откажутся от требования земельных уступок в Бессарабии»¹⁵⁰.

Сообщение свое Орлов заключил просьбой, обращенной к императору Наполеону III, оказать высказанным предложениям поддержку во всей их совокупности. Собеседник Орлова склонен был во всем пойти ему навстречу.

13(25) февраля — 4(16) апреля 1856 г. состоялся Парижский конгресс. В нем приняли участие представители России и стран, находившихся с ней в состоянии войны. Англия была представлена на конгрессе лордом Кларендоном и лордом Каулеем, Франция — графом Валевским (председествовал на конгрессе), Сардиния — Кавуром, Турция — Фуадом и Али-пашой. Австрию, как посредника между воюющими странами, представляли Буоль и барон Гюбнер¹⁵¹.

Пруссия была приглашена к подписанию трактата, «ввиду важности содействия короля прусского в деле общего примирения и в качестве державы, подписавшей пересматривавшуюся на конгрессе конвенцию о проливах 1841 г.»

Конгресс проходил в трудных для России условиях из-за дипломатического единства между Англией и Австрией. Русская делегация могла опереться на Францию только по некоторым вопросам. Представители Англии упорно боролись за ослабление России на Черном море, подрыв ее позиций на Кавказе, наста-

ивали на демилитаризации Анладских островов. Самые горячие прения вызвал вопрос об изменении границы в Бессарабии. Австрийцы требовали отторжения всей Бессарабии.

Ни Австрия, ни Англия не соглашались ни на какой компромисс. И только благодаря содействию и личному давлению Наполеона III удалось все-таки решить этот вопрос с соблюдением интересов России. В ходе дебатов Орлову удалось избежать обсуждения вопроса о русско-турецкой границе и отвергнуть вмешательство Англии в кавказскую проблему.

Также, благодаря поддержке Наполеона III были удовлетворительно разрешены и другие вопросы. Основной вопрос — о нейтрализации Черного моря — был решен Парижем и Лондоном задолго до начала конгресса. Тут делегация России была бессильна.

Конгресс завершился заключением мирных трактатов, а не новой кампанией, как можно было предполагать по началу его заседаний.

18(30) марта 1856 г. был подписан мирный договор, в годовщину сдачи Парижа союзным войскам в 1814 г.¹⁵³

Парижский трактат состоял из 35 статей и присоединенных к нему, в качестве нераздельных частей, конвенции о проливах, о числе легких военных судов, русских и турецких, на Черном море и об Анладских островах.

Важнейшие соглашения Парижского трактата имели целью лишить Россию исключительного положения и преобладающего влияния на Востоке, обусловленного историческим правом покровительства православной церкви и близкими отношениями к новым христианским государствам Востока. В этих целях Оттоманская империя была признана равноправной с другими европейскими государствами в международных отношениях, и независимость и целость ее были обеспечены общим ручательством держав.

Права и преимущества подчиненных верховной власти Порты Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии) и княжества Сербского, их независимое и национальное управление, свобода вероисповедания, законодательство, торговли и судоходства — были подтверждены и вместе с тем поставлены под общее ручательство держав. При этом особо было оговорено, в отмену прежних прав России, что ни одной из ручающихся держав не предоставляется исключительного покровительства над княжествами, что никакое особое право вмешательства во внутренние дела их не допускается и что в случае смут, вооруженное вмешательство может последовать не иначе, как по предварительному соглашению держав.

Территориальные уступки России по Парижскому миру были невелики. Союзники возвратили свои завоевания в Крыму, а Россия взамен того возвратила Турции свои завоевания в Азии (город Карс), уступила устье Дуная и южную часть

Бессарабии, которая была присоединена к Молдавскому княжеству¹⁵⁴.

Наибольший ущерб интересам России нанесен был ограничением ее державных прав на Черном море. Вместе с Турцией Россия была лишена права держать здесь военный флот.

Обе державы обязались уничтожить на берегах Черного моря военно-морские арсеналы и не держать в этом море других военных судов, кроме шести паровых по 800 тонн и четырех легких судов по 200 тонн, для необходимых распоряжений по побережью. Черное море объявлено было нейтральным. Доступ в его воды воспрещен был военным судам всех держав. Для обеспечения же торгового мореплавания Россия и Турция обязались допускать иностранных консулов в черноморские порты. Проливы Босфорский и Дарданелльский вновь объявлены были закрытыми для военных судов, пока Порты находятся в мире. Это означало, что в случае новой войны России и Турции последняя могла ввести свою эскадру в Черное море и напасть на незащищенное побережье России, в том числе и Крым. Кроме того, турецкая эскадра могла быть поддержана любым количеством западноевропейских кораблей. В итоге нейтрализация не содержала юридической гарантии отказа от ведения военных действий в Черном море.

Конвенция о проливах 1841 г. была возобновлена с несущественным дополнением относительно пропуска легких военных судов, для сторожевой службы в устье Дуная. Наряду с правами России на воды и побережье Черного моря ограничены были и ее права на Аландские острова возложенным на нее обязательством не укреплять этих островов и не сооружать на них никаких военных или морских заведений (крепость Бомарзунд на Аланде, взятая союзниками 4 августа 1854 г., была ими разрушена).

Кроме изложенных обязательств, Парижский трактат содержал в себе ряд соглашений держав относительно судоходства по Дунаю. На эту реку были распространены правила Венского конгресса, касавшиеся международных рек. Решено было учредить общеевропейскую временную комиссию из делегатов от всех договаривающихся держав для исполнения работ по очистке дунайских гирл и другую, постоянную комиссию из представителей держав, владеющих землями по берегам Дуная (Австрия, Бавария, Вюртемберг, Турция, три придунайские княжества), для составления правил речного судоходства и полиции и исполнения работ по всему течению реки¹⁵⁵.

Как видим, условия мира в целом были не выгодны для России. Однако важен был сам мир — величайшее из благ, обеспечивавшее нормальную жизнь, покой и созидание.

19 марта 1856 г. вся Россия узнала об этой радостной вести из объявленного по этому поводу манифеста Александра II.

Царь выражал надежду, что мир принесет государству громадную выгоду, что совокупными стараниями его и всех подданных благоденствие России будет упрочено. Он заявил: «Да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый, под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных...»¹⁵⁶

Слова эти были как бы предначертанием тех больших дел, которые совершены были в последующие 25 лет царствования императора Александра II.

Итоги войны

Крымская война занимает особое место в истории не только России, но и Европы. Она была единственным на протяжении столетия 1815—1914 гг. вооруженным столкновением, в которое были втянуты крупнейшие державы мира — Россия, Англия, Франция, Турция. Угрожающую позицию занимали Австрия, Пруссия и Швеция. В прочих же военных конфликтах участвовало обычно два, максимум три участника.

Военные действия потребовали огромных материальных затрат и сопровождались колоссальными потерями.

За время войны в армию и флот России было дополнительно призвано более миллиона человек. Из хозяйства страны для армии изъяли около 150 тысяч лошадей. С большим напряжением осуществлялась поставка вооружения. Война потребовала не менее 200 тысяч ружей и пистолетов в год, в то время как изготавлившие их Тульский, Ижевский и Сестрорецкий заводы давали 50—70 тысяч ежегодно. Ежегодно требовалось поставлять не менее 360 орудий, тогда как Петербургский, Киевский и Брянский арсеналы производили 100—120 орудий. Разница покрывалась за счет государственных запасов оружия. К 1856 г. из более чем полумиллиона ружей, хранившихся на складах, осталось всего 90 тысяч, из 1656 артиллерийских орудий — 253.

Не случайно к концу войны часть новобранцев пришлось вооружать пиками. Явно недостаточно производилось боеприпасов. Пороха и свинца в стране вырабатывалось почти вдвое меньше, чем требовалось для успешного ведения боевых действий.

Только за время обороны Севастополя защитниками города было израсходовано свыше 250 тысяч пудов пороха, а заводы Охтенский, Шостенский и Казанский давали ежегодно всего 60—80 тысяч пудов. Так же плохо обстояло дело с обмундированием войск и обеспечением продовольствием. Наконец, никуда не годное состояние путей сообщения и транспортных средств значительно осложняло передвижение войск, переброску боеприпасов и продовольствия к театрам военных действий.

Россия израсходовала на войну 482 млн. руб.¹⁵⁷ (Союзные державы — около 600 млн. руб.). Молох войны поглотил свыше 522 тыс. человек русской армии (турки потеряли до 400 тыс., французы — 95 тыс., англичане 22 тыс. человек)¹⁵⁸.

В результате Парижского мирного договора 1856 г. Россия отказывалась от притязаний на «покровительство» православным подданным Турецкой империи, соглашалась на нейтрализацию Черного моря с запрещением иметь там военный флот и базы, уступала южную часть Бессарабии и признавала коллективный протекторат великих держав над Молдавией, Валахией и Сербией, оставшихся под суверенитетом султана. Помимо этого, Россия обязывалась не возводить укреплений на Аландских островах.

Были подорваны не только влияние России на Ближнем Востоке и Балканах, но и международный престиж ее как великой державы. Несомненно, это привело к серьезному нарушению «европейского равновесия» с последовавшими отсюда тяжелыми осложнениями. Объективно Парижский мир создал предпосылки для дальнейшей колониальной экспансии европейских держав на Ближний Восток, для финансового и политического подчинения Турции Англией и Францией.

Грандиозная военная схватка сокрушила феодальные устои в экономике и общественной жизни России и открыла эпоху Великих реформ.

Война стала важным этапом в совершенствовании боевых сил и средств, в развитии военного и военно-морского искусства. Она явилась мощным стимулом повышения качества артиллерийского, стрелкового и минного оружия. С учетом опыта войны во всех странах начали переходить от гладкоствольного оружия к нарезному, от парусного деревянного флота к паровому броненосному.

В ходе войны впервые нашли применение железные дороги, электрический телеграф и минные заграждения.

В ходе Восточной войны в русской армии зародилась стрелковая цепь как новая форма боевого порядка, наиболее соответствующая изменившемуся характеру боевых действий. Русские войска, разумно сочетая огонь с использованием траншей, положили начало позиционным методам войны. Опыт Крымской войны был использован при проведении военных реформ 1862—1874 гг. в России и нашел широкое применение в войнах 2-й половины XIX в.

Надо отдать должное и Александру II. На нем не лежит печать ответственности за развязывание Крымской войны. Академик Николаев, например, подчеркивает, что Александр с самого начала был против этой войны и советовал отцу воздержаться от ультиматума Турции¹⁵⁹. Он понимал, что русско-турецкий конфликт неминуемо перерастет в общеевропейскую войну. В ходе войны, при жизни отца, Александр на

правах главнокомандующего армией командовал войсками, размещенными в С.-Петербургской губернии. После смерти Николая I он принял энергичные меры для дальнейшего укрепления вооруженных сил России, переброске резервов на юг и сам лично изучил положение дел в Южной и Крымской армиях, побывал в районе Севастополя.

Убедившись в невозможности продолжать войну, глава империи сделал все возможное для заключения почетного мира. По повелению царя все участники войны, ратники ополчения были щедро награждены специальными орденами и медалями.

Жителям наиболее потерпевших от войны губерний были предоставлены особые облегчения и пособия, приняты меры по устройству и призрению отставных чинов. Знаки царской признательности изъявлены сестрам милосердия и гражданам, которые отличились приношениями на издержки войны или на пособия раненым и семействам убитых.

Кроме того, для расследования злоупотреблений в военной администрации, в особенности по продовольственной части, была создана специальная комиссия под председательством бывшего начальника штаба Южной армии генерал-адъютанта князя Васильчикова¹⁶⁰.

Часть II

**АЛЕКСАНДР II
И ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ
60—70-х годов:
ДОСТИЖЕНИЯ
И ПРОБЛЕМЫ**

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.

В продолжение столетий, предшествовавших 19 февраля 1861 г., у нас не было более важного акта.

В. О. Ключевский¹

1. Предпосылки реформ. Подготовка отмены крепостного права в России

Кризис феодально-крепостнической системы

Вступление на престол Александра II ознаменовало собой важный рубеж в русской истории. Просвещенное общество словно прозрело, обнаружив всю несостоятельность и гнилость сурово оберегаемого в царствование Николая I государственного строя. Крымская война вскрыла все язвы крепостнических порядков России. Если даже такой сильный, волевым император как Николай I, отличавшийся своей энергией, железной дисциплиной, доходящим до самопожертвования патриотизмом, редким трудолюбием и вниканием в дела управления, не мог избежать крупных промахов, то это неопровержимо доказывало всю непригодность существовавшей крепостническо-бюрократической системы управления, строя экономической жизни, внешней и внутренней политики.

«Тридцатилетнее царствование, — с сарказмом писал князь П. В. Долгоруков, — настоящая тридцатилетняя война против просвещения и против здравого смысла — было постоянно основано на трех началах: на глубоком презрении к человечеству, на боязни неосновательной и смешной всех идей либеральных и благородных и на безумном, постоянно возраставшем боготворении своей личности»².

Великая страна, привыкшая побеждать в последние 150 лет, получила оглушительную пощечину и оказалась в международной изоляции. Священный союз России, Пруссии и Австрии, созданный в 1815 г., не выдержал испытания временем. Пруссия не поддержала Россию в войне, а Австрия заняла явно враждебную позицию.

«Война с Францией и Англией, — со злостью отмечал Долгоруков, — была глупо начата, глупо ведена; ...союз с Австрией ставил Россию в затруднительное и неприличное положение: во-первых, потому что основой его служила система политики отсталой и вредной, а во-вторых, потому что Австрия в течение целых полутора веков обманывала постоян-

но Россию и при всяком случае изменяла ей. Наконец, во всей Европе общественное мнение восстало против России, раздраженное дерзостью и глупостью Николая Павловича, который, обратив себя в европейского обер-полицмейстера самодержавия, вздумал предписывать всем императорам и королям, каким образом они должны действовать и поступать, и, как мы сказали выше, считал все благородные чувства государственными преступлениями. Вот положение России при восшествии на престол Александра II»³.

Война основательно обескровила и разорила страну. Рекрутские наборы и призывы в ополчение устранили из сельскохозяйственного производства до 1,5 млн. (10%) мужчин-работников. На 13%, а в южных районах до 34% сократилось поголовье скота. На 35% упали посевы в помещичьей деревне.

В годы войны экспорт хлеба, по сравнению с предвоенным временем, упал в 13 раз, льна — в 8, пеньки — в 6, сала — в 4 раза. Объем импорта машин сократился в 10 раз⁴. Промышленности не хватало свободных рук, так как до 35% населения страны находилось в крепостной зависимости.

Регулярные реквизиции скота, фуража и продовольствия, рост денежных и натуральных повинностей еще больше обедняли население.

«Администрация в хаосе, — с горечью отмечал А. В. Никитенко, — нравственное чувство подавлено, умственное развитие остановлено, злоупотребления и воровство выросли до чудовищных размеров»⁵.

В отчаянном состоянии находились финансы страны. За время войны, с 1853 по 1856 г., общая сумма дефицита выросла в 6 раз (с 52 млн. до 307 млн. руб.). Более чем на 50% уменьшилась золотая обеспеченность бумажных денег. Среди статей дохода вырос удельный вес винных откупов — с 33% в 1845 г. до 43% в военные годы.

Известный экономист Л. Н. Тенгоборский в записке на имя царя пришел к выводу: «Необходимо принять неотложные самые решительные меры к сокращению расходов... ибо в противном случае государственное банкротство неминуемо»⁶.

Приближающийся финансовый кризис побуждал правительство к преобразованиям и особенно волновал Александра II, который в марте 1857 г. делился своей тревогой с братом, великим князем Константином Николаевичем, также видевшим катастрофическое положение финансов.

За два года, с июля 1857 до июля 1859, наличность банковых касс упала со 150 до 13 млн. руб. Петербургский кабинет признавал наличие кризиса в состоянии и деятельности банков⁷.

Начало царствования Александра II вызвало всплеск общественного движения. Все слои общества — консерваторы, либералы, весь народ и элита — были недовольны сложившимся положением.

«В публике один общий крик негодования против правительства, — писала Тютчева, — ибо никто не ожидал того, что случилось. Все так привыкли беспрекословно верить в могущество, в силу, в непобедимость России! Говорили себе, что если существующий строй несколько тягостен и удушлив дома, он, по крайней мере, обеспечивает за нами во внешних отношениях и по отношению к Европе престиж могущества и бесспорного политического и военного превосходства. Достаточно было дуновения событий, чтобы рушилась вся эта иллюзорная постройка»⁸.

Все ждали изменений, духовного обновления России. Как грибы после дождя, росли и формировались программные требования представителей либеральных и революционно-демократических течений. Определенное значение в подготовке реформ 60—70-х гг. прошлого века имели и крестьянские движения, однако их роль была несколько преувеличена в советской историографии. Как отмечает профессор Л. Г. Захарова, преодолевая этот перегиб, не следует впадать и в другую крайность⁹.

По сохранившимся сведениям, в 1856—1857 гг. в 45 губерниях России произошло более 270 крестьянских выступлений против непосильных барщины и оброка, жестокости помещиков и т. д. Наиболее крупными волнениями сопровождалась попытка массового стихийного переселения крестьян в Таврию и Бессарабию. В июне 1856 г. 12 тыс. крепостных¹⁰ нескольких южных губерний (Екатеринославской, Херсонской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Курской и Орловской) устремились в Крым. Среди крестьян этих районов распространились слухи, что царь дает землю и волю тем, кто добровольно переселится на разоренное побережье Крыма. Правительство вынуждено было снарядить воинские отряды, чтобы остановить все нараставший поток людей, охваченных жадой свободы и хозяйственной независимости.

Определенную роль в 1858—1859 гг. сыграло массовое «трезвенное движение», вызванное повышением цен на водку со стороны откупщиков. Начавшееся в Виленской и Ковенской губерниях, движение распространилось к лету 1859 г. в 32 губерниях России¹¹. Крестьяне на сходках принимали решения о неупотреблении вина, нарушителей подвергали денежным штрафам и телесным наказаниям. С мая 1859 г. крестьяне перешли к массовому разгрому питейных заведений. Особенно ярко движение проявилось в Среднем и Нижнем Поволжье, Приуралье и центре России. За участие в трезвенном движении 780 «зачинщиков» были преданы военному суду, наказаны шпицрутенами и сосланы в Сибирь. 26 октября 1860 г. была отменена система откупов и введена акцизная продажа спиртных напитков, при которой стала развиваться конкуренция среди торговцев.

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что страна переживала общенациональный кризис — тяжелое пере-

ходное состояние, начало которого совпадает с концом Крымской войны, а завершается — реформой 1861 г.

Бедность народа, упадок производительных сил страны, отсутствие железных дорог, покрывавших уже Европу, судебно-административное неустройство и многие нравственные общественные язвы — все это, вместе взятое, представлялось неким гордиевым узлом, который надо было разрубить императору Александру II.

Он решил начать с главного — с отмены крепостного права — этого отвратительного ящика Пандоры.

Благородная решимость молодого монарха сразу приковала к нему искренние симпатии лучшей части русского общества. Все, что было талантливое и выдающегося умом или образованием в России после Крымской войны, «примкнуло душой к Александру II»¹².

Первые предложения

Мысль о необходимости коренных реформ овладела широкими кругами русского общества. Уже в начале 1855 г. распространялись анонимные рукописи, в которых острой критике подвергалась внешняя и внутренняя политика правительства. С первых же дней царствования стали поступать Александру II многочисленные записки, проекты и планы преобразований. Словно прорвалась плотина молчания: слепые прозрели, а у глухих отверзлись уши.

Добровольный изгнанник, покинувший Россию, как считается, из-за любви к своему народу, А. И. Герцен написал 10 марта (н. с.) 1855 г. из Лондона горячее письмо властителю России. «Государь! — писал он. — Дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь, она стонет в цензурных колодках. Дайте нам вольную речь... Нам есть, что сказать миру. Дайте землю крестьянам — она и так им принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братьев»¹³.

Как выразился В. О. Ключевский, «Севастополь ударил по застоявшимся умам».

В мыслящем слое дворянства и служилой бюрократии закипели страстные споры на социальные, политические и моральные темы. Началась оппозиционная критика в дворянских салонах и купеческих особняках, оживились гостиные славянофилов и западников.

Молодой ученый-юрист Б. Н. Чичерин написал записку «Восточный вопрос с русской точки зрения»¹⁴, в которой подверг резкой критике внутреннюю и внешнюю политику правительства. Когда Александр II прочел записку, он заметил: «К сожалению, много есть правды, но общее направление прескверное».

Против николаевской опеки над мыслью, словом и действиями красноречиво высказался в «Мыслях вслух об истекшем трид-

дятилетию» московский публицист Н. А. Мельгунов¹⁵. «Простору нам, простору! — восклицал он. — Того только и жаждем мы, все мы, от крестьянина до вельможи, как иссохшая земля жаждет живительного дождя. Мы все простираем руки к престолу и молим: простору нам, державный царь! Наши члены окаменели; мы отвыкли дышать свободно. Простор нам нужен, как воздух, как хлеб, как свет Божий! Он нужен для каждого из нас, нужен для России, для ее процветания внутри, для ее ограждения и крепости извне!»¹⁶

Известный славянофил, литератор и историк К. С. Аксаков подал Александру II через графа Блудова оригинальную записку «О внутреннем состоянии России»¹⁷, в которой говорилось о необходимости свободы печати и созвании земского собора. В ней он впервые сформулировал оригинальную славянофильскую теорию государственного управления: сила власти — царю, сила мнения — народу. Согласно теории, царю оставалась вся полнота самодержавной власти, но от него требовалось, чтобы он предоставил обществу неограниченную свободу совести и слова и упразднил всякое полицейское вмешательство в частную, общинную и общественную жизнь народа. Аксаков указывал, что правительство должно существовать для народа, а не наоборот. С особой силой он ратовал в записке за свободу мнения, свободу слова.

Блестящий анализ прошедшего царствования и всей системы управления, приведшей к Крымской войне, был сделан главой московских западников, профессором Московского университета Т. Н. Грановским¹⁸ в его записке.

В апреле того же 1855 г. общественный деятель и публицист А. И. Кошелев направил Александру II записку «О денежных средствах в настоящих обстоятельствах»¹⁹. Кошелев, в противоположность Аксакову, признавал единственным выходом из положения, в каком находилось правительство, немедленное собрание представителей всей русской земли. Судьба этой записки, по признанию самого Кошелева, была «печальна и комична». В конце июня он получил извещение «через станового пристава» о том, что его «всеподданнейшее прошение» препровождено «по принадлежности к министру финансов». Однако такая участь записки не расколодила его и он в письме к М. П. Погодину от 9 июля 1855 г. пишет, что уговаривал А. С. Хомякова написать записку о лжи церковной, а Ю. Ф. Самарина — о лжи правительственной²⁰. Сам же он собирался написать о лжи помещицкой, т. е. о крепостном праве, что и исполнил через полтора года. И. В. Киреевского²¹ Кошелев хотел уговорить написать о лжи общественной и частной.

Александр II прочел записку и курляндского губернатора П. А. Валуева «Дума русского во второй половине 1855 года»²², которую автор передал через брата царя великого князя Константина Николаевича. Валуев обличал формализм и официаль-

ную ложь, присущую деятельности правительства. «Взгляните на годовые отчеты, — писал он, — везде сделано все возможное, везде приобретены успехи, везде водворяется... должный порядок. Взгляните на дело... отделите сущность от бумажной оболочки... и — редко где окажется прочная, плодотворная польза. Сверху — блеск, внизу — гниль».

Из сочинений либералов наибольшее звучание приобрели рукописные проекты отмены крепостного права. Особенно широкое хождение получил проект историка, правоведа и социолога К. Д. Кавелина²³, составленный в 1855 г. еще в период войны. Кавелин ясно понимал, какой преградой для экономического развития России является отживший институт крепостничества, этот «неиссякаемый источник насилий, безнравственности, невежества, праздности, тунеядства и всех проистекающих отсюда пороков и даже преступлений».

Он предлагал сохранить освобождаемым крестьянам существующий земельный надел, предоставив им право выкупить землю и личность посредством банковской операции. Такое освобождение, по мнению Кавелина, нужно проводить осторожно и постепенно, начиная с западных губерний, где помещики и крестьяне принадлежат к разным национальностям, и сопровождать этот процесс «разными косвенными мерами и полумерами», которые подготовят и облегчат распространение выкупа на другие районы. Он подчеркивал, что образованнейшее и зажиточное сословие должно получить не только денежное вознаграждение за предоставляемую крестьянам свободу, но и широкое участие в местном управлении²⁴.

Писание подобных писем было сильно распространено в первые послевоенные годы. Только в период 1855—1857 гг. правительству было подано 63 записки с различными проектами и планами преобразований²⁵.

Александр II читал эти предложения, по крайней мере, некоторые из них, но боялся довериться людям из чуждой и неизвестной ему среды и продолжал надеяться выйти на новую дорогу с помощью привычных средств управления.

Царское правительство чувствовало, как колеблется почва под его ногами, поскольку даже в рядах помещиков идеи буржуазных свобод завоевывают все большее признание. Всем становилось ясно, что реформы необходимы в ближайшее время.

Окружение царя

И хотя глава империи, как мы выяснили, сознавал необходимость преобразований, однако приняться за них оказалось делом нелегким. Считается, что в то время около Александра не было человека, который мог бы стать надежным советником. В правительственных кругах все думали только о том, как бы при таких тяжелых обстоятельствах удержать или улучшить свое положение.

В момент смерти Николая I высшее управление судьбами империи находилось в руках следующих лиц. Во главе Министерства иностранных дел стоял старый и хитрый канцлер граф К. В. Нессельроде, назначенный на эту должность еще в 1814 г. Он был носителем принципов Священного Союза, превратившегося, как известно, в союз государей против волнующихся народов. Александр до 1854 г. тоже разделял эти взгляды. И не мудрено: он был воспитан на них. Но Восточная война и, в особенности, «австрийская измена» заставили поколебаться в них даже самого Николая. После Парижского мира место Нессельроде занял бывший посланник при австрийском дворе и представитель России на венских совещаниях 1855 г. А. М. Горчаков²⁶ — однокашник Пушкина по Царскосельскому лицей.

Во главе Военного министерства стоял недалёковидный царедворец и закоренелый обскурант князь В. А. Долгоруков, вскоре назначенный начальником III Отделения. Военным министром стал генерал-адъютант Н. О. Сухожанет²⁷, к сожалению, не проявивший себя на этом поприще. Министерством внутренних дел управлял честный человек, но ужасный самодур генерал-адъютант Д. Г. Бибиков²⁸, которого Тарас Шевченко называл «капрал Гаврилович безрукий». Его заменил в августе 1855 г. С. С. Ланской²⁹, в молодости — видный масон, участник декабристского «Союза благоденствия», из которого вышел задолго до восстания.

Ближе всех к Николаю I стояли тонкие царедворцы: начальник III Отделения шеф жандармов граф А. Ф. Орлов и министр двора граф В. Ф. Адлерберг. Оба они были личные друзья Николая, и потому к ним Александр Николаевич сохранял особое почтение. Так же он относился к наместнику в Царстве Польском князю И. Ф. Паскевичу и к бывшему главнокомандующему Крымской армией князю М. Д. Горчакову, занявшему должность наместника в Польше после смерти Паскевича в январе 1856 г.

Остальные министерские места занимали: граф П. Д. Киселев (министр государственных имуществ) и граф Д. Н. Блудов (начальник II Отделения собственной его величества канцелярии), оставшиеся либералами, но враждовавшие между собой, граф В. Н. Панин (министр юстиции), педант и самодур, граф П. А. Клейнмихель (главноначальствующий путями сообщений и публичными зданиями), стяжавший себе всеобщую ненависть, и терявшие влияние А. С. Норов, П. Ф. Брок, Н. Н. Анненков³⁰ и т. п.

Большинство этих господ входило в состав Комитета министров, а позже, с 1857 г., в состав Совета министров. Несмотря на то, что они вместе находились в этих органах, обсуждали важные дела государственного управления, между ними наблюдалось «не только различие совершенное, но и противоречие во взглядах: точно лебедь, рак и щука крыловской басни»³¹.

Однако ко всем им Александр II относился с величайшей бережливостью. Клейнмихель был, правда, заменен осенью

1855 г. К. В. Чевкиным³². А бездарный Брок, министр финансов, был уволен Александром только в 1858 г., когда обнаружилось, что он в своих отчетах выдавал за сбережения невыполненные расходы.

Первое в империи место — председателя Государственного совета и Комитета министров — получил граф А. Ф. Орлов по возвращении с Парижского конгресса, возведенный в княжеское достоинство в день коронации Александра II. До него этот пост занимал князь А. И. Чернышев³³.

В первые дни воцарения на престол Александра вступили в заведывание своими частями его братья — великие князья: генерал-инспектор по инженерной части Николай Николаевич и генерал-фельдцейхмейстер Михаил Николаевич. Единственным новым человеком, приближенным к Александру II, в котором завистливые царедворцы усматривали будущего временщика и уже называли «нашим Мазарини»³⁴, был Я. И. Ростовцев. Только на него да на брата своего Константина мог опереться молодой царь при проведении в жизнь серьезных преобразований.

Важная историческая роль, которую довелось этим двум лицам сыграть в начале царствования Александра II, дает нам право остановиться несколько подробнее на их характеристике.

Великий князь Константин Николаевич был на 9 лет моложе Александра. Николай I хотел вырастить его моряком и дал ему соответственно суровое военное воспитание и довольно скудное, главным образом специальное образование. Но светлый ум и огромное честолюбие Константина помогли ему многое усвоить и переработать самостоятельно. «Он много читал, — писал о нем в своих воспоминаниях Е. М. Феоктистов, — и все, что случилось ему прочесть, помнил до мельчайших подробностей, — память его была поистине изумительна»³⁵.

Его блестящие дарования обратили на себя внимание еще при Николае I, едва достигнув двадцатипятилетнего возраста, он был поставлен в 1853 г. во главе Морского министерства. Поняв после Крымской кампании вместе со всеми образованными людьми необходимость преобразования всего государственного строя, он стал стремиться к осуществлению реформ гораздо смелее и последовательнее своего брата. Благодаря этому он вскоре сделался при дворе наиболее сильной опорой и самым решительным двигателем всех либеральных начинаний. К сожалению, светлая память о его деятельности в конце 50-х и в начале 60-х годов была омрачена впоследствии резко проявившимися в нем чертами самовластия и своекорыстия.

С начала вступления на престол Александр II назначил генерал-адъютанта Ростовцева начальником штаба его императорского величества по военно-учебным заведениям, ввел его в Государственный совет и в Комитет министров. В глазах современников он сильно запятнал себя как один из доносчиков на декабристов. Даже его активное участие в последующем в под-

готовке крестьянской реформы рассматривалось как следствие какого-то чудесного перерождения и объяснялось легендами вроде сказания о клятве, данной им умирающему сыну.

Известно, что Ростовцев никогда не готовил себя к той большой государственной роли, которую ему пришлось играть и которую он сыграл блестяще.

Считается, что Александру II могла бы оказать серьезное содействие великая княгиня Елена Павловна³⁶, урожденная принцесса Вюртембергская, которая в 1824 г. вышла замуж за великого князя Михаила Павловича, брата Николая I. Елена Павловна была на редкость высокообразованной женщиной, сочувствовавшей всему передовому, хорошему, доброму и светлому. Она делала все возможное, чтобы открыть и привлечь к служению на пользу Отечества талантливых и даровитых людей из среды писателей, артистов, ученых и общественных деятелей.

В свое время она выхлопотала командировку Пирогова в Севастополь, завязывала дружественные отношения с Грановским и с другими московскими профессорами, выдвигала и поддерживала в их общественной деятельности Дмитрия и Николая Милютиных, К. Д. Кавелина, Юрия Самарина, князя В. А. Черкасского, В. А. Арцимовича, Ивана Аксакова³⁷ и других.

Но Александр II, питая к ней искреннее уважение, не всегда полагался на ее отзывы.

Начало преобразований Первоначально новизна внутренней политики выразилась в отмене разных мракобесных мер, принятых после 1848 г.

Поворот к лучшему начался в области печати. Были допущены к печати новые значительно дополненные издания Пушкина и Гоголя, предпринятые, впрочем, еще в предшествующее царствование.

Осенью 1855 г. последовало разрешение М. Н. Каткову³⁸ издавать в Москве по обширной программе «Русский вестник», затем — славянофилам — «Русскую беседу».

Университетам разрешили в ноябре 1855 г. принимать на все факультеты студентов в неограниченном числе, а заслуженным профессорам, оставшимся на вторичную службу, были возвращены пенсии, отнятые у них указом 1852 г. Приняли решение в Сибири открыть университет, в Варшаве восстановить Медицинскую академию и юридические курсы. В начале 1856 г. вновь разрешили посылать за границу молодых ученых для подготовки к профессорской деятельности. Короче, как метко выразился историк К. Д. Кавелин, вытаскивались «последние камни, набросанные Ширинскими»³⁹.

Сняли запрет с выезда русских подданных за границу и отменили огромные пошлины с заграничных паспортов. Отменили принудительную военную службу детей разночинцев. Упразднили стеснительные законы о службе уроженцев западных губер-

ний. Все эти отмены и облегчения были проведены в первые полтора года правления нового императора.

26 августа 1856 г. Александр II торжественно короновался в Успенском соборе Москвы и ознаменовал это событие целым рядом льгот и облегчений⁴⁰.

В том числе, например, был прекращен на три года рекрутский набор, прощены недоимки, смягчены судебные приговоры, уменьшены наказания преступникам. Венцом царского милосердия было великодушное прощение декабристов, лишенных всех прав состояния и сосланных в Сибирь или сданных в солдаты, по делу о тайных обществах 1825 г. и по заговору Петрашевского в 1849 г. Им было дозволено возвратиться с семьями из мест ссылки и жить, где пожелают, в пределах империи, за исключением обеих столиц. Осужденным и детям их возвращены, за некоторыми исключениями, их титулы и потомственное дворянское достоинство.

Голицын получил княжеский титул, Чернышов — графский, Розен, Черкасов, Соловьев и Штейн — баронский. То же сделано и для поляков, сосланных за возмущение в 1831 г. Кроме того, польским дворянам было предоставлено право начинать службу в бывших губерниях Царства Польского, тогда как прежде поляки обязаны были прослужить сначала известное число лет внутри России. Не забыты были и евреи, которым дано некоторое послабление в военной службе.

Наконец, получили прощение и те офицеры, которые были уволены со службы или разжалованы за предосудительное поведение, если они представляли удостоверения о своем исправлении от предводителей дворянства или от начальства⁴¹.

Александр простил государственные долги и отменил закон, по которому дети солдат уже с семи лет поступали на службу кантонистами, отрывались от отцов и матерей и всю жизнь должны были служить в солдатах.

Отменив этот закон, монарх позаботился об этих детях и велел по-прежнему выдавать им продовольствие и учредить военные школы, куда дети могли поступать по собственному желанию, а не по принуждению. В результате более 400 тысяч малолетних детей было возвращено к своим родителям, и каждый мог заниматься, чем сам пожелает. Кроме того, приказано было перевести со славянского языка на русский все священные книги, чтобы каждый мог читать их на родном языке и тем лучше понимать Святое Писание.

Все эти щедрые царские милости вызывали тогда горячий энтузиазм в обществе. Имя Александра II произносилось с благоговением во всех общественных слоях, начиная с высших представителей интеллигенции. Петербургские литераторы собрались выразить сочувствие высочайшему манифесту на общем обеде, где один оратор, провозглашая тост, между прочим, говорил: «Господа! С Петра Великого вы не назовете никакой эпохи в

нашей истории, где бы так много было сделано в такое небольшое время. Поднимемте же, — заключил свою речь оратор, — веселые надеждой от всей души, от всего сердца наши бокалы во здравие и во славу того, чье высокое имя начертано нетленными буквами под словами: «отменить, простить, возратить»⁴².

Всякое слово, сказанное Александром II, истолковывалось тогда как новый шаг по пути общественного возрождения. Это чувство наступившей весны после долгой, суровой зимы Николаевского царствования порождало во всех, наряду с резким осуждением только что пережитой эпохи, какой-то безграничный оптимизм, переходивший у многих в настоящее опьянение.

Все передовые группы тогдашнего общества ввиду этой желанной весны пытались забыть свои раздоры и размолвки и стремились к свободе, к обновлению всего быта.

«Время теперь такое, — писал К. Д. Кавелин М. П. Погодину 3 ноября 1855 г., — что всем честным и благомыслящим людям в России надобно забыть о взаимных неудовольствиях, личных, литературных и научных, и оставить несогласие в образе мыслей на второй план, а на первый — единство, доверие взаимное, соглашение хоть в том, в чем согласиться можно, а таких пунктов гораздо больше, чем кажется с первого взгляда. Теперь больше, чем когда-нибудь, может быть столько же, сколько в 1612 году, Россия требует верной службы от своих сынов и знать не хочет их маленьких несогласий»⁴³.

Наряду с этим общество терпеливо ожидало более серьезных коренных преобразований. «Отмена крепостного права и поземельное устройство освобожденного крестьянства, — как писал позже историк Кизеветтер, — должны были явиться краеугольным камнем этих преобразований»⁴⁴.

Подступы к реформе

Впервые о необходимости отмены крепостного права Александр II официально заявил 30 марта 1856 г. представителям московского дворянства: «Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. Конечно, вы и сами знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным...» Такое знаменательное заявление говорит о реальной и здравой оценке им политической ситуации в России.

«Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу. Прошу вас, господа, думать о том, как бы привести это в исполнение. Передайте слова мои дворянству для соображения»⁴⁵.

Слова царя разнеслись по всей России. Было ясно, что правитель государства настаивал на неизбежности освобождения крестьян и давал понять, что дело это нельзя откладывать в долгий ящик. Александр ждал ответа на свою речь от дворян-по-

мещиков. Но последние молчали. Отмена крепостного права была сопряжена с огромными трудностями. Ведь предшественники Александра II на престоле: и Екатерина II, и Павел I, и Александр I, и Николай I — не смогли провести эту давно назревшую социальную реформу, необходимость которой они все сознавали. Задача была чрезвычайно сложной, надо было искать путь, чтобы «и волки были сыты, и овцы целы...»

С первого же дня царь почувствовал, как нелегко найти помощников, способных осуществить важное нововведение. Разумеется, проблема была бы не так трудна, если бы император пожелал разрешить ее так, как она была решена в некоторых западных государствах, где крестьяне находились в свое время в таком же положении, как и российские крепостные крестьяне: там крестьяне были объявлены свободными только лично, земля же осталась собственностью помещиков.

Но не к этому стремился Александр II. Он хотел, чтобы освобожденные крестьяне были наделены землей, а не превращены в бездомных и безземельных батраков.

Как это ни странно, искренних сторонников освобождения крестьян Александр встретил в своей семье — в лице своего брата великого князя Константина Николаевича и августейшей тетки, великой княгини Елены Павловны. Она одной из первых решила отпустить крестьян на волю.

7 октября 1856 г. Елена Павловна представила Александру II подробный план освобождения 15 тыс. крестьян обоего пола в принадлежащих ей 10 имениях в Полтавской губернии. План этот в окончательном виде был разработан Н. А. Милютиным, который был хорошо известен великой княгине еще с 1846 г. и в котором она сумела оценить его способности, характер и непоколебимые взгляды на необходимость искоренения рабства в России. План затрагивал не только имения великой княгини, но был программой «действий для освобождения в Полтавской и смежных губерниях крестьян тех помещиков, которые сами того пожелают». По праву его можно назвать «первым камнем к практическому осуществлению освобождения крестьян».

Существует мнение, что этот план в дальнейшем послужил как бы моделью реформы 1861 г.⁴⁶ Елена Павловна просила разрешения у Александра II и указания общих начал, на которых можно совершить задуманное ею освобождение. Однако царь ответил ей, что «не может ныне положительно указать общих оснований для руководства» и что «ввиду многих различных условий, которых значение может быть определено только опытом, выжидает, чтобы благомыслящие владельцы населенных имений сами высказали, в какой степени полагают они возможным улучшить участь своих крепостных на началах, для обеих сторон не отяготительных и человеколюбивых»⁴⁷.

Следующим шагом была попытка подготовить просьбу самого дворянства об освобождении крестьян. Тем не менее беседы ми-

нистра внутренних дел С. С. Ланского и его товарища (заместителя) А. И. Левшина⁴⁸ с предводителями дворянства не дали результата. Позже Левшин писал, что предводители дворянства при первом же намеке на освобождение крестьян выражали удивление, а иногда и непритворный страх. «Такие беседы, — отмечал он, — хотя и многократно повторенные, не продвинули меня вперед»⁴⁹.

Между тем Александр II в январе 1857 г. под личным председательством образовал особый «негласный» или «Секретный» комитет «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян». В состав комитета вошли: председатель Государственного совета князь А. Ф. Орлов (с правом председательства в отсутствие царя), министры: С. С. Ланской, граф В. Ф. Адлерберг, П. Ф. Брок, М. Н. Муравьев; главноуправляющие: путями сообщения — К. В. Чевкин, II отделением собственной его величества (с. е. и. в.) канцелярии (органа кодификации законов Российской империи) — граф Д. Н. Блудов, шеф жандармов — князь В. А. Долгоруков и члены Государственного совета — князь П. П. Гагарин, барон М. А. Корф, Я. И. Ростовцев и Государственный секретарь — В. П. Бутков⁵⁰.

Характерно, что многие члены комитета были противниками освобождения крестьян, готовые затянуть подготовку реформ. «Государь очень хорошо знал направление мыслей назначенных им членов, — отмечал публицист Ф. П. Еленев (Скалдин), — и тем не менее допустил решительный перевес на стороне противников освобождения, как бы сам не доверяя своей мысли и ища против нее возражений»⁵¹.

По всей видимости, молодой монарх, включив в комитет сановников высшей элиты, хотел, опираясь на их разум, избежать необдуманных решений в глазах «обеспокоенного дворянства».

Первое заседание Секретного комитета состоялось 3 января 1857 г. под председательством Александра II. Открывая заседание в своем кабинете, царь подчеркнул, что «Крепостное сословие почти отжило свое время»⁵², и объявил свое решение: приступить постепенно к освобождению в России крепостных крестьян. С этой минуты, в течение 4 лет шли непрерывные подготовительные работы⁵³.

Комитет своим распоряжением истребовал протоколы прежних николаевских комитетов по крестьянскому вопросу и собрал частные рукописные записки, с которыми обращались к правительству по тому же вопросу разные лица, например, Кавелин, Самарин, Кошелев, Хомяков, Аксаков и другие. Весь собранный материал был передан специальной «Приготовительной комиссии для пересмотра постановлений и предположений о крепостном состоянии» в составе Гагарина, Ростовцева, Корфа и Буткова. Тем не менее члены комиссии не смогли прийти ни к какому единому решению, все, кроме Буткова, составили три отдельные противоречивые записки. Недовольный разномыслием

и бездеятельностью «Секретного комитета», Александр II назначил членом его великого князя Константина Николаевича, горячего приверженца крестьянской реформы. Комитет явно оживился и на своих заседаниях 14 и 17 августа обсудил поставленный Александром II вопрос, как приступить к реформе.

Было решено всю подготовку реформы разбить на три периода. Первый — «Приуготовительный», во время которого «смягчить и облегчить крепостное состояние», предоставить дворянам возможность освобождать крестьян по взаимным с ними соглашениям, а также собрать все необходимые материалы и сведения, нужные для проведения реформы⁵⁴. Второй — «Переходный период», когда крестьяне получают личную свободу, но будут закреплены за землей. Наконец, третий период — окончательный, когда крестьяне получают личные права и будут «поставлены в отношениях своих к помещикам, как люди совершенно свободные»⁵⁵.

И все же реальное продвижение вперед было незначительным.

Лед тронулся в октябре 1857 г. В Петербург приехал генерал-губернатор Виленской, Ковенской и Гродненской губерний В. И. Назимов⁵⁶, который представил императору обещанный еще во время коронации адрес от дворян с ходатайством «о применении к западным губерниям положения о крестьянах, действующего в соседней Курляндской губернии», где крепостное право было отменено в 1816—1819 гг., а земля осталась у помещиков.

Комитет охотно пошел на это предложение, но царь настоял, чтобы при освобождении крестьян они наделялись как усадебной оседлостью, так и землей для обработки.

Александр II ответил дворянам 20 ноября 1857 г., опубликовав знаменитый рескрипт на имя Назимова⁵⁷, ставший началом подготовки крестьянской реформы.

«Это обнаружение, — пишет А. И. Кошелев, — произвело сильнейшее действие во всей империи: одни страшно перепугались, были, так сказать, ошеломлены; другие обрадовались; многие и весьма многие просто не поняли значения этого события»⁵⁸.

Рескрипт содержал первую правительственную программу отмены крепостного права. В ней предусматривалось уничтожение личной зависимости крестьян при сохранении всей земли в собственности помещиков. Для обеспечения быта крестьян «и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком» им должно быть предоставлено «определенное количество земли», за которую они платят оброк или отбывают барщину, а со временем предоставляется право выкупа усадеб. Вотчинная полиция оставалась в руках помещиков.

Для разработки проектов реформы рескрипт предписывал создать в каждой губернии по одному комитету, а затем для всех 3 губерний одну общую комиссию в г. Вильне «по улучшению быта помещичьих крестьян»⁵⁹.

Рескрипт сопровождался пояснительным циркуляром министра внутренних дел С. С. Ланского. Копии этих документов по распоряжению министра были отпечатаны типографским способом и отправлены в количестве 75 экземпляров в течение одной ночи с 23 на 24 ноября для рассылки на Николаевскую железную дорогу всем губернаторам «на случай, если бы дворянство вверенной вам губернии изъявило подобное желание»⁶⁰.

Ланской боялся, отметил писатель П. И. Мельников (А. Печерский), что наутро члены Секретного комитета могут одуматься и отказаться от этой меры. Так оно и случилось, но рескрипты были уже в пути⁶¹. Как говорится, «поезд уже ушел».

Через 15 дней поступило прошение от петербургского дворянства о дозволении ему приступить к составлению предложений об улучшении быта крестьян⁶².

В ответ на это прошение 5 декабря 1857 г. дан был на имя С.-Петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева⁶³ высочайший рескрипт такого же содержания, как и рескрипт 20 ноября. Таким образом, от слов и слухов правительство переходило к делу.

«Кесарь переступил через Рубикон. Честь и слава нашему царю и государю!» — так приветствовал появление рескриптов известный Кошелев в своем письме к князю В. А. Черкасскому. «Давно ожидаемое сбывается — и я счастлив, что дожил до этого времени», — писал И. С. Тургенев Л. Н. Толстому 17 января 1858 г.⁶⁴

Первым после петербургского отозвалось дворянство нижегородское, а за ним, в течение более полугода постоянно поступали из всех остальных губерний прошения дворян о разрешении им открыть губернские комитеты об устройстве быта помещичьих крестьян. В ответ на подаваемые дворянами прошения были даны также рескрипты, по каждой губернии отдельно и последний из них последовал 15 октября 1858 г. Все эти рескрипты содержали в себе те же начала, какие были высказаны в первых двух, с незначительными изменениями вызванными местными особенностями⁶⁵.

Обсуждение проектов реформы

18 февраля 1858 г. Секретный комитет был преобразован в том же составе в «Главный комитет по крестьянскому делу для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии» под председательством императора. Теперь это было гласное, законодательно оформленное учреждение, на которое было возложено высшее наблюдение за ходом всего дела⁶⁶.

Затем 4 марта 1858 г. при Министерстве внутренних дел, в составе Центрального статистического комитета учрежден был Особый земский отдел⁶⁷, на который возложили обязанность предварительного обсуждения и обработки всех дел по

вопросам, касающимся земско-хозяйственного устройства в империи.

В течение 1858 г. избирались и назначались члены губернских комитетов. В конце года 45 губернских комитетов и две общие комиссии — одна для Северо-Западного края, другая для Юго-Западного — напряженно работали над составлением проектов положений.

С открытием губернских комитетов возникло множество вопросов, которые немедленно же разъяснялись циркулярами министра внутренних дел, а в особо важных случаях представлялись на высочайшее разрешение.

Работа губернских комитетов, в которых оказались люди разных взглядов, потребовала создания для всех них одинаковой программы. Такая подробная программа, по поручению Главного комитета, была составлена одним из его членов Я. И. Ростовцевым и опубликована в № 48 Московских и № 85 С.-Петербургских ведомостей. Подписали эту программу: князь А. Орлов, вел. кн. Константин, граф В. Адлерберг, князь Павел Гагарин, Сергей Ланской, граф В. Панин, князь В. Долгоруков, Михаил Муравьев, Константин Чевкин, Яков Ростовцев, Александр Княжевич и Государственный секретарь В. Бутков⁶⁸.

Губернским комитетам при получении этого документа был определен для разработки своей программы шестимесячный срок. Пока в комитетах шла упорная борьба между сторонниками и противниками реформы, Главный комитет учредил 15 июля 1858 г. особую комиссию в составе 4 своих членов: графа Панина, Муравьева, Ростовцева и Ланского для первоначального рассмотрения работ губернских комитетов⁶⁹.

Со времени создания Главного комитета эмансипация крестьян приковала к себе внимание всей легальной печати. Наряду с ранее основанными журналами — «Русским вестником» либеральных западников и «Русской беседой» славянофилов возникли новые: московский «Атеней» (1858—1859), издававшийся либералами Е. Ф. Коршем⁷⁰ и Б. Н. Чичериным, «Журнал землевладельцев» (1858—1859), служивший общей трибуной для выражения помещичьих требований, «Сельское благоустройство» (1858—1859), выпускавшееся славянофилом А. И. Кошелевым, «Экономический указатель» (1857—1861) и «Экономист» (1858—1865) профессора-экономиста И. В. Вернадского⁷¹, являвшиеся рупором промышленных и торговых кругов.

В развернувшемся обсуждении проектов реформы в печати и на заседаниях комитетов нашел отражение широкий спектр мнений дворянства. Разброс мнений зависел от многих факторов, в том числе от местных условий: плодородия почвы, особенностей климата, развития товарно-денежных отношений, близости рынка; и от позиции каждого. Во взглядах и спорах землевладельцев и публицистов явно или скрытно проявлялась борьба двух лагерей, двух партий: освободителей и крепостников.

Борьба на местах велась, как справедливо отмечает Л. Г. Захарова, за различные варианты реформы (сохранение всей земельной собственности и вотчинной власти за дворянством, т. е. обезземеливание крестьянства, или же обязательный выкуп части надельной земли крестьянами, отмена вотчинной власти дворянства, проведение ряда преобразований, закладывавших основы правового государства)⁷².

Взгляды помещиков, стоявших за отмену крепостного права, выражали в своих проектах К. Д. Кавелин, А. М. Унковский⁷³, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев. Особенно яркую и осмысленную критику правительственной программы высказал в своей «Записке», представленной Александру II в декабре 1857 г., близкий друг М. Е. Салтыкова-Щедрина, тверской губернский предводитель дворянства А. М. Унковский⁷⁴. Он выражал интересы помещиков нечерноземных промышленных губерний, где широко был развит отход крестьян на заработки и преобладали оброчные и смешанные имения, большую ценность для дворян представляла сама личность крестьянина. Унковский предлагал в записке Александру II освободить крестьян с землей без какого бы то ни было переходного состояния, с вознаграждением помещиков как за землю, отходящую в надел крестьянам, так и «за самих освобожденных крестьян»⁷⁵. При этом выкуп земли осуществлялся самими крестьянами, а выкуп личности крестьянина возлагался на государство.

В губерниях чисто земледельческих, и в особенности черноземных и густонаселенных, помещики выражали, наоборот, готовность отпустить своих крепостных на волю хотя бы и безвозмездно, но без всякого земельного надела. Наиболее ловкие из них, как например полтавский помещик М. П. Позен⁷⁶ понимали, что на это трудно получить согласие правительства и что такая реформа не может быть произведена разом без всеобщего потрясения. Позен предлагал отдать крестьянам только усадьбы. Вопрос о наделении крестьян пахотной землей он полагал оставить на усмотрение помещиков. Эти взгляды были изложены им в двух «Записках о мерах освобождения крепостных крестьян»⁷⁷.

Помещики слабонаселенной степной полосы соглашались предоставить крестьянам более значительные наделы, но требовали обязать их в течение переходного периода 10—12 лет работать на помещиков, пока те не переведут свои хозяйства на использование наемной рабочей силы. Интересы этих помещиков отражал проект Ю. Ф. Самарина, дворянина малонаселенного степного Поволжья. Его предложения были опубликованы в 1858 г. в журнале «Сельское благоустройство»⁷⁸.

При всех разногласиях между либералами и крепостниками их объединяла одна общая цель — сохранить за помещиками господствующее положение в стране и их власть.

Между тем Ростовцев в это время совершил четырехмесячную поездку за границу для тщательного изучения крестьянско-

го вопроса и оттуда (из Вильдбада, Карлсруэ и Дрездена) послал Александру II четыре письма в августе—сентябре 1858 г. с изложением своих соображений о крестьянской реформе⁷⁹.

Царь летом и осенью того же года предпринял поездку по России, в ходе которой в Вологде, Твери, Костроме, Нижнем Новгороде, Владимире, Москве, Смоленске и Вильне заявлял о своей бесповоротной решимости освободить крестьян и призывал дворян поддержать готовящееся преобразование:

«Этот близкий сердцу моему вопрос слишком важен для будущности России. Надеюсь, что вы в этом, так сказать, жизненном вопросе оправдаете вполне мои ожидания, покончите его, при помощи Божьей, без обиды как для себя, так и для крестьян...»⁸⁰

Во Владимире 23 августа Александр II выразил неудовольствие дворянам по поводу предпринятого одним из них насильственного переселения своих крестьян в Сибирь и строго прибавил: «Надеюсь, что слова мои не останутся втуне»⁸¹.

Еще строже звучала царская речь, обращенная к московскому дворянству 31 августа: «...Когда вследствие вызова Петербургской и Литовских губерний были даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидал, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а Московская губерния — не первая, не вторая, даже не третья. Это мне прискорбно, потому что я горжусь тем, что я родился в Москве, всегда ее любил, когда был наследником, люблю ее теперь, как родную...» Перечислив главные основания, изложенные в рескриптах, глава империи продолжал: «Я люблю дворянство, считаю его первой опорой престола. Я желаю общего блага, но не желаю, чтобы оно было в ущерб вам, всегда готов стоять за вас, но вы для своей же пользы должны стараться, чтобы вышло благо для крестьян...»⁸²

Двухмесячное путешествие царя имело большое значение. Тысячи людей слышали из уст властителя государства о непреклонной воле его отменить крепостное право. Благодаря Александру II в отсталой России развернулась колоссальная по масштабу общенациональная кампания за отмену многовекового рабства. Вопрос об освобождении крестьян повсюду стал обсуждаться публично. Царь сам держал в руках все нити управления реформой.

Возвратившись в Петербург, Александр II на заседании Главного комитета 18 октября повелел «принять к надлежащему руководству новую программу» в свете идей, высказанных Ростовцевым в его письмах. Программа эта предусматривала: во-первых, чтобы крестьянин немедленно почувствовал, что был его улучшен; во-вторых, чтобы помещик немедленно успокоился, зная что интересы его ограждены, и в-третьих, чтобы сильная власть ни на минуту не колебалась⁸³.

4 декабря 1858 г. Главным комитетом была принята новая программа реформы. В отличие от первоначальной она не ограничивалась только личным освобождением крестьян, а предус-

матривала постепенную ликвидацию феодальных отношений вообще. По новой программе крестьяне с самого начала получали личную свободу и собственное управление, независимое от власти помещика. Свои земельные наделы они могли выкупать в собственность при финансовом содействии правительства, но при условии согласия на это помещика.

До перехода на выкуп крестьяне должны были нести определенные повинности в пользу помещиков. Помещикам, стремившимся перейти к капиталистическому сельскому хозяйству, новая программа позволяла сразу перевести крестьян на выкуп, а помещикам, опасавшимся такого перехода, она давала возможность сохранить феодальные повинности крестьян на продолжительное время.

Большинство проектов губернских комитетов, составленных по старой программе, требовало значительной переработки.

Редакционные комиссии Под воздействием различных факторов проекты крестьянской реформы неоднократно менялись. 19 февраля 1859 г. для рассмотрения проектов губернских комитетов и составления проекта закона об освобождении крестьян были созданы Редакционные комиссии⁸⁴. Вначале по предложению Ланского и Ростовцева были созданы две редакционных комиссии: одна для составления общей части крестьянских положений, другая — для выработки местных положений. 4 марта последовало открытие общего присутствия комиссий. Позже высочайшим повелением 29 апреля 1859 г. была создана третья — финансовая комиссия для рассмотрения предложений о финансовых мерах к облегчению крестьянам выкупа земельных угодий⁸⁵. Фактически была создана одна комиссия, в составе нескольких отделений, сохранившая старое наименование во множественном числе «Редакционные комиссии».

Непременными членами первых двух комиссий были назначены: С. М. Жуковский и Я. А. Соловьев; членами от Министерства внутренних дел — А. К. Гирс и Н. А. Милютин; от Министерства юстиции — М. Н. Любоцинский и Н. П. Семенов; от II Отделения собственной его величества канцелярии — Н. В. Калачов и А. Н. Попов; от Министерства государственных имуществ — В. И. Булыгин и др.; от удельного ведомства — И. П. Арапетов⁸⁶. В состав финансовой комиссии вошли: Ю. А. Гагемейстер, М. Х. Рейтерн, Е. И. Ламанский и А. П. Заблоцкий-Десятовский, К. И. Домонтович⁸⁷.

Кроме того, в состав комиссий вошли так называемые члены-эксперты из помещиков (21 чел.), среди которых выделялись своим либеральным образом мыслей: Г. П. Галаган, В. В. Тарновский, Н. И. Железнов, Ю. Ф. Самарин, А. Н. Татаринов и князь В. А. Черкасский⁸⁸. Среди членов-экспертов были представители и от науки: Н. Х. Бунге — ректор Киевского универси-

тета и П. П. Семенов, будущий Тян-Шанский, статистик⁸⁹. Председателями комиссий были назначены С. М. Жуковский, П. А. Булгаков⁹⁰ и Н. А. Милютин. Общее руководство Редакционными комиссиями осуществлял генерал-адъютант Ростовцев, сыгравший выдающуюся роль в подготовке реформы. Он не жалел ни сил, ни времени, неустанно защищая крестьянские интересы. По выражению современников, Ростовцев «обращается из реакционера в ревностного прогрессиста и отчаянного эмансипатора»⁹¹.

В целом, без преувеличения, следует признать, что Ростовцев при поддержке императора сумел собрать необычайный орган единомышленников, великолепный коллектив из лучшей части общества, аристократов мысли, цвет либеральной бюрократии, способный решить стоящую перед ними сложнейшую проблему.

Хотя по совету Александра II в комиссии были введены крупные крепостники П. П. Шувалов, И. Ф. Паскевич-Эриванский, С. П. Голицын, В. В. Апраксин⁹², М. П. Позен, в основном состав их был либеральным.

Из 38 членов комиссий только 5 членов-экспертов и один член от правительства (В. И. Булыгин) принадлежали к противникам эмансипации и два или три члена колебались во взглядах.

Ростовцев с первых шагов принимал все меры для сплочения членов комиссий, создания здоровой нравственной атмосферы и творческой обстановки. Он отказался от традиций деятельности департаментов и министерств.

4 марта 1859 г. по его приглашению собрались 10 членов Редакционных комиссий. Как вспоминает Николай Семенов, на Васильевском острове, в квартире Ростовцева «всех приехавших принимала супруга его, Вера Николаевна... Сначала отслушали молебен, с коленопреклонением, о благополучном начинании дела и его совершении... Всякое стеснение и принуждение с самого начала были изгнаны из собрания. Подавали чай, курили, и беседа шла свободно»⁹³.

На этом первом, вечернем, заседании, которые стали традиционными, Ростовцев сказал, что «вначале мы должны спеваться некоторое время, пока приедут наши товарищи, члены-эксперты, опытные помещики, это для нас очень важно... Мы приступаем к делу щекотливому. Мы можем быть разных мнений и взглядов. Между нами могут произойти горячие и раздражительные споры и несогласия, а потому мы все должны заранее простить друг другу огорчения, если бы у нас вышло что-нибудь неприятное, и я первый теперь же прошу у всех вас прощения, если бы неумышленно, хотя одним словом, кого-нибудь обидел»⁹⁴.

Забываясь о создании условий работы, Ростовцев собрал все тома двух изданий Полного собрания законов Российской импе-

рии и Свода законов 1857 г., все частные проекты реформы, специальные журналы и оттиски статей по крестьянскому вопросу, в том числе и листы герценовского «Колокола», которые посылались комиссии III Отделением с. е. и. в. канцелярии⁹⁵.

Ростовцев добился, чтобы уже 6 марта, на третий день заседаний комиссий их члены были представлены Александру II. Радушно приняв сотрудников Ростовцева, император обратился к ним с речью: «Я желаю только блага России, — подчеркнул он. — Вы призваны, господа, совершить большой труд. Я буду уметь оценить его. Это дело щекотливое, я знаю. Мой выбор пал на вас: обо всех вас я слышал от вашего председателя; он мне всех рекомендовал. Я уверен, что вы любите Россию, как я ее люблю, и надеюсь, что исполните все добросовестно и оправдаете мое к вам доверие. На случай сомнения и недоразумений при исполнении моих предначертаний посредником между вами и мной будет ваш председатель, он будет доводить обо всем происходящем до моего сведения. Я надеюсь, что с вами мы приведем это дело к благополучному окончанию. Да поможет вам Бог в этой трудной работе, я вас не забуду. Прощайте»⁹⁶.

После этого царь пожал руку Ростовцеву и поцеловал его. Так рассказывает об этом Николай Семенов. Несомненно, прием Александром II способствовал повышению авторитета Редакционных комиссий.

В своей самоотверженной деятельности Ростовцев опирался на группу людей, близко узнавших друг друга, благодаря подвижничеству великой княгини Елены Павловны. Будучи восторженной сторонницей крестьянской реформы, она помогла сблизиться между собой членам Главного комитета и Редакционных комиссий. Елена Павловна приняла самое горячее участие в работе членов комитета и комиссий, постоянно была самой старательной посредницей между ними и царем. Правой рукой Ростовцева в Редакционных комиссиях был Н. А. Милютин. «Честный кузнец-гражданин», как назвал его Н. А. Некрасов, неразрывно связал свое имя с великим делом крестьянской реформы. Обладая железной волей, ясным, живым умом, неподкупной честностью, он умел сразу схватить суть дела, понять его практическую направленность. Ростовцев очень высоко ценил Милютина и говорил про него: «Это наша нимфа Эгерия»⁹⁷. Н. А. Милютин был главным двигателем реформы.

Как уже отмечалось, в начале царствования Александра II печать получила некоторую свободу. К сожалению, ее было недостаточно для энергичной борьбы с реакционерами. Нужен был свободный и независимый орган печати, который бы беспощадно боролся со всеми язвами русской жизни.

Таким органом стала знаменитая заграничная газета А. И. Герцена «Колокол», издававшаяся с 1857 г. Как ни странно, с

мнениями «Колокола» по крестьянскому вопросу считался сам Александр II, а у Ростовцева «Колокол» всегда лежал на рабочем столе для справок. Для защиты крестьянских интересов немалое значение имела деятельность Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова⁹⁸, писавших в журнале «Современник».

Между тем работа Редакционных комиссий продолжалась при самом искреннем и горячем руководстве ими Я. И. Ростовцева, который «думал об истории, верил в ее верховный суд, мечтал о почетной для себя странице на ее свитках»⁹⁹.

Если Секретный комитет в 1857 г. провел 11 заседаний, а Главный комитет за 1858 г. имел их 28, то Редакционные комиссии за год и семь месяцев провели 409 заседаний. С самого начала работа комиссий, этого мозгового центра реформаторов, велась гласно, открыто, в предельно ускоренных темпах, на редкость в непринужденной атмосфере, которую смог создать Я. И. Ростовцев. 20 мая 1859 г. он заявил в общем присутствии: «Я бы очень желал, чтобы нам не слишком торопиться: оно было бы вернее... откладывать, однако, нам нельзя, нужно спешить; все мы должны понимать, что Россия снята, так сказать, с пьедестала — она теперь на блоках»¹⁰⁰. Комиссии составили все основные документы реформы. Рассылаемые в 3 тысячи экземпляров «Труды» комиссий вызвали горячую поддержку либералов и яростные возражения крепостников.

Проект реформы, составленный Редакционными комиссиями к августу 1859 г.¹⁰¹, существенно отличался от предложенного губернскими комитетами в смысле увеличения земельных наделов и уменьшения повинностей. Впоследствии он претерпел ряд изменений сообразно с заключениями вызванных для его обсуждения в столицу депутатов от губернских комитетов: два члена из каждой губернии, один от большинства и один от меньшинства.

Согласно утвержденной царем 11 августа 1859 г. инструкции было предложено 15 августа представителям 21 губернского комитета или, как их называли «депутатам первого призыва», собраться в Петербург для того, чтобы принять участие в совещаниях по крестьянскому вопросу, как это было обещано лично, в нескольких местах, государем. Съехалось всего 36 человек, из которых 9 представляли мнение меньшинства в комитетах, а 27 человек выражали взгляды большинства, т. е. из крепостнической партии.

Зная, с какими намерениями съехалось в Петербург большинство депутатов, 25 августа на первом же общем собрании Ростовцев зачитал им высочайше данную ему инструкцию, по которой депутаты получили название «членов, избранных губернскими комитетами». Инструкция определяла их обязанности, что вызвало сильное неудовольствие депутатов. Даже после 4 сентября, где при приеме депутатов Александр II лично подтвердил свою волю о недопустимости обсуждения ими крестьян-

ского положения по существу, депутаты, получив возможность находиться в столице до 10 октября, повсюду возводили разнообразные обвинения на Редакционные комиссии. Больше всего они старались оклеветать сторонников освобождения крестьян и особенно Ростовцева. Являясь человеком прямым, не привыкшим к интригам, Ростовцев близко к сердцу принял нападки депутатов, склонявших его имя по всему Петербургу.

В конце октября 1859 г. Яков Иванович заболел желчной лихорадкой, в январе 1860 г. слег в постель и утром 6 февраля умер в присутствии Александра II. Последние слова его были «Государь... не бойтесь»¹⁰².

Спустя шесть дней после смерти Ростовцева председателем Редакционных комиссий стал министр юстиции граф В. Н. Панин, «типичнейший представитель консерватизма николаевских времен». Крепостники с восторгом приняли это назначение. Панин был известен всем как ярый крепостник, формалист, рутинер, буквоед-законник и деспот-самодур.

Назначение Панина вызвало сильное беспокойство среди людей, преданных делу реформы. Великая княгиня Елена Павловна выразила свое удивление царю. На что Александр ответил ей: «Вы не знаете характера графа Панина. У него вовсе нет убеждений и будет только одна забота угодить мне»¹⁰³.

21 февраля Александр II принял депутатов второго созыва, где вновь подтвердил свою непреклонную волю улучшить быт крестьян. Тем временем споры на заседаниях Редакционных комиссий принимали острый характер. Члены комиссий во все глаза глядели за уловками своего председателя графа Панина и часто выводили его, как говорится, на чистую воду. Наконец, 11 июня 1860 г. было образовано кодифицированное отделение комиссий для редактирования текста закона. 10 октября¹⁰⁴ Редакционные комиссии закончили свою работу.

В течение года и семи месяцев члены их работали не покладая рук. За это время они подробно рассмотрели проекты всех губернских комитетов, составили общий свод их предложений, изложили в строгой последовательности и ясности свои соображения по всем вопросам, касающимся будущего устройства крестьян и дворовых людей, выходящих из крепостной зависимости, собрали множество статистических данных. Собрание материалов, рассмотренных Редакционными комиссиями, составило 35 обширных томов. Наконец, после этой многосложной работы комиссиями «составлены проекты положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и переданы на обсуждение Главного комитета»¹⁰⁵. В этих положениях предусматривалось возможно скорее освободить крестьян от крепостной зависимости и наделить в их собственность земель не только усадебной, но и пахотной. При выкупе ими земли предусматривалась помощь от казны. Александр II дал высокую оценку трудам комиссий.

1 ноября 1860 г. Александр II поблагодарил членов Редакционных комиссий и графа Панина за их добросовестные труды¹⁰⁶.

Следует отметить, что незадолго перед этим властителя России постигло личное горе. 20 октября в 8 часов утра в Александровском дворце Петербурга скончалась его мать — императрица Александра Федоровна¹⁰⁷.

Известно, что незадолго до своей смерти императрица сказала о готовящемся освобождении крестьян: «Два брата, император Александр и император Николай, полстолетия подготавливали это дело: да поможет Бог сыновьям моим осуществить его!»¹⁰⁸

Теперь два ее сына — император Александр II и великий князь Константин Николаевич предпринимали последние усилия к завершению великого дела. Напомню, что в октябре 1860 г. из-за болезни князя А. Ф. Орлова Константин Николаевич был назначен председателем Главного комитета, что было радостно встречено сторонниками реформы.

Проекты положений вызвали острую полемику и борьбу между членами комитета. Соглашение было достигнуто лишь после сорока пяти заседаний продолжительностью по шести и более часов. «Нужно отдать справедливость великому князю — председателю, — писал А. В. Головин, — что все члены пользовались полною свободою выражать свои мнения, и нужно прибавить, что по своей молодости, по своим физическим силам, уму и памяти, которыми природа так счастливо наделила великого князя, и по прилежанию, он оказался лучше знающим дело, чем все члены»¹⁰⁹. К сожалению, проект «Положений» в целом претерпел изменения в сторону ухудшения.

26 января 1861 г. прошло последнее объединенное заседание Главного комитета с Советом министров под личным председательством Александра II. 28 января обсуждение проекта о крестьянах продолжилось на общем собрании Государственного совета. Заседание было открыто краткой речью Александра II, в которой он выразил решительное требование окончить дело в Государственном совете к половине февраля¹¹⁰.

Император изложил историю крепостного права, ход работы, проведенной по делу освобождения и призвал членов Государственного совета чтобы они, «отложив все личные интересы, действовали как государственные сановники».

Заседания Государственного совета продолжались две с половиной недели.

После постатейного обсуждения проекта «Положений» он был еще более ухудшен. Большая часть членов совета настояла на некотором уменьшении предельных норм надела для многих уездов и на допущении, при условии добровольного соглашения, «Гагаринского» или нищенского надела в одну десятину, без обложения такового выкупными платежами.

2. Проведение реформы

**Обнародование
Манифеста и «Положений
19 февраля 1861 г.»**

18 февраля 1861 г. Александр II молился в Петропавловском соборе на гробнице своего отца. На другой день государственный секретарь В. П. Бутков отвез в Зимний дворец проект Манифеста, составленный престарелым митрополитом московским Филаретом, и «Положения» об освобождении крестьян для подписания. Император остался один в своем кабинете, помолился в уединении и подписал акт освобождения в 6-ю годовщину своего воцарения¹¹¹. Помимо «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», самодержец утвердил еще 16 законодательных актов, органично связанных с первым: 4 общих «Положения», влиявших на все помещичьи имения (о выкупе, о дворовых и пр.), 4 «Положения» о поземельном устройстве крестьян в главных районах империи (в Великороссии, на Украине, в Белоруссии и Литве) и 8 специальных законов, носивших дополнительный характер (о крестьянах мелкопоместных владельцев, о горнозаводских рабочих и др.)¹¹². Кроме того, был подписан также Указ об учреждении Главного комитета об устройстве сельского состояния (вместо закрытого Главного комитета по крестьянскому делу)¹¹³.

Рабские цепи крепостного права пали, разбитые объективными потребностями времени, долгими чаяниями народа и дружными стараниями его друзей. Для страны наступила новая жизнь. По словам М. П. Погодина, царь испытывал в этот день великую радость. «Сегодня — лучший день моей жизни! — говорил Александр II. — Он и плакал, и смеялся, и деточек целовал, и близких обнимал, спрашивал, рассказывал. Окружавшие диву давались, глядя на него. Машенька дочка побежала к своей образной, вынула образочек Благовещения и принесла ему в подарок на память о дне крестьянского освобождения»¹¹⁴.

Как повествует в своей записке «Ночь с 18 на 19 февраля 1861 года» один из корреспондентов «Колокола», отставной чиновник Э. П. Перцов, в Петербурге в этот день были приняты чрезвычайные меры. Войскам выдали боевые патроны, офицерам было запрещено отлучаться из казарм¹¹⁵. В своей памятной книжке Александр II записал 19 февраля: «День совер[шенно] спок[ойный], несмотря на все опасения. Особ[ые] меры предосторож[ности] по войск[ам] и полиц[ии]»¹¹⁶.

Манифест держали в секрете две недели только потому, что через неделю, 26 февраля, начиналась Масленица. «Боялись, — как отмечает теоретик анархизма П. А. Кропоткин, — что в деревнях пьянство в эти дни вызовет бунты»¹¹⁷.

2 марта Манифест был объявлен в сенате. 5 марта, в так называемое «прощеное воскресенье» он был обнародован в Петербурге и Москве в церквах, после обедни.

В Михайловском манеже о великом событии офицерам рассказал сам Александр II, встреченный долго несмолкавшим «ура». При выходе из манежа царь был встречен массами благодарного народа и тут же словами Манифеста объявил ему столь долгожданную волю.

«Было два часа, — отмечает в своих воспоминаниях Г. Д. Щербачев, — на Царицыном лугу было народное гулянье; плац был полон народом. Издали послышались крики «ура». Государь ехал с развода. По мере того как он приближался, крики «ура» становились все громче и громче; наконец, когда государь подъезжал к плацу, толпа заколыхалась, шапки полетели вверх, раздалось такое «ура», от которого, казалось, земля затряслась. Никакое перо не в состоянии описать тот восторг, с которым освобожденный народ встретил своего царя-освободителя. Я счастлив, что мне пришлось в моей жизни видеть этот народный энтузиазм, не поддающийся описанию!»¹¹⁸

С 7 марта по 2 апреля в период Великого поста Манифест был обнародован повсеместно, во всех концах России (последним пунктом был Кишинев). В деревенских церквях он прочитывался после богослужения священниками.

Главным содержанием реформы была отмена крепостного права, как официально именовалось право собственности помещика на крестьян.

Лучшие умы России давно уже называли это состояние рабством. Борьбу против рабства считали главной задачей декабристы, что было прямо записано в «Русской Правде» П. И. Пестеля и в «Конституции» Н. М. Муравьева. Хотя то, что предлагали декабристы для крестьян, выглядит незначительным и смехотворным по сравнению с реформой Александра II.

В середине XIX в. пало рабство и в США, где оно имело много общего с крепостным правом в России. В обеих странах не было рабовладельческой формации, а был феодализм. Теперь эти вековые цепи рабства разорвались.

Непосредственное наблюдение за введением «Положений» и вообще за ходом всего крестьянского дела на местах было сосредоточено в Министерстве внутренних дел по земскому отделу. Вслед за изданием «Положений» деятельность министерства была направлена на то, чтобы Манифест и прочие законоположения о крестьянах были доведены до помещиков и крестьян сразу же по получении их на месте, дабы предупредить все превратные толки и недоразумения.

В этих целях министерство заранее распорядилось: 1) о составлении по каждому уезду списков всех помещичьих имений и приходов; 2) о подготовке необходимых средств для развозки по уездам, для быстрой и одновременной доставки во все приходы и помещичьи имения экземпляров Манифеста и «Положений» и 3) о немедленном образовании из учрежденных в каждой

губернии временных комиссий — губернских по крестьянским делам присутствий.

Как только Манифест и «Положения» были отпечатаны в количестве 200 тыс. экземпляров, немедленно были приняты меры к их рассылке. При развозке Манифеста народ оказывал всяческое содействие по скорейшей доставке его на место; крестьяне сами вызывались доставлять курьеров и перевозили их от одного селения к другому с необыкновенною поспешностью. В Кинешемском уезде Костромской губернии был даже такой случай, что крестьяне отпрягли лошадей у чиновника, объявлявшего Манифест, и везли его на себе несколько верст¹¹⁹.

Объявление свободы было воспринято крепостными людьми с полною признательностью к царю-освободителю. Многие ожидали, что дарованная свобода будет встречена шумным разгулом. Между тем особенного пьянства нигде не было обнаружено. Напротив, отовсюду приходили известия, что потребление вина заметно уменьшилось. Слушая «Манифест 19 февраля», благодарный народ благоговейно крестился, клал земные поклоны, ставил свечи к образам и служил молебны за здоровье Александра II, «не довольствуясь одними общими молебствиями, отправленными повсеместно»¹²⁰.

Но вслед за тем, как это всегда бывает в подобных случаях, — после проявлений безграничной радости наступила трудная пора в общем ходе дела.

«Положения 19 февраля 1861 г.» распространялись на 44 губернии Европейской России, в которых насчитывалось 22 563 тыс. крепостных и 543 тыс. приписанных к частным заводам и фабрикам. Основными вопросами, которые разрешались законами 19 февраля 1861 г., были: правовое положение крестьян, их надель и повинности, выкуп земельных угодий крестьянами и организация крестьянского управления. Естественно, феодальные отношения в деревне были уничтожены не в один день, а искоренялись в течение долгих десятилетий.

В Манифесте говорилось, что крестьяне в течение двух лет (до 19 февраля 1863 г.) должны отбывать те же самые повинности, что и при крепостном праве. С момента объявления Манифеста отменялись лишь так называемые добавочные, натуральные сборы (ягодами, грибами, яйцами, маслом, льном, холстом, шерстью и т. п.), барщина ограничивалась двумя женскими и тремя мужскими днями с тягла в неделю (тягло в XVIII—XIX вв. — единица обложения государственными и помещичьими повинностями, обычно один крепостной и одна крепостная составляли одно тягло).

Несколько сокращалась подводная повинность (подвода — конная повозка), запрещался перевод крестьян с оброка на барщину и в дворовые¹²¹. Постепенно за 2 года, начиная с 19 февраля 1861 г., должны были быть составлены уставные грамоты, определявшие конкретные условия освобождения крестьян. С

момента принятия уставных грамот крестьяне переводились на положение «временнообязанных», т. е. продолжали нести регламентированные «Положениями» феодальные повинности: платить оброк или выполнять барщину. Завершающим актом в ликвидации феодальных отношений являлся перевод крестьян на выкуп. После выкупа они именовались крестьянами-собственниками.

Правовое положение крестьян

Манифест и «Положения 19 февраля 1861 г.» законодательно закрепляли общие права и

обязанности крестьян. С момента обнародования закона крестьяне получали личное освобождение. Отменялась собственность на работника, существовавшая несколько веков. Прекращалось право помещиков распоряжаться личностью крестьян, т. е. продавать, покупать, дарить, проигрывать в карты, менять на собак, закладывать их, как вещи, произвольно переселять с места на место, отдавать в услужение и работу, подвергать наказаниям и др. Крестьяне сразу получали личные и имущественные права. Личные права позволяли свободно вступать в брак без разрешения помещиков, самостоятельно заключать договоры и обязательства с частными лицами и с казною, заниматься торговлей и промышленностью, вести судебные дела — гражданские и уголовные.

Помимо этого, крестьяне, «как свободные сельские обыватели», по собственному желанию могли участвовать в органах общественного самоуправления, переходить в другие сословия (мещанские, купеческие и др.), отлучаться с места своего жительства, поступать на военную службу и в «общие учебные заведения».

Имущественные права позволяли приобретать движимую и недвижимую собственность, свободно пользоваться и распоряжаться выкупленными земельными угодьями, наследовать имущество, согласно местным обычаям.

Вместе с тем «Положения» реформы сохраняли многочисленные остатки прежней системы внеэкономического принуждения. Крестьяне оказались в положении сословия, ограниченного в своих правах. Вплоть до заключения выкупных сделок с помещиками, крестьяне считались на положении временнообязанных и должны были подчиняться вотчинной власти помещика, который мог предъявлять им всякого рода требования через сельского старосту. Помещик сохранял право опеки над крестьянами, «представительства» их интересов на суде, даже если они этого не желали. Он имел право приостановить выполнение любого постановления сельского схода, требовать смены выборных должностных лиц сельского управления и удаления из общины негодного ему крестьянина. В течение первых 9 лет после опубликования реформы 1861 г. крестьянин не мог отказаться от

земельного надела. Он был связан круговой порукой за исправное отбывание денежных и натуральных повинностей. Исправные плательщики сельского общества обязаны были уплачивать взносы за неисправных.

До введения всеобщей воинской повинности 1 января 1874 г. крестьяне отбывали рекрутскую повинность, до 1 января 1887 г. платили подушную повинность, до 11 августа 1904 г. подвергались телесным наказаниям, от чего были освобождены привилегированные сословия (дворянство, духовенство и купечество).

Органы проведения реформы

Проведение реформы потребовало создания определенной системы управления крестьянами, незави-

симо от существовавших различных ведомств и «влияния» помещиков.

Высшим органом был учрежден Главный комитет об устройстве сельского состояния¹²², заменивший Главный комитет по крестьянскому делу. Он подчинялся непосредственно императору и был учрежден 19 февраля 1861 г. Председателем комитета был великий князь Константин Николаевич. Средним звеном являлось губернское по крестьянским делам присутствие, председателем которого был гражданский губернатор. Членами присутствия были губернский предводитель дворянства, управляющий госимуществом и четыре местных помещика. В состав присутствия входили также два члена «от правительства» (как правило, назначаемых из местных помещиков). Естественно, большинство споров, возникавших в ходе реформы, разрешалось в пользу помещиков.

Непосредственное практическое проведение реформы ложилось на низшее звено — мировых посредников¹²³. Основной задачей мировых посредников было документальное оформление новых отношений между помещиками и крестьянами в соответствии с «Положениями 1861 г.», т. е. составление уставных грамот. Мировой посредник также осуществлял надзор за сельским самоуправлением, утверждал избранных должностных лиц — волостного старшину, сельского старосту и др., при необходимости наказывал их, отрешал от должности.

По отношению к крестьянам он обладал судебно-полицейской властью. Разбирал споры с иском, не превышающим 30 руб. (потравы, порубки и др.), мог арестовать до 7 дней с наказанием розгами до 20 ударов. Мировые посредники назначались из числа местных дворян-помещиков по представлению губернаторов совместно с губернскими предводителями дворянства. В губерниях число мировых посредников в среднем составляло от 30 до 50. Мировой участок состоял из 3—5 волостей. В большинстве губерний мировые посредники вступили в должности и начали свою деятельность с 15 июня 1861 г. В июле 1861 г. в

44 губерниях страны действовало 1714 мировых посредников и 444 мировых съезда¹²⁴.

Начало деятельности мировых учреждений оказало благотворное влияние на ход крестьянской реформы: беспорядки стали постепенно уменьшаться и не имели уже острого характера; крестьяне начали склоняться на добровольные соглашения.

В первое время положение мировых посредников было довольно сложное: примирять интересы крестьян, не понимавших своего нового положения, с интересами помещиков, трудно привыкших к новому порядку.

Но выбор мировых посредников первого состава был вполне удачный, и они с достоинством выполнили главную свою задачу — установления правильных и мирных отношений между помещиками и крестьянами на началах, указанных в положении. Односторонность взгляда, неопытность и неверное понимание своего призвания представляли случаи довольно редкие и своевременно принятыми мерами всегда устранялись.

Несмотря на свою сословную принадлежность, многие мировые посредники все же сдерживали помещичье своеволие.

В первом составе, например, в числе гуманно настроенных мировых посредников активно трудились Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой, П. Н. Обнинский, братья Н. А. и А. А. Бакунины, бывшие декабристы А. Е. Розен, Г. С. Батеньков¹²⁵ и др.

В разных местах наиболее ненавистные дворянам мировые посредники подвергались нередко различного рода нападениям и более или менее крупным неприятностям в дворянских собраниях. Например, князь В. А. Черкасский, принявший должность мирового посредника несмотря на ненависть к нему местных помещиков, отправляясь на дворянское собрание в 1861 г., составил на всякий случай духовное завещание, предвидя возможность тяжелых столкновений с дворянами¹²⁶.

Мировые посредники были подотчетны уездному съезду мировых посредников, а съезд, в свою очередь, отчитывался перед губернским по крестьянским делам присутствием. К сожалению, мировые посредники первого состава недолго оставались на своих местах. С окончанием двухлетнего срока, назначенного «Положением 19 февраля» для введения в действие уставных грамот, многие посредники, сочтя свою задачу выполненною, возвращались к своим прежним занятиям, другие же стали переходить на службу во вновь образованные земские, городские и судебные учреждения. Сменявший их новый состав посредников, в каждое следующее 3-летие, на которое избирались посредники, оказывался все слабее.

Во всеподданнейших отчетах за 1868 г. из 28 губернаторов, касавшихся деятельности мировых посредников, 25 единогласно заявили, что большинство посредников того времени отличалось равнодушием к своим обязанностям и бездействием. Со своей стороны, земства постоянно указывали на обременительность

двойных издержек: на содержание мировых судей и посредников, ходатайствуя о возможном облегчении их в этом отношении¹²⁷. В этих целях еще в конце 1868 г. была начата разработка вопроса о преобразовании крестьянских учреждений на началах, более соответствующих тогдашнему положению крестьянского дела.

Тем временем постоянно изыскивались средства к уменьшению расходов земства на содержание мировых по крестьянским делам учреждений. Первоначальный расход земства на содержание этих учреждений в 4 080 300 руб. ко времени их преобразования был доведен до 2 631 700 руб. Высочайше утвержденным 27 июня 1874 г. «Положением» Главного комитета об изменениях в устройстве местных по крестьянским делам учреждений, взамен мировых посредников и их съездов, составлявших по «Положению 19 февраля 1861 г.» две отдельные инстанции, образовано одно коллегиальное учреждение, в состав которого вошли представители: земства, администрации и суда, а также особый неперменный член, который назначался министром внутренних дел из двух кандидатов, избранных предварительно губернским земским собранием из местных дворян-землевладельцев. При этом дела по спорам между помещиками и крестьянами, возникшим уже после прекращения между ними обязательных отношений, были переданы в общие судебные учреждения, по засвидетельствованию актов и сделок — в общие нотариальные учреждения, по поземельному устройству — возложены исключительно на неперменных членов, а по взысканию сборов и повинностей — на исправников, все же остальные дела, лежавшие на обязанности посредников и съездов, были сосредоточены в уездном по крестьянским делам присутствии¹²⁸.

Состав губернских присутствий был сокращен. Исполнение высочайше утвержденных 27 июня 1874 г. правил производилось постепенно, с конца 1874 г. до августа 1875 г., и затем распространено на губернии, где еще не были введены земские учреждения¹²⁹.

Уставные грамоты

Как отмечалось выше, главным делом мировых посредников (в первые два года) по объявлении воли была поверка, составление и введение Уставных грамот. Уставная грамота являлась документом, закреплявшим конкретные условия выхода крестьян из крепостной зависимости. Фиксировала момент перехода крепостных во «временнообязанное состояние» и определяла социально-экономические условия этого состояния. Она включала в себя название селения, чин и фамилию помещика, размер пореформенного надела и повинностей и др. В ней оговаривались особые права помещиков. Подписывалась она помещиком или его доверенным лицом и крестьянскими поверенными. Обычно каждая Уставная грамота сопровождалась несколькими приложениями:

актами и сельскими приговорами, протоколами действий мирового посредника, постановлением мирового съезда, утверждавшим грамоту и др. Грамота должна была составляться на каждое селение в отдельности (что не всегда соблюдалось). На составление каждой Уставной грамоты требовалось немало времени. Часто для одной грамоты приходилось выезжать несколько раз, из-за встречавшихся недоразумений, возражений крестьян и т. п.

«Положениями 19 февраля 1861 г.» предписывалось составить, рассмотреть и ввести в действие все Уставные грамоты в 2-летний срок.

Дело это оказалось настолько сложным, что в указанный срок не было возможности ввести все грамоты. К 19 февраля 1863 г. грамоты были введены лишь в 12 губерниях; окончательно же и повсеместно это дело завершилось только во 2-й половине 1864 г. Всех грамот оказалось до 120 тыс.¹³⁰. Большинство из них было составлено помещиками без участия крестьян, так как последние отказывались не только от добровольных соглашений с помещиками, но и от принятия грамот по введению их в действие. Подписано крестьянами было менее 50% Уставных грамот¹³¹. Между крестьянами распространился в то время слух о новой воле и они начали уклоняться от принятия Уставных грамот, полагая, что лишат себя прав, связанных с новой волей. Но терпеливое разъяснение крестьянам неосновательности возникших слухов и в то же время неуклонное требование от них исполнения законных обязанностей вскоре прекратили все недоразумения.

Приведение в исполнение Уставных грамот немедленно вызвало потребность разграничить (разверстать) общие и чересполосные господские угодья с мирскими.

«Положением 19 февраля 1861 г.» помещикам предоставлялось право потребовать обязательного для крестьян разверстания в течение 6 лет, начиная с 19 февраля 1863 г. Многие помещики, составив грамоты в срок до двух лет, домогались в то же время немедленного отделения своих угодий от крестьянских. Вследствие этого разрешено было заявлять требование о разверстании в Уставных грамотах, прилагая к ним и самые проекты распределения земель с тем, чтобы по окончании 2-летнего срока можно было приступить к их реализации. При этом заранее были приняты меры к усилению необходимых межевых средств и изданы правила для упрощения разграничения земель. Обеспечив успешный ход дела по исполнению требований помещиков о разверстании, Министерство внутренних дел следило за тем, чтобы разверстанием не были нигде нарушены поземельные права крестьян, утвержденные за ними Уставными грамотами. При таких условиях это важное и сложное дело было доведено до конца без всяких недоразумений¹³².

Впоследствии окончательно установившиеся поземельные отношения крестьян с помещиками в основном не нарушались.

Крестьяне в большинстве случаев перешли с издельной повинности на оброчную, причем повинности свои помещику отбывали везде исправно. Случаи накопления недоимок почти всегда объяснялись каким-либо хозяйственным бедствием. Для облегчения крестьян в таких случаях допускались временные отсрочки в казенных платежах.

С наступлением второго из указанных в «Положении» сроков, 9-летнего, т. е. с 19 февраля 1870 г., крестьяне получали право отказываться от обязательного пользования своим земельным наделом и могли свободно переходить в другие общества и сословия.

Наконец, последний 20-летний срок установил неизменным тот денежный оброк, который определен был за крестьянский надел по Уставным грамотам. С окончанием этого срока 19 февраля 1881 г. предполагалось, по требованию помещика или крестьян, произвести пересмотр оброка (переоброчку) на новое 20-летие, на тех основаниях, которые будут указаны правительством.

Ввиду приближения этого срока вопрос о переоброчке подвергался подробному обсуждению сначала в Главном комитете об устройстве сельского состояния, а потом в Общем собрании Государственного совета. Высочайше утвержденным 23 января 1879 г. мнением Государственного совета было определено: установленный «Положением 19 февраля 1861 г.» для переоброчки повинностей временнообязанных крестьян 20-летний срок в целях устранения всякого нового потрясения в народном хозяйстве, и без того уже более или менее пострадавшем от тягостей войны 1877—1878 гг., продлить еще на 10 лет¹³³.

Крестьянские учреждения «Положения» 1861 г. на место помещика, управляющего крепостными крестьянами, поставили крестьянский «мир» (общину). В качестве образца было взято крестьянское «самоуправление» в государственной деревне, которое создал в 1837—1841 гг. своей реформой министр государственных имуществ П. Д. Киселев.

Уже в июне—июле 1861 г. в селениях бывших помещичьих крестьян возникли органы крестьянского «общественного управления».

Крестьяне, жившие на земле одного помещика, составляли сельское общество, поэтому нередко в селе могло быть несколько сельских обществ, иногда же несколько сел входили в одно общество.

Смежные сельские общества соединялись в более крупные единицы — волости, насчитывавшие от 300 до 2 тыс. душ мужского пола. Волость часто совпадала с церковным приходом.

Волости повсеместно были открыты по истечении назначенного «Положением» 9-месячного срока.

Первоначально для временнообязанных крестьян было образовано 8750 волостей. На каждую волость приходилось в среднем

1174 души, сбор на их содержание составлял от 25 коп. до 1 руб. с души. Впоследствии с присоединением удельных и государственных крестьян число и состав волостей значительно изменились. Для облегчения крестьян в расходах образованы были более крупные волости. Общее число их в 1880 г. составило 9882¹³⁴.

Открытие волостей вызвало изъявление радости и признательности крестьян в виде благодарственных писем на имя Александра II. Кроме того, они проводили по этому случаю молебны, составляли приговоры о постоянном праздновании дня открытия волости и делали пожертвования на приобретение и постройку домов для волостных правлений. Каждое сельское общество имело сельский сход из числа крестьян-домохозяев. Этот сход избирал на 3 года сельского старосту, сборщика податей. Он мог выбирать или назначать писарей, смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц, лесных и полевых сторожей. На сходе выносились решения по хозяйственным, бытовым и организационным вопросам: о распределении земли, о раскладке и взимании повинностей, о семейных разделах и опеках, о выборах и т. д. Староста созывал сход и исполнял его приговоры. В его обязанности входило наблюдение за мирским хозяйством, отбыванием крестьянами податей и повинностей. На него возлагались и полицейские функции «сохранение общего порядка, спокойствия и благочиния». Он имел право арестовывать подчиненных ему крестьян на 2 дня или штрафовать на 1 руб.

Волостное управление составляли волостной сход, волостной старшина, волостное правление и волостной крестьянский суд. Волостной сход, состоявший из выборных представителей (по одному от каждых 10 дворов), был уполномочен выносить приговоры по хозяйственным и общественным делам волости: о рекрутской повинности, об устройстве волостных училищ, волостных запасных магазинов и др. Он избирал также на 3 года волостного старшину и волостной суд. Старшина возглавлял волостное правление, в которое входили сельские старосты и сборщики податей. Правление являлось коллегиальным органом, периодически собиравшимся для разрешения хозяйственных вопросов. Старшина занимался полицейско-административными делами, которые составляли его главную компетенцию: он объявлял законы и распоряжения правительства, следил за внешним порядком, задерживал бродяг, дезертиров и преступников и т. д. Старшина имел право налагать на крестьян такие же взыскания, как и сельский староста. Волостной суд мог приговаривать виновных к принудительным работам (до 6 дней), к денежному штрафу (до 3 руб.), к аресту (до 7 дней) и к наказанию розгами (до 20 ударов). Таким образом, крестьянское управление¹³⁵, подчиненное органам административной власти, входило в систему правительственного аппарата, являясь его низшей ячейкой, всецело зависевшей от вышестоящих звеньев.

Выбранные из среды крестьян сельские и волостные должностные лица довольно скоро ознакомились с новыми своими обязанностями и уже в первое время своего назначения оказали заметную помощь посредникам.

С введением в общий состав волостей крестьян удельных и государственных значение волостных и сельских управлений возросло. Они стали проявлять больше самостоятельности.

Наиболее существенные распоряжения по крестьянскому самоуправлению выразились в следующем:

1. В 1868 г. всем губернаторам было предложено безотлагательно удостовериться в степени надежности волостных писарей, удалить от службы не соответствующих назначению и на будущее время вести постоянное наблюдение за личным составом писарей.

2. Для ограничения произвола сельских обществ, замеченного в деле удаления из общества порочных и вредных членов, высочайшим повелением 22 апреля 1873 г. было разрешено губернским присутствиям не утверждать мирских приговоров по этим делам, если при рассмотрении их будут обнаружены неправильность или злоупотребление.

3. Были уточнены суммы мирских сборов и расходов и по всем выделяющимся цифрам расхода производилось расследование: действительно ли сами крестьяне установили такой расход и вполне ли добровольно и сознательно они при этом действовали.

Слабой стороной крестьянского самоуправления оказались волостные суды. На их действия Александр II обратил внимание еще в 1871 г. Особая комиссия, которой поручено было объехать несколько разнохарактерных губерний для ознакомления на месте с действительным положением волостных судов, окончила в 1874 г. свои проверки, а выработанный ею проект представлен был в Министерство юстиции. Между тем в том же 1874 г. при обсуждении вопроса об изменениях в устройстве местных по крестьянским делам учреждений, Главный комитет коснулся и вопроса о волостных судах, причем нашел преждевременным подчинять волостные суды в делах о разборе жалоб на них общим мировым судебным установлениям, а потому полагал: оставив по-прежнему это дело в уездных по крестьянским делам присутствиях, возложить на членов присутствий обязанность о всех случаях явного превышения волостными судами их власти доводить до сведения уездного присутствия, для отмены приговора суда и без просьбы о том лица, которого касается приговор.

Наконец, для удовлетворения специальных нужд всех сельских жителей были изданы следующие законоположения:

- 1) 18 июля 1862 г. — об охране полей и лугов от потрав;
- 2) 1 апреля 1863 г. — для найма сельских рабочих и служителей;

- 3) 7 апреля 1864 г. — о взаимном сельском страховании;
- 4) 9 мая 1867 г. — для охранения владельческих лесов от порубок;
- 5) 14 июля 1867 г. — о начальных народных училищах¹³⁶.

Наделы и повинности Земельный участок, который получал крестьянин от помещика, назывался наделом. Нормы наделов и повинностей определялись четырьмя местными положениями, учитывавшими разнообразие природных и социально-экономических условий помещичьих хозяйств.

Основным из них было «Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Великороссийских, Новороссийских и Белорусских». Оно устанавливало аграрные отношения в 35 губерниях империи: Астраханской, Витебской (часть), Владимирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Петербургской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уфимской, Харьковской (часть), Херсонской, Ярославской.

Размер надела устанавливался по добровольному соглашению между помещиками и крестьянами. Если такое соглашение не достигалось, размер надела определялся в соответствии с законом. В этих целях вся территория указанных губерний делилась на три полосы: нечерноземную, черноземную и степную, а каждая полоса — на местности. В первой полосе было 9 местностей, во второй — 8 и в третьей — 12.

Для каждой местности нечерноземной и черноземной полос устанавливались нормы высшего и низшего надела. В нечерноземной полосе высший надел колебался от 7 до 3 десятин, а низший — от 2,33 до одной десятины, т. е. низший надел должен был составлять треть высшего. В черноземной полосе высший надел лежал в пределах от 6 до 2,66 десятины, а низший — от 2 до 0,83 десятины. В степной полосе устанавливался только один, так называемый указной надел, размер которого колебался в великороссийских губерниях от 6 до 12 десятин, в степных украинских — от 3 до 6,5 десятин. Закон определял крестьянам тот фактический надел, которым они пользовались до реформы. В случае, если пореформенный надел крестьян превышал высшую норму, излишек мог быть отрезан; если же он оказывался менее низшей нормы, то помещик должен был прирезать недостающее количество земли, за исключением тех случаев, когда у него оставалось менее одной трети удобных земель. По этой же причине в его пользу у крестьян могла отрезаться земля, даже если крестьянский надел и не превышал высшей

нормы. Повсеместно отрезанная у крестьян в результате реформы 1861 г. земля получила название отрезков.

Заметим, высшие и низшие наделы были установлены так, что отрезки крестьянской земли становились правилом, а прирезки — редким исключением.

В течение первых 9 лет крестьяне могли отказаться от надела только по добровольному соглашению с помещиком. Тогда надел мог быть сокращен до половины высшего или указного надела. Кроме того, также с согласия помещика, крестьянин мог без выкупа получить $\frac{1}{4}$ часть высшего надела. Такие четвертные, или дарственные, «нищенские» наделы особенно широко были распространены в черноземной полосе. В отдельных районах дарственные, «нищенские» наделы составляли $\frac{1}{3}$ всей крестьянской земли, но по империи в целом ими воспользовались всего лишь 461 тыс. ревизских душ, т. е. 4,5% всех крестьян. В среднем они получили по 1,1 десятин на душу. Законодательные нормы учитывали и качество надела. Как правило, крестьяне не получали леса, за исключением северных лесных уездов. Земля, закрепленная за крестьянами уставной грамотой, составляла владение сельской общины, однако по решению двух третей голосов сельскому сходу разрешалось перейти от общинного землепользования к подворно-наследственному, участковому.

До выкупа земли у помещика крестьяне оставались «временнообязанными» и должны были по-прежнему выполнять барщину или платить денежный оброк.

Величина оброка была большей, чем до реформы, и изменялась в зависимости от местности от 8 до 12 руб. в год за душевой надел. Никакого соответствия между оброком и доходностью наделов не существовало.

Наиболее высокий оброк платили крестьяне Петербургской, Московской, Ярославской и Владимирской промышленных губерний. Для имений, находившихся не далее 25 верст от Петербурга, оброк составлял 12 руб., в Орловской губернии — 8 руб.

В случае, если надел был менее высшего, оброк уменьшался, но не пропорционально, а в зависимости от условий местности, в соответствии с установленными градациями. Так, в нечерноземной полосе за первую десятину надела полагалось 50% оброка, за вторую — 25%. Последняя часть оброка (25%) равномерно распределялась на остальные десятины надела.

Если наделы крестьян были ниже установленного размера, оброк понижался.

Там, где применялась барщина, крестьяне обязаны были ежегодно отрабатывать в пользу помещика 40 мужских и 30 женских дней за душевой надел, причем $\frac{3}{5}$ дней в летнее время и $\frac{2}{5}$ в зимнее. Продолжительность рабочего дня летом составляла 12 часов и зимой — 9. Барщина регулировалась специально составленным для каждой губернии «урочным положением».

За исправное отбывание повинностей крестьяне отвечали круговой порукой всего «мира», общины. Правительство стремилось как можно быстрее изжить барщину, которая не могла быть эффективной в условиях личной свободы крестьян. Поэтому сельским обществам и отдельным домохозяевам разрешалось переходить на оброк, предупредив об этом помещика за год и внося вперед причитающуюся полугодовую сумму. Все вышесказанное предусматривалось нормами «Местного положения» великороссийских, белорусских и новороссийских губерний. В основном эти же нормы применялись и в других районах страны, но с некоторыми особенностями, вытекавшими из местных условий. «Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях малороссийских: Черниговской, Полтавской и части Харьковской», предусматривало наделение крестьян землей на основе наследственно-семейного принципа. Каждая из губерний подразделялась на несколько местностей, для которых определялась высшая норма душевого надела от 2,75 до 4,5 десятины. Низшая норма составляла половину высшей. Количество земли, отводимой здесь сельскому обществу, составляло величину душевого надела, умноженную на число душ. Распределение же земли внутри сельского общества осуществлялось путем выделения наследственных семейных участков, которые состояли либо из усадьбы с полевым наделом, либо из одной усадьбы.

Повинности на Левобережной Украине были несколько ниже, чем в великороссийских губерниях. Оброк составлял от 1 руб. 40 коп. до 2 руб. 80 коп. за десятину, барщина — от 12 до 21 дня (мужских) за десятину земли. Вместо круговой поруки за выполнение барщины и оброка вводилась ответственность каждого отдельного домохозяина.

Свою специфику имело «Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Киевской, Подольской и Волынской». Здесь, на Правобережной Украине, помещиками преимущественно были поляки, а крестьянами — украинцы.

В условиях сословного антагонизма и национально-религиозных различий царское правительство пыталось привлечь на свою сторону крестьянство в своей борьбе с польским национально-освободительным движением. Еще в 1847—1848 гг. здесь были введены «инвентарные правила» или «инвентари», определявшие размеры наделов и повинностей помещичьих крестьян.

Утвержденные «инвентари» и послужили основой для составления местного «Положения 19 февраля 1861 г.» Если «инвентарные наделы» за это время помещиками были сокращены, то они обязаны были вернуть крестьянам землю. Повинности здесь были несколько выше, чем на Левобережной Украине.

Аналогичные условия существовали и в Литве. По «Местному положению о поземельном устройстве крестьян, водворенных на

помещичьих землях в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской», за крестьянами закреплялась вся земля, которой они владели к 19 февраля 1861 г. Помещики могли урезать крестьянские земли в том случае, если в их распоряжении оставалось менее $\frac{1}{3}$ удобных земель, причем крестьянский надел не мог быть уменьшен более чем на $\frac{1}{6}$ часть. Повинности здесь определялись «инвентарем» имения в несколько уменьшенном виде.

Таким образом, только в 8 западных губерниях наделы крестьян были увеличены на 18—20%. Из остальных 36 губерний в 27 землепользование крестьян сократилось, а в 9 осталось таким же или немного увеличилось.

В результате проведения реформы 10 млн. ревизских душ, бывших помещичьих крестьян, получили около 34 млн. десятин земли или 3,4 десятины на душу. По подсчетам российских экономистов, для прожиточного минимума надо было иметь в черноземной полосе не менее 5,5 десятины на душу, а в остальных местностях — 6—8.

Земельные наделы оказались неравномерными. Около 20% крестьян получили до 2 десятин, 28% — от 2 до 3, 26% — от 3 до 4 и 27% — свыше 4 десятин. Наименее обеспеченными стали крестьяне черноземной полосы, наиболее — северных и степных губерний.

У 100,5 тыс. землевладельцев-дворян осталась львиная доля земли — 69 млн. десятин, т. е. в два раза больше, нежели у 23 млн. крестьян.

**Прекращение
обязательных отношений
крестьян к помещикам.
Выкуп**

«Положения 19 февраля 1861 г.», устанавливая временнообязанные отношения, указали и способы их прекращения. Способы эти были различны и зависели от того, пользуются ли вышедшие из крепостной зависимости люди землею, или нет, а также принадлежат ли они к составу имений большепоместных или мелкопоместных.

Первыми сразу же за обнародованием «Положений» прекратили обязательные отношения к помещикам безземельные крестьяне, которые увольнялись из мирских обществ, согласно их просьбам, еще до утверждения Уставных грамот.

Для облегчения таким крестьянам дальнейшей жизни и устройства высочайшим повелением 6 августа 1861 г. были установлены правила для приписки их к городам и к обществам государственных крестьян, а также дарованы льготы после приписки.

По истечении 2 лет со дня утверждения «Положений» прекратились обязательные отношения к помещикам для всех дворовых людей и для безземельных крестьян мелкопоместных

имений, которые подчинены были правилам о дворовых людях. Число этих людей было весьма значительно. Всех дворовых людей числилось до миллиона душ обоего пола, а безземельных крестьян в мелкопоместных имениях 137 244 души¹³⁷.

Одновременное увольнение без всякого обеспечения вызывало вначале опасение за дальнейшую их судьбу. Учитывая это, заблаговременно были изданы особые правила о приписке этих людей к городам, сельским обществам и волостям и о снабжении их документами, а также назначены были особые средства для пособия тем из них, которые по увольнении своем не в силах будут существовать личным трудом. Меры эти, как оказалось, были своевременными. Устройство дворовых людей завершилось без всяких затруднений, и ходатайства о пособии были весьма немногочисленны. Из ассигнованной на них суммы было израсходовано в среднем не более 2500 руб. на губернию.

Для всех остальных крестьян, пользующихся земельным наделом, прекращение обязательных отношений к помещику могло произойти в результате: 1) приобретения надела покупкою без содействия правительства; 2) выкупа надела с содействием правительства (в губерниях Западных и Белорусских впоследствии введен обязательный выкуп); 3) получения в дар $\frac{1}{4}$ высшего или указного надела; 4) передачи в казну мелкопоместных имений и 5) отказа от земельного надела по истечении 9 лет, с переходом в другие общества и сословия.

Исключение было сделано для крестьян мелкопоместных имений, где и в первые 9 лет крестьянам дали право отказываться от надела с согласия помещика и переселяться на казенные земли. Но таким правом крестьяне эти почти нигде не воспользовались.

Все указанные способы прекращения обязательных отношений применялись на практике, но самым распространенным был, конечно, выкуп с содействием правительства¹³⁸.

Помещик имел право договориться с крестьянами о выкупе земли, но мог и лично, в одностороннем порядке, без согласия крестьян, потребовать такой выкуп. Крестьянин требовать выкупа не мог. Государство выступало в качестве посредника, содействовавшего выкупу.

Дело в том, что крестьяне не имели наличных денег, чтобы сразу внести выкуп за землю помещику. Его уплачивало правительство в виде так называемой выкупной ссуды, которую потом крестьяне должны были погашать в рассрочку с уплатою процентов. Таким образом, помещик получал из казны (частью деньгами, большей частью процентными бумагами) ссуду в размере 80% выкупной суммы, если крестьяне получали высший надел, или 75%, если крестьяне получали надел менее высшего. Рассчитываться за эту ссуду должны были сами крестьяне, внося в течение 49 лет¹³⁹ так называемые «выкупные платежи» в размере 6% выкупной ссуды ежегодно.

Выкупные ссуды и платежи устанавливались из расчета величины денежного оброка, который крестьяне платили помещикам до реформы. Следовательно, крестьяне выкупали не только землю, но и личную свободу.

Например, при размере оброка в 10 руб. величина выкупа определялась так:

$$\begin{aligned} 10 \text{ руб.} &= 6\% \\ x \text{ руб.} &= 100\% \\ x &= \frac{10 \times 100}{6} = 166 \text{ руб. } 66 \text{ коп.} \\ &(\text{или } 10 \text{ руб. } \times 16 \frac{2}{3}). \end{aligned}$$

Крестьянам, конечно, трудно было объяснить эту формулу нахождения полной суммы по проценту, поскольку большинство из них были неграмотны. Поэтому в статье 66 «Положения о выкупе» было записано: «Годовой оброк... капитализируется из шести процентов, т. е. умножается на шестнадцать и две трети». В приведенном выше примере помещик, получив за каждого крестьянина 166 руб. 66 коп., мог вложить всю сумму в покупку акций и получать доход, равный оброку. Потеряв крестьян, он реально сохранял почти полный доход с них (терялись лишь добавочные, натуральные доходы от разных поборов).

Выкуп начался уже в 1861 г. и первый выкупной договор, получивший утверждение 1 ноября 1861 г., заключен был помещиком Вельяшевым с временнообязанными ему крестьянами дер. Терехово Старицкого уезда Тверской губернии¹⁴⁰. Затем выкуп пошел довольно быстро, в особенности с 27 июня 1862 г.¹⁴¹, когда выкупная операция распространена была и на барщинные имения, а также когда крестьянам дано было встречное право вместо заявленного помещиком обязательного выкупа получить в дар $\frac{1}{4}$ часть высшего или указного надела.

К концу 1864 г. в 8 губерниях — Оренбургской, Казанской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Воронежской и Черниговской — уже более половины крестьян были собственниками¹⁴².

Переход крестьян на выкуп, как отмечалось выше, мог осуществляться либо по соглашению с крестьянами, либо по одностороннему требованию помещика. Из 41 627 выкупных сделок, утвержденных Главным выкупным учреждением на 1 января 1870 г., 19 644 сделки были заключены по соглашению помещиков с крестьянами, а 21 983 — по требованию помещиков¹⁴³. Важно подчеркнуть, что при заключении выкупных сделок на основе добровольного соглашения с крестьянами помещик имел право требовать дополнительный платеж. В одних районах помещики шли охотно на заключение выкупных договоров, не требуя

дополнительного платежа, в других, наоборот, дополнительный платеж обычно взимался работой или деньгами.

Наиболее быстро, не говоря о западных губерниях, выкупная операция шла в восточных и южных губерниях: Оренбургской, Харьковской, Херсонской, Екатеринославской и Вятской, в которых к 1 января 1878 г. остались в обязательных к помещику отношениях лишь от 1 до 10% всего числа бывших в этих губерниях крепостных крестьян.

К тому же сроку наибольшее число невыкупивших свои наделы крестьян, а именно от 44 до 68%, оказались в губерниях: Курской, Нижегородской, Вологодской, Астраханской и Ставропольской. Общее число крестьян, оставшихся в обязательных к помещикам отношениях по всем Великороссийским и Новороссийским губерниям к 1 января 1878 г. составляло 25,5% всех бывших в этих губерниях помещичьих крестьян¹⁴⁴.

В 1880 г. выкуп был почти окончен в 7 губерниях: Оренбургской, Харьковской, Херсонской, Екатеринославской, Вятской, Таврической и Черниговской, в которых оставалось менее 10% крестьян в обязательных отношениях к помещикам. Из остальных губерний только в двух крестьян-собственников менее 50%: в Астраханской — 33,8% и в Ставропольской — 31,6%. Все же прочие имели более половины крестьян-собственников, причем в большинстве из них число собственников было свыше 75%. Общее число крестьян, уже выкупивших свои наделы по 37 губерниям, составляло в 1880 г. 77,5% всех помещичьих крестьян в большепоместных имениях этих губерний¹⁴⁵. Во всех нечерноземных губерниях, где выкупная ценность наделов была выше действительной стоимости земли, преобладал выкуп по требованию помещиков. В губерниях же черноземных, наоборот, выкуп совершался преимущественно по добровольным сделкам. На 100 выкупных сделок и актов приходилось в среднем (выводы по 37 губерниям) 35,3% по соглашению крестьян с помещиками и 64,7% по требованию одних помещиков¹⁴⁶.

С разрешением вопроса о выкупе в неразмежеванных (чрепослосных) имениях (высочайше утвержденное «Положение» 25 декабря 1879 г.) должно было сразу увеличиться число выкупившихся крестьян, ибо в большинстве таких имений выкупные сделки уже состоялись и ожидали только утверждения. Медленно прекращались обязательные отношения при передаче в казну мелкопоместных имений. Это объясняется тем, что большинство мелкопоместных владельцев, находя для себя более выгодным продолжать обязательные отношения крестьян, не торопились передать свои имения в казну.

Приобретением в собственность всего или части земельного надела, без содействия правительства, прекратились обязательные отношения для тех крестьян, которые или купили землю от помещиков на собственные средства, или получили в дар 1/4 высшего надела.

Выкуп земель крестьянами на собственные средства практиковался по преимуществу в северных промысловых губерниях нечерноземной полосы, тогда как получение 1/4 надела в дар имело самое большое применение в черноземных губерниях юго-восточной России.

Число крестьян, прекративших такими способами свои обязательные отношения к помещикам, составляло на 1 января 1881 г. 8% к общему числу бывших крепостных крестьян в 37 губерниях¹⁴⁷.

Наконец, отказом от надела по истечении 9 лет прекращались обязательные отношения в весьма редких случаях, большей частью лишь отдельными лицами и семьями. Несмотря на годичный срок, который давался таким крестьянам для выполнения ими законных условий выхода из общества, на 1 января 1881 г. уволено было всего лишь 1869 душ¹⁴⁸.

Общее положение в 37 губерниях (Великороссийских, Малороссийских и Новороссийских) к 1 января 1880 г. представлено в табл. 3.

Таблица 3¹⁴⁹

Способы прекращения обязательных отношений крестьян к помещику	Количество душ
Приобретением всего или части надела, без содействия правительства	642 804
Выкупом надела, с содействием правительства	5 110 685
Передачей в казну мелкопоместных имений	90 181
Итого	5 843 670
Сверх того, по 9-ти Западным и Белорусским губерниям прекратили обязательные отношения к помещикам посредством обязательного для обеих сторон выкупа	2 716 529
Всего прекративших обязательные отношения в 46-ти губерниях	8 560 199
Оставалось во временнообязанных к помещикам отношениях	1 667 710
Что составляет 16% к общему числу душ бывших крепостных крестьян в России (10 326 110)	

Одним из последних актов царствования Александра II было одобрение предложений об обязательном выкупе, проведенных затем в жизнь его преемником. В официальных документах сохранились в передаче министра финансов подлинные слова императора, сказанные им по этому поводу 20 февраля 1881 г. Выслушав предложения о переводе на выкуп остальных временнообязанных крестьян, Александр II сказал: «В прежнее время я всегда был против обязательного выкупа. Мне хотелось дать время помещикам устроиться с крестьянами домашним образом, отнюдь не допуская над ними насилия. Но я никак не ожидал,

чтобы в двадцать лет дело это не могло окончиться, а потому полагаю ныне, что оно должно быть завершено...» В заключение властитель России произнес: «Из всего, что помогли мне совершить, крестьянскую реформу я считаю самым важным делом моего царствования»¹⁵⁰.

Итак, уже при Александре III, 28 декабря 1881 г. законом устанавливался перевод крестьян на обязательный выкуп, начиная с 1 января 1883 г.¹⁵¹ К этому времени во временнообязанных отношениях оставалось в империи не более 15% крестьян, вышедших из крепостной зависимости¹⁵². Перевод их на выкуп завершился к 1895 г. К 1 января 1907 г., когда выкупные платежи были отменены (под влиянием революции 1905—1907 гг.), крестьяне уплатили казне и помещикам за землю почти в четыре раза больше, чем она стоила до реформы.

Реформа в удельной и государственной деревне

Основные начала реформы с некоторыми особенностями были распространены на удельных и государственных крестьян. Первыми (в 1858 г.) личную свободу получили удельные крестьяне, принадлежавшие императорской фамилии и насчитывавшие около 900 тыс. человек¹⁵³. По особому «Положению» от 26 июня 1863 г. они были переведены в течение 1863—1865 гг. на обязательный выкуп с сохранением существующих наделов. Фактически удельные крестьяне продолжали платить тот же самый денежный оброк, но уже в виде выкупных платежей в течение 49 лет. Некоторое уменьшение их наделов произошло в Петербургской, Самарской и Владимирской губерниях и небольшое увеличение в остальных, а особенно северных (Олонецкой, Вологодской, Пермской). В общей сложности у удельных крестьян отрезка невелика — 2,1%.

На «ревизскую душу» у них в среднем выпадало по 4,8 десятины земли, что в полтора раза больше, чем у помещичьих крестьян.

Подготовка реформы в государственной деревне (лично свободных крестьян, которые составляли около 45% крестьянства), началась в 1861 г. К этому времени их насчитывалось 9644 тыс. душ мужского пола. Закон 24 ноября 1866 г. «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях»¹⁵⁴ закрепил за ними существующие наделы (не более 8 десятин на душу в малоземельных и 15 на душу в многоземельных губерниях) и предоставил им бессрочное право добровольного выкупа земельных угодий. На предоставленную землю сельские общества этих крестьян получали «владенные записи» и платили за нее государственную оброчную подать.

Размер надела в государственной деревне в среднем составил на душу 5,9 десятины, что было на 88% больше, чем у помещичьих, и на 23% больше, чем у удельных крестьян. По закону 12 июня 1886 г. государственная оброчная подать была переведе-

на в выкупные платежи с увеличением ее в среднем на 45% и с уплатой в 44 года. Это явно ухудшило экономическое положение большинства государственных крестьян¹⁵⁵ и привело к быстрому накоплению у них недоимок (не уплаченных в срок налогов).

Освобождение дворовых и крепостных рабочих

На особых условиях были освобождены дворовые крестьяне (составлявшие в 1861 г. 6,7% от общего числа крепостных) и рабочие вотчинных предприятий. Первые на основании «Положения об устройстве дворовых людей» наряду с остальными крепостными немедленно получали личные и имущественные права, но в течение двух лет должны были по-прежнему служить своим господам или уплачивать им установленный оброк¹⁵⁶. По истечении этого срока обязательная служба дворовых прекращалась, и если они не имели земельного надела (а таких было абсолютное большинство), то должны были приписаться к сельским или городским обществам и приискивать себе заработок.

Рабочие вотчинных предприятий в течение двух лет переводились на оброк, за ними закреплялись в пользование усадьба и прежние наделы. Как и другие крестьяне, они приобретали право выкупать свою землю. Свообразное положение заняли горнозаводские рабочие, разделявшиеся на две категории: «мастеровых», занятых заводскими операциями, и «сельских работников», выполнявших вспомогательные работы (углежоги, перевозчики руды и др.) и совмещавших с ними свое земледельческое хозяйство. «Мастеровые» освобождались с усадьбой и с земельным наделом, которые они имели при крепостном праве. «Сельские работники» переходили на оброк постепенно в течение 3 лет равномерными группами. Если они владели усадьбой и полевым наделом, то продолжали пользоваться ими, если же не имели земли, то приравнивались к дворовым.

Особые правила правительство установило для мелкопоместных помещиков, имевших 20 душ и менее. Когда в таких имениях было немного земли, крепостные переселялись на казенные земли, а имевшаяся ранее земля оставалась у помещика. Нередко по просьбе мелкопоместного владельца казна приобретала его имение и выплачивала ему сумму капитализированного оброка.

Крестьянская реформа на окраинах России

В национальных окраинах Российской империи крестьянская реформа была проведена в несколько более поздние сроки. В 1864—1871 гг. крепостное право «отменялось» в 6 губерниях Закавказья, в которых проживало 506,6 тыс. крестьян. Реформа готовилась здесь под сильным давлением грузинского дворянства, которое добилось от правительства еще больших уступок, нежели русские, украинские и белорусские помещики. 13 октября 1864 г. был издан указ «Об освобождении от

крепостной зависимости крестьян Тифлисской губернии». Крестьяне получили личную свободу, помещики за повинности должны были выделить крестьянам усадьбу и землю. За предоставленную землю крестьяне отдавали $\frac{1}{4}$ урожая с виноградников и пашен, $\frac{1}{3}$ укоса трав с сенокосов и платили за усадьбу из расчета 6 руб. в год за десятину. За личное освобождение крепостных дворяне получили от казны по 25—50 руб. с души. Отрезки от крестьянских наделов были крупнее, чем в России.

На таких же условиях освобождались крепостные актами 13 октября 1865 г. в Кутаисской губернии и 1 декабря 1866 г. в Мингрелии¹⁵⁷.

В Абхазии крепостное право отменялось 8 ноября 1870 г., а в Сванетии — в 1871 г. В результате реформы грузинские крестьяне потеряли до 20% своего дореформенного землепользования.

В Абхазии крестьяне получали от 3 до 7 десятин земли на двор и обязаны были за это в течение 4 лет «нести службу, работу и прочие повинности» или внести выкупные платежи от 50 до 120 руб. для мужчин в возрасте 10—50 лет и женщин в возрасте 10—45 лет.

Ликвидация феодальных отношений затянулась здесь вплоть до 1913 г. Значительная часть земледельцев (так называемых «хизан») не получила никакого земельного надела.

Еще более обременительные условия реформы были в Кабарде и в горных районах Северного Кавказа. Крестьяне по «Положению» 1868 г. получали там ничтожные наделы и хотя были объявлены лично свободными, но оставались в феодальной зависимости от помещика.

14 мая 1870 г. было опубликовано «Положение» о крестьянах Армении и Азербайджана¹⁵⁸, в основу которого были положены принципы закона 1864 г. для Грузии. Крестьяне наделялись 5 десятинами земли, за что платили $\frac{1}{10}$ урожая натурой, барщина же заменялась денежной повинностью. Выкуп земли разрешался с согласия помещика, но без всякого содействия со стороны правительства.

В итоге в Закавказье значительная часть земель осталась в руках помещиков. Количество земли после реформы по пяти закавказским губерниям распределялось в соответствии с табл. 4.

Таблица 4¹⁵⁹

Губернии	У бывших крепостных крестьян (в дес.)	У помещиков (в дес.)
Кутаисская	210 770	815 321
Тифлисская	134 796	961 502
Елизаветпольская	317 234	440 798
Бакинская	110 315	246 904
Эриванская	98 264	60 123

Хотя в Армении и Азербайджане крестьяне получили несколько больше земли, нежели в Грузии, однако временнообязанные отношения здесь затянулись до 1913 г. из-за более тяжелых условий выкупа. Перевод на выкуп в этих регионах не был завершен вплоть до 1917 г.

В Бессарабии практически не было крепостного права. Основное сельское население — царане — были лично свободны, но они не имели земли и их жизненное положение целиком зависело от помещиков. 14 июля 1868 г. было утверждено «Положение о поземельном устройстве поселян (царан) Бессарабской области, водворенных на землях частных владельцев, монастырских и других духовного ведомства экономий»¹⁶⁰. Царане наделялись землей в размере 8—13,5 десятины на семью и на них была распространена выкупная операция¹⁶¹. 14 мая 1888 г. в Бессарабии был введен обязательный переход на выкуп. Условия освобождения здесь открывали больше перспектив для развития капиталистических отношений.

Положение крестьян в Прибалтийском крае имело свои специфические особенности. Крепостное право, отмененное в империи лишь 19 февраля 1861 г., не существовало в этом крае со второй четверти XIX столетия. С того же времени было введено начало добровольных контрактов и — как его последствие — передвижение сельского населения. Узаконения 1861 г. относились к крестьянам «крепким земле и подвластным помещику».

В Прибалтийских губерниях крестьяне давно юридически были освобождены от этой власти. Некоторые преемственно содержали свои участки более века, другие снимали их при первой представляющейся возможности¹⁶².

Другое существенное различие состояло в отсутствии всякого хозяйственно-общинного начала и в упрочившихся формах участкового пользования землею. При таких условиях законоположения о поземельном устройстве прибалтийских крестьян постоянно относились к участкам и участковым хозяевам, а не ко всему сельскому населению. Главнейшими из этих узаконений, изданных для Прибалтийских губерний, являлись:

1) Положения о крестьянах Эстляндской губернии 5 июля 1856 г.

2) Дополнительные к ним правила 23 января 1859 г.

3) Положения о крестьянах Лифляндской губернии 19 ноября 1860 г.

4) Правила, на основании которых могут быть приобретаемы крестьянами в собственность участки помещичьей земли и заключаемы арендные договоры в Курляндской губернии, — 6 сентября 1863 г.¹⁶³

Существенной чертой этих законоположений являлось ограничение права помещиков в пользовании той частью своей земли, которая называлась крестьянскими участками. Этими участками помещик не мог пользоваться иначе, как посредством

отдачи их в арендное содержание или продажи членам крестьянских волостных обществ. При этом крестьянскому обществу предоставлялось право самому наблюдать за нерушимостью пространства участков и за тем, чтобы помещик не пользовался какой-либо частью их вопреки законам. Был указан судебный порядок, которым крестьяне должны были защищать свои права в этом случае.

Более общее значение для всего сельского населения Прибалтийских губерний имело «Положение о волостном общественном управлении 19 февраля 1866 г.»

Этим «Положением» общественный быт крестьян был устроен на самостоятельных и независимых от помещичьего влияния основаниях¹⁶⁴.

Кроме того, 25 апреля 1875 г. высочайше были утверждены Правила о сельских евангелическо-лютеранских школах и учительских семинариях Эстляндской и Курляндской губерний. Школы эти находились прежде в исключительном ведении местного дворянства и духовенства. На основании новых правил они передавались в ведение Министерства внутренних дел, которое назначало для надзора за ними правительственных членов. В школах вводилось обязательное обучение всех крестьянских мальчиков от 10 до 13 лет и устанавливалось обязательное преподавание русского языка¹⁶⁵.

Реформа имела свои особенности и на восточных «окраинах» России. По «Положениям 19 февраля 1861 г.» на территории Сибири из населения в 3 млн. человек всего было 3 701 крепостной (в том числе около 900 дворовых). Ввиду сопротивления крестьян помещики не смогли навязать им временные повинности и выкуп, и они были переведены на казенные земли.

Государственные крестьяне Сибири не знали крепостного права, они владели землей на основе захватного права, неся натуральные повинности и выплачивая подушную подать.

Из-за отсутствия средств на проведение землеустроительных работ на такой громадной территории правительство отложило их на конец XIX века. Затем, в начале XX в. был составлен проект передачи крестьянских наделов в Сибири в их частную собственность, но он не был утвержден Государственной думой в связи с началом Первой мировой войны.

Отношение современников к реформе	Отношение современников к обновленной крестьянской реформе еще раз доказало старую истину: нет закона, который был бы всем по душе. Объявление воли не вызвало в народе той «пугачевщины», которой крепостники пытались запугать правительство и общество.
-----------------------------------	--

Акт освобождения крестьян и спокойствие, с которым оно было принято народом, как отмечал один из членов Редакционных комиссий, «изумили не только Западную Европу, но и заат-

лантических соседей империи по Северной Америке»¹⁶⁶. Известный Кошелев писал, что крестьяне приняли дарованную им свободу очень благодушно и скромно — без всяких шумных изъявлений радости и без бурных попыток пользования волею¹⁶⁷. В большинстве западных государств крепостное право было отменено раньше, чем в России, но почти везде отмене его сопутствовали смуты и беспорядки. К тому же крестьяне освобождались там без земли, и часто их положение после освобождения ухудшалось: они попадали в полную имущественную зависимость от помещиков, поскольку собственной земли у них не было ни пяди.

Во многих местах Российской империи принимались постановления о сооружении часовен, икон, церквей, школ, богаделен, различных благотворительных и просветительных учреждений в память этого знаменательного события. 12 марта 1861 г., в Неделю православия, огромная толпа бывших крепостных крестьян собралась около Зимнего дворца благодарить императора. Выборные депутаты были допущены в самый дворец, а к остальным Александр II вышел на площадь...

5 марта весть об освобождении крестьян разлетелась по телеграфу практически по всем странам Европы, встретившей ее единодушным сочувствием.

13 марта Кельнская газета об этом событии проникновенно писала: «Редко или, лучше сказать, никогда еще смертному не доводилось совершить дело столь важное и благородное, как то, которое совершил благодушный император Александр II. Одним росчерком пера он возвратил 23 миллионам людей их права... Этот монарх занял теперь одно из самых прекрасных и почетных мест в истории»¹⁶⁸.

«Кант, Шиллер, Руссо.., — писал Погодин, — снимайте шляпы, творите земной поклон... Франция, Германия, Англия, завидуйте нам... Мы получили равенство и это «вдруг в одно истинно-прекрасное утро». И все это без революции. Что за «чудище Россия»¹⁶⁹. Лучшая часть образованного общества, большинство представителей либеральных кругов приняли реформу с одобрением и сочувствием, они приветствовали инициативу и твердость Александра II, хотя подвергали критике сохранение временнообязанных отношений и отсрочку выкупной операции на неопределенное время.

Некрасов приветствовал освобождение крестьян стихотворением «Свобода».

Родина мать! по равнинам твоим
Я не ездил еще с чувством таким!
Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:
В добрую пору дитя родилось,
Милостив Бог! не узнаешь ты слез!
С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен...

Но наряду с радостными чувствами Некрасов высказывает в этом стихотворении и грустные мысли:

Знаю на место сетей крепостных
Люди придумали много иных ¹⁷⁰

Крепостническая партия — высшая аристократия, петербургские сановники, основная масса дворянства — открыто осуждали реформу и надеялись, что она будет «исправлена» в соответствии с их требованиями. Некоторую опору этим надеждам давала двойственная позиция самого правительства. В начале рескриптом от 17 апреля 1861 г. на имя министра юстиции графа В. Н. Панина Александр II за ревностные и полезные труды выразил свое особое благоволение всем членам Редакционных комиссий, а через министра внутренних дел С. С. Ланского — председателям, членам комитетов и общих комиссий, принимавших участие в подготовке крестьянской реформы: «Да перейдут в потомство имена верных мне в этом сподвижников»¹⁷¹.

В память о Великой реформе была выбита особая медаль для ношения в петлице на Александровской ленте. На медали был изображен портрет Александра II с надписью «Благодарю». Медали получили все участники крестьянской реформы, как сочувствовавшие, так равно и противодействовавшие ей¹⁷². Одновременно членам Редакционных комиссий, по настоянию крепостника В. Н. Панина, были пожалованы ордена св. Владимира III степени. Ю. Ф. Самарин¹⁷³ тогда же, в 1861 г. вернул данный ему орден, сославшись «на те неблагоприятные толки, которые могут вызвать среди дворян эти награды, и тем самым повредить его деятельности в качестве члена губернского присутствия». А. И. Кошелев, В. А. Черкасский и другие восприняли награждение орденами как оскорбление, но отослать «крестики» не решились. «Участие в таком великом деле само по себе величайшая награда на всю жизнь», — писал Н. А. Милютин великой княгине Елене Павловне. Спустя 5 недель после «Манифеста 19 февраля» С. С. Ланской и Н. А. Милютин, сыгравший ведущую роль в составлении проекта крестьянской реформы, получили неожиданную отставку и были заменены ставленниками крепостников.

Купечество и духовенство в основном оставались равнодушными, ибо реформа непосредственно их не затрагивала.

Резко отрицательно встретили освобождение крестьянства революционные демократы. Н. Г. Чернышевский, по всей видимости, еще до опубликования «Положения» написал прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», в которой призывает крестьянские массы к восстанию против самодержавия. Он старается убедить крестьян в грабительском характере реформы, главным виновником которой является царь. «Ждали вы, что даст вам царь волю, — вот вам и вышла от царя

воля»¹⁷⁴. А. И. Герцен и Н. П. Огарев отнеслись к реформе также неодобрительно, хотя под первым впечатлением от чтения Манифеста Герцен приветствовал Александра II как «царя-освободителя».

Благая весть о свободе в марте 1861 г. постепенно разливалась все дальше и дальше по «лицу необъятной русской земли», доходя до самых ее глубинных и заброшенных пунктов.

Отсутствие продуманных мероприятий, оперативных распоряжений для быстрого и толкового вручения и разъяснения «Положения» необычайно затрудняло процедуру объявления долгожданных законов. Сложный юридический язык законодательных актов был недоступен пониманию крестьян. Их затаенные надежды на полное освобождение с достаточным количеством земли оказались неудовлетворенными.

Многие неясные выражения «Положений 19 февраля» вызывали самые фантастические, невероятные толкования, особенно под влиянием не стеснявшихся на догадки «чтецов», приглашавших крестьянами для «вычитывания» настоящей воли.

Подобные комментарии, попадая на подготовленную долгим, страстным ожиданием почву крестьянских надежд, действовали как искра на порох, вызывая взрывы крестьянского негодования на помещиков и чиновников, якобы «подменивших царскую волю».

**Крестьянское движение
в ответ на реформу
1861 г.**

Первая волна крестьянского волнения была вызвана обнародованием Манифеста и «Положения 19 февраля 1861 г.» Крестьяне ожидали не такой воли, какая была объявлена в изданных законах. Красной нитью практически через все волнения проходит противоречие между «волею казенною» и «волею народною». Слушая официальные толкования Манифеста и требования по-прежнему в течение двух лет работать на помещиков, крестьяне заподозрили в сознательном обмане местных дворян и царских чиновников. Во многих деревнях наблюдалось глухое брожение, которое кое-где выливалось в открытую форму — отказов выходить на барщину, нежелание подчиняться распоряжениям помещиков, настойчивых слухов о подложности Манифеста и ожидание настоящей, «чистой воли» по истечении двухгодичного срока. Этим в определенной мере объясняется такая массовая форма крестьянского протеста, как отказ от подписания Уставных грамот. Бытовало убеждение, что соглашение с помещиком ведет к лишению права на ту новую, чистую, истинную волю, которая ожидалась в 1863 г.

По официальным данным Министерства внутренних дел за два года (с 1861 по 1863 гг.) произошло 1100 волнений¹⁷⁵, т. е. больше чем известно было в этом ведомстве за 35-летний период перед раскрепощением.

Дела о волнениях в Министерстве внутренних дел в 1861 г. были зарегистрированы по 39 губерниям, в 1862 г. — по 37 и в 1863 г. — по 31 губернии¹⁷⁶. Почти все эти волнения проходили мирно и не представляли опасности для «общественного порядка и спокойствия» ни упорством сопротивления, ни стойкостью крестьян, за исключением единичных случаев. Это большей частью относится к первым месяцам после издания «Положений 19 февраля». Власти своими неправильными, грубыми действиями усиливали раздражение и негодование крестьян. К моменту объявления «воли» на места были командированы генералы и флигель-адъютанты царской свиты с самыми широкими полномочиями для прекращения всяких «беспокойств, неповиновения или ослушания». Розгами, штыками и пулями царские посланцы подавляли попытки сопротивления крестьян реализации «Положений 19 февраля». По данным Министерства внутренних дел, в период времени между обнародованием законов и вступлением в должности мировых посредников произошло 647 значительных волнений и беспорядков крестьян, большая часть которых была подавлена при содействии военной силы¹⁷⁷.

Только в трех селениях волнения были настолько серьезны, что военные команды вынуждены были прибегнуть к оружию¹⁷⁸.

Наиболее крупные столкновения произошли в Пензенской и Казанской губерниях.

Большой резонанс приобрело выступление крестьян в селе Бездне Спасского уезда Казанской губернии, которое продолжалось в общей сложности более месяца. Полуграмотный местный житель раскольник Антон Петров (Антон Петрович Сидоров) 31 года давал свое толкование «Положения». Он «понял», что воля дана царем еще в 1858 г., что всякая работа на господ прекращается, а вся земля, за вычетом неудобных мест, остается за крестьянами. «Помещичьи земли, — убеждал он, — горы да доли, овраги да дороги и песок да камыш, лесу им ни прута. Переступит он шаг с своей земли — гони добрым словом, не послушался — секи ему голову, получишь от царя награду».

Слухи о найденной воле разнеслись далеко по окрестностям, и в Бездну устремились тысячи крестьян (более 5 тыс.) из ближайших и отдаленных районов. Волнение охватило свыше 75 сел и деревень Спасского, Чистопольского и Лайшского уездов Казанской губернии, ряд уездов Симбирской и Самарской губерний. 12 апреля 1861 г. в Бездну вступили 2 роты Тарутинского полка под командованием генерал-майора графа А. С. Апраксина. Когда появились войска, Петров вышел к народу с иконой на груди, стал на возвышение и убеждал не сдаваться, а стоять за правду как один человек¹⁷⁹. От крестьян потребовали выдать предводителя и разойтись по домам. Ответ был: «Не сдадим. Воля. Воля. Умрем за царя»¹⁸⁰. Петрова арестовали только после нескольких залпов по безоружным крестьянам, когда толпа рассеялась. По официальным данным было убито 55 и ранен 71

человек. По сообщению врача, лечившего раненых, общее число жертв превышало 350 человек¹⁸¹. 19 апреля Антон Петров был публично расстрелян. Наиболее активные крестьяне были наказаны розгами и приговорены к тюремному заключению.

Расстрел безоружных крестьян вызвал возмущение и протест демократической интеллигенции в России и за границей. Студенты университета и Духовной академии организовали 16 апреля в Казани демонстративную панихиду по жертвам кровавой расправы, на которой с речью выступил профессор истории университета А. П. Щапов. «Вы первые, — говорил Щапов, обращаясь к погибшим, — нарушили сон, разрушили своей инициативой наше несправедливое сомнение, будто народ наш не способен к инициативе политических движений... Мир праху вашему и вечная историческая память вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция!»¹⁸²

Большим упорством отличались волнения в апреле 1861 г. в Пензенской губернии, начавшиеся в селах Черногай и Кандеевка. В них приняло участие более 10 тыс. человек из 26 сел. В результате столкновения с войсками восставшие крестьяне 18 апреля в Кандеевке были расстреляны двумя ротами солдат. Среди крестьян 8 застрелено на месте и 11 умерло от ран. Осуждено 174 человека, 114 из них сосланы на каторгу и поселение в Сибирь¹⁸³. В ответ на реформу 19 февраля 1861 г. волнениями были охвачены крестьяне как в великорусских губерниях, так и на Украине, в Белоруссии, Литве и других национальных районах. Крупные выступления произошли в Подольской, Смоленской, Виленской, Ковенской, Черниговской губерниях, в которых участвовало несколько тысяч крестьян¹⁸⁴. Во всех этих выступлениях проявлялись антикрепостнические настроения: крестьяне требовали перехода к ним всей земли, полной независимости от помещика, невмешательства царских чиновников в дела крестьянского общества. Крестьянские волнения получили значительный общественный отклик.

Назначенный через несколько дней министром внутренних дел П. А. Валуев, говоря о причинах неповиновения крестьян, 15 апреля 1861 г. записал в своем дневнике: «Само правительство здесь частью виновато. Оно твердило и одобряло других твердить печатно, что безземельный крестьянин немислим, что он должен быть собственником и т. п. Когда дошло до практики, разъяснение этих понятий оказалось затруднительнее на деле, чем на бумаге»¹⁸⁵.

Наибольшее число волнений произошло в марте-июле 1861 г. Всего в 1861 г. зарегистрировано центральными органами 337 случаев применения военной силы. В 1862—1863 гг. открытых крестьянских выступлений было уже меньше. С начала 1862 г. наблюдается вторая волна крестьянского протеста — уклонение от подписания Уставных грамот, что было вызвано широко распространенными среди крестьян слухами о том, что в

ближайшее время им будет дарована царем новая, «настоящая воля». Причем срок ее наступления («слушный час») ожидали к 19 февраля 1863 г. — ко времени окончания введения в действие «Положений 19 февраля 1861 г.» В 1862 г. воинские команды вводились в имения 193 раза.

17 августа 1862 г. Александр II, находясь в Твери, выступая перед дворянством, в частности, сказал: «Прискорбно мне очень, что были у вас в губернии беспорядки, вынудившие меня принять строгие меры. Я не мог иначе поступить и всегда взыщу строго. Поверьте, что все возбуждающие беспорядки готовят гибель и первые падут жертвами...»¹⁸⁶.

Несмотря на применявшиеся жестокие репрессии, вера в справедливость царя не угасала. Крестьяне надеялись найти в лице монарха опору и защиту против помещиков и чиновников. Эта надежда успокаивала и ободряла.

Для устранения поводов к недоразумениям были приняты следующие меры: а) мировые посредники были допущены к временному исправлению должности, не ожидая утверждения их сенатом; б) крестьяне облегчены в платежах немедленно, не ожидая введения Уставных грамот; в) разъяснено, что только те крестьяне обязаны отбывать повинности, которые наделены землею; г) в Инфляндских уездах и Северо-Западных губерниях размеры барщины уменьшены; д) высочайше разрешено в виде временной меры в 1861 г. высылать в другие губернии, под надзор полиции, на срок не более 2 лет подстрекателей крестьян к неповиновению и беспорядкам; е) губернаторам поручено принимать решительные действия к восстановлению порядка и повиновению властям; ж) приняты меры к скорейшему составлению и введению в действие Уставных грамот, з) губернаторам предложено объехать летом все волости временно-обязанных крестьян, в сопровождении членов губернских присутствий и и) для прекращения слухов о новой воле распространены подлинные слова Александра II о неосновательности этого слуха, сказанные крестьянам, являвшимся на встречу к царю в Москве и других местах во время его путешествия в Крым¹⁸⁷.

Применение всех этих мер побудило довольно скоро крестьян обращаться с просьбами и жалобами о всех своих нуждах. Для поддержания в них стремления к законному выражению своих нужд Министерство внутренних дел приняло все меры к быстрейшему разрешению поступающих от крестьян прошений. Причем в наиболее важных случаях разъяснительные объяснения подписывались министром и препровождались на место в подлиннике, для прочтения крестьянам на полных сходах и для выдачи им на руки.

Затем министерством были распространены утвержденные Александром II Положения Главного комитета 11 июля 1863 г. и 26 сентября 1865 г., в которых подробно разъяснены порядок

и сроки обжалования постановлений губернских присутствий, с указанием — по какого рода делам жалобы приносятся в Правительствующий сенат и по каким — в министерство, причем допущено обжалование решений министерства Главному комитету; в случаях же пропуска срока на обжалование указан порядок ходатайства о восстановлении пропущенного срока¹⁸⁸.

Значение крестьянской реформы 1861 г.

Освобождение крестьян от крепостной неволи — величайшая реформа Александра II и, конечно,

самое важное событие в России за все время правления династии Романовых.

«Пройдут века, — писал В. О. Ключевский, — и не будет акта, столь важного, который бы до такой степени определил собою направление самых разнообразных сфер нашей жизни»¹⁸⁹. «Этот драгоценный акт, — отмечал А. В. Никитенко, — важнее которого вряд ли что есть в тысячелетней истории русского народа»¹⁹⁰.

Такая беспристрастная оценка корифеев отечественной мысли вполне оправдывает имя «Царь-Освободитель», под которым Александр II вошел в мировую историю.

Несмотря на, казалось бы, абсолютную власть, которой располагал августейший правитель России, Александру II надо было глубоко осознать историческую необходимость реформы, проявить личную смелость и настойчивость в преодолении мощного противодействия со стороны правящего дворянского сословия. Александр сумел провести крестьянскую реформу, избежав трагедии гражданской войны и бунта русского крестьянства. В этом отношении он действовал намного успешнее, чем его современник американский президент Авраам Линкольн¹⁹¹, которому освобождение негров от рабства стоило гражданской войны между Севером и Югом и колоссальных жертв с обеих сторон.

Весь ход подготовительных работ по освобождению крестьян свидетельствует о том, сколько твердой воли, такта и упорства внесено самим императором в это дело, которое он считал «святым и самым жизненным для России». Отмена крепостного права открыла России новую жизнь, вдохнув «душу живу» в многомиллионное русское крестьянство.

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. вошла в историю России как «великая реформа». Значение ее поистине универсально. Освобождение крестьян знаменовало явный поворот России в сторону буржуазного развития. Реформа явилась началом обновления «во всех сферах и направлениях» российской жизни. С падением крепостного права Россия вступила в новую эпоху, характерная черта которой — ускоренное развитие всех отраслей народного хозяйства и культуры.

После ознакомления с «Положениями 19 февраля 1861 г.» один из лучших знатоков аграрного строя Западной Европы и

вдумчивый наблюдатель русского сельского строя, с которым он внимательно знакомился во время своего путешествия в 1843 и 1844 гг., барон Август Гакстаузен писал: «Ни один из народов, ни одно государство Европы не имели и не дождались всеобъемлющего законодательства о крестьянах таких величавых размеров, с таким вниманием отнесшегося ко всем политическим и социальным условиям страны»¹⁹².

Реформа 1861 г. явилась отправной точкой для целой системы последующих реформ, имевших целью ослабить бюрократический произвол и административное всевластие, обеспечить права личности и законность, расширить свободу слова, печати, научного исследования, поднять уровень образования, местного управления и др. Вопросы жизни государства стали для просвещенных слоев общества предметом постоянного и живого интереса.

Один за другим отпадали факторы, сдерживавшие торговлю и формирование свободного рынка. Значительная часть дворянства вступала на путь капиталистического предпринимательства, усиливались позиции буржуазии, росла численность промышленных предприятий и работавших по найму.

В то же время в результате реформы помещики сохранили свое привилегированное положение, а крестьяне по-прежнему были неполноправным сословием. Получив мизерные наделы земли, в своем большинстве недостаточные для обеспечения мало-мальски нормального существования, крестьяне оставались в фактической зависимости от помещиков, облагались подушной податью. Для крестьянства после реформы сохранилось и внеэкономическое принуждение: временнообязанное состояние, круговая порука и телесные наказания.

Изменения в системе государственных органов

Отмена крепостного права и постепенное превращение феодальной монархии в буржуазную вызвали

насушную необходимость преобразования всего государственного организма страны. Проводя в 60—70-е годы реформы, отражавшие капиталистический курс развития, правительство стремилось сохранить господствующее положение дворян. Именно в эти годы оно пыталось успокоить дворянство, большая часть которого была недовольна эмансипацией крестьян. Император Александр II сохранял закрепленный в основных законах Российского государства статус неограниченного монарха: «Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». 60—70-е годы принесли ему славу великого реформатора даровавшего свободу миллионам рабов, на что не решались его предшественники. В эти же годы он становится как бы заложником своих реформ, мишенью для фанатичных и безответственных террористов. В ходе реформ довольно серьезные задачи возлагались на Государственный совет — высшее

законосовещательное учреждение Российской империи. Одновременно Государственный совет оставался высшей инстанцией по ряду судебных, административных и финансовых дел. Судебная роль его все более сужалась, а число административно-финансовых дел возрастало.

Предварительно рассмотрение законопроектов, поступающих в Государственный совет, происходило в трех его департаментах (законов, экономии, гражданских и духовных дел), игравших, по существу, роль подготовительных комиссий. Для обсуждения некоторых вопросов при Государственном совете создавались особые комитеты (Западный, Кавказский, Еврейский, об устройстве сельского населения), комиссии (для исследования железнодорожного дела, окончания работ по преобразованию судебной части) и совещания (для охраны спокойствия и др.). Важнейшим из них даже предоставлялись права департаментов, и дела их поступали прямо в Общее собрание Государственного совета. Мнения высшего законосовещательного учреждения поступали в виде «меморий» на утверждение императору, при этом Александром иногда утверждались мнения меньшинства членов Государственного совета. Все члены и председатель Государственного совета назначались царем. Председателями совета во время царствования Александра II были: князь А. И. Чернышев (1855—1856), князь А. Ф. Орлов (1856—1861), граф Д. Н. Блудов (1862—1864), князь П. П. Гагарин (1864—1865), великий князь Константин Николаевич (1865—1881). В случае присутствия царя председательство переходило к нему.

Сенат¹⁹³ продолжал сохранять статус высшего органа суда и надзора. К середине XIX в. он представлял собой совокупность 12 полусамостоятельных департаментов, нескольких общих собраний и других учреждений, объединяемых лишь главенством генерал-прокурора, ставшего с учреждением министерств и министром юстиции. В состав каждого департамента входило несколько сенаторов, назначенных пожизненно царем, во главе его стоял обер-прокурор, а председательствующий в нем назывался первоприсутствующим.

В связи с судебной реформой 1864 г. в сенате были учреждены в 1866 г. два новых, кассационных, департамента — Гражданский и Уголовный. В то же время, по мере распространения новых судебных установлений, закрывались его апелляционные департаменты, поскольку большинство апелляционных дел перешло в созданные на местах судебные палаты. В 1872 г. в составе сената был создан высший политический суд России — «Особое присутствие для суждения о государственных преступлениях и противозаконных сообществах».

Практически мало изменились функции Комитета министров¹⁹⁴ — высшего административного органа России, в котором император совещался с наиболее доверенными чиновниками по всем вопросам управления государством. Комитет министров

рассматривал дела, которые министры не могли решать из-за отсутствия законов, а также когда дело касалось интересов других ведомств и т. п. С 1872 г. он выступал как высшая цензурная инстанция. До 1865 г. председатель Комитета министров был одновременно и председателем Государственного совета. Председателями Комитета министров были князь П. П. Гагарин (1864—1872), граф П. Н. Игнатьев (1872—1879), граф П. А. Валуев (1879—1881).

Еще в ноябре 1857 г. для рассмотрения общих вопросов, связанных преимущественно с проводимыми реформами, был создан Совет министров¹⁹⁵. Его статус был оформлен законом 12 ноября 1861 г. В состав Совета министров входили министры и главноуправляющие ведомств, председатели Государственного совета и Комитета министров. На его заседаниях председательствовал сам Александр II, ему же принадлежала инициатива вынесения на рассмотрение Совета министров всех вопросов. Наиболее активно заседания проходили в 1858—1864 гг. В 70-е годы они проводились реже, а с 11 декабря 1882 г. прекратились вообще.

В период преобразований значительно был перестроен аппарат министерств, многие из них стали создавать свои местные органы. Время выдвинуло на первый план такие отраслевые ведомства, как Министерство путей сообщения, Министерство государственных имуществ, Главный комитет железных дорог, Министерство финансов.

Особую роль в пореформенный период приобрело Министерство внутренних дел¹⁹⁶, имевшее на местах ряд подведомственных органов: уездные полицейские управления, губернские правления, губернские присутствия и др. Министр внутренних дел имел право учреждения гласного полицейского надзора, разрешения периодических изданий и наложения на них взысканий, издания различных административных распоряжений и пр. Министрами внутренних дел были: Д. Г. Бибиков (1852—1855), С. С. Ланской (1855—1861), П. А. Валуев (1861—1868), А. Е. Тимашев (1868—1878), Л. С. Маков (1879—1880), М. Т. Лорис-Меликов (1880—1881)¹⁹⁷.

Губернаторы контролировали деятельность новых органов местного управления, созданных в ходе реформы: присутствий по крестьянским делам, присутствий по делам городского и земского самоуправления, фабричных инспекций и др.

С начала 60-х годов глава полицейской власти в уезде — исправник — не избирался дворянством, а назначался Министерством внутренних дел. Вместо земского суда, бывшего полицейским органом, в уезде были созданы уездные полицейские управления, власть которых распространялась не только на уезд, но и на город.

В связи с судебной реформой была упразднена выборность местным дворянством представителей судебной власти (председа-

теля палат уголовного и гражданского суда, а также заседателей уездных судов).

Таким образом, влияние местного дворянства на губернские и уездные правительственные учреждения значительно ослабло. Однако в пореформенный период влияние дворянства было еще велико в земстве.

После покушения Д. В. Каракозова на царя 4 апреля 1866 г. внутренняя политика правительства претерпевает серьезные изменения. Новый правительственный курс был изложен Александром II в его рескрипте от 13 мая 1866 г. на имя председателя Комитета министров князя П. П. Гагарина. В этом документе, озаглавленном «О главных началах, которыми должны руководствоваться министры и главноуправляющие отдельными частями при управлении вверенными им ведомствами», император писал: «...Признаю я своею обязанностью охранять русский народ от тех зародышей вредных лжеучений, которые со временем могли бы поколебать общественное благоустройство, если бы развитию их не было поставлено преград»¹⁹⁸.

В общественной жизни страны в этот период определенную роль играло либеральное движение¹⁹⁹. В рукописной литературе, различных проектах, публицистических статьях в журналах «Отечественные записки», «Русский вестник», «Атеней» и других видные либеральные деятели К. Д. Кавелин, И. С. Аксаков, А. И. Кошелев, Б. Н. Чичерин, И. К. Бабст²⁰⁰, А. М. Унковский и другие выдвигали программу реформ, осуществляемых правительством, при сохранении помещичьего землевладения и монархии. Они выступали за освобождение крестьян с землей за выкуп, уничтожение сословных привилегий, гласность, ликвидацию полицейского режима, отмену телесных наказаний, ограничение прав правящей бюрократии, создание представительных учреждений.

ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА

Отечественные традиции самоуправления масштабны и основательны, а посему заслуживают подробного рассмотрения

*Н Пирумова*¹

После освобождения крестьян одной из первых и наиболее крупных реформ была земская, призванная поднять местное хозяйство и управление.

1. Подготовка земской реформы

Органы местного управления в дореформенный период

Считается, что земское начало есть исконное начало русской истории. Еще в древнейших актах русской государственной практики

земское начало противопоставляется государственному: «Земское и государево дело», «земщина» и «государь», «земщина и опричина»².

Под первым подразумевается земля, население, его интересы, его представители, под вторым — власть государственная (княжеская, царская), с ее интересами и органами. Фактически то и другое начало реализовывалось земскими властями — выборными земли и государственными, приказными властями, т. е. теми, которым приказано князем, царем ведать какой-нибудь отраслью правления. И земские, и приказные органы власти существовали всегда совместно. Однако в одни периоды истории преобладала земская власть с чертами демократии, в другие — приказная, автократическая. Зависело это, прежде всего, от положения государственной власти.

Издревле, когда государство еще только складывалось и государственная власть была слаба, неустойчива, земское начало брало верх над приказным. Когда же государство сложилось и власть окрепла, на первый план выступило приказное начало. Тем не менее, земское начало никогда не исчезало, ни в идее, ни в практике. Государственная власть пополняла свои органы за счет земских сил, а также для контроля за ними и борьбы со злоупотреблениями.

Земская реформа Ивана IV, проведенная в середине XVI в., заменила так называемые кормления в городах, черных и дворцовых волостях местным выборным самоуправлением. Она за-

вершила перестройку местных органов по принципу сословного представительства и усилила централизацию государственного управления³.

С середины XVI до второй половины XVII в. в России собирались земские соборы, представлявшие собой высшие сословно-представительные учреждения, на которых рассматривались важнейшие общегосударственные вопросы⁴.

При Петре I термин «земство» как бы выпадает из употребления государственных деятелей. Петр максимально усиливает централизованную государственную власть, при этом земское начало падает.

В 1708 г. Петром было создано восемь губерний, а к концу царствования число их дошло до 12. Губернии разделялись на провинции, провинции на уезды. Все управление губернией находилось в руках коронных чиновников, назначаемых из центра и подчиненных только центру. Местное общество не принимало в нем никакого участия.

Таким образом, петровская губерния, как и прежний военный округ, являлась не местной самоуправляющейся единицей, а лишь частью административного механизма, главной функцией которого была организация армии и «отыскание финансов на ее содержание»⁵.

В дальнейшем число губерний растет за счет разукрупнения ранее существовавших губерний и присоединения к империи новых территорий. В результате к концу XVIII в. в России насчитывалось 50 губерний⁶.

Екатерина II принимает меры к деятельному участию земских сил в управлении. При ней участие общества в местном управлении по необходимости принимает сословный характер. В уезде дворянство с давних пор имело решающее влияние. Оно было наиболее образованным, за ним была вековая служба, а другое сословие уезда — крестьянское, было несвободным. В городе же значение имело торгово-промышленное сословие — купечество. При участии этих двух сословий и было организовано местное управление Екатериной II, что получило отражение в Положении о губерниях 1775 г. и Жалованных грамотах 1785 г. дворянству и городам⁷. Оба названных сословия участвовали в местном управлении в коллегиальных учреждениях совместно с правительственными чиновниками, а также в сословных учреждениях. Из своей среды, кроме того, они выбирали и общедминистративные органы.

Таким образом, господствующее положение в уезде занимало дворянство. Ко времени Екатерины II оно освободилось от обязательной военной службы. Царица Жалованной грамотой укрепила сословные права и привилегии дворян, предоставив им широкое участие в местном управлении. Они стали участвовать в коллегиальных учреждениях (приказах общественного призрения, сословных судах). Дворяне выбирали из своей сре-

ды земского исправника и заседателей, составлявших земский суд⁸.

Первоначально дворянство, освободившись от обязательной службы восторженно отнеслось к дарованным правам, но потом охладело к ним. Уже при Екатерине II ощущается равнодушие поместного дворянства к своим правам, как сословным, так и в местном управлении.

Многие дворяне не являются на свои собрания, нередко затрудняются выборы предводителей. Дворянские и другие местные должности занимаются людьми мелкими и недостойными, более крупные и влиятельные лица от этого уклоняются. Спад интереса дворян к выборной службе, к участию в местном управлении продолжается и дальше. Павел I, пытаясь затормозить эту тенденцию, отменил Жалованную грамоту и систему выборов «для облегчения дворян» заменил назначением.

Центральной фигурой в местном управлении оставался помещик, державший в своих руках экономическую, административно-судебную и полицейскую власть над своими крестьянами.

Не случайно Павел I откровенно заявлял: «У меня столько полицмейстеров, сколько помещиков в государстве»⁹.

Александр I вновь восстановил Жалованную грамоту, стремясь представить выборную службу как особую, почетную. Однако престиж ее продолжал падать. Николай I в новом положении «О порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным», вышедшем в 1831 г., безуспешно домогается поднять роль выборных должностей¹⁰.

В том же году министр внутренних дел докладывает ему, что более состоятельные дворяне уклоняются от выборной должности, «которая ничего не обещает, кроме труда и ответственности, они считают ее унижительной».

Престиж выборных должностей не поднялся даже после того, как Николай I предоставил выборной дворянской службе права государственной. Министр внутренних дел граф Перовский в донесении царю писал, что «чиновники, служащие по выборам, нередко менее способны и надежны, чем определяемые от правительства, звание земских исправников и заседателей слишком унижено в общественном мнении»¹¹.

Совпадает с этим и мнение иностранца барона Гакстгаузена, находившегося тогда в России и вынесшего свои впечатления о провинциальной жизни и местном управлении.

«Крупное дворянство, — пишет барон, — не жило в своих имениях, наезжая туда лишь по временам, никакой живой связи с местным обществом, его жизнью и интересами оно поэтому не имело; оно живет по городам, несет придворную или государственную службу; большая часть его не имеет вовсе того, что называется в Европе экономией, деревенской оседлостью; большая часть их, правда, имеет деревенские усадьбы, но живет в

них недели, много месяцы. Такой дворянин смотрит на свое имение не как на отеческий дом; он не питает по отношению к нему того, что можно назвать «любовью к Родине». Поэтому нет ничего удивительного, что губернское сословное управление в России носит такой печальный характер; нет ничего удивительного, что в нем принимает такое ничтожное участие образованное, экономически состоятельное дворянство, что выборы в сословные должности большей частью в руках необразованного дворянства»¹².

По указу Николая I 1837 г. главным лицом в системе местного управления являлся губернатор¹³, подчиненный правительству и в особенности министру внутренних дел. Он координировал деятельность всех учреждений губернии, осуществлял административно-хозяйственные, полицейские, надзорные, военные и иные функции.

Губернатор был председателем губернского правления, особенно о земских повинностях присутствия, приказа общественного призрения, строительной и державной комиссии, тюремного комитета и, кроме того, был обременен огромной перепиской как с министерствами, так и с уездными учреждениями.

Ясно, что самому ему четко и добросовестно выполнить такие обязанности было не под силу. Естественно, власть его переходила к подчиненным, которые, прикрываясь его именем и авторитетом, действовали как хотели. Если же учесть, как подметил публицист А. А. Головачев, «что существовал обычай назначать губернаторов из лиц военных, вовсе не знакомых с гражданским законодательством, то легко понять, какой порядок господствовал в управлении, и могла ли быть речь о приложении какой бы то ни было системы»¹⁴.

Очередное по значению место после губернатора занимал губернский предводитель дворянства, выполнявший всякого рода полицейские, следственные, попечительские и иные функции. Далее следовал уездный предводитель дворянства, стоявший во главе аппарата уездных чиновников.

Дореформенная система местного управления целиком находилась в ведении ряда бюрократических учреждений и стояла на страже интересов дворянства.

Господствовавшие в ее деятельности принципы централизма и бюрократизма не считались с реальными нуждами местного населения, местной промышленности и местного торгового оборота.

В 1847 г. по всем губерниям на почтовую повинность расходовалось 29% местных средств, 18 — на содержание полиции, 12,5 — на обеспечение губернского правления и тюрем, 11 — на дорожную повинность, 12,3 — на отправление воинской повинности, 4,1 — ссыльно-этапной и 1,8% — на содержание арестантских рот¹⁵. Итак, 60% расходов шло на содержание полиции, губернского управления, почту и тюрьмы.

Народным продовольствием в губернии заведовала губернская комиссия народного продовольствия, в которую входили три представителя от дворянства: губернский предводитель дворянства, один из уездных предводителей и избираемый дворянством непременный член. В уезде все управление продовольственной частью (кроме чисто исполнительных функций) было возложено на уездного предводителя дворянства и его помощников — попечителей хлебных запасных магазинов, избираемых дворянством, а также непосредственно на помещиков.

Такое управление народным продовольствием привело в конце 50-х годов к тому, что «учреждение сельских магазинов служило собственно не для обеспечения народного продовольствия, а для содержания попечителей». Степень же пользы ничтожных денежных сумм, выдававшихся на продовольствие крепостных (не выше 3 руб. на душу) в распоряжение помещиков, «не обнаружилась никаким видимым образом»¹⁶.

Столь же мизерны были результаты почти вековой деятельности приказов общественного призрения, которые занимались организацией медицинской, учебно-воспитательной и благотворительной помощи населению. Деятельность их была сосредоточена в основном в крупных губернских городах, лишь изредка охватывая некоторые уездные. Крестьянство фактически было лишено призрения самим законом, который на бумаге возлагал призрение крепостных на их помещиков.

Ко времени реформы по всей России в ведении приказов состояло лишь 519 больниц, 33 дома для умалишенных, 8 воспитательных домов, 113 богаделен, инвалидных домов и домов для неизлечимых, 23 сиротских дома, несколько училищ для канцелярских служителей, фельдшерских школ и исправительных заведений¹⁷.

Общепризнано, что во всех этих немногочисленных учреждениях организация медицинской помощи, образования и благотворительности находилась на самом низком уровне, что нашло отражение и в официальных данных. По сводкам губернаторских отчетов за 1864 г., в Ярославской губернии имелся один врач на 23 тыс. человек, в Костромской — на 30 тыс., в Нижегородской — на 6989 человек¹⁸.

Не лучше обстояло дело с начальным народным образованием. В Ярославской губернии на одного учащегося в сельской школе приходилось 283 неучащихся. В Костромской губернии имелось 269 школ на 13 тыс. сел и 10 тыс. деревень¹⁹.

Картина усложнялась неразделенностью, перемешанностью административных, судебных и хозяйственных полномочий, возлагавшихся на местную администрацию. Объективные условия показывали, что время организации местного управления на словесном начале уже прошло.

«Севастопольский страшный суд»²⁰ совершенно подорвал веру в порядок вещей, который еще недавно многие общественные деятели считали верхом политической мудрости.

Только падение крепостного права открывало путь для переустройства как организации управления, так и его функций.

Первые наброски реформы Работа по подготовке земской реформы началась в 1858 г., почти одновременно с появлением намерения освободить крестьян. Уже в феврале того же года в Главном комитете по крестьянскому делу были рассмотрены предварительные соображения о новом устройстве уездного управления.

Вскоре эти соображения были одобрены Александром II, а в мае разосланы губернаторам на рассмотрение. Главная мысль проекта 1858 г. состояла в том, что уездная полиция и вся административная власть в уезде передавалась назначенному от правительства уездному начальнику (преимущественно из военных)²¹.

Аналогичная реформа в XVIII в. была проведена в Пруссии. Император Фридрих II²², привлекая военных к управлению, надеялся ослабить влияние бюрократии. Такую же цель преследовали и в Петербурге, разрабатывая подобный проект.

Дворянство негативно отнеслось к проекту. Например, славянофил Ю. Ф. Самарин назвал этот документ «нелепейшим произведением»²³. Большинство губернаторов также нелестно отозвались о проекте.

25 марта 1859 г. последовало высочайшее повеление императора, в котором были окончательно определены главные начала местного управления. В повелении говорилось: «При устройстве исполнительной и следственной части, войти в рассмотрение хозяйственно-распределительного управления в уезде, причем обсудить необходимость предоставления хозяйственному управлению в уезде большего единства, большей самостоятельности и большего доверия, а также определить степень участия каждого сословия в хозяйственном управлении»²⁴.

Вскоре (август 1859 г.) министр внутренних дел Ланской во всеподданнейшей записке наметил и «степень участия»: «дабы вознаградить дворян за потерю помещичьей власти, им следует предоставить первенство в хозяйственной администрации»²⁵.

Примерно тогда же возникают различные предложения о введении земского всеобщего самоуправления. Наиболее четко об этом было заявлено предводителем Тверского дворянства А. М. Унковским в августе 1859 г., а затем во всеподданнейшем адресе пяти депутатов. Осуждая существующее положение в местном управлении России, они подчеркивали, что «все дело в гласности; в учреждении независимого суда; в строгом разделении властей и в самоуправлении общества в хозяйственном отношении»²⁶.

В таком же духе высказалось и дворянство Тверской, Ярославской и Владимирской губерний на своих собраниях конца

1859 и начала 1860 г., возбуждая ходатайство о преобразовании местного управления. О необходимости реформы местного управления много говорилось в это время и в печати.

В дискуссии о предстоящей земской реформе, развернувшейся на протяжении 1860—1863 гг., приняли участие известные публицисты и общественные деятели И. С. Аксаков, А. И. Кошелев, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский и другие.

Важно подчеркнуть, что земское дело в этот период было в основном дворянским. Ни крестьянство, ни купечество, ни революционно настроенную студенческую молодежь земство не интересовало. При всем многообразии и различии проектов и постановлений в частности все они сводились к двум основным направлениям. Первое направление образовали те, кто хотел, в той или иной мере, сохранить сословные привилегии дворянства в земских учреждениях; второе направление составили противники сословности и сторонники всесословного земства²⁷. Особого внимания заслуживают мысли Кошелева, изложенные им в брошюре «Какой исход для России из нынешнего положения?», изданной им в Лейпциге в 1862 г. Это был настоящий памфлет против существовавшей тогда бюрократии. Кошелев отмечал, что в стране «самодержавствует» не царь, а бюрократия. «Она, — отмечал он, — заключает в себе источник происшедших, настоящих и еще (надеемся ненадолго) будущих бедствий для России»²⁸.

В создавшейся обстановке коренная перемена неизбежна, по мнению автора, она может произойти либо через «кровавую революцию», либо через «единение царя с народом». По мнению Кошелева, все здание государственного управления, построенного снизу доверху на представительном начале, должна увенчать земская дума. «Уездные, губернские всесословные собрания необходимы для России, — писал он, — и у нас будут особенно полезны, но они должны быть устроены и утверждены общей Земской думой. Без изменения высшей администрации никакое местное учреждение преуспеть не может»²⁹. По сути дела Кошелев предлагал введение конституции. К сожалению, эти идеи не были приняты в то время.

Значительно позже С. Ю. Витте писал, что «этот собор с самоуправляющейся местной землей весьма скоро обратился бы в самый обыкновенный парламент, с широко поставленным местным самоуправлением»³⁰.

Комиссия
Н. А. Милютина

27 марта 1859 г. при Министерстве внутренних дел учреждается комиссия «О хозяйственно-распорядительном управлении в уезде» под председательством Н. А.

Милютина, имя которого неразрывно связано с великим делом крестьянской реформы, а позже с коренным преобразованием всего строя жизни в бывшем Царстве Польском. В самом назва-

нии комиссии заранее предусматривалось, чтобы вновь создаваемые органы местного управления не выходили за рамки чисто хозяйственных вопросов местного значения. Членами комиссии были определены чиновники различных министерств, некоторые губернаторы и представители высшей полиции. В частности, в состав комиссии вошли представители различных ведомств, государственные деятели — С. И. Зарудный, С. Р. Жданов, А. К. Гирс, К. К. Грот, Я. А. Соловьев и другие³¹. Позднее, 23 октября 1859 г., этой же комиссии поручили составление проекта преобразования губернского управления. При этом первостепенной задачей было определено освобождение полиции от хозяйственных забот³².

Талантливейший из бюрократов Александровского царствования Н. А. Милютин в короткое время подготовил проект полицейской реформы, который был осуществлен лишь частично. В нем упрощалась система устройства полиции благодаря изъятию из ее ведомства судебных, следственных и хозяйственно-распорядительных органов. Полицейская реформа была начата 8 июня 1860 г.³³ Некоторые изменения и улучшения в устройстве полиции были введены указом императора 25 декабря 1862 г.³⁴ Вопросы, относящиеся непосредственно к организации земского самоуправления, рассматривались как второстепенные и их решение откладывалось на неопределенный срок. Комиссия Милютина составила также проект Временных правил для общего хозяйственного управления в уездах. В этом проекте предлагалось возложить хозяйственно-распорядительные функции на уездное земское присутствие в составе «бюрократической верхушки уезда и уездного города и предоставить ему право решения вопросов, связанных с земским обслуживанием и др.³⁵

К сожалению, в деятельности Н. Милютина по подготовке земской реформы и в его отношении к будущим земским учреждениям, как справедливо отметил В. Гармиза, не видно ни «демократизма», ни «крайнего либерализма».

Работа комиссии вызвала недоверие дворян к готовящимся реформам, что было известно Александру II. В начале апреля 1861 г. Милютин и Ланской без просьбы с их стороны получили отставку. Объясняя причину отставки, Милютин писал Ю. Самарину 4 мая 1861 г.: «До вас, вероятно, дошла весть об устранении С. С. и меня. Это было сделано без инициативы с нашей стороны и без особенных событий, которые изобретает ныне досужая молва. Просто-напросто реакция взяла свое»³⁶.

Комиссия П. А. Валуева Председателем комиссии по земскому делу в апреле 1861 г.³⁷ был назначен новый министр внутренних дел П. А. Валуев. Новый министр был известен как ловкий чиновник, человек высшего света, дороживший своей карьерой.

«...Помещичья партия, — отметил в своих воспоминаниях Д. А. Милютин, — имела полное основание рассчитывать на Валуева для осуществления своих видов. Партия эта, не успев помешать осуществлению крестьянской реформы, старалась, по крайней мере, при самом введении в действие «Положения 19 февраля» оградить, сколько возможно, свои интересы»³⁸.

По выражению великой княгини Елены Павловны, Валуев был «способен много наговорить, но сделать немного». И действительно, работа комиссии под руководством Валуева была довольно медленной и нерешительной.

Земские учреждения, как отмечал Б. Б. Веселовский, не успев еще появиться на свет, стали вызывать к себе враждебное отношение со стороны правительственных кругов³⁹. «Слово земство, — писала 26 января 1862 г. великая княгиня Елена Павловна Н. А. Милютину, — наводит страх в высших сферах»⁴⁰.

Только 22 февраля 1862 г. министр внутренних дел представил доклад императору с изложением основных начал земской реформы. Очерк «Положения» о земских учреждениях 15 марта был рассмотрен в Совете министров под председательством великого князя Константина Николаевича. 2 июля этот очерк был утвержден Александром II, а осенью опубликован для общего сведения.

Подготовленный комиссией Валуева проект «Положения» о земских учреждениях, а также Наказ земским учреждениям и Временные правила о земских повинностях 30 марта 1863 г.⁴¹ были отправлены на заключение главноуправляющему II (Законодательным) отделением канцелярии е. и. в. барону М. А. Корфу.

Свой обширный критический отзыв на проект «Положения» М. А. Корф препроводил министру внутренних дел 6 мая 1863 г., заручившись поддержкой Александра II, которому доложил свои соображения в Царском Селе 2 мая того же года⁴².

Наряду с официальной запиской М. А. Корфа были представлены частные письменные замечания министра государственных имуществ А. А. Зеленого, военного министра Д. А. Милютина и члена Государственного совета, действительного тайного советника Е. П. Ковалевского⁴³.

26 мая 1863 г. Валуев передал подготовленные материалы предстоящей земской реформы в Государственный совет, где они были рассмотрены сперва в соединенных департаментах законов и государственной экономии в усиленном составе, с участием столичных губернских предводителей дворянства и городских голов, а затем — в общем собрании.

Проект обсуждался с июля по октябрь 1863 г. Видя, что дело подготовки реформы может затянуться на неопределенный срок, Александр II вынужден был его ускорить. На ведомости, представленной ему о делах, оставшихся неоконченными по Государственному совету к 1 ноября 1863 г., против дела о земских

повинностях царь написал: «Требую, чтобы дело это непременно было кончено до 1 января»⁴⁴.

В ходе бурного обсуждения проекта «Положения» о земских учреждениях в Государственном совете выявились две разные точки зрения. Под давлением критики Д. А. Милютина, М. А. Корфа, государственного секретаря Н. И. Бахтина, с.-петербургского военного генерал-губернатора А. А. Суворова⁴⁵ и Е. П. Ковалевского были несколько смягчены реакционные черты проекта П. А. Валуева, которого энергично поддерживали по всем важным вопросам граф В. П. Панин, шеф жандармов генерал-адъютант князь В. А. Долгоруков и др.

Были ограничены сословные привилегии дворян, расширен состав представительства, несколько увеличен круг деятельности земств и уменьшено влияние на него центральных учреждений.

2. Проведение земской реформы

Положение о губернских и уездных учреждениях 1 января 1864 г.

1 января 1864 г. Александр II подписал указ правительствующему сенату о введении в действие «Положения о губернских и уездных земских учреждениях». Это «Положение» оставалось в силе в течение четверти века, вплоть до нового «Положения» 1890 г., вошедшего в литературу как «земская контрреформа»⁴⁶.

Земское «Положение» 1864 г. основывалось на трех основных принципах. Во-первых, земское представительство было построено на сословном начале; во-вторых, круг деятельности земства был ограничен хозяйственными вопросами; в-третьих, именно в этих (хозяйственных) пределах ему была предоставлена самостоятельность.

По этому «Положению» все земские учреждения делились на уездные и губернские. Эти учреждения состояли из земского собрания, обладающего распорядительной и контролирующей властью, и земской управы как исполнительного органа. И собрания, и управы избирались на трехлетний срок. Собрания созывались один раз в году — в губерниях на срок не свыше 20 дней, в уездах на срок до десяти дней. Кроме того, могли быть и чрезвычайные собрания.

Земское собрание образовывалось из выборных населения — гласных (имевших право голоса). Число гласных по разным уездам колебалось от 10 до 96, а по губерниям — от 15 до 100. Губернские земские гласные избирались на уездных земских собраниях из расчета один губернский гласный от шести уездных.

Выборы в уездные земские собрания проводились на трех избирательных съездах (по куриям). Все избиратели делились в соответствии с имущественным цензом на три курии.

Первая курия — землевладельческая. В нее входили все землевладельцы уезда, независимо от их сословной принадлежности, имевшие не менее 200 десятин земли, и крупные владельцы, обладавшие недвижимой собственностью на сумму свыше 15 тыс. рублей или же получавшие годовой доход свыше 6 тыс. рублей, а также уполномоченные от духовенства и землевладельцев, имевших менее 200 десятин земли. Эту курию представляли в основном землевладельцы — дворяне и частично крупная торгово-промышленная буржуазия.

Вторая курия — городская. Ее составляли купцы всех трех гильдий, владельцы торговых и промышленных заведений в городах с годовым доходом не ниже 6 тыс. рублей, а также владельцы городских недвижимых имуществ стоимостью не менее 500 рублей в мелких и 2 тыс. рублей в крупных городах. Эта курия преимущественно была представлена крупной городской буржуазией, а также дворянами — владельцами городской недвижимости.

Третьей была курия сельских крестьянских обществ. По этой курии, кроме крестьян, могли баллотироваться местные дворяне и духовенство как представители «сельских обществ». В первых двух куриях выборы были прямыми, в третьей — трехступенчатыми. Вначале сельский сход выбирал представителей на волостной сход, где избирали выборщиков, а затем уже уездный съезд выборщиков избирал гласных в уездное земское собрание.

Благодаря многоступенчатости выборов по третьей курии в земства избирались главным образом наиболее состоятельные и «благонадежные» гласные из крестьян.

Примечательно, что по первой, землевладельческой курии, избиралось такое же число гласных, как и по двум другим вместе, что обеспечивало в земствах преобладающее положение дворянства.

Земская управа состояла из председателя и нескольких членов (до шести). Уездный председатель утверждался в должности губернатором, губернский — министром внутренних дел. Для членов управы этого не требовалось; правами государственной службы ни те, ни другие не пользовались.

Исполнительные органы земских собраний были ответственны перед губернским собранием, которое правомочно было налагать на них наказания, кроме случаев, подлежащих ведению общей администрации и суда. В целом земские учреждения находились под контролем и надзором правительства.

Губернаторы имели право опротестовывать и задерживать постановления земских собраний, если они находили, что эти постановления противоречат законам⁴⁷. В пределах предоставленной им законом компетенции земские учреждения действовали вполне самостоятельно и могли издавать обязательные постановления, которые для местного населения имели силу закона.

«Положением» 1864 г. полномочия земств охватывали: заведение имуществом, капиталами и денежными сборами земства; устройство и содержание принадлежащих земству зданий и других сооружений, а также путей сообщения; обеспечение народного продовольствия; благотворительные заведения и другие меры призрения; взаимное земское страхование имуществ; попечение о развитии местной торговли и промышленности; участие в попечении о народном образовании, о народном здоровье и о тюрьмах; ветеринарно-агрономические меры; участие в удовлетворении некоторых общегосударственных нужд (почта, воинское дело и др.); предоставление правительству сведений, заключений и ходатайств по вопросам, относящимся к местным хозяйственным нуждам, и др.

С утверждением «Положения» 1864 г. в распоряжение земских учреждений Министерство внутренних дел передало все губернские продовольственные капиталы, лечебные и благотворительные заведения⁴⁸.

Доходы земств складывались, главным образом, из обложения земель, лесов, недвижимого имущества, торговых и промысловых документов.

Земское обложение затрагивало все слои населения. Формально выходило, что богатые помещики платили во много раз больше крестьян. Однако на плечи последних почти полностью ложились дорожная, квартирная и подводная повинности.

Земские учреждения стали открываться постепенно, начиная с февраля 1865 г. Первым открыто было Самарское губернское собрание 28 февраля.

К 1 января 1866 г. земства были введены в 19 губерниях⁴⁹, в 1866 г. — еще в 9⁵⁰, в 1867 г. — Вятской и Олонецкой губерниях, в 1869 г. — в Бессарабской области, в 1870 г. — в Вологодской и Пермской губерниях, в 1875 г. — в Уфимской. К 1876 г. — в 34 губерниях Европейской России и в Области войска Донского (из 59 губерний и 16 областей)⁵¹. В последней они были затем отменены в 1882 г.

Действие земской реформы не распространялось на Сибирь, Архангельскую, Астраханскую и Оренбургскую губернии, в которых не было или почти не было помещичьих владений, а также на национальные районы России — Польшу, Литву, Белоруссию, Кавказ, Казахстан и Среднюю Азию. В Правобережной Украине земства были открыты лишь в 1911 г.

Вводя земские учреждения, правительство сделало, так сказать, уступку истории, «дав перевес в составе земских собраний» дворянству, как «классу более образованному и развитому» и «уже несколько опытному в гражданской жизни». Так, в 22 губерниях за первые 6 лет дворян было 44,9%, крестьян — 37,4%, духовенства — 0,5%, прочих — 17,2%. Итак, из 100 человек гласных 45 были дворяне, т. е. составляли почти половину всех остальных сословий⁵².

Отклики на земскую реформу

Новый закон был встречен вполне сочувственно печатью и обществом. Он вносил много нового в

народную жизнь. Правительство в определенной мере вступало на путь децентрализации в управлении страной.

Один из публицистов того времени — А. И. Васильчиков восторженно писал: «Мы со смелостью, беспримерной в летописях мира, выступили на поприще общественной жизни», «ни одному современному народу европейского континента не представлено такого широкого участия во внутреннем управлении, как русскому».

К. Д. Кавелин приветствовал новый закон как «событие громадной важности», составляющее эпоху в развитии русской общественной жизни. «Мы считаем, — писал он в статье «По поводу губернских и уездных земских учреждений», — Положение 1 января 1864 г. одним из самых обдуманых, выношенных, зрелых и сознательных плодов того направления, в котором теперь движется наша жизнь и наше законодательство»⁵³.

Благожелательное отношение к новой реформе правительства высказали и другие известные либеральные деятели: военный министр Д. А. Милютин, А. И. Кошелев и даже И. С. Аксаков, не отличавшийся по сравнению с другими либералами умеренностью воззрений. В личном письме к графине А. Д. Блудовой от 21 января 1864 г. он назвал земскую реформу «довольно скудным даром»⁵⁴, но в печати счел нужным воздать хвалу усердию составителей закона, поблагодарив правительство «за уничтожение юридических и сословных перегородок... и за уравнивание прав крестьян и помещиков» (?)⁵⁵.

В отличие от либералов революционные демократы без всякого на то основания и в духе своих революционных взглядов отказывались признавать в «Положении» о земских учреждениях введение действительного самоуправления.

«Новые положения, — писал А. И. Герцен, — до такой степени мизерны; неискренни, скудны, сшиты на живую нитку из французских лохмотьев, сбивчивы, жалки, тощи, пусты, что удивили самого г. Каткова»⁵⁶.

Не менее резкой критике подверг земскую реформу и Н. П. Огарев. «Положения» о земских учреждениях он пытался проанализировать в трех статьях «Колокола»⁵⁷. «Положение, — несправедливо утверждал Огарев, — является не учреждением новой гражданской свободы в России, а учреждением, которое сделано ради тщеславия, чтобы удивить Европу правительственным либерализмом»⁵⁸.

Огарев также ошибочно утверждал, что главные начала «Положения» о земских учреждениях списаны с французского кодекса 1833 и 1838 гг.

По мере более внимательного ознакомления с новым законом как восторженное, так и резко отрицательное, отношение к нему становилось более спокойным и даже равнодушным.

По прошествии 10 лет после введения закона один из земских деятелей А. А. Головачев отмечал, что «людей, которыми руководил бы не личный интерес, а общественная польза, как-то не видать; если же они и являются, то в виде исключений и без большого влияния»⁵⁹. Такое равнодушное отношение к земским учреждениям и уклонение лучших людей от них можно объяснить прежде всего недостатками самого «Положения» 1864 г.

Недостатки земского «Положения» 1864 г.

«Положение» о земствах не предусматривало создания стройной и централизованной системы. В ходе

реализации реформы не было создано единого представительного органа, возглавляющего и координирующего работу всех земств.

Когда в 1865 г. в Петербурге губернское земское собрание поставило вопрос об образовании такого органа, оно было просто закрыто правительством. В правительственной сфере раздавались голоса в пользу реформы Государственного совета и создания в нем «нижней палаты» — «Съезда государственных гласных» с законосовещательными правами, но они были категорически отвергнуты монархом и его окружением. Более того, вводились запреты на любые контакты между земствами разных губерний из-за опасения образования единой оппозиции.

Функционирование земских учреждений допускалось только на губернском и уездном уровнях.

В ходе реформы не было создано также и низшего звена, которое могло бы логически замкнуть всю систему земских учреждений — волостного земства. Не случайно современники подсмеивались над земством, называя его «зданием без фундамента и крыши».

Стремление «увенчать здание» прослеживается среди отечественных либералов на протяжении длительного времени — вплоть до создания Государственной думы.

К недостаткам надо отнести также неточность разграничения сфер земства и администрации по хозяйственно-распорядительным вопросам. Вся административно-полицейская власть на местах, как и ранее, оставалась в руках правительства.

В соответствии с «Положением» 1864 г. губернатор имел право «остановить исполнение всякого постановления земских учреждений, противного законам и общегосударственным пользам».

Отсутствие достаточных материальных средств и собственно исполнительного аппарата усиливали зависимость земств от правительственных органов.

Многие образованные и способные люди не могли быть избраны в гласные, не имея определенного состояния. Председате-

ли губернских земских собраний усердно пользовались предоставленной властью запрещать обсуждение нежелательных им или дворянству вопросов и т. п.

3. Некоторые результаты работы земства

Нам хорошо известны слова В. И. Ленина о том, что «Земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления...»⁶⁰

Однако факты показали несостоятельность этого выражения, а время раскрыло глаза на то, чего мы не хотели видеть.

При всех имеющихся недостатках земские учреждения сумели поднять немало участков, связанных с благосостоянием людей, и сослужили огромную службу населению России.

Земские учреждения добились успеха в распространении начального образования и медицинского дела. Школы и больницы земств стояли гораздо выше, чем прежние, дореформенные.

Земская школа

Первые годы деятельность земств ограничивалась денежным субсидированием школ, открываемых либо духовным ведомством, либо крестьянскими обществами, но постепенно уездные земства все больше и больше берут на себя инициативу устройства новых школ, имеющиеся школы берут на свое полное содержание и устраивают учительские семинарии для подготовки учителей и учительниц.

Так, на поддержание первоначальных школ и вообще на распространение народного просвещения земства постепенно из года в год увеличивали затраты.

Таблица 5 ⁶¹

Расходы земства на нужды просвещения
(в среднем на губернию)

Год	Сумма (в рублях)
1869	34 000
1871	53 000
1873	73 000
1875	102 200
1878	133 700

Таким образом, из таблицы видно, что в течение девяти указанных лет затраты земства на народное образование увеличились почти в четыре раза.

В 1871 г. всеми земствами было назначено на нужды народного образования 1 600 тыс. руб. (7,4% всей сметы), в 1880 г. — 5 200 тыс. руб. (14,3%), в 1890 г. — 7 225,8 тыс. руб. (14,9%),

в 1901 г. — 16 924,3 тыс. руб. (18,7%), в 1906 г. — 25 314 тыс. руб. (20,4%), а в 1912 г. сумма ассигнований в 34 земствах достигла уже 66 473,3 тыс. руб. (30,2%).

Земских школ в 1877 г. было около 10 тыс., в 1894 г. их было уже 13 146, в 1898 г. — 16 411; в 1903 г. — 18 700 и в 1911 г. — 27 945 с 45 296 учителями и более 1 834 тыс. учащихся. Средние затраты на 1 земскую школу (по 31 губернии) в 1910 г. составили 875 руб. и на 1 учащегося 11 руб. 60 коп.⁶²

Эпоха создания народной школы выдвинула ряд видных педагогов и специалистов методики начального обучения, давших много ценных руководств для начальной школы (К. Д. Ушинский, И. И. Паульсон, Н. Ф. Бунаков, В. И. Водовозов, Н. А. Корф и др.). Наиболее интересными руководствами являлись «Родное слово» К. Д. Ушинского, «Наш друг» Н. А. Корфа и «Книги для чтения» Л. Н. Толстого. Они же много способствовали распространению среди сельского учительства идейного подъема и сознания важности своего дела.

Земская медицина

Немалую роль сыграло земство и в деле развития здравоохранения.

Земская медицина явилась в сельской жизни России совершенно новым фактором, в котором наука и культура вошли в непосредственное общение с народной жизнью и народными нуждами. Земские больницы были открыты для всех слоев крестьянства, до этого практически лишенного какой бы то ни было медицинской помощи. Излечение многих болезней, громадное сокращение их длительности, облегчение излишних страданий, проведение в жизнь культурных начал гигиены и разумных привычек — вот те результаты, которые были достигнуты благодаря хорошо поставленной земской медицине⁶³.

Плата с крестьян за лечение в больнице была отменена лишь в 80-х годах XIX в. Для экономии в течение 60—70-х годов земства приглашали на службу вместо врачей фельдшеров (к 1910 г. число самостоятельных фельдшерских пунктов достигло 2 620), которым было предоставлено право самостоятельного лечения.

Большую роль в истории развития идей и организации земской медицины сыграло Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова. Важным мероприятием земской медицины была организация санитарно-статистических работ. Одними из первых теоретических центров земской медицины явились журнал «Архив судебной медицины и общественной гигиены», основанный в 1865 г. С. П. Ловцовым, и Казанское общество врачей, организованное А. В. Петровым.

Санитарно-статистические исследования заболеваемости, физического развития и демографии, произведенные впервые деятелями земской медицины (П. И. Куркин, Е. М. Дементьев, Е. А. Осипов, Ф. Ф. Эрисман, А. И. Погожев, Н. И. Тезяков,

Д. Н. Жбанков, С. М. Богословский, И. И. Моллесон и др.), имели целью разработать программу санитарного оздоровления в России и организации медицинской помощи крестьянству.

К 1880 г. число благотворительных лечебных заведений со времени поступления их в распоряжение земства увеличилось на 25%, а число призываемых — до 39%. Сверх того в селениях было открыто 292 приемных покоя с бесплатной выдачей лекарств. В этих покоях пользовались медицинской помощью до 406 тыс. человек в год, на содержание которых расходовалось ежегодно 150 тыс. рублей. Всего издержки земства в этой сфере возросли за 15-летие на 200%⁶⁴.

Число врачебных участков земской медицины в 1870 г. — 530, в 1910 г. — 2 686; число врачей на службе уездных земств в 1870г. — 610; в 1910 г. — 3 100.

**Экономические
мероприятия земства**

Менее результативными были экономические мероприятия земства. «Едва ли найдется, — отмечал

Б. Б. Веселовский, — какая-либо другая область земской деятельности, столь богатая всевозможными начинаниями и вместе с тем страдавшая до последнего времени такой поразительной бессистемностью, как область экономических мероприятий»⁶⁵.

Вопрос об улучшении сельского хозяйства являлся центральным в области содействия земств народному труду. Работа в этом отношении могла бы получить надлежащее развитие лишь с созданием планомерной агрономической организации.

Вместе с тем земства устраивали сельскохозяйственные выставки, содействовали сельскохозяйственному кредиту, привлекали агрономов и ветеринаров, заводили ветеринарные и сельскохозяйственные училища.

Почти во всех губерниях ветеринарная часть находилась в ведении губернского земства. Главная задача земских ветеринарных врачей состояла в предупреждении и прекращении эпизоотий (широкого распространения инфекционных болезней животных).

В их обязанности входило также наблюдение за ветеринарно-санитарным состоянием территории уезда, надзор за устройством и содержанием кузниц, боен, живодерен, кожевенных заводов, складов костей, шерсти и т. п., промышленных и торговых заведений; наблюдение за состоянием здоровья пригоняемого на ярмарки и базары скота и за качеством животных продуктов (кожи, мяса, шерсти, костей и т. п.), привозимых в такие пункты. Земства ввели взаимное страхование сельских строений от огня.

Деятельность земств по организации народного кредита в 60-х гг. свелась к попытке учреждения земских банков, имевшей целью удовлетворение интересов крупного личного землевладения и крупной торговли и промышленности.

Из всех проектов таких банков получил осуществление лишь один (Херсонский земский банк). В 70-х гг. с учреждением комитета о ссудо-сберегательных товариществах земства берут на себя содействие учреждению этих товариществ. Всего за период 1870—1887 гг. было открыто с ссудой от земства 442 товарищества, но большинство из них в 90-х гг. было ликвидировано.

Неудача со ссудо-сберегательными товариществами на довольно долгое время охладила интерес земств к вопросу о кредите. В 80-х гг. были, однако, организованы скибинский сельский банк в Полтавской губернии и сумский сельскохозяиственный банк в Харьковской губернии для выдачи ссуд крестьянам. В конце 90-х гг. земства снова обращают внимание на организацию вещного кредита под залог хлеба и движимого имущества. Операции этого рода существуют, однако, в немногих земствах. В последние годы земства учреждают, по уставу 14 июля 1906 г., земские кассы мелкого кредита. В 1912 г. таких касс было 130. Некоторые земства (тверское, московское, ярославское, таврическое и др.) выдавали также ссуды крестьянам на покупку земли, но более или менее широкого развития это дело не получило.

Первые шаги земств на поприще помощи кустарной промышленности, выразившиеся в устройстве кустарных артелей, были неудачны.

Те земства (московское, вятское, нижегородское, полтавское и др.), которые позже, в 80-х и 90-х гг. решили оказывать известную помощь кустарным промыслам, сочли необходимым прежде чем приступать к практическим мероприятиям, изучить условия кустарного производства.

Меры содействия кустарным промыслам, развившимся позднее, могли быть сведены к следующим:

1) улучшение техники производства посредством устройства кустарных заводов и, особенно, кустарно-ремесленных мастерских с учебными целями: таких мастерских насчитывалось до 158;

2) устройство музеев и складов с целью сбыта кустарных изделий на комиссионных началах. Из таких музеев особенно крупным являлся московский;

3) организация материального и денежного кредита кустарям; пермским земством основан с этой целью кустарно-промышленный банк, выдающий ссуды кустарям (в 1904 г. на 167 029 руб.). На развитие кустарных промыслов всеми земствами в 1910 г. ассигновано было 770,7 тыс. руб. и в 1911 г. — 1 030,4 тыс. руб.

К 1880 г. губернские продовольственные капиталы, с учетом всех вычетов, увеличились с 12 до 17 млн. рублей, а для облегчения населения в повинностях земские учреждения на первых же порах и в самых широких размерах воспользовались предоставленным правом перелагать натуральные повинности на денежный земский сбор с привлечением всех предметов земского

обложения, что в значительной мере дополнило заботы правительства об облегчении податных сословий, особенно в отношении подорожной и подводной повинностей⁶⁶.

Нередко для удовлетворения непосредственных практических целей земства предпринимались специальные статистические исследования⁶⁷. Поводом для этого чаще всего являлись вопросы продовольственные, податные, дорожные, содействие кустарным промыслам, улучшение техники сельского хозяйства, специальные культуры, сбыт сельскохозяйственных продуктов и др.

Значение земской реформы

Земская реформа, утвержденная указом Александра II 1 января 1864 г., ввела в государственную

организацию Российской империи новую систему местных учреждений.

Впервые были созданы выборные от всех сословий органы местного управления, уездные и губернские земские собрания и управы. По своему предназначению, структуре и составу они в корне отличались от существовавших ранее бюрократических сословных учреждений. Сфера действия земства была весьма разнообразна. Земства способствовали развитию хозяйственной активности в стране, подъему культуры и общественно-политической жизни, включению в нее значительной части интеллигенции и широких слоев населения.

Земские учреждения добились немалых успехов в решении хозяйственных, продовольственных вопросов на местах, в создании благотворительных заведений, в распространении начального образования и медицинского дела.

Как правило, школы и больницы земств по своему уровню превосходили прежние, дореформенные. Земства приглашали врачей, устраивали фельдшерские и акушерские курсы, создавали аптеки, регулярно проводили оспопрививание. По их инициативе открывались сельские школы, гимназии, учительские семинарии и библиотеки. Земские учреждения принимали меры по развитию местной промышленности, развешиванию сельскохозяйственных выставок, содействовали сельскохозяйственному кредиту, привлекали агрономов и ветеринаров, основывали ветеринарные и сельскохозяйственные училища. Земства практиковали взаимное страхование сельских строений от огня. Большое значение для социально-экономического развития промышленности и сельского хозяйства пореформенной России имела организация земской статистики.

Используя свое влияние и широкую гласность, земства регулярно добивались разрешения различных местных проблем в центральных государственных органах страны. С 1865 по 1879 г. земства подали в общей сложности 2039 ходатайств по вопросам земского устройства народного образования, продовольствия, дорожного дела, медицины, общественного призрения и другим⁶⁸.

Наряду с этим земская реформа имела ряд ограничений, которые сдерживали общественные силы и их стремление к прогрессивному развитию страны. Создание земств не было завершено учреждением центрального представительного органа в виде парламента, «земского собора» или «всероссийской думы».

В наше время, в период создания правового государства, опыт земских учреждений заслуживает самого глубокого и внимательного изучения. Особенно для нас важна и интересна культурно-хозяйственная деятельность интеллигенции в органах местного управления.

ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА

Лучшим устройством городского управления всегда будет то, которое наилучшим образом способствует городу.

А. Ф. Комировский¹

Падение крепостного права, земские и другие преобразования начала царствования Александра II подготовили почву и для реформы городского самоуправления, которая была введена 16 июня 1870 г.

Это преобразование явилось классическим творением знаменательной эпохи великих реформ.

Несмотря на свою ограниченность, реформа стала крупным шагом вперед, заменив прежние, феодальные, сословно-бюрократические органы управления городом новыми бессословными, основанными на буржуазном принципе имущественного ценза.

1. Краткая история городов

Возникновение и развитие городов России

Чтобы лучше понять значение рассматриваемой реформы, сделаем краткий ретроспективный обзор развития городов.

Древнейшие русские города в основном сложились в IX—X вв. на базе племенных центров восточных славян. Так, Новгород, колыбель русской культуры, возник на основе племенного союза словен ильменских, из племенного центра полян вырос Киев, Полоцк был центром летописных полочан, Смоленск — днепровских кривичей, Изборск — псковских кривичей и т. д.²

Прежде всего, города у восточных славян возникали как укрепленные поселения (отсюда сам термин «город», означавший огороженное место), создававшиеся обычно на высоких труднодоступных для неприятеля местах. Города обносились искусственно укрепленной оградой или валом и рвом. Как правило, они были центрами княжеской власти, а затем и центром экономической жизни. В. О. Ключевский отмечает, что древнейшие города были созданы успехами внешней торговли Руси, большинство из них вытянулось длинной цепью по главному речному пути «из Варяг в Греки»³.

К концу X в. в Древней Руси насчитывалось около 25 городов: Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Смоленск, Новгород, Псков, Ладога, Белоозеро, Ростов, Муром, Туров и др.

В XI в. существовало уже 89 городов, в XII — 223, в XIII в. (до 1237 г.) — 270 (по подсчетам академика М. Н. Тихомирова)⁴.

Города средневековья поражали современников и восхищают потомков своим великолепным зодчеством, совершенством линий соборов, богатством и изысканностью их внутреннего убранства. Однако в городах того времени не было ни уличного освещения, ни канализации. Нередко мусор, отбросы и нечистоты выбрасывались прямо на улицу, украшенную рывинами и глубокими лужами. Первые мощеные улицы в Новгороде, как и в Париже, известны с XII в. Тротуаров, как правило, не делали. По улицам привычно бродили свиньи, козы и овцы, пастух прогонял городское стадо. Из-за скученности и антисанитарных условий города особенно тяжело страдали от эпидемий и пожаров. Многие из них подчас выгорали дотла⁵.

По данным академика Б. А. Рыбакова, в городах Древней Руси имелись ремесленники 64 различных специальностей, многие ремесла достигли высокого технического и художественного совершенства. И Тихомиров, и Рыбаков пришли к выводу о существовании в Древней Руси организаций городских ремесленников типа цехов⁶.

Значительную роль в городах XI—XIII вв. приобрели вечевые собрания. К середине XII в., например, в Новгороде установилась феодальная республика, в которой руководящее положение принадлежало боярству. Исследователи не достигли единого мнения о вече. В. И. Сергеевич, Н. И. Костомаров, М. А. Дьяконов и другие считали его органом народной власти, другие (С. В. Юшков) — феодальным институтом⁷.

Важно отметить, что древнерусские города были центром развития высокой для того времени материальной и духовной культуры. Дошедшие до нас памятники архитектуры, письменности, ювелирного искусства, иконописи свидетельствуют о том, что города Древней Руси не отставали в своем развитии от городов других европейских стран. Монголо-татарское иго (1243—1480) значительно затормозило экономическое, политическое и культурное развитие городов. Судьба многих из них была поистине драматичной. Большинство цветущих городов было разрушено, немало ремесел оказались безвозвратно утраченными.

С образованием единого Русского государства вновь начинается подъем и развитие городов. В составленном в конце XIV в. «Списке русских городов» названо 55 городов залесских (т. е. Владимиро-Суздальской Руси), 30 рязанских, 10 смоленских, 35 новгородских и литовских⁸.

По данным профессора А. А. Зимина, к середине XVI в. общее количество городов достигло 160, из них более 20 возникли во 2-й половине XV—1-й половине XVI вв.⁹

В XIV, XV и даже в XVI вв. «городом» на Руси называли, кроме городского поселения, и прилегающий к нему уезд. Особых органов городского управления тогда не было. Однако уже в XV в. появляются должности «городчиков» из местных землевладельцев, обязанных, прежде всего, следить за состоянием городских укреплений и выполнением военных повинностей местным населением. Вскоре они стали исполнителями великокняжеских поручений, затем, называясь уже городскими приказчиками, ведали и финансово-хозяйственными вопросами¹⁰.

В XVII в. в России (без Украины и Сибири) насчитывалось уже 226 городов, среди которых по числу жителей резко выделялась Москва (около 200 тыс. человек), вторым по величине стал город Ярославль (свыше 15 тыс. человек)¹¹.

От XVI—XVII вв. сохранились материалы об отдельных сторонах городского самоуправления посадских общин, а также словесного и корпоративного самоуправления. «Мирскому выбору» подлежали земские старосты, целовальники, дьячки. На сходки выборных от посадского и слободского мира выносился широкий круг мирских дел (разверстка повинностей между отдельными плательщиками и др.)¹².

Развитие промышленности, торговли и другие меры начала XVIII в. оказали большое воздействие на города. Их количество выросло и достигло 236 (в это число вошли многие крепости и остроги, не имевшие посадского населения). Некоторые города стали центрами мануфактурной промышленности (Москва, Ярославль, Казань и др.), создавались города возле металлургических и других предприятий (Екатеринбург, Нижний Тагил, Петрозаводск, Липецк).

В 20-е годы XVIII в. население посадов имело примерно в 200 городах и составляло 183 тыс. душ мужского пола — 3,2% населения страны. Правительство Петра I сделало ряд уступок растущему купечеству. В 1699 г. оно учредило орган городского самоуправления — ратуши, в 1720 г. — Главный магистрат, затем — городовые магистраты¹³.

Ратуша (польск. ratusz, от немец. Rathaus, Rat — совет и Haus — дом) являлась центральным учреждением в Москве по управлению городским населением — купцами и ремесленниками, называлась так с 7 февраля 1699 г. (ранее это учреждение именовалось Бурмистерской палатой, учрежденной 30 января 1699 г.)¹⁴. Ратуша состояла из президента и 12 бурмистров и избиралась купцами. Существовала до учреждения Главного магистрата¹⁵, введенного указом Петра I от 13 февраля 1720 г. Создание Главного магистрата явилось второй попыткой Петра I централизовать управление делами посадского населения. Подчинялся он непосредственно царю и сенату, имел ряд смежных функций с Мануфактур- и Коммерц-коллегиями. Во главе Главного магистрата стоял обер-президент из дворян (первый — князь Ю. Ю. Трубецкой), в состав магист-

ратского правления входили бургомистры и ратгеры из числа крупнейших купцов.

16 января 1721 г. был утвержден «Регламент, или Устав Главного магистрата», определивший его состав и функции. По Регламенту Главного магистрата горожане делились на «регулярных граждан» (входивших в гильдии и цехи) и «подлых» (находившихся «в наймах» и «черных работах»), на местах учреждались городские магистраты. Главный магистрат руководил городскими магистратами, рассматривал апелляции на их судебные решения. В его ведении находились торговые и ремесленные права горожан, их переход в другие города, возврат выбывших из посадов, устройство ярмарок и пр. Главный магистрат был упразднен в 1727 г. Верховным тайным советом, в мае 1743 г. восстановлен вновь. Окончательно упразднен указом от 2 октября 1782 г.

Городские магистраты являлись сословными выборными органами городского управления и суда в 1721—1728 гг. и 1743—1864 гг., находились в ведении Главного магистрата, но их независимость от местной администрации часто была номинальной. Городские магистраты состояли из бургомистров и ратманов, которые избирались на посадских сходах из зажиточных посадских людей.

В городах первого разряда магистраты состояли из 4 бургомистров и одного президента, стоявшего во главе их, а в городах последнего (пятого) разряда коллегиальное учреждение заменялось единоличной должностью бургомистра¹⁶. Члены городских магистратов утверждались Главным магистратом и считались на государственной службе.

При Екатерине II проведены важные преобразования, связанные с дальнейшим развитием городов. По учреждению о губерниях 1775 г. ею переведены в разряд городов ни много, ни мало, 216 государственных и дворцовых слобод и сёл, приобретших ремесленно-торговый характер.

Благодаря административному происхождению многих русских городов, отмечает Г. Джаншиев, в их истории встречается явление, едва ли не единственное в своем роде, — это внесение города «в штат» и исключение из него, пожалование сёл волею администрации в «чин» города или разжалование их за несоответственный городу образ жизни.

Аткарск (Саратовской губернии) в 1780 г. был пожалован в город, а в 1799 г. разжалован в село, через пять лет опять выслужил чин города. Аналогично было и с Балашовом. Сёла Чертанлы и Царевна в 1836 г. пожалованы в города — Николаевск и Царёв, но еще 50 лет занимались хлебопашеством, подобно купцам и мещанам города Вольска, обрабатывающим 20 тыс. десятин земли¹⁷.

«Земля русская велика и обильна, — писал Г. А. Джаншиев, — и чего, чего только в ней нет! В летописях ее отражены

события громкие и едва ли где слышанные: это — бунт крестьян, наделяемых «правами граждан» при помощи штыков (так было в 1836 г. при «образовании» города Царева), или мещан, наказываемых при содействии военной команды в качестве рецидивистов, — за возвращение к хлебопашеству как, например, в 1858 г. в Сольцах Псковской губернии и в 1860 г. в Спаске Рязанской губернии»¹⁸.

В то же время надо отметить, что в России было значительное число населенных пунктов, которые отличались развитой промышленностью и торговлей, но причислялись к разряду сёл. Часть из них развивалась довольно бурно.

Екатерина II 21 апреля 1785 г. в Жалованной грамоте городам («Грамоте на права и выгоды городам Российской империи») дала право городским обывателям составлять из себя городское общество¹⁹. Царица учредила новые выборные городские учреждения, несколько расширяя круг избирателей. Горожане делились на 6 разрядов: 1) «настоящие городские обыватели» — владельцы недвижимости в городе из дворян, чиновников, духовенства; 2) купцы трех гильдий; 3) ремесленники, записанные в цехи; 4) иностранцы и иногородние; 5) «именитые граждане» — лица свободных профессий (дипломированные ученые, художники, музыканты) и высший слой развивавшейся буржуазии; 6) «посадские» — все прочие жители, которые «промыслом, рукоделием или работою кормятся в том городе».

Раз в 3 года созывалось «собрание градского общества», в которое входила наиболее состоятельная часть горожан. Другим городским органом была «общая градская дума» — постоянное учреждение, состоявшее из городского головы и 6 гласных. Каждому из разрядов обывателей предоставлялось право иметь по одному гласному. Таким образом, грамотой Екатерины II в России вводились начала общественного городского самоуправления. Городская дума ведала городским общественным хозяйством, в том числе и некоторыми полицейскими функциями. О всех доходах и расходах она обязана была давать отчет губернатору. При таком управлении городское хозяйство со временем пришло в оскудение.

Состояние городов
в I половине XIX в.

Павел I вместо городских дум ввел
административные комиссии.
Александр I снова возобновил го-

родское положение, пытаясь его усовершенствовать. Но это ничего не дало. При Николае I в 1828 г. был подготовлен проект городского положения, но он не получил силы закона. В 1837 и 1840 гг. вновь пытались пересмотреть проект 1828 г., но неудачно. С 1848 г. при Министерстве внутренних дел образовали «временное отделение для устройства городского хозяйства», которое и подготовило проект нового Городового положения только для Петербурга, получившего силу закона 13 февраля 1846 г.²⁰.

Одной из основных целей реформы было привлечь к участию в общественном управлении неподатные сословия городского населения. По Городовому положению 1846 г. к «городскому обществу» относились пять категорий городского населения: 1) потомственные дворяне; 2) личные дворяне, почетные граждане и разночинцы; 3) купцы; 4) мещане; 5) ремесленники, записанные в цехи. Избирательным правом в Общую думу пользовались мужчины с годовым доходом в 100 руб. серебром. Вводился двухлетний ценз оседлости и возрастной ценз в 21 год. Общая дума избиралась по сословиям и состояла из 750 гласных (по постановлению 1862 г. — из 250 человек, по 50 от каждого из сословий).

Кроме гласных, в Общую думу входили сословные старшины. Исполнительные функции выполняла так называемая распорядительная дума, которая состояла из городского головы, 12 избранных членов и «члена от короны», т. е. лица, назначаемого правительством.

В 1846 г. правом голоса пользовались лишь 1,2% населения Петербурга. В 1862 г. при населении более полумиллиона человек количество избирателей столицы составило 7005 человек.

Вплоть до 1863 г. Петербург был единственным городом, получившим новое общественное устройство, хотя в России к этому времени насчитывалось около 700 городов, из них 595 в европейской части страны.

С начала XIX в. наблюдается значительный рост населения городов. С 1811 по 1856 гг. число жителей городов Европейской России увеличилось с 2765 тыс. человек до 5684 тыс. человек. К 1863 г. в городах проживало уже около 10% населения страны. Наиболее бурно росли города, связанные с торговлей. За первую половину XIX в. число жителей в Ростове-на-Дону выросло в 7 раз, Самаре — в 8 раз, Одессе — в 11 раз, Николаеве — в 15 раз²¹.

В то же время многие города по числу жителей и по характеру хозяйства не отвечали понятию «город». Большинство из них имело население менее 5 тыс. жителей. В 74 городах проживало от 2 тыс. до 1 тыс., в 27 — менее тысячи человек. Только $\frac{1}{6}$ часть городов Европейской России могла быть признана по занятиям жителей чисто промышленными пунктами, $\frac{1}{3}$ — полупромышленными, полужемледельческими, остальные города, т. е. половина — чисто земледельческими или занимающимися отхожими промыслами²².

Кроме общего увеличения населения, в городах наблюдался также рост отдельных городских сословий. Увеличилось количество купечества, особенно возросло сословие мещан и посадских, в число которых входили вольнонаемные рабочие, цеховые ремесленники и другие.

Одним из важных признаков развития городов являются городские финансы. Еще в середине 60-х годов большинство

городов располагало мизерными бюджетами. В городах Европейской России доходы выглядели следующим образом: в 10 городах доходы составляли от 250 до 500 руб., в 36 — от 500 до 1000 руб., в 159 — от 1000 до 2500 руб., в 189 — от 2500 до 5000 руб., в 79 — от 5000 до 10 777 руб., в 57 — от 10 000 до 25 000 руб., в 20 — от 25 000 до 50 000 руб., в 13 — более 50 000 руб.²³.

Основная масса городских средств шла на содержание полиции, войска и оплату жалованья служащим органов городского управления. Совершенно ничтожные суммы затрачивались на благоустройство. Здания в губернских городах, не говоря уже об уездных, были в большинстве случаев деревянные; каменных построек было мало. В Екатеринбурге в 1867 г. каменных зданий было всего 318, а деревянных — 2813; в губернском городе Перми каменных зданий было 94, деревянных — 2958. В Оханске было только 2 каменных здания, в Верхотурье — 5, в Красноуфимске — 5.

Губернатор Могилевской губернии в 1859 г. сообщал Министерству внутренних дел о том, что городское хозяйство в губернии находится в полном упадке, ибо «городские общества, увлекаясь собственными интересами, не оказывают в этом случае должного содействия»²⁴. Аналогичные сообщения были получены министерством и от ряда других начальников губерний (Казанской, Костромской, Нижегородской)²⁵.

Неудивительно, что города, придавленные сверху «всеопекающей администрацией»²⁶, лишённые самоуправления, очень мало походили на культурные центры, которые должным образом удовлетворяли бы насущные нужды и потребности городского населения. Бедность и некультурность городов приводили в отчаяние даже дореформенных администраторов.

2. Подготовка городской реформы

**Первые предложения
о реорганизации
городского управления**

В 1859 г. министру внутренних дел Ланскому была подана записка сенатора Сафонова, ревизовавшего городские учреждения Пензенской губернии. Сафонов указывал на ненормальные факты, наблюдавшиеся им в органах городского управления, свидетельствующие о полном развале и явно неудовлетворительной работе городских дум и городской администрации. «Теперь городские головы и члены думы, — писал Сафонов, — как люди большей частью с ограниченными понятиями и, по положению своему и торговле, более зависимые, полагают главной и единственной своей обязанностью как можно скорее исполнять все требования начальства, не понимая или не желая понимать, что кроме исполнения этих, лежащих на них по закону обязанностей, они

имеют не менее важную обязанность заботиться о нуждах и пользах города и его обывателей»²⁷.

Сафонов, крупный царский чиновник, под давлением этих фактов должен был признать, что требуются меры по улучшению и переустройству органов городского управления²⁸.

Комитет министров, опасавшийся осложнения обстановки в стране в связи с готовившейся крестьянской реформой, признал тогда полную реформу преждевременной на том основании, что «в настоящее время, когда правительство озабочено разрешением столь важных и многочисленных вопросов по преобразованию разных отраслей государственного устройства, возбуждение нового еще вопроса о повсеместном преобразовании городского общественного управления на предлагаемом основании было бы крайне неудобно и даже вредно. Подобное распоряжение повлекло бы за собою, по мнению комитета, многочисленные собрания лиц, к разным сословиям принадлежащих, что, как известно, нередко давало повод к распространению превратных и даже неблагонамеренных толков»²⁹.

Комитет министров сделал лишь незначительный шаг в направлении, позволяющем Министерству внутренних дел начать работу над городской реформой. Он принял решение сначала провести реорганизацию городского управления в Москве и Одессе, а затем разрешить вопрос об остальной массе губернских и уездных городов.

Недовольство существующими порядками в городах, однако, продолжало расти, особенно со стороны верхушки городского купечества. Сигналы губернского начальства в Министерство внутренних дел о неблагополучии в городском управлении не прекращались. Начальник Минской губернии, обращаясь в министерство в 1860 г., указывал на неудовлетворительное состояние управления городским хозяйством в Минске. Генерал-губернатор Нижнего Новгорода Муравьев в том же году писал, что «мещанское общество здесь (т. е. в Нижнем Новгороде. — *Авт.*), как и во всех почти городах России, находится в крайне бедном положении». Оно не имеет никаких возможностей и необходимых условий для выполнения общественных обязанностей, «отчего служба по городским выборам почитается обыкновенной тяжелой повинностью, так как она отвлекает их от их обычных занятий, которыми они снискивают себе пропитание»³⁰.

Генерал-губернатор Новороссийской и Бессарабской губерний в 1861 г. сообщал, что хозяйство Ростова «не удовлетворяет многим насущным потребностям». «Ростов не имеет ни мостовых, ни водопроводов, ни уличного освещения, ни удобных пристаней»³¹.

Общественное управление городов находилось в крайне расстроенном состоянии или вовсе отсутствовало. До введения Городового положения 1870 г. 211 городов вовсе не имели нормального городского управления, зачастую все функции го-

родских органов здесь исполняли правительственные учреждения, в частности, органы полицейской власти³². «Таврическое губернское начальство, — писал в 1864 г. новороссийский губернатор в Министерство внутренних дел, — сознав неудобство такого порядка, когда городское управление находится в ведении уездного полицейского правления, не обеспечивающего вполне интересов городского хозяйства, вошло ко мне с ходатайством о введении в гор. Ногайске общественного правления на новых началах»³³.

В одной из записок (авторство которой нам установить не удалось), адресованной в министерство, указывалось, что городская дума г. Ростова, будучи устроена на прежних основаниях, всецело зависит от губернского правления. Губернское же начальство отдалено от города «на 475 верст, почта ходит из Ростова в Екатеринослав всего два раза в неделю и идет не менее 6 дней; следовательно (не касаясь уже медлительности в делопроизводстве губернских инстанций), как скоро можно ожидать ответа на каждое представление?» Наконец, «полиция города (Ростова. — *Авт.*) состоит из полицмейстера, двух частных приставов, двух квартальных и 16 пьяных негодных нижних чинов, между тем как в городе бывает иногда до 100 тысяч разного народа»³⁴.

Более энергичные меры к подготовке городской реформы правительство приняло после крестьянской реформы.

Особые комиссии в городах

20 марта 1862 г. состоялось Высочайшее повеление «безотлагательно приступить к улучшению общественного управления во всех городах империи»³⁵. Этот решительный шаг был вызван явным упадком городского хозяйства и неэффективностью принимаемых мер. В тот же день Александр II утвердил «Положение об общественном управлении города Москвы». Аналогичное Положение было введено в 1863 г. в Одессе. Намереваясь провести городскую реформу, правительство обратилось к уже испытанному средству — к поддержке общества.

26 апреля 1862 г. министр внутренних дел П. А. Валуев подписал циркуляр «О доставлении соображений относительно улучшения общественного управления в городах»³⁶. Этим циркуляром губернскому начальству было предложено учредить в губернских и других городах особые комиссии «из более опытных и сведущих лиц с приглашением всех сословий города». Комиссии эти должны были собрать необходимые сведения и дать ответы Министерству внутренних дел по особой программе, составленной министерством.

Итак, в 509 городах были учреждены особые комиссии из депутатов от всех сословий, владеющих недвижимой собственностью³⁷. При этом никаких определенных указаний о составе ко-

миссий министерство губернскому начальству не дало. Формирование комиссий было возложено на губернаторов, которые могли обеспечить нужный для правительства состав комиссий. Каждый губернатор в своей губернии действовал по личному своему усмотрению. Одни губернаторы предлагали предводителям дворянства подобрать в комиссию лиц, «наиболее известных по своим сведениям и опытности»³⁸ в городских делах, другие возлагали организацию комиссии на городского голову, третьи же считали, что «депутатами в комиссию могут быть избраны лишь лица, наиболее известные по умственному своему образованию, которые вполне бы могли уразуметь настоящее важное дело»³⁹.

Большинство комиссий состояло из чиновников, представителей дворянства (губернские предводители дворянства, уездные судьи и т. д.) и городской верхушки (гласные городских дум, городские головы и т. п.). Представительство от отдельных сословий города устанавливалось в каждом случае по усмотрению губернатора.

Председательствование в комиссиях возлагалось чаще всего на чиновников или на представителей местной дворянской знати.

Однако не во всех городах разработкой соображений по программе министерства занимались комиссии. В отдельных случаях губернское начальство поручало составление соображений полицейским чиновникам. Иркутский губернатор предложил собрать сведения о городах Селенгинске, Верхоленске и других и составить «соображения относительно устройства общественного управления» земским исправникам⁴⁰. Губернатор Калуги составление «соображений» поручил членам городских дум и ратуш, после чего «соображения» должны были быть «обсуждены на собраниях городских обществ с отзывами», которые «должны быть представлены в губернское правление»⁴¹.

Острый характер приняла борьба между представителями сословных групп в период деятельности комиссии в Екатеринбурге и Севастополе⁴².

Работа комиссий по составлению соображений в основном была закончена в середине 1864 г. Материалы, представленные в министерство городскими комиссиями, отражали умеренные пожелания дворянства и крупной городской буржуазии. Резко выраженный сословный состав комиссий, созданных бюрократическим путем назначения их губернским начальством, не мог не отразиться на содержании материалов.

Большинство комиссий (423 из 509), отвечая на вопрос «Об условиях принадлежности к городскому обществу», полагало, что таким условием должно было быть «владение в городе недвижимой собственностью и приписка к оному для отправления повинностей», т. е. к участию в городском и общественном управлении могли допускаться лишь домовладельцы, торговцы и промышленники. Подавляющее число

комиссий, выставивших подобные требования, по существу выражало ту мысль, которая по этому поводу была зафиксирована в действовавших тогда Городовых положениях Петербурга, Москвы и Одессы. Но были и другие Положения комиссий. Они сводились к тому, чтобы причислять тех или иных лиц к городскому обществу в зависимости от различных условий, как-то: наличие «высшего образования», «оказание особых заслуг обществу — наукой, искусством и ремеслом», «наличие хорошего поведения»⁴³ т. д. и т. п.

Таких предложений, однако, было мало, а по характеру своему они были подчинены одной тенденции — всеми мерами ограничить количество лиц, могущих принимать активное участие в общественной жизни города.

Касаясь вопроса об условиях, при которых городские обыватели могли пользоваться правом голоса на выборах, основная масса комиссий признала необходимым сделать некоторые «более или менее значительные отступления от правил, установленных в столичных положениях».

По Положению 1846 г. о городе Петербурге правом выборов пользовались лица, обладавшие возрастным цензом (21 год), доходом от имущества (не менее 100 рублей в год) и рядом других цензов. Комиссии предлагали упростить существующий порядок. Возрастной ценз в предложениях отдельных комиссий колебался в пределах от 24 до 60 лет⁴⁴.

подавляющее большинство комиссий высказалось за необходимость наличия у избирателей имущественного ценза.

Были комиссии, которые затрагивали вопрос о том, в какой мере принадлежность к той или иной национальности может служить препятствием к праву участия в выборах и отправлении общественных должностей. Одни из них разрешали его положительно, т. е. считали возможным допустить и нехристиан к городским выборам. Интересное мнение по этому поводу высказал вице-губернатор Минска Лучинский. В августе 1861 г. он писал в Министерство внутренних дел, что «путем допущения евреев к выборам при сильном контроле» со стороны христианского населения «правительство получит возможность положить конец вредному влиянию евреев, какое они оказывали на христианское общество в силу своей замкнутости и корпоративности»⁴⁵. По мысли отдельных депутатов комиссий над нехристианами должен был быть установлен строгий надзор как со стороны органов правительственной власти, так и со стороны христианского населения.

Возраст избираемых в гласные и городские головы 158 комиссиями⁴⁶ ограничивался для первых — 25 годами, для последних — 30-ю. Некоторые комиссии уменьшали или увеличивали этот предел. В отношении же имущественного ценза многие комиссии высказались за необходимость его, но с понижением размеров, установленных столичными положениями.

По мнению некоторых комиссий, лица, избираемые на должность городского головы, «должны быть грамотны и знать, по крайней мере, начальные правила арифметики», выбранные же в качестве гласных должны быть «люди женатые»⁴⁷.

Все эти предложения были подчинены основной задаче — сделать общественные должности по городским выборам более доступными для торгово-промышленных сословий города.

Находились и такие городские комиссии, которые поднимали вопросы, по своему характеру выходящие далеко за рамки программы их деятельности, предложенной Министерством внутренних дел. Например, Пермская комиссия предлагала: во-первых, возможно полнее расширить самостоятельность городских обществ в управлении их собственными делами, точно определив границы вмешательства центрального правительства в их деятельность; во-вторых, предоставить городскому обществу полную возможность контролировать все учреждения, которые содержатся на его счет, и, наконец, в-третьих, предоставить самим городским обществам «полную свободу в развитии своего устройства», не стесняя в то же время «их деятельность в этом отношении официальными программами и теоретическими кабинетными предрешениями».

Министерство внутренних дел отвергло предложения Пермской комиссии⁴⁸. Отвергая такие относительно либеральные проекты, Министерство внутренних дел принимало явно реакционные предложения от частных лиц. Таких предложений в течение 1862—1864 гг. в министерство поступило немало.

В 1863 г. прислал свой проект мещанин г. Витебска Розет. По мнению автора, «городское общество есть стадо, не имеющее верного пастыря или надзора и присмотра за ним». Для того чтобы управлять этим «стадом», Розет предлагал всех жителей города без различия сословий «разделить на тысячные и сотенные участки», во главе которых поставить «тысячных и сотенных старшин с их товарищами». В результате этого старшины получают возможность без затруднения «знать состояние, поведение и образ мыслей каждого из подчиненных и устранять среди них праздношатательство и другие пороки»⁴⁹.

Другой проект поступил в министерство в том же 1863 г. от жителя г. Старой Руссы Северянова. «Проект о улучшении городского управления, составленный по духу и букве грамоты, всемиловитейше городским сословиям пожалованной 21 апреля 1785 г. навеки непоколебимой» — так называлась присланная Северяновым записка. Городское общество Северянов предлагал разделить на 3 разряда, во главе же каждого разряда должен стоять старшина. Самым старшим лицом по управлению городом должен быть городской голова, «выбираемый из состоятельных и благонадежных лиц». Органы городского управления, по мысли Северянова, должны были остаться без изменения в таком виде,

какой они имели после введения Городового положения Екатерины II⁵⁰.

Подобные реакционные проекты пытались свести на нет даже те незначительные уступки, которыми намеревалось ограничиться правительство, идя навстречу стремлениям торгово-промышленной буржуазии.

Привлекая к деятельности созданных в 1862 г. городских комиссий (для выработки ответов по программе Министерства внутренних дел) представителей торгово-промышленных сословий и чиновничества, при полном устранении выборных представителей городских обществ, правительство видело в нарождающейся буржуазии свою опору в деле укрепления самодержавного строя. Поэтому оно поощряло все действия и предложения купеческо-чиновничьих комиссий, не идущие в области реформы дальше его предначертаний.

Суждения 509 комиссий были обработаны в Министерстве внутренних дел и на их основании был подготовлен новый проект Городового положения, представленный на заключение II Отделения С.е.и.в. канцелярии. В соответствии с замечаниями этого отделения проект был переработан министерством и 31 марта 1866 г. внесен в Государственный совет. Здесь он пролежал до марта 1868 г., и в связи с отставкой из-за болезни глаз Валуева был возвращен его преемнику А. Е. Тимашёву.

Проект Положения снова был пересмотрен министерством в особой комиссии при участии нескольких губернаторов, оттуда передан в Совет министров и затем 28 марта 1869 г. опять был внесен в Государственный совет.

Но на этот раз Государственный совет посчитал неудовлетворительным чисто бюрократический способ выработки законопроекта и возвратил его министерству для пересмотра при участии лиц, «непосредственно участвующих в заведовании общественными делами городов и наглядно знакомых с условиями городского управления и хозяйства при различных степенях населенности и вообще развития городских поселений».

Тогда в январе 1870 г. была образована специальная комиссия под председательством главноуправляющего II Отделения С.е.и.в. канцелярии. В работе этой комиссии приняли участие городские головы из двух столичных и 6 провинциальных городов — Одессы, Харькова, Динабурга, Ельца, Череповца, Вознесенского посада и два столичных гласных.

Подготовленный этой комиссией проект 31 марта 1870 г. внесен был Тимашевым в Государственный совет. 15 и 16 апреля он был рассмотрен при участии двух столичных городских голов в Соединенных департаментах законов, государственных экономических, гражданских и духовных дел, а 11 мая в общем собрании Государственного совета⁵¹.

3. Новое Городовое положение 16 июня 1870 г.

16 июня 1870 г. новое Городовое положение было утверждено Александром II, находящимся тогда в Веймаре⁵².

Таким образом, в течение 8 лет — с 1862 по 1870 г. — было подготовлено три проекта, которые постоянно совершенствовались, пока не приняли вид Городового положения 1870 г.

Главное содержание
Положения 1870 г.

Городская реформа заменяла прежние сословные думы всесословными городскими Учреждениями. По Положению 1870 г. распорядительными органами являлись городские думы, а исполнительными — избранные думами городские управы⁵³. Дума состояла из членов, называемых «гласными», избираемых через каждые четыре года. Состав гласных колебался в пределах от 30 до 72, в зависимости от численности избирателей в городе. В столичных думах гласных было значительно больше: в Москве — 180, в Петербурге — 250. Число членов управы устанавливалось думой. Обычно управа включала в себя 2-3 человека под председательством городского головы, который являлся одновременно и председателем городской думы. Половина состава управы должна была обновляться через каждые два года. Предельное число лиц нехристианского вероисповедания не могло превышать одной трети. На должность городского головы не допускались лица еврейской национальности. К участию в выборах допускались все русские подданные, достигшие 25 лет, из числа платящих городские налоги и сборы. Лично голосовать дозволялось только мужчинам. Право избирать имели купцы, промышленники и владельцы недвижимой собственности данного города. Женщины, обладавшие необходимым избирательным цензом, могли участвовать в выборах лишь через своих доверенных лиц. Не допускались к выборам лица, подвергавшиеся суду, отрешенные от должности, подследственные, лишенные духовного сана. Реально лишенными избирательного права оказались наемные рабочие, в большинстве своем не владевшие недвижимой собственностью, а также интеллигенция⁵⁴ — лица, профессионально занимающиеся умственным трудом: преподаватели, врачи, инженеры, чиновники, не имевшие собственных домов, а снимавшие квартиры. Таким образом, значительная часть жителей не допускалась к выборам. В 46 наиболее крупных городах в среднем избиратели составляли 5,6% от общего числа жителей.

Как установила В. А. Нардова, в течение всего периода действия Городового положения 1870 г. со страниц либеральной периодической печати не сходил вопрос о необходимости предоставления избирательного права лицам, снимающим квартиры определенной стоимости.

Обращалось внимание на парадоксальность положения, когда из-за отсутствия установленного минимального имущественного ценза избирательное право получили фактически неимущие владельцы хибар и лотошники, уплачивающие копейки за право торговли вразнос. В то же время достаточно состоятельные лица, снимавшие дорогостоящие комфортабельные квартиры, этого права были лишены, хотя многие из них благодаря образованию и профессиональным знаниям, могли бы принести реальную пользу обществу в качестве городских гласных.

Забегая вперед, отметим, что наблюдались попытки обойти закон или путем покупки рублевых «свидетельств на мелочной торг», или приобретения малоценной недвижимости. Так, например, известный ученый-правовед Б. Н. Чичерин постоянно проживал в Тамбове и имущественным цензом, необходимым для участия в выборах в Москве, не располагал. Однако, приняв решение баллотироваться на пост московского городского головы, он приобрел домишко-развалюху на краю города и в качестве собственника недвижимости получил формальное право на внесение в список столичных избирателей. Поскольку дело касалось такой известной личности, как Чичерин, его избрание в городские головы не осталось незамеченным прессой. При этом печать поспешила приоткрыть и завесу над тем, каким образом Чичерину удалось «внезапно и искусственно сделаться московским гражданином».

Если в крупных городах лишение квартиранимателей избирательных прав устранило фактически от участия в городском управлении больше половины населения, то в средних и мелких городах действие этой ограничительной меры было мало заметно. Здесь практически каждый чиновник, врач, учитель, ремесленник имел собственный дом. Даже чернорабочие, перебивавшиеся поденной работой, относившиеся в огромном большинстве к местным мещанам, проживали в собственных домиках и хатах.

Выборы в городские думы проводились избирателями в зависимости от размеров уплачиваемого налога по трем куриям.

В первой курии участвовали наиболее крупные плательщики, уплачивавшие треть общей суммы городских налогов, во второй — средние налогоплательщики, вносящие еще одну треть налогов, третью — все остальные, главным образом мелкие налогоплательщики.

Например, в Москве в 1871 г. при численности ее населения в 602 тыс. человек право избирать и быть избранными в городскую думу имели лишь 20,6 тыс. человек (т. е. около 3,4%), из которых 446 человек составляли первую избирательную курию, 2220 — вторую и 18 тыс. человек — третью.

Так как каждая курия избирала одинаковое число гласных в думу (по 60 гласных), то норма представительства у избирателей первой курии была в 8 раз выше, чем у второй, и в 40 раз выше, чем у третьей.

Так гарантировалось преобладание в городской думе крупной буржуазии и дворянства. Избранные в городские головы кандидаты утверждались для столиц министром внутренних дел, во всех других городах — администрацией. Члены же управы не нуждались в административном утверждении и могли быть думой в любое время отстранены от своих должностей и преданы суду.

Полномочия городского управления в общем были те же, что и земских учреждений. На городское общественное управление возлагалось попечение и распоряжение по городскому хозяйству и благоустройству. Сюда входило содержание в должном порядке улиц, площадей, тротуаров, городских общественных садов, водопроводов, сточных труб, каналов, мостов, переправ, освещение городов, а также меры по благосостоянию городского населения и обеспечению народного продовольствия, устройство рынков, базаров. Общественное управление отвечало и за противопожарную безопасность, за устройство пристаней, бирж, кредитных учреждений, за все, что касалось развития местной торговли и промышленности. Ему, кроме того, было поручено устройство за счет города благотворительных, образовательных и общественных учреждений: больниц, богаделен, библиотек, музеев, театров — и заведование ими⁵⁵.

Дума имела право устанавливать в пользу города сборы с недвижимого имущества (оценочный сбор), с документов на право торговли и промышленности, с трактиров, постоянных дворов и съестных лавок, с извозного промысла, с частных лошадей и экипажей, с квартир и жилых помещений, с собак, аукционов.

Надзор за действиями городского управления был предоставлен административной власти в лице губернатора и присутствия по городским делам. В связи с этим губернатору предоставлялись копии с думских постановлений. Отдельные постановления требовали утверждения губернатором. Прежде всего, к ним относились такие акты, как заключение займа, отчуждение городских земель, повышение налогов. Закон давал право губернатору наложить вето на любое постановление думы или управы, если он считал их действия противозаконными. Спорные вопросы, недоразумения между городскими учреждениями разрешались городским присутствием и сенатом.

Городское присутствие состояло из губернатора (председателя), вице-губернатора, управляющего казенной палатой⁵⁶, прокурора, председателя мирового съезда, губернской управы и городского головы.

Городская управа действовала постоянно. Дума созывалась по мере надобности, по усмотрению городского головы, заявлению гласных и по требованию губернатора. Для кворума требовалась половина или треть общего числа гласных, исходя из их количества.

Александр II своим указом 16 июня 1870 г. повелел сразу же ввести это Положение в действие в 45 главных городах Европейской России и Сибири.

Таким образом Положение было введено во всех губернских городах в местностях, управляемых по Общему Учреждению⁵⁷. Дальнейшее введение нового Городового положения в остальных городах и посадах губерний было предоставлено на усмотрение министра внутренних дел, по мере ходатайств со стороны самого городского населения. Затем через два года Городовое положение высочайше было разрешено применить с необходимыми дополнениями к обеим столицам и г. Одессе⁵⁸.

В 1871 г. общественное управление было введено только в 104 городах России. В 1875—1877 гг. Положение распространилось и на национальные окраины, за исключением Средней Азии, а также Польши и Финляндии, где действовало прежнее городское устройство.

В 1880 г. Городовое положение действовало в 541 городе из общего числа 832⁵⁹. К 1892 г., когда правительство издало уже новое Городовое положение, самоуправление было введено только в 621 городе.

При всей своей ограниченности городская реформа все же была шагом вперед по сравнению с дореформенной организацией городского управления. Она была встречена полным сочувствием и заметно подняла и улучшила многие условия городской жизни. Построенные на буржуазном принципе имущественного ценза выборные городские думы и управы более соответствовали потребностям капиталистического развития, нежели прежние сословные органы городского управления.

Распорядительные функции были предоставлены городской думе, управа же сделана исполнительным органом, действующим в рамках, отведенных ей думой.

Распределение обязанностей и порядок действий управы и подчиненных ей органов устанавливались издаваемой думой инструкцией. Члены управы избирались думой и зависели только от нее, не нуждаясь в утверждении администрацией. Дума могла любого члена управы отстранить от должности и предать суду.

Городской голова занимал более независимое от думы положение. Выбираемый думой, он утверждался в должности губернатором или министром. Дума не могла предать его суду своей властью. Ей предоставлено было право лишь просить об этом высшую инстанцию. Предание же суду зависело в конечном счете от I-го департамента сената⁶⁰.

Городской голова являлся к тому же председателем думы и в этой роли мог оказывать большое влияние на ход дел в думских заседаниях.

В составе городских дум первого четырехлетия находилось дворян и лиц духовного звания 15,5%, во втором четырехлети — 18,5% и в третьем — свыше 20%. Главным элементом в

городском представительстве были домовладельцы, которых насчитывалось 90% всего количества гласных⁶¹.

За короткое время нового управления городские средства быстро возросли и дали многим городам возможность приступить к капитальным улучшениям, которые отразились на их развитии для будущих поколений.

С 1870 до 1880 г. наблюдался рост доходов с 17,7 до 32 млн. руб., расходов с 17 до 31,4 млн. руб., капиталов с 14,45 до 19,35 млн. руб. Вместе с тем долги, вследствие долгосрочных займов на сооружения увеличились с 3,5 до 9,5 млн. руб. (По Петербургу — 2,9 млн. руб. на сооружение второго постоянного моста через р. Неву; по Одессе — 4 млн. руб. на устройство мостовых и водопроводов)⁶².

Основные ежегодные расходы городов с 1770 по 1880 г. можно представить табл. 6⁶³.

Таблица 6

Ежегодные расходы городов на	В руб.
Наружное благоустройство городов	10 144 500
Содержание полиции	3 452 000
Содержание пожарной части	1 832 200
Уплату налогов	970 600
Воинские потребности	2 351 000
Содержание благотворительных заведений	1 417 000
Содержание учебных и общественных заведений	2 171 900

Самые крупные из этих расходов направлялись преимущественно на сооружение железных и шоссейных путей, мостов, набережных с пристанями, разведение лесов, устройство садов и бульваров, на постройку зданий для помещения войск, пожарных обозов, театров и других общественных надобностей.

Кроме того, сверх существующих к 1880 г. водопроводов в 36 городах и газового освещения в 17 городах, предполагалось сооружение водопроводов в 30-ти городах, а в некоторых и устройство газового освещения⁶⁴.

Многие сооружения в городах к 1880 г. получили, по ходатайству городских обществ, наименование в честь императора Александра II. Например, устроенный на бывшей Михайловской площади в Одессе парк назван «Александровским», бульвар «Императора Александра II» в Астрахани (1871 г.); «Александровский» бульвар в Вильне (1872 г.); «Александровский сад» в С.-Петербурге (1874 г.), мост «Императора Александра II» в С.-Петербурге, вновь устроенные «Александровские» казармы в Москве (1879 г.)⁶⁵.

Установив достаточно широко компетенцию городских дум, Городовое положение 1870 г. вместе с тем не обеспечило реальных условий для их успешной деятельности.

Поскольку круг прав и обязанностей органов городского самоуправления не был точно означен, это позволяло администрации произвольно вмешиваться в деятельность дум или перекладывать на них вину за свою же нераспорядительность.

Городские думы не имели собственных средств принуждения для исполнения своих распоряжений и вынуждены были обращаться к помощи полиции.

Несмотря на то что контроль со стороны губернской администрации формально ограничивался только надзором за тем, чтобы деятельность общественного управления не выходила за рамки закона, тем не менее на практике он был весьма обременителен, порождал многочисленные конфликты и создавал дополнительные осложнения в работе дум.

Органы самоуправления располагали весьма скудными материальными возможностями, к тому же думы по сути дела были лишены права свободно распоряжаться всеми городскими средствами. Отсутствие центрального органа в масштабах всей страны, разобщенность городских дум, невозможность обмена опытом между ними отрицательно сказывались на результатах их деятельности. Правительство ревниво следило за тем, чтобы деятельность органов городского самоуправления была строго ограничена местными рамками. Даже деловые контакты между отдельными думами запрещались.

Известно, что характер и направление деятельности общественных органов во многом зависели от их руководства, на которое законом 13 июня 1867 г. возлагалась ответственность за действия общественных собраний⁶⁶. Поэтому, естественно, важное значение придавалось персональному составу института городских голов. Обязательное утверждение городских голов и их заместителей административной властью открывало правительству возможность влиять на их подбор.

**Значение реформы
1870 г.**

Городовое положение 1870 г. просуществовало 22 года. Несмотря на все существенные недостатки, оно

имело важное значение для культуры и хозяйства русского города.

Проникнутое либеральным духом и построенное на идее доверия к общественной самодеятельности, оно впервые вызвало наши отечественные города из той спячки, в которую последние были погружены в дореформенное время. «Положение» придало городам ту силу и значение, о которых лишь мечтали преобразователи XVIII века.

Существенной стороной реформы 1870 г. являлось предоставление городскому управлению широкой самостоятельности в ведении городского хозяйства и решении местных дел.

Огромное большинство дел, в том числе и годовые сметы, решались думою в окончательном виде, не нуждаясь в чем-либо утверждении.

Результаты реформы 1870 г. сказались уже к концу 80-х годов XIX в. Многие из городов совершенно изменили свой внешний облик, улучшили городское хозяйство, добились ощутимых результатов в области образования, медицинского обслуживания населения, общественного призрения, существенно развили свою культурно-просветительскую деятельность в интересах всего городского общества. Неудивительно, что города в конце XIX в. совершенно не походили на города николаевской эпохи.

Наиболее слабым местом реформы 1870 г. являлась избирательная система, которая была просто скопирована с наименее демократической из западноевропейских систем — прусской трехразрядной системы⁶⁷. Она оказалась тонким и остроумным способом устранения от направляющего влияния на городские дела большей части горожан, без лишения их избирательного права. Трехразрядная (или трехклассная) система в корне уничтожила широкое представительство общественных кругов, которое и без того было сужено лишением избирательного права квартирноанимателей, куда входили представители либеральных профессий, люди интеллигентного труда, чиновники, рабочие.

Однако, не зря говорят: наше прошлое и наше будущее едины. Страницы прошлого живительны и плодотворны. История учит, что только полное самоуправление, основанное на всеобщем избирательном праве, самостоятельности органов городского управления и широкой их компетенции, может преобразить наши города, сделать их здоровыми, благоустроенными и процветающими.

Происхождение и развитие судебной реформы в России представляет и всегда будет представлять огромный интерес.

А. Ф. Кони¹

1. Краткая история дореформенного суда в России

Самой радикальной из всех проведенных Александром II реформ считается судебная. Сущность ее можно легко понять, если сопоставить основные нововведения с существовавшими канонами прошлого.

История суда в нашей стране уходит своими корнями в далекую седую древность. В догосударственную эпоху правосудие в самой примитивной форме осуществлялось на собраниях жителей или советах авторитетных мужей, старейшин. С образованием государства суд становится частью его репрессивного аппарата.

В Киевской Руси суд творился князем и его представителями — посадниками и тиунами². В Новгородской феодальной республике судебную власть реализовывали вече (высшая судебная инстанция), князь, посадники, архиепископ, староста, братчины³.

Суд был состязательным и обвинительным. Доказательствами служили показания свидетелей, клятва, поединок, ордалии — «суд Божий» (испытание водой, огнем и т. п.)⁴. В Московской Руси XV—XVII вв. суд вершили великий князь (царь, начиная с Ивана IV), Боярская дума, некоторые приказы, а на местах — наместники, волостели⁵, вотчинники.

С конца XV в. основными методами ведения уголовного процесса становится обыск (в смысле — расспрос) и пытка⁶.

Важно подчеркнуть, что в России издавна суд вызывал горькие нарекания. Решения его в большинстве случаев выносились в пользу богатых и знатных, отчего в народе были в ходу пословицы: «С сильным не борись, с богатым не судись», «Не бойся закона, бойся судьи», «Законы святы, да судьи супостаты» и др.

Еще при первом царе из династии Романовых Михаиле Федоровиче⁷ правительство из-за обилия жалоб на неправосудие разослало в 1620 г. грамоты, которые под страхом жестокого наказания запрещали приказным людям брать взятки. Но эта мера оказалась тщетной. При правлении сына Михаила Федоровича Алексея Михайловича вопли народа о неправедном суде

вновь дошли до царского престола. Алексей Михайлович приказал собрать все выпущенные прежние царские указы, а в тех случаях, о которых нет указов, написать новые. При подготовке этого кодекса было велено для совета призвать дворян, купцов, посадских и смышленных людей⁸.

Новый кодекс законов Русского государства был опубликован в Соборном уложении 1649 г., в котором вопросам судопроизводства посвящалась самая большая глава X («О суде», статья 287)⁹. Уложение стало классическим правовым актом русской инквизиции. Однако оно не принесло большой пользы правосудию. Поэтому живший во времена Петра I идеолог купечества И. Посошков¹⁰ в своем сочинении о скудости и богатстве, отмечая многие недостатки и дурные привычки народа, горько сетует на отсутствие у нас в судах правды: «У нас вера святая, благочестивая и на весь свет славная, а судная расправа никуда негодная; какие его императорского величества указы ни состоятся, все ни во что обращаются; но всяк по своему обычаю делает, и пока прямое правосудие у нас в России не устроится, то никогда мы не будем богаты и доброй славы себе не наживем»¹¹.

При Петре I предпринимаются попытки отделить суд от администрации. В 1713 г. в губерниях учреждается должность судьи (ландрихтера), а в 1718 г. — обер-ландрихтера. Тем не менее компетенция этих судей четко не была определена, и для решения наиболее сложных дел они вынуждены были обращаться в юстиц-коллегию. Также были созданы военный суд и духовный суд. Во главе всех установлений стоял Правительствующий сенат, являвшийся ревизионной инстанцией по отношению ко всем судебным органам.

Судебная реформа, проведенная Петром I, не ускорила решение проблем правосудия. Наличие многоступенчатых судебных инстанций замедлило судебное разбирательство. Петровский суд не поборол волокиту и неустойчивость судебных приговоров — эту двуглавую гидру, с которой пробовал справиться еще московский суд XVII в. Грубые люди и грубые нравы превращали самый суд в шумный базар, где все кричали о своем и никто никого не слушал¹². Не удивительно, что дочь великого преобразователя Елизавета Петровна¹³ в конце своего царствования, говоря о внутренних врагах государства, особо выделила беззаконие.

Екатерина II, пламенная почитательница знаменитых мыслителей своего века — Вольтера, Дидро, Монтескье¹⁴, пыталась водворить в русском государстве правосудие, обеспечить каждому защиту под сенью закона. Имея дело с обществом, разделенном на сословия, императрица и суду придала сословный характер. Главная мысль, которая легла в основу судебных учреждений Екатерины II: каждый судится себе равными, т. е. людьми своего сословия.

При «либеральной крепостнице» создается судебная система, в которую входили уездные и земские суды — для дворян, городские и губернские — для горожан, нижняя и верхняя расправа — для свободных крестьян¹⁵. Зная о злоупотреблениях в судах, Екатерина II предприняла меры для сочинения нового судебного уложения. С этой целью 30 июля 1767 г. начала работать комиссия. Однако ее работа была вскоре прервана под предлогом войны с Турцией¹⁶. При Павле I наступила необузданная, взбалмошная реакция против всех екатерининских реформ, заподозренных в вольтерянстве и в революционных тенденциях¹⁷. Судебная реформа была подвергнута кардинальным переменам, но при Александре I она была восстановлена. Александр Павлович в одном из указов обратил внимание на существующие неправосудие и лихоимство. Но дальше этого дело не пошло¹⁸, хотя радикальных предложений было немало. Так, непримиримый враг крепостничества А. Н. Радищев выступал против внесудебной расправы с неугодными помещикам и правительству лицами, настаивал на равенстве всех сословий перед законом, отмене допросов с пристрастием, введении судов присяжных¹⁹. Он был сторонником введения в российское судопроизводство принципа презумпции невиновности, согласно которому обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет установлена судом и в соответствии с законом.

«Дерзкий попович» М. М. Сперанский в записке «Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» в 1803 г. предлагал отделить суд от полиции, образовать суд присяжных, ввести публичность судопроизводства и установить окончательное производство в сенате без последующего пересмотра дел верховной властью²⁰.

Радикальные идеи о демократизации суда и судопроизводства высказывались членами тайных обществ, в частности, декабристами²¹.

После своего воцарения Николай I обнаружил плачевное состояние судов.

В судебном производстве господствовали так называемые инквизиционные принципы: тайное, письменное судопроизводство, формальная оценка доказательств, неравенство сторон, происходящее от сословности, зависимость суда от администрации. Характеру судопроизводства в полной мере соответствовала судебная система с множеством инстанций и вопиющим произволом²². Закон не устанавливал для судей образовательного ценза, не случайно в судах первой инстанции большинство судей были неграмотными или малограмотными. «...безграмотность судей, — отмечал А. Ф. Кони, — доходила иногда до курьезов. Вот некоторые из заголовков дел того времени: О найденных в лесу костях, неизвестно кому принадлежавших, по-видимому солдатским по причине найденной между ними солдатской пуго-

вицы; Об угрозе дворянина Х учинить над собой резьбу; Об учинении мещанскому старосте кулаками буйстве на лице; О подложном присвоении мальчику Василию женского пола и т. д.»²³. Даже в сенате, по данным на 1841 г., числилось только 6 человек с высшим образованием²⁴.

Рассмотрение дел во всех судебных инстанциях происходило при закрытых дверях. На деятельность суда сильное давление оказывали различные административные учреждения. Следствие и исполнение приговора предоставлялись органам полиции, которая, кроме того, могла принимать на себя и судебные функции по «маловажным» делам. По словам А. Ф. Кони, «следствие было в грубых и нечистых руках, а между тем составляло не только фундамент, но, в сущности, единственный материал для суждения о деле», так как суд получал дело, знакомился с ним только по материалам, подготовленным полицией²⁵.

Медлительность в делопроизводстве была невероятная. В судах накопилось до 3 миллионов нерешенных дел, 127 тыс. подсудимых многие годы томились в заключении, тысячи указов сената не были приведены в исполнение²⁶. Для исправления такого положения 31 января 1826 г. Николай I учредил II Отделение Собственной Его Императорского Величества (с.е.и.в.) канцелярии, на которое возлагалось важное дело кодификации законов²⁷. Под руководством Сперанского, человека высокого ума и таланта, II Отделение извлекло из архивов и правительственных канцелярий законы, изданные после Соборного уложения 1649 г. Расположенные в хронологическом порядке они составили 51 том (45 томов первого Полного собрания (с 1649 до 1825 г.) и 6 томов второго Полного собрания (с 1825 до 1830 г.)). Так появилось «Полное собрание законов Российской империи», которое является ныне важным историческим источником, хотя и не охватывает всего законодательного материала. К 1833 г. были отредактированы и расположены в определенной системе все действующие законы. Так получился «Свод законов Российской империи» в 15 томах²⁸. Все трудившиеся над составлением свода чиновники были щедро награждены.

Николай I на заседании Государственного совета 19 января 1833 г. снял с себя Андреевскую звезду и надел ее на Сперанского, демонстративно горячо при этом обняв его²⁹.

В 20—30-х годах XIX в. предлагались различные проекты судебной реформы. В 1826 г. статс-секретарь М. А. Балугьянский, заботясь об улучшении уголовного процесса, внес проект «Черты судебного устройства»³⁰. В 1827 г. президент Вольного экономического общества адмирал Н. С. Мордвинов составил проект, в котором изложил идею отделения судебной власти от исполнительной³¹.

Министр юстиции Д. В. Дашков в 1836 г. представил «державному повелителю» записку о мерах по упорядочению судебной системы и судопроизводства, получившую одобрение³².

К сожалению, суды и судьи остались прежними. Судьи, прокуроры, подьячие, повытчики — все и повсюду брали взятки. Это было одним из главных зол старого суда. Люди состоятельные, чиновные, титулованные могли считать себя вполне безнаказанными при таком суде. Кражи и хищения, особенно казенных денег, считались делом «от Бога положенным». С малосостоятельными же людьми особенно не церемонились. Побоями, а часто пытками и истязаниями добывала от них полиция признание в разных проступках. По таким «дознаниям» выносились обвинения. Нередко человек присуждался к Сибири, каторге или плетям только за то, что не выдерживал побоев и истязаний. Из-за канцелярской тайны и бесконечной волокиты дела затягивались так, как это было выгодно для судей или богатых подсудимых. Скажем, дело «о пропаже из Московского уездного казначейства медной монеты на 115 тысяч», начатое в 1844 г., окончилось через 21 год, в 1865 г.³³ Иногда истец и ответчик успевали состариться, а дело, начатое в их молодости, не кончалось. Все сословия, без различия, чувствовали на себе недостатки законности³⁴.

Философ, религиозный мыслитель, историк А. С. Хомяков в 1854 г. в стихотворении «России» гневно обличал:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи глетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!³⁵

«Старый суд! — писал через десять лет И. С. Аксаков, сам испытавший службу в дореформенном Уголовном департаменте. — При одном воспоминании о нем волосы встают дыбом, мороз дерет по коже!..»³⁶

Пороки дореформенного суда и правосудия смело осуждались в произведениях Гоголя, Островского³⁷, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и других писателей. Всю судебную систему обоснованно критиковали ученые-юристы Ровинский, Стояновский, Зарудный, Спасович, Куницын³⁸ и др.

Имея представление о положении в судах, Николай I в 1848 г. повелел II Отделению канцелярии, главноуправляющим которого был граф Д. Н. Блудов, приступить к составлению проектов уставов гражданского и уголовного судопроизводства. Однако законодательная деятельность в этой области не увенчалась успехом, поскольку была поставлена задача не преобразовать суды, а только улучшить их. Сам Николай I был, например, категорическим противником введения адвокатуры, считая ее революционной силой. Вот что рассказывал московский военный генерал-губернатор князь Д. В. Голицын³⁹. Встретившись однажды с царем, Голицын посетовал на отсутствие в России защиты. На это царь ответил: «У тебя есть прокуроры и стряпчие, чтобы судить о правильности решения».

— Нет, государь, прокуроры и стряпчие — не защитники, а преследователи, — тут нужны адвокаты. При слове адвокаты государь нахмурился и сказал: — Да ты, я вижу, долго жил во Франции и кажется, еще во время революции, а потому неудивительно, что ты усвоил себе тамошние порядки. А кто погубил Францию, как не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Марат, Робеспьер⁴⁰ и другие! Нет, князь, пока я буду царствовать — России не нужны адвокаты, без них проживем. Делай то, что от тебя требует закон, более я ничего не желаю»⁴¹.

2. Подготовка реформы

Три взгляда
на судебную реформу

Задача в корне изменилась, когда на престол вступил Александр II. В Манифесте 19 марта 1856 г.

Россия услышала веское царское слово: «Правда и милость да царствуют в судах». Надо было основательно преобразовать суды, искоренить из них неправду, лихоимство и взяточничество, подобрать честных и образованных людей. При этом надлежало переделать прежние законы, чтобы они согласовывались с современным состоянием государства.

«Судебная реформа, — писал А. Ф. Кони, — рождалась на свет не сразу, как Минерва из головы Юпитера, а с болью и потугами»⁴². Во взглядах на судебную реформу наметились три направления. Выразителем одного из них стал министр юстиции граф В. Н. Панин. Рутинер-крепостник до мозга костей, он не считал возможным внесение каких-либо изменений⁴³.

За 20 лет своего владычества в Министерстве юстиции (1841—1861) он не провел ни одной значительной, что-нибудь улучшавшей реформы. Поэтому неудивительно, что работы по подготовке судебной реформы начались не Министерством юстиции, которое, конечно, должно было бы первым взяться за это дело, а при II Отделении с.е.и.в. канцелярии⁴⁴.

Ярким представителем другого направления был главноуправляющий II Отделением Д. Н. Блудов. Этот «благонадежный практик» хотел улучшить судопроизводство без радикальной ломки, путем некоторого усовершенствования старого законодательства. Человек замечательного остроумия и изумительной памяти («говорил, как книга») ⁴⁵, Блудов отражал настроения большинства русского общества того времени, считавшего недопустимым заимствовать «теоретические начала» правоведения стран Запада.

Рупором третьего направления стал директор Комиссариатского департамента Морского министерства князь Д. А. Оболенский⁴⁶. Он полагал нужным полностью отказаться от наследия прошлого в отечественном законодательстве, взяв за образец институты, широко практикуемые в западных странах: ввести глас-

ность, устное ведение дел, состязательность, адвокатуру, отменить формальную теорию доказательств и т. д. Отсталые принципы Панина не нашли поддержки. Противоборство развернулось между направлениями, представляемыми Блудовым и Оболенским.

Первым документом, вызвавшим острую полемику в правительственных сферах и общественных кругах, явился проект устава гражданского судопроизводства, представленный в Государственный совет Блудовым в 1857 г. В объяснительной записке к этому проекту от 8 июня того же года, содержащей 149 печатных страниц, глава II Отделения подчеркивал: «Предполагаемые перемены должны быть заключены в указанных заранее пределах, которые переступить было бы, может быть, преждевременно». Поэтому реформа требует «крайней осторожности»⁴⁷. Предлагая частичные улучшения — отстранить полицию от участия в гражданском судопроизводстве, сократить переписку, число судебных инстанций для рассмотрения дел и другое, Блудов не решался, однако, внести в законодательство радикальные изменения. В записке, поданной Александру II 7 ноября 1857 г., он привел ряд аргументов против институтов гласности, присяжных, адвокатуры, о необходимости которых уже говорили представители высшего света⁴⁸. Блудов считал, что эти институты преждевременно вводить в условиях России⁴⁹. Поддержав Блудова, император написал на записке: «Совершенно разделяю ваше мнение, что мы еще недостаточно жили для введения у нас гласности и адвокатуры; вот почему не желаю, чтобы вопрос был возбужден в Государственном совете»⁵⁰.

В то же время на проект устава гражданского судопроизводства, по поручению главы Морского министерства великого князя Константина Николаевича, было дано заключение Д. А. Оболенским⁵¹. Вызвано оно было стремлением брата царя, приступившего к возрождению русского флота, вести перестройку морского правосудия в соответствии с общегражданским законодательством⁵².

В январе 1858 г. Оболенский в своей записке «Замечания на проект нового порядка судопроизводства в России», подчеркнув значение судебной реформы, без которой невозможна отмена крепостного права, дал обстоятельный разбор блудовских наметок. Для создания «непреложных начал» законодательства о правосудии он предлагал два пути: либо взять целиком начала процесса французского, прусского, английского или других держав, либо теоретически дойти до создания новых, неведомых еще начал и, основываясь на них, учредить новый, самобытный и оригинальный порядок судопроизводства⁵³.

Блудов же, по отзыву Оболенского, избрал третий путь: «Составив свод неудобств и злоупотреблений, замеченных в существующем порядке судопроизводства», он пытался «изыскать

средство отвлечь злоупотребления, не касаясь самого источника злоупотреблений»⁵⁴.

К записке Оболенского, изданной литографированной брошюрой, был проявлен в обществе повышенный интерес. Ее «читали нарасхват, копии посылались по всей России»⁵⁵.

Великий князь Константин Николаевич 27 января 1858 г. направил записку Оболенского Блудову с просьбой ответить на критику⁵⁶. Начальник II Отделения канцелярии «в защиту своего проекта написал оправдание сам и заставил написать подробный ответ помощника статс-секретаря Государственного совета С. И. Зарудного»⁵⁷, принимавшего активное участие в подготовке проекта гражданского судопроизводства⁵⁸. Зарудный, основываясь на «народной самобытности», горячо возражал против заимствования из иностранного законодательства институтов публичности и адвокатуры. В свою очередь, «князь Оболенский написал замечания на замечания, — свидетельствовал Лебедев весной 1858 г., — и теперь эта полемика обещает расплодиться и ищет места в печати»⁵⁹. «По общему отзыву, — подвел итог ее автор, — записка моя осталась не без пользы. Проект Блудова, ежели не отвергнут, то почти отложен в сторону, и многие существенные вопросы по этой части подняты...»⁶⁰.

Проведенная полемика возбудила внимание членов Государственного совета к принципиальным вопросам законодательства, «заставила их глубже вникнуть в дело и склонить к более широкой постановке судебной реформы»⁶¹. Рассмотрение проекта устава гражданского судопроизводства в Государственном совете растянулось почти на два года — с ноября 1857 до 23 сентября 1859 г.

Создание нового проекта реформы

В этот период престарелый граф Блудов дал «сильный толчок работам по судебной реформе» и внес в

Государственный совет, помимо устава гражданского судопроизводства, положение о присяжных поверенных, устав уголовного судопроизводства, устав судоустройства, — всего 14 законопроектов, которые предусматривали различные изменения в структуре судебной системы и судопроизводства: ограничение числа судебных инстанций, введение адвокатуры, гласности, состязательности и др.⁶² По сравнению с его же паллиативными предложениями 40-х годов проекты 1857—1860 гг. составляли, как писал Джаншиев, громадный, почти разительный шаг вперед. После отмены крепостного права 19 февраля 1861 г. разработка судебной реформы пошла быстрым темпом.

Осенью 1861 г. государственный секретарь В. П. Бутков вместе с графом Блудовым представили Александру II доклад, в котором предлагали при государственной канцелярии создать особую комиссию для извлечения из блудовских проектов «главных основных начал судебной реформы» и привлечь к этой ра-

боте прикомандированных туда юристов. Император одобрил эти предложения. В состав комиссии вошли крупнейшие юристы С. И. Зарудный, Н. А. Буцковский, Н. И. Стояновский, Д. А. Ровинский, К. П. Победоносцев⁶³ и др. Уже к концу 1861 г. комиссия составила «Историческую записку», обобщавшую блудовские законопроекты судебной реформы⁶⁴.

В конце 1862 г. председателем комиссии вместо 77-летнего Блудова стал 73-летний князь П. П. Гагарин, крепостник, плывущий в это время по фарватеру либерализма.

Первым делом князя Гагарина было исходатайствовать «юристам» официальную санкцию на полную свободу действий и возможность свободного пользования указаниями науки и практики цивилизованных народов.

Разрешение это было дано в январе 1862 г. высочайшим повелением, в котором говорилось: «Изложить в общих чертах соображения Государственной канцелярии и прикомандированных к ней юристов о тех главных началах, несомненное достоинство коих признано в настоящее время наукою и опытом европейских государств и на коих должны быть преобразованы судебные части в России»⁶⁵.

Как отмечал Джаншиев, рубикон был перейден! Китайская стена, отделявшая в течение сорока пяти лет российские законодательные сферы от непосредственного воздействия европейской науки и современного прогресса, пала. Начала европейского публичного права и науки, проникавшие к нам дотоле контрабандным путем (слово «прогресс» было формально запрещено еще в 1858 г.), получили, наконец, открытый доступ и к отечественной законодательной практике⁶⁶.

Комиссия продолжала вести работу, заимствуя из судебных уставов европейских государств все лучшее, справедливое и оправдавшее себя на практике.

В апреле—сентябре 1862 г. подготовленные комиссией «Основные положения преобразования судебной части в России» были рассмотрены в Государственном совете и 29 сентября утверждены Александром II с указанием, чтобы эти проекты были окончательно подготовлены к 15 января 1863 г.⁶⁷ По предложению С. И. Зарудного, эти положения были опубликованы в «Собрании Узаконений» и получили самую широкую огласку⁶⁸. Со всех концов страны поступило 448 писем с различными замечаниями и предложениями. Известие о том, что правительство решило создать новый суд, было встречено без той злобы, которая сопутствовала крепостной реформе. Между тем и здесь не обошлось без некоторой борьбы. Больше всего подвергалась нападкам идея о введении в России суда присяжных. Консерваторы старались доказать, что устроить суд присяжных у нас нельзя, ибо присяжные, выбранные из неграмотных крестьян, ничего не поймут на суде, что нельзя из вчерашнего раба делать судью, и т. д. и т. п.

Тем не менее, руководствуясь этими положениями и блудовскими началами, другая комиссия под председательством В. П. Буткова взялась за составление самих судебных уставов. Комиссия состояла из трех секций: гражданской, уголовной и судопроизводства. В ее состав вошли 30 человек, в том числе С. И. Зарудный, К. П. Победоносцев, Н. В. Калачев, Н. А. Буцковский, Д. А. Ровинский, П. В. Донской и другие. В течение 11 месяцев к осени 1863 г. работа была в основном закончена. Подготовленные уставы сначала были рассмотрены во II Отделении канцелярии и министром юстиции Д. Н. Замятиным⁶⁹. В декабре 1863 г. судебные уставы были переданы в Государственный совет, где рассматривались в течение 1864 г. вплоть до 20 ноября.

Заканчивая работы по судебной реформе, С. И. Зарудный привел в порядок обширный материал «Дела о преобразовании судебной части в России», разделив его на 74 объемных тома⁷⁰.

3. Проведение судебной реформы

Основные положения уставов 20 ноября 1864 г. 20 ноября 1864 г. последовал высочайший указ Правительствующему сенату, в котором излагалась история и цель судебной реформы.

«Рассмотрев сии проекты, — говорилось в указе Александра II, — мы находим, что они вполне соответствуют желанию нашему водворить в России суд скорый, милостивый, равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого, от высшего до низшего»⁷¹.

В этот день были утверждены основные акты: Учреждения судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 1 декабря 1864 г. новые судебные уставы были обнародованы⁷².

Реформа судебной системы устанавливала новые прогрессивные принципы: отделение суда от администрации, бессловность суда, равенство всех перед судом, несменяемость судей и следователей, прокурорский надзор, выборность (мировых судов и присяжных заседателей), гласность судопроизводства.

В результате реформы создавались две судебные системы: одну из них составляли местные (мировые) суды, другую — суды общие.

К местным (мировым) относились волостные суды, мировые суды и съезды мировых судей. Мировой суд вводился для разбора

уголовных преступлений и решения незначительных гражданских дел, если ущерб не превышал 500 руб.

Мировой суд был единоличным в лице мирового судьи в возрасте не ниже 25 лет. Как правило, он стремился примирить стороны, но вместе с тем обладал и правом вынесения приговора. Он мог применять такие санкции, как кратковременный арест (до трех месяцев), заключение в работный дом на срок до одного года, денежные взыскания на сумму не свыше 300 рублей.

Мировые судьи делились на две категории — участковых и почетных. Они выбирались сроком на три года из местных жителей на уездных земских собраниях и в городских думах. Для избрания в мировые судьи был установлен образовательный ценз или, по крайней мере, трехлетняя служба и имущественный ценз, равный двойному цензу земских гласных. Образовательный ценз был невысок — в пределах среднего образования. Имущественный же ценз был значительным и достигал в сельской местности 15 тыс. руб. (недвижимость) или 400 десятин земли, в городах — не ниже 3 тыс. руб., в столицах — не ниже 6 тысяч. Например, чтобы быть избранным мировым судьей в Петербурге, А. Ф. Кони пришлось приобрести 1200 десятин земли в Новгородской губернии. Список лиц, имеющих право быть мировыми судьями, составлялся уездным предводителем дворянства и за два месяца до выборов сообщался губернатору, который мог давать свои замечания по каждой кандидатуре⁷³.

Высокий имущественный ценз практически закрывал доступ на эту должность представителям низших сословий. Обычно в уездах в мировые судьи попадали местные помещики. Участковые мировые судьи, кроме жалованья, получали и определенные суммы на наем письмоводителя, рассыльного и на прогоны. Избранные мировые судьи утверждались первым департаментом сената⁷⁴.

Каждый мировой судья исполнял судебную власть на определенной территории — участке. Несколько участков составляли мировой округ (обычно уезд и входящие в него города).

Помимо участковых мировых судей, аналогичным порядком избирались почетные мировые судьи, которые не получали жалованья и осуществляли судебские обязанности периодически, не оставляя своих повседневных занятий. Как правило, это были крупные помещики, отставные чиновники и военные. Почетные мировые судьи имели все права участкового судьи. В их компетенцию входило рассмотрение дел в пределах всего мирового округа в случае, если обе заинтересованные стороны предпочитали обратиться именно к данному почетному судье, а не к участковому. Кроме того, они выполняли судебские функции в случае отсутствия, болезни или отъезда участкового мирового судьи.

Решение мирового судьи можно было обжаловать в более высокой инстанции — съезде мировых судей, состоявшем из всех

участковых и почетных судей данного округа (всего было создано 108 округов). Съезд из своего состава избирал председателя сроком на 3 года. Заседания съезда определяли уездные земские собрания, а в столицах — городские думы. Съезд мировых судей был апелляционной или кассационной инстанцией в зависимости от характера рассматриваемых дел⁷⁵.

По Судебным уставам 1864 г. общий (коронный) суд имел три инстанции: окружные суды для нескольких уездов (как правило, один на губернию); судебные палаты (одна на несколько губерний или областей); сенат.

Наиболее важные дела, неподсудные мировым судьям, рассматривались в окружных судах. Судебные округа не всегда совпадали с реальным тогда административным делением России. В отдельных губерниях было несколько окружных судов. Эти суды состояли из председателя и членов. Новым институтом, учрежденным реформой в окружных судах, были присяжные заседатели (поверенные). Присяжными заседателями могли быть лица в возрасте от 25 до 70 лет. Для избрания присяжных заседателей составлялись общие и очередные списки. В общие списки включались: почетные мировые судьи, служащие (кроме профессиональных юристов), все выборные должностные лица, имевшие недвижимость или доход. Не подлежали включению в списки священники, военные, учителя, прислуга и наемные рабочие. На основании общих списков составлялись списки очередных и запасных заседателей на год. За три недели до судебного заседания председатель суда по жребию отбирал 30 очередных и 6 запасных заседателей. В заседании оставалось 12 присяжных. Присяжные заседатели могли быть отведены как подсудимым (12 присяжных), так и прокурором (6 человек). Из числа неотведенных избирались 12 присяжных, из них — один старший⁷⁶. Гражданские дела решались без присяжных заседателей, уголовные дела — с их участием. Приговор, вынесенный присяжными заседателями, считался окончательным и обжалования по нему не принимались. После решения присяжных о виновности или невиновности подсудимого состав суда (председатель и два члена) определял степень наказания или освобождение подсудимого.

Наряду с присяжными поверенными в коллегиях при судах в процессе могли участвовать частные поверенные — частные адвокаты по гражданским и уголовным делам. В отличие от присяжных поверенных, частные поверенные имели право выступать только в тех судах, от которых получили свидетельство — разрешение на эту деятельность. И. Я. Фойницкий подчеркивал, что частные поверенные учреждались для ограждения населения от неподлежавших никакому контролю ходатаев⁷⁷. Руководящим органом коллегии адвокатов стал Совет присяжных поверенных.

Судебные палаты разбирали жалобы и протесты по делам окружных судов, а также дела о государственных и должностных

преступлениях. Рассмотрение дел в судебных палатах производилось с участием «сословных представителей», в состав которых входили губернский и уездный предводители дворянства, городской голова губернского города и волостной старшина. Всего в России к 1914 г. было образовано 14 судебных палат.

Высшей судебной инстанцией для всех местных и общих судов являлся сенат, учрежденный еще Петром I.

В этом «хранилище законов»⁷⁸ были созданы кассационные департаменты, которые, помимо пересмотра и отмены судебного решения низшей инстанции, рассматривали должностные преступления, совершенные чинами выше пятого класса.

Для суда над членами Государственного совета, министрами и равными им лицами вводился Верховный уголовный суд.

Судебные уставы изменили функции прокуратуры. Она превратилась в орган судебного надзора (до реформы прокуратура осуществляла общий надзор), поддерживала обвинение, представляла интересы государства в судебном процессе, контролировала ход следствия и места лишения свободы. Возглавлялась прокурорская система генерал-прокурором. При сенате учреждались должности двух обер-прокуроров, а в судебных палатах и окружных судах — должности прокуроров и товарищей прокуроров. По представлению министра юстиции все прокуроры назначались императором.

В ходе реформы были созданы должности судебных следователей, занимавшихся предварительным расследованием; провозглашалась их независимость.

Для удостоверения различного рода юридических актов (договоров, сделок, завещаний, доверенностей и др.) в губернских и уездных городах учреждалась система нотариальных контор.

В целом новая судебная система выглядела довольно стройной. Однако за этим красивым фасадом скрывалось много пережитков прошлого.

Для присяжных заседателей устанавливался значительный имущественный ценз — в городах до 2 тыс. руб., что существенно ограничивало представительство различных слоев. Кроме того, они должны были удовлетворять цензу грамотности и цензу оседлости — прожить не менее двух лет в пределах уезда.

Немалое значение придавалось вероисповеданию судей.

Подсудимым не всегда разрешалось выбирать защитника, что особенно было характерно для политических процессов.

Наравне с общими судами для всех сословий существовал крестьянский волостной суд, учрежденный общими «Положениями 19 февраля 1861 г.» Он судил крестьян по мелким уголовным и гражданским делам не на основании общих законов, а на основе местных крестьянских обычаев. Сохранялись особый суд (консистория) для духовенства и военный суд для военных. В особом порядке разбирались дела по политическим преступлениям.

**Трудности
осуществления реформы**

Практическое воплощение в жизнь
судебной реформы встретилось со
значительными трудностями. По-

требовалось немало времени для подготовки аппарата новых судов, выделения помещений, дополнительных средств и др. Сначала в апреле 1866 г. были созданы только два судебных округа — в Петербурге и Москве. Открытие нового суда состоялось в столице в день рождения Александра II — 17 апреля.

В этот же день на обеде в связи с открытием нового суда в Петербурге отец известного юриста Ф. А. Кони прочитал следующее стихотворение:

На рубеже тысячелетья
Возник в России человек,
Какого ждали мы столетья,
Кто словом озарил наш век.
Питомец пылкого поэта
И правды ревностной стратиг,
Среди дворца, в молодые лета,
Он боли русские постиг
И порешил в уме державном,
Воссев на прадедовский трон,
Поставить в царстве православном
Свободу, право и закон⁷⁹

23 апреля 1866 г. судебные установления открылись в Москве, в 1867 г. — в Харькове.

Печать единодушно отметила крупное значение совершившейся реформы.

«Московские ведомости» писали: «Немногое из того, что совершилось прежде, и немногое из того, что может обещать нам впереди самый широкий прогресс, может сравниться по важности и значению с судебною реформою, с этим великим преобразованием, долженствующим принести России гражданское обновление и провести ясную черту между проходящим и грядущим»⁸⁰.

Действие Судебных уставов охватило только 44 губернии, причем процесс создания в них новых судов занял более 30 лет. К 1870 г. новые суды были введены в 23 губерниях, а в остальных 21 губернии образование судов завершилось только в 1896 г. Новые Судебные уставы не вводились на северной и юго-восточной окраинах Европейской России (в Олонецкой, Уфимской, Оренбургской и Астраханской губерниях). Суд присяжных не был введен в Царстве Польском, Прибалтике и на Кавказе.

Новые принципы деятельности судов вызвали серьезное противодействие со стороны государственной бюрократии. Уже с 1866 г. последовали разного рода изъятия, «дополнения» и «разъяснения», ограничивавшие сферу деятельности новых судов.

Летом того же года судебные чиновники были поставлены в зависимость от общей администрации: им предписывалось яв-

латься к губернатору по его вызову, «подчиняться его законным требованиям» и «оказывать ему должное уважение». С 1867 г. вошло в обыкновение назначать вместо следователей «исправляющих должность следователя» чиновников, на которых несменяемость не распространялась.

Законом 1871 г. производство дознания по политическим делам передавалось жандармерии. В 1872 г. было создано «Особое присутствие Правительствующего сената», рассматривавшее наиболее крупные политические процессы. Закон 7 июня 1872 г. ограничивал публичность судебных заседаний.

В 1878 г. рассмотрение некоторых политических преступлений перешло из суда присяжных к военно-окружным судам. В 1885 г. было создано Высшее дисциплинарное присутствие для суждения о неблагоприятных поступках судей, что стало прямым посягательством на их несменяемость.

12 июля 1889 г. был ликвидирован мировой суд (за исключением столиц и г. Одессы). Функции этих судов в сельской местности были переданы земским начальникам, назначаемым обычно из потомственных дворян, владевших недвижимой собственностью. Кандидатуры земских начальников подбирались губернатором и губернским предводителем дворянства и утверждались министром внутренних дел. В городах функции мировых судей перешли к так называемым городским судьям, назначаемым министром юстиции.

Мировой суд был вновь восстановлен 15 июля 1912 г. По мнению А. Ф. Кони, закон 12 июля 1899 г. пронесся бурей, «которая смела с лица русской земли, за исключением нескольких городов, мировые судебные учреждения и обратила в ничто их многолетнюю работу по воспитанию народа в чувствах законности»⁸². Таким образом, и судебная реформа сохранила немало элементов крепостнического порядка, а последовавшие вскоре за ней дополнительные узаконения внесли еще ряд отступлений от принципов буржуазного суда.

Несовершенство новых судов активно обсуждалось в прессе и литературе. Достаточно вспомнить яркую картину суда, обрисованную в романе Л. Н. Толстого «Воскресение».

Тем не менее судебная реформа при всех ее изъянах была важным шагом вперед на пути к правовому государству.

Со временем население огромной страны на деле узнало всю разницу между судом безгласным и гласным, долгим и скорым, зависимым и свободным, неправым и правым.

Расходы государства за 25 лет с 1855 по 1880 гг. по судебному ведомству возросли с 3,5 до 16,66 млн. руб.⁸³.

Краткие выводы

Судебная реформа 1864 г. стала наиболее последовательной, новаторской и совершенной из всех реформ великого возрождения Александра II. Реформа была комплексной, поскольку охватыва-

ла несколько отраслей права. Она ввела основы буржуазного судопроизводства в России. Принятые Судебные уставы упразднили старый и создавали новый суд. Правосудие, которое, по выражению П. Гольбаха⁸⁴, «есть основание всех общественных добродетелей», было отделено от администрации. Даже за императором — властителем России — сохранялось лишь право помилования. Значительно упростилась вся судебная система. Она состояла из мирового судьи, окружных судов, судебных палат и Правительствующего сената. Самым выдающимся достижением судебной реформы было введение суда присяжных. По мнению И. Фойницкого, учреждение этого суда «стало центральным узлом новой судебной системы, ее лучшим украшением и самою твердою опору»⁸⁵.

Суд присяжных сыграл большую роль в поднятии престижа правосудия, укреплении законности, внедрении правды и справедливости. В его деятельности нашли яркое отражение такие демократические правовые принципы как презумпция невиновности, состязательность, гласность и устность.

Важным нововведением судебной реформы явилось учреждение адвокатуры. На судебном поприще выросла целая плеяда знаменитых юристов, воспитанных новой юстицией. Выдающиеся адвокаты и прокуроры, блиставшие в судах красноречием, подвергали глубокому анализу доказательства, а также психологические черты подсудимых и потерпевших. Заметно возрос интерес общественности к суду и правосудию. Ведущие газеты и журналы охотно освещали на своих страницах ход судебных процессов. В России регулярно издавали популярный сборник «Судебные драмы».

В целом в России до 1/3 уголовных дел стало рассматриваться судом присяжных (остальные 2/3 менее значительных дел были отнесены к компетенции мировых судей). Это намного больше, чем в Англии, Франции и Германии того времени⁸⁶.

Вместо ожидавшегося «ужесточения» судебной репрессии наблюдалась явно противоположная картина: в XIX в. русские суды присяжных оправдывали около 40% подсудимых⁸⁷.

В то же время судебная реформа сохранила некоторые черты сословно-феодальной политической системы, что выразилось в сохранении крестьянского, военного и духовного судов, а также в порядке подсудности должностных лиц.

Несмотря на эти и другие отступления, судебная реформа представляет глубокий интерес и для нашего времени. Особенно заслуживает глубокого, всестороннего изучения и осмысления богатый и поучительный опыт судов присяжных, который только недавно стал вновь вводиться в Российской Федерации.

РЕФОРМА ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ

Только сильные умеют прощать.

Э Ожешко¹

17 апреля 1863 г. указом Александра II «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных»² была введена важная реформа, занявшая видное место среди других крупнейших преобразований 60—70-х годов XIX в.

1. Краткая история телесных наказаний

Понятие о телесных наказаниях

Чтобы представить значение этой реформы, сделаем небольшой экскурс в историю телесных наказаний.

Прежде всего выясним само понятие «телесные наказания».

К телесным наказаниям, согласно словарю братьев Гранат, относятся меры воздействия, «направленные на причинение физической боли, мучительства человека или уродствующие его тело»³.

Большой Энциклопедический Словарь определяет их как «причинение осужденному физических страданий»⁴.

Кажется, больших расхождений в определении понятия телесных наказаний у разных авторов нет. Однако, если в первом определении понятие о телесных наказаниях связано с человеком вообще, то во втором — только с осужденным.

Известны три типа телесных наказаний:

— членовредительные (изувечивающие или уродующие) — отсечение конечностей, носа, ушей, губ, языка, пальцев, вырывание ноздрей, кастрация, стерилизация, ослепление и др.;

— болезненные — битье кнутом, плетью, кошками, шелепами, батогами, палками, розгами и др.;

— позорящие — клеймение, наложение оков, бритые головы и др.

Популярный шотландский историк и литератор XIX в. Д. Г. Бертрам, ссылаясь на самых древних авторов, считал, что телесные наказания известны чуть ли не «со дня сотворения мира»⁵.

По всей видимости, все же телесные наказания возникли в семье, роде с того времени, когда один человек «оказался в подчинении и власти другого».

Следует заметить, что история телесных наказаний в России, как и в любой другой стране, связана с историей ее культуры, степенью социального и экономического развития. Бесспорно, что «только на низком уровне культуры», как отмечает профессор П. И. Люблинский⁶, при неуважении личности человека, грубое физическое воздействие находит себе поддержку в общественном мнении.

Долгое время у разных народов понятие о справедливости в наказании совпадало с идеей талиона⁷, т. е. воздания равным за равное. Преступник должен был подвергнуться тому же страданию, какое он причинил потерпевшему. «Око за око, зуб за зуб» — вот четкая формула талиона.

Со временем государство начинало вмешиваться в частные споры, стремясь восстановить нарушенный мир, сдержать месть «в пределах разумного и терпимого»⁸.

Изуверские репрессии за рубежом

Широкое распространение телесные наказания имели у древних римлян и в государствах Древнего Востока⁹.

В Западной Европе телесные наказания были закреплены в законодательстве с XIII в.¹⁰. Особой жестокостью отличались общегерманское уголовно-судебное уложение при Карле V «Каролина» 1532 г.¹¹ и «кровавое законодательство» Великобритании конца XV—XVI вв.¹².

Жестокие пытки и утонченные издевательства были характерны для инквизиции¹³ — специального церковного суда по делам о еретиках¹⁴ в католической церкви, существовавшего с XIII по XIX вв.

Телесные наказания стояли тогда наверху карательной лестницы, следуя непосредственно за смертной казнью, от которой нередко отличались очень немногим. Их разнообразие делало из них универсальное средство: они назначались и за тяжкие преступления, и за легкие провинности.

Протест против применения телесных наказаний стал громким с конца XVIII в., когда ряд просветителей, писателей и юристов — Монтескье, Вольтер, Томазий, Беккариа, Филанджерри¹⁵ и другие — указали, что эти наказания приносят больше вреда, чем пользы, и что они несовместимы с правами свободной личности.

Тогда же начинается почти повсеместно и отмена телесных наказаний. В форме пытки и наказаний изувечивающих они были отменены в 1754 г. в Пруссии, в 1770 г. — в Дании, в 1776 г. — в Австрии, в 1780 г. — во Франции. Отмена болезненных наказаний произошла значительно позднее. Во Франции болезненные телесные наказания были отменены революцион-

ным кодексом 1791 г., но уголовный кодекс 1810 г. восстановил клеймение и отсечение кисти руки за отцеубийство. В Германии отмена болезненных телесных наказаний была декларирована в 1848 г., но в законодательстве они исчезли лишь с изданием общегосударственного уголовного уложения 1871 г. В Австрии отмена произошла в 1867 г.¹⁶ В Англии, например, в ст. 54 Закона об уголовной юстиции 1948 г. предусматривалось применение телесных наказаний в тюрьмах. В частности, допускалось наказание до 18 ударов 9-хвостной «кошкой» или березовыми прутьями.

Законодательство отдельных штатов США прямо устанавливало порку и избиение как дополнительное наказание, а в некоторых штатах были распространены стерилизация и кастрация¹⁷. Фашизм возродил широчайшее применение телесных наказаний. Система зверских пыток и истязаний вела к смерти или же калечила лиц, им подвергавшихся. Чудовищные телесные наказания применялись и в качестве пытки, и в качестве дисциплинарных наказаний¹⁸.

Немецкие фашисты ввели в систему клеймение лиц, угнанных из оккупированных местностей на каторгу¹⁹.

Лютая кара в России

В России уголовное законодательство применяло телесные наказания веками. До XIII в. телесные наказания применялись как мера военной расправы и усмирения, а также как мера домашнего воздействия. Начало их в XIII веке некоторые историки²⁰ непосредственно связывали с татаро-монгольским нашествием.

Татары удалились, оставив на Руси для собирания дани своих чиновников (баскаков). Последние при собирании дани зачастую прибегали к различным, не существовавшим прежде на Руси жестокостям. Доныне еще живут поговорки, вышедшие из застенков: «в три погибели согнуть, в утку свернуть»²¹, «скрутить в бараний рог» и др. Так, когда подчеркивают чью-либо откровенность, говорят: «сказал всю подноготную». Выражение это прежде связывали с правдой, выведенной в ходе забивания деревянных спиц или гвоздей под ногти при пытке.

«Обыкновение ужасное, — замечает Карамзин, — данное нам татарским игом вместе с кнутом и всеми телесными, мучительными наказаниями»²². (Маловероятно, чтобы телесные наказания были переняты русскими только от татаро-монголов. Известно, что наказание плетью и многие жестокие пытки употреблялись и в Западной Европе). Историки С. М. Соловьев, П. Д. Калмыков, Н. Д. Сергеевский и Н. С. Таганцев²³ отстаивали мысль, что телесные наказания существовали и до монгольского нашествия.

Уже в первых законодательных актах появляются упоминания о телесных наказаниях. Так, договор Новгорода с Готландом 1270 г. трактует о наказании розгами и клеймении вора. О них

же упоминается в Двинской уставной (1397) и Псковской судной (1467) грамотах. Однако расцвет телесных наказаний в России, как и на Западе, начинается с начала укрепления царского абсолютизма в конце XV в. и позднее. Считается, что Судебник Ивана III в 1497 г. впервые ввел заимствованные у татар телесные наказания²⁴.

Людей, обвиняемых в каких-либо преступлениях, заставляя сознаться, подвергали пыткам, брили им головы и капали на голову холодной водой, вбивали под ногти деревянные спицы. Неисправных должников ставили на правёж (взыскание долга истязаниями, насилием) и били палками до тех пор, пока не уплатят долга или числящихся за ними казенных недоимок. Преступников подвергали нещадному биению кнутом, батогами, заливали горло растопленным металлом, сжигали живыми и вообще подвергали самым жестоким и мучительным казням.

Судебник 1550 г. «отличается строгостью наказаний за нарушение утвержденного порядка»²⁵. Для правления Ивана IV характерна вакханалия кровавых расправ и массовых репрессий, от которых гибли и его политические противники, и десятки тысяч крестьян, холопов, посадских людей. Иван Грозный принимал личное участие в пытках и казнях, проявляя в них садистские наклонности²⁶. До виртуозности, подмечает Г. А. Джаншиев, довело телесные наказания «Уложение» «тишайшего» царя Алексея Михайловича 1649 г. Они назначались в 141 случае²⁷. Центром карательной системы был кнут²⁸, венцом ее — палач, имевший возможность или засечь насмерть, или за взятку превратить казнь в шутку. По выражению историка А. Тимофеева²⁹, кнут становится как бы «карательной панацеей, годной во всевозможных случаях»³⁰.

Почти на всех ступенях человеческой преступности действует кнут. Кнут — за убийство; кнут за непослушание отцу или приказчику, за блуд, за противоестественные пороки, кнут — за «безлепицы» и кулачные бои, за сквернословие, за торговлю старым платьем, за выбрасывание на улицу сора и помёта, за сокрытие больных горячкой, за нищенство... Слово «кнут» даже перестает употребляться: оно просто подразумевается под словами «наказание», «жестокое наказание»³¹. И при этой непомерной щедрости на смертоносный кнут число ударов ничем не регулировалось. Долго закон знал только такие нормы, как битье простое и битье нещадное. Когда кнут сменили батоги³², начали приговаривать к битью батогами «в кнута место», что означало битье нещадное.

В эту эпоху с Запада (путем копирования из Литовского статута) в Россию был внесен ряд новых изуверчивающих телесных наказаний (например, рвание тела клещами)³³.

Судебная практика XVII столетия назначала ослепление за так называемые государственные преступления. В XVIII в. урезали язык, например, за распространение слухов о том, будто

государь побил в церкви генеральскую жену, за ересь, за «противность и ругательство в церкви». Уложение 1649 г. грозило отсечением носа уличенному в третий раз в курении табака. При этом приведение всех этих смертоносных операций в исполнение отличалось крайней простотой, и отдельные подробности его, имевшие для наказуемого жизненно важное значение, решительно ничем не регулировалось. Секли и резали, — замечает проф. Н. Сергеевский — руки, ноги, пальцы и языки как придется, как удобно или как вздумается исполнителям. Руки отсекали то по запястье, то поперек ладони; до которого места отсекали ноги — неизвестно; язык отрезали обыкновенно не весь, а часть его. Нередко бывали случаи, что лица с урезанными языками по излечении раны начинали снова говорить, и тогда им резали язык вторично. Отсеченные члены иногда прибывались на стенах или на деревьях³⁴. Апогея господство телесных наказаний достигло в первой половине XVIII столетия³⁵.

При Петре I рост телесных наказаний продолжается, но применение изувечивающих наказаний ограничивается рванием ноздрей и клеймением. В качестве новых орудий истязания вводятся шпицрутены и «кошки»³⁶. По выражению видного юриста Д. А. Ровинского, шпицрутены превращали человека в какую-то «кровавую кашу»³⁷.

Петр I для военных придумал «легкое наказание» — ношение оружия (нагрузят на провинившегося ружей десятка два, поставят несчастного так, чтоб и ногой не переступил, — стоит иногда часов 5 или 6). Профессор Московского университета И. Д. Беляев³⁸ писал, что сам в малолетстве видел, как от такой стойки люди падали и затем препровождались в лазарет. Такое «легкое наказание» назначалось за «великие провинности», например, солдатик испортил фрунт, выдался вперед или очень подался назад. Другие, введенные Петром I наказания были: заковывание в железо ног и рук; посаженье на деревянного коня; прогулка по деревянным кольям; батожья (по усмотрению командира без счета)³⁹.

В губерниях Эстляндской и Лифляндской вместо плети действовали «пиррутены» (путья), вероятно, нечто очень близкое к шпицрутенам, судя по тому, что 100 ударов плетью, по легальному тарифу, признавались равными 30 пиррутенам и исполнялись в три воскресенья по десяти на каждое⁴⁰.

Высшие классы также не избежали телесных наказаний. Экзекуциям подвергались священники, архимандриты, бояре, сенаторы.

В первой половине XVIII в. телесные наказания в России не только сохранялись в судебной практике, но и служили нередко средством расправы в ходе придворных интриг, столь многочисленных в этот период.

В период царствования Елизаветы две знатные дамы — Лопухина и Бестужева были биты кнутом публично, после чего им

вырезали язык. Как отмечает известный русский юрист А. Ф. Кони, наши старинные пытки не отличались такой изобретательностью и систематичностью, как у западных соседей — наши пытки были жестоки, но проще и менее утонченны, чем, например, подробно описанные, с тщательными рисунками, в австрийском кодексе Марии-Терезии⁴¹.

Весь вред развращающего влияния телесных наказаний, по видимому, достаточно сознавался некоторыми российскими правителями. Смягчение телесных наказаний началось преимущественно вследствие желания сохранить работоспособность преступника, «извлечь из него пользу для государства»⁴². Таково было важное основание для отмены членовредительных телесных наказаний, к которому присоединились впоследствии и соображения гуманности. Жестокости постепенно, мало-помалу, под влиянием христианства, цивилизации и человеколюбия некоторых государей смягчались.

Указом императрицы Елизаветы Петровны 1757 г. отменяется для женщин рвание ноздрей и клеймение, но, с другой стороны, в этот же период оно вводится как общая мера для всех ссылаемых мужчин (на лбу и щеках, а позднее на плечах и спине вытравлялись порохом буквы В.О.Р., К.А.Т. или С.-П. — каторжный, ссыльно-поселенец). Окончательно рвание ноздрей отменяется в 1817 г., а клеймение — в 1863 г.⁴³

В 1753 и 1754 гг. последовала отмена смертной казни, которая была заменена вечной ссылкой на каторжную работу после публичного наказания кнутом и заклеяния преступников. Сохранена была смертная казнь по закону по так называемым государственным преступлениям, карантинным и воинским — во время похода⁴⁴.

В течение всего XIX в. сокращалось применение болезненных телесных наказаний, притом главным образом для лиц привилегированных сословий.

Все царские подданные с конца XVIII в. делились на «изъятых и неизъятых от телесных наказаний», и это налагало свою печать не только на всю карательную систему и правосудие, но и на гражданскую правоспособность отдельных сословий. Екатерина II, повторяя в своем «Наказе» взгляды Вольтера и Беккарии, осудила телесные наказания, но она упразднила их лишь для дворян, купцов первых двух гильдий, именитых граждан (1785) и под конец жизни для духовенства (1796).

При Екатерине II употреблялась ужасная и отвратительная по своей варварской жестокости смертная казнь — через колесование (ломающая кости колесом особого устройства) и четвертование⁴⁵ (рассечение тела осужденного на четыре части или последовательное отсечение конечностей и головы). Павел I освободил от телесных наказаний стариков старше 70 лет. При вступлении на престол Александр I в 1802 г. отменил пытку «как стыд и укоризну человечеству наносящее» и «нешадное» битье кнутом.

Указом 1816 г. отменено именовать людей, содержащихся под стражею, невольниками и колодниками, а к ним применено название арестантов. Для улучшения нравственного и физического состояния арестантов образовано под высочайшим покровительством Общество попечительства о тюрьмах⁴⁶.

Добиваясь для себя освобождения от телесных наказаний, дворянство к концу XVIII столетия настояло на запрещении крепостным жаловаться на помещиков. Жесточайшие истязания становятся обычным явлением в крепостном быту. Кое-где в помещичьих усадьбах бывали настоящие застенки, где истязания производились по всем правилам заплечного мастерства⁴⁷.

В 1768 г. на Красной площади была наказана известная своим зверским обращением с крепостными Салтычиха — Салтыкова Дарья Николаевна (1730—1801), помещица Подольского уезда Московской губернии, замучившая более 100 человек крепостных (например, гладила девушек горячим утюгом). Была наказана вместе с ее соучастниками, ее же людьми и попом, которые тут же были биты кнутом. Первоначально Салтычиха была приговорена к смертной казни, замененной пожизненным заключением в монастырской тюрьме, где она и умерла⁴⁸.

Либерально настроенный внук Екатерины II — Александр I — оставил в неприкосновенности кнут, видимо, полагаясь на русскую поговорку «кнут не ангел, души не вынет, а правду скажет». На самом деле кнут был чудовищным и страшным орудием. По отзыву графа Н. Мордвинова, опытный палач несколькими ударами кнута мог засесть до смерти сильного мужчину, одним ударом его можно было сломать позвоночник! Все зависело от взятки палачу. С богатых, писал Ф. М. Достоевский, палачи назначают взятку сами, по тридцати рублей и более. Но если даже палач и возьмет взятку, чтоб наказать легко, то все-таки первый удар дается им изо всей силы. Перед началом наказания палач чувствует себя в возбужденном состоянии, сознает себя властелином, он в эту минуту актер. На него дивится и ужасается публика, и он не без наслаждения кричит своей жертве перед первым ударом обычные и роковые слова: «Поддержись, ожгу!»⁴⁹ Трудно представить, замечает Достоевский, до чего можно исказить природу человеческую.

При Александре I Аракчеев изобрел особую манеру битья шпицрутенами, названную в честь его «аракчеевскою!» Подобная «проводка сквозь строй в гарнизоне», через более 500 ударов, часто равнялась смертному приговору.

В Москве, например, как отмечает «опытный законовед и судебный практик» писатель, историк искусства Д. А. Ровинский, в 50-х годах XIX века гарнизонные гоняли сквозь строй мещанина Васильева, который был судим военным судом (по Высочайшему повелению): ему дали всего 400 ударов, и он умер на третьи сутки.

«А что сказать об аракечевских шпицрутенах сквозь тысячу 12 раз без медика?! Надо видеть однажды эту ужасную пытку, чтобы никогда не забыть ее», — восклицает Ровинский, и затем описывает следующую ужасающую сцену прогнания сквозь строй, как будто выхваченную из Дантова ада.

«Выстраивается тысяча бравых (русских) солдат в две шпалеры лицом к лицу: каждому дается в руку хлыст-шпицрутен; живая «зеленая улица», только без листьев, весело движется и помахивает в воздухе. Выводят преступника, обнаженного по пояс и привязанного за руки к двум ружейным прикладам; впереди двое солдат, которые позволяют ему подвигаться вперед только медленно, так, чтобы каждый шпицрутен имел время оставить след свой на «солдатской шкуре»; сзади вывозится на дровнях гроб. Приговор прочтен; раздается зловещая трескотня барабанов, раз, два... и пошла хлестать «зеленая улица» справа и слева. В несколько минут солдатское тело покрывается сзади и спереди широкими рубцами, краснеет, багровеет; летят кровавые брызги... «Братцы, пощадите!..» — прорывается сквозь глухую трескотню барабана; но ведь щадить, — значит самому быть пороту, — и еще усерднее хлещет «зеленая улица». Скоро спина и бока представляют одну сплошную рану: местами кожа сваливается клочьями — и медленно движется на прикладах живой мертвец, обвешанный мясными лоскутьями, безумно выкатив оловянные глаза свои... Вот он свалился, а бить осталось еще много, живой труп кладут на дровни и снова возят, взад и вперед, промеж шпалер, с которых сыплются удары шпицрутенов и рубят кровавую кашу. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалит, да трещат зловещие барабаны...»⁵⁰

При Николае I было принято Уложение 1845 г. Различие между ним и Уложением 1649 г. царя Алексея Михайловича заключалось, главным образом, только в отношении к институту смертной казни. Если первое назначало смертную казнь в 60 статьях, Уложение 1845 г. ограничивало применение ее тремя-четырьмя случаями, введя, однако, ее впервые в виде общего правила за важнейшие политические преступления. И в то же время, как отмечает врач Д. Жбанков, Россия гордилась перед иностранцами, что у нас нет смертной казни. Так, император Николай I, в виде акта милосердия, на рапорте о двух приговоренных к смертной казни написал: «Виновных прогнать сквозь 1000 человек 12 раз (т. е. они должны были получить по 12 000 ударов шпицрутенами). Слава Богу, смертной казни у нас не бывало, и не мне ее вводить»⁵¹. Конечно, наказанные умерли. Таким образом, смертная казнь, в теории отмененная еще указами 1753—1754 гг., до 1845 г. фактически процветала в квалифицированном, то есть утонченно-жестоким виде.

Уложение 1845 г. кнут заменило треххвостною плетью⁵².

Во времена Николая I большое распространение приобретает розга⁵³. Эта, по удачному выражению И. Алисова, «родная внучка кнута, родная дочь плети». Применение охватывало «широкий круг правонарушителей и дисциплинарных провинностей во всех областях человеческого существования»⁵⁴.

Иго крепостного рабства, которым, по словам писателя и философа А. С. Хомякова, была клеймена Россия, давило в пятидесятых годах всей своей тяжестью и оказывало свое растлевающее влияние на все принимаемые законы.

Немилосердные
наказания
при Александре II

По Уложению 1857 г. уже при Александре II телесное наказание составляло для лиц непривилегированных (крестьян и мещан) не-

обходимое дополнение всякого уголовного наказания, начиная от тяжкого уголовного и кончая легким исправительным.

При ссылке на каторжную работу назначалось публичное наказание от 30 до 100 ударов плетью через палачей⁵⁵. Публичное наказание плетью назначалось и при ссылке в Сибирь на поселение. При отдаче в арестантские роты назначалось от 50 до 100 ударов розгами через полицейских служителей. Розгами же заменялось и кратковременное тюремное заключение и арест.

Кроме того, для ссыльно-каторжных и военнотрудовых существовали в Своде законов особые жестокие наказания шпицрутенами или прогнание сквозь строй. Число ударов шпицрутенами достигало ужасающей цифры — 5000—6000. Это наказание сопровождалось для каторжных приковыванием к тележке на время от одного года до трех лет⁵⁶.

Жестокость нравов, поддерживаемая и питаемая телесными наказаниями, в то время была повсюду. Побои и истязания повсеместно и в государстве, и в семье, и в школе признавались как единственное спасительное средство для всех преступников.

В самом конце 50-х годов в гимназиях Киевского округа пороли ежегодно от четверти до половины всех учеников.

В духовных учебных заведениях было еще хуже, и били артистически, с наслаждением, пороли «на воздушях», под колоколом, солеными розгами, давали по 300 и более ударов. Наказанных замертво на рогоже уносили в больницу, часто наказывали и десятого, полкласса, весь класс⁵⁷.

Известный писатель Н. Г. Помяловский за время учения в семинарии был высечен четыреста раз, и потом он часто спрашивал: «Пересечен я или еще недосечен?»

Такое жестокое воспитание детей было прежде обычно и в самых высших сферах. Так, Ламздорф, воспитатель императора Николая I позволял себе бить его линейками, шомполами, хватал мальчика за воротник или грудь и ударял его об стену так, что он почти лишался чувств. И это делалось не тайно, а записывалось в дневники⁵⁸. Многие преподаватели были так убежде-

ны в необходимости и спасительности розог, что знаменитый хирург и педагог Н. И. Пирогов, несмотря на все свое отвращение к этому виду наказаний в школе и глубокого сознания огромного его вреда, не смог, однако, настоять на окончательном выведении розог из педагогической практики.

В развернувшейся в конце 50-х и начале 60-х годов XIX в. дискуссии по вопросам школьной дисциплины мнения относительно телесных наказаний разделились.

Профессора-юристы Петербургского университета В. Спасович и И. Андреевский⁵⁹ в письме в Министерство народного просвещения от 11 мая 1862 г., озаглавленном «Заметки о телесных наказаниях»⁶⁰, обратили внимание на то, что политика устрашения противоречит основам настоящей человеческой морали и культуры. Телесные наказания, утверждали они, не выдерживают никакой критики.

Подобную позицию занимали и основоположник научной педагогики К. Д. Ушинский⁶¹, и его сподвижник Ф. Елеонский. Наряду с этим среди педагогов было немало сторонников телесных наказаний в школе.

Раз позор и страдания от битья не признавались в высших сословиях, в образованной среде, то что же проделывалось с низшими сословиями?

Безответных крепостных били кто, как и сколько хотел, недаром поэт сказал, что по народным спинам «прошли леса дремучие». Их били и помещики, и полиция, и бурмистры, и всякие управляющие. Не отставали и «благородные» дамы, изводившие побоями население «девичьих», били по форме — на конюшне, били и походя. Пороли всех без разбора: крепостному лакею всыпали за то, что не накормил вовремя барынину собачку, расфранченной барышней камердинерше за то, что барин делает ей глазки⁶².

Обычно число ударов не считалось, но помещики могли назначать от 1000 до 5000 розог, что часто также бывало равносильно смертной казни.

Что касается самого властелина крепостного времени — барина, то его отношение к насилию прекрасно выражено Некрасовым в словах помещика Оболта-Оболдуева:

Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!
Удар искроscopyпительный
Удар зубодробительный
Удар скуловорррот!..⁶³

В имении Калантаровых (Ставропольская губерния) крестьян наказывали розгами, кнутом или плетью, зверски избивали кулаками и ногами. Порой такие кары кончались смертью избиваемых. Иногда наказания превращались в массовые экзекуции. «В декабре 1850 г. в течение трех дней производилось наказание до 76 человек, кои были разделены на три части. При наказании

находились: земский исправник, участковый надзиратель и помещик Герасим Калантаров»⁶⁴.

Одним из самых распространенных видов издевательства над личностью крепостных крестьян была «постельная барщина», т. е. принуждение к сожителству или прямое насилие над крестьянками, в том числе и малолетними девочками. Нередко здесь жестокость переплеталась с извращенным сладострастием. Издатель-редактор журналов «Русская беседа» и «Сельское благоустройство» А. И. Кошелев рассказывает в своих «Записках», что в селе Смыкове Рязанской губернии поселился молодой помещик С., страстный охотник до женского пола и особенно до свеженьких девушек. «Он иначе не позволял свадьбы, как по личном фактическом испытании достоинств невесты. Родители одной девушки не согласились на это условие. Он приказал привести к себе и девушку, и ее родителей; приковал последних к стене и при них изнасиловал их дочь. Об этом много говорили в уезде, но предводитель не вышел из своего олимпийского спокойствия, и дело сошло с рук преблагополучно»⁶⁵. Жалобы крестьян на изнасилование женщин и растление малолетних не приводили ни к чему. В статье о положении крестьян Юго-Западного края во второй четверти XIX столетия приводится типичное заключение суда по такому делу: «Поелику помещик Н. до изнасилования и растления означенных девок не провинился и притом в поведении одобрен, то на основании 1169 ст. XV тома Свода законов оставить это дело свободным; а понеже означенные девки, по удостоверению свидетельствовавшего их лекаря и собственному сознанию, лишены девства и подверглись противозаконному сожитию, то представить духовной консистории подвергнуть их духовной эпитимии»⁶⁶. Воистину «у сильного всегда бессильный виноват»⁶⁷.

На некоторых казенных заводах и фабриках царил военнокаторжный режим и безотчетный произвол. На основании Горного положения⁶⁸ дисциплинарная власть горных начальников была совершенно безгранична. В 1848 г. возник даже особый вопрос о дефиците палачей, которые должны были осуществлять эти наказания, т. е. бить и пороть рабочих. Министр юстиции Панин 27 августа 1848 г. препроводил государственному секретарю специальную докладную записку по этому поводу⁶⁹. После рассмотрения вопроса в сенате и Государственном совете появился закон «О порядке назначения палачей на казенные заводы Восточной Сибири»⁷⁰. Закон рекомендовал использовать в качестве палачей преимущественно вольнонаемных. За отсутствием таковых разрешалось назначать палачами «способных к сему» ссыльных, подлежащих телесным наказаниям без ссылки на каторгу. Срок службы палача был установлен трехлетний, «если долее в оной оставаться не пожелает...» Даже накануне «воли», когда в разгаре была либеральная «весна» конца 50-х годов, на Юрюзанском заводе генерала Сухозанета людей засекали палка-

ми и розгами до смерти. Было даже возбуждено дело «О жестоком обращении с крестьянами Юрюзанского завода». Но Сухожанет избежал ответственности, раздав обильные взятки в центральном аппарате.

В то же время следует отметить, что в первые годы царствования Александра II продолжалось сокращение области телесных наказаний посредством смягчений и изъятий. В 1857 г. было предписано наказывать ссыльных не публично, а в местах заключения⁷¹. В 1859 г. определено для беременных женщин заменять телесные наказания заключением в рабочем доме или тюрьме⁷².

Помимо этого, до 1863 г. состоялся ряд изъятий для воспитанников и учащихся различных специальных учебных заведений⁷³. От телесных наказаний по приговору волостного суда или по распоряжению вотчинного правления были изъяты крестьянки Лифляндской губернии⁷⁴. Люди, ратовавшие за отмену крепостного права, подняли вопрос и об уничтожении телесных наказаний, как совершенно несовместимых с понятием свободного человека.

2. Борьба за отмену варварского возмездия

Джаншиев говорит, что провозвестником мысли об отмене розог явился председатель Редакционной комиссии Я. И. Ростовцев, прошедший большую часть службы в военно-учебном ведомстве, где, как и в других учебных заведениях, порка детей была самым заурядным явлением. Из писем, посланных Ростовцевым Александру II из-за границы летом 1858 г., видно, что уже при первых набросках плана крестьянской реформы мысль об уничтожении розог, как одной из естественных принадлежностей крепостного состояния, выступала довольно четко. В письме от 3 сентября 1858 г. Ростовцев, между прочим, пишет Александру II: «Относительно наказаний осмелюсь еще присовокупить, что во всяком случае о наказаниях телесных не следует упоминать вовсе: во-первых, это было бы пятном настоящего законодательства, законодательства об освобождении; во-вторых, есть же в России места, где телесные наказания, к счастью, вовсе не употребляются. Некоторые говорят, — продолжает Ростовцев, — что русский мужичок розгу любит (!). Точно ли это справедливо? Если же он к ней и привык, то не надобно ли от нее отучать... Сверх того, исправительные меры, постановленные Высочайшей властью, как и всякий закон, должны действовать долгое время. Со смягчением нравов и меры исправительные сами собою должны смягчаться; если же меры эти смягчаться не будут, не будут смягчаться и нравы»⁷⁵.

В конце 50-х годов вокруг Ровинского сложился в Москве актив, который, по его предложению, высказался за уничтоже-

ние в будущем строе крестьянского дела телесных наказаний как «бесполезного само по себе орудия возмутительного произвола»⁷⁶.

В 1859 г., когда возник вопрос об освобождении женщин от публичного наказания рукою палача, правительство, не находя возможным сделать это немедленно, обратилось к главным начальникам губерний с запросом, как велико число женщин, подвергавшихся за последние годы публичным наказаниям, какое впечатление последние производят на публику и можно ли отменить такое наказание, не рискуя ослабить страх законной кары. Почти все отзывы свидетельствовали, что в этих случаях в толпе зрителей обнаруживается выражение сострадания к наказываемым, желание спасти их предложением вступить с ними в брак, подкупить палачей и пр. Губернаторы же — с.-петербургский и новороссийский — указали прямо на желательность полной отмены телесных наказаний «как для женщин, так и для мужчин»⁷⁷.

Необходимо сказать, что человеколюбивое влияние литературы русской, всегда стоявшей за гуманность и поднятие в людях человеческого достоинства, оказалось успешным. Во главе благородных защитников, призывавших к милосердию и человеческому отношению к преступникам, во главе рисовавших леденящие душу ужасы телесных наказаний и всю физическую и нравственную муку их, был Ф. М. Достоевский, испытавший на себе весь мрак каторги. Его роман «Записки из Мертвого дома», печатавшийся в 1861—1862 гг., бесспорно готовил почву для отмены телесных наказаний, так же как «Записки охотника» И. С. Тургенева или «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу — для освобождения от рабства⁷⁸.

Становилось ясно, что в этой области необходима крупная реформа. Несоответствие телесных наказаний внутреннему состоянию России стало особенно резким с момента уничтожения крепостного права, сделавшего всех россиян гражданами. С 1861 г. круто изменилась и сама постановка вопроса о телесных наказаниях. Даже среди высшей бюрократии появились защитники такой реформы. Непосредственным толчком к проведению реформы явилась записка об отмене телесных наказаний, написанная по желанию цесаревича Николая Александровича князем Н. А. Орловым⁷⁹, бывшим в то время посланником в Брюсселе. Имя этого благородного человека всегда будет помнить история! В конце марта 1861 г. записка была представлена императору Александру Николаевичу князем А. М. Горчаковым. В записке князь Орлов подверг суровой критике болезненные телесные наказания и привел доказательства необходимости их отмены. Он отметил, что «в большей части европейских государств телесные наказания совершенно уничтожены или употребляются как редкие исключения»⁸⁰. Александр II по прочтении записки передал ее председателю Комитета министров графу Д. Н. Блудову, и она «по державной воле получила надлежащий ход» в законодательном порядке.

Записка князя Орлова, после чтения ее в Совете министров, была передана в комитет II Отделения канцелярии⁸¹, составлявший в это время проект военного устава о наказаниях. Комитет запросил сначала отзывы Военного и Морского министерств. Военный министр генерал-адъютант Н. О. Сухозанет соглашался лишь на отмену шпицрутенов, но настаивал на сохранении розог до 100 ударов без суда и до 300 ударов по суду. В противоположность ему, генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич высказался за отмену телесных наказаний, допуская их, впрочем, «лишь в самых необходимых случаях, когда в самом деле нет возможности обойтись без них», в частности, допуская в войсках «по собственному усмотрению начальников» розги не свыше 50 ударов⁸².

На такую же либерально-охранительную точку зрения встал в своих решениях и комитет⁸³. Предложения комитета были разосланы на заключение министров и главноуправляющих отдельными частями. Из поступивших 17 отзывов — 15 (в том числе новый военный министр Д. А. Милютин, великий князь Константин Николаевич, министр внутренних дел П. А. Валуев, шеф жандармов князь В. А. Долгоруков, министр государственных имуществ М. Н. Муравьев и др.) вполне или отчасти отнеслись благоприятно к проекту комитета, полагавшего немедленно отменить жесткие наказания и временно, впредь до устройства тюрем, сохранить розги⁸⁴.

Против заключений комитета и мысли об отмене телесных наказаний высказались Н. Анненков — государственный контролер, Филарет, митрополит московский, и министр юстиции граф Панин. Так, рьяный «кнутофил», по выражению сенатора Ровинского, упрямый и злой рутинер Анненков писал, что теперь, тотчас после отмены крепостного права «всякое изменение системы наказаний совершенно несвоевременно, всякое заявление по сему предмету намерений опасно и вредно»⁸⁵.

Но с особой бессердечностью настаивали на сохранении «варварских истязаний, позорящих имя русского» (как писал в своей записке князь Орлов), архипастырь Филарет и граф Панин. Рассматривая телесные наказания «с христианской точки зрения», митрополит Филарет сумел соединить с христианским смирением своего рассуждения непостижимую жестокость и безжалостность, притом еще подкрепленные ссылками на Священное писание и слова Христа, как будто христианское учение не положило в основу свою великой заповеди о любви к ближнему, как к самому себе! Например, митрополит Филарет не постеснялся заявить, что, «если государство найдет неизбежным в некоторых случаях употреблять телесное наказание, то христианство не осудит сей строгости». В конце концов, по мнению Филарета, «по христианскому суждению, телесное наказание, само по себе, не бесчестно, а бесчестно только преступление»⁸⁶.

Самым ярким защитником телесных наказаний выступил граф Панин. С отменой их, по его мнению, «установилась бы полная безнаказанность для народа». Даже женщин (для которых с 1855 г. были уже отменены плети) граф Панин не считал возможным вовсе освободить от телесных наказаний, несмотря на то, что позор их для женщин особенно тягостен ввиду их стыдливости. Соглашаясь на то, чтобы клейма были перенесены с лица на плечо, граф Панин предлагал «восстановить, по крайней мере», хотя бы отмененное по закону 10 ноября 1858 г. бритье головы, и в заключение настаивал на сохранении и плетей и шпицрутенов, т. е. прогнание сквозь строй. На этого удивительно бессердечного и жестокого, упрямого и тупого человека не действовали, казалось, никакие доводы и доказательства, никакие потребности времени, никакие повороты в общественном мнении!

К счастью, общий нравственный и умственный подъем сделал безвредными опасения и жестокосердные требования таких людей, как Анненков, митрополит Филарет и граф Панин.

В защиту записки князя Орлова об отмене телесных наказаний выступил целый ряд благородных и гуманных людей.

Главными защитниками отмены телесных наказаний были юристы — обер-прокурор московских департаментов сената Н. А. Буцковский и тогдашний московский губернский прокурор (впоследствии сенатор) Д. А. Ровинский. Доказывая всю необходимость отмены телесных наказаний с юридической точки зрения, Буцковский и Ровинский подкрепляли свои доводы цифрами и указывали на необходимость заменить телесные наказания заключением в тюрьме устройством общественных работ и т. п.

Обсудив все замечания, комитет II Отделения составил проект закона об отмене телесных наказаний. С последними, впрочем, не торопились. Около двух лет понадобилось для того, чтобы проект комитета поступил, наконец, в Государственный совет.

В конце концов при обсуждении проекта в Государственном совете единственным защитником плетей, шпицрутенов и розог выступил «нескладным видом, идеями, деяниями», по выражению Валуева, — свирепый министр юстиции граф В. Н. Панин⁸⁷.

Отмена драконовских мер Как отмечалось выше, 17 апреля 1863 г., в свой день рождения, Александр II подписал знаменитый указ об отмене телесных наказаний, составляющий одну из самых светлых страниц в истории русского законодательства.

Главное содержание закона сводилось к следующему: навсегда отменялись жесточайшие наказания — шпицрутены или прогнание сквозь строй для военного ведомства, «кошки» для морского и плети для лиц гражданского ведомства; отменялось также наложение клейм и штемпельных знаков; женщины, кроме ссыльных, вовсе освобождались от телесного наказания.

Самостоятельное наказание розгами по известным статьям Уложения 1845 г. (о наказаниях уголовных и исправительных) заменено тюрьмой. Розги оставались в случаях, когда невозможно было исполнить назначенное наказание в виде тюремного заключения, смирительного и рабочего домов и ареста. Все беспорочно служащие нижние чины освобождены от телесных наказаний. Для солдат же, переведенных по суду в разряд штрафованных, оставлены розги в дисциплинарных батальонах — до 50 ударов по приказу полкового командира. Во флоте, впредь до устройства мест заключения, оставлены розги до 200 ударов; во время плавания розги могут заменяться линьками до 100 ударов. Наказание розгами оставлено и для крестьян по приговорам волостных судов.

Для ссыльных были оставлены шпицрутены, но через полгода, вследствие представления военного министра Д. А. Милютина, указывавшего, что с отменой шпицрутенов в войсках нельзя возлагать на солдат неприличную их званию обязанность быть исполнителями телесных наказаний, шпицрутены были отменены и для ссыльных, но лишь для того, чтобы поставить на их место плеть.

В случае побега или нового важного преступления каторжные подлежали наказанию плетью и приковыванию к тележке от одного года и до трех лет. Но при этом плеть была изгнана из пределов Европейской России и стыдливо водворена в Азию: наказание плетью перенесено в Сибирь и не должно совершаться публично⁸⁸. Окончательно плеть для ссыльно-поселенцев и каторжан была отменена в 1903 г.⁸⁹

Для бродяг сохранялись 25 ударов розог, получаемых ими келейно, «в Петербурге, в тюремной, например, бане»⁹⁰.

В августе 1864 г. последовала отмена телесного наказания в Царстве Польском, в 1893 г. отменили телесные наказания для ссыльных женщин⁹¹.

Несмотря на из года в год повторявшиеся ходатайства земств об окончательной отмене телесных наказаний, розги оставались еще в некоторых случаях. Крестьяне по приговорам волостных судов могли быть наказаны розгами до 25 ударов, причем закон 1889 г. о земских начальниках еще более расширил случаи возможного применения их в крестьянском быту (по правилам 1889 г. 36 статей предусматривали телесные наказания). Этим наказаниям могли быть подвергнуты военнослужащие, переведенные в разряд штрафованных или содержащиеся в дисциплинарных батальонах (в форме розог и оков). Они применялись как дисциплинарная мера для заключенных в исправительно-арестантские отделения и для ссыльных.

В 90-х годах XIX столетия сознанием позора, вреда и несправедливости телесных наказаний были преисполнены все, и все спешили внести свою посильную лепту в борьбу с этим злом. О необходимости отмены этого зла много писала медицинская га-

зета «Врач», редактором которой был профессор В. Х. Манассеин, горячий противник всяких насилий⁹². Откликнулся и Л. Н. Толстой. В своей страстной статье «Стыдно», написанной в декабре 1895 г., он восклицал: «Про такие дела нельзя «почтительнейше просить» и «повергать к стопам» и т. п., такие дела можно и должно только обличать». Далее он говорит: «Надо не переставая кричать, вопить о том, что такое применение дикого, переставшего уже употребляться для детей, наказания к одному лучшему сословию русских людей есть позор для всех тех, кто прямо или косвенно участвуют в нем»⁹³.

А. П. Чехов, наблюдавший применение телесных наказаний в 90-х годах на каторге, дал реальную картину в своей книге «Остров Сахалин» (1895 г.). «Наказания, которые полагаются каторжным и поселенцам за преступления, — свидетельствовал он, — отличаются чрезмерною суровостью...» «Розги, плети, прикованье к тележке, — наказания, позорящие личность преступника, причиняющие его телу боль и мучения, — применяются здесь широко»⁹⁴. Особое внимание на телесные наказания обратил Пироговский съезд врачей, который 4 раза настаивал на необходимости отмены этих наказаний. По поручению этого съезда врачи Д. Н. Жбанков и В. И. Яковенко собрали обширный материал по этому вопросу и издали его особой книгой «Телесные наказания в России в настоящее время»⁹⁵.

Общественная борьба не прошла даром, и правительству пришлось уступить. Но, как всегда, оно делало это не сразу, постепенно, с большим опозданием. 2 июня 1903 г. был издан закон, отменивший тяжчайшие виды телесных наказаний для ссыльно-каторжных и ссыльно-поселенцев: бритье головы и наказание лозами, плетью и прикованье к тележке⁹⁶. Через год произошло еще более значительное событие. 11 августа 1904 г. высочайший манифест запретил телесные наказания для крестьян, а также и для более мелких групп населения: для малолетних ремесленников, корабельных служителей, штрафованных солдат и моряков⁹⁷.

Однако и после 1904 г., вследствие недостаточной ясности закона, считалось, что телесные наказания могут быть применены в дисциплинарном порядке к заключенным (кроме женщин, для которых они были отменены в 1893 г.) и несовершеннолетним воспитанникам исправительно-воспитательных заведений. Лишь Положение об этих заведениях от 12 декабря 1909 г. устранило розги из учреждений для несовершеннолетних⁹⁸.

К сожалению, последующие годы не положили конец телесным наказаниям. Посеяв ветер в октябре 1917-го, пожали бурю гражданской войны. Массовые репрессии, пытки и уничтожение невинных людей широко практиковались и революционерами и контрреволюционерами, и «белыми», и «красными»⁹⁹. В 30-е годы деспотичный режим Сталина создал бесчеловечную машину тотального принуждения, которая в течение многих лет безотказно терзала и уничтожала собственный народ¹⁰⁰. Казалось бы,

драконова тоталитаризма больше нет — живи, трудись и радуйся, помогай жить другим. Но люди не помнят уроков истории. Безумие этнических конфликтов вновь подняло дамоклов меч телесных наказаний в Молдове, Средней Азии и на Кавказе, напомнив нам пережитки темной старины, зверства и дикости.

Таким образом, история телесных наказаний от их появления до настоящего времени охватывает многовековой период, представляющий сложную картину их роста, господства, угасания и нового стихийного возникновения.

Значение реформы телесных наказаний

В результате реформы 1863 г. рухнула обширная, чрезвычайно изощренная и разветвленная система драконовских наказаний, существовавшая на протяжении нескольких веков.

Многие просвещенные умы того времени дали ей высокую оценку.

«В общем итоге воспитательное, культурное значение закона 17 апреля 1863 года огромно, — писал историк Г. А. Джаншиев, — так как он уничтожил не только жестокие казни по суду, но и своеручные расправы, составлявшие в полицейской практике обыденное явление, а также жестокие пытки, практиковавшиеся во время производства следствия даже в столицах, не говоря уже о провинции, и наконец, изгнал розгу из школы и отчасти из семьи»¹⁰¹.

Публицист Г. И. Студеникин отмечал, что закон вел к смягчению нравов и возвышению человеческого достоинства и довершал уравнение личностей разных сословий перед судом и законом¹⁰².

«Кнут, шпицрутены и даже розги исчезли из военного и судебного мира, а с ними и замаскированная смертная казнь, в самом гнусном ее виде...» — говорил сенатор Д. А. Ровинский. «И не забудет русский народ этого кровного дела, и никакое время не изгладит из народной памяти святое имя его Деятеля!» — прибавлял он в благодарном воспоминании о том, кого называл величайшим и человечнейшим из царей русских¹⁰³.

Итак, большинство жестоких и позорящих наказаний, связанных с крепостным правом и им установленных, были отменены и уничтожены.

К сожалению, эта отмена носила черты половинчатости, так же как и сама крестьянская реформа 1861 г. Область применения телесных наказаний осталась еще довольно обширной. Основная масса населения Российской империи — крестьянство — находилось «под вечной угрозой позорного наказания» — розгой. Некоторые суровые и бесчеловечные виды наказаний существовали до начала XX в.

ФИНАНСОВЫЕ РЕФОРМЫ

Дайте хорошую политику, и я вам дам хорошие финансы.

А. Тюрго¹

1. Подготовка финансовых реформ

Проекты финансовых преобразований

В финансах, как в зеркале, отражается состояние экономики государства. Это хорошо понял

Александр II еще при жизни отца благодаря своему участию в работе Комитета финансов².

Во время восшествия на престол Александра Николаевича финансовое положение России было весьма далеко от благополучия. После ряда лет с постоянно возрастающим дефицитом Крымская война потрясла все отрасли государственного и народного хозяйства. Преобразования, начатые под руководством монарха, дали возможность огромной империи восстановить свои силы. Эти преобразования, а также потребности экономики привели к переустройству всей финансовой системы страны.

Из пяти министров, управлявших финансами в продолжение царствования Александра II (П. Ф. Брок — по 23 марта 1858 г., А. М. Княжевич — с 23 марта 1858 г. по 23 января 1862 г., М. Х. Рейтерн — с 23 января 1862 г. по 7 июля 1878 г., С. А. Грейг — с 7 июля 1878 г. по 27 октября 1880 г. и с 27 октября 1880 г. А. А. Абаза)³, наиболее активное участие в проведении финансовых реформ приняли Княжевич и Рейтерн.

В январе 1857 г. члены Комитета финансов были извещены о желании монарха, чтобы они сообщили министру финансов Броку свои предложения о мерах по упорядочению государственных доходов и расходов⁴.

Этот вопрос беспокоил не только первого дворянина империи, каким считался царь, но и многих здравомыслящих людей России, переживавших за ее завтрашний день.

Как уже упоминалось, еще до окончания Крымской войны в дворянской публицистике появились многочисленные проекты ликвидации крепостного права и буржуазного переустройства страны. Часть этих проектов была посвящена также финансовым реформам.

В конце 1854 г. с запиской «О денежных средствах России в настоящих обстоятельствах»⁵ выступил либерально-дворянский

деятель предреформенной эпохи славянофил А. И. Кошелев. Непосредственным поводом к составлению этой записки было желание Кошелева указать новые источники государственных средств для ведения Крымской войны.

Отмечая крайнюю напряженность русского бюджета и рост государственного долга, Кошелев видел выход из создавшегося положения в выпуске займа особого типа, «обеспеченного всем достоянием государства». При этом средства на уплату процентов должны были изыскивать выборные дворянские представители, созванные царем.

Кроме этого проекта, Кошелев в специальной записке, подготовленной в 1850 г., доказывал необходимость отмены откупной системы и введения вместо нее налога на вино и пиво.

Проект экономиста Ю. А. Микшевича для ликвидации бюджетного дефицита и укрепления финансов предусматривал продажу государственных имуществ, в первую очередь казенных земель и лесов. Стоимость этого имущества оценивалась в 4 млрд. руб.⁶

Одним из рациональных оказался проект экономиста, статистика и дипломата, председателя Тарифного комитета Л. В. Тенгоборского. В обширном исследовании, составленном на французском языке, автор выдвинул ряд мер, направленных на увеличение производительных сил страны, считая, что вместе с тем вырастут и налоги. Он предложил заменить винные откупа акцизами, учредить казенную монополию на торговлю табаком, установить пятипроцентный сбор с доходов от капиталов, внесенных в банковские учреждения. Тенгоборский указывал, что необходимо резко сократить государственные расходы, идущие на непроизводительные цели, особенно сметы Военного и Морского министерств (на 38%), и ввести новые или увеличить существовавшие налоги на многие предметы⁷.

Помимо этого проекта, графы К. В. Нессельроде и А. Д. Гурьев предложили подвергнуть все статьи государственных доходов исследованию, чтобы определить, какие из них могут быть усилены.

Государственный контролер, генерал-лейтенант Анненков находил необходимым установить нормальные сметы, исходя из общей суммы ожидаемых доходов.

Наиболее полный, детально разработанный проект преобразования всей финансовой системы, совпадающий с общими основами будущей реформы, был представлен на рассмотрение Александру II Министерством финансов⁸. В данном проекте отмечалось несовершенство русских финансов и кредита, невероятная податная обремененность населения, громоздкость и дороговизна государственного аппарата, вред откупной системы, угрожающий рост государственной задолженности⁹.

В нем предлагалось реорганизовать налоговую систему страны, отменить винные откупа, увеличить таможенный доход, вве-

сти акцизные сборы. Чтобы сократить государственную задолженность, вносилось предложение стать на путь продажи государственных имуществ, а также привлекать частнопредпринимательскую инициативу к строительству железных дорог. Наряду с этим в представленном документе намечались мероприятия по уменьшению государственных расходов за счет сокращения ведомственных штатов, усиления борьбы с хищениями и др.

Меры по улучшению бюджетного дела, выдвинутые в проекте Министерства финансов, отражали широко распространенные в тот период суждения о необходимости ввести бюджетное и кассовое единство и упорядочить сметное дело.

Многие из этих предложений широко обсуждались в либеральных кругах дореформенной России еще со времен Сперанского.

Все эти и другие подобные предложения по высочайшему повелению были рассмотрены в Комитете финансов. Выслушав заявление министра финансов о том, что им предложены меры к увеличению таможенного, питейного, табачного и соляного доходов, Комитет нашел, что установление разного рода новых налогов не дает никаких важных результатов и что уменьшения дефицита следует достигнуть энергичным сокращением расходов, в особенности по военному ведомству. Поэтому Комитет полагал: установить на три года предельные цифры расходов для сметы каждого ведомства; решительно не допускать сверхсметных расходов; отменить назначение расходов отдельно от смет, посредством займов из кредитных установлений и все вообще расходы каждого ведомства вносить на будущее время в сметы, по принадлежности.

Александр II утвердил это заключение Комитета финансов 19 апреля 1857 г. Для изыскания же способов сокращения сметы военно-сухопутного ведомства, по его повелению еще 13 апреля были назначены князь Меншиков, князь М. Д. Горчаков и генерал-лейтенант Анненков.

Смету Военного министерства на 1858 г. признано было возможным сократить на 10,7 млн. руб., а к уменьшению сметы Морского министерства были сделаны особые распоряжения¹⁰.

Глава империи просил великого князя Константина Николаевича, «как брата и друга», сократить морской бюджет на 5 миллионов. В ответ Константин Николаевич как глава морского ведомства и член Комитета финансов немедленно принял ряд мер для выполнения просьбы царя. Для начала он отказался от 8 тыс. рублей, которые получал по управлению Морским министерством. Затем отменил в 1857 г. вооружение и плавание парусных судов, запретил посылку эскадры в Средиземное море, часть заказов ликвидировал, а по некоторым рассредоточил платежи. Кроме того, он уволил из флота предельно возможное число нижних чинов, оставив самый минимум для комплектования паровых судов¹¹. Уже в апреле 1858 г. Александр II в письме благодарил брата, находившегося тогда во Франции, за сокращение расходов по морской части¹².

Что же касается смет гражданских ведомств, то исчисленные для них Министерством финансов нормы, были высочайше утверждены 31 мая 1857 г.

Предложения
В. А. Татаринова

Инициатором большинства финансовых реформ был трудолюбивый и даровитый чиновник государственного контроля, действительный статский советник В. А. Татаринов, ставший государственным контролером в период 1863—1871 гг.¹³ Подготовка финансовых реформ началась в первые месяцы 1856 г.¹⁴

По предложению Комитета финансов в начале 1856 г. с высочайшего разрешения «для собрания сведений, к усовершенствованию счетоводства относящихся» был командирован за границу почти на 3 года чиновник Министерства финансов (впоследствии министр) М. Х. Рейтерн (сперва в Пруссию и США, затем во Францию и Англию)¹⁵.

В том же 1856 г. для изучения организации финансового дела в четырех ведущих государствах Западной Европы — Франции, Бельгии, Австрии и Пруссии был послан В. А. Татаринов.

Из отчета государственного контроля за 1857 г. видно, что не только Комитет финансов, но и сам Александр II¹⁶ следили за работой Татаринова за границей, знакомились с материалами, сообщениями и выводами, которые он присылал. Особое внимание обращалось на бюджетную систему Франции.

По возвращении в Россию Татаринов представил четыре пространные записки. Затем на основании их составил обширный доклад царю под наименованием «Общий сравнительный обзор систем государственной отчетности во Франции, Бельгии, Австрии и Пруссии»¹⁷ о результатах двухлетнего пребывания за границей и изложил свои соображения о применении в России основных начал государственной отчетности.

Александр II одобрил доклад и собственноручно написал: «Читал с большим вниманием и любопытством. Искренно благодарю Д.С.С. Татаринова за его добросовестный и основательный труд. Дай Бог, чтобы у нас умели извлечь из него ожидаемую мною пользу»¹⁸.

Прежде всего Татаринов предлагал для всех управлений однообразное и рациональное составление, исполнение и заключение смет¹⁹. По его предложению все ведомства должны были одновременно с отчетом за истекший год представлять в Министерство финансов развернутые сметы на предстоящий бюджетный год. Такая система, на взгляд Татаринова, позволила бы сравнивать будущие расходы с суммами, истраченными в истекшем году.

Автор проекта исходил из принципа единства бюджета. Единая государственная роспись должна была охватить все без исключения доходы и расходы страны. Обособленные капиталы отдельных ведомств подлежали изъятию, их следовало вносить в

Государственное казначейство. Устанавливалась строгая сметная дисциплина и обязательное расходование отпущенных сумм в пределах бюджетного года. Как логическое следствие требования единства бюджета, выдвигался принцип единства кассы или сосредоточение всех денежных средств в руках одного Министерства финансов²⁰. Функционирование самостоятельных ведомственных касс затрудняло контроль над расходованием средств и осложняло возможность маневрирования свободной наличностью со стороны государственного казначейства.

В проекте Татаринова основательно были освещены основные принципы преобразования государственного контроля, который превращался в единое ревизионное учреждение, обладавшее правом документальной ревизии всех государственных учреждений в центре и на местах²¹.

Вместо проводившейся поверхностной проверки генеральной отчетности министерств и ведомств предлагалось установить систематический ревизионный контроль по подлинным расходным документам всех казенных учреждений, используя для этого широко разветвленную периферийную сеть местных органов государственного контроля²². Татаринов считал, что органы государственного контроля должны также определять общую целесообразность и выгодность для казны тех денежных затрат, которые производили ревизуемые учреждения. Он предлагал, кроме того, широко осуществить систему так называемого предварительного контроля, т. е. проверки правильности использования ведомствами ассигнованных сумм, прежде чем эти расходы фактически будут произведены. По проекту Татаринова государственному контролю присваивалось право вмешательства в финансовую деятельность государственных учреждений и запрещения тех расходов, которые контрольные органы считали неправильными либо незаконными.

Правительство Александра II, вставшее на путь обновления России, должно было несколько перестроить и финансы, и контрольно-ревизионное дело²³.

Это настоятельно диктовали не только интересы развития капиталистического хозяйства внутри страны, но и внешние условия. Европейская биржа, к услугам которой все чаще вынуждено было обращаться правительство в поисках кредита, требовала укрепления финансовой системы России и ее переустройства на новых капиталистических началах. Вместе с тем, даже весьма скромная программа Татаринова оказалась для самодержавия чрезмерной. Ее всемерно ограничивали и урезали.

Влияние крестьянства

Немалое влияние на проведение финансовой реформы оказала борьба крестьянства против все усиливавшегося податного гнета. Во время Крымской войны и в первые послевоенные годы Мини-

стерство финансов, убедившись в невозможности взыскать с крестьян причитающиеся с них недоимки в денежной форме, решило перейти к взиманию их натурой. В счет налоговых обязательств крестьяне поставляли хлеб, продовольствие и фураж для армии, а также перевозили на своих лошадях царских чиновников и казенные грузы. Повышение натуральных повинностей еще больше разоряло крестьянское хозяйство, и без того истощенное помещичьими поборами и войной. Поэтому борьба крестьян за освобождение от помещичьей неволи сочеталась с борьбой за освобождение от непосильных податей.

Наиболее массовым и повсеместным протестом народных масс против финансово-экономической политики правительства было уже упомянутое нами «Трезвенное движение» 1858—1861 гг. В 1858 г. общее число подсудимых по питейным делам составило 110 976 человек, а непосредственно за нарушение устава о питейных сборах — 5421 человек²⁴.

Накануне реформы 1861 г. это движение, по неполным данным, охватило около половины всей территории европейской части России. Ближайшим поводом к «питейным бунтам» было повышение в 1859 г. цен на водку и резкое ухудшение ее качества.

На сельских сходах участники «Трезвенного движения» публично давали клятву-закор не пить вина и заставляли отказаться от его употребления всех своих односельчан. Лица, нарушавшие этот обет, подвергались штрафам и преследованиям со стороны всего сельского общества. Так, в местечке Лукники Щавельского уезда один государственный крестьянин, несмотря на данный им обет, напился пьян, и крестьяне, узнав об этом, схватили его, приклеили ему на спину вывеску «пьяница» и с барабаном обвели его два раза вокруг села²⁵.

Во многих случаях борьба с откупщиками сопровождалась уничтожением кабаков и винных складов. Всего было разгромлено около 220 питейных заведений²⁶.

Откупная система была важнейшим звеном финансовой политики государства. Крестьянские восстания 1859 г. отнюдь нельзя рассматривать как движение, направленное только против откупщиков. Это широкое, подлинно массовое, народное движение явилось протестом против всего податного строя дореформенной России. Во многих местностях страны правительство Александра II лишь путем привлечения карательных вооруженных команд сумело подавить «питейные бунты»²⁷.

Итак, верховную власть вынудила стать на путь буржуазных преобразований не только необходимость приспособить финансы страны к запросам нарождавшегося капитализма.

Немалую роль здесь сыграли выступления крестьянства против податного гнета, откупной системы, беззакония и произвола царских чиновников.

2. Основные положения финансовых реформ

Бюджетное единство 13 ноября 1858 г. по указанию Совета министров, руководимого Александром II, была создана комиссия для перестройки финансов, во главе с председателем Департамента экономии Государственного совета графом А. Д. Гурьевым²⁸. В комиссию вошли инициатор реформы В. А. Татаринов, действительные тайные советники граф Блудов и князь Гагарин, государственный контролер Анненков и министр финансов Княжевич²⁹.

Через полгода комиссия Гурьева закончила свою деятельность, утвердив основы преобразования бюджетного дела, предложенные статс-секретарем Татариновым. Последнему, возглавившему специальную комиссию, было поручено разработать принятые положения и разработать законодательный и циркулярный материал, необходимый для перестройки бюджетно-сметного дела и контрольных органов.

22 мая 1862 г. Александр II утвердил выработанные комиссией Татаринова новые «Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений»³⁰. Все ведомства обязывались ежегодно составлять сметы по установленной однообразной форме, с подробным изложением причин отдельных статей, параграфов доходов и расходов (ранее в государственной росписи указывалась лишь общая сумма расходов и доходов). Министерства и ведомства утратили финансовую самостоятельность. Общая подробная роспись бюджета страны составлялась Министерством финансов, утверждалась Государственным советом и императором, после чего становилась законом. Вследствие этого преобразования финансовые сметы отдельных управлений, начиная с 1863 г., подверглись ежегодным значительным сокращениям. В Государственное казначейство через передачу особых капиталов поступало свыше 43 млн. руб., из которых 31 млн. обращен на погашение внутреннего государственного долга, а 12 млн. послужили фондом для образования капитала в помощь крестьянскому делу³¹.

Заметим, что в период царствования Александра II наблюдался непрерывный рост бюджета. Основная сумма, четыре пятых доходов, складывалась из косвенных и прямых налогов. Интересно сравнить росписи 1855 и 1880 гг. В 1855 г. доходы государства исчислялись в сумме 206 860 тыс. руб., а государственные расходы составили 263 300 тыс. руб. По росписи 1880 г. доходы выразились в сумме 664 452 434 руб., расходы — 666 256 500 руб. Таким образом, государственные доходы России в течение 25 лет возросли более чем втрое. В таком же почти отношении возросли и государственные расходы, которые по сметным исчислениям за 1855—1880 гг. увеличились главным образом в следующих статьях: по государственным долгам — с 52,5 до 130,75 млн. руб., по

военному ведомству с 91,75 до 193,5 млн. руб., по морскому ведомству 21—29,33 млн. руб., по народному просвещению — 3—16,5 млн. руб., по прочим ведомствам государственного управления с 77,25 до 213 млн. руб.

Война 1853—1856 гг. стоила государству (как отмечалось выше) около 482 млн. руб., а русско-турецкая война 1877—1878 гг. вызвала до 1 января 1880 г. расходов свыше 1026 млн. руб.³².

Из отдельных ведомств на первом месте по величине своих трат, аналогично с Западной Европой, в России стояли два министерства — Военное и Морское. Расходы этих министерств составляли в среднем 37%. Во Франции соответствующий расход поглощал 27,6%, в Англии — 40%³³. Примерно 35,5% шло на уплату процентов и погашение по государственным долгам, организацию, прямых и косвенных сборов. До 13% составляли расходы на содержание аппарата управления (высшие правительственные учреждения, синод, министерства и др.).

На долю Министерства народного просвещения приходилось всего 2,6% бюджета (в Англии почти 10% всего бюджета, во Франции — 6,4%, в Пруссии — около 6%, в Австрии — 2,8%, в Италии — 2,5%)³⁴.

Кассовое единство

Устанавливалась единая государственная касса: все государственные доходы сосредоточивались в кассах Государственного казначейства Министерства финансов. Из них, согласно бюджетным сметам и кассовым расписаниям, производились необходимые расходы. Такое единство касс было введено в 1864—1868 гг.

Это преобразование освободило Министерство финансов от непроизводительной, преждевременной передачи значительных сумм в распоряжение министерств и управлений, а с другой — доставило Государственному казначейству возможность свободного и притом вполне хозяйственного передвижения государственных фондов в места действительной в них надобности и, что всего существеннее, операция эта стала совершаться с несравненно меньшей наличностью государственных денежных средств³⁵.

По всей империи вводилась единая система бюджетного учета и отчетности.

Реализация положений, разработанных Татариновым, встретила сопротивление со стороны ряда ведомств и министерств, не желавших отказаться от собственных внебюджетных капиталов и боровшихся с установлением более действенного контроля за расходованием государственных средств. Главными противниками всяких изменений оказались министр государственных имуществ, генерал от инфантерии М. Н. Муравьев, министр путей сообщения генерал-адъютант К. В. Чевкин и обер-прокурор синода граф Д. А. Толстой³⁶. Однако и эти наиболее закоренелые

реакционеры не могли приостановить введения экономически необходимой реформы.

Существовавшие до тех пор особые ведомственные кассы были упразднены. Наряду с этим создали новую разветвленную сеть местных касс Государственного казначейства. На 1 января 1879 г. таких касс было уже 674; число служащих составляло в них 2943 человека³⁷.

Опасаясь крутой ломки существовавшей финансовой системы и проводя все реформы медленно, спуская на тормозах, правительство Александра II растянуло намеченное преобразование кассового дела на ряд лет. По указанию царя с 1 января 1864 г. было разрешено лишь в порядке опыта осуществить единство кассы в Петербурге³⁸. В 1865 г. новые кассовые правила ввели в 12 губерниях. Создание широко разветвленной системы касс Государственного казначейства и повсеместная реформа кассового дела во всей империи были завершены лишь в 1868 г.³⁹.

Реформа кассового дела облегчила Министерству финансов маневрирование денежной наличностью.

Гласность бюджета

Помимо бюджетного и кассового единства, финансовая реформа 1862 г. провозгласила принцип гласности бюджета. Раньше количество государственных доходов и расходов сохранялось в строгой тайне. Всем лицам, составлявшим росписи, строго-настрого запрещалось разглашать какие бы то ни было сведения о них. Правительство вынуждено было пойти на публикацию бюджета, чтобы повысить кредитоспособность России на международном денежном рынке. Заграничные банки, к которым все чаще вынужден был обращаться Петербург, хотели быть осведомлены о его финансовых делах.

В специальном представлении Комитету финансов в феврале 1861 г. министр финансов Княжевич так обосновал необходимость установления гласности бюджета: «В сих обстоятельствах, к поддержанию нашего государственного кредита на иностранных биржах не представляется иного надежного способа, как принятие по примеру других европейских государств, за постоянное в финансовой системе правило, чтобы годовая роспись государственных доходов и расходов была обнародована ежегодно к общему сведению. Эта мера показала бы иностранным капиталистам, что расходы не превышают ресурсов государства, что доходы вполне обеспечивают точное исполнение всех обязательств, принятых на себя казной, и что правительство неуклонно и добросовестно стремится к улучшению государственных финансов»⁴⁰.

Комитет финансов поддержал доводы министра о необходимости публикации бюджетных расписаний и в декабре 1861 г. принял об этом специальное решение, которое затем было утверждено царем.

С 1862 г. бюджет стал гласным и государственная роспись стала публиковаться в русских и иностранных журналах. Впервые в России бюджетная роспись 1862 г. была опубликована в журнале «Северная почта»⁴¹. В дальнейшем такая публикация практиковалась и в других русских газетах и журналах.

Реорганизация государственного контроля

Можно смело утверждать, что как сметная, так и кассовая реформы остались бы мертвой буквой, если бы не была проведена реорганизация государственного контроля. По новому положению, разработанному В. А. Татариновым, госконтроль преобразовывался в единый ревизионный орган, имеющий право документальной проверки всех государственных (как центральных, так и местных) учреждений, в том числе и снабжающих армию.

Во главе госконтроля, как указывалось выше, был поставлен автор проекта финансовых реформ Татаринов.

С 1 января 1865 г. были открыты новые местные (для каждого города) учреждения государственного контроля, так называемые контрольные палаты, через которые стали проходить все счета и оправдательные документы к ним, представляемые различными местными организациями⁴². Палаты подчинялись непосредственно государственному контролеру. Устанавливался контроль и за получением некоторых видов государственных доходов (питейного, сахарного, от почтового ведомства и др.). Новое положение возлагало также на государственный контроль предварительное рассмотрение годовых смет различных ведомств при составлении бюджетной росписи и годового отчета об исполнении государственного бюджета.

Важно подчеркнуть, что реформа 1862 г. в области государственного контроля была определенным шагом вперед. В некоторой степени она сдерживала тот произвол в расходовании государственных средств, который процветал во времена николаевской России.

Однако и здесь не обошлось без борьбы. Консервативные министры Александра II выступили за резкое ограничение первоначального проекта Татаринова о контрольной реформе. Особые возражения вызвал принцип предварительного контроля. Уже при обсуждении данного вопроса в комиссии под председательством Гурьева многие министры высказались против предварительного контроля и требовали значительного ограничения этого принципа.

Комиссия решила, что государственный контроль не может приостанавливать, а только обжаловать перед руководителями центральных ведомств неправильные распоряжения о расходовании государственных средств.

Но даже и такое половинчатое решение не удовлетворяло консервативных царских министров. Сам министр финансов Рейтерн также считал предварительный контроль неосуществимым.

При окончательном утверждении реформы Александр II исключил раздел, посвященный предварительному контролю.

Крайне неудачной была попытка установить контроль за финансовой деятельностью частных и казенных железных дорог. Из-за решительного сопротивления Министерства путей сообщения (разумеется, не без участия железнодорожных тузов и вельможных покровителей частных концессионеров) все попытки поставить эту наиболее крупную отрасль государственного хозяйства, разграбляемую всевозможными капиталистическими дельцами и чиновниками, под постоянный контроль не увенчались успехом.

Подготовленный в 1878 г. государственным контролем проект об установлении фактической и предварительной проверки строительной и эксплуатационной деятельности казенных железных дорог был отклонен.

Только в 1884 г. в отношении частных железных дорог было принято компромиссное решение: в виде опыта устанавливался контроль за деятельностью трех из них — Балтийской, Лозово-Севастопольской и Московско-Брестской⁴³. Но даже и здесь резкое противодействие железнодорожных магнатов, опиравшихся на поддержку Министерства финансов, привело к тому, что сфера деятельности государственного контроля в частных железнодорожных обществах все больше сокращалась.

Для контроля денежных оборотов частных железных дорог в 1884 г. учредили Железнодорожный отдел (с 1891 г. Департамент железнодорожной отчетности).

В 1877—1879 и 1880—1881 гг. при действующих армиях был введен Полевой контроль (на правах Департамента государственного контроля) для финансового контроля Полевого казначейства⁴⁴.

При всех видимых недостатках и изъянах в 1862 г. в России была создана система государственного контроля, которая в известной мере соответствовала буржуазным принципам текущей документальной проверки правильности и законности затрат, производимых отдельными ведомствами. Разумеется, контрольная реформа, как и другие финансовые реформы 1862 г., были ограниченными и не устраняли многих существовавших тогда пороков — казнокрадства, расхитительства, должностных преступлений. Однако организация документальной ревизии несколько смягчала страшный произвол и расточительность, присущие дореформенной России.

С 1866 г. годовые отчеты государственного контролера об исполнении росписи также стали публиковаться в печати.

**Преобразования
в налоговой системе**

Серьезные преобразования произошли в налоговой системе. После Крымской войны были подвергнуты тщательному пересмотру все источники государственных доходов и выработан более рациональный порядок их обложения⁴⁵.

Под давлением народных выступлений правительство пошло на отмену винных откупов — наиболее отвратительного порождения феодально-крепостнического хозяйства. Винные откупа представляли собой систему взимания косвенного налога, при которой за откуп частным предпринимателям отдавалось право торговли вином. Откупщики платили государству заранее оговоренную денежную сумму и получали прибыль за счет потребителя.

В 1855 г. весь питейный сбор в империи достигал 77 млн. руб., в 1856 г. он составлял уже 88 млн. руб.⁴⁶ В 1859 г. по стране значилось 147 объявленных откупов. Ежегодный доход откупщиков в конце 1850—начале 1860-х годов превысил 220 млн. руб.⁴⁷ Винные откупа послужили одной из причин разорения крестьянства. Они вызывали возмущение народа и привели к открытым выступлениям в 1850-х годах («Трезвенное движение»).

В 1860 г. была создана специальная комиссия для разработки проекта об отмене винных откупов и введении акцизной системы. Во главе комиссии был поставлен либеральный деятель периода 50—60-х годов А. П. Заблоцкий-Десятовский, в состав ее вошли чиновники Министерства финансов и винокуренные заводчики.

Отмена винных откупов диктовалась общими условиями буржуазной перестройки страны. Все попытки затормозить проведение этой реформы или добиться ее отмены оказались тщетными. Но Кокоревы, Рюмины, Бенардаки сделали все возможное, чтобы вознаградить себя при отмене откупов, задержав выплату казне значительной части откупных сумм. К 1864 г. за откупщиками числился долг казне в 53 млн. руб., он выплачивался в течение двух десятилетий. В 1879 г. этот долг уменьшился до 16 млн. руб.⁴⁸

Итак, высочайшим указом 1861 г. была разрешена с 1 января 1863 г.⁴⁹ вместо откупов, свободная продажа вин, табака и сахара, которая облагалась так называемым акцизным сбором (акциз — вид косвенного налога, преимущественно на предметы массового потребления, а также услуги. Включается в цену товаров или тарифы на услуги). Уже в первый год действия акцизной системы питейные доходы казны составили 138 млн. руб. вместо 126, полученных от откупщиков в 1862 г. В последующие годы эти доходы казны непрерывно росли и к 1878 г. составили уже 198 млн. руб., а вместе с питейным сбором по Царству Польскому — до 213 млн. руб.⁵⁰

Но самым страшным было то, что во многих районах империи народ поголовно спивался. В угоду акцизным чинам полицейские власти вымогали у крестьян приговоры на открытие в селениях новых кабаков. Так, после введения в 1863 г. в Восточной Сибири акцизной системы, цифра потребления в ней вина перескочила сразу в год с семисот тысяч ведер до 1 402 390

ведер. И такое количество вина на экспорт пропивал не в силу увеличивавшихся среди него достатков и торговых оборотов, а, так сказать, от печального сознания, что ему нечего надеяться на лучшее будущее⁵¹.

Помимо этого был увеличен акциз на соль и табачные изделия. Соляной доход с 1855 по 1878 г. вырос с 8 до 16 млн. руб.⁵²

С 1855 по 1878 г. акцизные сборы с табачных изделий выросли с 2 млн. 160 тыс. руб. до 12 млн. руб. Акциз на сахар за тот же период времени увеличился с 500 тыс. до 9 млн. руб.⁵³ Проведенное в начале 60-х годов повышение акцизов на предметы широкого потребления явилось первым шагом в развитии системы косвенных налогов.

Заметим, что в пореформенный период косвенные налоги начинают играть все более крупную роль в бюджетных доходах России.

Ни один источник государственного дохода не вырос столь стремительно, как таможенный доход: с 35,7 млн. руб. в 1857 г. до 88,5 млн. руб. в 1878 г., что объясняется значительным ростом оборотов внешней торговли⁵⁴.

Прилагая настойчивые усилия для прочного перевеса доходов государства над расходами, правительство обратило внимание на взимание прямых налогов.

До 1887 г. в стране была сохранена подушная подать⁵⁵, введенная еще при Петре I. Ею облагалось все мужское население податных сословий: крестьян, мещан и ремесленников. Податное население, подлежащее обложению, исчислялось по бывшей в 1856 г. 10-й ревизии в 26 026 610 душ⁵⁶. Несмотря на то, что накануне финансовых реформ не только демократические, но и либеральные круги русского общества считали необходимой отмену подушной подати, она была отменена лишь для мещан и цеховых (кроме Бессарабии и Сибири) в 1863 г.⁵⁷

В 1861 г. подушная подать составляла 1 руб., в 1863 г. она увеличилась на 25%, а в 1867 г. вновь повысилась в среднем на 50 коп.

К 1870 г. подушная подать в среднем составляла 1 руб. 75 коп., размер обложения по сравнению с дореформенным периодом вырос на 80%⁵⁸. После создания земств в 3 раза возросли местные сборы. Налоговое бремя ложилось в основном на плечи крестьянства.

В начале 70-х гг. бывшие помещичьи крестьяне обязаны были платить с каждой десятины податей и выкупных платежей от 2 руб. 21 коп. до 3 руб. 33 коп., в то время как помещик с десятины платил от 7 до 23 коп.⁵⁹ В ряде мест крестьянские платежи вообще превышали реальную доходность земли, что приводило к деградации крестьянского хозяйства.

Из официальных материалов Министерства финансов, многочисленной мемуарной литературы видно, что и само царское правительство накануне реформы понимало неизбежность неко-

торого преобразования податной системы. Об этом говорит и тот факт, что по указанию Александра II в период подготовки финансовых реформ в июне 1859 г. была создана особая комиссия для пересмотра податей.

Как утверждалось в царском указе, задачей комиссии было: «...уничтожение податной сословности и отмена подушной подати с понижением всякого рода сборов и повинностей, лежащих на крестьянах, до размера, соответствующего их платежным силам»⁶⁰.

В 60-х—начале 70-х годов в прессе широко обсуждались проблемы налоговой политики. Многие публицисты предлагали ввести всесословное налогообложение на основе подоходного налога. Это мыслилось как шаг к созданию народного представительства. Именно политические мотивы удерживали царское правительство, вопреки экономической целесообразности, от введения подоходного налога. Аналогично в городах ставилась проблема введения квартирного налога. Однако, сознавая, что введение этого налога повлечет за собой необходимость расширения избирательных прав в городах, правительство категорически воспротивилось этому нововведению.

Таким образом, в результате реформ 1862 г. и помещики, и промышленная буржуазия оказались освобожденными от уплаты прямых налогов, в то время как крестьянство должно было, кроме выкупных платежей, вносить по-прежнему подушную подать и выполнять многочисленные земские повинности.

Учреждение банков

Указом Александра II 31 мая 1860 г. «для оживления торговли и промышленности»⁶¹ учреждался Государственный банк России, который заменил собой прежние убыточные кредитные учреждения — Заемный и Коммерческий банки, сохранную казну и приказы общественного призрения. Свои действия банк начал 2 июля 1860 г. Основной капитал его составлял в год открытия 15 млн. рублей (в 1917 г. — 50 млн. руб.). Банк подчинялся непосредственно министру финансов. Надзор за его деятельностью осуществлял также Совет государственных кредитных установлений, а с 1894 г. — государственный контроль. Банк возглавлялся правлением, в состав которого входили управляющий, его товарищи, 6 директоров, 3 депутата от дворянства, купечества и государственного контроля. С 1894 г. во главе банка стал Совет Государственного банка. Первыми управляющими Государственного банка были в 1860—1866 гг. А. Л. Штиглиц⁶², в 1867—1881 гг. — Е. И. Ламанский.

Государственный банк являлся важнейшим инструментом реализации государственной экономической политики. Ему было предоставлено право выдавать краткосрочные коммерческие ссуды. С 1861 г. банк выпускал выкупные свидетельства и билеты.

27 октября 1861 г. для проведения выкупной операции в Министерстве финансов было образовано Главное выкупное учреждение. Государственный банк с 1865 г. наблюдал за поступлением выкупных платежей в казначейство и составлял годовые отчеты по выкупной операции.

До середины 1890-х годов основная часть средств Государственного банка использовалась для нужд казначейства, поддержки государственного кредита и государственных Дворянского банка (с 1885) и Крестьянского банка (с 1882)⁶³.

Новыми формами организации кредита стали частные акционерные банки, городские коммерческие банки, общества взаимного кредита и ссудосберегательные общества. Первый в Российской империи частный коммерческий банк был создан в 1864 г. С 1869 г. началась полоса грюндерства в банковском деле (массовое лихорадочное учредительство акционерных обществ, банков и страховых компаний): если в 1861 г. был 1 акционерный банк, в 1864 г. — 4, то к 1874 г. было создано 39 банков, за 15 лет — с 1864 по 1879 г. — размер выданных ссуд увеличился в 27 раз⁶⁴.

Попытка проведения денежной реформы

Крымская кампания, как известно, обнаружила финансовую несостоятельность правительства России, вы-

нужденного из-за полного отсутствия кредитов покрывать свои военные издержки выпусками вала бумажных денег. Процент их металлического обеспечения оказался сниженным.

К концу войны в обращении находилось 735,3 млн. руб. кредитными билетами, в то время как запасы звонкой монеты составляли только 119 млн. руб.⁶⁵ Вследствие этого курс рубля упал и намного возросли товарные цены.

Бумажно-денежная инфляция неизбежно способствовала широкому распространению спекуляции валютой, еще большей дезорганизации денежного обращения. Интересы развития капиталистического хозяйства России, задача повышения ее престижа на международной бирже требовали от Петербурга решительных мер, направленных на восстановление размена и укрепление кредитного рубля.

В соответствии с указом от 18 апреля 1858 г. Министерство финансов изъяло и сожгло кредитных билетов на 60 млн. руб. и выпустило в обращение на 30,6 млн. руб. звонкой монеты. Однако эта мера не могла оказать существенного влияния, ибо в обращении оставалась еще огромная сумма билетов в 644,6 млн. руб., тогда как перед войной она составляла 311,3 млн. руб.⁶⁶ Кроме того, в 1859—1860 гг. правительство из-за предпринятой им операции, вызвавшей изъятие вкладов из кредитных учреждений, вынуждено было вновь выпустить на 67 млн. руб. новых, ничем не обеспеченных бумажных денег.

Попытка уменьшить находящуюся в обращении бумажноденежную массу оказалась неудачной. Ситуация осложнялась растущим отливом золота из страны, вызванным огромными паразитическими расходами русских аристократов за границей. По данным Министерства финансов, число русских «туристов» за границей с 1856 по 1860 г. увеличилось с 17 до 275 тыс. человек. За период с 1856 по 1861 г. петербургские столоначальники затратили из средств казны 81 млн. руб. на искусственное поддержание вексельного курса за границей. Уже с 1857 г. русская звонкая монета фактически исчезла из обращения, на нее образовался лаж. С 1858 г. правительство официально прекратило размен кредитных денег на золото и серебро: бумажный рубль стал неразменным.

«Повсеместный недостаток звонкой и даже медной монеты, — отмечал министр финансов Княжевич, внося на рассмотрение Комитета финансов проект бюджета на 1860 г., — стеснение частного и государственного кредита, застои торговых оборотов и упадок достоинства кредитных билетов, возвышение вследствие этого цен на все произведения и понижение курса по переводу денег за границу — производили вредное влияние на промышленность и торговлю страны»⁶⁷. Отсюда Княжевич приходил к выводу, что уменьшение количества обращающихся кредитных билетов и возобновление размена является неотложными задачами правительства.

Осуществление денежной реформы выпало уже на долю нового министра финансов М. Х. Рейтерна после проведения кредитной и финансовой реформ в начале 60-х годов. Петербург по инициативе Рейтерна решил провести размен бумажных денег на серебро по постоянно повышающемуся курсу.

Возобновление размена бумажного рубля на звонкую монету должно было, по мнению официальных лиц, оздоровить хозяйственное положение страны и устранить недобольство населения, страдающего от падения покупательной способности денег. Однако Министерство финансов не накопило необходимых средств для укрепления кредитного рубля: оно приступило к осуществлению денежной реформы с явно недостаточным разменным фондом. Для проведения денежной реформы правительство России в 1862 г. заключило пятипроцентный заем в Лондоне на 15 млн. фунтов стерлингов. Все-таки чистый доход от этого займа в размере 94 млн. руб. не удалось полностью обратить на усиление металлического разменного фонда. Львиная доля этой суммы ушла на покрытие образовавшегося бюджетного дефицита. На увеличение разменного фонда звонкой монеты было затрачено только 40 млн. руб.⁶⁸. Общий разменный фонд накануне реформы был доведен до 120 млн. руб., в то время как бумажных денег в обращении находилось 713,6 млн. руб. Таким образом, металлическое обеспечение бумажных денег не превышало 16,8%.

25 апреля 1862 г. Александр II обнародовал специальный указ, по которому предписывалось с 1 мая приступить к размену кредитных билетов на золото и серебро по курсу 1 руб. 10 коп. бумажных денег за металлический рубль. В том же указе объявлялось, что с 1 августа того же года за каждый серебряный либо золотой рубль надо будет вносить уже 1 руб. 8½ коп. бумажных денег. В дальнейшем размен должен был производиться по постоянно повышающемуся курсу, чтобы к 1 января 1864 г. восстановить размен по довоенному курсу⁶⁹.

Первоначально ход операции не вызывал опасений. Пока курс кредитных билетов был низким, спекулянты вносили в банк монету и получали кредитные билеты, которые в дальнейшем можно было обменять на монету по более выгодному курсу. Широкое участие в спекулятивных операциях приняли не только русские, но также и иностранные капиталисты. Отдельные иностранные банки посылали миллионные суммы в звонкой монете для обмена на кредитные билеты⁷⁰. В течение мая в банки поступило золота и серебра на 739,5 тыс. руб. более, чем было выдано⁷¹. Сторонники немедленного возобновления размена готовы были торжествовать победу. Их вера в благодетельное действие стихийных экономических законов, которым подчиняется международное распределение благородных металлов, еще более укрепилась.

Печать же 60-х годов, более трезво оценившая экономическую обстановку, чем царское правительство, крайне сдержанно отнеслась к сообщению о мероприятиях Министерства финансов по укреплению денежной системы. Орган торгово-промышленных кругов журнал «Акционер» скептически усмехался по поводу «наивного и преждевременного восхищения, что в банк несут золото не только свои, но и чужие... Как же не нести, когда золото в банке можно теперь продать за 5 руб. 70 коп. полуимпериял, а в августе купить его за 5 руб. 60 коп. Расчет верный. Во сколько это обойдется банку, укажут последствия»⁷².

Однако правительственные круги не прислушивались к мрачным пророчествам. Даже через полгода после открытия размена, когда поворот уже наметился и выдача металла стала превышать поступление (с 1 мая по 29 октября 1862 г. было выдано звонкой монеты на 11,9 млн. руб. более, чем поступило)⁷³, министр финансов Рейтерн счел возможным представить довольно оптимистический доклад о ходе и результатах разменной операции.

Но вскоре положение дел резко ухудшилось. Заранее зная условия размена бумажных денег на золото и серебро, спекулянты валютой при объявлении указа внесли в кассы Государственного казначейства звонкую монету, за которую получили кредитные билеты. С понижением курса драгоценных металлов они начали предъявлять к размену бумажные деньги в огромном

количестве. В декабре 1862 г. выдача монеты превысила ее поступление на 3,6 млн. руб.⁷⁴

К концу 1863 г. золотой и серебряный запас государства оказался уже наполовину исчерпанным: вместо 120 млн. руб. он составлял лишь около 55 млн. руб. Между тем в обращении еще оставалось кредитных билетов на 636 млн. руб.⁷⁵

Начавшееся в 1863 г. Польское восстание еще более подорвало доверие к царским бумажным деньгам. Польшу поддерживали Франция и Англия. В связи с угрозой нового европейского конфликта началось бегство капитала в поисках надежного помещения. Владельцы капитала, сомневаясь в прочности размена, торопились получить звонкую монету.

Локализация восстания потребовала денежных расходов. В этих условиях министр финансов Рейтерн вынужден был отказаться от своей затеи. На докладной записке министра финансов о прекращении размена Александр II написал: «Нечего делать, хотя я крайне о том сожалею»⁷⁶.

Израсходовав более половины своего металлического запаса, правительство оказалось у разбитого корыта. За время выкупа небольшой части кредитных билетов не удалось повысить курс рубля, а после опубликования указа о прекращении обмена бумажные деньги снова начали падать. 5 ноября 1863 г. было утверждено постановление Комитета финансов о прекращении размена.

Попытка правительства поднять курс и восстановить размен фактически обесцененных бумажных денег, без всякой предварительной подготовки, непосредственно силой одного лишь государственного вмешательства потерпела фиаско.

Ошибки тех лет должны были послужить уроком для будущих поколений.

Итоги финансовых реформ

Финансовые реформы в определенной степени укрепили финансовое положение государства, ослабили существовавшие произвол, мотовство и казнокрадство, устранили наиболее вопиющие ненормальности старых бюджетных правил, создали неплохой, хотя и далеко не полный, контроль за расходованием государственных средств.

Государственные доходы России за 26-летнее царствование Александра II увеличились более чем в 3 раза. Почти так же возросли и расходы, причем расходы на армию и флот возрастали медленнее общего роста доходов (эти расходы увеличились только в 2 раза).

Значительно увеличились бюджетные отчисления на культурные потребности страны.

Наибольшее относительное увеличение бюджета произошло в министерствах: народного просвещения — почти в 6 раз, государственных имуществ — в 5,5 раза, юстиции — в 5 раз, внутренних дел — в 4,5 раза.

В податной системе все более активно начинал проводиться принцип равенства всех перед налогом, к обложению стали привлекаться ранее неподатные сословия.

Существенным нововведением явилась передача части общественных потребностей под начало местных органов самоуправления, получивших и самостоятельные источники доходов.

Вместе с тем, в организации финансового хозяйства России сохранилось немало дореформенных порядков.

«Единство бюджета и кассы», установленное законом 1862 г., в действительности часто нарушалось из-за различных внебюджетных ассигнований и капиталов, сохранившихся в отдельных правительственных ведомствах. Без изменений остались издержки министерства двора.

Характерной особенностью финансового положения страны являлся рост государственной задолженности. Из 26 лет царствования Александра II только пять лет были бездефицитными. Сохранились некоторые крепостнические пережитки в налоговой системе.

В ходе начатых финансовых преобразований не была реализована денежная реформа, начатая в 1862 г. Проводившийся в ходе нее обмен бумажных денег на золото и серебро правительство вынуждено было прекратить из-за недостатка металлического фонда.

Серьезное улучшение финансовой системы, наметившееся при Александре II, удалось более или менее удачно осуществить только к концу XIX в.

РЕФОРМЫ В СФЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вложения в познание приносят наибольшую прибыль

В Франклин¹

1. Краткий очерк народного образования до Александра II

Чтобы оценить преобразования в области народного образования во времена Александра II, надо хотя бы в общих чертах представить положение дел в этой сфере в предыдущие царствования.

Не секрет, что петровская школа имела по преимуществу практически-профессиональный и сословный характер, целью ее была, так сказать, подготовка узких специалистов. Петр I поощрял создание начальных «цифирных» школ, а на горных заводах Урала — школ доменщиков и горных техников². Екатерина II первая решила придать школе общеобразовательный и, что особенно примечательно, всеобщий характер, причем целью школы вслед за педагогами и философами Запада поставила «произвести новое порождение», «новую породу» людей, т. е. воспитание³.

Для реализации этой цели должна была служить школа трехъякого типа: малая (трехклассная), средняя (трехклассная) и главная (четырёхклассная), учрежденные Екатериной II в губернских и уездных городах, и столичные пансионы — закрытые учебные заведения.

В числе последних впервые появляется женское учебное заведение — Смольный институт для дочерей дворян (с 6 до 18 лет), основанный в 1764 г. при Воскресенском Смольном женском монастыре в Петербурге под названием Воспитательное общество благородных девиц⁴.

При Екатерине II была сделана первая попытка устроить низшую сельскую школу, но неудачно. И тогда же была высказана мысль об обязательности обучения. Не было достижений и в области среднего образования. При практическом проведении своего плана царица встретила с двойным затруднением, с которым пришлось позже столкнуться и ее преемнику, — с недостатком как учителей, так и учеников. Первых, при существовавшем низком уровне образования, трудно было отыскать в России, а последние сами не шли в школы, уступали

только силе, набирались в школы, как правило, при помощи полиции. Помимо этого, порученные попечению приказов общественного призрения школы, можно сказать, отцвели, не успев расцвести, поскольку приказы разделяли отрицательное отношение населения к школам и не выделяли на них средства.

Царствование Александра I — внука пионерки русской общеобразовательной школы — в первую половину отличается оживлением в сфере народного просвещения, которое при нем становится «особой государственной частью» и возлагается на самостоятельного министра, с особым бюджетом. Создается стройная система управления.

С 1803 г. вся империя подразделяется на 6 округов во главе с попечителями округов, управляющими из Петербурга⁵. Центром округа считался университет. В то время было 3 университета — Московский, открытый в 1755 г.; Виленский (ныне Вильнюсский), преобразованный из Главной школы Великого княжества Литовского, основанный в 1579 г.; Дерптский (ныне Тартуский), введенный в 1802 г. В 1804 г. основан Казанский университет, в 1805 г. — Харьковский.

В 1809 г. к российским университетам был причислен основанный в 1640 г. в Финляндии Абоский (Турку), который в 1828 г. был переведен в Гельсингфорс и стал называться Гельсингфорским. В 1816 г. возник Варшавский университет, где готовились польские национальные кадры учителей, врачей и католических священников.

В 1819 г. на основе Главного педагогического института создается Санкт-Петербургский университет.

Университеты управлялись на основе университетских уставов и обладали определенной автономией. Финансировались они за счет казны и частных пожертвований.

В период 1804—1835 гг. университеты являлись учебными, научными и административными центрами учебных округов и осуществляли научно-методическое руководство всеми учебными заведениями округа. Профессора выбирали ректора, деканов и совет, свободно управляющий учебной и хозяйственной частью университета. Имелся свой университетский суд. Власть попечителя была отдаленной и скорее номинальной.

Вследствие нехватки отечественных преподавателей многие профессора приглашались из-за рубежа. Стипендиаты русских университетов, как правило, командировались за границу, а также в Дерптский университет для приготовления к званию профессора.

К каждому округу приписывалось известное число губерний, имеющих каждая губернское училище (гимназию), подведомственных университетам. Следующую ступень составлял уездный город с уездом, имеющий уездные и приходские училища, из которых первые находились в ведении директора гимназии, а вторые — смотрителя уездного училища. Учебная часть новой

школы, сохранив прежний общеобразовательный характер, установила тесную связь между тремя типами школ (при Екатерине II каждая из них имела свой курс), расширила программу средней школы, ставшей теперь классической, и сделала гимназию ступенью к университету.

Однако во вторую половину царствования Александра I, как известно, совсем не похожую на первую, автономные университеты подверглись гонению и лишились лучших своих учебных сил из иностранцев. Дефицит в преподавателях и учащихся, особенно в университетах, где число слушателей порою не достигало ста, служил и в это время немалым препятствием к развитию просвещения.

Как бы то ни было, это явление оказалось временным, и заботы правительства о народном образовании не пропали даром. В следующих поколениях не только нарождается сильная потребность в образовании, но из среды русского общества выходят свои видные ученые и общественные деятели.

Крепостные отношения, с одной стороны, и суровое подозрительное управление всем государством при Николае I, с другой, оттеснили заботы о народном образовании на самый задний план.

В широком образовании народа и в свободном развитии его духовных сил правительство, а отчасти и общество, видели не основу для здорового и могучего роста государства, не источник богатства народа, не укрепление положения среди других государств, но единственно «прямой путь к бунту и крамоле». Таким именно взглядом проникнуто отношение высшего правительства к вопросам народного образования на всех его ступенях, с начала и до конца всего царствования Николая I⁶.

На первых порах после воцарения его на престоле было решено реформировать образование, и 14 мая 1826 г. в этих целях учредили «Комитет устройства учебных заведений». Вдохновителем комитета стал министр народного просвещения адмирал А. С. Шишков⁷, представивший подробный план реформы. В основу своего плана Шишков положил идею сословного образования, правило «каждому свое». Каждое сословие должно было получить образование, отвечающее его социальному положению, нуждам и интересам его среды. Так, «приходские школы должны были существовать преимущественно для крестьян, мещан и промышленников низшего класса, уездные — для купечества, обер-офицерских детей и дворян; гимназии — преимущественно для дворян, не лишая, впрочем, и другие сословия права поступить в них».

Для предупреждения распространения среди юношества вредных идей Шишков предлагал организовать при гимназиях и некоторых уездных училищах для дворян пансионы, а частные пансионы закрыть. Таким путем предполагалось удержать юношество на возможно долгое время в стенах учебных заведений под бдительным надзором учебного начальства.

План Шишкова, принятый в своей основе, получил применение в уставе гимназии, приходских и уездных училищах (8 декабря 1828 г.), в положении об учебных округах (25 июня 1835 г.) и уставах университетов (26 июля 1835 г.).

Первое законоположение внесло некоторые изменения в учебные программы училищ, учредило должность директора народных училищ и приняло содержание их на казенный счет. В гимназиях же было сокращено преподавание древних языков и расширена программа математики и новых языков.

Положение об учебных округах совершенно разрушило Александровскую систему — вместо сложной иерархической зависимости одних учебных заведений от других (низших от высших) вводилось более полное подчинение всех учебных заведений, в том числе и высших, одному общему учебному начальству. Теперь попечитель, переместившийся из Петербурга в университетский городок, стал полноправным начальником округа.

В университетах был облегчен суд, ограничена власть совета и расширена власть попечителя над университетом в учебных и хозяйственных делах. Инспектор университета теперь назначался попечителем. Ректора и деканов еще продолжали выбирать. Студентам была дана форма и устав, определяющий их поведение в стенах и вне стен университета. Преподавание было реформировано в духе «русских начал» или так называемой «теории официальной народности»⁸, основой которой считается формула С. С. Уварова⁹ — «православие, самодержавие и народность», высказанная в докладе Николаю I в 1832 г. и провозглашенная в 1834 г. в циркуляре попечителям учебных округов при вступлении его в должность министра народного просвещения.

В 1831 г. во всех университетах империи числилось 462 профессора и других служащих, а среди студентов — 2201 человек. Наиболее крупным являлся Московский университет, в котором насчитывалось 814 студентов.

После подавления Польского восстания 1830—1831 гг. правительство закрыло Варшавский и Виленский университеты. Учрежденный вместо них Киевский университет в 1834 г. должен был стать центром утверждения русского влияния на Правобережной Украине. Однако в первые годы в нем преобладали студенты польского происхождения, в основном из дворян.

Следует отметить, что большая часть дворянских детей получала образование вне университетов, в закрытых привилегированных пансионах и лицеях. Одним из первых был Царскосельский лицей. В 1843 г. его переименовали в императорский Александровский, а в следующем году перевели в Петербург. Славу лицея составили первые его выпускники 1817 г.: А. С. Пушкин, И. И. Пущин, В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг, Ф. Ф. Матюшкин, А. М. Горчаков.

Несколько хуже обстояло дело с обучением детей непривилегированных сословий. Общее отношение правительства к де-

ду образования народа выражалось афоризмом министра финансов Е. Ф. Канкрин: «Простой человек, для своего собственного счастья и спокойствия, не должен быть слишком учен»¹⁰.

Сельские училища должны были содержаться на средства крестьян и помещиков, а городские — на средства города. Не давая ни одной копейки на начальное народное образование, правительство оставило за собой право самого строгого надзора и всевозможных стеснений, что и повело, естественно, к значительному ухудшению народного образования. Например, многие помещики, имевшие до того школы для крестьян в своих имениях, решили теперь закрыть их, не желая подвергаться разным стеснениям и придирам со стороны губернских или уездных властей. Вообще же в деревнях приходские школы не открывались совсем. Из всех ведомств в николаевское время несколько больше других заботилось о народном образовании Министерство государственных имуществ.

Но после того как в 1842 г. школы этого ведомства были согласованы с общим уставом 1828 г., обнаружилось, что многие училища существовали только на бумаге, а от обучения детей, которых, главным образом, готовили к должности волостных и сельских писарей, крестьяне старались откупиться.

Кроме «сельских приходских училищ» (одно- или двухгодичных школ), были еще «удельные училища», «училища при горных заводах» и «училища для детей канцелярских служителей». С 1839 г. увеличивается число церковно-приходских школ, которые создавались при церковных приходах и находились в ведении синода. Обучение в них длилось 2 года (в некоторых 4 года). В 1851 г. их насчитывалось уже 4713 с 93 350 учащимися. К сожалению, многие из этих училищ, в которых учащиеся с грехом пополам одолевали церковно-славянскую грамоту, существовали только на бумаге¹¹.

В тех же училищах, которые были на самом деле, ученье проходило урывками, когда священнику или дьячку было время и охота.

С 1834 г. помещикам было запрещено устанавливать сборы с крестьян на обучение их детей. При таких условиях неудивительно, что за 26 лет при Николае I число всех училищ в России увеличилось всего на 517. Всего же на 63 миллиона 800 тысяч населения приходилось в 1856 г. только 8227 учебных заведений с 450 тысячами учащихся. При этом надо иметь в виду, что распределены училища были весьма неравномерно. Например, на всю огромную Сибирь было всего 312 школ, а на 3 прибалтийских губернии — 6088. Один из исследователей народного образования того времени отмечал, что «училищ было мало, стояли пусты, многие числились на бумаге; обучение в школах шло так, что народ не видел от него никакой пользы. Частные случаи благоустройства училищ были исключением. Сомнитель-

ность существования церковно-приходских школ более чем вероятно»¹².

Нечего и говорить, что и в этом в общем-то жалком обучении на первом плане вместо всяких «пособий» были побои и истязания учащихся.

В 1845 г. была повышена плата за учение в средних и высших учебных заведениях. Это объяснялось тем, как писалось в официальном документе 1845 г., «что в высших и средних учебных заведениях через меру умножился процент молодых людей, рожденных в низших слоях общества, для которых высшее образование бесполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя их из круга первобытного состояния без выгоды для них самих и для государства». И вводится она «не только для усиления экономических сумм учебных заведений, сколько для удержания стремления юношества к образованию в пределах некоторой соразмерности с гражданским бытом разнородных сословий».

Таким образом, мысль Шишкова получила дальнейшее развитие.

Распоряжениями 1848—1850 гг. в гимназиях и университетах был изъят из преподавания ряд предметов.

Предметы, оставшиеся в гимназиях от александровского времени, — логика, психология, законоведение, статистика, греческий язык — были упразднены. Из-за революционных событий в Западной Европе в университетах были закрыты кафедры государственного права европейских держав и философии.

Пали в университетах и последние остатки былой автономии: ректор стал назначаться министром и даже не из профессоров, деканы хотя из профессоров, но без выбора.

За преподаванием был учрежден строгий надзор — лекции предъявлялись предварительно в рукописях, и при чтении нельзя было отступить ни на йоту от разрешенной рукописи. При чтении некоторых предметов было предreshено направление и дух их.

В то же время впервые учреждена приват-доцентура для подготовки молодых людей к профессорскому званию без командировки за границу.

Усложнился порядок защиты диссертаций, в их научной оценке первое слово предоставлялось духовенству. По существу, запрещались научные диспуты. Упразднены были студенческие общества во всех университетах, кроме корпораций в Дерптском университете. Университеты военизировались: ввели студенческую форму со шпагой, обязательной стала шагистика. Университетское образование объявлено излишним для дворянской молодежи. Ей рекомендовано военное образование и карьера. В 1851 г. в университетах России работало 597 профессоров и других должностных лиц и обучалось 3220 студентов.

2. Реорганизация народного образования

Жгучие вопросы дня

С воцарением императора Александра II политика Министерства народного просвещения круто переменялась. Социально-экономическое развитие страны требовало расширения образования, увеличения числа грамотных людей, создания специалистов для промышленности, сельского хозяйства и торговли.

Вопросы народного образования становятся «жгучими вопросами дня», одинаково привлекавшими и общество, и правительство.

Уже в первые годы нового царствования при министрах народного просвещения А. С. Норове, Е. П. Ковалевском и графе Е. В. Путятине¹³ постепенно отменяются всякие ограничительные меры в сфере учебной жизни, которые подготовили почву для реформ, проведенных при министре А. В. Головнине.

23 ноября 1855 г., по представлению Норова, последовало высочайшее повеление принимать на все факультеты университетов неограниченное число студентов. Норов был представителем старой, николаевской системы. Человек мягкий, не отличавшийся оригинальностью ни в своей деятельности, ни в характере, он не был в состоянии противостоять новым веяниям и скоро сам пошел за ними. Хотя очень робкими и неуверенными шагами¹⁴.

Исходным пунктом преобразований учебной системы при Александре II явился всеподданнейший доклад Норова 5 марта 1856 г.¹⁵ Указав на ряд недостатков в прежней школьной системе и особенно на преобладание в ней административно-полицейских мер, Норов предложил ряд мер, часть из которых была поддержана Александром II.

По указу императора 5 мая 1856 г. восстанавливался ученый комитет Министерства народного просвещения¹⁶, а 15 июня того же года были утверждены правила, которыми ему следовало руководствоваться в своей деятельности: анализировать преподавание в учебных заведениях и разрабатывать учебные программы¹⁷. Кроме того, на комитет была возложена работа по подготовке проекта школьных преобразований. 17 января 1857 г. отменяется для столиц запрещение частным лицам открывать пансионы и школы¹⁸. К этому периоду относится начало педагогической деятельности К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, Л. Н. Толстого и ряда других талантливых деятелей, выступления которых в печати требовали значительно более широкой программы преобразований по вопросам обучения и воспитания, нежели те, которые намечались в докладе Норова. Звезда первой величины на небосклоне русской педагогики К. Ушинский всесторонне разрабатывает вопрос о начальной школе, отвечающей интересам народа. Знаменитый русский хирург Н. Пирогов принимает в это время самое горячее участие в педагогическом

движении. В июле 1856 г. в журнале морского ведомства «Морской сборник» публикуется его статья «Вопросы жизни», которая дает сильный толчок педагогическому движению. Статья ставила проблему общечеловеческого воспитания и образования в противовес сословному и узкопрофессиональному. «Быть человеком» в лучшем смысле слова, вот чего требовал Пирогов от каждого, вот чему предлагал он учить и следующие поколения. Путь для этого один — самопознание; оно необходимо для каждого человека оно есть неперемненное условие плодотворной воспитательной деятельности. Статья эта сразу обратила на себя внимание общества. Она имела огромный успех. Не было образованного человека, который не прочел бы ее, не подумал бы над нею. О ней говорили и в светских гостиных, и в студенческих каморках, и в гимназиях, и даже в приходских училищах в самых отдаленных уголках России. Статья вызвала многочисленные отклики в прессе.

В качестве попечителя Одесского, а затем Киевского учебного округа Пирогов стремился практически осуществить свои идеи, вдумчиво относился к вопросам школы, заметно улучшил учебное дело. Л. Толстой, искавший новые пути воспитания, в 1859 г. открывает школу для крестьянских детей в Ясной Поляне.

Много внимания педагогическим вопросам уделяет печать. Вопросы воспитания, просвещения и школы широко обсуждаются в журналах «Русское слово», «Отечественные записки», «Современник», «Русский вестник», «Сын отечества», «Рассвет», а также в других изданиях. С 1857 по 1864 г. в России появилось 6 педагогических журналов — «Журнал для воспитания», «Русский педагогический вестник», «Учитель», «Ясная Поляна», «Педагогический сборник», «Журнал для родителей и наставников». Под руководством Ушинского, этого «учителя учителей», «Журнал Министерства народного просвещения», издававшийся с 1834 г., принимает педагогическую направленность¹⁹.

В 1857 г. открывается Педагогическое общество («Педагогическое собрание»), просуществовавшее около 20 лет и обсудившее более 250 докладов. В работе Педагогического общества принимали активное участие выдающиеся знатоки народного образования и лучшие педагоги того времени К. Д. Ушинский, П. Г. Редкин, К. К. Сент-Илер, А. С. Воронов, И. И. Паульсон²⁰ и др.

В 1861 г. при Вольном экономическом обществе создается Комитет грамотности, который, наряду с обсуждением вопросов народного образования, развернул практическую деятельность по организации школ.

Заботу о народной школе проявляет и лучшая часть дворянства и духовное сословие, сыгравшее в этом отношении в начале 1860-х годов весьма почетную роль.

По инициативе демократической общественности в России повсеместно стали распространяться различные формы внешкольного образования. Наиболее распространенной из них явились воскресные школы, работавшие по воскресным дням²¹. Возникли они в Киеве в 1859 г. по инициативе бывшего профессора университета Св. Владимира П. В. Павлова²², а также попечителя Н. И. Пирогова. К обучению допускались как дети, так и взрослые.

Круг учения ограничивался преподаванием чтения и письма для совершенно неграмотных и Закона Божия, начальных правил арифметики и вычислений на счетах и бумаге для тех, кто мог читать свободно. Учащимся давали в школах все необходимые пособия, т. е. книги, бумагу, перья и т. п. В первое время на содержание в Киеве воскресных школ было пожертвовано до 230 рублей²³. Впоследствии, с разрешения министра внутренних дел, была открыта подписка на принятие добровольных приношений для приобретения необходимых предметов, которые в воскресных школах должны были бесплатно раздаваться учащимся.

При воскресных школах создавались библиотеки и читальни. Обучение было бесплатным, труд преподавателей, которыми в основном были студенты, учителя, писатели, журналисты, чиновники, офицеры, — безвозмездным. Определенную роль в создании воскресных школ сыграла революционная интеллигенция, рассматривавшая их не только как одну из форм просвещения народа, но и как легальную форму антиправительственной пропаганды. В 1860 г. воскресные школы получили официальный статус и были приравнены к начальным школам.

В обстановке подъема общественного движения воскресные школы быстро распространились по всей России. В 1862 г. в 50 губерниях России насчитывалось 274 воскресных школы (по другим данным — 316) — 243 мужских и 31 женская, в том числе 34 школы в Петербургской губернии, 9 в Московской и т. д. Количество учащихся достигло 20 тысяч.

Правительство и местные власти вначале не препятствовали деятельности воскресных школ. Министр внутренних дел Ланской признал очень полезной такого рода деятельность общества. Министр народного просвещения Головин оказал поддержку, предоставив помещения в гимназиях для воскресных школ. Но такое положение воскресных школ продолжалось недолго. В обществе стали распространяться слухи о том, что воскресные школы служат местом для политической пропаганды.

В дальнейшем, в связи с раскрытием Харьковско-Киевского тайного общества, члены которого были педагогами воскресных школ, было возбуждено следствие о воскресном движении и создана специальная комиссия. В июне 1862 г. по распоряжению Александра II, чтобы «пресечь зло», воскресные школы были закрыты. В 1864 г. вновь разрешено открывать их, но главным

образом представителям духовенства. За деятельностью воскресных школ был установлен надзор полиции и инспекции народных училищ.

Начальное образование

В конце 50-х—начале 60-х годов общественно-педагогическое движение, начавшее штурм устаревшей сословной системы образования, направило свое основное внимание на наиболее ее слабое звено — начальную школу. Под влиянием этого движения правительство Александра II приступило к реорганизации начального образования. Первый проект школьной реформы был подготовлен ученым комитетом Министерства народного просвещения при преемнике Норова Е. П. Ковалевском. Под названием «Проект устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения» он был опубликован в марте 1860 г.²⁴

Проект предлагался на обсуждение советам средних и высших учебных заведений, ученым обществам и всем желающим. Он был переведен на французский и немецкий языки и разослан известным педагогам, ученым и общественным деятелям Западной Европы с просьбой дать по нему свои заключения. Такие невиданные и неслыханные способы обсуждения государственных реформ, раньше готовившиеся всегда в глубокой тиши кабинетов и величайшей тайне, были одним из результатов того могучего веяния времени, от которого не ушло даже Министерство народного просвещения.

Как отмечает один из исследователей школьной реформы, профессор В. З. Смирнов, «проект был первой попыткой ученого комитета определить черты новой школы, которые в какой-то мере соответствовали бы намерениям правительства, с одной стороны, и требованиям педагогической общественности, главным образом либеральных кругов, — с другой, а также наметить пути и средства дальнейшего ее развития»²⁵. Видное место в нем отводилось начальному образованию, которое в связи с подготовкой «крестьянской реформы» привлекало тогда большое внимание широких кругов общества.

Система начального образования по этому проекту включала три типа школ: школы грамотности, низшие народные училища и высшие народные училища. Все они были подчинены директору училищ, являющемуся одновременно директором губернской гимназии. Школы грамотности предназначались для обучения детей первоначальному чтению и письму, четырем действиям арифметики над целыми числами и для наставления детей в истинах православной веры. Одногодичные школы грамотности и низшие народные училища, согласно проекту устава, являлись учреждениями общественными и частными, а не государственными. Они открывались по инициативе и на счет общества и частных лиц, причем школы грамотности — без

всякого на то разрешения, а училища — с разрешения губернского директора.

В училище должны были приниматься дети всех сословий и обоего пола не моложе 8 лет, но девочки не старше 11 лет. Учителями в низших народных училищах могли быть «лица всех состояний, получившие от учебного начальства свидетельство, что они окончили с успехом курс учения, по крайней мере, в высшем народном училище и достаточно приготовлены к исправлению учительной должности»²⁶. Высшую ступень начального образования, по проекту, составляли высшие народные училища. Свою работу они строили на базе низшего народного училища и имели 4-годичный срок обучения.

Учебный план высших народных училищ включал Закон Божий, русский язык, историю всеобщую и русскую, географию, начала естествознания, арифметику и геометрию, чистописание, черчение и рисование, церковное пение. Высшие народные училища являлись казенными учебными заведениями и содержались за счет государства. Но для частичного покрытия расходов взималась плата за обучение. В обсуждении этого проекта приняло участие значительное число учителей, деятелей народного образования и других лиц.

Некоторые, характеризуя проект как отрадное явление, призывали не заниматься спорами о мелочах, а быстро взяться за осуществление его на практике, ибо этого более всего требовали насущнейшие потребности государства. Так, почетный смотритель уездного училища Н. Мизко писал: «Всяк, в груди которого бьется сердце русское, конечно, приветствует проект устава, как предрассветную зарю новой исторической жизни нашего отечества, и нетерпеливо желает видеть прочное его утверждение и удачное исполнение»²⁷.

Другие, соглашаясь с тем, что благосостояние общества требует быстрейшего развития начальной школы, считали, однако, совершенно необходимым более внимательно отнестись к определению основ ее и высказывали замечания по поводу некоторых наиболее существенных положений проекта.

Н. И. Пирогов, являясь в то время попечителем Киевского учебного округа, категорически возражал против введения многих, разнообразных типов школ. Многотипность, по его мнению, порождает ненужный и вредный параллелизм, ломает стройность, последовательность и единство в системе школьного образования²⁸.

Против разделения начальных школ на три разряда возражал и Л. Н. Толстой²⁹. Ф. Толь³⁰, представитель демократического крыла, видный сотрудник «Современника», в принципе не возражал против однотипной начальной школы, но считал, что в условиях того времени, когда расходы на содержание школ падают почти целиком на крестьян, отрицать многотипность вряд ли целесообразно.

Много интересных мыслей о роли и значении учителя, о подготовке и моральных качествах, о материальном и правовом положении его высказывали К. Д. Ушинский, Н. И. Пирогов, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. В статье «Труд в его психическом и воспитательном значении» (1860) и в предисловии к 4-му изданию «Детского мира» (1861) Ушинский охарактеризовал школьное обучение как серьезный, весьма сложный труд, требующий большой энергии, большого внимания и прилежания как учащихся, так и учителей. Этот труд, как считал Ушинский, должен быть трудом, полным мысли и глубокого содержания. «Преподавание всякого предмета должно непременно идти таким путем, чтобы на долю воспитания осталось ровно столько труда, сколько могут одолеть его молодые силы», — писал он³¹. Часть педагогической интеллигенции, выступая по поводу первого проекта реформы начального образования, предлагала предоставить широкую свободу общественной и частной инициативе в развитии начального народного образования. Многие педагоги были сторонниками создания начальных школ более высоких по объему сообщаемых учащимся знаний и повышения качества преподавания в них. Особое внимание уделялось изучению в начальных школах, кроме русского языка, арифметики и Закона Божия, таких предметов, как природоведение, отечественная история и география с широким применением наглядности в обучении. В ряде случаев предлагалось включить в программу начальных школ светское пение и гимнастику как необходимые средства для физического развития и эстетического воспитания учащихся. В качестве основного типа начальной школы предлагались двух- трехгодичные училища.

Немало педагогов говорили об организации специальной подготовки учителей, улучшении их материального и правового положения, о предоставлении права женщине заниматься педагогической деятельностью наравне с мужчиной.

Много мнений было высказано о предоставлении учителям большей свободы в выборе путей и средств обучения (определение методов и приемов, подбор учебных пособий и учебных руководств и т. д.). Высказывались мысли об улучшении руководства школьной работой (как можно меньше администрирования и как можно больше педагогической помощи). Затрагивались вопросы о внимательном отношении к учащимся, изысканию необходимых средств для предупреждения их неуспеваемости. Большинство стояло за бесплатность обучения во всех типах начальной школы. Были и другие идеи.

Проект устава низших и средних училищ был направлен на начальные школы, подведомственные Министерству народного просвещения. Однако большинство начальных школ находилось в ведении других ведомств: Министерства государственных имуществ, Министерства уделов, Министерства внутренних дел, сиода и т. д. Из 30 тыс. имевшихся тогда в стране начальных

школ только 1062 с 44 397 учащимися находилось в ведении Министерства народного просвещения³². Понятно, что в реформе нуждались и все другие школы. Поэтому сразу же возникла необходимость в разработке документа, определяющего судьбу всех других начальных училищ, особенно в части управления ими. С инициативой выступило Министерство государственных имуществ. 3 января 1859 г. министр Муравьев обратился к министру народного просвещения с предложением составить комиссию из представителей Министерства государственных имуществ, Министерства народного просвещения и синода для пересмотра положения об управлении начальными училищами³³.

Напомним, что вопрос о сельской школе был поставлен также 1 и 7 октября 1860 г. Редакционной комиссией по выработке положения крестьянской реформы. Комиссия указала на необходимость открытия в селах и деревнях начальных народных училищ и принятия содержания их на счет правительства³⁴.

28 июля 1861 г. по высочайшему повелению был составлен особый комитет из представителей разных ведомств для выработки общего плана устройства народных школ³⁵. План этот был готов уже к ноябрю 1861 г. и тогда же поступил на заключение Святейшего синода. Синод заявил протест против подчинения школ, открываемых духовенством, которых числилось тогда 9283, министру народного просвещения³⁶. В отзыве синода говорилось, что духовенству должно быть предоставлено в начальной народной школе естественное законное первенство. Министр, место которого в это время занимал уже граф Путятин, согласился с заключением синода, и проект вместе с заключением синода был внесен в Главный комитет по устройству сельского состояния.

Проект этот вводил обязательное устройство школ за счет местного населения. Хозяином же в этих школах в учебном и административном отношении должно было остаться Министерство народного просвещения. Однако проект очень мало соответствовал духу того времени.

Выработка и проведение в жизнь нового положения об училищах выпала на долю представителя нового направления, министра А. В. Головнина, сменившего графа Путятин в декабре 1861 г. Близкий друг и сотрудник великого князя Константина Николаевича, Головнин служил перед этим в Морском министерстве, которое шло тогда во главе всех ведомств в деле осуществления либеральных реформ.

Одной из главных своих задач новый министр поставил объединение в ведении министра народного просвещения всех учебных заведений и он выполнил эту задачу, подчинив созданным им училищным советам даже школы, открываемые духовенством, на что не решались его предшественники. Получив на рассмотрение подготовленный его предшественниками план реорганизации народных училищ с замечаниями на него синода, Головнин заявил, что протест синода основан на не-

доразумении (припомним, что министр Путятин с этим протестом согласился). Министерство просвещения никогда не отрицало пользы училищ, организуемых духовенством, отмечал Головнин, и не планировало переводить их в свое ведомство. И все же «нельзя, с другой стороны, предполагать, чтобы Святейший синод, говоря об исключительном праве духовенства учить народ, понимал под этим право учить наукам и вследствие этого слагал бы с министерства обязанность учреждать на свои средства училища разных разрядов, не передавая их духовному ведомству»³⁷.

Учитывая эти соображения, 18 января 1862 г. состоялось высочайшее повеление, которое и разъяснило, что руководство по всей империи начальными училищами поручается Министерству народного просвещения. Исключения составляют училища, открываемые духовенством и контролируемые Святейшим синодом.

При Головнине вдвое возросли бюджетные ассигнования на нужды Министерства народного просвещения. Создавались специальные учебные заведения — учительские семинарии. Особенностью управления этого министра было введение широкой гласности во все, что происходило в учреждениях его ведомства. В журнале министерства, а также в отдельных брошюрах и книгах стали печататься отчеты попечителей округов и ревизоров, посылаемых от министерства, и самого министерства. Были изданы сборники законоположений Министерства народного просвещения (охватывающие период 1802—1864 гг.). По инициативе Головнина его ведомство было освобождено от цензурных функций (в 1862 г. переданы в Министерство внутренних дел).

К началу 1863 г. ученый комитет министерства заново переработал план организации народных училищ с учетом господствовавших тогда общественных течений. Педагогов того времени привлекала английская система невмешательства государства во внутреннюю жизнь школы, система частных школ. Эта система была утверждена Министерством народного просвещения. В соответствии с нею народные училища разделялись на образцовые, организуемые министерством, и народные, учреждаемые обществами и частными лицами. Руководство школами осуществлялось местными училищными советами (новый тип учреждения) из представителей разных ведомств.

Еще до утверждения положения вопрос об училищных советах, их составе и компетенции вызвал в правительственных сферах оживленный обмен мнений. Управляющий ведомством императрицы Марии, барон М. А. Корф, указывал на то, что эти учреждения будут подобием многих существующих комиссий и комитетов бюрократического характера, совершенно не жизненных, и предлагал передать их функции проектируемым земским учреждениям³⁸.

В ходе обсуждения проекта Положения в Государственном совете было решено возложить на земские учреждения не только

заботу о материальных нуждах училищ и об открытии новых, но и предоставить им некоторое участие в управлении училищами через избираемых земскими собраниями членов училищного совета. Вводя училищные советы, Головнин пытался прекратить распри между отдельными ведомствами в их отношениях к начальным школам. Он выступал также против централизации управления этими школами и предоставления каких-либо прав оканчивающим курс обучения в народных училищах.

Итак, выработанное Головниным «Положение о начальных народных училищах» было утверждено Александром II 14 июля 1864 г.³⁹ По этому Положению начальные школы разрешалось открывать и содержать как общественным учреждениям, так и частным лицам. Положение ставило эти учебные заведения под контроль уездных и губернских училищных советов, в состав которых входили директора училищ, представители от земств, местной администрации и духовенства. В программу начальных училищ входило преподавание чтения, письма, Закона Божьего, четырех правил арифметики и церковного пения.

Начальные школы в пореформенной России были разных типов — государственные, земские, церковно-приходские, воскресные и т. д. Срок обучения в них, как правило, не превышал трех лет. Между начальным звеном образования и средними учебными заведениями не устанавливалось преемственности.

Таким образом, народная школа перестала быть явлением случайным, а сделалась постоянным, прочным учреждением в государственно-общественной жизни России.

Положением от 14 июля 1864 г. только начинался целый ряд реформ, задуманных министром народного просвещения А. В. Головниным. На очереди стояло учреждение учебных заведений для подготовки народных учителей и создание сети образцовых училищ, организация которых по проекту лежала на обязанности министерства. Однако этим широким замыслам не суждено было осуществиться. В самом начале деятельности Головнина гроза обрушилась сначала на воскресные школы и погубила их все одним взмахом пера, как уже отмечалось выше. Финал деятельности этого единственного либерального министра народного просвещения был связан с происшествием, к которому он был менее всего причастен.

4 апреля 1866 г. на Александра II было совершено покушение Каракозовым⁴⁰. Учрежденная для расследования этого дела под председательством графа М. Н. Муравьева следственная комиссия уже через несколько дней установила факты распространения среди учащейся молодежи разрушительных революционных идей. Ответственность за это была всецело возложена на министра народного просвещения и на то направление, которое он дал своему ведомству. Уже через 10 дней после покушения Головнин был уволен от занимаемой им должности, а место его занял приснопамятный граф Д. А. Толстой.

13 мая того же года особым рескриптом на имя председателя Комитета министров князя Гагарина императором было определено то направление, которое отныне должно было принять Министерство народного просвещения⁴¹. Деятельность его должна быть теперь развернута в соответствии с охранительными началами православной религии и существующего государственного строя.

Д. А. Толстой, соединивший в своем лице должность министра народного просвещения с должностью обер-прокурора Св. синода, которую он занимал ранее с 1865 г., явился ярким представителем той реакции, которая с 1866 г. одержала победу в правящих сферах. Деятельность нового министра, находившегося под влиянием М. Н. Каткова, началась с предписания попечителям учебного округа усилить бдительный надзор за состоянием частных учебных заведений, за домашними учителями и наставниками. В усилении этого надзора за просветительной деятельностью общества, во всемерном ее ограничении был весь смысл и вся задача последующей деятельности графа Д. А. Толстого.

Во всех своих действиях Д. А. Толстой не был оригинален и, несмотря на его ссылки на истинно русские начала, осуществлял по сути начала немецкой школьной системы в том виде, в каком она сложилась в эпоху самой глухой реакции середины XIX столетия. Реакция в истории прусской народной школы продолжалась с 1854 по 1870 г., в России она началась в конце 60-х годов и продолжалась до конца 90-х, т. е. почти в течение 30 лет⁴².

Одновременно с этим со второй половины 60-х годов появляются новые общественные организации — молодые земские учреждения, которым суждено было в следующие десятилетия взять в свои руки народную школу и вывести ее, наконец, на путь прогресса, ведущий к истинному просвещению.

По настоянию Д. Толстого для усиления административного контроля в начальной школе в 1869 г. была учреждена должность инспектора народных училищ.

По новому «Положению о начальных народных училищах», утвержденному Александром II 31 мая 1874 г., были реформированы училищные советы: их деятельность ограничивалась хозяйственными и административными вопросами. Руководство же всей учебной частью передавалось в руки директоров и инспекторов народных училищ, которые также несли функцию правительственного надзора за земской школой и учительством.

Положение о начальных народных училищах 1874 г., проникнутое тенденцией во что бы то ни стало ограничить самостоятельность земств в деле народного образования и передать функции заведования учебной частью исключительно в руки правительственных инспекторов, опоздало со своим появлением. Школа фактически уже переходила в руки земств.

Под влиянием все возрастающих потребностей в грамотном рабочем и крестьянине, при активном участии самого населения и земства начальная школа продолжала расти и развиваться. Так,

с 1874 по 1880 г. количество начальных школ увеличилось более чем на 25%. В 1874 г. всех школ, состоящих на учете правительства, было 22 389, а в 1880 г. — уже 28 118⁴³. Наиболее быстро росла сеть земских школ. К 1880 г. земству принадлежало 12 821 школа, что составляло 45% всех начальных школ. По свидетельству А. Титова, в земских губерниях с 1863 по 1880 г. земством было открыто 78,5% всех существующих школ⁴⁴.

30-летняя последующая борьба министерства против захвата земством первой роли в деле народного образования окончилась в 1907 г. полным поражением министерства, которое внесло в Государственную думу сначала проект о выдаче земствам и городам субсидии на введение всеобщего обучения без каких-либо ограничений их самостоятельности в этой области, а затем проект нового Положения о начальных училищах, который передает заведование и учебной частью их на местах в руки земств и городов.

Деятельность земств 60—70-х годов была началом той исторической борьбы, которую повело в лице земства русское общество за право владеть школою. Эта борьба и одержанная в ней обществом победа определили характер русской народной школы как школы общественной, а не государственной. Этим русская школа резко отличается от школы германской и французской и приближается к школе английской и особенно американской⁴⁵.

Анализ объективных данных свидетельствует, что хотя обучение в начальных школах было почти повсеместно бесплатным, расходы по содержанию детей в них (на учебники, одежду, питание и т. д.) были непосильны для беднейших слоев населения. К тому же пребывание детей в школе лишало беднейшие семьи дополнительных рабочих рук.

Неоднократные земские обследования 70—90-х годов показали, что начальная школа служила в основном зажиточным слоям крестьянства, в то время как беднота овладевала грамотностью преимущественно внешкольным путем, особенно те, кто уходил на отхожий промысел в города⁴⁶.

Самой важной причиной неграмотности большинства крестьянских детей, как отмечалось в этих обследованиях, являлась бедность «во всех ее видах и степенях».

Среднее образование Реформа средней школы стала результатом компромисса между сторонниками классического и реального образования. В период ее подготовки были использованы заключения 110 педагогических учреждений и 255 частных лиц.

19 ноября 1864 г. Александр II утвердил новый устав гимназий. Реформа провозглашала принцип общечеловеческого образования, равенства детей «всех состояний без различия звания и вероисповедания». Однако из-за высокой платы за обучение гимназическое образование было доступно детям преимущественно привилегированных и состоятельных сословий.

По уставу 1864 г. создавались семиклассные гимназии двоякого типа — классические и реальные, а также прогимназии с 4-годовалым сроком обучения.

В классических гимназиях в основу было положено преподавание древних («классических») языков — латинского и греческого.

В реальных гимназиях, взамен древних языков, увеличивался объем преподавания математики и естествознания. Оставался, правда, и латинский язык. Окончившие классические гимназии получали право поступать в университеты без экзаменов. Окончившие реальные гимназии могли поступать преимущественно в высшие технические учебные заведения. Следует заметить, что проект реформы средней школы в Государственном совете вызвал ожесточенные споры и прения между «классиками» и «реалистами». Приверженцы проекта вынуждены были пойти на две значительные уступки: 1) выбор типа гимназий в каждом отдельном случае предоставить местному начальству, 2) закрыть доступ для оканчивающих реальные гимназии на все факультеты университета. Участник этих дебатов военный министр Д. А. Милютин в своем дневнике записал: «Последняя эта уступка в особенности казалась мне прискорбною; ибо допущение в университет исключительно одних воспитанников классических гимназий, при ограниченном числе и составе специальных высших учебных заведений лишало большинство учеников реальных гимназий всякого средства получить высшее образование и обрекало эти заведения на приниженную роль и даже на неминуемый упадок»⁴⁷.

Полемика вокруг реального и классического образования не закончилась с утверждением устава 1864 г. Вскоре после его опубликования «Московские ведомости» Каткова обрушились на реальные гимназии, требуя изменения их программы, «пока устав еще не вступил в действие»⁴⁸.

Защищая реальные гимназии от нападков «Московских ведомостей», К. Д. Ушинский в то время писал: «Пусть московские педагоги выразят прямо, без всяких околичностей и полемических намеков, оговорок, чего они хотят от русского общественного образования, какое направление хотели бы дать ему, какой цели достигнуть...»⁴⁹

Но Катков уклонился от прямого ответа. Возводя в пользу классицизма целые пирамиды «педагогической» аргументации (заимствованной из реакционной немецкой педагогики), он не решился в открытой полемике провозгласить истинные политические цели ревностно отстаиваемого им классического образования, выдав их тем не менее в потоке «околичностей и полемических намеков». «Не жалуйтесь же на недостаток людей серьезных и дельных в нашем обществе... на нашу несостоятельность, на наш нигилизм. Что иное может выходить из школы, построенной на таких основаниях?» — писал Катков, обращаясь к сторонникам реальных гимназий⁵⁰.

Более откровенно политические цели классицизма были сформулированы министром внутренних дел П. А. Валуевым в поданной 26 апреля 1866 г. Александру II записке «О политических настроениях различных групп русского общества и средствах укрепления правительственной власти». «Реальное направление, — писал Валуев в этой записке, — всегда и везде более способствовало распространению материализма и грубых социалистических теорий, чем направление классическое...»⁵¹ Внедрение классицизма должно оздоровить разлагающуюся среднюю школу, где, по словам Валуева, «социальные теории заняли место наук, материализм вытеснил религию, политические стремления заменили серьезный образовательный труд»⁵².

Именно эти соображения вызвали наступление реакции на среднюю школу, начавшееся в 1866 г. после покушения Каракозова.

Председатель следственной комиссии по делу Каракозова генерал М. Н. Муравьев для «укрепления основ общественного порядка» рекомендовал «очищение» учебных заведений, искоренение в них «крамольного направления», которое, по его словам, «вместо образования полезных граждан наводняло страну разрушительными и вредными силами», воспитывало «поколение, зараженное ультрадемократизмом, социализмом, нигилизмом...»⁵³

В рескрипте Александра II от 13 мая того же года школа обвинялась в распространении «пагубных лжеучений». Радикальное преобразование школы должно было, по мнению императора, искоренить «стремления и умствования, дерзновенно посягающие на все» для России «искони священное, на религиозные верования, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение к установленным властям»⁵⁴.

Таким образом, искоренение дерзновенных «стремлений и умствований» было главной задачей реорганизации средней школы. Источник этих «стремлений и умствований» усматривался в реалистическом направлении образования.

«Нигилизм, — писал позже один из вдохновителей реакции М. Н. Катков, — как общественная язва... есть совершенно естественный продукт господствовавшей у нас школы...»⁵⁵ Такая школа в основном пополняла ту широкую прослойку разночинной интеллигенции, которая вступала в практическую жизнь, минуя высшие учебные заведения, — тот, по словам Муравьева, «недоучившийся уродливый слой, который в настоящее время обратил на себя внимание правительства»⁵⁶.

Фактически необходимость прямого административного нажима на «фальшивую» «предуниверситетскую школу», как называл ее Катков⁵⁷, была не менее важной причиной особого внимания к ней правительства. Этот нажим мыслился тем более необходимым, что средняя школа была орудием массового идеологического воздействия (в 1865 г. число учащихся

только в мужских казенных гимназиях и прогимназиях составляло 31 400, тогда как в университетах — лишь 4125)⁵⁸.

Естественно, преобразование средней школы могло служить не только средством влияния на университеты, но, как отмечал один из министров народного просвещения А. П. Николаи, и средством массового «отрезвления» русского юношества от «современного свободомыслия как религиозного, так и политического»⁵⁹. Кроме того, по мнению правящих кругов, всесословная школа являлась слишком широким каналом проникновения демократических элементов в среду привилегированных слоев. Этот канал реакция считала необходимым перекрыть. «Среднеобразовательная и высшая школы, — писал один из идеологов дворянской реакции А. Д. Пазухин⁶⁰, — дают у нас права государственной службы». «К счастью для России», была своевременно проведена охранительная контрреформа средней школы с ее спасительным классицизмом. «Но учебная реформа, — с сожалением отмечал Пазухин, — не могла значительно ослабить влияние других реформ, лишивших Россию ее исторической организации»⁶¹, т. е. сословного начала.

Легко видеть, реформа средней школы представлялась реакции центральным объектом учебных контрреформ, с помощью которой можно было бы покончить со всесословной школьной системой. С одной стороны, она должна была отвлечь от гимназии, по мнению «Журнала Министерства народного просвещения», нежелательные элементы, а именно: детей мещан, солдат и крестьян⁶², а с другой, — превратить гимназию в барьер, преграждающий доступ разночинцев в высшую школу.

«Не должно упускать из виду, — утверждал впоследствии в одном из своих «всеподданнейших» отчетов И. Д. Делянов, — что при настоящем строе общества нет возможности установить правила, по которым в университет принимались бы одни дворяне и вообще только лица, принадлежащие к высшим сословиям, а потому, чем более облегчился бы курс средних школ, тем и наплыв лиц всех сословий в университеты сделался бы сильнее»⁶³.

Перечисленные аргументы, а также многие другие обусловили приоритет средней школы в системе школьных контрреформ. В процессе реорганизации средней школы правительство приняло соответствующие меры и против других нежелательных для него нововведений 60-х годов: против расширения общественной инициативы в деле образования, коллегиальных форм управления учебным процессом через педагогические советы и т. д.⁶⁴

Главным средством их «искоренения» выступал классицизм в его административном понимании. Классицизм должен был служить тем политическим и социальным задачам, которые самодержавие возлагало на контрреформу средней школы. Предусматривалось, во-первых, предотвратить пробуждение гражданского самосознания русского юношества, во-вторых, «очистить» среднюю школу от тех, кому, как было сказано в одном

из министерских документов, «по положению и средствам родителей было бы свойственнее обучаться в уездных училищах»⁶⁵ (т. е. снова превратить среднюю школу в школу сословную), и, в-третьих, классицизм призван был стать фильтром на пути разночинной молодежи в университет.

Под руководством Д. Толстого был подготовлен новый устав гимназий, утвержденный вопреки мнению большинства Государственного совета 30 июля 1871 г.⁶⁶ По этому уставу вводились классические гимназии с восьмилетним сроком обучения (7-й класс делился на 2 года). В них на латинский и греческий языки отводилось 87 часов (41% учебного времени). В курсе древних языков главное внимание уделялось заучиванию форм латинской и греческой грамматики, письменным переводам с русского языка на древние без понимания глубины содержания, художественной выразительности языка произведений. Уменьшалось число уроков русского языка, литературы истории и географии. Физика, математика и естествознание занимали 18% учебного времени. Из-за неимения достаточного числа русских преподавателей латыни и греческого языка пришлось приглашать специалистов из-за границы (в основном, чехов), которые слабо владели русским языком.

Значительно были усилены регламентация учебного процесса, единообразие планов и программ. Вводились должности классных наставников и классных надзирателей, проводивших воспитательную работу, а также наблюдавших за благонадежностью учащихся.

Взамен упраздненных реальных гимназий в 1872 г. учреждались шестиклассные реальные училища⁶⁷. Доступ реалистам в университет был закрыт.

Изменение социального состава учащихся мужских средних школ в первые пореформенные годы в сравнении с дореформенным периодом представляет табл. 7⁶⁸.

Таблица 7

Социальный состав учащихся мужских средних и неполных средних школ Министерства народного просвещения в 1840—1870-х годах (%)

Сословные группы	Гимназии					Реальные училища		Прогимназии	
	1843	1853	1863	1874	1880	1874	1880	1874	1880
Дворяне, чиновники	78,7	79,7	73,1	57,8	52,1	55,4	45,1	42,6	36,0
Духовенство	1,7	2,3	2,8	5,6	5,1	3,6	2,6	4,7	5,8
Городские сословия	19,6	18,0	24,1	29,0	31,6	30,7	37,5	41,7	43,2
Сельские сословия				6,4	6,9	7,0	8,9	9,4	10,3
Прочие сословия				1,2	4,3	3,3	5,9	1,6	4,7

Статистика показывает: в гимназиях учились в основном дети дворян и городских сословий. Причем, в гимназиях к 1864 г., когда средняя школа была объявлена всесословной, отчетливо просматривается тенденция к сокращению среди учащихся сословий «дворянского и служащего» (с 1853 по 1863 г. от 79,7% до 73,1%), тогда как раньше численность этих сословий в средней школе постоянно возрастала (в 1843 г. процент их к числу учеников гимназий составлял 78,7).

В 1874 г. в классических гимназиях дети дворян и чиновников составляли 57,8%, духовенства 5,6, городских сословий 29, крестьян — 6,4, прочих 1,2%.

В реальных училищах наблюдался заметный рост городских сословий. В прогимназиях, являвшихся не только низшим звеном средней школы, но и самостоятельными учебными заведениями, уже в 1880 г. удельный вес учеников из городских сословий заметно превышал долю дворян и чиновников (43,2% против 36,0%).

Прогимназии давали законченный курс образования, достаточный для поступления на гражданскую службу, что привлекало учащихся «низших» сословий. Однако выхода в высшую школу они не давали и потому не пользовались спросом у привилегированных слоев населения.

Реформа Д. А. Толстого о преобладании классической школы вызвала антипатии и раздражение большей части русского общества.

В период великих реформ второй половины XIX в. в России появляются открытые женские учебные заведения для всех сословий — 6-7-годичные и 3-годичные. В утвержденном 30 мая 1858 г. «Положении о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения» указывалось, что эти учебные заведения должны были содержаться преимущественно на средства общественности, благотворительных организаций и частных лиц, получая денежные субсидии от правительства лишь в отдельных случаях⁶⁹.

10 ноября 1862 г. был утвержден устав женских гимназий, по которому учреждались гимназии (также семилетние) для девушек, однако с более сокращенной по сравнению с мужскими гимназиями программой преподавания общеобразовательных дисциплин. С учреждением женских гимназий, прогимназий и духовных училищ, среднее женское образование перестало быть привилегией девиц только высших слоев общества. Оно стало доступно всем.

Однако эти новые веяния в образовании вскоре были пресечены рядом правительственных мер. В 1862 г. уволен К. Д. Ушинский, много сделавший для изменения программ обучения на посту инспектора Смольного института. В 1867 г. отстранен от заведования гимназиями И. А. Вышнеградский⁷⁰, по проекту которого в 1858 г. в Петербурге было создано первое бессослов-

ное 7-классное женское училище (Мариинское) и несколько бессословных гимназий Министерства народного просвещения (по Положению 1870 г. они имели 7 основных и 8-й педагогический класс).

К концу XIX в. имелись 142 женские гимназии Министерства народного просвещения (в том числе 28 частных и 29 мариинских).

Численность всех начальных и средних школ, училищ и гимназий в России составляла в 1856 г. 8227, в 1880 г. — 22 700 и в 1896 г. — 78 700, а число учащихся в них насчитывалось в 1856 г. 450 тыс. человек, в 1880 г. — 1141 тыс. и в 1895 г. — 3801 тыс.⁷¹.

Высшее образование

С началом царствования Александра II было обращено внимание и на убийственно униженное и задавленное положение университетов.

Снимается запрет с публичных диспутов, восстанавливаются связи с зарубежными университетами. Посылка профессоров за границу, приостановленная в 1848 г., возобновилась с 1856 г. Формально отменяются ограничения в приеме в университеты, разрешается поступать лицам с домашним образованием и из низших сословий. Инспектор потерял власть над студентами за стенами университета (1858), где им разрешено было носить партикулярное платье. В 1861 г. форма была отменена совсем⁷².

Под непосредственным влиянием студенческих волнений в 1861 г. правительство приступило к разработке реформы высшей школы. Созданная для этой цели специальная комиссия в декабре 1861 г. подготовила проект университетского устава, опубликованный и разосланный для отзывов во все университеты страны, губернаторам, предводителям дворянства и высшим духовным лицам. Переведенный даже на европейские языки проект устава был послан видным иностранным ученым. Затем этот проект длительное время проходил обсуждение в различных инстанциях, после чего уже в пятой редакции он был утвержден 18 июня 1863 г. Александром II и получил силу закона⁷³.

Устав 1863 г. предоставлял университетам довольно широкую автономию. Совет университета получал право самостоятельно решать все научные, учебные и административно-финансовые вопросы: присуждать ученые степени и звания, распределять государственные средства по факультетам, разделять сами факультеты на отделения, заменять одни кафедры другими, отправлять молодых ученых для стажировки за границу.

Руководство жизнью факультетов принадлежало факультетским советам. Устав предусматривал выборность ректора, проректора, деканов и профессоров с последующим утверждением их в должности министром народного просвещения.

Преподаватели в университете разделялись на профессоров ординарных (штатных) и экстраординарных (внештатных), доцентов, приват-доцентов (внештатных) и лекторов. Никто не мог стать профессором, не имея степени доктора по разряду наук, соответствующих кафедре, доцентом — не имея степени магистра. Содержание профессоров было значительно увеличено и доведено ординарному профессору до 3 тыс. руб., экстраординарному до 2,5 тыс. руб. и штатному доценту до 1,5 тыс. руб. в год. Плата за слушание лекций была определена с каждого студента: в столичных университетах по 50 руб., а в прочих — по 40 руб. ежегодно. Малообеспеченным студентам разрешено было давать отсрочки, уменьшать плату наполовину и даже совсем освобождать их от нее⁷⁴.

Однако студенты по уставу 1863 г. не получали корпоративных прав и подлежали дисциплинарному суду, избираемому из состава профессоров университетским советом.

Действие университетского устава распространялось на 6 университетов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Киевский и на открытый в 1865 г. в Одессе Новороссийский университет. Дерптский и Гельсингфорсский университеты имели свои уставы.

Устав 1863 г. разрешал университетам иметь пять факультетов: физико-математический, медицинский, юридический, историко-филологический и факультет восточных языков. В действительности в каждом университете было не более четырех факультетов.

Восточный факультет существовал только в Петербургском университете, но в нем не было медицинского. Новороссийский университет имел всего три факультета — физико-математический, юридический и историко-филологический.

К концу XIX в. число университетов России достигло 10. В 1869 г. был открыт Варшавский, а в 1888 г. в Томске — Сибирский. Численность студентов возросла с 5,5 тыс. в 1860 г. до 16,5 тыс. в 1899 г., более половины этого числа студентов приходилось на Московский и Петербургский университеты.

С 60-х годов наблюдался значительный подъем научной деятельности университетов: создавались научные общества, проводились съезды, расширялось издание научных трудов. Отечественная научная литература получала все большее признание зарубежных ученых⁷⁵. Представители университетов России участвовали в работе международных съездов физиков, ботаников, зоологов, историков, юристов, ориенталистов и др. В ряде университетов возникли оригинальные школы физиков, химиков, математиков, историков, правоведов, филологов. Прогрессивная профессура обеспечивала высокий научный уровень преподавания. В Московском университете работали такие выдающиеся деятели отечественной науки, как А. Г. Столетов, Н. А. Умов, Ф. А. Бредихин, И. М. Сеченов, С. М.

Соловьев, В. О. Ключевский, С. А. Муромцев, М. М. Ковалевский.

В Петербургском университете в пореформенное время преподавали Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, А. Н. Бекетов, П. Л. Чебышев, И. И. Срезневский, В. В. Докучаев, А. С. Фаминцын, В. И. Семевский.

В Казанском университете протекала деятельность П. Ф. Лесгафта, Н. Н. Зинина, В. В. Марковникова⁷⁶.

Важно подчеркнуть, что в 60—90-х годах произошли качественные изменения в университетском преподавании. Наряду с расширением и углублением учебных курсов выросло число специальных дисциплин. В соответствии с уставом 1863 г. на всех факультетах университетов число кафедр увеличилось с 13 до 19, совершенствовалась специализация кафедр. Из преподавания были изъяты фехтование, музыка, рисование — атрибуты чисто дворянского образования. Вводились новые дисциплины: на историко-филологических факультетах создавались кафедры теории и истории искусств, истории всеобщей литературы; на юридических — кафедры истории русского права, истории важнейших иностранных законодательств, истории славянских законодательств; на физико-математических — кафедра механики; на медицинских — кафедры эмбриологии, гистологии, сравнительной анатомии.

За университетскими волнениями 1869 г. начались репрессии, имевшие своей целью ограничить «самовластие» университетов. Совет университета снова был подчинен попечителю и министру, в 1874 г. состоялось решение о пересмотре университетского устава, для чего в апреле следующего года была создана специальная комиссия под председательством И. Д. Делянова.

Одним из первых результатов деятельности этой комиссии были утвержденные в 1879 г. новые правила для студентов и инструкция для инспекции, резко сокращавшая сферу влияния профессорской коллегии. Однако, несмотря на усилия, реакции не удалось незамедлительно, как ей хотелось, провести эти меры в жизнь. Проект нового университетского устава, представленный Д. А. Толстым в Государственный совет в феврале 1880 г., в то время не получил дальнейшего хода. Два месяца спустя Толстой был уволен и назначен А. А. Сабуров (1880—1881)⁷⁷. Чтобы успокоить начавшиеся университетские волнения, которые принимали все более и более грозный характер, новый министр решил вернуться к уставу 1863 г. и уделил особое внимание организации студенчества. Но ему не удалось довести дело до конца, и он вышел в отставку.

В 1867 г. по инициативе Д. А. Толстого стали приниматься меры к ограничению числа учащихся высших учебных заведений. Изменение социального состава студенчества можно представить по данным университетской статистики, которые показывает табл. 8⁷⁸.

Социальный состав студентов университетов
во второй половине XIX в. (%)

Сословные группы	1855 г.	1863 г.	1880 г.	1888 г.	1895 г.
Дворяне, чиновники	65,3	64,6	46,6	47,8	45,4
Духовенство	31,5	8,3	23,4	9,3	4,9
Городские сословия		23,5	21,5	42,9	40,9
Сельские сословия	1,0	1,6	3,3		
Прочие сословия	2,2	2,0	5,2		2,0

Из таблицы видно, что состав студентов университетов резко изменился в 60—70-х годах, чему немало способствовал буржуазный по своему характеру университетский устав 1863 г. В 80-х годах в связи с началом дворянской реакции и с введением нового устава 1884 г. процесс демократизации студенчества явно задерживается. На короткое время удельный вес сословий дворян и чиновников среди студентов несколько возрос, но вскоре доминирующая тенденция общественного развития смела искусственно насаждавшиеся правительством препятствия, и доля дворян в студенчестве вновь понизилась.

Крутое снижение процента представителей духовного сословия в университетах в 80—90-х годах объясняется правительственными мерами, заграждавшими семинаристам доступ в университет.

20 марта 1879 г. правительство запретило воспитанникам духовных семинарий поступать в университет и другие высшие учебные заведения «без выдержания предварительного испытания зрелости»⁷⁹ в гимназиях Министерства народного просвещения, ибо курс духовных семинарий после гимназической реформы 1871 г. стал значительно ниже курса гимназий. В то же время семинаристы допускались в историко-филологические институты, что объяснялось острой нуждой классических гимназий, насаждавшихся правительством, в преподавателях древних языков. Состав студентов высших специальных учебных заведений был менее привилегированным.

Специалистов для промышленности готовили Горный (с 1866 г.) и Практический технологический (Практический с 1828 г., Технологический с 1896 г.) институты в Петербурге, Московское техническое училище (с 1868 г.), Харьковский Практический технологический институт (с 1885 г.). Россия испытывала явный недостаток в инженерах с высшим образованием. В 1895 г. среди 27 132 заведующих фабричными и заводскими предприятиями только 2076 человек, т. е. 8%, имели техническое образование, причем четвертую часть из них составляли иностранцы⁸⁰. Лишь на исходе XIX в. открылись политехнические институты в Томске (1896 г.), Киеве и Варшаве в 1898 г. и в других городах.

В отличие от университетов, подчиненных Министерству народного просвещения, руководство высшей технической школой осуществлялось несколькими ведомствами — внутренних дел, земледелия и государственных имуществ, народного просвещения, путей сообщения. Существовавшая децентрализация руководства приводила к отсутствию единой системы в подготовке технических кадров. У технических вузов не было единого устава, весьма разнообразны были их структура и организация работы.

Специалистов по железнодорожному транспорту в Петербурге готовил Институт корпуса инженеров путей сообщения, основанный в 1809 г. До 1864 г. он был закрытым учебным заведением с военной организацией, с 1864 г. стал гражданским институтом⁸¹. Специалисты по гражданскому строительству с 1832 г. в Петербурге готовило училище гражданских инженеров, с 1865 г. перешедшее в ведомство Министерства внутренних дел. В 1882 г. училище было преобразовано в Институт гражданских инженеров.

Центром художественной жизни России, воспитания национальных художественных кадров, архитекторов являлась Академия художеств, открытая в Петербурге еще в 1758 г. и находившаяся в ведении Министерства императорского двора⁸².

Развитие технических средств связи повлекло за собой открытие в 1886 г. в Петербурге Технического училища почтово-телеграфного ведомства (в 1891 г. реорганизовано в Электротехнический институт).

Отличительной особенностью большинства высших технических заведений была их многопрофильность. Обычно они имели четыре отделения: механическое, химическое инженерно-строительное и экономическое. С 1862 г. еще более широкий набор специальностей давал Рижский политехникум, готовивший специалистов в области промышленности, сельского хозяйства и архитектуры. Преподавание в нем до 1896 г. велось на немецком языке. В 1896 г. Рижский политехникум был преобразован в полноправное высшее учебное заведение с преподаванием на русском языке.

В крупнейших высших технических учебных заведениях пореформенной России научные коллективы вели исследовательскую работу в различных отраслях науки и техники. Так, Московское высшее техническое училище к концу столетия становится признанным центром отечественного машиностроения. А. И. Сидоров и П. К. Худяков закладывают здесь основы русской школы машиностроителей⁸³.

Питомником сельскохозяйственного образования в пореформенный период была Петровская земледельческая и лесная академия, созданная в 1865 г. по инициативе Московского общества сельских хозяев и преобразованная в 1873 г. в высшее учебное заведение. Здесь организовали образцовую ферму, опытное поле,

ботанический сад, пасеку, оранжерею, лаборатории, многочисленные учебные кабинеты. В академии трудились такие видные ученые, как К. А. Тимирязев и И. А. Стебут. Научную школу зоотехников основали П. Н. Кулешов и М. И. Придорогин. Родоначальником школы биологического почвоведения стал В. Р. Вильямс. Организация лесного дела в России и создание науки о лесоводстве связаны с именами ученых академии М. К. Турского и Н. С. Нестерова⁸⁴.

В 1873 г. открываются ветеринарные институты в Дерпте, Казани, Харькове, в 1889 г. — в Варшаве, приравненные по положению к университетам. Центрами музыкального образования являлись Петербургская (1862) и Московская (1866) консерватории, находившиеся в ведении Министерства внутренних дел⁸⁵. В них сложились традиции музыкального образования, творческие и педагогические школы. В Петербургской консерватории преподавателями были выдающиеся музыканты и педагоги А. Г. Рубинштейн, Н. И. Заремба, М. П. Азанчевский, К. Ю. Давыдов, Н. А. Римский-Корсаков, в Московской — Н. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский, С. И. Танеев, А. С. Аренский и др. Преподавание распределялось по отделам — оркестровому, пения, теории композиции, органа.

Учебный процесс в высшей школе во второй половине XIX в. постоянно совершенствовался. Фундаментальные перемены в социально-экономической жизни страны привели к изменениям методов преподавания и организации учебного процесса. Увеличивались сроки обучения. Вместо трехлетнего повсеместно устанавливался четырехлетний курс обучения. В университетах традиционно сохранялась семестровая система обучения. На каждый семестр отрабатывался обязательный учебный план, который предусматривал четкую последовательность в овладении знаниями. Студенты обязывались сдавать по предметам полукурсовые (за семестр) и курсовые (переводные) экзамены. К тому же, в каждом семестре студент должен был изучить не менее двух дополнительных предметов по личному выбору с обязательной сдачей по ним экзаменов.

По уставу 1884 г. курсовые экзамены были заменены зачетами, которые рассматривались как дополнительная мера контроля за студенческой подготовкой⁸⁶. Со временем в вузах нашла применение более эффективная система проверки знаний студентов, сочетавшая экзамены и зачеты.

Высшие женские курсы

В обстановке общественного подъема конца 50-х годов XIX в. был поднят вопрос о высшем женском образовании.

С 1859 г. женщин допускали в качестве вольнослушательниц к посещению лекций в университетах.

В 1861 г. в связи с пересмотром университетского устава Министерство народного просвещения поставило на обсуждение

вопрос об официальном «допущении» женщин к занятиям в университете и о предоставлении им права подвергаться испытанию на ученые степени. Большинство университетов высказалось «за». Против выступили только Московский и Дерптский университеты. Объясняя свою точку зрения, совет Московского университета утверждал, что «совместное со студентами слушание профессорских лекций лицами женского пола» не должно быть допустимо ни под какими предлогами потому, что оно может иметь «вредное влияние на успешный ход занятий молодых людей»⁸⁷.

Последующее обсуждение данного вопроса в министерских кругах было безуспешным. Участие слушательниц высших учебных заведений в студенческих волнениях 1861 г. послужило поводом для окончательного отказа женщинам в праве поступать в университеты, что затем было закреплено университетским уставом 1863 г.

Не имея возможности получить высшее образование на родине, русские женщины вынуждены были поступать в университеты за рубежом. В числе их были Надежда Сулова, первая русская женщина-врач, получившая звание доктора медицины, хирургии и акушерства, Софья Ковалевская, выдающийся математик, доктор философии и первая женщина член-корреспондент Петербургской АН (1889).

Ежегодно росло число русских женщин в зарубежных университетах. Так, в Цюрихском университете в 1871—1872 гг. из 31 слушательницы 21 была из России, а в 1873 г. число русских студенток в Цюрихском университете и Политехнической школе увеличилось уже до 108⁸⁸.

Обеспокоенный массовым отъездом женщин за границу, Петербург вынужден был задуматься об организации специальных женских курсов университетского типа. Под влиянием передовой общественности (А. Н. Бекетов, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов) в 1869 г. были открыты Аларчинские курсы в Петербурге и Лубянские в Москве, в 1870 г. — Владимирские высшие курсы для мужчин и женщин в Петербурге. В 1872 г. была создана правительственная комиссия для изучения вопроса о высшем женском образовании, установившая необходимость учредить высшие женские учебные заведения⁸⁹.

В 1872 г. появились Высшие женские курсы профессора В. И. Герье⁹⁰ в Москве. В 70-е гг. высшие женские курсы были организованы в Казани, Киеве, Одессе. Особенно большую роль в развитии женского образования в России сыграли Бестужевские курсы, открытые в Петербурге по инициативе группы прогрессивной интеллигенции во главе с профессором А. Н. Бекетовым. Названы по имени профессора русской истории К. Н. Бестужева-Рюмина⁹¹, возглавлявшего курсы в 1878—1882 гг. Вместе с тем правительство принимало меры к женщинам, обучавшимся за границей. В мае 1873 г. всем женщинам, занимавшимся в

Цюрихском университете и политехникуме (более 100 человек), было предложено возвратиться в Россию до 1 января 1874 г.

Активное участие курсисток в революционном и студенческом движении вызвало соответствующую реакцию правительства. 12 мая 1886 г. последовало запрещение приема на все Высшие женские курсы⁹². В начале 900-х годов они вновь были разрешены. После Октябрьской революции Высшие женские курсы частично закрыты, частично преобразованы и вошли в состав единой высшей школы.

Краткие выводы

Ликвидация крепостного права и быстрый рост промышленного капитализма впервые вызвали к жизни массовую народную школу, для развития которой раньше крепостное право являлось непреодолимым препятствием.

При Александре II в России создается совершенно новая организация всего дела народного образования. В создании ее важную роль сыграла общественность.

Наиболее распространенным типом начальной школы в то время были земские школы. За первые 10 лет существования земских учреждений (1864—1874) было открыто до 10 тыс. таких школ.

Область средней и высшей школы во второй половине XIX в. характеризуется дальнейшим развитием профессионального обучения, развивающегося параллельно с общеобразовательной школой (гимназиями и университетами), и женского образования.

Эволюция школы в рассматриваемый период шла по трем основным направлениям: преобразование существовавших учебных заведений (в основном средних и высших), создание новых звеньев учебных заведений (народные школы, средние женские, педагогические и профессионально-технические учебные заведения) и строительство школы в национальных районах.

Итогом этого развития явилось создание многопрофильной школьной системы. Не все компоненты функционировали успешно, не было между ними устойчивой связи, многие элементы еще предстояло только создать. Но при всем том это была весьма широкая и относительно массовая школьная система, которой ранее не было в России.

В рассматриваемый период наблюдается быстрый рост высших учебных заведений, в том числе женских. К концу XIX в. в России насчитывалось 63 высших учебных заведения, в которых обучалось около 30 тыс. студентов.

Существенные качественные изменения школьной системы и значительный количественный рост учебных заведений различных типов стали возможны только благодаря тому, что социально-экономические сдвиги, происходившие в стране, во многом заставили правительство пересмотреть степень и характер своего

участия в делах школы. И главное, эти сдвиги привели в действие новый мощный фактор развития школы — общественно-педагогическое движение.

Начиная с 60-х годов впервые в истории России социально-педагогические проблемы, как и многие другие проблемы того времени, стали предметом широкого общественного обсуждения. И не только обсуждения — общественного творчества.

Передовая интеллигенция энергично участвовала в подготовке преобразований школы, выступала инициатором создания ее новых звеньев, нейтрализовала многие реакционные мероприятия правительства, учреждала просветительские общества и организации, впервые в России создавала педагогическую прессу.

Важнейшим фактором развития школы была русская педагогическая наука. С деятельности К. Д. Ушинского в истории русской педагогики начинается качественно новый этап — русская педагогика вышла из донаучной стадии и впервые поднялась до уровня науки. Его «Педагогическая антропология» открывала новые, магистральные пути развития мировой педагогики. Усилиями К. Д. Ушинского и его последователей отставание русской педагогики было преодолено. Она выдвинулась на передовые рубежи мировой педагогической науки и получила всеобщее признание.

Бурное развитие педагогической науки было одним из ярких проявлений невиданного в истории России расцвета культуры во второй половине XIX в.

Различные области культуры и знания выдвигали в этот период своих деятелей, олицетворявших бесчисленные грани национального гения и обогащавших сокровищницу мировой культуры.

Труды И. М. Сеченова, Д. И. Менделеева, А. М. Бутлерева, П. П. Семенова-Тян-Шанского, С. М. Соловьева и многих других знаменовали собой крупный вклад в развитие мировой науки.

За 25 лет царствования Александра II с 1855 по 1880 г. расходы государства на народное просвещение выросли с 3 до 16,5 млн. руб.⁹³.

Несмотря на сравнительно быстрый рост народного образования в пореформенной России, к концу XIX в. подавляющее большинство населения продолжало оставаться неграмотным. По переписи 1897 г. удельный вес грамотных людей составлял всего 22,3% населения страны (к 1917 г. он повысился до 31,9%)⁹⁴.

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ

Военные преобразования Александра II, совершенно изменившие облик армии, явились лишь одной из составных частей всех реформ Царя-Освободителя¹.

А. А. Керсновский

1. Армия на пороге преобразований

В царствование Александра II коренной реорганизации подверглась вся военная система России.

Неудачи в Крымской войне были тяжелым оскорблением для народного самолюбия и заставили глубже отнестись к их причинам.

Стали очевидными многие слабые стороны как во внутренней организации войска, так и несовершенство всей системы Военного и Морского министерств. Подготовка офицерского состава была крайне низкой. Образованные офицеры в армии составляли исключение. 60%, а в некоторых частях и до 80% являлись недоучками среднеучебных заведений, имевшими за плечами уездные училища или кантонистскую школу, просто домашнее образование или выслужившимися из нижнего звания. Образованные офицеры служили в основном в гвардии, которая после события 14 декабря 1825 г. находилась под особым надзором Николая I. Значительная часть офицеров чванилась своим мундиром, с утра до ночи играла в карты, проводила время в попойках и кутежах. Обучение солдат в большинстве случаев лежало на фельдфебелях и унтер-офицерах, применявших жестокие наказания и истязания. Офицеры на это явление смотрели снисходительно. Суровая военная дисциплина грозила солдату ежедневно розгами, плетью, а то и прогнанием сквозь строй. Шпирутены в 3000 ударов были обычным делом. Такая жизнь для человека, отданного в солдаты, тянулась по закону 25 лет.

На службу рекрутов набирали по шести человек с тысячи. Причем можно было ставить за себя охотника — человека, нанятого для того за деньги. Заметим, что рекрутская повинность со второй половины XVIII столетия лежала исключительно на мещанах и крестьянах. Они не только отбывали ее натурой, но обязаны были также нести с отправлением рекрутства расходы, составлявшие около 5 миллионов рублей в год². Помещики имели право отдавать на военную службу крепостных в наказание за преступления и проступки. Так же, как они ссылали своих крепостных в Сибирь, отправляли для на-

казания в съезжий дом (помещение при полиции для арестованных) или гноили в тюрьмах.

Снаряжение солдат было тяжелым и неудобным. Вооружение никуда не годилось. Гладкоствольные ружья подходили только для рукопашных схваток, а в стрельбе были бессильны против нарезного оружия, что и было одной из главных причин многих неудач в сражениях с «союзниками». Штыковой рукопашный бой русских войск не имел себе равного. Но прежде чем атакующее подразделение достигало противника, оно несло большие потери от его огня.

Уже в июне 1855 г. на имя Александра II поступили две записки от одного из лучших боевых генералов времен Николая I графа Ф. В. Ридигера³, в которых он подверг критике существующую военную систему, указал ряд причин неудач русской армии и мероприятия для их устранения⁴.

Обе записки были одобрены императором и 20 июня 1855 г. создается специальная «Комиссия для улучшения по военной части» под руководством Ридигера, а после его смерти — генерала Н. Ф. Плаутина⁵. Однако всякого рода «новшества» воспринимались негативно со стороны военного министра князя В. А. Долгорукова, человека бездарного и ограниченного.

Вскоре после заключения Парижского мира на пост военного министра вступил генерал-лейтенант Н. О. Сухозанет, о невежественности и безграмотности которого сочинялись анекдоты.

Тем не менее за 5 лет пребывания на посту министра он принял ряд существенных мер. По прежним законам взятый в солдаты молодой человек отрывался от семьи на 25 лет службы, а по выходе в отставку возвращался в семью «чужим и измученным стариком, ненужным и запоздалым гостем»⁶, зачастую не имея ни кола, ни двора, т. е. ни крова, ни средств к жизни. Солдатские дети брались в военные кантонисты и потомственно предназначались для военной службы».

Высочайшим указом 25 декабря 1856 г. все солдатские дети были исключены из военного ведомства и обращены в свободные податные сословия. Этой мерой, как уже отмечалось, Александр II возвратил в семейства около 400 тысяч солдатских детей, получивших при этом гражданские права свободных людей.

В 1857 г. окончательно были отменены военные поселения, введенные с 1810 г. В 1859 г. обязательный срок службы в сухопутных войсках был сокращен до 15, а во флоте до 14 лет.

Численность армии вместе с ополчением, составлявшая на 1 января 1856 г. 2275 тыс. человек, была сокращена в течение года до 850 тыс. Ополчение распущено. На ¼ уменьшился призыв рекрутов, сократились тягостные для народа квартирные и постоянные повинности⁷. Однако для проведения необходимых коренных преобразований Сухозанет был непригоден.

Важные реформы начались в армии после назначения военным министром 9 ноября 1861 г. генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютина, видного общественного и государственного деятеля, высокообразованного человека, примыкавшего к кругу либеральной бюрократии, близкого к великому князю Константину Николаевичу и великой княгине Елене Павловне. «Едва ли можно было найти для преобразования военной части лицо, — писал позже А. Ф. Кони, — к которому с большим правом можно было применить английскую поговорку о «настоящем человеке на настоящем месте»⁸.

2. Подготовка и проведение военных реформ

Программа деятельности С первых шагов на своей высокой должности Д. А. Милютин показал себя решительным, убежденным и стойким поборником обновления России в духе тех начал справедливости и равенства, которыми отмечена эпоха великих реформ второй половины XIX века.

«С назначением меня военным министром, — писал Милютин, — я счел своей обязанностью немедленно же заняться составлением общей программы предстоявшей мне деятельности... Составление такой программы потребовало всестороннего пересмотра и обсуждения всех частей нашего военного устройства»⁹.

К подготовке этой обширной программы фактически было привлечено все министерство.

Непосредственными помощниками Милютина в этом деле стали профессора Николаевской академии полковники В. М. Аничков и Н. Н. Обручев, дежурный генерал Главного штаба, а с 1866 г. его начальник Ф. Л. Гейден, директор канцелярии Военного министерства генерал К. П. Кауфман¹⁰ и др.

На регулярно проводимых совещаниях под руководством Милютина тщательно обсуждались различные вопросы намечавшихся преобразований. «Он один в России, — говорит о нем Б. Н. Чичерин, — мог совершить то великое дело, которое тогда предстояло: преобразовать русскую армию из крепостной в свободную, приноровить ее к отношениям и потребностям обновленного общества; при радикально изменившихся условиях жизни, не лишая ее, однако, тех высоких качеств, которые отметили ее при прежнем устройстве»¹¹. Для разработки наиболее важных проблем создавались особые комиссии. В результате общая программа военных преобразований была готова менее чем в два месяца и 15 января 1862 г. представлена Александру II в виде всеподданнейшего доклада, состоявшего из 10 разделов по основным направлениям военного дела. Этот доклад, утвержденный императором в конце января, стал программой практических действий Милютина. Он охватывал буквально все области воен-

ного управления и организации армии, ее комплектование, вооружение, обучение и воспитание и др.

Главным принципом новой организации вооруженных сил Милютин считал: «развивать в наибольшей соразмерности боевые силы в военное время при наименьшем числе наличных войск в мирное время»¹².

Именно такая потребность возникла в ходе Крымской войны. Для решения поставленной задачи в империи был создан так называемый запас людей, знакомых с военным делом, которых в любое время можно было призвать в армию.

За счет сокращения сроков военной службы численность армии была уменьшена с 1132 тыс. человек в 1864 г.¹³ до 742 тыс. в 1867 г. Части были переведены на сокращенные штаты мирного времени, значительно возрос обученный запас.

Реорганизация управления

Одной из первых реформ явилась реорганизация центрального военного управления и создание мест-

ных органов управления в виде военных округов.

Военное министерство к началу реорганизации, по словам Милютина, представляло собой «орган неудобств, проволочек и пререканий»¹⁴. Оно включало в себя ряд департаментов. Так, Генеральный штаб занимался вопросами размещения войск, разработкой дислокационных карт. Инспекторский департамент ведал личным составом и внутренним устройством войск, исключая артиллерийские и инженерные части, не подчинявшиеся военному министру. Провиантский департамент осуществлял снабжение армии; комиссариатский ведал денежным и вещевым снабжением войск, организацией госпиталей и их обеспечением.

Медицинским и ветеринарным обслуживанием занимался медицинский департамент. Военно-судебные дела находились в компетенции аудиторiatского департамента.

Артиллерийский и инженерный департаменты ведали лишь хозяйственными вопросами. Общее же руководство артиллерийскими и инженерными войсками осуществляли соответственно генерал-фельдцейхмейстер и генерал-инспектор инженерных войск. Эти должности традиционно предназначались великим князьям, которые не подчинялись военному министру и имели право непосредственного доклада царю.

Подготовка военных кадров была в руках главного начальника военно-учебных заведений, также независимо от военного министра.

Д. А. Милютин стремился к тому, «чтобы привести все здание в стройный вид и упростить весь сложный механизм его, а для этого признано было полезным слить вместе части, однородные по кругу действий, и уничтожить лишние наросты, которые в течение времени образовались более или менее случайно, без всякого плана»¹⁵.

В 1863 г. состоялась реорганизация департамента Генерального штаба, который стал называться Главным управлением Генерального штаба. Однако это преобразование оказалось недостаточным, и приказом по военному ведомству 31 декабря 1865 г. Главное управление Генерального штаба и инспекторский департамент были объединены в одно управление — Главный штаб, который находился в составе министерства до 1905 г. В его компетенцию входили вопросы управления войсками в мирное и военное время, состава армии, комплектования, мобилизации, дислокации, устройства, образования, военной разведки, военно-научной работы и другие. Начальник Главного штаба назначался императором, был первым помощником и заместителем военного министра и возглавлял Генштаб. Ему подчинялись Академия Генштаба и Фельдъегерский корпус¹⁶.

1 января 1869 г. Александр II утвердил новое «Положение о Военном министерстве»¹⁷, в котором верховное начальство над всеми сухопутными силами империи сосредоточивалось в особе государя-императора.

Военное министерство по новой структуре состояло из Императорской Главной квартиры и Военно-походной канцелярии его величества, Военного совета, Главного военного суда, Канцелярии Военного министерства, Главного штаба, 7 главных управлений (вместо отдельных департаментов) — интендантского, артиллерийского, инженерного, военно-медицинского, военно-учебных заведений, иррегулярных войск, военно-судного. В состав министерства вошли также Военно-ученый комитет, управления генерал-инспектора кавалерии, инспектора стрелковых батальонов и комитета о раненых. При Военном совете было образовано 5 главных комитетов: военно-кодификационный, по устройству и образованию войск, военно-учебный, военно-госпитальный и военно-тюремный. К Военному министерству был причислен также главный священник армии и флота.

Реформы, начатые в 60-х гг., коснулись и Генерального штаба. Основная цель преобразования его состояла в том, чтобы Генеральный штаб охватил все отрасли штабной службы. В 1864 г. был упразднен гвардейский Генеральный штаб.

Ранее служба офицеров, причисленных к Генеральному штабу, не давала им преимуществ. Самое большее, на что могли рассчитывать генштабисты, — это должность обер-квартирмейстера корпуса. В большинстве же случаев они назначались дивизионными квартирмейстерами (обер-офицерская должность, на которую допускались сначала подполковники, а затем полковники). Офицеры Генерального штаба были оторваны от войск и не могли претендовать на высшие должности в армии. Переход их в строевые части, где оклады были выше, представлял определенные трудности.

Ввиду этого желающих служить в Генеральном штабе становилось все меньше. Необходимо было изменить ситуацию.

В 1865 г. вышло «Положение для Генерального штаба», дававшее право причисленным к нему офицерам занимать должности, не только относящиеся по штату к Генеральному штабу.

По Положению устанавливалось правило: прежде чем получить назначение командиром полка, необходимо не менее года командовать отдельными частями. Это, с одной стороны, приближало к войскам, а с другой, — давало более широкую возможность продвижения по службе.

В свою очередь предъявлялись повышенные требования к подготовке офицеров Генерального штаба.

Д. А. Милютин добился уравнивания в чинах между гвардейскими и армейскими офицерами, причисленными к Генеральному штабу.

После некоторого колебания Александр II утвердил представление военного министра о том, чтобы все офицеры Генерального штаба, при каких бы войсках они ни состояли, имели одну общую линию производства, одинаковую градацию чинов и носили одинаковый мундир.

Такие меры подняли значение офицера Генерального штаба, увеличилось количество желающих служить в нем, а армия, в свою очередь, получила высокообразованных офицеров в области военного дела.

Одновременно с преобразованием в центральном военном управлении проходила и реорганизация местного военного управления.

В период 1862—1867 г.г. была осуществлена военно-окружная реформа. Целью ее было устранить главный недостаток существовавшей в то время системы военного управления — чрезмерной централизации, сковывающей инициативу и самостоятельность руководства на местах в решении даже мелких вопросов. Приказом военного министра Д. А. Милютина от 6 июля 1862 г. в виде опыта в августе того же года были созданы Варшавский, Виленский, Киевский, в декабре 1862 г. Одесский и в 1864 г. Рижский военные округа¹⁸.

Практические результаты создания этих первых четырех военных округов полностью подтвердили целесообразность применения в России территориальной системы военного управления. 6 августа 1864 г. Александр II утвердил «Положение о военно-окружных управлениях», наиболее активную роль в составлении которого играли граф Гейден, тайный советник Устрялов, полковники Обручев, Якимович и Аничков. «Этим пяти лицам, — писал Милютин в своих «Воспоминаниях», — считаю я себя наиболее обязанным удачным осуществлением давнишней моей мысли о военных округах»¹⁹.

В августе 1864 г. были образованы Казанский, Московский, Петербургский, Харьковский и Финляндский, в 1865 г. — Восточно-Сибирский, Западно-Сибирский, Кавказский и Оренбургский, в 1867 г. — Туркестанский военные округа. Таким

образом вся территория империи была разделена на 15 военных округов (кроме Области войска Донского, которая находилась на особом положении). Во главе округа стоял командующий войсками (он же генерал-губернатор).

Каждый военный округ являлся одновременно органом строевого управления и органом военно-административного устройства, сосредоточивая в своих руках все функции военного управления.

Учреждение военных округов устранило многие неудобства, тянувшиеся долгие годы. При существовавших ранее порядках по каждому отделу военного хозяйства — инженерному, артиллерийскому, комиссариатскому, провиантскому и т. д. — имелись специальные округа, обладавшие на местах незначительной властью и утверждавшие всякие мелочи в столице.

Полномочия командующего округом позволили устранить существовавшую раньше волокиту, несогласованность и споры между строевыми начальниками и хозяйственными инстанциями.

Вместе с задачами децентрализации военного управления и создания условий для оперативного развертывания частей во время войны на командующих округов возлагалось содействие гражданским властям «для сохранения порядка в крае».

В случае войны штаб округа автоматически становился штабом действующей армии.

Между тем эти преобразования встретили яростное сопротивление со стороны ряда военных деятелей. В частности, А. И. Барятинский²⁰, великий князь Николай Николаевич (старший), А. Н. Лидерс, М. Н. и Н. Н. Муравьевы выступали против введения военно-окружной системы. Они считали, что такая система приведет к подчинению «общих стратегических соображений» интересам военных округов, а в случае оборонительной войны — к кордонной стратегии.

Тем не менее в результате проведенных преобразований в 1862—1869 г. система управления значительно приблизилась к войскам. В ведении Военного министерства остались лишь те вопросы управления, которые имели значение для всей армии. Аппарат Военного министерства сократился почти на тысячу человек, а канцелярская переписка уменьшилась на 45%²¹.

Сроки мобилизации армии были сокращены с 6 месяцев в 1859 г. до 9—26 дней в 1877 г. Вопросы, связанные с обороной страны, в целом решались временно создаваемыми комитетами, которые согласовывали их между Военным и Морским министерствами. В 1868 г. было утверждено новое «Положение о полевом управлении войск в военное время», позволившее устранить многие недостатки прежней организации. Оно уточняло функции главнокомандующего, освобождало его от руководства второстепенными административными вопросами и более четко определяло обязанности начальников отдельных управлений. Вместе с тем недостаточно разработан был вопрос об устройстве

тыла армии, что проявилось вскоре в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гт.

В начале 1873 г. Александр II учредил под своим личным руководством Особое совещание о стратегическом положении России и об организации армии²².

Военно-судебная реформа Для подготовки военно-судебной реформы в конце 1862 г. была создана комиссия из представителей военного и морского ведомств под председательством генерал-адъютанта Н. А. Крыжановского²³.

Разработанный этой комиссией проект основных положений военно-уголовного судопроизводства в конце 1863 г. был рассмотрен в особом совещании под председательством генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича и в ноябре 1865 г. утвержден царем.

В течение полутора лет до мая 1867 г. разрабатывался и обсуждался военно-судебный устав. 15 мая 1867 г. устав был утвержден Александром II и получил силу закона²⁴. В том же году введено «Положение о военно-исправительных ротах».

Главный смысл военно-судебной реформы заключался в создании постоянных военно-судебных органов в соответствии с новой структурой армии и введении современных правил военного судоустройства и судопроизводства.

Ее основы строились на началах судебной реформы 1864 г. и Военно-судебного устава 1867 г., на принципах гласности и состязательности военного суда, на отказе от порочной системы телесных наказаний. Устанавливались три судебных инстанции: полковой, военно-окружной и Главный военный суды. Полковые суды назначались командирами частей и состояли из председателя и двух членов. В их ведении находились дела рядовых и унтер-офицеров. Предварительное следствие в этих судах не проводилось, а защитник не полагался. Приговор утверждался командиром полка. Военно-окружные суды рассматривали дела офицеров и особо важные дела рядовых и унтер-офицеров. В их состав входили председатель, постоянные и временные члены. Председатель и постоянные члены суда назначались военным министром, а временные — командующим войсками военного округа сроком на 4 месяца. Аналогичным был состав и Главного военного суда (открыт в 1868 г.) с той лишь разницей, что временные члены этого суда назначались лично императором из генералов столичного гарнизона. На флоте, соответственно, вводились экипажные, военно-морские суды (при главных портах) и Главный военно-морской суд. Определялся также порядок действия военно-полевых судов в условиях военного времени.

Согласно военно-судебной реформе суды признавались независимыми от административных органов, учреждались должности следователя и военного прокурора, формально отменялись

сословные привилегии подсудимых, устанавливался порядок обжалования приговоров. Составной частью военно-судебной реформы стал воинский устав о наказаниях, утвержденный 5 мая 1868 г. По этому уставу вводились два вида наказаний — уголовные и исправительные²⁵.

Военно-полевому суду могли быть преданы не только военно-служащие, но и гражданские лица, если они находились на территории, объявленной на военном положении. Это могло быть использовано и против революционного движения.

В 1875 г. был утвержден новый Воинский устав о наказаниях, а в 1879 г. — новый Дисциплинарный устав. Новые судебные учреждения вводились постепенно с 1867 по 1889 г.

Военно-судебная реформа встретила негативное отношение со стороны реакционной части генералитета и офицерства. Например, генерал-майор М. И. Чертков в своей записке, написанной им за несколько месяцев до окончательного утверждения проекта военно-судного устава, указывал, что «проводимые в проекте начала положительно опасны и могут потрясти дисциплину, субординацию и единство в войске»²⁶.

Главным недостатком проекта он считал предоставление излишней самостоятельности военным судам.

Для подготовки кадров военных юристов в 1867 г. в Петербурге была создана Военно-юридическая академия²⁷. Большую роль в организации и деятельности академии сыграл Д. А. Милютин, ставший ее почетным президентом. Аудиторское училище, готовившее гражданских чиновников-юристов для службы в военно-судебном ведомстве, было преобразовано в 1869 г. в Высшее военно-юридическое училище. Оно просуществовало до 1878 г. Военно-юридическая академия была закрыта приказом по военному ведомству от 18 декабря 1917 г.

Объективный анализ свидетельствует, что военно-судебная реформа, наряду с целым рядом шагов вперед, введением принципов буржуазного судопроизводства, содержала и черты феодального права. Военные суды во многом еще сохраняли зависимость от военного начальства, что лишало их должной самостоятельности²⁸.

Перестройка комплектования армии

Милютин сумел доказать Александру II всю несправедливость сословной воинской повинности и необходимость отмены ее. Ведь воинскую повинность раньше несло только податное сословие, т. е. крестьяне и мещане. Однако, чтобы убедить царя ввести всеобщую воинскую повинность, потребовалось немало времени. Сначала по инициативе Милютина в 1862 г. была создана особая комиссия по пересмотру рекрутского устава под председательством члена Государственного совета Н. И. Бахтина²⁹. В состав этой комиссии вошел ряд представителей Военного министерства во главе с генералом

Ф. Л. Гейденом. Работа комиссии продвигалась чрезвычайно медленно.

Идея равенства всех сословий для несения этой тягчайшей воинской повинности нашла себе непримиримых противников среди тех слоев общества, на которые она до сих пор не распространялась. Крепостники всеми силами сопротивлялись всеобщей воинской повинности, которая заставила бы «благородное» дворянство отбывать ее наравне «с мужичьем».

Особенно усердствовали фельдмаршал А. И. Барятинский, шеф жандармов П. А. Шувалов, «всесторонний консерватор» Д. А. Толстой, военный писатель и публицист генерал Р. А. Фадеев³⁰. Прибегнув к поддержке М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева, они поощряли выступления в печати противников военных реформ, превратно истолковывая и порицая готовящиеся нововведения.

Наиболее сильным нападкам подвергалось намерение ликвидировать устаревшую рекрутскую систему комплектования армии.

Реакционные деятели и публицисты, ссылаясь на манифест о вольности дворянства, отстаивали свою сословную неприкосновенность. Шувалов, например, предлагал держать образованную молодежь в армии «отдельно от войска».

Даже купцы негодовали на то, что нельзя будет откупаться деньгами от рекрутчины. В результате этого реформа, задуманная в 1862 г. Милютиным, которого поддерживал великий князь Константин Николаевич, была проведена только в 1874 г. Сильным толчком к этому послужила франко-прусская война 1870 г. Пруссия, имея общую воинскую повинность, лучше устроенную армию, более развитых солдат, разгромила Францию.

7 ноября 1870 г. военный министр представил записку «О главных основаниях личной военной повинности»³¹, одобренную императором. Через 10 дней для разработки предложенных мер «высочайшим повелением» были созданы две комиссии: одна — по уставу о воинской повинности, другая по вопросу о запасных, местных, резервных войсках и государственном ополчении. Председателем обеих комиссий был назначен начальник Главного штаба генерал Ф. Л. Гейден. Общее руководство их работой возглавил Д. А. Милютин. Комиссия о воинской повинности была подобрана из представителей различных министерств и ведомств. На ее заседания приглашались представители не только высшей бюрократии, но и разных сословий и отдельных групп населения.

Для более квалифицированной подготовки различных глав устава комиссия была разделена на 4 отдела. Первый отдел разрабатывал вопрос о сроках службы и льготах по отбыванию воинской повинности, второй — о возрасте призываемых на службу, третий — о денежных расходах по призыву, четвертый — о вольноопределяющихся и о военной замене.

Другая, так называемая Организационная комиссия, приступила к работе в начале января 1871 г. Она состояла в основном из военных и подразделялась на 9 отделов: 1) об организации пехотных частей, служащих кадрами для формирования в военное время резервных и запасных войск; 2) об артиллерийских и инженерных частях; 3) о кадрах гвардейских частей; 4) о кадрах кавалерии; 5) о порядке счисления и призыва чинов запаса; 6) об интендантских и артиллерийских запасах и обозах; 7) о казачьих войсках; 8) об иррегулярных милициях; 9) о государственном ополчении³². В конце 1872 г. Организационная комиссия была значительно усилена за счет введения в ее состав нескольких командующих военными округами.

Представляют определенный интерес обсуждавшиеся на заседании этой комиссии проблемы, связанные с возможностью применения в России территориальной системы. Как справедливо отмечает в своем исследовании М. Н. Осипова, эти вопросы вновь приобретают актуальность в связи с проводимыми в армии реформами³³.

Напомним, территориальная система комплектования предусматривает пополнение войск личным составом за счет призывных контингентов, проживающих вблизи мест дислокации воинских частей.

Такая система облегчает отправку призывников в свои части, сокращает сопряженные с этим расходы, позволяет привлекать военнообязанных на учебные сборы с минимальным отрывом от производительного труда и проводить от мобилизацию войск в наиболее короткие сроки. Вместе с тем эта система при недостатке численности призывников в районах дислокации воинских частей затрудняет их укомплектование необходимыми специалистами. Имеются и другие изъяны.

Организационная комиссия, признав невозможность полного применения в России территориальной системы, единодушно пришла к выводу: «В устройстве армии применить из начал территориальной системы только то, что по условиям нашего отечества может быть с пользой применено, сохраняя возможность перемещения и сосредоточения войск, но допуская постоянное, из определенных районов, комплектование каждой части армии в мирное время и пополнение ее до военного состава, при приведении на военное положение...»³⁴

Исходя из этого, было решено по проекту Главного штаба разделить всю Европейскую Россию на участки комплектования (на территории одного или нескольких уездов). Каждый участок должен был обеспечить комплектование не менее одного пехотного полка, одного отдельного батальона, двух батарей артиллерии, одного эскадрона кавалерии³⁵.

По завершении работы комиссии о воинской повинности Д. А. Милютин 19 января 1873 г. представил в Государственный совет обширную записку, подробно освещавшую ход ее деятельности. В

качестве приложения к записке были представлены проекты Устава о воинской повинности и Положения о государственном ополчении. При обсуждении проекта всеобщей воинской повинности в Государственном совете развернулась ожесточенная и непримиримая борьба. Некоторые из членов совета считали эту реформу преждевременной, другие требовали привилегий для дворянства.

Наконец 1 января 1874 г. закон о воинской повинности был утвержден Александром II³⁶. По принятому положению воинской повинности подлежали все без исключения лица мужского пола в возрасте 21—40 лет.

В «общих основаниях» сказано, что «защита отечества составляет священную обязанность каждого русского гражданина».

Нанимать за себя охотников или откупаться деньгами было запрещено. Все достигшие 20 лет обязаны приписаться к своему призывному участку и вынуть жребий. Лица, вынувшие номер, влекущий к зачислению на службу, поступали в ряды войск, а прочие освобождались раз и навсегда от обязанности поступления на службу, но до 40 лет зачислялись в государственное ополчение.

Установление обязательной воинской повинности, во-первых, возвысило звание воина, а во-вторых, привлекло в ряды армии значительное число лиц, принадлежащих к высшим сословиям и вообще получивших образование, тогда как по действовавшим законам таковые лица прежде освобождались от рекрутской повинности.

«Милютин обратил дело защиты родины, — писал А. Ф. Кони, — из суровой тяготы для многих в высокий долг для всех и из единичного несчастья в общую обязанность»³⁷.

Общий срок службы по новому закону устанавливался в 15 лет, из них 6 лет на действительной службе и 9 лет в запасе, на флоте — 10 лет, из которых 7 приходилось на действительную службу и 3 года — в запасе. Лица, окончившие учебные заведения, могли поступать вольноопределяющимися на сокращенные сроки службы. Для имеющих высшее образование срок службы устанавливался в 6 месяцев (14 лет в запасе), для призывников с начальным образованием — 4 года (в запасе 11 лет). Допускались отсрочки до окончания образования и сокращение срока действительной службы.

В 1876 г. срок действительной службы был сокращен до 5 лет, позже он неоднократно изменялся — то сокращался (до 3-4 лет), то увеличивался (до 5 лет).

От военной службы освобождались только лица, имеющие физические недостатки. Льготы устанавливались также и по семейному положению: не призывались единственные сыновья и единственные кормильцы семьи. По уставу запрещались замена и найм.

В принципе обучения солдат предусматривалось, что сила государства не в одной численности войск, но и в нравственных и умственных качествах этого войска.

В армии стали развивать солдат, обучать, возвышать нравственно. Были ограничены телесные наказания и кулачная расправа. Новый закон имел большое значение и для повышения народного образования.

В рескрипте Александра II, оценивавшем заслуги Д. А. Милютина, говорилось: «Проникнутый горячей заботливостью о пользе армии и общем благе государства, вы стремились во внесенном вами в Государственный совет проекте к приумножению не только материальной, но преимущественно нравственной силы войска, а в то же время не упустили из виду необходимости ограждения других важных интересов: быта семейного, промышленности, торговли и искусств, а в особенности просвещения во всех его степенях»³⁸.

Новый закон оказал влияние и на состав армии, сделав ее более молодой, вследствие сокращения срока действительной службы, и однородною, по возрасту нижних чинов.

Введение всесословной воинской повинности позволило увеличить численность армии, создать обученный резерв до 550 тыс. человек, необходимый для развертывания армии в военное время, а также способствовало превращению вооруженных сил России в массовую современную армию.

В государственное ополчение должны были зачисляться лица, не проходившие вовсе военной службы, а также и выслужившие положенное число лет (действительной службы и запаса). Предельный возраст пребывания в ополчении устанавливался в 40 лет. Позже он был увеличен до 43 лет.

Вместе с тем закон не был до конца последователен. Значительная часть «инородческого» населения устранялась от воинской повинности (уроженцы Средней Азии, Казахстана, некоторые народности Крайнего Севера). Освобождались от призыва лица духовного звания, меннониты, отдельные группы колонистов, деятели науки и искусства.

Данные, показывающие призывы в течение первых семи лет после принятия закона о всесословной воинской повинности, представлены в табл. 9³⁹.

Таблица 9

Годы	Внесено в призывные списки	Освобождено по семейному положению	Освобождено по предъявлению зачетной квитанции	Предоставлена отсрочка по образованию	Предоставлена отсрочка по имущественному положению	Призвано в ряды армии
1874	724 648	369 570	935	1752	310	150 000
1875	693 367	353 990	747	1904	276	180 000
1876	677 096	348 298	842	2239	291	196 000
1877	689 825	349 975	756	2545	277	218 000

Годы	Внесено в призывные списки	Освобождено по семейному положению	Освобождено по предъявлению зачетной квитанции	Предоставлена отсрочка по образованию	Предоставлена отсрочка по имущественному положению	Призвано в ряды армии
1878	758 750	399 492	750	2616	311	218 000
1879	774 661	401 962	556	2626	214	218 000
1880	808 683	422 136	516	2780	195	235 000

Из приведенных данных видно, что процент призываемых, получавших льготы по семейному положению, составлял в среднем 51,5%.

Лица, освобожденные от службы по зачетным квитанциям, не насчитывали даже 0,01%. Следует заметить, что зачетные квитанции продавались правительством по числу вступивших в ряды армии охотников⁴⁰, а также выдавались как отдельным семьям, так и обществам: 1) за ратников, которые остались на военной службе или умерли, находясь в ополчении; 2) за сданных в рекруты сверх набора и т. д.

Характерно, что с каждым годом увеличивалось число лиц, которым были предоставлены отсрочки по образованию.

Перевооружение армии

Перевооружение армии происходило в несколько этапов и окончательно завершилось в 70-х годах. Примерно до 1867 г. проводилась замена гладкоствольного оружия нарезным, заряжающимся с дула, затем вводилось нарезное оружие, заряжающееся с казенной части.

По высочайшему повелению 15 марта 1869 г. на Военное министерство была возложена задача в кратчайший срок перевооружить армию скорострельными ружьями⁴¹.

На смену нарезного, заряжающегося с дула ружья, пришло заряжающееся с казенной части сначала системы Крынка (Кренке-Гогенбург — австрийский оружейный мастер, изобретатель в области стрелкового оружия. Винтовка Крынка обладала наибольшим прицелом на 600 шагов и заряжалась с казенной части), затем Карле (изобретатель в области стрелкового оружия, винтовка его системы отличалась скорострельностью и прочностью устройства) и, наконец, берданка (однозарядная винтовка калибра 4,2 линии — 10,67 мм). Разработана она командированными в США русскими инженерами полковником А. П. Горловым и капитаном К. И. Гуниусом при содействии американского полковника Х. Бердана. Создана под патрон с металлической гильзой, заряжалась с казенной части, имела откидной затвор. В конце 60-х годов она была принята на вооружение русской армии под названием «малокалиберная стрелковая винтовка образца 1868 года системы Бердана № 1». В США ее справедливо назвали «русской винтовкой».

В 1870 г. на вооружение был принят усовершенствованный образец берданки со скользящим затвором (система Бердана № 2). Имелись 3 типа этой винтовки (пехотная, драгунская и казачья), а также карабин, различавшиеся длиной, массой и незначительными изменениями конструкции. Пехотная берданка имела дальность стрельбы 1100 метров и скорострельность до 8 выстрелов в минуту.

В кампанию 1877—1878 гг. все три типа ружья (Крынка, Карле и Бердана) находились на вооружении русских войск.

На 1 января 1877 г. наличие стрелкового оружия в русской армии выражалось табл. 10⁴².

Таблица 10

На 1 января 1877 г	На вооруже- нии	В запасе
Пехотных винтовок Карле	150 868	51 096
Пехотных винтовок Крынка	372 700	192 866
Драгунских винтовок (6 лин сист. Крынка)	40 597	2 658
Стрелковых винтовок образца 1858 г (т. наз. Бердана № 1)	17 810	10 104
Малокалиберных пехотных винтовок (Бердана № 2)	253 152	103 616
Малокалиберных карабинов	12 102	6 388
Малокалиберных драгунских винтовок	2 352	7 648
Малокалиберных казачьих винтовок	60 000	10 000
Револьверов Смита и Вессона	70 275	6 490

Особенно интересно, как было распределено это стрелковое оружие. Из имевшихся 48 пехотных дивизий 27 были вооружены винтовками системы Крынка, 16 — новыми малокалиберными винтовками и 5 дивизий из числа расположенных на Кавказе — игольчатыми винтовками системы Карле.

Стрелковые батальоны были оснащены скорострельными малокалиберными винтовками образца 1868 г. (так назыв. Бердана № 1). На вооружении войск отдаленных округов (Туркестанского и двух Сибирских) находились винтовки системы Карле. Драгунские полки обеспечивались винтовками системы Крынка и только некоторые полки были вооружены малокалиберными драгунскими винтовками. Гусарские и уланские полки с 1875 г. снабжались малокалиберными кавалерийскими карабинами. Наконец, в казачьи полки поставлялись малокалиберные казачьи винтовки.

Итак, к началу русско-турецкой войны в 1877 г. только третья часть всей пехоты была вооружена малокалиберными винтовками, большая же часть ее обеспечивалась ружьями системы Крынка⁴³.

Пистолеты в войсках повсеместно заменялись револьверами системы Смита-Вессона, образца 1871, 1874 и 1880 гг.

Соответственно с новыми требованиями к вооружению преобразовывалась отечественная военная промышленность. В первую очередь была перестроена деятельность Тульского, Ижевского и Сестрорецкого оружейных заводов. Военные заводы подверглись коренной технологической реконструкции. Потребовалось создание новых промышленных предприятий и производств. Было проложено несколько стратегических железных дорог к западным границам и на юг. В 1870 г. созданы специальные железнодорожные войска.

Для перевооружения артиллерии чрезвычайно важное значение имело создание Обуховского и Пермского сталепушечных заводов, а также достижения русских ученых и инженеров П. М. Обухова, Н. В. Калакуцкого, А. С. Лаврова, Н. В. Маиевского, Д. К. Чернова, И. А. Вышнеградского⁴⁴ и др.

Так, благодаря открытию П. М. Обухова в России впервые в мире стали создаваться стволы орудий из литой стали. В результате в 60-х годах Россия наряду с Германией превратилась в монополиста по производству стальных орудий. Тем не менее в условиях общей экономической отсталости полностью преодолеть зависимость русской армии от зарубежных поставок не удалось.

В полевой артиллерии в 1866 г. установлены, как образцы орудий стальные пушки 9-ти и 4-х фунтовые, а в 1870 г. введены скорострельные орудия. В осадной артиллерии вместо гладкоствольных орудий учреждены нарезные, а вместо медных — стальные.

Большая работа по перевооружению артиллерии проведена под непосредственным руководством генерала А. А. Баранцова⁴⁵.

Началась перестройка крепостей по плану, составленному генералом Э. И. Тотлебенем. Однако она не была закончена из-за недостатка средств.

Переход к новому вооружению поощрял развитие военной теории. В это время появились работы крупных военных теоретиков Д. А. Милютина, Г. А. Леера, М. И. Драгомирова⁴⁶ и других. Труды их по вопросам стратегии, тактики и военной истории оказали большое влияние как на ход самих военных реформ, так и на развитие военного искусства во II половине XIX в.

**Изменения
в боевой выучке**

Переооружение армии внесло существенные коррективы и в боевую подготовку. Ставилась задача

учить войска лишь тому, что необходимо на войне. Был издан ряд новых уставов, наставлений и учебных пособий.

Например, в Воинском уставе о строевой и пехотной службе 1862 г. много внимания уделялось одиночному обучению. В 1863 г. был введен Дисциплинарный устав и издан специальный приказ по обучению рекрутов, в котором предписывалось обучать их упражнению с ружьем, заряджению и стрельбе, правилам рассыпного и шереножного строя при непременною условии со-

знательного усвоения. Серьезное значение придавалось обучению стрельбе в цель, строевой и огневой подготовке, применению к местности, саперному делу.

С начала 70-х годов как тактические учения, так и стрельбы артиллерии начинают проводиться в обстановке, приближенной к боевым условиям. В целях доведения искусства «цельной» стрельбы полевой артиллерии «до возможной степени совершенства» вводилась новая программа практических стрельб, увеличивались денежные поощрения — призы наводчикам за отличную стрельбу. При проведении боевых стрельб практиковалась смена прислуги и лафетов у орудий, вызывались запасные наводчики, менялись лошади в упряжках и т. п.⁴⁷

Для подготовки кавалерии к пробегам на большие расстояния совершались ускоренные марш-маневры на дальние дистанции.

Значительно было усилено физическое воспитание солдат. В войсках преподавали гимнастику и фехтование, создавались гимнастические городки, сооружались различные укрепления, которые солдаты учились штурмовать. Больше заботы проявлялось о повышении грамотности среди солдат. Издавались специальные солдатские журналы, открывались ротные и полковые библиотеки. В военных академиях, а также в крупных центрах дислокации войск в определенные дни для всех желающих практиковались лекции по различным вопросам военных знаний. Наряду с этим в тактической подготовке войск сохранялись отдельные старые принципы (сомкнутый строй, недостаточное использование возможностей новых видов вооружения: скорострельности, стрельбы на дальние дистанции, по закрытым целям). Отпуск снарядов для стрельбы был крайне ограничен. По-прежнему игнорировалась стрельба с коня и действия в пешем строю. Кавалерия была слабо подготовлена к несению разведывательной службы.

Перемены в подготовке военных кадров

Для улучшения подготовки офицерского корпуса в середине 60-х годов была проведена реформа во-

енно-учебных заведений, где после смерти генерал-адъютанта Ростовцева главным начальником в 1860—1862 гг. стал великий князь Михаил Николаевич. В соответствии с потребностями было уменьшено число этих заведений и улучшено качество обучения в них.

Общее образование было отделено от специального, расширен доступ лицам недворянского происхождения. В 1863 г. в составе Военного министерства создано Главное управление военно-учебных заведений, возглавил которое Н. В. Исаков⁴⁸, ставший непосредственным руководителем реформы военного образования. Управление, заменившее Главный штаб его императорского величества по военно-учебным заведениям, ведало всеми военно-учебными заведениями, кроме специальных (академии, ар-

тиллерийские, инженерные и другие военно-учебные заведения), которые находились в ведении соответствующих управлений и Главного штаба. Для согласования деятельности всех военно-учебных заведений Военного министерства был учрежден Главный военно-учебный комитет.

В 1862 г. офицерские классы Морского корпуса преобразовали в Академический курс морских наук. В 1863—1866 гг. 12 кадетских корпусов заменили военными гимназиями (со временем их число увеличилось)⁴⁹. Военные гимназии являлись средними учебными заведениями военного ведомства типа реальных училищ. Они готовили воспитанников к поступлению в военные училища. Курс обучения был 6-летний, с 1874 г. — 7-летний. В 1863 г. созданы новые военные училища. Для подготовки пехотных, кавалерийских и казачьих офицеров с 1864 г. ввели юнкерские училища со сроком обучения 2 года, в которые принимались юноши, окончившие средние учебные заведения⁵⁰.

С 1876 г. в военные учебные заведения стали приниматься лица из всех сословий. Несмотря на это, большая часть юнкеров была из дворян, а в некоторых привилегированных училищах обучались почти исключительно дворяне⁵¹.

Вновь введенный порядок производства в офицеры предусматривал обязательное окончание курса юнкерского училища или сдачу при нем установленного экзамена.

В 1868 г. для обеспечения контингента юнкерских училищ 8 военно-начальных школ были реорганизованы в военные прогимназии.

Реформа затронула и высшие учебные заведения — академии. В них пересматривались учебные планы и программы.

Помимо существовавших Николаевской академии Генерального штаба, Николаевской инженерной, Михайловской артиллерийской и Медико-хирургической академий, в 1867 г., как отмечалось выше, открылась Александровская военно-юридическая академия.

Следует подчеркнуть, что в Артиллерийской академии работали известные ученые — профессор баллистики Н. В. Маиевский, профессор технологии А. В. Гадолин, выдающийся математик П. Л. Чебышев⁵². Высокий научный авторитет завоевала в 60—70-х годах Медико-хирургическая академия, ставшая центром передовой медицинской мысли в России. Серьезные преобразования в ней были связаны с именами президента академии профессора хирургии П. А. Дубовицкого и ученого секретаря известного химика Н. Н. Зимины. При академии были организованы научные институты — анатомо-физиологический, естественно-исторический, а также крупный клинический госпиталь. В числе профессоров академии были выдающиеся русские ученые С. П. Боткин и И. М. Сеченов⁵³.

В 1872 г. при академии открылись первые в России женские курсы ученых акушеров, где слушательницы получали высшее медицинское образование. В 1877 г. на базе Академического курса морских наук была создана Морская академия.

Всего к 1880 г. в числе военно-учебных заведений значилось: 6 военных академий, 6 военных училищ, 18 военных гимназий, 16 юнкерских училищ, 8 прогимназий, Пажеский и Финляндский корпуса со специальными классами, приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища и Морской корпус.

Реформа военно-учебных заведений позволила значительно уменьшить некомплект офицеров и поднять уровень их подготовки.

Обновление иррегулярных войск

постоянной организации или отличавшиеся от регулярных войск системой комплектования, прохождения службы и др. В России в XVIII—начале XX вв. — казачьи войска и др.).

Весомые преобразования распространились и на иррегулярные войска (войска, не имевшие единой и постоянной организации или отличавшиеся от регулярных войск системой комплектования, прохождения службы и др. В России в XVIII—начале XX вв. — казачьи войска и др.).

К началу 1871 г. в ведении Военного министерства состояли следующие казачьи войска: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское; Енисейский и Иркутский конные полки и три казачьи пешие команды⁵⁴.

Изданы новые положения о воинской повинности и военной службе казаков. Казаки получили новое оружие. Казачьи части, бывшие на действительной службе, поставлены в равные условия с регулярными войсками. В первую очередь преобразования проведены в шести казачьих войсках: Донском, Уральском, Оренбургском, Семиреченском, Забайкальском и Амурском. Новый устав о воинской повинности позже был введен в четырех казачьих войсках: Кубанском, Терском, Астраханском и Сибирском.

Некоторые преобразования коснулись и так называемых инородческих войск. К началу 1871 г. на службе состояли следующие части: лейб-гвардии Кавказский эскадрон Собственного Его Величества конвоя, Дагестанский и Кутаисский конно-иррегулярные полки, милиция; Дагестанская, Терская, Андийская и Кубанская, Грузинская пешая дружина и Гурийская пешая сотня. Во всех этих частях состояло на службе по спискам 131 офицер и 5612 нижних чинов. Для новобранцев из крымских татар и башкир Оренбургской губернии были в 1874 г. образованы Крымский, Татарский и Башкирский эскадроны, вскоре переформированные в дивизионы. С декабря 1876 г. по распоряжению главнокомандующего Кавказской армией началось формирование новых инородческих частей на Кавказе⁵⁵.

Значение военных реформ

Военные реформы 1861—1874 годов имели большое прогрессивное значение. Практически они затронули все области военного дела.

Преобразование Военного министерства и образование военных округов не только создали единство управления и ликви-

ровали излишнюю централизацию, но и обеспечивали более высокую оперативность руководства, самостоятельность частных начальников. Существенные изменения проведены в вооружении армии. Произведена замена гладкоствольного оружия нарезным и скорострельным. Введены винтовки Бердана для пехоты, кавалерии и казачьих войск.

Артиллерийский парк заменялся новыми системами орудий, началось строительство парового военного флота.

Серьезные перемены произошли в области боевой подготовки войск. Введен ряд новых уставов, наставлений и учебных пособий, где хотя и не всегда последовательно проводились новые тактические принципы.

Изменения в обучении войск ставили задачей учить солдат лишь тому, что необходимо на войне. Новые формы ведения боя, связанные с изменением вооружения войск, требовали развития личной инициативы и грамотности солдата.

Была перестроена система подготовки офицерских кадров. Кадетские корпуса преобразованы в военные гимназии, учреждены военные училища, пересмотрены программы и курсы военных академий. Создание юнкерских училищ открыло доступ в офицерский корпус лицам недворянского происхождения.

Военные реформы завершились введением всеобщей воинской повинности, что значительно повысило боевые и мобилизационные возможности армии.

Военные реформы проводились под руководством Д. А. Милютин при непосредственной поддержке Александра II. Большую роль в подготовке и осуществлении реформ сыграли великий князь Константин Николаевич, ближайшие помощники Милютина: А. А. Баранцов, Ф. Л. Гейден, Н. В. Исаков, Н. Н. Обручев, Э. И. Тотлебен.

В результате реформ армия превратилась в массовую армию современного типа. Окрепла и повысилась ее боеспособность, что сыграло свою роль в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Некоторые мероприятия по реорганизации армии вышли за пределы военного ведомства. Они способствовали развитию отечественной железнодорожной сети, которая значительно подняла мобилизационную готовность страны. Льготы по длительности службы в армии явились также дополнительным стимулом для распространения народного образования. Вместе с тем «начатые реформы, — как отмечал сам Д. А. Милютин, — остались недоконченными, они даже были парализованы, искажены последующими правительственными мерами...»⁵⁶. В армии сохранялись многие крепостнические пережитки: протекционизм, кастовость офицерского состава, бесправие солдат.

Предисловие

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 219, к. 95, ед. хр. 62, л. 1.

² См.: *Зайончковский П. А.* Александр II // Советская историческая энциклопедия. Т. 1, М., 1961, с. 362.

³ См.: *Ковальченко И. Д.* Консерватизм, либерализм и радикализм в России в период подготовки крестьянской реформы 1861 года // Отечественная история. 1994. № 2, с. 3.

Источники

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 1—55. СПб., 1830—1884; Собрание законов Российской Империи. Т. 30—45 (за годы 1855—1870). СПб., 1856—1874.

² *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1—15. СПб., 1874—1909.

³ Российское законодательство X—XX вв. Т. 6. М., 1988; Отчеты по делопроизводству Государственного совета /т. 1—38/, СПб., 1870—1906; Сборник решений Правительствующего сената, составленный по высочайшему повелению. Т. I. СПб., 1864; т. II, СПб., 1865 и др.; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Александра II. (1855—1881). Тома III—VII. СПб., 1865—1885 и др.

⁴ Обзор царствования государя императора Александра II и его реформ. 1855—1871. СПб., 1871.

⁵ Годы учения императора Александра II // Сборник Императорского Русского исторического общества. XXX и XXXI. СПб., 1880—1881.

⁶ Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. (Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах) / Пер. с арабского А. М. Барабанова. М.; Л., 1941.

⁷ *Дараган П. М.* Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817—1819. СПб., 1875;

Гримм А. Т. Императрица Александра Федоровна // Отечественные записки. 1866. Т. 166, 167 и 168. № 12—18.

⁸ Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826—1834 // Русская старина. 1885, № 2—6.

⁹ Александра Федоровна, имп. Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях / Пер. с фр. В. В. Тимошук // Русская старина. 1896, т. 88, № 10.

¹⁰ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853—1855. М., 1990.

- ¹¹ *Анненкова А. К.* Воспоминания А. К. Анненковой, рожденной Мердер // Наш современник. 1915. № 2, 3 и 4;
- Фредерикс М. П.* // Исторический вестник. СПб., 1898, № 1—5.
- ¹² *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. Часть первая (1850—1865 гг.). СПб., 1897; Часть вторая (1865—1881 гг.). СПб., 1898.
- ¹³ *Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. 1861—1876 гг. Т. 1—2. М., 1961; Дневник 1847—1860 гг. // Русская старина. 1891. № I—II; Дневник 1877—1884. Пг., 1919.
- ¹⁴ *Милютин Д. А.* Дневник (1873—1882 гг.). Т. 1—4. М., 1947—1950.
- ¹⁵ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3: Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849—1894). Берлин, 1923.
- ¹⁶ *Перетц Е. А.* Дневник (1880—1883). М.; Л., 1927.
- ¹⁷ *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. (1826—1877 гг.). М., 1955—1956.
- ¹⁸ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929.
- ¹⁹ *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. 1860—1870. М., 1992.
- ²⁰ *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем (под ред. М. К. Лемке). Т. XXI. Пг. 1925, с. 88—89.
- ²¹ *Кони А. Ф.* На жизненном пути. Т. 1—5, СПб., 1912—1929; Воспоминания о деле Веры Засулич. // Избранные произведения. М., 1956.
- ²² *Муравьев М. Н.* Записки об управлении Северо-западным краем и об усмирении в нем мятежа 1863—1866 гг. // Русская старина. 1882, т. 36, № 11, 12; 1883, т. 37, № 1, 2, 3; т. 38, № 4, 5; 1884, т. 42, № 6;
- Мосолов А. Н.* Виленские очерки 1863—1865 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898;
- Черевин П. А.* Воспоминания П. А. Черевина. 1863—1865. Кострома, 1920;
- Арсеньев И. А.* Варшава в 1861 году. (Из памятной книжки) // Исторический вестник. 1886, т. 26, № 12, с. 513—536;
- Дельвиг А. И.* Мои воспоминания. М., 1912—1913. Т. 1—4.
- ²³ *Венюков М. И.* Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПб., 1868;
- Игнатъев Н. П.* Записки графа Н. П. Игнатъева // Исторический вестник. 1914. Т. 135—137 /январь-июль/;
- Костенко Л. Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г. СПб., 1871;
- Кошелев А. И.* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы). Берлин, 1884;
- Татаринов А.* Семимесячный плен в Бухарии. СПб., 1867;
- Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1948;
- Северцов Н. А.* Путешествия по Туркестанскому краю. М., 1947;
- Федченко А. П.* Путешествие в Туркестан. СПб.; М., 1875,
- Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
- ²⁴ *Гагарин П. Д.* Воспоминания о фельдмаршале князе А. И. Барятинском. Со слов кн. Гагарина. Записано А. П. Мальшанским // Русский вестник. 1888, т. 197, № 7;
- Муравьев Н. Н.* Война за Кавказом в 55 г. СПб., 1876;
- Ольшевский М. Я.* Император Александр Николаевич на Западном Кавказе в 1861 г. // Русская старина. 1884, т. XLII;

Назаров П. Воспоминания о степном походе в ханства Хиву и Бухару // Военный сборник. 1864, № 4;

Сярковский Г. Воспоминания офицера о туркестанских походах 1864—1865 гг. // Военный сборник. 1891, № 2—3;

Васильчиков В. И. Воспоминание об очищении Севастополя // Русь. 1880, № 2;

Паренсов П. Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. Т. 1. СПб., 1901;

Газенкамф М. Мой дневник. 1877—1878 гг. 2-е изд. СПб., 1908.

²⁵ *Чичагов Л. М.* Дневник пребывания царя-освободителя в Дунайской армии в 1877 году. СПб., 1885;

Соллогуб В. Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 году. СПб., 1878.

²⁶ *Герцен А. И.* Сочинения: В 4 томах. Т. 1—3. М., 1988.

²⁷ *Гюго В.* Собрание сочинений. М., 1956, Т. XI. С. 766.

²⁸ *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1990.

²⁹ См.: Русский архив. 1887. Кн. 1 и 2.

³⁰ *Аксаков И. С.* в его письмах. Т. 3, ч. 2. СПб., 1896;

Меньков П. Записки. Сборник статей. СПб., 1898, с. 291—368.

Литература

¹ *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1903, с. XVIII.

² *Корнилов А.* Новый труд по истории императора Александра II // Русское богатство. 1903. № 3, с. 39.

³ *Устимович П.* Царь-освободитель и наш век. М., 1878; *Алисов П. Ф.* Александр II Освободитель. Женева, 1879; *Гоппен Н. С.* Венценосный москвич. СПб., 1880; *Плетнев Д.* Двадцатипятилетие царствования государя императора Александра Николаевича (1855—1880 гг.). СПб., 1880; *Гадзяцкий П. П.* Двадцатипятилетие царствования государя императора Александра II. СПб., 1881; *Клеванов А.* Повесть о славном царствовании и плачевной кончине государя императора Александра II. Киев, 1882; *Надлер В. К.* Двадцатипятилетие царствования императора Александра II. СПб., 1885; *Шумахер А.* О жизни и деяниях императора Александра II. СПб., 1886; *Сафонов А. П.* Исторический очерк жизни и царствования императора Александра II. СПб., 1886; Царствование императора Александра II. М., 1897; Царь-освободитель император Александр II. М., 1898; *Ломан А. Н.* Царь-освободитель, царь-мученик. Император Александр II. СПб., 1898; *Пономарев С. И.* Александр II царь-освободитель. СПб., 1898; *Александров А. И.* Царь-освободитель, преобразователь и просветитель России. Казань, 1900; *Ефимов Е. А.* Царь-освободитель Александр II. М., 1902; *Козлов П.* Император Александр II. СПб., 1904; *Авчинников А. Г.* Император Александр II, царь-освободитель. Екатеринбург, 1911; *Рождествен А. С.* Император Александр II. Казань, 1911; *Дучинский Н. П.* Царь-освободитель император Александр II. СПб.; М., 1913; *Иванов И. И.* Император Александр II. М., 1913.

⁴ *Глинский Б. Б.* Царские дети и их наставники. СПб.; М., 1912.

⁵ См.: *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: Российская историография в 20-х—начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3.

⁶ См.: *Костюков В. В.* Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990, с. 176—181; *Пашуто В. Т.* Русские историки

эмигранты в Европе. М., 1992; Яров С. В. Идеологизация советского общества и эмиграция 1922 г. // Из российской эмиграции. СПб., 1992, с. 34—37.

⁷ Фирсов Н. Н. Александр Второй // Былое, 1922, № 20.

⁸ Любош С. Последние Романовы. Л.; М., 1924.

⁹ Чулков Г. И. Императоры: Психологические портреты. М., 1991.

¹⁰ Там же, с. 244.

¹¹ Яковлев А. И. Александр II и его эпоха. М., 1992.

¹² Захарова Л. Г. Александр II // Вопросы истории. 1992, № 6—7.

¹³ Захарова Л. Г. Александр II // Российские самодержцы (1801—1917). М., 1993.

¹⁴ Ляшенко Л. М. Царь-освободитель. М., 1994.

¹⁵ Палеолог М. Роман императора. Александр II и княгиня Юрьевская. Берлин. 1924; *Graham Stephen*. Tsar of Freedom: Life and Reign of Alexander II and Modernization of Russia. New York, 1959; *Troyat Henri*. Alexandre II Empereur de Russie. Son drame. Sainte Russie. Souvenire et Reflexions. Paris, 1958; *Almedigen E. M.* The Emperor Alexander II. London, 1962; *Николаев Вс.* Александр второй — человек на престоле. Мюнхен. 1986.

¹⁶ *Tarsaidze A.* Katia wife before God. New York. 1970.

¹⁷ *Богданович М. И.* Восточная война 1853—56 гг., т. 1—4. СПб., 1876; *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя, т. 1—3, СПб., 1900; *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853—56 гг., в связи с современной ей политической обстановкой, т. 1—2. СПб., 1908—1913.

¹⁸ *Николаев Н. И.* Великая страда. СПб., 1904.

¹⁹ *Покровский М. Н.* Крымская война // История России в XIX в., т. 3, М., 1908; Крымская война // Дипломатия и войны царской России. М., 1924.

²⁰ *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. I—II, М.; Л., 1950; *Зверев Б. И.* Синопская победа. Симферополь, 1954; *Степанов А.* Петропавловская оборона. 1854—1954. Хабаровск, 1954; *Горев Л.* Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955; *Бестужев И. В.* Крымская война 1853—1856 гг. М., 1956; *Поликарпов В.* Павел Степанович Нахимов. М., 1960; *Семин Г. И.* Оборона Севастополя. 1854—1855. М., 1962.

²¹ *Горев Л. А.* Указ. соч.; *Бестужев И. В.* Указ. соч.

²² *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство в Крымской войне. М., 1952; *Зверев Б. И.* Синопская победа. Симферополь, 1954; *Мещеряков Г. П.* Общий курс истории военного искусства. М., 1953.

²³ *Бурчуладзе Е. Е.* Крымская война и Грузия. Тбилиси, 1960; *Погосян А. М.* Кавказский фронт Крымской войны и армяне. Изв. АН АрмССР. Сер. Обществ. наук. 1950. № 3; *Ибрагимбейли Х. М.* Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. М., 1971.

²⁴ *Bazancourt C.* L'expédition de Crimée. 4 éd., v. 1—2. P., 1856; *Kinglake A. W.* The invasion of the Crimea, v. 1—8. L., 1863—1887; *Temperley H. V.* England in the Near East. The Crimea. L., 1936; *Мале А.* Восточный вопрос // История XIX века. / Под ред. Лависса и Рамбо. Т. 5. М., 1938, с. 200—256; *Vulliamy C. E.* Crimea. The campaign of 1854—1856. L., 1939.

²⁵ *Маркс К.* Лондонская пресса // Политика Наполеона в Турецком вопросе. Соч. М. и Э. Изд. второе. М., 1957. Т. 9, с. 16—19; *Энгельс Ф.* Священная война. Там же, с. 449—553; Его же. Война на Дунае. Там же, с. 536—543 и др.; *Маркс К.* Восточная война. Соч. М. и Э. Изд. второе. М., 1958, т. 10, с. 17—27; *Энгельс Ф.* Война. Там же с. 236—242; Его же. Вести из Крыма. Там же, с. 511—516; Его же. Осада Севастополя. Там же, с. 537—541 и др.; *Энгельс Ф.* Борьба в Крыму. Соч. М. и Э. Изд. второе. М., 1958, т. 11, с. 50—54; *Маркс К. и Энгельс Ф.* Пальмерстон — армия. Там же, с. 55—58; *Энгельс Ф.* Война, навис-

шая над Европой. Там же, с. 79—86; Его же. События в Крыму. Там же, с. 126—129; Его же. Судьба великого авантюриста. Там же, с. 130—133; *Маркс К. и Энгельс Ф.* Критика французской системы ведения войны. Там же, с. 134—137; *Энгельс Ф.* Сражение под Севастополем. Там же, с. 157—161 и др.

²⁶ *Mosse W.* Arise and Fall of the Crimean system. 1855—1871. L., 1963.

²⁷ *Джаншиев Г. А.* Эпоха великих реформ. Исторические справки. М., 1892.

²⁸ *Кони А. Ф.* цит. по кн.: Г. А. Джаншиев. Сб. статей. М., 1914, с. IX.

²⁹ *Дживелегов А. К.* — из предисловия к 10-му изд. книги Джаншиева Г. А. с. X, XVIII.

³⁰ *Головачев А. А.* Десять лет реформ. 1861—1871. СПб., 1872; *Вертеловский А.* Реформы Александра II. Харьков. 1880; *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 5. Курс русской истории, ч. 5. М., 1989; *Титов А. А.* Реформы Александра II и их судьба. М., 1910; *Корнилов А. А.* Курс истории России, ч. II. М., 1912; ч. III. М., 1914; Курс истории России XIX века. М., 1993.

³¹ *Головачев А. А.* Указ. соч., с. 7.

³² *Ключевский В. О.* Указ. соч., с. 281.

³³ История СССР, т. II. Россия в XIX веке / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1940, 1949, 1954; История СССР, т. II, 1861—1917 гг. Период капитализма. Под ред. Л. М. Иванова, А. Л. Сидорова, В. К. Яцунского. М., 1959; История СССР: Учебник для студентов институтов культуры. Ч. 1 / Под ред. Н. Е. Артемова. М., 1982; История СССР. XIX — начало XX в.: Учебник для вузов по спец. «История» / В. А. Вдовин, В. А. Георгиев, Н. Д. Ерофеев и др.; Под ред. И. А. Федосова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987; История СССР, 1861—1917: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «История» / В. Г. Тюкавкин, В. А. Корнилов, А. В. Ушаков, В. И. Старцев; Под ред. В. Г. Тюкавкина. М., 1990 и др.

³⁴ Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. Воронеж, 1988.

³⁵ Великие реформы в России. 1856—1874: Сборник / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушиелла. М., 1992.

³⁶ *Cardonne C.* L'Empereur Alexandre II (1855—1881). P., 1883; *Eekardt J.* Von Nikolaus I zu Alexander III. Leipzig, 1882; *Leroy-Beaulieu A.* L'empire des tzars et les russes, v. 1—2. P., 1897—1898; *Оман Э.* Россия. 1848—1870. В кн.: История XIX в., т. VI, М., 1938; *Tompkins S.* The Russian Intelligentsia: Makers of the Revolutionary State. Norman. 1957; *Riasanovsky N. A.* Parting of Ways. Government and Educated Public in Russia. 1801—1855. Oxford. 1976.

³⁷ *Янсон Ю.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877; *Ходский Л. В.* Экономические принципы крестьянской реформы и их возможное развитие // Русская мысль, кн. 7, 1881; *Иванюков И.* Падение крепостного права в России. СПб., 1882; *Ленский В.* Факты нашей социально-политической жизни // Дело, 1882, кн. I; *Сухомлинов М. И.* Два эпизода из эпохи освобождения крестьян // Исторический вестник, № 1, 1885; *Дружинин Н.* Итоги крестьянского освобождения // Наблюдатель, № 7, 8, 9, 1890; *Семенов Н. П.* Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 1—3. СПб., 1891; *Сваричевский В. К.* К истории освобождения крестьян. // Журнал Юридического общества при Санкт-Петербургском университете, кн. 6, 1897; *Сахаров Н.* Объявление воли в Калужской губернии (Из материалов к биографии В. А. Арцимовича) // Русская мысль, кн. 9, 1899.

³⁸ *Захарова Л. Г.* Первое исследование по истории крестьянской реформы 1861 г. в России // Вестник Моск. ун-та, сер. История, 1977, № 1, с. 34—50.

³⁹ *Ходский Л. В.* Земля и земледелец. Экономическое и статистическое исследование, т. 2. СПб., 1891.

⁴⁰ *Корнилов А. А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905; Он же. Губернские комитеты по крестьянскому делу в 1858—1859 годах // Русское богатство. 1904, № 1—5.

⁴¹ Великая реформа (19 февраля 1861—1911). Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание, т. 1—6. М., 1911.

⁴² Писарев В. И. Ликвидация крепостного права в Приазовье в 1857—1863 гг. Ростов-на-Дону. М., 1924; Дружинин Н. М. Журнал землевладельцев // Ученые зап. Ин-та истории РАНИОН, т. II. М., 1927; Полосин И. И. Шуваловщина. — «Труды» Общества изучения Московской области. Вып. 6. Московский край в его прошлом. Ч. 2. М., 1930; Фадеев А. В. Крестьянская реформа в Абхазии // Известия АН СССР. Серия общественных наук. № 7, 1935; Кокиев Г. А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе. 1940.

⁴³ Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937.

⁴⁴ См.: Вопросы истории. 1994. № 5, с. 173.

⁴⁵ Дружинин Н. М. Московское дворянство и реформа 1861 года // Известия АН СССР. История и философия. 1948, т. V, № 1; Линков Я. И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., 1952; Найденов М. Е. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955.

⁴⁶ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1954; Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.

⁴⁷ Дружинин Н. М. Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне (1862—1882 гг.) // Вопросы истории. 1968, № 12; Он же. Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. М., 1978; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. М., 1972; Он же. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991; Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856—1861. М., 1984; Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи под ред. Федорова В. А.). М., 1994.

⁴⁸ Leroy-Beaulieu A. L'empire des tsars et russes. Paris, 1881; Cardonne C. L'empereur Alexandre II. Paris, 1883.

⁴⁹ Engelmann F. Die Leibeigenschaft in Russland. Leipzig, 1884.

⁵⁰ Emmons T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1968; Field D. The End of Serfdom. Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855—1861. Harvard, 1976.

⁵¹ Beyrau D. Agrarstruktur und Bauernprotest: Zu den Bedingungen der russischen Bauernbefreiung von 1861.—In: Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Bd. 64, Hf. 2. Wiesbaden, 1977; Lincoln B. Nikolai Miliutin an Enlightened Russian Bureaucrat. Newtonville, Mass., 1977; Orlovsky D. The Limits of Reform: The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802—1881. Harvard, 1981; Pintner W., Rowney K. Russian officialdom: the bureaucratization of Russian Society from the seventeenth to the twentieth century. University of North Carolina Press, 1980; Николаев В. С. Указ. соч.

⁵² Лешков В. Н. Опыт теории земства и его земских учреждений по Положению 1864 года января первого. М., 1865; Он же. О праве самостоятельности как основе для самоуправления. М., 1871; Васильчиков А. И. О самоуправлении: Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. СПб., 1869—1871. Т. 1—3; Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866; Головачев А. А. Указ. соч.; Безобразов В. П. Земские учреждения и самоуправление.

⁵³ Градовский А. Д. История местного управления в России. Соб. соч., т. II, СПб., 1899; Коркунов Н. М. Русское государственное право, т. II, СПб., 1893; Свешников М. И. Основы и пределы самоуправления. СПб., 1892; Арсеньев К. К. Заметки о русской адвокатуре. СПб., 1875.

⁵⁴ Витте С. Ю. Самодержавие и земство. Штутгарт, 1901.

⁵⁵ Веселовский. Б. Б. История земства за 40 лет, т. I—IV, СПб., 1909—1911.

⁵⁶ См.: *Бородаевский С.* Кооперация, земство и кустарная промышленность. СПб., 1913; *Чехов Н. В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX в. М., 1912; *Португалов О. В.* Врачебная помощь крестьянству. СПб., 1883; Русская земская медицина. М., 1899; *Пошехонов А. В.* Кризис в земской статистике // Русское богатство. 1901, № 12; *Блеклов С.* За фактами и цифрами. М., 1894.

⁵⁷ Юбилейный земский сборник. 1864—1914 / Под ред. Б. Б. Веселовского и З. Г. Френкеля. СПб., 1914; *Подлигайлов П. Н.* Местное управление в России. СПб., 1884; *Белокозский И. П.* Земское движение. М., 1914; *Русов А.* Краткая энциклопедия земского дела в его историческом развитии. Киев, 1914; *Львов Г., Полнер Т.* Наше земство и 50 лет его работы. М., 1914.

⁵⁸ *Варзер В.* Воспоминания старого статиста. Ростов н/Д, 1924; *Малиновский Н.* Народные учителя в революционном движении. 1926; *Мицкевич С. И.* Записки врача-общественника. Л., 1941.

⁵⁹ См.: *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. М., 1934. Т. 4, с. 116.

⁶⁰ *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957.

⁶¹ *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.

⁶² *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964; Он же. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

⁶³ *Черныш М. И.* Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959; *Хайкина Н. Л.* Земские учреждения Самарской губернии в 1864—1881 гг. Куйбышев, 1961; *Львова Т. Н.* Московское земство в 1865—1890 годах: (Социальный состав и практическая деятельность). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1968; *Стефанова И. И.* Вятское земство в пореформенный период; диссертация. М., 1974; *Марьяновский А. А.* Воронежское земство в пореформенный период. Диссертация. М., 1981.

⁶⁴ *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977; Ее же. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986.

⁶⁵ *Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России. М., 1990.

⁶⁶ *Петров Ф. А.* Органы самоуправления в системе самодержавной России; Земства в 1864—1879 гг. // Великие реформы в России. 1856—1874: Сборник, М., 1992.

⁶⁷ *Лаптева Л. Е.* Земские учреждения в России. М., 1993.

⁶⁸ *Нардова В. А.* Законодательные документы 60-х годов XIX в. об адресах на «высочайшее имя» // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 9. Л., 1978, с. 253—282; *Нардова В. А., Чернуха В. Г.* Законы 13 июля 1867 г. // Там же. Вып. 11, с. 171—192.

⁶⁹ *Mackenzie Wallace D.* La Russia. Le pays. Les institutions. Les moeurs. Trad. de l'anglais. T. I-er. P., 1877. Chap. XIV. Le nouveau self-gouvernement local, p. 297—317; *Leroy-Beaulieu A.* L'empire des tsars et les russes, t. 2-e. P., 1882. Livre III. Le self-gouvernement local. Etats provinciaux et municipalites urbaines, p. 164—277; *Starr S. F.* Decentralization and self-government in Russia, 1830—1870. Princeton (N. Y.), 1972.

⁷⁰ *Roobol W. H.* Reform and reaction in Russia: Three studies of Russian revolution. Stanford, 1980; *Manning R. T.* The crisis of the old order; Gentry and Government. Princeton (N. Y.), 1982; The zemstvo in Russia: An experiment in local government / Ed. T. Emmons, W. S. Vucinick. Cambridge, 1982.

⁷¹ *Дитятин И. И.* К истории Городового положения 1870 г. // Статьи по истории русского права. СПб., 1895, с. 153—231; *Джанишев Г. А.* Указ. соч.; *Пажитнов К. А.* Городское и земское самоуправление. // Великие реформы шестидесятых годов в их прошлом и настоящем. СПб., 1913; *Пичета В. И.* Городская реформа 1870 г. // Три века. М., 1913, т. VI, с. 173—179; *Шрей-*

дер Г. И. Город и Городовое положение 1870 г. // История России в XIX в. СПб., 1908—1909, т. 4, с. 1—28.

⁷² Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления, 1873—1883. СПб., 1883; *Савельев А.* Столетие городского самоуправления в Нижнем Новгороде. 1785—1885. Нижний Новгород. 1885; Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 г. Уфа, 1881.

⁷³ Столетие с.-петербургского городского общества. 1785—1885, с. 162—193, 325—370.

⁷⁴ *Щепкин М. П.* О городских налогах в Москве. М., 1878; Его же. Опыты изучения общественного хозяйства и управления городов. М., 1882, ч. I; 1884, ч. II.

⁷⁵ *Фисенко И. О.* К вопросу о реформе городского общественного управления. Харьков, 1890.

⁷⁶ *Семенов Д. Д.* Городское самоуправление: Очерки и опыты. СПб., 1901; *Василевский С. М.* Городское самоуправление и хозяйство. СПб., 1906; *Михайловский А. Г.* Реформа городского самоуправления в России. М., 1908.

⁷⁷ *Шрейдер Г. И.* Указ. соч.; его же, Городская контрреформа 11 июня 1892 г., там же, т. 5. СПб., 1909; *Пичета В. И.* Указ. соч.

⁷⁸ История Москвы. М., 1954, т. IV, с. 461—554; Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1957, т. II, с. 810—844.

⁷⁹ *Горловский М. А.* История городской реформы 1870 г. в России: Подготовка реформы. Учен. зап. Уральск. гос. ун-та им. А. М. Горького, 1948, вып. 5, обществ. науки, с. 74—93. Его же, Из истории городского управления Екатеринбурга начала 70-х гг. XIX в. // Вопросы истории Урала. Свердловск. 1958, с. 71—81; *Байдакова Н. Н.* Введение Городового положения 1870 г. в Н. Новгороде и выборы в Нижегородскую городскую думу (1870—1890 гг.) — Учен. зап. Горьк. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 1969, вып. 105, сер. гуманитар. наук, с. 73—78; *Писарькова Л. Ф.* Городовое положение 1870 года и социальный состав городского общественного управления в губерниях Центрально-Черноземного района. // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж. 1988, с. 72—81.

⁸⁰ *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х—начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. Л., 1984.

⁸¹ *Нардова В. А.* Городское самоуправление в журналистике 70—80-х гг. XIX в. // Общественная мысль в России. Л. 1986, с. 159—180; Она же. Городское самоуправление в России после реформы 1870 г. // Великие реформы в России. 1856—1874: Сборник. М., 1992, с. 221—238.

⁸² *Barry H.* Russia in 1870. London. 1871; *Starr S. F.* Decentralization and Self-Government in Russia, 1830—1870. Princeton. (N. Y.), 1972; *Hutton L. Th.* The reform of City Government in Russia, 1860—1870. Ph. D. diss., University of Illinois at Urbana Champaign. 1972.

⁸³ *Кавелин К. Д.* Основные начала русского судостроительства и гражданского судопроизводства от Уложения до Учреждения о губерниях. М., 1844; *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859; *Линковский В.* Опыт исторических разысканий в следственном уголовном судопроизводстве России. Одесса, 1849; *Баршев Я. И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841.

⁸⁴ *Филиппов М. А.* Судебная реформа в России. Т. I—II. СПб., 1871—1875; *Джанишев Г. А.* Указ. соч.; Его же. Основы судебной реформы. М., 1891; *Тимановский А.* Судебные уставы императора Александра II. М., 1885.

⁸⁵ *Гессен И. В.* Судебная реформа. М., 1905; Его же. Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Пг., 1914; Его же. Судебная реформа / Под редакцией Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. Т. 1 и 2. М., 1915.

⁸⁶ *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы. М., 1914.

⁸⁷ *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. т. I и II. СПб., 1896; *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса. М., 1913; *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1910.

⁸⁸ *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. // Избранные произведения, кн. 2. М., 1965, с. 381 и след.

⁸⁹ *Чельцов-Бebutov М. А.* Курс советского уголовно-процессуального права. Т. I. Очерки по истории уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957.

⁹⁰ *Виленский Б. В.* Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. Саратов, 1963; Судебная реформа и контрреформа. Саратов, 1969.

⁹¹ *Коротких М. Г.* Подготовка судебной реформы 1884 г. в России. Воронеж, 1989.

⁹² *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 2-е. М., 1968; *Голунский С. А. и Карев Д. С.* Учебник по судоустройству. М., 1939. Они же: Судоустройство СССР. М., 1946; Организация суда и прокуратуры в СССР: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. Д. С. Карева. М., 1961; *Юшков С. В.* История государства и права СССР, ч. I. М., 1939, 1947, 1950; История государства и права СССР / Под ред. С. А. Покровского Учебник для средних юридических школ. М., 1950.

⁹³ *Карпович М.* Imperial Russia 1801—1917. N.-Y., 1932; *Pares B.* History of Russia. 4 edit. New-Haven, 1954; *Giternann V.* Geschichte Russland, dritter Band, Zurich, 1949; *Wortman B.* The Development of Russian Legal Consciousness. Chicago-Lnd, 1976; *Kaiser F. B.* Das russische Justizreform von 1864. Leiden, 1972.

⁹⁴ *Тарановски Т.* Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России 1856—1874. М., 1992, с. 301—317.

⁹⁵ *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Т. 1—5. СПб., 1881—1893; Его же. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 1—4. СПб., 1886—1889.

⁹⁶ *Буцковский Н. А.* О приговорах по уголовным делам с участием присяжных заседателей. СПб., 1866; Его же. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб., 1867; *Спасович В. Д.* О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб., 1861, Его же. Учебник уголовного права. Т. I, в. 1—2. СПб., 1863.

⁹⁷ *Джанишев Г. А.* Отмена телесных наказаний // Эпоха великих реформ. М., 1896, с. 151—220; *Студеникин Г. И.* Заплечные мастера // Русская старина. 1873, т. 8, № 8.

⁹⁸ *Жбанков Д. Н. и Яковенко В. И.* Телесные наказания в России в настоящее время. М., 1899; *Жбанков Д. Н.* Хроника телесных наказаний в Россия в XX в. // Врач. 1901, № 37, 38; Его же. Накануне отмены телесных наказаний в России // Русский врач. 1902. № 23, 24; Его же. Телесные наказания после отмены их // Практический врач. 1905. № 41—43.

⁹⁹ *Татищев С. С.* Указ. соч., с. 466—467.

¹⁰⁰ *Титов А. А.* Указ. соч., с. 145—152.

¹⁰¹ *Гольденберг И.* Реформа телесных наказаний. СПб., б. г.

¹⁰² *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома // Собр. соч.: В 12 т. Т. 3. М., 1982; *Помяловский Н. Г.* Повести, рассказы и очерки: В 2 т. СПб., 1865; *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: В 22 т. Т. 17. Публицистические произведения. 1886—1908. М., 1984; *Чехов А. П.* Сочинения: В 18 т. Т. 14. М., 1978;

Короленко В. Г. Русская пытка // Русское богатство. 1912. № 1; *Семевский В. И.* Об освобождении крестьян от телесных наказаний. Труды Императорского вольного экономического общества. 1896. № 1.

¹⁰³ *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 1—5. М., 1941—1956.

¹⁰⁴ *Бертрам Д. Г.* История розги (во всех странах, с древнейших времен). Т. 1—2. М., 1992.

¹⁰⁵ *Головачёв А. А.* Указ. соч.

¹⁰⁶ *Сабуров П.* Материалы для истории русских финансов. 1866—1897. СПб., 1899.

¹⁰⁷ Министерство финансов. 1802—1902. Т. 1—2. СПб., 1902.

¹⁰⁸ *Титов А. А.* Указ. соч.

¹⁰⁹ *Куломзин А. Н.* и *Рейтерн В. Г. М. Х.* Рейтерн. Биографический очерк. СПб., 1910.

¹¹⁰ *Кремяновский М.* Государственный контроль в России за 100 лет // Вестник Европы. 1915. № 7—8.

¹¹¹ Государственный банк. Краткий отчет о деятельности за 1860 по 1910 годы. СПб., 1910.

¹¹² *Погребинский А. П.* Финансовая реформа начала 60-х гг. XIX в. в России // Вопросы истории. 1951. № 10.

¹¹³ *Погребинский А. П.* Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.). М., 1954.

¹¹⁴ *Коняев А. И.* Финансовый контроль в дореволюционной России. М., 1959; *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892). М., 1960.

¹¹⁵ *Field D.* The End of Serfdom. Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855—1861. Cambridge, 1976; *Gerschenkzon A.* Russia: Agrarian Policies and Industrialization, 1861—1914 // *Idem.* Continuity in History and Other Essays. Cambridge, Mass., 1968; *Хок Стивен.* Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857—1861 // Американское историческое обозрение. Июнь 1991.

¹¹⁶ *Пирогов Н. И.* Вопросы жизни // Морской сборник. 1856, июль; *Ушинский К. Д.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. 1—2 т. СПб., 1868—1869; *Стоюнин В. Я.* Педагогические сочинения. СПб., 1911.

¹¹⁷ *Костомаров Н. И.* Об университетской реформе // С.-Петербургские ведомости. 1861, № 207; *Чичерин Б. Н.* Что нужно для русских университетов? // Несколько современных вопросов. М., 1862; *Иконников В. С.* Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы за 1876 г.; *Анненская А. Н.* С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. СПб., 1903.

¹¹⁸ *Лихачева Е. О.* Материалы для истории женского образования в России. Т. 1—4. СПб., 1890—1901.

¹¹⁹ Русская мысль. 1895. № 5, с. 219.

¹²⁰ *Лихачева Е. О.* Начало женских гимназий в России. СПб., 1897.

¹²¹ *Модестов В.* Школьный вопрос. СПб., 1880; *Абрамов А. Я.* Что сделало земство? СПб., 1889; *Катков М. Н.* Наша учебная реформа: Сб. статей с предисл. и примеч. Л. И. Поливанова. М., 1891.

¹²² *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902.

¹²³ *Чехов Н. В.* Указ. соч.

¹²⁴ История России в XIX веке / Под ред. М. Н. Покровского, изд. Гранат. Т. VII, гл. XVIII (статья В. И. Чарнолуцкого) «Начальное образование во второй половине XIX столетия»; Гл. XIX (статья М. Н. Коваленского) «Средняя школа»; т. IV, гл. XI (статья П. Н. Бороздина) «Университеты в России в эпоху 60-х годов».

¹²⁵ Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. Л.; М., 1950; Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М., 1954; Эймонтова Р. Г. Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки. Т. 70. М., 1961.

¹²⁶ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / Отв. ред. А. И. Пискунов. М., 1976.

¹²⁷ Шмид Е. История средних учебных заведений в России / Пер. с нем. СПб., 1878.

¹²⁸ Исторический очерк деятельности Военного Управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855—1880). Т. 1—6. СПб., 1879—1881.

¹²⁹ Джанишев Г. Эпоха великих реформ. М., 1896, с. 477—502.

¹³⁰ Редигер А. Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., ч. 1—2. 1913—1914.

¹³¹ Столетие военного министерства, 1802—1902 г. Т. 1—13. СПб., 1907—1914.

¹³² Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952.

¹³³ Miller F. A. Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia. Vanderbilt, 1968; Brooks E. W. Reform in the Russia Army // Slavic Review. Vol. 43, № 1. Spring, 1984. p. 63—82; Bradley J. The Russian Small Arms Industry and the Introduction of the American System of Manufactures, 1833—1881. Dekalb, 1991.

¹³⁴ Treue W. Der Krimkrieg und seine Bedeutung fuer die Entstehung der modern Flotten. 2-nd Ed. Herford, 1980; Kipp J. W. Tsarist Politics and the Naval Ministry, 1876—1881: Balanced Fleet or Cruiser Navy? // Canadian-American Slavic Studies. Vol. II, 1983. № 2, p. 151—179.

¹³⁵ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871; М., 1991.

¹³⁶ Там же, с. 425.

¹³⁷ Сборник, изданный в память двадцатипятилетия управления Министерством иностранных дел государственного канцлера светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова. 1856—1881. СПб., 1881; Очерк истории Министерства иностранных дел 1802—1902. СПб., 1902; Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890; Его же. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб., 1897; Татищев С. С. Дипломатические беседы о внешней политике России. СПб., 1898; Нольде Б. Э. Внешняя политика. Исторические очерки. Пг., 1915; Соболев М. Н. История русско-германского торгового договора. Пг., 1915.

¹³⁸ ГАРФ, ф. 828, оп. I, д. 146, л. 3об.

¹³⁹ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923—1924.

¹⁴⁰ Там же, с. 320—322.

¹⁴¹ Попов А. Л. Внешняя политика самодержавия в «кривом зеркале» М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1940, ч. 2.

¹⁴² К истории франко-русского соглашения 1859 г. // Красный архив. 1938, т. 3(88); Франко-германский кризис 1875 г. — Там же, т. 6(91); Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе. — Там же, 1939, т. 2(93); П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. — Там же, 1933, т. 4(59); Письмо О. Бисмарка А. М. Горчакову. — Там же, т. 6(61).

¹⁴³ См.: Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981, с. 249.

¹⁴⁴ *Хвостов В. М.* История дипломатии. II т. М., 1963; *Ерусалимский А. С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951; Его же. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968; *Манфред А. З.* Внешняя политика Франции. 1871—1891. М., 1952.

¹⁴⁵ *Нарочницкий А. Л.* Международные отношения и внешняя политика России от Парижского (1856 г.) до Франкфуртского мира. М., 1946; *Рыжова Р. И.* Сближение России и Франции после Крымской войны и русско-французский договор 3 марта 1859 г. // Ученые зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. Кафедра истории СССР. М., 1957, т. 78, вып. 4; *Киняпина Н. С.* Внешняя политика России во второй половине XIX в. М., 1974; *Шнейерсон Л. М.* Восточный вопрос и франко-русские отношения в конце 1866 — начале 1867 г. // Вопросы новой и новейшей истории. Минск, 1974; *Ревуненков В. Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957; *Панченкова М. Т.* Россия, Франция и Турция в 1863 г. // Новая и новейшая история. 1970, № 6.

¹⁴⁶ Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981.

¹⁴⁷ Внешняя политика России (Историография). М., 1988.

¹⁴⁸ См.: Новая и новейшая история. 1984, № 4, с. 203.

¹⁴⁹ *Нарочницкая Л. И.* Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856—1871 гг. М., 1989.

¹⁵⁰ *Уальполь С.* Иностранная политика Англии / Пер. с англ. СПб., 1885; *Morny Charles Duc de.* Un ambassade en Russie (Extrait des Memoires). Paris, 1982; *Charles-Roux, Francois-Jules.* Alexandre II, Gorchakov et Napoleon III. Paris, 1913; *Лависс и Рамбо.* История XIX в., тт. V—VIII. М., 1938; *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы, т. II, М., 1947; *Тэйлор А. Дж. Б.* Борьба за господство в Европе. М., 1958; *Грюнвальд К.* Франко-русские союзы. М., 1968.

¹⁵¹ *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1—3. СПб., 1869; *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I—VI. СПб., 1877; *Муравьев (Карский) Н. Н.* Война за Кавказом в 1855. Ч. 1—2. СПб., 1877; *Фадеев Р. А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Т. I, СПб., 1889; *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I—V. СПб., Тифлис, 1885—1891; Он же. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии к России. Тифлис, 1897; Он же. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I. Тифлис, 1901; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867). Часть третья. СПб., 1884; Он же. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879. Т. 2. СПб., 1890; т. 3. СПб., 1891; *Иванин И.* Кавказская война и ее герои. Очерки покорения Кавказа. М., 1904; *Эсадзе С. С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1—2. Тифлис, 1907; Он же. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис, 1914; *Белявский Н. Н.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1—4, 12. Тифлис, 1901—1908; *Чернявский.* Кавказ в течение 25-летнего царствования государя императора Александра II 1855—1880. Исторический очерк. СПб., 1898.

¹⁵² Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в., ч. 2 Феодальные отношения и колониальный режим (1843—1868). М.; Л., 1936; *Бушуев С. Б.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1939.

¹⁵³ *Бушуев С. Б.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20—70-е гг. XIX в.). М., 1955; *Фадеев А. В.* Кавказ в системе международных отношений (20—50-е гг. XIX в.). М., 1956; Он же. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960; *Гаджиев В. Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. Он же. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР. 1980, № 5; *Ибрагимбейли Х. М.* Кавказ в Крымской войне и международные отношения. М., 1971; *Смирнов Н. А.* Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958; Он же. Мюридизм на Кавказе. М., 1963; *Даниялов А. Д.* О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шами-

ля. Махачкала, 1966; *Блиев М. М.* К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. 1970, № 7; *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. М., 1994.

¹⁵⁴ *Lapinsky T.* (Tefik Bey). Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen. Bd. 1—2. Hamburg, 1863; *Hahn C.* Aus dem Kaukasus. Leipzig 1892; *Morane P.* Finlande et Caucase. P., 1900; *Baddeley J. F.* The Russian Conquest of the Caucasus. L., 1908.

¹⁵⁵ *Sumner B. H.* Survey of Russian History. London, 1945; *Seton-Watson H.* The Russian Empire 1801—1917. Oxford, 1967; *Allen W. E. D.* A History of Georgian People from the beginning down to the Russian Conquest in the XIX century. New York, 1971

¹⁵⁶ *Florinsky M.* Russia: A History and an Interpretation. New York, 1953, *Harcave S.* A History of Russia. New York, 1956; *Martovych.* 800 years of Russia's March of World Conguest. Edinburg, 1953.

¹⁵⁷ *Куропаткин А. Н.* Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Ловча и Плевна. Ч. I—II. СПб., 1885; *Пузыревский А. К.* Десять лет назад. Война 1877—1878 гг. СПб., 1887; Он же. Русская армия перед войной 1877—1878 гг. СПб., 1889; *Домонтович М. А.* Обзор русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900; *Гейсман П. А.* Русско-турецкая война 1877—1878 гг. По случаю истекшего 25-летия со времени ее окончания. СПб., 1903; Он же. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в Европейской Турции. Вып. 1—2. СПб., 1906; *Зотов П. Д.* Война за независимость славян в 1877—1878 гг. // Русская старина. 1907.

¹⁵⁸ *Седельников Н. М.* Турецкая кампания 1877—1878 гг. Т. 1—2. М., 1878—1879; *Мартынов Е. И.* Как возникла Плевна. СПб., 1900; *Войде К. М.* Объяснительная записка к первым двум томам «Описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», СПб., 1901; *Епанчин Н. А.* Война 1877—1878 гг. Действия передового отряда ген.-адъ. Гурко. СПб., 1895; Он же. Освободительная война 1877—1878 гг. СПб., 1902.

¹⁵⁹ *Леер Г. А.* Условия театра войны на Балканском полуострове для русской армии (Стратегический этюд). СПб., 1889; *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России. Т. 1—3. СПб., 1891—1894; *Петров А. Н.* К вопросам стратегии (критический очерк). СПб., 1898; *Михневич Н. П.* Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898.

¹⁶⁰ *Креницын Н. В.* Восточный вопрос на почве его истории и политики. СПб., 1900.

¹⁶¹ *Верховский А. И.* Очерки по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1922.

¹⁶² *Свечин А. А.* Эволюция военного искусства. Т. 1—2. М., 1928.

¹⁶³ *Еремеев Л. С., Макаров С. О.* В русско-турецкой войне 1877—1878 гг. // Морской сборник. 1938. № 11; *Коленковский А., Белолипецкий В.* Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1939; *Яковлев Н. Н.* Внешняя и национально-колониальная политика царизма в 60—70-х годах XIX века. Стеногр. лекции. М., 1940; *Жемайтис Ф.* Русская кавалерия в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. // Красная конница. 1940, № 4; *Иванов К.* Русская военная мысль на рубеже XIX и XX столетий // Военная мысль. 1946, № 7.

¹⁶⁴ *Фортунатов П. К.* Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950; Он же. Две Шипки: К 75-летию освобождения Болгарии русской армией // Вопросы истории. 1953, № 1; *Конобеев В. Д.* Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. М., 1953; *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956; *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974, *Виноградов В. И.* Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978; *Золотарев В. А.* Причины и

характер русско-турецкой войны 1877—1878 гг. // Военно-исторический журнал. 1975, № 7; Он же. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в отечественной историографии конца XIX — начала XX вв. М., 1978.

¹⁶⁵ Русско-турецкая война 1877—1878 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.

¹⁶⁶ Нарочницкая Л. И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875—1878. М., 1979.

¹⁶⁷ Поглубко К. А. Весна освобождения. 1878—1978. Кишинев, 1978; Мельцер Д. Б., Тончев Й. Национальной свободе Болгарии 100 лет. Минск, 1978.

¹⁶⁸ Хевролина В. М. Восточный кризис 1875—1878 гг. и русско-турецкая война в новейшей советской литературе. // Вопросы истории. 1980. № 5; Золотарев В. А. Россия и Турция. Война 1877—1878 гг. М., 1983; Его же. Противоборство империй (война 1877—1878 гг. — апофеоз восточного кризиса). М., 1991; Барбасов А. П., Золотарев В. А. О прошлом во имя грядущего. М., 1990; Виноградов К. Б. Мировая политика 60—80-х годов XIX века: события и люди. Л., 1991.

¹⁶⁹ См.: Новая и Новейшая история. 1993. № 6, с. 200—202.

¹⁷⁰ Rüstow F. W. Der Krieg in der Türkei. Zurich, 1877; Springer A. Der russische-türkische Krieg 1877—1878 in Europa (1—7 Operations-Periode) Bd. 1—7. Wien, 1891—1893; Тром фон Тило. Борьба под Плевной. Перев. с нем. СПб., 1878; Greene F. V. Russian Army its campaign in Turkey 1877—1878. L. 1879—1880; Green F. V. The campaign in Bulgaria (1877—1878). L., 1903; Maurice F. The Russo-Turkish war 1877. A strategical sketch. L., 1905; Генов Цонко. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и подвиг освободителей. София-Пресс, 1979.

¹⁷¹ Ahmet Mithat. Zübdet el-hakayik. 1876—1877. Istanbul, 1295(1879); Mehmet Arif. Basimiza gelenler. Istanbul, 1912; Ahmet Cevat. Tarihi asker-i. Istanbul, 1882. Ahmet Cemal. Plevna müdafa-asi. Istanbul, 1316(1900).

¹⁷² См.: Золотарев В. А. Россия и Турция: война 1877—1878 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1984, с. 17—18.

¹⁷³ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1—3. СПб., 1906; Венюков М. И. Исторические очерки 1855—1878 гг. в 4-х томах: т. I—II. Лейпциг, 1879, тт. III—IV. Прага, 1880; Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877; Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии // Сборник государственных знаний. Т. 1. СПб., 1874; Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.

¹⁷⁴ Грулёв М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909; Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии. Т. I—II. СПб., 1887; Субботин А. П. Россия и Англия на Среднеазиатских рынках. СПб., 1885; Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875; Его же. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876.

¹⁷⁵ Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии. М., 1960; Его же. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965; Его же. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974; Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.; Л., 1949; Ее же. Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX в. М., 1963; Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960.

¹⁷⁶ Хидояттов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. Ташкент, 1969.

¹⁷⁷ Urquhart D. Diplomatic transaction in Central Asia from 1834 to 1839. London, 1841; Rawlinson H. England and Russia in the East. London, 1875; Curzon G. N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London—New York, 1889.

¹⁷⁸ *Becker S.* Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865—1924. Harvard University Press, 1968; *Pierce R. A.* Russian Central Asia 1867—1917. Berkeley and Los Angeles, 1960.

¹⁷⁹ *Rywkin M.* Russia in Central Asia. New York—London, 1963; *Sarkisanz M.* Russian Conquest in Central Asia. — Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples. Ed. by Vucinich W. S. Stanford, 1972; *Carrère d'Encausse H.* Réforme et Révolution chez les musulmans de l'Empire Russe. Bukhara 1867—1924, Paris, 1966.

¹⁸⁰ *Корсаков А.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857; *Бичурин Н. Я.*, *Иакинф.* Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Сочинение монаха Иакинфа. СПб., 1840; *Захаров И.* Поземельная собственность в Китае. Т. 2. СПб., 1853; *Скачков К.* Очерки Китая. М., 1875; *Венюков М. И.* Обозрение Японского архипелага в современном его состоянии. Ч. 1—3. СПб., 1871; Его же. Очерки современного Китая. СПб., 1874; *Мартенс Ф. Ф.* Россия и Китай. СПб., 1881.

¹⁸¹ *Барсуков И.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам, кн. 1—2. М., 1891; *Максимов А. Я.* Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб., 1901; *Федоров М. П.* Соперничество торговых интересов на Востоке. СПб., 1903; *Головачев П.* Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904; *Можайский И. К.* Приамурский край. Исторический очерк. СПб., 1905; *Богоявленский Н. В.* Западный застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб., 1906; *Мельников В.* Дальний Восток. Амурская область и о. Сахалин. М., 1909; *Кадников В. С.* Из истории Кульджинского вопроса // Исторический вестник, 1911, июнь.

¹⁸² *Кабанов П. И.* Амурский вопрос. Благовещенск, 1959; *Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895 гг., М., 1956.

¹⁸³ См.: Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981, с. 296—297.

¹⁸⁴ Международные отношения на Дальнем Востоке / Ответ. ред. акад. Е. М. Жуков, кн. I—II. М., 1973.

¹⁸⁵ *Макарова Р. В.* Внешняя политика России на Дальнем Востоке, вторая половина XVIII — 60-е годы XIX в. М., 1974.

¹⁸⁶ *Клименко Н. П.* Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX в. М., 1976.

¹⁸⁷ *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960; *Кутаков Л. Н.* Россия и Япония. М., 1988.

¹⁸⁸ *Окунь С. Б.* Российско-американская кампания. М.; Л., 1939; *Малкин М. М.* Гражданская война в США и царская Россия. М.; Л., 1939; *Батуева Т. М.* Экспансия США на севере Тихого океана в середине XIX в. и покупка Аляски в 1867 г. Томск, 1976; *Куропятник Г. П.* Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867—1881. М., 1981; *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867. М., 1990; Его же. Россия открывает Америку. 1732—1799. М., 1991.

¹⁸⁹ *Ravenstein E. G.* Russians on the Amur. L., 1861; *Маркс К.* Русская торговля с Китаем. М. и Э. изд. II, т. 12, с. 157—160; *Энгельс Ф.* Успехи России на Дальнем Востоке. М. и Э., т. 12, с. 637—641; *Новаковский С.* Япония и Россия, ч. 1. Токио, 1918; *Steiger G. N.* A history of the Far East. Boston, 1935.

¹⁹⁰ *Farrar V. I.* The annexation of Russian America to the United States. New York, 1966; *Shiels A. W.* The Purchase of Alaska. Washington, 1967.

¹⁹¹ *Saul N. E.* Distant friends: The United States and Russia, 1763—1867. Lawrence, 1991.

¹⁹² *Берг Н. В.* Первые два года последнего польского движения // Библиотека для чтения. 1864. Январь, с. 1—39; февраль, с. 1—51; Русская старина. 1879, февраль-декабрь; Его же. Морская экспедиция повстанцев 1863 года // Исторический вестник. 1881. № 1, с. 75—116; *Татищев С. С.* Указ соч., с. 422—498; *Глинский Б. Б.* Революционный период русской истории (1861—1881 гг.). Исторические очерки. Ч. I. СПб., 1913.

¹⁹³ *Спасович В. Д.* Жизнь и деятельность маркиза Велепольского. СПб., 1882; *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX в. Пг. 1915; *Ленский З.* Польское восстание 1863 года // История России в XIX веке. Т. 3. СПб., 1910, с. 268—322.

¹⁹⁴ *Ленский З.* Указ. соч., с. 282.

¹⁹⁵ *Агурский С.* Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863—1917). Минск. 1928; *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Партиздат. 1933.

¹⁹⁶ *Покровский М. Н.* Указ. соч., с. 126.

¹⁹⁷ *Миско М.* Польское восстание 1863 года // Исторический журнал. 1945. № 1—2, с. 14—25; *Драницын С. Н.* Польское восстание 1863 г.: История СССР / Под ред. М. В. Нечкиной, изд. второе. М., 1949; *Кондратьева В. Н.* К вопросу о положении польских крестьян накануне и во время восстания 1863 г. // Ученые записки Института славяноведения. Т. III. 1951; *Манусевич А. Я.* Очерки по истории Польши. Глава «Национально-освободительное восстание 1863—64 гг. в Королевстве Польском» и др. М., 1952; *Миллер И. С.* К вопросу о формировании польской буржуазной нации. // Вопросы истории. 1952. № 7; *Белявская И. М. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века.* М., 1954; *Найденов М.* Классовая борьба в пореформенной деревне. 1861—1863 гг. М., 1955; *Шустер У. А.* Восстание 1863—1864 гг. // История Польши. Т. 2. М., 1955, с. 92—163.

¹⁹⁸ *Миско М. В.* Польское восстание 1863 г. М., 1962; *Смирнов А. Ф.* Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963; *Марахов Г. П.* Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. К. 1967; *Дьяков В. А. и Миллер И. С.* Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964; Герои 1863 г. (Сб.). М., 1964.

¹⁹⁹ *Strütter T.* Die polnische Frage in ihrem Verhältnisse zu Preussen und Deutchshland. Coburg, 1863; *Sutherland E.* The private history of a Polish insurrection from official and unofficial sources. v. 1—2. L., 1865.

²⁰⁰ *Грабенский В.* История польского народа. Пер. с польск. Под ред. Н. Ястребова. СПб., 1910, с. 542—576.

²⁰¹ *Kieniewicz St.* Sprawa wloscianska w powstaniu styczniowym Warszawa, 1953; Его же. Warszawa w powstaniu styczniowym, 3 wyd, Warszawa, 1965; *Lossowski P., Miynarski Z.* Rosjanie, Ukraińcy i Białorusini w powstaniu styczniowym. Wr., 1959.

²⁰² «La Cloche», 1864 (и отдельной брошюрой); перевод с французского в «Русском богатстве» (1912), затем в XVII т. Полного собрания сочинений под ред. М. К. Лемке, исправленный перевод; *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах. Т. XVIII. М., 1959 (Цит. по Левину Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX — начало XX в. Л., 1974, с. 9); «Колокол», л. 187, от 15 июля 1864 г. (А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XVIII); «Полярная звезда» за 1869 г. Кн. 8, Женева, 1869; (А. И. Герцен. Собр. соч.: В 30 томах. Т. XX, кн. 1. М., 1960).

²⁰³ *Скабичевский А. М.* Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе. 1825—1860 гг. Н. А. Полевой, В. Ф. Одоевский, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов и их сподвижники. СПб. 1872; *Волюнский А. Л.* Русские критики. Литературные очерки. СПб., 1896; *Драгоманов М. П.* Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины. М., 1908.

- 204 *Волынский А. Л.* Указ. соч., с. 763—765.
- 205 ГАРФ. Библиотека. Инв. № 16100.
- 206 *Мальшинский А. П.* Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880, с. 321.
- 207 Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. I—VIII, ч. I. М., 1934—1940
- 208 *Степняк-Кравчинский С.* Соч., т. I. М., 1958.
- 209 *Голицын Н. П.* История социально-революционного движения в России. 1861—1881. Глава десятая. СПб., 1887, с. 72.
- 210 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. Более подробно о ленинских взглядах на историю революционного движения XIX в. см.: *Нечкина М. В.* В. И. Ленин — историк революционного движения в России // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; *Левин Ш. М.* Очерки по истории русской общественной мысли. Л., 1974 и др.
- 211 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 305.
- 212 *Лавров П. Л.* Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Изд. 2, испр. Л., 1925, с. 163—237.
- 213 *Барриче Л.* Освободительное движение в царствование Александра второго. М., 1909, с. 123.
- 214 *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II (1855—1881): Исторические очерки. М., 1909.
- 215 *Богучарский В. Я.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912, с. 180—181. (См.: *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965, с. 9).
- 216 *Стеклов Ю. М.* Борцы за социализм. Очерки по истории общественного и революционного движений в России. М., 1918; *Невский В. И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Т. 1. Изд. 2. Л., 1925; *Покровский М. Н.* Очерки русского революционного движения XIX—XX вв. М., 1925.
- 217 *Кон Ф.* История революционного движения в России. Т. 1. Харьков, 1929.
- 218 *Поташ М.* Народнический социализм. М.; Л., 1930.
- 219 *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958.
- 220 *Филлипов Р. В.* Первый этап «хождения в народ» (1873—1874). Петрозаводск, 1960.
- 221 *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965.
- 222 *Boborukin P.* Nihilism in Russia // The Fortnightly Review. 1868. vol. X, p. 129—137.
- 223 *Тун А.* История революционных движений в России / Пер. Веры Засулич, Д. Кольцова и др. СПб., 1906.
- 224 Там же, с. 73.
- 225 Ссылки даются по английскому переводу книги: *F. Venturi.* Roots of revolution. New York. 1960.
- 226 *Ibid.*, p. 505.
- 227 *Maijer J. M.* Knowledge and revolution. The Russian colony in Zürich (1870—1873). Assen, 1955.
- 228 *Wawrykowa M.* Rewolucyjne narodnictwo w latach siedemdziesiątych XIX w. Warszawa, 1963.
- 229 *Pares B.* Russia: Between Reform and Revolution. New York. 1962, p. 181.
- 230 *Brower D.* Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. London. 1975.
- 231 *Patridge M.* Alexander Herzen. 1812—1870. Paris. 1984.

Становление личности реформатора

Глава первая

ВОСПИТАНИЕ НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА

1. Детство и отрочество (1818—1834)

¹ См.: Дараган П. М. Указ. соч., с. 29.

² Палаты митрополита Платона (позже Малый Николаевский дворец) построены в 1775—1776 гг. М. Ф. Казаковым и надстроены в 1824 г. третьим этажом. Разрушены в 1929 г.

Чудов монастырь (Алексеевский Архангело-Михайловский), мужской, в Московском Кремле. Основан в 1365 г. митрополитом Алексеем. С конца XIV в. центр книгописания. В XVII в. в нем было греко-латинское училище. В 1932—1934 гг. снесен вместе с Вознесенским монастырем и подворьем. На их территории по проекту архитектора И. И. Рерберга возвели новое здание Военной школы имени ВЦИК — кремлевских курсантов, обучавшихся в Кремле и несших его охрану. Затем в нем размещался Президиум Верховного Совета Российской Федерации и администрация президента.

³ Яковлев С. П. Императрица Александра Федоровна. Биографический очерк. М., 1866, с. 24. Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях отмечает, что царский двор поселился на зиму в Москве. Делалось это с целью поднять дух древней столицы, истребленной в 1812 г. от пожара. См.: Русская старина. 1896. Октябрь, с. 30.

⁴ Николай I Павлович (1796—1855) — император с 1825 г.

Александр I Павлович (1777—1825) — император с 1801 г.

⁵ Александра (Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина) Федоровна (1798—1860) — императрица с 1825 г., жена императора Николая I, старшая дочь прусского короля Вильгельма III; Фридрих-Вильгельм III (1770—1840), прусский король (с 1797), тесть Николая I.

⁶ Георг III (1738—1820) — английский король с 1760 г., курфюрст до 1815 г., затем король ганноверский. В связи с умопомешательством в 1811 г. было назначено регентство его сына — принца Валлийского, с 1820 г. — Георга IV; Виктория-Александрина (1819—1901) — королева Великобритании с 1837 г., императрица Индии с 1876 г.

⁷ ГАРФ, ф. 678, оп. I, ед. хр. 25, л. I об.

⁸ Мария Федоровна (София-Доротея-Августа-Луиза) (1759—1828), принцесса Вюртембергская, вторая жена (с 1776) Павла I, императрица. Создала ряд благотворительных и воспитательных (главным образом дворянских) организаций (Мариинское ведомство).

Павел I Петрович (1754—1801) — император в 1796—1801 гг., убит в ночь с 11 на 12 марта в Михайловском замке.

⁹ Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 год. // Русская старина. Жизнь императоров и их фаворитов / Пер. с фр. А. Шидловского). М., 1992, с. 565.

¹⁰ Константин Павлович (1779—1831), великий князь, 2-й сын императора Павла I. Участник походов А. В. Суворова (1799—1800), Отечественной войны 1812 г. В 1812—1813 гг. командовал гвардией, с конца 1814 г. — главнокомандующий польской армией в Варшаве, фактический наместник Царства Польского.

Семнадцатилетним юношей по велению своей бабушки Екатерины II женился на пятнадцатилетней принцессе Юлии Сакс-Кобург-Готтской, после принятия православия — Анне Федоровне. Брак оказался неудачным. Не имея детей, развелся с ней 20 марта 1820 г. Вследствие морганатического брака с Жанетой Груздинской (княгиней Лович) 12 мая того же года, в дальнейшем отрекся от наследования престола и в 1825 г. после смерти Александра I не принял престола.

¹¹ Державин Гавриил Романович (1743—1816) — известный поэт; Жуковский Василий Андреевич (1781—1852) — знаменитый поэт. Преподавал Александру Федоровне русский язык по рекомендации императрицы Марии Федоровны — вдовы Павла I, при которой состоял чтецом. См.: *Жуковский В. А.* Соч., т. 6. СПб., 1885, с. 348.

¹² *Жуковский В. А.* Послание государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение Вел. Кн. Александра Николаевича. Сочинения, изд. 8-е, т. 2, СПб., 1885, с. 46.

¹³ *К-кий Н. Л.* Царствование, кончина и погребение царя-отца, освободителя и благодетеля народа, государя императора Александра II. М., 1881, с. 5; *Божемянов И. Н.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. Пг., 1915, с. 98.

¹⁴ ГАРФ, ф. 678, оп. I, ед. хр. 25, л. I.

¹⁵ Михаил Архангел — один из 7 архангелов, почитается в христианской церкви; память его совершается 8 ноября и 7 сентября; Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) — великий князь «Всея Руси» (с 1533), первый русский царь (с 1547), сын Василия III; Федор (1557—1598), русский царь с 1584 г., 2-й сын (из неумерших в младенчестве) Ивана IV Грозного и Анастасии Романовны Захарьиной.

¹⁶ Филарет (до монашества — Романов Федор Никитич) (ок. 1554/1555—1633) — русский политический деятель, патриарх (с 1619), отец первого царя из династии Романовых — Михаила; Алексей Михайлович (1629—1676) — русский царь с 1645 г.; Петр I (1672—1725) — русский царь с 1682 г. (правил с 1689), первый российский император (1721).

¹⁷ Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 год, с. 566.

¹⁸ Андрей Первозванный — по церковной легенде апостол, один из первых (отсюда прозвание) и ближайших учеников Христа. Русские летописи называют его первым проповедником христианства в Приднепровье и Приильменье. Считался покровителем страны в России и Шотландии. По преданию, распят в Греции на косом кресте — т. н. крест Андрея Первозванного, который стал знаком ордена Андрея Первозванного, а также помещался на военно-морском Андреевском флаге; Алексей (Алексей) — (90-е гг. XIII в. — 1378), русский митрополит с 1354 г. Поддерживал объединительную политику московских князей. Фактически глава московского правительства во время княжения Ивана Ивановича Красного и малолетства князя Дмитрия Ивановича Донского. В 1448—1449 гг. канонизирован Русской православной церковью.

¹⁹ *Богданович М. И.* История царствования Александра I и Россия в его время. Т. V. СПб., 1871, с. 380; Формулярный список наследника цесаревича Александра Николаевича; Московские ведомости. 1818, № 42; И. Н. Божемянов в книге «Жизнеописание императрицы Александры Федоровны — супруги императора Николая I. (СПб., 1898, вып. 1, с. 98) говорит, что Александр I получил известие о рождении Александра Николаевича 22 апреля в г. Старокопстантинове Вольнской губернии.

²⁰ РГИА, ф. 523, оп. 1, д. 2189; Обзор царствования государя императора Александра II и его реформ. 1855—1871. СПб., 1871, с. 1—2.

²¹ *Дараган П. М.* Указ. соч., с. 40.

Адлерберг Владимир Федорович (1790—1884) — граф (с 1847), генерал-адъютант; начал службу в 1811 г. в Литовском полку; участвовал в войне 1812—1814 гг. В 1847 г. назначен адъютантом будущего императора Николая I, сопровождал его в Турецкую кампанию 1828—1829 гг.; позже директор канцелярии военного министерства; в 1841 г. — главноуправляющий почт и телеграфов; в 1852—1870 гг. — министр двора.

²² Дараган П. М. Указ. соч., с. 18.

²³ Глинский Б. Б. Царские дети и их наставники. СПб.; М., 1912, с. 269. Баранова Юлия Федоровна, урожд. Адлерберг (1789—1864), жена Т. И. Баранова, воспитательница детей Николая I. Пожалована в фрейлины в 1806 г., состояла гофмейстериной при вел. кн. Марии Николаевне; в 1836 г. пожалована статс-дамой; в 1846 г. получила графское достоинство; в 1855 г. назначена гофмейстериной при императрице Александре Федоровне.

Адлерберг Юлия (Анна-Шарлотта-Юлиана) Федоровна, урожд. Баговут (1760—1839) — статс-дама, начальница Воспитательного общества благородных девиц (Смольный институт); вторая жена полковника Г. Ф. Адлерберга.

²⁴ Коссовская (Кайсовская) Мария Васильевна, воспитательница детей Николая I, которые звали ее «Мими».

²⁵ См.: Яковлев С. П. Указ. соч., с. 6.

²⁶ Луиза — урожденная принцесса Мекленбург-Стрелицкая (1776—1810) — королева Прусская, жена короля Фридриха-Вильгельма III, мать императрицы Александры Федоровны.

²⁷ Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898, январь, с. 61.

²⁸ Жуковский В. А. Указ. соч., с. 40.

²⁹ Мур Томас (1779—1852), английский поэт-романтик.

³⁰ Тютчева А. Ф. Указ. соч., с. 103.

³¹ См.: Русская старина. 1896. Октябрь, с. 42—43.

³² Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. М., 1976, т. VII, с. 282.

³³ Русская старина. 1896. Октябрь, с. 9—11.

³⁴ Божерянов И. Н. Жизнеописание императрицы Александры Федоровны — супруги императора Николая I. СПб., 1898. Вып. 1, с. IX, X. Раух (1777—1857) — знаменитый немецкий скульптор, первый в Германии реалист в портретной скульптуре.

³⁵ Русский архив, 1885, т. III, с. 418.

Балугьянский Михаил Андреевич (1769—1847), юрист, зав. кафедрой энциклопедии права и политич. экономии, ректор С.-Петербургского университета, сенатор; Балугьянская Мария Михайловна (в замуж. графиня Медем, родилась в 1804 г.).

³⁶ Татищев С. С. Указ. соч., с. 6.

³⁷ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1.

Мердер Карл Карлович (1787—1834) — воспитатель великого князя Александра Николаевича с 1824 г. С 1829 г. генерал-майор, генерал-адъютант (1833).

³⁸ Воспоминания о Карле Карловиче Мердере, воспитателе государя императора Александра II. СПб., 1867, с. 19.

³⁹ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989, с. 195.

⁴⁰ Мердер К. К. Записки // Русская старина. 1885, февраль, с. 351.

⁴¹ В. В. Т. Карл Карлович Мердер // Русская старина. 1885, февраль, с. 339.

⁴² Там же, с. 341.

⁴³ Василий Андреевич Жуковский. Его жизнь и сочинения. М., 1912, с. 42.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — знаменитый историк, литератор и журналист, с 1803 г. имел официальное звание историографа России.

⁴⁴ Арсеньев Константин Иванович (1789—1865), статистик, историк и географ; с 1811 г. преподаватель Петербургского педагогического института; в 1819 г., с преобразованием института в университет, назначен адъюнктом по кафедре географии и статистики; лекции его, напечатанные в 1819 г., вызвали неудовольствие попечителя Рунича, но благодаря заступничеству вел. кн. Николая Павловича дело ограничилось устранением его из университета. В 1828 г. он был приглашен к наследнику для преподавания статистики и истории; в этих целях ему было предоставлено право извлекать из архивов документы, необходимые для преподавания новой русской истории. Результатом его архивных изысканий явился ряд работ по русской истории XVIII в., основанных на неизданных материалах («Царствование Петра II.» СПб., 1839; «Царствование Екатерины I.» СПб., 1856). В качестве преподавателя он сопровождал наследника в путешествии по России в 1837 г. В 1832 г. он, кроме того, был назначен членом совета Министерства внутренних дел, в этом качестве он до 1853 г. заведовал учрежденным по его идее Статистическим комитетом. С 1836 г. — член Академии наук; с 1838 г. — почетный член Петербургского университета; в 1845 г. был одним из инициаторов основания Русского Географического Общества, товарищем председателя которого он состоял с 1850 по 1854 г.

⁴⁵ Яковлев С. П. Указ. соч., с. 53.

Елизавета (Луиза-Мария-Августа) Алексеевна, урожд. принцесса Баденская (1779—1826) — жена Александра I, императрица.

Известие о смерти Александра I пришло в Петербург почти двумя сутками позже, нежели в Варшаву. Письмо к императрице Марии Федоровне начальник Главного штаба барон И. И. Дибич прислал дежурному генералу А. Н. Потопову, который вручил его петербургскому военному генерал-губернатору графу М. А. Милорадовичу.

⁴⁶ Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857, с. 17.

⁴⁷ Лович Жанета Антоновна, урожд. графиня Грудзинская (1795—1831) — княгиня, с 1820 г. морганатическая жена цесаревича Константина Павловича. После замужества получила титул княгини Ловицкой.

⁴⁸ Корф М. А. Указ. соч., с. 26.

⁴⁹ Там же, с. 7; См. также: Яковлев С. П. Указ. соч., с. 39—42; Божемянов И. Н. Указ. соч., с. 156—157.

⁵⁰ Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), граф (1799), генерал от артиллерии (1807). С 1808 г. военный министр, с 1810 г. председатель военного департамента Государственного совета. В 1815—1825 гг. фактический руководитель государства. Организатор и главный начальник военных поселений. Отличался неумолимой взыскательностью;

Голицын Александр Николаевич (1773—1844) — князь, обер-прокурор синода (1805—1817), министр народного просвещения и духовных дел (1816—1824), главноначальствующий над Почтовым департаментом; мистик и пиетист (пиетизм — религиозно-мистическое настроение, поведение. *Авт.*);

Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) (1782—1867) — архиепископ и митрополит Московский (1821—1867). Имел большое влияние на общественно-политические и государственные дела.

⁵¹ Успенский собор в Московском Кремле, памятник архитектуры. Построен на Соборной площади (1475—1479, итальянский архитектор Аристотель Фьораванти и русские мастера) на месте одноименного собора XIV в. как главный храм Московского государства. Успенский собор был местом торжественных церемоний: здесь венчались на царство цари, короновались императоры;

Сенат (лат. *senatus*, от *senex* — старик), в России в 1711—1917 г. — Правительствующий сенат, высший государственный орган, подчиненный императору. Учрежден Петром I как высший орган по делам законодательства и государственного управления;

Синод (от греч. *synodos* — собрание) (Святейший синод) — один из высших государственных органов в России в 1721—1917 г. Ведал делами православной церкви (толкование религиозных догматов, соблюдение обрядов, вопросы духовной цензуры и просвещения, борьба с еретиками и раскольниками). Возглавлял обер-прокурор, назначаемый царем. После 1917 г. Священный синод — совещательный орган при патриархе Московском и всея Руси;

Государственный совет — высший совещательный орган Российской империи в 1810—1917 г. Рассматривал внесенные министрами законопроекты до их утверждения императором, сметы и штаты государственных учреждений, жалобы на определения департаментов сената и других органов. Председатель и члены Государственного совета назначались императором. Состоял из нескольких департаментов и Государственной канцелярии во главе с госсекретарем.

⁵² См.: Корф М. А. Указ. соч., с. 86—90.

Дибич-Забалканский Иван Иванович, вернее, Йоханн Карл Фридрих Антон (1785—1831) — барон, с 1827 г. граф, с 1824 г. начальник Главного штаба, потом генерал-фельдмаршал, главнокомандующий действующей армией в турецкую (1829) и польскую (1830—1831) войны, член Следственной комиссии по делу декабристов.

⁵³ Корф М. А. Указ. соч., с. 104.

Волковский Петр Михайлович (1776—1852) — светлейший князь, генерал-адъютант, министр двора и уделов (1826—1852), генерал-фельдмаршал (1850).

⁵⁴ Наполеон I (1769—1821) — французский император (1804—1815).

⁵⁵ Северное тайное общество — тайная революционная организация декабристов в 1821—1825 г.

⁵⁶ Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — поэт, создатель альманаха «Полярная звезда». Лирика, исторические песни «Думы», поэмы «Войнаровский», «Наливайко» и другие насыщены политическими ассоциациями, характерными для русского гражданского романтизма. Декабрист, член Северного общества и один из его директоров, казнен 13 июля 1826 г.

⁵⁷ Ростовцев Яков Иванович (1803—1860) — офицер лейб-гвардии егерского полка, член Северного тайного общества, о существовании которого довел до сведения великого князя Николая Павловича; впоследствии ближайший сотрудник великого князя Михаила Павловича и Александра II по заведению военно-учебными заведениями в качестве начальника штаба, главного начальника военно-учебных заведений (1835—1855), генерал-адъютант (1849), член Государственного совета (1856), участник крестьянской реформы, председатель редакционных комиссий по выработке положения об улучшении быта крестьян.

⁵⁸ Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860) — князь, полковник, декабрист, один из руководителей Северного общества. В декабре 1825 г. назначен был в диктаторы, но 14 декабря личного участия в восстании не принял, осужден по I разряду. Был в Сибири на каторге и поселении, вернулся по амнистии.

⁵⁹ Каховский Петр Григорьевич (1799—1826), декабрист, поручик в отставке. Член Северного общества. Участник восстания 14 декабря 1825 г. Смертельно ранил М. А. Милорадовича. Из Петропавловской крепости написал несколько писем Николаю I с критическим анализом русской действительности. Повешен 13 июля 1826 г.

⁶⁰ Якубович Александр Иванович (1792—1845) — капитан Нижегородского драгунского полка, декабрист; не был членом тайного общества, но принимал

непосредственное участие в восстании 14 декабря. Осужден по 1 разряду, был в Сибири на каторге и поселении.

⁶¹ Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825) — граф, боевой генерал, участник войны 1812 г., петербургский генерал-губернатор (1818—1825), смертельно ранен 14 декабря на Сенатской площади;

Серафим Глаголевский (1757—1843) — митрополит Московский (1819—1821) и Петербургский (1821—1843);

Михаил Павлович (1798—1849), великий князь, младший сын Павла I, генерал-фельдцейхмейстер (главный начальник артиллерии), генерал-инспектор по инженерной части (1825), главный начальник военно-учебных заведений (1831), главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами.

⁶² Оболенский Евгений Петрович (1796—1865) — князь, поручик лейб-гвардии Финляндского полка, декабрист, член Союза Благоденствия и Северного общества, осужден по 1 разряду. Был в Сибири на каторге и поселении, вернулся после амнистии 1856 г. Его воспоминания были изданы впервые П. В. Долгоруковым в 1861 г. в его журнале «L'Avenir».

⁶³ Исаакиевский собор, памятник архитектуры позднего классицизма, до Октябрьской революции главный храм Петербурга. Заложен в честь Петра I и назван по имени св. Исаакия Далматского, день которого (30 мая ст. стиля) совпадает с датой рождения Петра I. Построен в 1818—1858 гг. по проекту арх. А. А. Монферрана, доработанному специальной комиссией (1821—1825). Открытие и освящение собора состоялось 30 мая 1858 г.

⁶⁴ Из записок Николая I о вступлении его на престол. Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988, с. 231.

⁶⁵ Канн П. Я. О числе жертв 14 декабря 1825 г. // История СССР. 1970. № 6, с. 115.

⁶⁶ Южное общество — тайная революционная организация декабристов на Украине в 1821—1825 гг. Члены — главным образом офицеры. Создана на базе Тульчинской управы «Союза благоденствия». Учредители: П. И. Пестель, А. П. Юшневский, П. В. Аврамов, А. П. Бярятинский, Н. В. Басаргин, Ф. Б. Вольф, В. П. Ивашёв, братья Крюковы А. А. и Н. А., составившие Коренную думу. К ним присоединились С. Г. Волконский, В. Л. Давыдов, позднее М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, М. П. Бестужев-Рюмин и др. Директория: Пестель, Юшневский, Н. М. Муравьев (от Северного общества). Управы: Тульчинская, Кишинёвская (до 1822), Каменская, Васильковская, Славянская (с 1825). Политической программой была «Русская правда» Пестеля, на ее основе стремились к объединению с Северным обществом. С 1823 г. поддерживали связь с Польским патриотическим обществом, в 1825 г. присоединили Общество соединенных славян. После поражения восстания Черниговского полка прекратило существование.

⁶⁷ Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826) — подполковник Черниговского пехотного полка, один из основателей Союза Спасения и Союза Благоденствия, член Южного общества, стоял во главе восстания Черниговского полка, казнен 13 июля 1826 г.;

Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1801—1826), декабрист, подпоручик Полтавского пехотного полка. Член Южного общества, республиканец. Один из руководителей Васильковской управы и восстания Черниговского полка. Повешен 13 июля 1826 г. Похоронен вместе с другими казненными декабристами на о. Голодае.

⁶⁸ Пестель Павел Иванович (1793—1826) — полковник, командир Вятского пехотного полка, декабрист, директор Южного общества, автор конституционного проекта «Русская правда», казнен 13 июля 1826 г.

⁶⁹ О восстании декабристов см.: Восстание декабристов. Материалы и документы. Т. I—II. М.; Л., 1925—1958; Из писем и показаний декабристов / Под ред.

А. К. Бороздина. СПб., 1906; Декабристы и тайные общества в России. Официальные документы. М., 1906; Декабристы и их время. Т. 1—2. М., 1928—1932 и др.

⁷⁰ Декабристы в воспоминаниях современников, с. 229.

Долгоруков Василий Васильевич (1787—1858) — князь, обер-шталмейстер, и. д. президента конюшенной конторы (1832—1840), действительный тайный советник, вице-президент Вольного Экономического общества.

⁷¹ Толь Карл Федорович (1777—1842) — граф (1829), генерал-адъютант, боевой генерал, главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями (1833—1842).

⁷² Яковлев С. П. Указ. соч., с. 56—57.

⁷³ Из дневника императрицы Александры Федоровны // Сыроечковский Б. Е.. Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926, с. 87—91.

⁷⁴ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 25, л. 2.

У Николая I и его супруги Александры Федоровны, кроме Александра, родились три сына: Константин (1827—1892), Николай (1831—1891), Михаил (1832—1909) и три дочери: Мария (1819—1876), Ольга (1822—1892) и Александра (1825—1844).

⁷⁵ Корф М. А. Указ. соч., с. 106, 136 и 190.

⁷⁶ Мармон Огюст Фредерик де, герцог Рагузский (1774—1852), французский маршал.

⁷⁷ Глинский Б. Б. Указ. соч., с. 272.

⁷⁸ Мария Николаевна (1819—1876) — старшая дочь Николая I, великая княгиня, в первом браке была за Максимилианом, герцогом Лейхтенбергским, во втором — за графом Григорием Александровичем Строгановым.

Ольга Николаевна (1822—1892) — великая княгиня, дочь Николая I, с 1846 г. жена наследного принца, потом короля Вюртембергского Карла I.

⁷⁹ Мердер К. К. Записки, февраль, с. 354.

⁸⁰ Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — общественный деятель, историк, писатель, почетный член Петербургской АН (1818). Брат Н. И. Тургенева. Член литературного кружка «Арзамас». Собрал документы по древней истории России в зарубежных архивах. Автор писем о европейской жизни 1827—1845 гг. — «Хроника русского» и дневников.

⁸¹ Бунин Афанасий Иванович (?—1791) — отец В. А. Жуковского.

Сальха (после крещения Елизавета Дементьевна Турчанинова) — мать В. А. Жуковского. По просьбе Бунина ребенка формально усыновил, дав ему свою фамилию и отчество, его приятель, бедный киевский дворянин Андрей Григорьевич Жуковский, живший в доме Афанасия Ивановича.

⁸² Вестник Европы. 1897. № 11, с. 347.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900), русский религиозный философ, поэт, публицист.

⁸³ Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. М., 1836, с. 69, 74.

⁸⁴ Елагина Авдотья (Евдокия) Петровна (1789—1877), племянница и друг В. А. Жуковского, мать И. В. и П. В. Киреевских, В. А. Елагина. Одна из образованнейших женщин своего времени, хозяйка знаменитого салона.

⁸⁵ Покровский В. И. Василий Андреевич Жуковский. Его жизнь и сочинения. М., 1912, с. 43.

⁸⁶ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. IV, с. 332.

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), князь, русский поэт, литературный критик, академик Петербургской АН (1841).

⁸⁷ Песталоцци Иоганн Генрих (1746—1827), знаменитый швейцарский педагог. В своей теории начального обучения связал обучение с воспитанием и развитием ребенка (развивающее обучение), педагогику с психологией. Развил идею соединения обучения с производительным трудом. Труды: «Лингард и Гертруда» (1781—1787), «Как Гертруда учит своих детей» (1801), «Лебединая песня» (1826).

⁸⁸ Жуковский В. А. Соч. Изд. 8-е, т. VI. СПб., 1885, с. 348.

⁸⁹ Годы учения императора Александра II. Сборник Императорского Русского Исторического Общества (ИРИО). СПб., 1880, т. 30, с. XV.

⁹⁰ Цит. по: Покровский В. И. Указ. соч., с. 51.

⁹¹ Сборник ИРИО. Т. 30, с. 18.

⁹² Там же, с. 9.

⁹³ Там же, с. 15—16.

⁹⁴ Ушаков Павел Петрович (1779—1853), генерал от инфантерии, главный воспитатель великого князя Александра Николаевича.

Жуковский первоначально предлагал назначить главным воспитателем графа Капо д'Истрию Ивана Антоновича (1776—1831), уроженца острова Корфу, обладавшего обширными знаниями и опытом. (В 1809 г. он переселился в Россию, в 1813 г. стал статс-секретарем по иностранным делам, в 1816—1822 гг. заведовал делами, касавшимися Востока и славян). Однако, предложению Жуковского не суждено было осуществиться. Созванное в Тризене третье народное собрание избрало 11 апреля 1827 г. графа в президенты Греческой Республики, только что свергнувшей с себя турецкие оковы. Убит политическими противниками.

⁹⁵ Жилье Флориан Антонович (?—1865), учитель французского языка у царских детей, директор Эрмитажа.

Шамбо Иван Павлович (1783—1848), секретарь императрицы Александры Федоровны, учитель немецкого языка великого князя Александра Николаевича. Умер в Петергофе от холеры.

⁹⁶ Плетнев Петр Александрович (1792—1865), поэт, критик, академик Петербургской АН (1841), учитель словесности в Екатерининском институте, профессор и ректор Петербургского университета. В 1838—1846 гг. издатель и редактор «Современника»; написал статьи о К. Н. Батюшкове, В. А. Жуковском, И. А. Крылове, Н. В. Гоголе.

⁹⁷ Павский Герасим Петрович (1787—1863), философ, богослов, законоучитель в Царскосельском лицее (1816—1817), профессор Петербургского университета и Духовной академии.

⁹⁸ См.: Николаев В. С. Указ. соч., с. 111.

Бажанов (по другим источникам — Баженов) Василий Борисович (1800—1883) — духовник Николая I и преподаватель его детей и внуков; впоследствии протопресвитер и член синода.

⁹⁹ Юрьевич Семен Алексеевич (1798—1865), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, воспитатель великого князя Александра Николаевича.

¹⁰⁰ Виельгорский Иосиф Михайлович (1816—1839) — граф, товарищ Александра II по учению. Будучи чиновником Военного министерства, умер в Италии.

Паткуль Александр Владимирович (1817—1877) — товарищ по воспитанию Александра II и его адъютант в бытность наследником; генерал-майор свиты, петербургский обер-полицмейстер (1860—1862); впоследствии генерал-адъютант, член Военного совета.

¹⁰¹ Смирнова-Россет А. О. Указ. соч., с. 198.

¹⁰² Яковлев С. П. Указ. соч., с. 66.

¹⁰³ Татищев Сергей Спиридонович (1846—1906), публицист и историк, с 1864 по 1877 г. был последовательно секретарем консульств в Рагузе, миссии в Афинах и посольства в Вене, автор ряда исторических монографий.

Глинский Борис Борисович (1860—1917), журналист, историк-публицист. Сотрудничал в ряде газет и журналов. Автор цикла «Царские дети и их наставники» (1897—1898), книг «Революционный период русской истории. 1861—1881 гг.» (1913); «Среди литераторов и ученых» (1914) и др.

¹⁰⁴ Русское богатство. 1903. № 3, с. 36.

¹⁰⁵ Жуковский В. А. Соч. Изд. 8-е, т. VI, с. 261—262.

¹⁰⁶ Мердер К. К. Записки, декабрь, с. 514.

¹⁰⁷ РГИА, ф. 523, оп. 1, д. 2189.

¹⁰⁸ Сборник ИРИО. СПб., 1880, т. 30, с. 39—40.

¹⁰⁹ Гомер — легендарный древнегреческий поэт, которому приписывают создание величайших произведений античной и мировой литературы «Илиады» и «Одиссеи». Время жизни датируется по-разному, от начала XII в. до н. э., до начала VII в. до н. э.;

Сервантес Сааведра Мигель де (1547—1616), испанский писатель;

Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745—1792), русский писатель.

¹¹⁰ Свифт Джонатан (1667—1745), английский писатель, политический деятель.

¹¹¹ Крылов Иван Андреевич (1769—1844), русский писатель, баснописец, академик Петербургской АН (1841).

¹¹² Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 гг. М., 1925, с. 32.

¹¹³ Ученик. 1911. № 45, с. 1087.

¹¹⁴ Памятник В. А. Жуковскому был сооружен в Царском Селе в 1854 г. См.: РГИА, ф. 522, оп. 1, д. 509, л. 1.

¹¹⁵ Мердер К. К. Записки, февраль, с. 360—364.

¹¹⁶ Жуковский императрице Александре Федоровне, 8 июля 1828 г. *Татищев* С. С. Указ. соч., т. 1, с. 35.

¹¹⁷ ГАРФ, ф. 678, оп. 1. Д. 268—277.

¹¹⁸ Мердер К. К. Записки, март, с. 535—536.

¹¹⁹ Там же, с. 538.

¹²⁰ Сборник ИРИО. Т. 30, с. XXII.

¹²¹ Мердер К. К. Записки, март, с. 547.

¹²² Там же, с. 273.

¹²³ См.: Мердер К. К. Записки, июнь, с. 482.

¹²⁴ Исторический вестник. 1894. Т. 57, с. 39.

¹²⁵ Мердер К. К. Записки, июнь, с. 502.

¹²⁶ Сборник ИРИО. СПб., 1880. Т. 30, с. XIX—XX.

¹²⁷ Там же, 1880, с. XX.

¹²⁸ Долгоруков П. В. Указ. соч., с. 119.

¹²⁹ См.: *Божерянов И. Н.* Указ. соч., с. XVI; Русский архив. 1884, т. II, с. 247. Глинка Михаил Иванович (1804—1857), русский композитор, родоначальник русской классической музыки;

Львов Алексей Федорович (1798—1870), композитор, скрипач, директор придворной Певческой капеллы с 1836 г., написал гимн «Боже, царя храни», несколько опер;

Зонтаг (по мужу Росси) Генриетта (1806—1854), немецкая певица (колоратурное сопрано). Выступала в Венской опере, театрах Лондона, Парижа, Берлина; в 1830, 1838—1843 гг. в России. Одна из самых выдающихся певиц I-й половины XIX в.;

Щепкин Михаил Семенович (1788—1863), русский актер. Основоположник реализма в русском сценическом искусстве.

¹³⁰ Сборник ИРИО, т. 30, с. XX—XXI.

¹³¹ Мердер К. К. Записки, июль, с. 36.

¹³² Там же, с. 40—41.

¹³³ Сборник ИРИО, т. XXX, с. XXI—XXII.

¹³⁴ Мердер К. К. Записки, сентябрь, с. 432—433.

¹³⁵ Гесс Герман-Генрих (Герман Иванович) (?—1850), химик, основатель термохимии. В 1833 г. издал «Основания чистой химии», с 1834 г. академик. В 1836 г. опубликовал свои работы по термохимии.

¹³⁶ См.: Воспоминания о Карле Карловиче Мердере, воспитателе государя императора Александра II. СПб., 1867, с. 34, 41.

2. Юность (1834—1838)

¹³⁷ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 25, л. 2.

¹³⁸ Покровский В. И. Указ. соч., с. 49.

¹³⁹ Захарова Л. Г. Александр II // Вопросы истории. 1992. № 6—7, с. 62.

¹⁴⁰ Нарышкин Дмитрий Львович (1758—1838) — гофмаршал.

¹⁴¹ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1.

¹⁴² Ливен Христофор Андреевич (1774—1838) — светлейший князь, генерал-адъютант и начальник военно-походной канцелярии Павла I, с 1798 г. посланник в Берлине (1809—1812), посол в Лондоне (1812—1834), попечитель цесаревича Александра Николаевича (1834—1838).

¹⁴³ Кавелин Александр Александрович (1793—1850) — адъютант великого князя Николая Павловича (1818—1825), директор Пажеского корпуса (1830—1834), воспитатель цесаревича Александра Николаевича (1834—1841), сенатор (1841), петербургский генерал-губернатор (1842—1846), член Государственного совета (1842), генерал-адъютант (1846).

¹⁴⁴ Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — граф (1839), знаменитый государственный деятель, автор проекта государственного преобразования при Александре I, в 1812—1816 гг. был в ссылке, сибирский генерал-губернатор (1816—1821), при Николае I составил Полное собрание законов и Свод законов (1833).

¹⁴⁵ Сборник ИРИО, т. 30, с. XXIV.

¹⁴⁶ Чулков Г. И. Указ. соч., с. 228.

¹⁴⁷ Красный архив. 1923. Т. 3, с. 291—293.

¹⁴⁸ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1.

¹⁴⁹ Татищев С. С. Указ. соч., т. I, с. 202.

¹⁵⁰ Герцен Александр Иванович (1812—1870), русский революционер, писатель, философ.

¹⁵¹ Тюфяев Кирилл Яковлевич (1775—после 1840), губернатор в Перми с 1824 г., в Твери — с 1831 г., в Вятке — в 1834—1837 гг.

¹⁵² Дучинский Н. Указ. соч., с. 13.

3. Возмужание

¹⁵³ Канкрин Егор Францевич (1774—1845) — граф, министр финансов (1823—1844);

Бруннов Филипп Иванович (1797—1875) — барон, дипломат: посланник, а потом посол в Лондоне (1840—1854, 1858—1874), с 1871 г. граф;

Жомини Антуан Анри (Генрих Вениаминович) (1779—1869), военный теоретик и историк, русский генерал от инфантерии (1826). С 1798 г. в швейцарской, в 1804—1813 гг. во французской армиях. С 1813 г. на русской службе. Обобщил опыт наполеоновских войн, утверждал «вечные принципы» военного искусства.

154 См.: Сборник ИРИО. СПб., 1881, т. 31, с. 1—161.

155 Там же, с. 196—416.

156 Ней Мишель (1769—1815), маршал Франции (1804), герцог Эльхингенский (1808), князь Московский (1812). Участник революционных и наполеоновских войн, командир корпуса под Аустерлицем, Йеной, в походе 1812 г. на Россию. После «Ста дней» расстрелян Бурбонами.

157 Жомини А. Очерки военного искусства. М., 1939. Т. I, с. 39.

158 См.: ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 25, л. 2.

159 См.: Императрица Мария Александровна. 1824—1880 // Русская старина. 1881, т. XXI, с. 103.

160 Бороздина Наташа — дочь Бороздина Николая Михайловича (1777—1830), генерала от кавалерии, генерал-адъютанта.

161 Смирнова-Россет А. О. Указ. соч., с. 199.

162 См.: Николаев В. С. Указ. соч., с. 144, 145.

163 Там же, с. 145.

164 Кюстин Адольф де, маркиз (1790—1857), французский литератор и путешественник.

165 Александр, помимо того, что был подавлен разлукой с Ольгой Калиновской, простудился при посещении портовых учреждений Копенгагена и вынужден в это время находиться в Эмсе на лечении.

166 Татищев С. С. Указ. соч., т. 1, с. 98; Николаев В. С. Указ. соч., с. 149.

167 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 25, л. 2.

Людвиг II, герцог Гессен-Дармштадтский (1830—1848), отец императрицы Марии Александровны, свергнут в 1848 г.

168 Татищев С. С. Указ. соч., т. 1, с. 103.

169 Мария Александровна (Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария, 1824—1880) — дочь Людвиг II, великого герцога Гессен-Дармштадтского, жена Александра II, с 1855 г. императрица.

170 Николаев В. С. Указ. соч., с. 163.

171 Орлов Алексей Федорович (1786—1861), русский государственный деятель, князь (1856), генерал от кавалерии (1833). Участник подавления восстания декабристов. В 1844—1856 гг. шеф жандармов. В 1856 г. первый уполномоченный России на Парижском конгрессе, подписал Парижский мир 1856 г. В 1856—1860 гг. председатель Государственного совета и Комитета министров.

172 Николаев В. С. Указ. соч., с. 164, 182.

173 Поццо ди Борго Карл-Андрей (Карл Осипович) (1764—1842), граф, русский посланник в Париже, потом в Лондоне.

174 Николаев В. С. Указ. соч., с. 164.

175 Вильгельмина-Луиза (1788—1836), жена Людвиг II, великого герцога Гессен-Дармштадтского (с 1804), мать императрицы Марии Александровны.

176 Николаев В. С. Указ. соч., с. 164—165.

177 Принц-консорт — супруг царствующей королевы.

178 Николаев В. С. Указ. соч., с. 166.

179 Там же, с. 168.

180 Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784—1865), виконт, премьер-министр Великобритании в 1855—1858 гг. и с 1859 г., лидер вигов. В 1830—1834, 1835—

1841, 1846—1851 гг. министр иностранных дел. Участвовал в организации Крымской войны 1853—1856 гг.

¹⁸¹ Николаев В. Указ. соч., с. 168.

¹⁸² Мельбурн Вильям Лэм, виконт, английский государственный деятель, в 1779—1848 гг. виг, с 1828 г. пэр, в 1830—1834 гг. министр внутренних дел, в 1835—1841 гг. премьер.

¹⁸³ Николаев В. Указ. соч., с. 170—171.

¹⁸⁴ Там же, с. 174.

¹⁸⁵ Там же, с. 178.

¹⁸⁶ Там же, с. 179.

¹⁸⁷ Альберт, 2-й сын герцога Эрнста I Саксен-Кобургского (1819—1861). С 1840 г. супруг английской королевы Виктории. С 1857 г. получил титул принца-консорта, либеральный политический деятель, покровитель многих научных, художественных и благотворительных учреждений, инициатор всемирной выставки 1851 г. в Лондоне.

¹⁸⁸ Николаев В. Указ. соч., с. 181.

¹⁸⁹ Там же, с. 183.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 25, л. 2.

¹⁹² Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Дневник. 1855—1882. М., 1990, с. 77.

¹⁹³ Царствование императора Александра II. СПб., 1882, с. 11.

¹⁹⁴ РГИА, ф. 522, оп. 1, д. 71, л. 1—27.

¹⁹⁵ Александра (19. VIII.1842—16. VI.1849); Николай (8. IX.1843—11. IV. 1865) — наследник, цесаревич, скончался в Нице от туберкулезного менингита; Александр (26. II.1845—20. X.1894) — будущий император Александр III; Владимир (10. IV.1847—4. II.1909) — великий князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного совета, сенатор. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. командовал 12-м корпусом и состоял на левом фланге восточного или рушукского отряда наследника цесаревича (впоследствии императора Александра III). С 1884 г. по 1905 г. был главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. С 1869 г. был товарищем президента Императорской академии художеств, а с 1876 г. президентом ее. Его внук великий князь Владимир Кириллович (1917—21. IV.1992) — с 1938 г. Глава Дома Романовых за рубежом. Жил во Франции. Похоронен в Санкт-Петербурге; Алексей (2. I.1850—1. XI.1908) — великий князь, генерал-адмирал, генерал-адъютант. В 1877 г. принял участие в военных действиях, сооружал переправу через Дунай. С 1881 г. член Государственного совета, главный начальник флота и Морского ведомства. 2 июня 1905 г. уволен согласно прошения; Мария (5. X.1853—1920) — великая княгиня, замужем за младшим сыном английской королевы Виктории Альфредом-Эрнестом герцогом Эдинбургским; Сергей (29. IV.1857—4. II.1905) — великий князь, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Принимал участие в войне 1877—1878 гг. В 1887—1891 гг. — командир лейб-гвардейского Преображенского полка. С 26. II.1891 г. — московский генерал-губернатор, одновременно с 1896 г. — командующий войсками Московского военного округа. Убит эсером И. П. Каляевым в Московском Кремле; Павел (21. IX.1860—28. I.1919) — великий князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. 28. V.1916 г. назначен командиром Гвардейского корпуса, позже — инспектором войск гвардии. Расстрелян в Петропавловской крепости большевиками.

¹⁹⁶ Долгоруков П. В. Указ. соч., с. 120.

¹⁹⁷ Тютчева А. Ф. Дневник, с. 78—79.

¹⁹⁸ Рейтерн Евграф (Алексей) Романович (1794—1865), художник, тесть В. А. Жуковского.

¹⁹⁹ Жуковская Елизавета Евграфовна (Алексеевна) (урожд. Рейтерн, 1821—1856), жена В. А. Жуковского с 1841 г.

²⁰⁰ Жуковская Александра Васильевна (1842—1899), дочь В. А. Жуковского; Жуковский Павел Васильевич (1845—1912), сын В. А. Жуковского. Художник. Окончил Боннский университет, преподавал в Строгановском училище. Жил во Франции, Германии, Италии. За проект кремлевского памятника Александру II (1893) получил чин шталмейстера двора.

²⁰¹ *Покровский В. И.* Указ. соч., с. 57.

²⁰² Там же, с. 63—67; См. также: *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия Жуковского. По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883; *Грот Я. К.* Очерк жизни и поэзии Жуковского. СПб., 1883.

²⁰³ *Корнилов А. А.* Указ. соч., с. 38.

²⁰⁴ *Николаев В.* Указ. соч., с. 200.

²⁰⁵ Франц-Иосиф (1830—1916) — австрийский император, вступил на престол в 1848 г. в разгар венгерского восстания, которое было подавлено при содействии русских войск, в 1867 г. вынужден был сделать ряд уступок венграм и короновался венгерским королем. При нем Австрия потерпела сильное поражение от Пруссии в 1866 г., лишившее ее первенствующего положения в Германии. После неудачи союза трех императоров (Франца-Иосифа, Вильгельма и Александра II) вступил в 1883 г. в тройственный союз с Германией и Италией. Умер в разгар мировой войны.

²⁰⁶ Паскевич-Эриванский Иван Федорович (1782—1856) — граф, светлейший князь Варшавский. Принимал видное участие в войне 1812—1814 гг., командир Отдельного Кавказского корпуса и главноначальствующий на Кавказе (1827—1830), генерал-фельдмаршал (1829), наместник Царства Польского и главнокомандующий 1-й армией (1832—1856), главнокомандующий во время персидской, польской и турецкой (1854) войн, получил титулы за взятие Эривани и Варшавы.

²⁰⁷ Гёргей Артур (1818—1916), полководец венгерской революционной армии в 1848—1849 гг., осенью 1849 г. капитулировал перед русской армией.

²⁰⁸ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1.

²⁰⁹ *Татищев С. С.* Указ. соч., т. 1, с. 123—125.

²¹⁰ Воронцов Михаил Семенович (1782—1856) — светлейший князь, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, с 1823 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор и с 1844 г. наместник на Кавказе.

²¹¹ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1.

²¹² *Татищев С. С.* Указ. соч., т. 1, с. 126—127.

²¹³ РГИА, ф. 523, оп. 1, д. 2149, л. 32.

Глава вторая

КРЫМСКАЯ ВОЙНА. НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ

1. Восточная война

¹ *Некрасов Н.* Тишина // Современник. 1857, т. LXV (9), с. 118.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877/78), знаменитый поэт.

² Восточный вопрос, принятое в дипломатии и в исторической литературе обозначение международных противоречий в XVIII — начале XX вв., связанных

с наметившимся распадом Османской империи, ширившимся национально-освободительным движением населявших империю народов и борьбой европейских великих держав за раздел ее владений.

³ Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796), граф, русский полководец, генерал-фельдмаршал (1770);

Суворов Александр Васильевич (1730—1800), граф Рымникский (1789), князь Италийский (1799), русский полководец, генералиссимус (1799);

Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1784). После присоединения Крыма получил титул светлейшего князя Таврического;

Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813), светлейший князь Смоленский (1812), русский полководец, генерал-фельдмаршал (1812).

⁴ *Penberton W. D. Lord Palmerston. London, 1954, p. 81.*

⁵ АВПР, ф. «Отчеты МИД», 1845, л. 133.

Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862), граф, русский государственный деятель, канцлер (с 1845), министр иностранных дел (1816—1856), почетный член Петербургской АН (1833). Стронник Священного союза. Один из виновников дипломатической изоляции России во время Крымской войны.

⁶ Луи-Наполеон Бонапарт — Наполеон III (1808—1873), французский император в 1852—1870 гг., основатель династии Бонапартов. Племянник Наполеона I;

Гортензия, Евгения Гортензия Богарне, королева Голландии (1783—1837), дочь Александра Богарне и Жозефины (впоследствии императрицы). С 1802 г. замужем за Людовиком Бонапартом, братом ее отчима, с 1806 г. королем Голландии. Была фавориткой Наполеона I. В 1810 г. разошлась с мужем. С 1815 г. жила в Швейцарии под именем герцогини Сан-Лё; мать Наполеона III;

Людовик Бонапарт (1778—1846), брат Наполеона I, с 1804 г. принц, с 1806 г. король голландский, в 1810 г. отказался от трона.

⁷ Первая империя — период правления во Франции императора Наполеона I (1804—1814 и 1815), сменивший период Консульства.

⁸ «Священный союз» — реакционный союз Австрии, Пруссии и России, заключенный в Париже 26 сентября 1815 г. после падения империи Наполеона I. В 1815 г. к «Священному союзу» присоединилась Франция и ряд других европейских государств. Фактически распался в конце 20-х — начале 30-х годов.

⁹ Вторая империя — во Франции период правления императора Наполеона III (2 декабря 1852 г. — 4 сентября 1870 г.). Конец Второй империи положила Сентябрьская революция 1870 г.

¹⁰ Шварценберг Феликс-Людвиг (1800—1852), князь, австрийский деятель. В 1848 г. стал во главе австрийского правительства, преобразовал Австрию в единое государство.

¹¹ АВПР, ф. «Отчеты МИД», 1850, л. 105.

¹² Фридрих-Вильгельм IV. (1795—1861), прусский король с 1840 г.

¹³ *Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1, СПб., 1898. Приложения, с. 117.*

¹⁴ *Мартенс Ф. Ф. Указ. соч., т. 12, с. 123.*

¹⁵ *Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 626.*

¹⁶ *Андреев В. Война за утверждение прусской гегемонии в Европе и отношение к ней России. СПб., 1871, с. 2.*

¹⁷ Абдул-Меджид (1823—1861) — 31-й турецкий султан, сын и наследник Махмуда II. При нем последовал ряд мер, направленных на преобразование

государственного строя Турции с 1839 г. Они известны под общим именем танзимат (новое устройство). Танзимат не дал ни равноправия национальностей, ни свободы личности, но все же создал некоторый внешний порядок и содействовал военному и политическому усилению Турции. Ему же содействовало торжество Турции в войне с Россией, достигнутое ею благодаря союзу с Францией и Англией. После войны Турция была принята в Европейский Концерт и допущена на Парижский конгресс. А.-Меджид принял титул императора и его величества, подражая в этом отношении европейским монархам. А.-Меджид не мог избавиться от зависимости от иностранных держав.

¹⁸ АВПР, ф. «Отчеты МИД», 1851, л. 12.

¹⁹ Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902. СПб., 1902, с. 117.

²⁰ См.: Филиппов М. М. Осажденный Севастополь. М., 1977, с. 11.

²¹ АВПР, ф. «Отчеты МИД», 1852, л. 30.

²² Сеймур Джордж Гамильтон (1797—1880), британский дипломат. В 1851—1854 гг. посол Великобритании в России.

²³ Стратфорд-Каннинг Чарльз (1786—1880), виконт Рэдклиф — английский дипломат. Содействовал развязыванию Крымской войны.

²⁴ Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869) — генерал-адъютант, адмирал, русский военный и дипломатический деятель, главнокомандующий сухопутными и морскими силами во время Крымской войны 1853—1856 гг.

²⁵ РГА ВМФ, ф. Меншикова. К. 67. Меншиков — Гессу. 13/25, 1853.

²⁶ Корнилов Владимир Алексеевич (1806—1854) — вице-адмирал, выдающийся деятель русского флота; в 1850—1854 гг. — начальник штаба Черноморского флота и портов; руководил обороной Севастополя, погиб 5(17) октября 1854 г.

²⁷ Пароходофрегат — фрегат, имеющий вместе с нормальным парусным вооружением и паровой двигатель.

²⁸ Топ-Хане — часть Константинополя, получившая свое название от пушечно-литейного завода.

²⁹ Великий визирь — глава правительства, имел право издавать от имени султана указы (фирманы), подписывал мирные договоры. По конституции 1876 г. великий визирь — председатель Совета министров. Должность великого визиря упразднена в Турции вместе с султанатом в 1922 г.

³⁰ Татищев С. С. Дипломатический разрыв России с Турцией 1853 года // Исторический вестник. 1892, март, с. 727.

³¹ См.: Виноградов В. Н. Николай I в «Крымской ловушке» // Новая и новейшая история. 1992, № 4, с. 36.

³² Тарле Е. В. Указ соч., т. I, с. 193—194.

Абердин Джордж Гамильтон Гордон (1784—1860), премьер-министр Великобритании в 1852—1855 гг.; один из лидеров тори, с 1850 г. — пилитов;

Кларендон Джордж Уильям (1800—1870), граф, министр иностранных дел Великобритании в 1853—1858 гг., 1865—1866, 1868—1870 гг.; виг (позднее либерал). Содействовал подготовке Крымской войны.

³³ Валевский Флориан-Александр-Жозеф-Колонна (1810—1868), граф — французский государственный деятель и дипломат. Внебрачный сын Наполеона I и польской графини Валевской. С 1855 г. сенатор.

³⁴ Богданович М. Переговоры князя Меншикова // Вестник Европы. 1873, январь, с. 114.

³⁵ Горчаков Михаил Дмитриевич (1793—1861) — генерал-адъютант, генерал от артиллерии, в 1855 г. главнокомандующий Южной армией и сухопутными и морскими силами в Крыму.

³⁶ Буоль-Шауенштейн Карл-Фердинанд, граф (1797—1865), австрийский дипломат, в 1852—1859 г. министр иностранных дел.

³⁷ Очерк истории МИД, с. 118.

³⁸ *Тотлебен Э. И.* Описание обороны г. Севастополя. СПб., 1863, т. 1, с. XI

³⁹ См.: *Горев Л.* Указ. соч., с. 232.

⁴⁰ *Тотлебен Э. И.* Указ. соч., с. 194.

⁴¹ Омер-паша, в христианстве Латош Михай (1806—1871), австрийский офицер, бежал в Турцию. Генерал-майор (1839), командовал отрядами в Египте, Валахии, Боснии и Черногории, в 1853—1856 г. главнокомандующий турецкой армией на театре военных действий. Подавлял восстания в Черногории и Герцеговине в 1862 г. и на острове Кандия в 1867 г.

⁴² Шамиль (1799—1871), 3-й имам Дагестана и Чечни (1834—1859), руководитель освободительной борьбы кавказских горцев против царских войск и местных феодалов под лозунгами мюридизма, основатель имамата. 25 августа 1859 г. сдался русским войскам в районе аула Гуниб и выслан в Калугу. Умер по пути в Мекку, в Медине (Аравия).

⁴³ Бебутов Василий Осипович (1791—1858), князь, в 1809 г. служил на Кавказе, в 1812 г. под Ригой, с 1816 г. адъютант Ермолова, с 1825 г. командир 2-й бригады 22-й пехотной дивизии, в 1830-1838 гг. начальник Армянского края, с 1844 г. командующий войсками в Дагестане, в 1853—1856 г. командовал Действующим корпусом на Кавказе, генерал от инфантерии (1857), с 1858 г. член Государственного совета.

⁴⁴ Нахимов Павел Степанович (1802—1855) — вице-адмирал, крупный деятель русского флота; в 1852 г. начальник 5 флотской дивизии; в 1854—1855 гг. помощник начальника Севастопольского гарнизона, командир Севастопольского порта и временный военный губернатор Севастополя, герой Севастопольской обороны.

Лазарев Михаил Петрович (1788—1851) — адмирал, выдающийся деятель русского флота и флотоводец, видный мореплаватель и ученый, исследователь Антарктики; в 1833—1851 гг. был главным командиром Черноморского флота и портов.

⁴⁵ *Тотлебен Э. И.* Указ. соч., с. XV.

⁴⁶ В Синопе турки имели 16 кораблей: 7 фрегатов, 2 парохода, 3 корвета, 2 военных транспорта, 2 брига.

⁴⁷ *Тотлебен Э. И.* Указ. соч., с. XVI—XVIII.

⁴⁸ *Тотлебен Э. И.* Указ. соч., с. XVIII.

⁴⁹ *Guedalla Ph. Palmerston.* London. 1950, p. 315.

⁵⁰ Андронников (Андроникян) Иван (Ованес) Малхазович (1798—1868), генерал от кавалерии, с 1824 г. на Кавказе, с 1849 г. военный губернатор Тифлиса, с 1854 г. в отставке.

⁵¹ Щеголев А. — прапорщик, командир 6-й, или левой, батареи на Практическом моле.

⁵² *Вяземский П. А.* Полн. собр. сочинений. СПб., 1887, т. XI, с. 127.

⁵³ РГИА, ф. 523, оп. 1, д. 2149, л. 40; д. 2222, л. 12.

⁵⁴ См.: *Фредерикс М. П.* Указ. соч., с. 471.

⁵⁵ Непир Чарльз (1786—1860), английский адмирал, в 1854 г. главнокомандующий британским флотом в Балтийском море.

⁵⁶ Опубликовано в «Санкт-Петербургских ведомостях», 1854, № 195.

⁵⁷ Завойко Василий Степанович (1809—1898) — военный деятель, адмирал (1874). С 1850 г. — камчатский военный губернатор и командир Петропавловского порта. Во время Крымской войны в августе-сентябре 1854 г. с небольшим

гарнизонам успешно отразил попытку англо-французской эскадры овладеть Петропавловском. По указанию командования весной 1855 г. эвакуировал население, гарнизон и имущество из Петропавловска в устье Амура, где возглавил оборону и строительство Николаевского порта (ныне Николаевск-на-Амуре). В 1856 г. вернулся в Петербург, служил в высшем военно-морском суде (аудиториате).

⁵⁸ РГВИА, ф. ВУА, д. 5599, лл. 179—182.

Якоби Борис Семенович (Мориц Герман) (1801—1874), русский физик и электротехник, академик Петербургской АН (1842). Родился в Германии, с 1835 г. в России. Имел много трудов по практическому применению электричества. Изобрел электродвигатель (1834) и опробовал его для привода судна (1838). Создал гальванотехнику (1838), несколько типов телеграфных аппаратов (1840—1850). Исследовал электромагниты (совместно с Э. Х. Ленцем). Труды по военной электротехнике, электрическим измерениям, метрологии.

⁵⁹ Милошевич Н. С. Из записок севастопольца. СПб., 1904, с. 10.

⁶⁰ Сент-Арно Арман Жак Леруа де (1801—1854) — французский политический и военный деятель, маршал (с 1852 г.). Во время Крымской войны — главнокомандующий восточной французской армией.

⁶¹ Русский архив. 1867, декабрь, с. 1611.

⁶² Раглан Фицрой-Джемс-Генри Сомерсет, барон (1788—1855), английский генерал. С 1852 г. генерал-инспектор артиллерии английской армии, командующий английским десантом в Крыму.

⁶³ См.: Филиппов М. М. Указ. соч., с. 127.

⁶⁴ Тотлебен Э. И. Указ. соч., т. 1, с. 658.

⁶⁵ См.: Милошевич Н. С. Указ. соч., с. 15.

⁶⁶ Брандер — судно, загруженное горючими и взрывчатыми веществами, которое поджигали и пускали по ветру или течению на неприятельские корабли. В XIX — сер. XX вв. брандерами назывались старые суда, затоплявшиеся у входа в гавань противника с целью заграждения.

⁶⁷ См.: Филиппов М. М. Указ. соч., с. 129, 152.

⁶⁸ Боске Пьер-Франсуа-Жозеф (1810—1861), дивизионный генерал (1853) и командующий Обсервационным корпусом в Крыму (1854—1855). Маршал Франции (1856).

⁶⁹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В. А. Корнилова. СПб., 1859, с. 180—183.

⁷⁰ РГИА, ф. Зимнего дворца, д. 2156, л. 135. Дневник Корнилова 1854 г. 28 сентября.

⁷¹ Истомин Владимир Иванович (1809—1855) — контр-адмирал, герой Севастопольской обороны. В 1854—1855 гг. руководил строительством укреплений 4-го отделения оборонительной линии и обороной Малахова кургана. Убит 7(19) марта 1855 г. на Камчатском люнете.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884) — генерал; в 1854—1855 гг. подполковник, полковник, начальник инженеров Севастопольского гарнизона, строитель многих укреплений Севастополя.

⁷² «Три святителя», «Уриил», «Селафаил», «Варна», «Силистрия», «Флора» и «Сизополь».

⁷³ Канробер Франсуа-Сержен (1809—1895), основатель Иностранного Легиона Франции (1839), бригадный (1850), дивизионный генерал (1852). С 1854 г. командующий французской армией в Крыму, маршал Франции (1856), в 1859—1870 гг. командовал 3-м корпусом, капитулировал в Меце в 1870 г.

⁷⁴ Сафонов А. П. Царствование императора Александра II. М., 1897, с. 37.

⁷⁵ Moniteur. 1854 г. 6 ноября.

⁷⁶ См.: *Филлипов М. М.* Указ. соч., с. 53, 439.

⁷⁷ Липранди Павел Петрович (1796—1864), участник войн 1813—1814, 1828—1829, 1830—1831 гг., генерал-майор (1839), в 1842—1848 гг. командир лейб-гвардии Семеновского пехотного полка, в 1848 г. генерал-лейтенант, начальник штаба Гренадерского корпуса, с 1849 г. начальник 12-й пехотной дивизии, в 1854 г. генерал от инфантерии, командир 6-го, с 1859 г. — 2-го пехотных корпусов, с 1862 г. инспектор войск.

⁷⁸ *Милошевич Н. С.* Указ. соч., с. 26.

⁷⁹ Военный сборник. 1859, № 2, с. 409.

⁸⁰ *Пирогов Н. И.* Севастопольские письма. 1854—1855. СПб., 1899, с. 17—20.

Пирогов Николай Иванович (1810—1881), знаменитый хирург, педагог, общественный деятель, основоположник военно-полевой хирургии и анатомо-экспериментального направления в хирургии, член-корреспондент Петербургской АН (1846). Участник Севастопольской обороны (1854—1855), франко-прусской (1870—1871) и русско-турецкой (1878—1879) войн. Впервые произвел операцию под наркозом на поле боя (1847), ввел неподвижную гипсовую повязку, предложил ряд хирургических операций.

⁸¹ *Пирогов Н. И.* Указ. соч., с. 33.

⁸² См.: *Милошевич Н. С.* Указ. соч., с. 31—32.

⁸³ *Тотлебен Э. И.* Указ. соч., с. 664.

⁸⁴ См.: Очерк истории МИД, с. 48.

⁸⁵ Ламармора Альфонсо-Ферреро, итальянский генерал (1804—1878), был сардинским военным министром, в 1855 г. командовал Сардинским корпусом в Крыму. В 1859—1860 и 1864—1866 гг. министр-президент. В 1866 г. начальник Генерального штаба в войне с Австрией. В 1870—1871 гг. генерал-губернатор Рима.

⁸⁶ Хрулев Степан Александрович (1807—1870), генерал-лейтенант (1853). Участвовал в усмирении польского восстания 1831 г., в венгерской кампании 1849 г. В Крымскую войну участник боев на Дунае (1854), командовал юго-восточным участком обороны Севастополя (1855). В 1861 г. командовал корпусом, с 1862 г. в отставке.

⁸⁷ Константин Николаевич (1827—1892), великий князь, 2-й сын императора Николая I, генерал-адмирал (1831). В 1853—1881 гг. руководил Морским министерством, провел ряд прогрессивных реформ на флоте. В 1857—1861 гг. участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., в 1860—1861 гг. председатель Главного комитета по крестьянскому делу. В 1865—1881 гг. председатель Государственного совета.

⁸⁸ *Яковлев С. П.* Указ. соч., с. 182—184.

⁸⁹ *Тютчева А. Ф.* Указ. соч., с. 88.

⁹⁰ ГАРФ, ф. 678, оп. I, ед. хр. 25, л. 2 об.

⁹¹ *Фредерикс М. П.* Указ. соч. с. 480—481.

⁹² См.: ОР РГБ, ф. 233, карт. 14, ед. хр. 22, л. 26.

⁹³ Мандт Мартин (1800—1858), лейб-медик Николая I.

⁹⁴ *Фредерикс М. П.* Указ. соч., с. 481.

2. Начало царствования Александра II

⁹⁵ *White A.* Autobiography. Vol. I. L. 1905, p. 470.

⁹⁶ См.: *Тютчева А. Ф.* Указ. соч., с. 97.

⁹⁷ ГАРФ, ф. 728, оп. 5, д. 2265, л. 4; РГИА, ф. 1101, оп. 2, д. 394, л. 1.

⁹⁸ ОР РГБ, ф. 41, к. 168, ед. хр. 45, л. 1.

⁹⁹ ОР РГБ, ф. 219, к. 95, ед. хр. 62, л. 12.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ По всей видимости, это было не лучшее решение. Зная князя Горчакова по подвигам дунайской кампании, войска приняли его в Крыму с ледяным равнодушием. Так повествует даже столь скромный в своих суждениях историк, как М. И. Богданович («Восточная война» 1853—1856).

¹⁰² Лидерс Александр Николаевич (1790—1874), генерал-адъютант, главнокомандующий Крымской армией (1855), наместник Царства Польского и главнокомандующий 1-й армией (1861—1862), граф (1862).

¹⁰³ Обзор царствования... с. 19—20.

¹⁰⁴ Там же, с. 20.

¹⁰⁵ Очерк истории МИД, с. 118.

¹⁰⁶ Князь М. Д. Горчаков в 1855—1861 гг. // Русская старина. 1880, сентябрь, с. 120—121.

¹⁰⁷ Бирюлёв (Бирилёв) Николай Александрович (1829—1882), контр-адмирал, герой Севастопольской обороны. В 1854—1855 гг. командовал аванпостом у 3-го бастиона;

Кошка Петр Маркович (1828—1882), русский матрос, герой Севастопольской обороны 1854—1855 гг. Отличался храбростью и находчивостью в бою, особенно в разведке и при захвате пленных. Бюст Кошки установлен в Севастополе.

¹⁰⁸ Новосильский Федор Михайлович (1808—1892), контр-адмирал, один из лучших офицеров Черноморского флота, сподвижник П. С. Нахимова. Во время Севастопольской обороны командовал 2-м отделением оборонительной линии и постоянно находился на 4-м бастионе.

¹⁰⁹ Вестник Европы. 1898, март, с. 146.

¹¹⁰ *Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания.* М., 1950, с. 510.

¹¹¹ Крестовоздвиженская община сестер милосердия. Основана в ноябре 1854 г. во время Крымской войны для ухода за ранеными на поле сражения. Созданию ее активно содействовала великая княгиня Елена Павловна, баронесса Э. Ф. Раден и великий русский хирург Н. И. Пирогов, стоявший во главе общины во время Севастопольской обороны. Всего в Крыму в 10 городах под руководством Пирогова работало 163 сестры милосердия Крестовоздвиженской общины.

¹¹² Даша Севастопольская — Дарья Лаврентьевна Михайлова — дочь матроса, знаменитая своим самоотверженным, бескорыстным служением больным и раненым в Крымской войне. Оставшись 15-ти лет круглой сиротой, зарабатывала на жизнь стиркой белья.

После высадки неприятеля в Евпатории отправилась вслед за нашими войсками к р. Альме. Повозка Даши была первым после вступления неприятеля в Крым перевязочным пунктом, а сама она первой сестрой милосердия. После войны Дарья вышла замуж за отставного матроса и поселилась в Николаеве. При выходе замуж получила в приданое от царя 1000 р. За деятельность на пользу армии награждена золотой медалью.

¹¹³ Апроши (франц. *aprocche* — приближение, подступы) — устарелое название ходов сообщения — глубокие извилистые узкие рвы между параллелями, отрываемые для скрытого и безопасного подступа к укреплению неприятеля.

¹¹⁴ *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*, т. 11, с. 180.

¹¹⁵ История XIX века. Под редакцией Лависса и Рамбо. М., 1938, т. 5, с. 217—218.

¹¹⁶ См.: *Милошевич Н. С. Указ. соч.*, с. 33.

117 Русская старина. 1883, т. XXVII, с. 119.

118 Пелисье Жан-Жак (1796—1864), дивизионный генерал (1853). В 1855 г. командир 1-го корпуса, главнокомандующий французской армией в Крыму, маршал Франции. С 1856 г. герцог Малаховский, отличился при взятии Малахова кургана. В 1860—1864 гг. генерал-губернатор Алжира.

119 *Kinglake A. W.* The Invasion of the Crimea; its Origin and Account of the Progress... vol. XIII. Leipzig. 1889.

120 См.: *Тотлебен Э. И.* Описание обороны г. Севастополя. СПб., 1872, т. 2, отд. 1, с. 344—345; *Милошевич Н. С.* Указ. соч., с. 51.

121 См.: Кронштадтский вестник. 1868, № 17.

122 *Шильдер Н.* Граф Э. И. Тотлебен. СПб., 1885, т. 1, Приложения, с. 73.

123 Бакунина Екатерина Михайловна (1812—1894), сестра милосердия во время Крымской войны, с февраля 1855 г. стала сестрой настоятельницей Крестовоздвиженской общины. В конце 70-х годов во время русско-турецкой войны она в возрасте 65 лет приняла начальство над отрядами Красного Креста на Кавказе. За 2 недели до смерти она еще работала в сельской больнице, ею созданной и ею же руководимой.

124 *Бакунина Е. М.* Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины // Вестник Европы. 1898, март, с. 166.

125 *Берг Н.* Записки об осаде Севастополя. Т. 1, М., 1858, с. 224.

Берг Николай Васильевич (1823—1884), поэт-переводчик, журналист, историк.

126 Шесть месяцев в Севастополе // Военный сборник. 1861, № 1.

127 Сборник рукописей о Севастопольской обороне. СПб., 1872, т. II, с. 421, 424.

128 См.: *Горев Д.* Указ. соч., с. 474.

129 Семьякин Константин Романович (1802—1867), генерал от инфантерии; в 1854 г. генерал-майор, командир 1-й бригады 12-й пехотной дивизии, затем начальник штаба главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму; в 1855 г. начальник 1-го отделения оборонительной линии.

130 История XIX века, под ред. Лависса и Рамбо. Т. 5, с. 222.

131 Русская старина. 1883, т. XXXIX, с. 218.

132 Советская военная энциклопедия: В 8 т. Т. 7. М., 1979, с. 280.

133 *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений, т. II, М., 1951, с. 124.

134 Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983, с. 95.

135 *Тарле Е. В.* О «Севастопольских рассказах». Вступительная статья. / Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. М.; Л., 1943, с. 6.

136 Дендас Ричард Саундерс (1802—1861), второй сын виконта Мельвилля, английский адмирал (1853—1855), с 1857 г. лорд адмиралтейства.

137 РГ ВИА, ф. 69, д. 18, л. 216.

138 РГИА, ф. 722, д. 177. Копия с отношения командующего войсками в Финляндии к военному министру от 4(16) августа 1855 г., № 1342.

139 ОР РГБ, ф. 219, к. 92, ед. хр. 62, л. 12.

Николай Николаевич (1831—1891), великий князь, брат Александра II, генерал-инспектор кавалерии и инженерной части, член Государственного совета, главнокомандующий войсками во время русско-турецкой войны, генерал-фельдмаршал.

Михаил Николаевич, великий князь (1832—1909), брат Александра II, генерал-фельдцейхмейстер, главный начальник военно-учебных заведений в 1860—1863 гг.

¹⁴⁰ *Милорадович Г. А.* Александр II царь-освободитель. СПб., 1898, с. 7.

¹⁴¹ Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794—1866), русский военный деятель, генерал-адъютант (1833), генерал от инфантерии (1853). Брат А. Н. и М. Н. Муравьевых. Сторонник отмены крепостного права. В Крымскую войну, в 1854—1856 гг. наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским корпусом, руководил взятием Карса (1855). С 1856 г. в отставке, был членом Государственного совета.

¹⁴² *Mosse W.* The Rise and Fall of the Crimean System. 1855—1871. London, 1963, p. 17.

¹⁴³ *Henderson G. H.* Crimean War Diplomacy. Glasgow. 1947, p. 17.

¹⁴⁴ См.: Восточный вопрос во внешней политике России (Конец XVIII—начало XX в.). М., 1978, с. 147.

¹⁴⁵ Долгоруков (Долгорукий) Василий Андреевич, князь (1804—1868), военный министр в 1853—1856 гг., шеф жандармов и начальник III Отделения в 1856—1866 гг.;

Киселев Павел Дмитриевич, граф (1788—1872), министр государственных имуществ в 1838—1856 гг., русский посол в Париже в 1856—1862 гг.;

Блудов Дмитрий Николаевич, граф (1785—1864), государственный деятель, министр юстиции в 1830—1831 и в 1837—1839 гг., министр внутренних дел в 1832—1837 гг., член Главного управления цензуры в 1857—1859 гг., с 1855 г. президент Академии наук, с 1862 г. председатель Государственного совета и Комитета министров;

Мейендорф Петр Казимирович, барон (1796—1863), русский посланник в Берлине, член Государственного совета.

¹⁴⁶ *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. Т. III. СПб., 1882, с. 4—5.

¹⁴⁷ *Тютчева А. Ф.* Указ. соч., с. 141.

¹⁴⁸ *Тарле Е. В.* Указ. соч., т. II, с. 552.

¹⁴⁹ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров: Дневник 1855—1882. М., 1929, с. 105—107.

¹⁵⁰ *Татищев С. С.* Указ. соч., т. 1, с. 189.

¹⁵¹ См.: История XIX века, под ред. Лависса и Рамбо. Т. 5, с. 227.

¹⁵² Очерк истории МИД, с. 119.

¹⁵³ См.: *Мартенс Ф.* Сборник трактатов и конвенций... Т. 15, с. 219—332; Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. М., 1952, с. 23—34; *Тарле Е. В.* Парижский мир 1856. М., 1942.

¹⁵⁴ Очерк истории МИД, с. 119—120.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (2ПСЗ), т. 31, отд. 2, с. 131.

¹⁵⁷ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 684, л. 7.

¹⁵⁸ Советская военная энциклопедия. М., 1977, т. 4, с. 490.

¹⁵⁹ См.: *Николаев В.* Указ. соч., с. 211.

¹⁶⁰ Васильчиков Виктор Илларионович (1820—1878) — князь, русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант. С 1851 г. начальник штаба Севастопольского гарнизона, с 1856 г. — начальник штаба Южной армии. В 1857 г. директор канцелярии военного министерства, в апреле 1858 г. — товарищ военного министра, а в мае — управляющий Военным министерством. С 1860 г. в отставке.

Александр II и Великие реформы 60—70-х годов:
достижения и проблемы

Глава третья

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.

1. Предпосылки реформ.

Подготовка отмены крепостного права в России

¹ *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1958, т. V, с. 296.

Ключевский Василий Осипович (1841—1911), выдающийся историк, крупнейший представитель русской историографии, академик (1900), почетный академик (1908) Петербургской АН. Труды: «Курс русской истории», «Боярская дума Древней Руси», по истории крепостного права, сословий, финансов, историографии.

² *Долгоруков П. В.* Правда о России. 1861, Mémoires, t. 1, Genève, 1867, p. 30.

Долгоруков Петр Владимирович, князь (1816—1868), историк и публицист, в 1859 г. эмигрировал, в 1860—1864 гг. издавал журналы и газеты в Лейпциге, Париже, Брюсселе, Лондоне, сотрудничал в «Колоколе».

³ Там же, с. 94—96.

⁴ См.: *Нифонтов А. С.* Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853-1856 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, с. 83, 88.

⁵ *Никитенко А. В.* Указ. соч., с. 421.

Никитенко Александр Васильевич (1804—1877), выходец из крепостных крестьян, литературный критик, историк литературы, цензор, академик Петербургской АН (1855). Созданный им «Опыт истории русской литературы» (1845) представляет попытку периодизации русской литературы. «Дневник» (полное изд. т. 1—3, 1955—1956) содержит ценный литературный и исторический материал.

⁶ РГИА, ф. 565, оп. 14, д. 152, л. 493—497; ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 928, л. 266—271.

Тенгоборский Людвиг Валерианович (1793—1857), русский экономист, статистик и дипломат.

⁷ ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 681, л. 65; д. 928, л. 184—201, 221, 266—271; РГИА, ф. 563, оп. 1, д. 9, л. 1—7.

⁸ *Тютчева А. Ф.* Указ. соч., с. 155.

⁹ *Захарова Л. Г.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989, № 10, с. 8.

¹⁰ РГИА, ф. 1284, оп. 66, д. 11 а, л. 8.

¹¹ См.: Сведения о питейных сборах в России, ч. 1—4. СПб., 1860; *Лурье Г.* Питейные бунты 1859 и П. П. Линьков-Кочкин. «Звенья», 1934, кн. 3—4.

¹² ОР РГБ, ф. 219, к. 95, ед. хр. 62, л. 12.

¹³ За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Часть первая, Искандера. Лондон, 1860, с. 3—8.

¹⁴ Напечатана в качестве приложения к книге: «Записки князя С. П. Трубецкого». СПб., 1907, с. 125—153.

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), юрист, историк и публицист.

¹⁵ Мельгунов Николай Александрович (1804—1867), публицист и беллетрист.

¹⁶ «Голоса из России», ч. 1. Изд. 2. London. 1858, с. 161—162; ОР РГБ, ф. 3, к. 3, д. 12.

¹⁷ «Русь». 1881, №№ 26—28.

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860), русский публицист, историк, лингвист и поэт. Сын С. Т. Аксакова. Один из идеологов славянофильства. Выступил за отмену крепостного права при сохранении монархии.

¹⁸ Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855), знаменитый профессор Московского университета по кафедре всеобщей истории, вместе с Белинским и Герценом — основоположник, вождь и один из идеологов либерального «западничества».

¹⁹ Кошелев А. И. Записки. Приложение, с. 38—54.

Кошелев Александр Иванович (1806—1883), публицист и общественный деятель, славянофил. В юности член московского кружка Любомудров и Литературного общества С. Е. Раича. Автор одного из радикальных проектов крестьянской реформы. С 1864 по 1866 г. главный директор финансов в Учредительном комитете Царства Польского.

²⁰ Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк и журналист, профессор Московского университета по кафедре всеобщей (позднее — русской) истории с 1826 по 1844 г.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), поэт и общественный деятель, известный славянофил.

Самарин Юрий Федорович (1819—1876), публицист и общественный деятель, славянофил, с 1859 г. принимал участие в работе Редакционных комиссий.

²¹ Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), публицист и литературный критик, один из основоположников славянофильства. В 1832 г. издавал журнал «Европеец».

²² Русская старина. 1893, № 9, с. 509.

Валуев Петр Александрович (1815—1890), министр внутренних дел с 1861 по 1868 г., впоследствии министр государственных имуществ, председатель Комитета министров.

²³ Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), профессор Московского университета, публицист, историк русского права; в 1857—1858 гг. преподавал право наследнику Николаю Александровичу.

²⁴ См.: Собрание сочинений К. Д. Кавелина, т. II. СПб., 1897, с. 31, 55, 67.

²⁵ Литвак Б. Г. Переворот 1861 года..., с. 15.

²⁶ Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), светлейший князь (с 1871), русский дипломат, канцлер (с 1867), почетный член Петербургской АН (1856). С 1817 г. на дипломатической службе, в 1856—1882 гг. министр иностранных дел. В 1871 г. добился отмены ограничительных статей Парижского мирного договора 1856 г. Участник создания «Союза трех императоров». Обеспечил нейтралитет европейских держав в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Сторонник буржуазных реформ.

²⁷ Сухозанет Николай Онуфриевич (1794—1871), генерал-адъютант, военный министр в 1856—1861 гг.

²⁸ Бибииков Дмитрий Гаврилович (1792—1870), министр внутренних дел с 1852 по 1855 г.

²⁹ Ланской Сергей Степанович (1787—1862), министр внутренних дел в 1855—1861 гг.

³⁰ Панин Виктор Никитич, граф (1801—1874), министр юстиции в 1841—1861 гг., член Секретного (1857) и Главного (с 1858) комитета по крестьянскому делу, с февраля 1860 г. председатель Редакционных комиссий;

Клейнмихель Петр Андреевич, граф (1793—1869), главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями в 1842—1855 гг.;

Норов Авраам Сергеевич (1795—1869), министр народного просвещения в 1854—1858 гг.;

Брок Петр Федорович (1805—1875), министр финансов в 1853—1858 гг.;

Анненков Николай Николаевич (1793—1865), генерал-адъютант, государственный контролер в 1855—1862 гг.

³¹ Долгоруков П. В. Указ. соч., с. 117.

³² Чевкин Константин Владимирович (1802—1875), главноуправляющий путей сообщения в 1853—1862 гг.

³³ Чернышев Александр Иванович, князь (1785—1857), генерал от кавалерии, в 1809—1811 гг. — военно-дипломатический агент во Франции, находился при Наполеоне I; в 1832—1852 гг. — военный министр.

³⁴ Мазарини Джулио (1602—1661), кардинал с 1641 г., первый министр Франции с 1643 г. Итальянец по происхождению. Вел борьбу с Фрондой. Добился политической гегемонии Франции в Европе.

³⁵ Феоктистов Е. М. Указ. соч., с. 150.

³⁶ Елена Павловна (1806—1873), вдова великого князя Михаила Павловича.

³⁷ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), граф (с 1878 г.), профессор Академии генерального штаба, авторитетный военный историк и боевой генерал, с 1861 по 1881 г. военный министр, реорганизатор русской армии, один из вождей либеральной группы сановников Александра II;

Милютин Николай Алексеевич (1818—1872), один из виднейших государственных деятелей эпохи «великих реформ», фактический руководитель всех подготовительных работ, положенных в основание акта 19 февраля 1861 г., в 1859—1861 гг. товарищ министра внутренних дел, в 1863—1866 гг. статс-секретарь по делам Польши;

Черкасский Владимир Александрович (1824—1878), князь, деятель крестьянской реформы, член-эксперт Редакционных комиссий в 1858—1861 гг.; один из ближайших сотрудников Н. А. Милютина по работе в Польше, в 1870—1871 гг. московский городской голова, во время войны 1877—1878 гг. управляющий гражданской частью в Болгарии;

Арцимович Виктор Антонович (1820—1893), первоприсутствующий Уголовного кассационного департамента сената; с 1854 г. тобольский, а с 1858 по 1863 г. калужский гражданский губернатор. С 1863 по 1866 г. член Учредительного комитета и вице-президент Государственного совета Царства Польского;

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), поэт и публицист славянофильского лагеря, редактор газет «Парус» (1859), «День» (1861—1865), впоследствии председатель Московского славянского комитета (1875—1878).

³⁸ Катков Михаил Никифорович (1818—1887), русский публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856) и газеты «Московские ведомости» (1850—1855, 1863—1887). В 30-х годах примыкал к кружку Н. В. Станкевича. В 50-х годах умеренный либерал, сторонник английского политического строя. Со времени Польского восстания 1863—1864 гг. — апологет реакционного правительственного курса, один из вдохновителей контрреформ.

³⁹ Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790—1853), князь, русский государственный деятель, академик Петербургской АН (1828), председатель Археографической комиссии (1834—1850). С 1842 г. товарищ, с 1850 г. министр

народного просвещения. Запретил прием в университеты лиц недворянского происхождения. Автор исторических и филологических работ.

⁴⁰ ОР РГБ, ф. 169, к. 45, ед. хр. 19, л. 1—14.

⁴¹ ОР РГБ, ф. 219, к. 95, ед. хр. 62, л. 12.

⁴² Там же.

⁴³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIV, СПб., 1888—1910, с. 202.

⁴⁴ Кизеветтер А. Деятельность в истории России. Ростов-на-Дону. 1905, с. 36—37.

Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933), русский историк, общественный деятель, член-корреспондент АН СССР (член-корреспондент Российской АН с 1917). Профессор Московского университета (1909—1911). С 1922 г. за границей, профессор Пражского университета. Труды по истории русского города, политической истории и общественной мысли XVIII—XIX вв.; мемуары.

⁴⁵ Русский архив. 1885, кн. 8, с. 476; Голос минувшего, 1916, № 5—6, с. 393.

⁴⁶ Бахрушин С. Великая княгиня Елена Павловна // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911, с. 142; Захарова Л. Г. Записка Н. А. Милюткина об освобождении крестьян (1856 г.) // Вопросы истории России XIX—начала XX века. Л., 1983, с. 24—33.

⁴⁷ См.: Семенов-Тянь-Шанский П. П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861 гг.) Пг., 1915, т. III, с. 93.

⁴⁸ Левшин Алексей Ираклиевич (1799—1879), одесский градоначальник в 1831—1837 гг., товарищ министра внутренних дел в 1854—1859 гг.

⁴⁹ Левшин А. И. Достопамятные минуты в моей жизни // Русский архив. 1885, кн. 8, с. 484.

⁵⁰ См.: Иванюков И. Падение крепостного права в России. СПб., 1903, с. 15.

Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866), граф, русский государственный деятель, генерал от инфантерии (1863). Брат А. Н. и Н. Н. Муравьевых. В 1857—1861 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края, за жестокость при подавлении Польского восстания 1863—1864 гг. прозван «вешателем»;

Гагарин Павел Павлович (1789—1872), князь, русский государственный деятель. Участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., отстаивал интересы крепостников. В 1864—1872 гг. председатель Комитета министров, в 1864—1865 гг. одновременно председатель Государственного совета;

Корф Модест Андреевич (1800—1876), граф, русский государственный деятель, историк, почетный член Петербургской АН (1852). С 1834 г. государственный секретарь. С 1848 г. член, а с 1853 г. председатель негласного комитета для надзора за книгопечатанием, в 1849—1861 гг. директор С.-Петербургской публичной библиотеки. В 1864—1872 гг. председатель департамента законов Государственного совета. Написал официальное сочинение о восстании декабристов;

Бутков Владимир Петрович (ок. 1814—1881), русский государственный деятель, почетный член Петербургской АН (1863). В 1853—1865 гг. государственный секретарь. Участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., содействовал проведению судебной реформы 1864 г.

⁵¹ Русский архив. 1886, кн. 7, с. 366.

⁵² Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Пг., 1915, т. 1, с. 1—3.

⁵³ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 22 об.

⁵⁴ См.: Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968, с. 79.

⁵⁵ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1, с. 18.

⁵⁶ Назимов Владимир Иванович (1802—1874), попечитель Московского учебного округа в 1849—1855 гг., виленский военный губернатор и гродненский, минский и ковенский генерал-губернатор в 1855—1863 гг.

⁵⁷ См.: ГАГФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 23.

⁵⁸ Русское общество 40—50-х годов XIX в. Часть 1. Записки А. И. Кошелева. М., 1991, с. 99.

⁵⁹ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 23;

Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование Александра II, т. 1, Берлин, 1860, с. 140—441.

⁶⁰ ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 156, л. 2—5.

⁶¹ См.: *Захарова Л. Г.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1989, № 10, с. 9.

⁶² ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 24 об.

⁶³ Игнатъев Павел Николаевич (1797—1879), граф, русский государственный деятель, генерал от инфантерии (1859), почетный член Петербургской АН (1856). В 1854—1861 гг. петербургский генерал-губернатор, в 1872—1879 гг. председатель Комитета министров.

⁶⁴ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. Письма. М., 1961, т. 3, с. 187.

⁶⁵ ГАГФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 25—25 об.

⁶⁶ Там же, л. 25 об.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 156, л. 14, 15.

⁶⁹ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 25 об.

⁷⁰ Корш Евгений Федорович (1810—1897), русский журналист, переводчик. В 1843—1848 гг. редактировал «Московские ведомости», в 1858—1859 гг. — издатель-редактор либерального журнала «Атеней».

⁷¹ Вернадский Иван Васильевич (1821—1884), русский экономист, профессор политической экономии Киевского и Московского университетов (1846—1856). Основатель и редактор журналов «Экономический указатель» (1857—1861) и «Экономист» (1858—1865).

⁷² См.: *Захарова Л. Г.* Самодержавие и реформы в России. 1861—1874. // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992, с. 30.

⁷³ Унковский Алексей Михайлович (1828—1893/94), русский либеральный общественный деятель. С 1857 г. предводитель дворянства Тверской губернии, участник подготовки крестьянской реформы 1861г. В 1859 г. отстранен от должности, сослан в Вятку. В 1866 г. присяжный поверенный.

⁷⁴ Вопросы истории. 1873, № 3, с. 37—39.

⁷⁵ ГАРФ, ф. 109, оп. 3, д. 1960, л. 4, 11—11 об., 20 об.-22, 54—54 об.

⁷⁶ Позен Михаил Павлович (1798—1871), помещик Полтавской губернии, автор одного из проектов освобождения крестьян.

⁷⁷ См.: Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. IV. М., 1911, с. 147, 148; *Позен М.* Бумаги по крестьянскому делу. Дрезден. 1864.

⁷⁸ См.: *Самарин Ю. Ф.* О теперешнем и будущем устройстве помещичьих крестьян в отношениях юридическом и хозяйственном // *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. М., 1885, т. 3, с. 19—55.

⁷⁹ См.: Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование Александра II. Т. 1, вып. 2. Берлин, 1860, с. 382—396.

⁸⁰ Из речи императора Александра II в Костроме 16 августа 1858 г. // Татищев С. С. Т. 1, с. 336.

⁸¹ Там же, с. 337

⁸² ОР РНБ, ф. 327, р. 1, к. 26, ед. хр. 31, л. 1.

⁸³ См.: ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 26 об.

⁸⁴ Принято повсеместно считать, что Редакционные комиссии созданы 19 февраля 1859 г., на самом деле, как отмечает документ (см.: ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 26—26 об.), они были созданы 17 февраля 1859 г.

⁸⁵ Там же, л. 27.

⁸⁶ Жуковский Степан Михайлович (1819—1877), деятель крестьянской реформы, с 1861 г. управляющий делами Главного комитета об устройстве сельского состояния. С 1864 г. управляющий делами комитета по делам Царства Польского;

Соловьев Яков Александрович (1820—1876), государственный деятель, экономист и статистик, сенатор (с 1867). Участник крестьянской реформы 1861 г. Воспоминания «Записки о крестьянском деле»;

Гирс Александр Карлович (1815—1880), член редакционных комиссий в эпоху освобождения крестьян, затем товарищ министра финансов (Рейтерна);

Любошинский Марк Николаевич (1817—1889), юрист, принимал деятельное участие в работе Редакционных комиссий при подготовке крестьянской реформы, затем судебной реформы 1864 г. В качестве сенатора гражданского кассационного департамента и члена Государственного совета с 1881 г. тщательно боролся против искажения Судебных уставов императора Александра II;

Семенов Николай Петрович (1823—1904), русский государственный деятель. Брат П. П. Семенова-Тян-Шанского. Принадлежал к группе «либеральных бюрократов». Писатель, сенатор. Главный труд — «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссии по крестьянскому делу». Т. 1—3. СПб., 1889—1892;

Калачов Николай Васильевич (1819—1885), русский историк, правовед, археограф, архивист, академик Петербургской АН (1883). Участвовал в подготовке реформы 19 февраля 1861 г. и судебной реформы 1864 г. Труды по теории и практике архивного дела, публикации историков древнерусского права;

Попов Александр Николаевич (1820—1877), русский историк, славянофил, член-корреспондент Петербургской АН (1873). Труды по внешней политике России XVII—XIX вв., истории Отечественной войны 1812 г.;

Булыгин Василий Иванович (1807—1871), обер-прокурор сената, заседал в юридическом отделении Редакционных комиссий. Действовал согласно инструкциям М. Н. Муравьева, выступал против Н. А. Милютина. Мнения Булыгина опубликованы в «Приложениях к трудам Редакционных комиссий» (т. 11 и 12, СПб., 1860). С 1861 г. сенатор;

Арапетов Иван Павлович (1811—1887), тайный советник. С 1856 г. занимал должность директора канцелярии министерства уделов.

⁸⁷ Гагемейстер Юлий Андреевич (1806—1878), с 1858 г. директор кредитной канцелярии, статс-секретарь (1860), с 1862 г. — сенатор. Автор работ по истории финансовой системы в России, по статистике и экономике;

Рейтерн Михаил Христофорович (1820—1890), государственный деятель, граф (1890), почетный член Петербургской АН (1863). В 1862—1878 гг. министр финансов, в 1881—1886 гг. председатель Комитета министров. Проводил буржуазные реформы финансовой системы;

Ламанский Евгений Иванович (1824—1902), экономист и государственный деятель. В 1860—1881 гг. — управляющий Государственным банком. Ближайший помощник министра финансов М. Х. Рейтерна. С 1882 г. в отставке;

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфенович (1808—1881/82), государственный деятель, экономист, член-корреспондент Петербургской АН (1856). В 1841 г. требовал освобождения крестьян с землей. Участник подготовки и проведения реформы государственных крестьян П. Д. Киселева и крестьянской реформы 1861 г.;

Домонтович Константин Иванович (1820—1889), деятель крестьянской реформы, с 1859 г. помощник статс-секретаря Государственного совета, участвовал в работе Редакционных комиссий; помощник управляющего комитетом об устройстве сельского состояния. С 1865 г. директор департамента неокладных сборов министерства финансов, с 1874 г. сенатор.

⁸⁸ Галаган Григорий Павлович (1819—1888), общественный деятель, предводитель дворянства Борзенского уезда Черниговской губернии, член Черниговского губернского комитета по крестьянскому делу. В Прилукском уезде устроил ссудно-сберегательное товарищество. В Киеве в 1871 г. основал коллегию Павла Галагана. Писал об этнографии Малороссии. С 1883 г. член Государственного совета;

Тарновский В. В. — член Черниговского комитета;

Железнов Николай Иванович (1816—1876), ботаник и агроном, академик Петербургской АН (1857). С 1847 г. профессор сельского хозяйства Московского университета, в 1859—1861 гг. член Редакционных комиссий, в 1861—1869 гг. директор Петровской земледельческой академии. Труды по растениеводству, эмбриологии и физиологии растений;

Татаринов А. Н. — член Симбирского комитета.

⁸⁹ Бунге Николай Христианович (1823—1895), государственный деятель, либеральный экономист, академик Петербургской АН (1890). В 1852—1869 гг. профессор Киевского университета по кафедре политической экономии, с 1859 г. член финансовой комиссии по подготовке крестьянской реформы. В 1881—1886 гг. министр финансов. В 1887—1895 гг. председатель Комитета министров. Проводил политику протекционизма, правительственного финансирования промышленности. Инициатор отмены подушной подати;

Семенов (с 1906 г. Семенов-Тянь-Шанский) Петр Петрович (1827—1914), географ, статистик, общественный деятель, почетный член Петербургской АН (1873). Брат Н. П. Семенова. Вице-председатель и глава Русского географического общества (с 1873) и Русского энтомологического общества (с 1889). В 1856—1857 гг. исследовал Тянь-Шань, дал первую схему его орографии и высотной зональности. Инициатор ряда экспедиций в Центральную Азию. С 1859 г. член-эксперт и заведующий делами Редакционных комиссий. Организатор первой переписи населения России 1897 г. Руководил изданием многотомных сводок по географии России: «Географическо-статистический словарь Российской империи», «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (совместно с В. И. Ламанским).

⁹⁰ Булгаков Петр Алексеевич (?—1883), статс-секретарь, с 1859 г. член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу. В своих статьях доказывал необходимость предоставить крестьянам то количество земли, которым они владели.

⁹¹ См.: Вопросы истории. 1989, № 10, с. 12.

⁹² Шувалов Петр Павлович, граф (1817—1876), петербургский губернский предводитель дворянства с 1857 г. до 1862 г., председатель губернского комитета по крестьянскому делу, член-эксперт Редакционных комиссий;

Голицын Сергей Павлович, князь (1815—1888), генерал-лейтенант, член Редакционных комиссий с 1859 г.; впоследствии (1861—1870) черниговский губернатор;

Апраксин В. В. — председатель Орловского губернского комитета.

⁹³ Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссии по крестьянскому делу. СПб., 1889, т. 1, с. 77.

⁹⁴ Семенов Н. П. Там же.

⁹⁵ См.: Литвак Б. Г. Указ. соч., с. 96, 97.

⁹⁶ Семенов Н. П. Хроника. Т. 1, с. 103—104.

⁹⁷ Там же, с. 245.

Эгерия — римская нимфа источника, возлюбленная (или жена) и мудрая советница царя Нумы Помпилия.

⁹⁸ Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889), революционер-демократ, ученый, писатель, литературный критик;

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861), литературный критик, публицист, революционер-демократ.

⁹⁹ См.: Еленев Ф. П. Первые шаги освобождения крестьян. СПб., 1886, с. 59.

¹⁰⁰ Семенов Н. П. Хроника, с. 171; см. также с. 153—154.

¹⁰¹ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 27.

¹⁰² Егоров Е. А. Яков Иванович Ростовцев // Император Александр II как участник в крестьянской реформе 19 февраля 1861 г. СПб., 1911, с. 34.

¹⁰³ Великая реформа. М., 1911, т. V, с. 148.

¹⁰⁴ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 27 об.

¹⁰⁵ ОР РНБ, ф. 327, р. 1, к. 26, ед. хр. 31, л. 3.

¹⁰⁶ Там же, л. 2.

¹⁰⁷ Фредерикс М. П. Указ. соч., с. 409.

По вскрытии тела оказалось, что супруга Николая I вовсе не страдала болезнью сердца и легких, как предполагали, — эти органы были совершенно невредимы, — но толстая кишка была найдена совсем в плохом состоянии. Несчастный доктор Карель пришел в отчаяние от этой грубой ошибки. Вина ложилась всецело на него, так как лечивший перед этим императрицу доктор Мандт постоянно утверждал, что у императрицы болезнь кишок и что ее периодические биения сердца были только нервным явлением.

Поступивший после кончины Николая Павловича к его августейшей вдове лейб-медик Карель стал ее лечить исключительно от сердца и легких. Карель сейчас же после этого добровольно удалился; его честная душа не могла перенести такого удара, он уехал за границу, где прожил несколько лет, углубившись в науку. Когда Карель возвратился в Петербург, император Александр II взял его к себе в качестве личного, постоянного врача, так как находившийся при царе с его юных лет лейб-медик Енохин только что умер.

¹⁰⁸ Божерянов И. Н. Указ. соч. СПб., 1898. Вып. 1, с. XXIII.

¹⁰⁹ См.: Император Александр II как участник в крестьянской реформе 19 февраля 1861 г., с. 9.

Головнин Александр Васильевич (1821—1886), государственный деятель, почетный член Петербургской АН (1861). Принадлежал к группе «либеральных бюрократов». Личный секретарь великого князя Константина Николаевича, редактор «Морского сборника». В 1861—1865 гг. министр народного просвещения, руководитель университетских, гимназических, цензурных реформ 1860-х годов.

¹¹⁰ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. 1861—1864 гг., М., 1961, с. 63.

2. Проведение реформы

¹¹¹ ОР РНБ, ф. 601, ед. хр. 2023, л. 1—4; ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1.

¹¹² Второе полное собрание законов. Т. XXXVI, отд. 1, № 36650, 36652, 36657—36675.

- 113 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 28.
- 114 Цит. по: *Дучинский Н. П.* Указ. соч., с. 28.
- 115 См.: Красный архив. 1926, т. 3(16), с. 127.
- 116 ГАРФ, ф. 678, д. 49. Запись 19 февраля 1861 г.
- 117 *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1990, с. 130.
- 118 *Щербачев Г. Д.* Идеалы моей жизни. М., 1895, с. 240.
- 119 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 30.
- 120 Там же, л. 30 об.-31.
- 121 ОР РГБ, ф. 169, к. 38, ед. хр. 12, л. 1—4.
- 122 См. подробнее: 2ПСЗ, т. 33, № 36651; Журналы Главного комитета об устройстве сельского состояния. Т. I, II, 1918; Отчет по Главному комитету об устройстве сельского состояния с 19 февраля 1861 г. по 19 февраля 1870 г., СПб., 1870; Архив Главного комитета хранения в РГИА, ф. 1181, опись дел Государственного совета, т. 15.
- 123 См. подробнее: *Корнилов А. А.* Деятельность мировых посредников // Великая реформа, т. 5. М., 1911; *Зайончковский П. А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.
- 124 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 34 об.
- 125 Толстой Лев Николаевич (1828—1910), великий русский писатель. Дворяне Крапивенского уезда, где Толстой был мировым посредником, посылали на него жалобы начальству, обвиняя его в том, что все спорные дела о земле он решал в пользу крестьян, — и ему пришлось уйти в отставку;
- Обнинский Петр Наркизович (1837—1904), публицист, юрист, общественный деятель. Был мировым посредником первого призыва в Калужской губернии, позже — прокурором Московского окружного суда. Написал «Закон и быт», сборник статей (1891 г.) и др.;
- Бакунин Николай Александрович (1818—1901), общественный деятель. В 1861 г. избран членом Тверского губернского присутствия по крестьянским делам (от дворянства), участвовал в дворянском собрании 1861—1862 гг.;
- Бакунин Алексей Александрович (1823—1882), активный участник выступлений тверского дворянства. В 1860—1862 гг. предводитель дворянства Новоторжского уезда, председательствовал на съезде мировых посредников (1862) в Твери, после которого вместе с братом Николаем Александровичем арестован и осужден. Освобожден с запрещением занимать общественные должности. Автор трудов по ботанике;
- Розен Андрей Евгеньевич (1799—1884), барон. Был два трехлетия мировым посредником в Изюмском уезде Харьковской губернии;
- Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863), был посредником в Калужской губернии.
- 126 Великая реформа. М., 1911, т. V, с. 240.
- 127 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 35 об.-36.
- 128 Там же, л. 36 об.-37 об.
- 129 Там же.
- 130 Там же, л. 41 об.
- 131 См. подробнее: *Литвак Б. Г.* К истории формуляра Уставной грамоты 1861 г. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958; Его же. Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991; *Зайончковский П. А.* Указ. соч., М., 1958.
- 132 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 43.
- 133 Там же, л. 44 об.-45.

- 134 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 38—38 об.
- 135 См. подробнее: Положение 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М., 1916; *Горемыкин И. Л.* Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния., 5 изд., т. 1—2. СПб., 1903; *Бржеский Н. К.* Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902; *Ерошкин Н. П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960.
- 136 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 40 об.-41 об.
- 137 Там же, л. 46.
- 138 Там же, л. 47—47 об.
- 139 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 684, л. 62 об.
- 140 Там же, л. 64 об., 65.
- 141 См.: ЗПСЗ, т. XXXVII, № 38407.
- 142 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 47 об.
- 143 См.: Ежегодник Министерства финансов, вып. II, 1870. СПб., 1871, с. 258.
- 144 Там же.
- 145 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 48—48 об.
- 146 Там же.
- 147 Там же, л. 49 об.-50.
- 148 Там же.
- 149 Табл. 3 составлена на основании архивных источников. См.: ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 50 об.
- 150 См.: Великие реформы. М., 1911, т. VI, с. 109—110.
- 151 ОР РГБ, ф. 169 (Милютин), к. 42, ед. хр. 41, л. 10.
- 152 *Семенов Н.* О судьбах крестьянского сословия в России. СПб., 1893, с. 51.
- 153 См. подробнее: *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. 2. СПб., 1901; История уделов за столетие их существования 1797—1897. Т. 1—3, СПб., 1901—1902; *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1—2. М.; Л., 1946—1958; *Богатикова Г. И.* Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне. Исторические записки. Т. 63, М., 1958; *Грищенко Н. П.* Удельные крестьяне Ср. Поволжья. Грозный, 1959. (уч. зап. Чечено-Ингушского гос. пед. ин-та, в. 11); *Зайончковский П. А.* Указ. соч.; *Дружинин Н. М.* Бывшие удельные крестьяне после реформы 1863 г. (1863—1883 гг.). ИЗ. Т. 85. М., 1970; *Литвак Б. Г.* Указ. соч.
- 154 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 59.
- 155 См. подробнее: *Дружинин Н. М.* Указ. соч.; *Семевский В. И.* Указ. соч.; *Ходский Л. В.* Указ. соч.; *Зайончковский П. А.* Указ. соч.; *Литвак Б. Г.* Указ. соч.
- 156 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 58 об.
- 157 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 687, л. 10 об.
- 158 ЗПСЗ, т. XV, № 48357.
- 159 См.: *Семин О.* Великая годовщина. Аграрный вопрос и крестьянская (крепостная) реформа на Кавказе. Киев, 1911, с. 35.
- 160 ЗПСЗ, т. XIII, № 46133; ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 59—59 об.
- 161 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 684, л. 64.
- 162 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 60 об.-61
- 163 Там же.
- 164 См.: Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие. 1855—1880 г. СПб., 1880, с. 50—51.
- 165 Там же. с. 51.
- 166 См.: *Семенов Н.* Указ. соч., с. 48.

- 167 Русское общество 40—50-х годов XIX в. Часть I. Записки А. И. Кошелева. М., 1991, с. 120.
- 168 Kölnische Zeitung, 13 марта 1861 г.
- 169 См.: Великая реформа. Т. V, М., 1911, с. 170.
- 170 Некрасов Н. А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М., 1979, с. 37—38.
- 171 ОР РГБ, ф. 327, р. 1, к. 26, ед. хр. 31, л. 3, 4 (Рескрипт напечатан 21 апреля 1861 г. в № 32 Сенатских ведомостей).
- 172 См.: Джаншиев Г. Указ. соч., 1896, с. 85.
- 173 См.: Исторический вестник. 1885, № 1.
- 174 Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, с. 517.
- 175 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 31 об.
- 176 См.: Великая реформа. Т. V, М., 1911, с. 178.
- 177 Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу. СПб., 1864, с. 2 и 4.
- 178 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 32.
- 179 См.: Аристов Н. Я. Афанасий Прокопьевич Шапов. Жизнь и сочинения. СПб., 1883, с. 66.
- 180 Ездненское восстание 1861 года. Казань, 1948, с. 138.
- 181 См.: Крылов Н. А. Воспоминания мирового посредника 1 призыва // Русская старина. 1892, № 6, с. 633; Ф. А. П-в. Из воспоминаний 1859—1861 // Исторический вестник. 1907, № 11, с. 475; Обзор., с. 204.
- 182 ОР РГБ, ф. 192, ед. хр. 2, л. 3—3 об; Красный архив. 1923, № 4, с. 409—410.
- 183 См. подробнее: Дренякин А. М. О беспорядках в Пензенской губернии // Русский архив. 1896. № 11, с. 313; Шеварев В. А. Кондиевское восстание. Пенза, 1955.
- 184 См. подробнее: Великая реформа. Т. V, М., 1911; Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права. Ч. 1—2, М.; Л., 1949; Найденов М. Е. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955.
- 185 Дневник П. А. Валуева. Т. I, М., 1961, с. 102.
- 186 ОР РГБ, ф. 327, раздел 1, папка 26, ед. хр. 31, л. 5.
- 187 ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 33.
- 188 Там же, л. 34.
- 189 Ключевский В. О. Указ. соч., с. 296.
- 190 Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. 1858—1865, с. 179.
- 191 Линкольн Авраам (1809—1865), 16-й президент США (1861—1865), один из организаторов Республиканской партии (1854), выступившей против рабства. В ходе развязанной плантаторами Юга гражданской войны в США 1861—1865 гг. правительство Линкольна провело ряд революционно-демократических преобразований. Убит агентом плантаторов. Имя Линкольна — символ революционных традиций американского народа.
- 192 Великая реформа. Т. VI, М., 1911, с. 2.
- Гакстгаузен Август, барон (1792—1866), немецкий исследователь аграрного строя Пруссии и России; в 1843—1844 гг. путешествовал по России и первым подробно описал русскую поземельную общину.
- 193 См. подробнее: История Правительственного сената за 200 лет, 1711—1911, т. 1—5. СПб., 1911; Опись документов и дел, хранящихся в сенатском архиве, отдел 1—3, т. 1—10. СПб., 1909—1917; Памятная книжка сенатского архива. СПб., 1913; Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960.

¹⁹⁴ См. подробнее: Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1—5, СПб., 1902; *Тельберг Г. Г.* Происхождение Комитета министров в России. Журнал Министерства народного просвещения. 1907, ч. 8; *Ерошкин Н. П.* Указ. соч.

¹⁹⁵ См. подробнее: ЗПСЗ, т. 25. СПб., 1908, № 26820; *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений..., 1968.

¹⁹⁶ См. подробнее: *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел, ч. I—III, СПб., 1858—1862; Министерство внутренних дел. 1802—1902. СПб., 1902.

¹⁹⁷ Тимашев Александр Егорович (1818—1893), государственный деятель, генерал от кавалерии (1872), в 1856—1861 г. начальник штаба Корпуса жандармов, управляющий III Отделением. В 1867—1868 г. — министр почт и телеграфа. В 1868—1878 г. министр внутренних дел;

Маков Лев Саввич (1830—1883), государственный деятель. Министр внутренних дел (февраль 1879 — август 1880), получивший известность как организатор института урядников и казачьих пикетов в городах. С августа 1880 г. — министр почт и телеграфа. Кончил жизнь самоубийством в связи с раскрытыми государственными хищениями;

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888), государственный деятель, граф (1878), генерал от кавалерии (1875), почетный член Петербургской АН (1880). Фактический руководитель военных действий на Кавказе в 1877—1878 г. В 1880 г. председатель Верховной распорядительной комиссии, в 1880—1881 г. министр внутренних дел. Сочетал репрессии против революционеров с уступками либералам. Последние годы жизни, оставаясь членом Государственного совета, жил преимущественно за границей.

¹⁹⁸ Текст рескрипта опубликован в ЗПСЗ, т. XVI, отд. 1, № 43298.

¹⁹⁹ См. подробнее: *Корнилов А.* Общественное движение при Александре II. М., 1909; *Левин Ш.* Общественное движение в России в 60—70-х гг. XIX в. М., 1958; *Пирумова Н. М.* Указ. соч., 1977

²⁰⁰ Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881), ученик Т. Н. Грановского, историк, политэконом, статистик; профессор Казанского (1851—1857) и Московского (1857—1874) университетов; в 1864—1868 г. директор Лазаревского института (Москва), с 1867 г. управляющий купеческим банком в Москве.

Глава четвертая

ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА

1. Подготовка земской реформы

¹ *Пирумова Н.* Альтернатива // Родина. 1992, № 8—9, с. 26.

² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1965, т. 13, с. 394—395.

³ См.: *Градовский А. Д.* История местного управления в России. Т. 1. СПб., 1868; *Дьяконов М. А.* Дополнительные сведения о Московских реформах половины XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1894, № 4.

⁴ См.: Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1909; *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в. // Вопросы истории. 1958, № 5.

⁵ *Пажитнов К. А.* Городское и земское самоуправление. СПб., 1913, с. 59, 60.

⁶ См.: *Шумилов М. М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х—начале 80-х гг. XIX века. М., 1991, с. 14.

⁷ ПСЗ, т. 22, СПб., 1830, № 16187 и 16188.

⁸ Российское законодательство X—XX вв. М., 1987, т. 5, с. 167—295.

⁹ *Цейтлин С. Я.* Земская реформа // История России в XIX в., т. 3. М., б. г., с. 180

¹⁰ 2ПСЗ, т. VI, отд. II, № 4989.

¹¹ Иллюстрированная история царствования императора Александра II. М., 1904, с. 112.

¹² Там же.

¹³ В XIX в. происходит размежевание административно-территориальных организаций на 2 группы: общегубернская организация сохраняется на основной территории России (в 60-е гг. — 51 губерния); на национальных окраинах (кроме Остзейского края — 3 губернии) создается система генерал-губернаторств: Царство Польское (10 губерний), великое княжество Финляндское (7 губерний), Бессарабская область (до 1873 г.), Кавказский край (6 губерний, в конце века 11), Сибирь (4 губернии, в конце века 9), в 60—80-е гг. Туркестанское генерал-губернаторство с вассальными Бухарским и Хивинским ханствами и Степное генерал-губернаторство с Казахстаном (9 губерний). Всего к концу XIX в. насчитывалось 97 губерний, в начале XX в. — 101 губерния.

¹⁴ *Головачев А. А.* Указ. соч., с. 158.

¹⁵ *Русов А. А.* Краткая энциклопедия земского дела. Киев, 1914, с. 20.

¹⁶ *Цейтлин С. Я.* Указ. соч., с. 190.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАРФ, ф. 677, ед. хр. 501, л. 55, 66, 75.

¹⁹ Там же, л. 56, 68.

²⁰ *Феоктистов Е. М.* Указ. соч., с. 93.

²¹ См.: ГАРФ, ф. 181/а, д. 2572, л. 1—2; *Веселовский Б. Б.* История земства за 40 лет. СПб., 1909, т. 3, с. 2.

²² Фридрих II (1712—1786), прусский король с 1740 г., из династии Гогенцоллернов, крупный полководец.

²³ *Веселовский Б. Б.* Указ. соч.

²⁴ Материалы по земскому общественному устройству. Т. 1, СПб., 1885, с. 1—2.

²⁵ *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян... Т. 1. Приложения, с. 826.

²⁶ Приложения к трудам Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Отзывы членов губернских комитетов, т. II, СПб., 1860, с. 675. Заявление А. М. Унковского опубликовано в книгах *И. Иванюкова* «Падение крепостного права в России», *Н. Иорданского* «Конституционное движение 60-х годов» и в других работах.

Об адресе пяти см.: Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II, т. II. Берлин, 1860—1862, с. 172—175; *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян... Т. II. Приложения, с. 936—937.

²⁷ См.: *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957, с. 127

²⁸ *Кошелев А. И.* Какой исход для России из нынешнего положения? Лейпциг, 1862, с. 27—28.

²⁹ *Кошелев А. И.* Конституция, самодержавие и Земская дума. Лейпциг, 1862, с. 38.

³⁰ *Витте С. Ю.* Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте. Штутгарт. 1901, с. 135.

Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф (1905), государственный деятель, почетный член Петербургской АН (1893). Министр путей сообщения в 1892 г.,

финансов с 1892 г., председатель Комитета министров с 1903 г., Совета министров в 1905—1906 гг.

³¹ См.: *Джанишев Г. А.* Эпоха великих реформ. М., 1896, с. 297.

Зарудный Сергей Иванович (1821—1887), русский ученый-юрист, специалист по гражданскому праву и процессу, сенатор (с 1869). Участник подготовки крестьянской (1861) и судебной (1864) реформ. Переводы на русский язык Данте и И. Беккариа;

Жданов Семен Романович (1803—1865), сенатор, директор департамента полиции Министерства внутренних дел в 1855—1861 гг.;

Грот Константин Карлович (1815—1897), директор департамента неокладных сборов Министерства финансов, инициатор упразднения откупов и введения акцизной системы, впоследствии член Государственного совета.

В состав комиссии входили также А. Г. Тройницкий, В. А. Татаринов, Д. Н. Толстой, А. Д. Шумахер, К. А. Крживицкий, А. А. Бобринский, Е. В. Пеликан, Н. Н. Колесов, А. К. Жуковский, В. П. Владимиров, А. К. Гирс, Н. И. Стояновский, А. П. Меркулов, П. Н. Даневский, К. Н. Марченко, Н. И. Второв, Л. Н. Перовский, М. И. Погожев, И. И. Гедеонов, М. А. Кучевский, П. С. Лебедев, М. П. Островский, Н. П. Суцев.

³² ГАРФ, ф. 677, оп. 1, ед. хр. 500; ед. хр. 501, л. 1—50.

³³ *Головачев А. А.* Указ. соч., с. 176.

³⁴ Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие 1855—1880 г. СПб., 1880, с. 74.

³⁵ Труды комиссии о губернских и уездных учреждениях. СПб., 1863. Ч. 1, кн. 1, с. 10—14. Подробнее изложение проектов комиссии Милютина см. в книге *В. В. Гармиза.* Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957.

³⁶ ОР РГБ, ф. Самариных, № 193.

³⁷ *Цейтлин С. Я.* Указ. соч., с. 200.

³⁸ ОР РГБ, ф. Д. А. Милютина, № 169, к. 9, п. 17, л. 123—124.

³⁹ *Веселовский Б. Б.* Указ. соч., с. 14.

⁴⁰ *Джанишев Г.* Эпоха великих реформ. Изд. 7-е, с. 340.

⁴¹ *Гармиза В. В.* Указ. соч., с. 205.

⁴² РГИА, ф. 1261, оп. 5, ч. III, д. № 65, л. 2.

⁴³ Зеленой Александр Алексеевич (1819—1880) — товарищ министра (1859—1862), затем министр государственных имуществ (1862—1872), генерал-адъютант (1863), член Государственного совета;

Ковалевский Евграф Петрович (1792—1867) — горный инженер, сенатор (1843), министр народного просвещения (1858—1861), член Государственного совета, президент Вольного Экономического общества (1862).

⁴⁴ Историческая записка о ходе работ по составлению и применению Положения о земских учреждениях (без м. и г.), с. 6.

⁴⁵ Бахтин Николай Иванович (1796—1869) — государственный секретарь (1843—1853), с 1853 г. член Государственного совета, член Главного комитета об устройстве сельского состояния (1861);

Суворов Александр Аркадьевич (1804—1882) — светлейший князь, генерал-адъютант, прибалтийский (1848—1861) и петербургский (1861—1866) генерал-губернатор, впоследствии генерал-инспектор пехоты, пользовался репутацией либерала.

⁴⁶ См.: *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г., 1968.

⁴⁷ См.: *Рожков Н.* Очерк истории России в XIX веке. Пг, 1917, с. 42.

⁴⁸ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 688, л. 78—78 об.

⁴⁹ В Воронежской, Калужской, Костромской, Казанской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Пензенской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, Санкт-Петербургской, Тамбовской, Черниговской, Харьковской, Херсонской, Ярославской.

⁵⁰ Во Владимирской, Екатеринославской, Орловской, Саратовской, Сибирской, Смоленской, Таврической, Тверской, Тульской.

⁵¹ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 688, л. 78—78 об.

⁵² *Титов А. А.* Реформы Александра II и их судьба. М., 1910, с. 116.

⁵³ *Кавелин К. Д.* Собр. соч., т. II. Публицистика. СПб., 1898, с. 755—756.

⁵⁴ Институт русской литературы АН РФ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 3 (Аксаковых), оп. 2, д. 8, л. 20.

⁵⁵ День, 20 июня 1864 г.

⁵⁶ Колокол, № 179, 15 февраля 1864 г., с. 1473.

⁵⁷ Колокол, № 185, 186, 187, 15 мая, 15 июня и 15 июля 1864 г.

⁵⁸ Колокол, № 187, 15 июля 1864 г., с. 1538.

⁵⁹ *Головачев А. А.* Указ. соч., с. 2

⁶⁰ *Ленин В. И.* ПСС, т. 5, с. 35.

⁶¹ Таблица составлена на основании архивных данных. См.: ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 688, л. 79 об.

⁶² См. подробнее: *Веселовский Б.* История земства за сорок лет. Т. 1—4. СПб., 1909—1911; Юбилейный земский сборник (1864—1914). СПб., 1914;

Блеклов С. Земское хозяйство: Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». М., т. 21, с. 14.

⁶³ Подробнее см.: *Лаптева Л. Е.* Земские учреждения в России. М., 1993, с. 65—67; *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1894, т. XII-A, с. 490.

⁶⁴ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 688, л. 79 об.-80.

⁶⁵ *Веселовский Б. Б.* Указ. соч., т. 2 с. 13.

⁶⁶ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 688, л. 80—80 об.

⁶⁷ См. подробнее: *Велецкий С. Н.* Земская статистика, ч. 1—2. М., 1899.

⁶⁸ См.: *Карышев Н.* Земские ходатайства, 1865—1884 гг. М., 1900.

Глава пятая

ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА

¹ *Комировский А. Ф.* Реформа городского самоуправления. СПб., 1911, с. 1.

1. Краткая история городов

² См.: *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь / Пер. с англ. М., 1990, с. 64.

И. Дитятин подчеркивает, что ряд писателей и летописцев Востока, Византии и Западной Европы VI—X вв. свидетельствуют о существовании городов на Руси задолго до IX в. См.: *Дитятин И.* Устройство и управление городов России. СПб., 1875, т. 1, с. 111.

³ *Ключевский В. О.* Указ. соч. Т. 1. Курс русской истории, ч. 1. М., 1987, с. 141.

⁴ Тихомиров Михаил Николаевич (1893—1965), советский историк, академик АН СССР (1953). Труды по истории России и народов СССР с древней-

ших времен до XIX в.; истории славянских стран и Византии, исторической географии, источниковедению, палеографии, дипломатике.

⁵ См.: История Европы. М., 1992, т. II, с. 238.

⁶ См.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956; *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.

⁷ Сергеевич Василий Иванович (1832—1910), русский юрист, профессор Московского (с 1871) и Петербургского (с 1872) университетов, глава государственной юридической школы в России. Труды по истории права;

Костомаров Николай Иванович (1817—1885), русский и украинский историк, писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1876). Труды по социально-политической и экономической истории России и Украины;

Дьяконов Михаил Александрович (1855/56—1919), русский историк, академик Петербургской АН (1912). Труды и публикации документов по истории древнерусского государства и церкви, истории крестьянства XVI—XVII вв.;

Юшков Серафим Владимирович (1888—1952), советский юрист, академик АН Казахской ССР (1946). Труды по истории государства и права.

⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966, т. II, с. 74—75.

⁹ См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1963, т. 4, с. 565.

¹⁰ История Европы. М., 1993, т. III, с. 253.

¹¹ Советская историческая энциклопедия, т. 4, с. 566; *Исаев А. И.* История государства и права. М., 1993, с. 34.

¹² Отечественная история: Энциклопедия. М., 1994, т. 1, с. 599.

¹³ См.: *Князьков С.* Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914, с. 409—414; *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1990, с. 448—449.

¹⁴ См.: *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. 1—2. М.; Л., 1914—1941; *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России, т. 1—2. СПб., 1875—1877; *Ерошкин Н. П.* Указ. соч.

¹⁵ ПСЗ, т. 6, № 3520, 3708; там же, т. 7, № 5142; там же, т. 11, № 8734; там же, т. 21, № 15530; *Плошинский Л. О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии. СПб., 1852; *Дитятин И. И.* Указ. соч., т. 1, 1875, с. 199—248; *Ерошкин Н. П.* Указ. соч., с. 108, 117, 136, 147, 153; Государственные учреждения России в XVIII в. (законодательные материалы). Справочное пособие, подготовил к печати А. В. Чернов. М., 1960; *Водарский Я. Е.* Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. ст. к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961.

¹⁶ *Пажитнов К. А.* Указ. соч., с. 6.

¹⁷ См.: *Щепкин М. П.* Опыт изучения хозяйства и управления городов. М., 1882, ч. 1, 4.

¹⁸ См.: *Джанишев Г. А.* Указ. соч., с. 509.

¹⁹ См.: ПСЗ, т. 22, СПб., 1830, № 16188; *Кизеветтер А. А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г. М., 1909; *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.

²⁰ ПСЗ, т. 21, отд. 1, № 19721; *Пажитнов К. А.* Указ. соч.; *Дитятин И. И.* Указ. соч., т. 2, 1877; *Луппов С. П.* и *Петров Н. Н.* Городское управление и городское хозяйство Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. // Очерки истории Ленинграда, т. 1. М.; Л., 1955.

²¹ См.: Советская историческая энциклопедия, т. 4, с. 570.

²² См.: Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг, СПб., 1863.

²³ Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. СПб., 1877, т. 1, с. 182—183.

²⁴ РГИА, ф. 1287, д. 226, ч. 1, л. 1—3.

²⁵ Там же, л. 60—61, 69—70 и др.

²⁶ Пичета В. Городская реформа 1870 г. // Три века. М., 1913, т. VI, с. 173.

2. Подготовка городской реформы

²⁷ РГИА, ф. 1287, д. 226, ч. 1, л. 11 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, л. 126.

³⁰ Там же, л. 131—132.

³¹ Там же, л. 167.

³² См.: Дитятин И. Указ. соч., т. 2, с. 343.

³³ РГИА, ф. 1287, д. 226, ч. 2, л. 278 об.

³⁴ Там же, л. 310—311.

³⁵ Там же.

³⁶ Материалы..., т. 1, с. 1—2.

³⁷ Там же, с. 9.

³⁸ РГИА, ф. 1287, д. 226, ч. 1, л. 241.

³⁹ Там же, л. 261 об.

⁴⁰ Там же, л. 337.

⁴¹ Там же, л. 411.

⁴² См.: РГИА, ф. 1287, д. 226, ч. 1, л. 342—343, 372—373; д. 226, ч. 2, л. 75—76.

⁴³ Материалы..., т. 1, с. 33—39.

⁴⁴ Там же, с. 93—94.

⁴⁵ РГИА, фонд хоз. деп., Мин. вн. дел, 1859, д. 226, ч. 1, л. 161—162.

⁴⁶ Материалы..., т. 1, с. 109.

⁴⁷ Там же, с. 120.

⁴⁸ РГИА, ф. 1287, д. 226, приложения к нему «Соображения комиссии по Пермской губернии», л. 1—1 об., 4—4 об.

⁴⁹ РГИА, ф. 1287, д. 226, ч. 2, л. 55—59 об.

⁵⁰ Там же, л. 140—145, 156—182.

⁵¹ См.: Шрейдер Г. И. Город и Городовое положение 1870 г. // История России в XIX в. СПб., б. г., т. 4, с. 17.

3. Новое Городовое положение 16 июня 1870 г.

⁵² 2ПСЗ, т. 45, отд. 1, № 48498.

⁵³ Новое городовое положение, высочайше утвержденное 16 июня 1870 г. М., 1871.

⁵⁴ Термин «интеллигенция» введен писателем П. Д. Боборыкиным (1836—1921) в 60-х годах XIX в. и из русского перешел в другие языки. Некоторые современные исследователи оспаривают это положение.

⁵⁵ См.: Сафонов А. П. Царствование императора Александра II, с. 145.

⁵⁶ Казенная палата — губернский орган Министерства финансов в Российской империи в 1775—1917 гг. Ведала сбором налогов, государственными иму-

ществами, винными откупам и другими финансовыми делами. В подчинении казенной палаты находились губернские и уездные казначейства.

⁵⁷ См.: Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие. 1855—1880 г.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, с. 69.

⁶⁰ См.: *Михайловский А.* Реформа городского самоуправления в России. М., 1908, с. 13.

⁶¹ Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел., с. 69.

⁶² Там же, с. 70.

⁶³ Там же, с. 70—71.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ См.: *Нардова В. А.* Указ. соч., с. 250.

⁶⁷ См.: *Михайловский А. Г.* Указ. соч., с. 9.

Глава шестая

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

1. Краткая история дореформенного суда в России

¹ Кони А. Ф. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1967, т. 4 с. 201.

Кони Анатолий Федорович (1844—1927), русский юрист и общественный деятель, член Государственного совета, почетный академик Петербургской АН (1900). Выдающийся судебный оратор. После Октябрьской революции профессор Петроградского университета (1918—1922).

² Посадник — 1) наместник князя в землях Древнерусского государства X—XI вв.; 2) высшая государственная должность в Новгороде в XII—XV вв. и Пскове в XIV—нач. XVI вв. Избирался из знатных бояр на вече.

Тиун — княжеский или боярский слуга, управляющий феодальным хозяйством в Древней Руси и русских княжествах XI—XV вв., а также в Российском государстве XV—XVII вв.

³ Братчина — товарищества, братства или артели с выборными старостами в старой Руси (до конца XVII в.), имевшие право самосуда в гражданских делах.

⁴ См.: *Тальберг Д. Г.* Русское уголовное судопроизводство. Киев. 1891, т. 2; *Духовской М. В.* Русский уголовный процесс. М., 1910; *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. М., 1912; *Случевский Вл.* Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913; *Фельдштейн Г. С.* Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915.

⁵ Волостель — в русских княжествах (с XI в.) и в Русском государстве (до середины XVI в.) лицо, возглавлявшее волость и осуществлявшее административные, финансовые и судебные функции.

⁶ См.: *Кистяковский А.* О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868.

⁷ Михаил Федорович (1596—1645), русский царь с 1613 г.

⁸ См.: *Ключевский В. О.* Указ. соч., т. 3, с. 126—137.

⁹ См.: *Тихомиров М. Н.* и *Епифанов П. П.* Соборное уложение 1649 г. М., 1961.

¹⁰ Посошков Иван Тихонович (1652—1726), русский экономист и публицист. Сторонник преобразований Петра I, выступал за развитие промышленности и торговли, предлагал усилить исследование месторождений полезных ископаемых. Основной труд «Книга о скудости и богатстве» (1724), изд. 1842 г.

¹¹ См.: Сафонов А. П. Царствование императора Александра II. М., 1897, с. 133; Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914, с. 257.

¹² См.: Князьков С. Указ. соч., с. 239—260.

¹³ Елизавета Петровна (1709—1761/62), российская императрица с 1741 г., дочь Петра I.

¹⁴ Екатерина II Алексеевна (1729—1796), российская императрица с 1762 г. Немецкая принцесса Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская;

Вольтер (настоящее имя Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778), французский писатель и философ-просветитель, действительный иностранный почетный член Петербургской АН (1746);

Дидро Дени (1713—1784), французский философ-просветитель, писатель, идеолог революционной французской буржуазии XVIII в., иностранный почетный член Петербургской АН (1773). Основатель и редактор «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (т. 1—35, 1751—1780);

Монтескье Шарль Луи (1689—1755), французский просветитель, правовед, философ.

¹⁵ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912.

¹⁶ См.: Ключевский В. О. Указ. соч., т. 5, ч. 5, с. 76—101.

¹⁷ Джаншиев Г. Основы судебной реформы. М., 1891, с. 75.

¹⁸ См.: Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. М., 1989; Федоров В. А. Александр I // Вопросы истории. 1990, № 1, с. 50—72; Сахаров А. Н. Александр I // в кн.: Российские самодержцы (1801—1917). М., 1993, с. 13—90.

¹⁹ См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1—3. М.; Л., 1938—1952.

Радищев Александр Николаевич (1749—1802), русский революционный мыслитель, писатель.

²⁰ См.: Сперанский М. М. Проекты и записки. М.—Л., 1961.

²¹ См.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. II, с. 6; Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, с. 356—366 и др.

²² См.: Коротких М. Г. Судебная реформа 1864 г. в России // Вопросы истории. 1987, № 12, с. 21.

²³ Кони А. Ф. На жизненном пути. СПб., 1912, т. 1, с. 221.

²⁴ История государства и права СССР: Учебник / Под ред. Ю. П. Титова. М., 1988, с. 453.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Сафонов А. П. Указ. соч., с. 134.

²⁷ См.: Майков П. М. Второе отделение Собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1906.

²⁸ См.: Корево Н. Об изданиях законов Российской империи. 1830—1899. СПб., 1900.

²⁹ Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. М., 1991, с. 320—321.

³⁰ См.: Баранов П. М. А. Балугьянский. Биографический очерк. СПб., 1882.

³¹ См.: Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1873.

Мордвинов Николай Семенович (1754—1845), граф (с 1834), русский государственный и общественный деятель, адмирал (1799), почетный член Петербургской АН (1826). В 1802 г. морской министр. В 1823—1840 гг. президент

Вольного экономического общества. Сторонник безземельного освобождения крестьян за выкуп. В 1826 г. единственный из членов Верховного уголовного суда отказался подписать смертный приговор декабристам.

³² См.: *Иванов П.* Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863.

Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839), русский государственный деятель и дипломат, почетный член Петербургской АН (1831). Член литературного общества «Арзамас», с 1829 г. министр юстиции. Сторонник введения гласного суда и адвокатуры.

³³ См.: *Титов А. А.* Реформы Александра II и их судьба. М., 1910, с. 75; *Кони А. Ф.* Собр. сочинений, т. 4, с. 323.

³⁴ Например, в адресе дворянства Харьковской, Тульской, Воронежской губерний от 26 сентября 1858 г. на имя Александра II прямо обращалось внимание на «стесненное... положение дворян, происходящее от медленности и недостаточности судопроизводства» и других многих бедах судебного порядка (РГИА, ф. 1405, оп. 517, д. 1903).

³⁵ *Хомяков А. С.* Сочинения. М., 1900, т. IV, с. 255—256.

³⁶ *Аксаков И. С.* Соч., т. IV. М., 1886, с. 525.

³⁷ Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), знаменитый русский писатель;

Островский Александр Николаевич (1823—1886), русский драматург, член-корреспондент Петербургской АН (1863).

³⁸ Спасович Владимир Данилович (1829—1906), русский юрист, специалист по международному праву, уголовному праву и процессу;

Стояновский Николай Иванович (1820—1900), русский государственный деятель, юрист. В 1862—1867 гг. товарищ министра юстиции. Участник крестьянской (1861) и один из руководителей судебной (1864) реформ. Труды по уголовному судопроизводству;

Ровинский Дмитрий Александрович (1824—1895), русский государственный деятель, юрист, историк искусства, член-корреспондент (1881), почетный член (1883) Петербургской АН и АХ (1870). Участник судебной реформы 1864 г., один из инициаторов введения мирового суда и суда присяжных. Собиратель и исследователь гравюры и лубка. Составитель словарей русских гравюров и гравированных портретов. Основоположник русской иконографии;

Куницын Александр Петрович (1783—1840), русский юрист.

³⁹ Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844), князь, генерал-адъютант, московский военный генерал-губернатор (1820—1844).

⁴⁰ Мирабо (Оноре Габриель Риксти) (1749—1791), граф, деятель Великой французской революции;

Марат Жан Поль (1743—1793), в период Великой французской революции один из вождей якобинцев;

Робеспьер Максимилиен (1758—1794), деятель Великой французской революции, один из руководителей якобинцев.

⁴¹ Из воспоминаний Н. М. Колмакова // Русская старина. 1866, декабрь, с. 534—536.

2. Подготовка реформы

⁴² *Кони А. Ф.* Собрание сочинений. Т. 4, с. 241.

⁴³ См.: Из воспоминаний Зарудного // Сборник правопедания и общественных знаний. СПб., 1894, с. 5.

⁴⁴ *Титов А. А.* Указ. соч., с. 76; См. также: *Джанишев Г. А.* Эпоха великих реформ, с. 378—379.

⁴⁵ «Из записок Ипполита Оже» // Русский архив. 1877, кн. 1, стб. 252.

⁴⁶ Оболенский Дмитрий Александрович (1822—1881) — князь, один из ближайших сотрудников великого князя Константина Николаевича, директор Комиссариатского департамента Морского министерства (1853—1857), статс-секретарь (1858), директор департамента таможенных сборов (1863), впоследствии член Государственного совета.

⁴⁷ См.: Объяснительная записка к проекту устава гражданского судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 2, СПб., 1864, с. 3.

⁴⁸ См.: например, записку князя П. Д. Долгорукова «О внутреннем состоянии России», ноябрь 1857 г. (ГАРФ, ф. 728, оп. 1, д. 2517, л. 21—24).

⁴⁹ ОР РНБ, ф. 208, оп. 1, д. 292, л. 1—2 об.

⁵⁰ Там же, л. 1.

⁵¹ *Лебедев К. Н.* Записки // Русский архив. 1893, № 14, с. 376. О том, что заключение составлялось «собственно для великого князя», писал сам Оболенский (*Оболенский Д. А.* Записки. Т. 2. 1856—1861. — ОР РНБ, ф. 1000, оп. 2, д. 972, с. 106).

⁵² Еще в июне 1857 г. при Морском министерстве был учрежден особый комитет для преобразования судоустройства и судопроизводства, встретивший «затруднения в определении оснований, долженствующих служить руководством при составлении проекта нового судебного устава» на флоте. Секретный всеподданнейший отчет в. к. Константина Николаевича по морскому ведомству за первое 25-летие царствования Александра II. 1855—1880. СПб., 1880; ОР РГБ, ф. 200, оп. 1, д. 1, с. 154; ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 494.

⁵³ См.: *Коротких М. Г.* Указ. соч., с. 23.

⁵⁴ ОР РНБ, ф. 120, оп. 1, д. 120, лл. 2,5—5 об.

⁵⁵ *Оболенский Д. А.* Записки. Т. 2, с. 187. Лебедев К. Н. писал, что «записка наделала много шума» (Русский архив, 1895, № 4, с. 376).

⁵⁶ См.: ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 460, л. 1.

⁵⁷ *Оболенский Д. А.* Записки. Т. 2, с. 106.

⁵⁸ Цит. по: *Коротких М. Г.* Указ. соч., с. 23.

⁵⁹ Русский архив, 1893, № 4, с. 377.

⁶⁰ *Оболенский Д. А.* Записки. Т. 2, с. 107.

⁶¹ *Джанишев Г. А.* Указ. соч., с. 590.

⁶² См.: *Джанишев Г. А.* Указ. соч., с. 381; См.: История государства и права СССР: Учебник, с. 453.

⁶³ См.: *Коротких М. Г.* Указ. соч., с. 26.

Буцковский Николай Андреевич (1811—1873), видный юрист, автор ряда юридических работ. В 50-х годах занимал должность обер-прокурора общего собрания московских департаментов сената; в первой половине 60-х годов — участник различных комиссий по подготовке и проведению судебной реформы; с 1865 г. — сенатор;

Победоносцев Константин Петрович (1821—1907), русский государственный деятель, ученый-правовед. Преподавал законоведение и право наследникам престола (будущие императоры Александр III и Николай II). В 1880—1905 гг. обер-прокурор синода. Играл значительную роль в определении правительственной политики в области просвещения, в национальном вопросе и др. Один из инициаторов политики контрреформ. Историко-юридические труды.

⁶⁴ Историческая записка с изложением прежних соображений и предложений соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного

совета и II Отделения с. е. и. в канцелярии // Материалы по судебной реформе. Т. 18, ч. 1.

⁶⁵ Джанишев Г. Основы судебной реформы. М., 1891, с. 47.

⁶⁶ См.: Джанишев Г. Эпоха великих реформ, с. 387.

⁶⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 60, 1862, д. 5992, л. 1 и след.

⁶⁸ О Судебных уставах от 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Пг., 1914, с. 135.

⁶⁹ Замятин Дмитрий Николаевич (1805—1881), государственный деятель, министр юстиции (1862—1867). При нем утверждены и введены в действие судебные уставы. С 1867 г. член Государственного совета.

⁷⁰ См.: Джанишев Г. Эпоха великих реформ, с. 597.

3. Проведение судебной реформы

⁷¹ 2ПСЗ, т. 39. СПб., 1867, № 41473.

⁷² Ценные материалы по истории судебной реформы собраны в четырехтомнике «Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственною канцеляриею». Ч. I—IV. СПб., 1867.

⁷³ Кони А. Ф. Собрание сочинений, т. 1, с. 500—501.

⁷⁴ См.: Судебная реформа. Т. 2, М., 1915.

⁷⁵ Апелляция (от лат. *appelatio* — обращение) — 1) обращение за поддержкой (напр., апелляция к общественному мнению); 2) обжалование какого-либо решения в высшую инстанцию; 3) одна из форм обжалования судебного решения в вышестоящий суд, который имеет право пересмотреть дело по существу.

Кассация (от лат. *cassatio* — отмена, уничтожение) — 1) пересмотр, отмена судебного решения низшей инстанцией вышестоящей инстанцией по причинам нарушения низшей инстанцией законов или несоблюдения ею правил судопроизводства; прошение о производстве такого пересмотра и об отмене судебного решения (кассационная жалоба); 2) кассация выборов — признание выборов недействительными и отмена их вследствие нарушения конституции или избирательного закона.

⁷⁶ См.: Исаев И. А. История государства и права России: Учеб. пособие. М., 1993, с. 193.

⁷⁷ См.: Фойницкий И. Я. Указ. соч., с. 525.

⁷⁸ Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пг., 1916, с. 223.

⁷⁹ Джанишев Г. Эпоха великих реформ, с. 419.

⁸⁰ Московские ведомости. 1866, № 86.

⁸¹ См.: Ерошкин Н. П. Указ. соч.

⁸² Кони А. Ф. Указ. соч., т. 1, с. 324.

⁸³ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 684, л. 7.

⁸⁴ Гольбах Поль Анри (1723—1789), французский философ, идеолог революционной буржуазии, иностранный почетный член Петербургской АН (1780).

⁸⁵ Фойницкий И. Я. Указ. соч., с. 382.

Фойницкий Иван Яковлевич (1847—1913), русский юрист, сенатор (с 1900). Организатор русской группы Международного союза криминалистов (1895).

⁸⁶ См.: Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. М., 1991, с. 21.

⁸⁷ Там же.

РЕФОРМА ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ

¹ Ожешко Элиза (1841—1910), польская писательница.

² 2ПСЗ. СПб., 1866, т. XXXVIII, № 39504.

1. Краткая история телесных наказаний

³ *Люблинский П. И.* Телесные наказания. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. М., б. г., т. 45, ч. VII, с. 252—253.

⁴ Большой Энциклопедический Словарь: В 2 т. Т. 2. М., 1991, с. 458.

⁵ См.: *Бертрам Д. Г.* (псевдоним «доктор Купер»). История розги. М., 1992, т. 1, с. 11.

⁶ *Люблинский П. И.* Указ. соч., с. 253.

⁷ Талион /лат. talio (talionis) — возмездие, воздаяние тем же/ — в уголовном праве — мера наказания, определяемая в точном соответствии с причиненным вредом.

⁸ См.: *Тимофеев А. Г.* История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904, с. 8.

⁹ См.: *Бертрам Д. Г.* История розги. Т. 1, с. 33—39, 137—141.

¹⁰ Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1976, т. 25, с. 400.

¹¹ См.: *Каролина* / Пер. с средневерхнегерм., предисл. и примеч. С. Я. Булатова. А.-А., 1967.

¹² См.: *Семенов В. Ф.* Пауперизм в Англии XVI в. и законодательство Тюдоров по вопросу о пауперах // Средние века, в. 4. М., 1953; *Штокмар В. В.* Кровавое законодательство Тюдоров против обезземеленных народных масс Англии // Уч. зап. ЛГУ, № 130, серия исторических наук, в. 18.

¹³ См.: *Лозинский С. Г.* История инквизиции в Испании. СПб., 1914; *Ли Г. Ч.* История инквизиции в средние века / Пер. с фр., т. 1—2. СПб., 1911—1912.

¹⁴ Еретик — приверженец ереси, течения в христианстве, отклоняющегося от официальной церковной доктрины в области догматики и культа.

¹⁵ *Томазий Кристиан (1655—1728)*, немецкий юрист и философ, представитель естественно-правового учения в Германии XVII—XVIII вв.;

Беккариа Чезаре (1738—1794), итальянский просветитель, юрист, публицист;

Филанджери Газтано (1752—1788), итальянский просветитель.

¹⁶ *Люблинский П. И.* Указ. соч., с. 254.

¹⁷ Большая Советская Энциклопедия. 2 изд. М., 1956, т. 42, с. 161.

¹⁸ См.: Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1984.

¹⁹ Юридический словарь. М., 1956, т. 2, с. 495.

²⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842, т. VII, с. 123; *Максимович М. А.* Речь об уголовном наказании в России. Киев, 1853, с. 94; *Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев. Одесса, 1879, с. 271; *Сафонов А. П.* Указ. соч., с. 126 и др.

²¹ Русские пытки // Русский архив. 1867, № 7, с. 1155, 1158.

²² *Карамзин Н. М.* Там же.

²³ *Соловьев С. М.* Собр. соч. СПб., 1901, т. IV, с. 373; *Сергеевский Н. Д.* Русское уголовное право. СПб., 1890, с. 141; *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. СПб., 1902, т. II, с. 1106; *Калмыков П. Д.* Учебник уголовного права. СПб., 1866, с. 236.

²⁴ См.: Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952; Памятники русского права, в. 3—4. М., 1955—1956.

²⁵ *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1901, с. 419.

²⁶ См.: *Дубровский С. М.* Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1956, № 8; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975; Его же. Царство террора. СПб., 1992; *Бадигин К. С.* Корсары Ивана Грозного. М., 1977; *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988; *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1992.

²⁷ *Джанишев Г. А.* Указ. соч., с. 156; ПСЗ. Т. 1, № 1, гл. XXI, с. 93.

²⁸ Кнут — длинный ремень из сыромятной кожи, длиной 13 вершков, шириною $\frac{6}{8}$ вершка с рукоятью. (Вершок — русская мера длины, равная 5,45 см. — *Авт.*) Он был тверд, как кость, и загнут с обеих сторон в виде желобка. При ударах острые края должны были приходиться к спине наказуемого. Сила ударов была такова, что он пробивал мышцы почти до костей. После нескольких ударов меняли кнут, поскольку ремень размягчался от крови. В час давали не более 20 ударов, так что торговая казнь иногда длилась от восхода до захода солнца. В России XV—XIX вв., как и в других странах, кнут применялся и как орудие пытки, и как наказание. (См.: *Сергеевский Н. Д.* Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887, с. 155, 159).

²⁹ Тимофеев Александр Георгиевич (1867-?) — приват-доцент Петербургского университета по кафедре уголовного права.

³⁰ См.: *Тимофеев А. Г.* Указ. соч., с. 85.

³¹ См.: *Гольденберг И.* Реформа телесных наказаний. СПб., 1913, с. 8.

³² Батоги — прутья толщиной в мизинец. Каждый исполнитель брал в руки по одному или по два прута и били наказуемого. Тяжесть этого наказания зависела не столько от количества ударов, сколько от толщины прутьев. (См.: *Сергеевский Н. Д.* Указ. соч., с. 164—168).

³³ См.: *Люблинский П. И.* Указ. соч., с. 255.

³⁴ См.: *Сергеевский Н. Д.* Указ. соч., с. 131—143;

Сергеевский Николай Дмитриевич (1849-?) — юрист, автор многочисленных трудов.

³⁵ См.: *Тимофеев А. Г.* Указ. соч., с. 187.

³⁶ Шпицрутены — длинные гибкие прутья или палки из лозняка (толщиной около вершка), которыми наносили удары наказуемым, прогоняя их сквозь строй. Применялись в России в армии, а также к участникам крестьянских волнений с 1701 по 1863 г.

³⁷ *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Т. V. СПб., 1881, с. 323.

³⁸ *Беляев Иван Дмитриевич* (1810—1873) — историк, профессор Московского университета (1852—1873). В продолжение сорока лет неутомимо трудился над различными вопросами русской истории и русского права.

³⁹ *Беляев И. Д.* Своевременна ли отмена телесных наказаний? // День. 1863, № 51, 52.

⁴⁰ *Джанишев Г. А.* Указ. соч., с. 156.

⁴¹ См.: *Кони А. Ф.* Указ. соч. Т. 5., с. 33—34;

Мария-Терезия (1717—1780), австрийская эрцгерцогиня с 1740 г., из династии Габсбургов.

⁴² См.: *Тимофеев А. Г.* Указ. соч., с. 96.

⁴³ *Люблинский П. И.* Указ. соч., с. 256.

⁴⁴ *Гольденберг И.* Указ. соч., с. 14.

⁴⁵ *Титов А. А.* Реформы Александра II и их судьба. М., 1910, с. 145.

⁴⁶ *Сафонов А. П.* Указ. соч., с. 127.

⁴⁷ См.: *Короленко В.* Русская пытка // Русское богатство. 1912, № 1, с. 141—142.

⁴⁸ См.: *Студеникин Г. И.* Салтычиха // Русская старина. 1874, т. 10, кн. 7; Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1872, кн. 1.

⁴⁹ См.: *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома // Собр. соч.: В 12 т. Т. III. М., 1982, с. 203—204.

⁵⁰ *Ровинский Д. А.* Указ. соч., с. 323.

⁵¹ *Жбанков Д.* Когда прекратятся телесные наказания в России. СПб., 1905, с. 5.

⁵² Плеть — кнут из перевитых ремней или веревок. К деревянной рукоятке, около 6 вершков длиною и $\frac{5}{8}$ вершка в диаметре, прикреплено несколькими оборотами тонкого ремешка и несколькими гвоздями кожаное плетиво, состоящее из столбца, 6 вершков длиною, с тремя хвостами, в 1 аршин и 4 вершка длиною (1 аршин равен 16 вершкам (71,12 см.). — *Авт.*) Столбец имеет $1\frac{3}{4}$ вершка в окружности. Хвосты оканчиваются узлами, за которыми оставлены небольшие, около 1 вершка, кончики ремешков, образующих плетиво. Столбец и плетиво сделаны из одних и тех же цельных ремешков, нарезанных из куска толстой кожи и оплетенных вокруг стержня. Стержень в столбце состоит из куска кожи, сложенного в несколько раз; стержень в хвостах — из толстого узенького ремешка.

Плеть упоминается в литературных и исторических памятниках и как орудие домашнего исправления в семье, и как знак власти мужа над женой. Интересно, что та плеть, которой муж сёк свою жену, называлась «дураком» (см.: *Сергеевский Н. Д.* Указ. соч., с. 170—171).

⁵³ Розги — тонкие гибкие прутья. С древнейших времен сечение розгами — мера наказания за мелкие уголовные и дисциплинарные преступления. В России официально отменены в 1909 г.

⁵⁴ *Тимофеев А. Г.* Указ. соч., с. 293.

⁵⁵ *Джаншиев Г. А.* Указ. соч., с. 158.

⁵⁶ Там же, с. 158—159.

⁵⁷ *Жбанков Д.* Когда прекратятся телесные наказания в России. СПб., 1905; Ростов-на-Дону. 1905, с. 3.

⁵⁸ Там же, с. 4.

⁵⁹ *Андреевский Иван Ефимович* (1831—1891) — юрист, профессор Петербургского университета (с 1855 г.); умеренный либерал.

⁶⁰ РГИА, ф. 733, д. 139848, ч. 1, л. 135—140.

⁶¹ *Ушинский Константин Дмитриевич* (1824—1870/71) — русский педагог, демократ, основоположник научной педагогики в России. См. его труд «Руководство к преподаванию по “Родному слову”». СПб., 1864, ч. 1, с. 8—24.

⁶² См.: *Кони А. Ф.* Указ. соч. Т. 5, с. 15.

⁶³ См.: *Жбанков Д.* Указ. соч., с. 4—5; *Некрасов Н. А.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. III. М., 1979, с. 80.

⁶⁴ РГИА, ф. 1286, д. 820, л. 14.

⁶⁵ *Кошелев А. И.* Русское общество 40—50-х годов XIX в. Часть 1. Записки А. И. Кошелева. М., 1991, с. 82.

⁶⁶ «Киевская старина» за 1906 г., с. 264—265. (Консистерия в православной церкви — учреждение при архиерее по управлению епархией. Эпитимия —

в христианстве церковное наказание в виде поста, длительных молитв и т. п., налагается исповедующим священником).

⁶⁷ Крылов И. А. Волк и ягненок. Сочинения в двух томах. Том II. М., 1984, с. 16.

⁶⁸ Утверждено 13 июля 1806 г. ПСЗ, т. XXIV, № 22208, § 361, 369, 381, 383 и 394.

⁶⁹ РГИА, ф. 1149, д. 18289, 1848 г.

⁷⁰ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 22 ноября 1848 г. 2ПСЗ, т. XXIII, № 22752.

⁷¹ РГИА, ф. 1149. Дела II Отделения, 70, 1857 г.

⁷² РГИА, ф. 1149. Дела II Отделения, 137, 1859 г. По анкете 1857—1859 гг. женщины составляли среди заключенных приблизительно одну пятую часть. (См.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. II. М., 1961, с. 546.)

⁷³ Калмыков П. Д. Учебник, с. 257.

⁷⁴ 2ПСЗ. СПб., 1862, т. XXXVII, № 38430.

2. Борьба за отмену варварского возмездия

⁷⁵ Крестьянское дело в царствование императора Александра II (сост. А. Скребницкий). Т. I. Бонн, 1862, с. 911.

⁷⁶ См.: Кони А. Ф. Указ. соч., т. 5, с. 18.

⁷⁷ См.: Гольденберг И. Указ. соч., с. 48—49.

⁷⁸ См.: Джанишев Г. А. Указ соч., с. 167.

⁷⁹ Русская старина. 1881, т. XXXI, с. 76.

Орлов Николай Алексеевич (1827—1885), князь, русский дипломат, генерал от кавалерии (1878). Сын знаменитого шефа жандармов и главного начальника III Отделения А. Ф. Орлова. Участвовал в походе в Венгрию в 1849 г. и в Крымской войне 1853—1856 гг. В ночь с 16 на 17 мая 1854 г. принимал участие при попытке 8-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Д. Д. Сельвана взять штурмом «на ура» турецкую крепость Араб-Табиа. Сельван при этом погиб. Орлов получил 9 ран и лишился глаза. В 1859—1869 гг. посланник в Брюсселе и Вене, в 1871—1882 гг. — в Париже, сторонник русско-французского сближения. С 1884 г. посол в Берлине.

⁸⁰ Орлов Н. А. Об уничтожении телесных наказаний в Российской империи и в Царстве Польском // Русская старина. 1881, т. XXXI, с. 97.

⁸¹ Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии (1826—1882) — орган кодификации законов Российской империи.

⁸² См.: Гольденберг И. Указ соч., с. 51

⁸³ В состав его входили: председатель — сенатор Губе, члены: сенатор Кангер, представители разных ведомств: Малевский, Брун, Попов, Плавский, Александров, Философов, Глебов, Яневич-Яневский, Перетц.

⁸⁴ См.: Джанишев Г. А. Указ. соч., с. 178.

⁸⁵ Свод мнений и замечаний по вопросу об отмене телесных наказаний М., 1877, с. 21.

⁸⁶ См.: Собрание мнений и отзывов Филарета, т. V, М., 1877, с. 128.

⁸⁷ См.: Джанишев Г. А. Указ. соч., с. 192.

⁸⁸ См.: Отмена телесных наказаний и клеймения // Русская старина. 1873. Т. 3, № 8, с. 222—224; Гольденберг И. Указ. соч., с. 57—58.

⁸⁹ Люблинский Д. И. Указ. соч., с. 256.

⁹⁰ Никитин В. Позорная колесница, эшафот и столб // Новое время. 1872, № 93, с. 2.

⁹¹ См.: Гольденберг И. Указ. соч., с. 58, 60.

⁹² См.: Жбанков Д. Указ. соч., с. 12—13.

⁹³ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 17. Публицистические произведения. 1886—1908. М., 1984, с. 175.

⁹⁴ Чехов А. П. Сочинения: В 18 т. Т. 14. М., 1978, с. 332.

⁹⁵ См.: Жбанков Д. Указ. соч., с. 14.

⁹⁶ См.: Гольденберг И. Указ. соч., с. 69

⁹⁷ См.: Там же, с. 70.

⁹⁸ См.: Люблинский П. И. Указ. соч., с. 257.

⁹⁹ См.: например, ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 19, л. 126—135; РГВА, ф. 33987, оп. 1, д. 216, л. 174; РЦХИДНИ, ф. 76, оп. 3, д. 149, л. 30—32 об.; Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. Берлин, 1923, т. I—XI.

¹⁰⁰ См., например, ГАРФ, ф. 3316, оп. 1, д. 448, л. 74; Неизвестная Россия. XX век. М., 1992; Осмыслить культ Сталина. М., 1989; Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1991.

¹⁰¹ См.: Джанишев Г. А. Указ. соч., с. 195.

¹⁰² См.: Студеникин Г. И. Заплечные мастера // Русская старина. 1873, т. 8, № 8, с. 201.

¹⁰³ См.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1911, т. I, с. 231; т. IV, с. 417.

Глава восьмая

ФИНАНСОВЫЕ РЕФОРМЫ

¹ Тюрго Анн Робер Жак (1727—1781), французский государственный деятель, философ-просветитель и экономист. На посту генерального контролера (министерства) финансов (1774—1776) провел ряд реформ в духе учения физиократов (свобода торговли зерном и др.), многие из которых задевали привилегированные сословия; в 1776 г. уволен в отставку, его реформы отменены. Сочетал материалистические и сенсуалистические взгляды с признанием Бога-творца первоисточником бытия. Выдвинул один из первых вариантов рационалистической теории общественного прогресса.

1. Подготовка финансовых реформ

² Комитет финансов образован 13 октября 1806 г. для составления и предварительного рассмотрения росписей государственных доходов и расходов; рассмотрения общих административных и финансовых вопросов (изыскание средств на военные расходы, устройство акцизов и т. д.); рассмотрения вопросов кредитной системы, внешних и внутренних займов. Комитет являлся высшим совещательным учреждением по вопросам государственного кредита и финансовой политики. Членами комитета являлись председатель Совета министров, министр финансов, государственный контролер, а также другие должностные лица по назначению царя. Упразднен в 1917 г.

³ Министерство финансов 1802—1902 г., ч. 1. СПб. 1902, с. 381.

Княжевич Александр Максимович (1792—1870), государственный деятель. В 1815 г. принимал участие в ликвидации расчетов между Россией и Австрией, в 1854 г. — сенатор, с 1858 г. министр финансов, уничтожил откупную систему питейных доходов, понизил ввозную пошлину на чугун и железо. В 1860 г. учредил Государственный банк, но не ликвидировал постоянные дефициты. С 1862 г. член Государственного совета;

Грейг Самуил Алексеевич (1827—1887), государственный деятель, с 1866 г. товарищ министра финансов, с 1874 г. государственный контролер, с 1878 г. министр финансов в тяжелый период русско-турецкой войны (до 1880), увеличил акцизы с табака, пива, водочных изделий, гербовые и актовые пошлины, ввел налог на пассажиров и товары большой скорости. Для покрытия дефицита и военных расходов были выпущены займы: 2 и 3 восточные на 500 млн. руб., 6-й 4%-ный внешний заем на 150 млн. руб. и др.;

Абаза Александр Агеевич (1821—1895), государственный деятель, государственный контролер. В 1880—1881 гг. министр финансов, отменил соляной налог. Председатель департамента государственной экономии Государственного совета.

⁴ Там же, с. 591.

⁵ Кошелев А. И. Записки. Приложение. Берлин, 1884, с. 38—54.

⁶ См.: Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.). М., 1954, с.53—54.

⁷ См.: Министерство финансов., с. 591.

⁸ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 262 «О финансах России». В архивном деле, где находится этот проект, не указана дата его составления. Но из содержания документа видно, что он подготовлен в конце 1857 или в 1858 г., ибо в докладе приведены данные о государственном долге России на 1 января 1857 г. Восторонние данные о финансовом положении России, имеющиеся в этом докладе, могли быть только у лиц, стоявших во главе финансового ведомства. Предположительно автором этого проекта был директор кредитной канцелярии Министерства финансов Ю. А. Гагемейстер — один из наиболее способных и образованных чиновников России того времени. Он был высоко эрудированным либеральным ученым-экономистом, создавшим ряд работ по вопросам денежного обращения и финансовой политики.

⁹ Погребинский А. П. Указ. соч., с. 54.

¹⁰ Министерство финансов., с. 592

¹¹ См.: ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 935, л. 6—7; РГИА, ф. 563, оп. 14, д. 152, л.493—497.

¹² Письмо Александра II Великому князю Константину Николаевичу. С.-Петербург 8/20 апреля 1857 // Переписка императора Александра II с Великим князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994, с. 23.

¹³ Татаринов Валериан Алексеевич (1816—1871), русский государственный деятель. В 1863—1871 гг. государственный контролер. Реформировал ведомство государственного контроля, добился впервые в России создания единого государственного бюджета.

¹⁴ Министерство финансов., с. 391, 596.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 262 «О финансах России».

¹⁷ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 635, л. 1.

¹⁸ ОР РНБ, ф. 246, ед. хр. 218, л. 23.

¹⁹ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 635, л. 2—10.

²⁰ Там же, л. 10—18 об

²¹ О записке Татаринова и реформе контрольного дела в России см. следующую литературу: *Кремяновский М.* Государственный контроль в России за 100 лет («Вестник Европы» № 7—8 за 1915 г.); *Ляндо А.*, Развитие государственного финансового контроля в царской России (Труды Казанского финансово-экономического института имени В. В. Куйбышева, вып. VII, Казань, 1946 г.) и ряд других.

²² ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 635, л. 18 об.—41.

²³ *Погребинский А. П.* Указ. соч., с. 58.

²⁴ Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860, ч. 3, с. 66—70.

²⁵ *Прыжов И. Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань. 1914, с. 246.

Прыжов Иван Гаврилович (1827—1885), русский историк и этнограф. С 1869 г. член «Народной расправы». По делу нечаевцев осужден на 12 лет каторги и вечное поселение в Сибири.

²⁶ *Погребинский А. П.* Указ. соч., с. 57—58.

²⁷ Там же, с. 58.

2. Основные положения финансовых реформ

²⁸ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 684, л. 4 об.

Гурьев Александр Дмитриевич (1786—1865), государственный деятель, граф, действительный тайный советник (1837), с 1828 г. сенатор, в 1835—1837 гг. киевский военный губернатор, подольский и волынский генерал-губернатор, с 1839 г. член Государственного совета, в 1848—1861 гг. председатель департамента государственной экономики Государственного совета.

²⁹ ОР РНБ, ф. 246, ед. хр. 218, л. 24.

³⁰ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 684, л. 5.

³¹ Там же, л. 5 об.

³² Там же, л. 6 об.—7.

³³ См.: Россия. Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А. СПб., 1898, с.205.

³⁴ Там же, л. 206.

³⁵ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 684, л. 7 об.—8.

³⁶ ОР РНБ, ф. 246, ед. хр. 218, л. 33 об.

Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф, русский государственный деятель и историк, почетный член (1866), президент (с 1882) Петербургской АН. В 1864—1880 гг. обер-прокурор синода, в 1865—1880 гг. министр народного просвещения, сторонник классической системы и сословных начал обучения. С 1882 г. министр внутренних дел. Один из вдохновителей политики контрреформ. Труды по истории России XVIII в.

³⁷ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 684, л. 9 об.

³⁸ ОР РНБ, ф. 246, ед. хр. 218, л. 48, 50.

³⁹ Государственный контроль 1811—1911 гг. СПб., 1912, с. 156.

⁴⁰ *Яснопольский Л. Н.* Очерки русского бюджетного права. М., 1912, приложения, с. 67.

⁴¹ *Погребинский А. П.* Указ. соч., с. 61.

⁴² ОР РНБ, ф. 246, ед. хр. 218, л. 54—56.

⁴³ *Кремяновский М.* Государственный контроль в России за 100 лет // Вестник Европы, № 7—8 за 1915 г.

- ⁴⁴ См.: *Коняев А.* Финансовый контроль в дореволюционной России. М., 1959.
- ⁴⁵ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 684, л. 10.
- ⁴⁶ Там же, л. 19.
- ⁴⁷ См.: Отечественная история: Энциклопедия, т. 1. М., 1994, с. 391.
- ⁴⁸ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 684, л. 25.
- ⁴⁹ Там же, л. 13 об.
- ⁵⁰ Там же, л. 19.
- ⁵¹ *Суворов П.* Сенатор Синельников и император Александр II // Исторический вестник. 1899, № 1, с. 139.
- ⁵² ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 684, л. 25 об., 27 об.
- ⁵³ Там же, л. 29—31.
- ⁵⁴ Там же, л. 31—31 об.
- ⁵⁵ См. подробнее: *Руковский И. П.* Историко-статистические сведения о подушных податях. Труды Комиссии для пересмотра системы податей и сборов. Т. 1, СПб., 1866; *Алексеев М.* О подушной подати в России. X, 1870; его же: Действующее законодательство о прямых налогах. СПб., 1879; *Ключевский В. О.* Подушная подать и отмена холопства в России // Опыты и исследования. 3 изд., Пг., 1918.
- ⁵⁶ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 684, л. 11.
- ⁵⁷ Там же, л. 11 об.
- ⁵⁸ Там же, л. 14.
- ⁵⁹ См.: *Погребинский А. П.* Указ. соч., с. 104.
- ⁶⁰ Там же, с. 64.
- ⁶¹ См. подробнее: *Судейкин В. Т.* Государственный банк. СПб., 1891; *Яснопольский Л.* Государственный банк. СПб., 1907; *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 гг.). М., 1960.
- ⁶² Штиглиц Александр Людвигович (1814—1884), барон, банкир; в 1860—1866 гг. управляющий Государственным банком.
- ⁶³ См.: *Петшикина С. Н.* Государственный банк дореволюционной России. М., 1992.
- ⁶⁴ См.: *Чунтулов В. Т.* и др. Экономическая история СССР: учебн. для эконом. вузов. М., 1987, с. 102.
- ⁶⁵ *Куломзин А. Н.* и *Рейтерн В. Г.* М. X. Рейтерн. Биографический очерк. СПб., 1910, с. 10.
- ⁶⁶ См.: *Гурьев А.* Денежное обращение в России в XIX столетии. СПб., 1903, с. 166.
- ⁶⁷ Министерство финансов., ч. 1, с. 461.
- ⁶⁸ Там же, с. 464.
- ⁶⁹ См.: *Блюх И.* Финансы России XIX ст., т. II. СПб., с. 95.
- ⁷⁰ Биржевые ведомости. 4 мая 1862 г. № 91.
- ⁷¹ *Кауфман И.* Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909, с. 173.
- ⁷² Акционер. 19 мая 1862 г. № 20.
- ⁷³ *Кашкаров М.* Денежное обращение в России, т. 1. М., 1898, с. 186.
- ⁷⁴ *Друян А. Д.* Очерки по истории денежного обращения России в XIX веке. М., 1941, с. 77.
- ⁷⁵ Министерство финансов., ч. 1, с. 466.
- ⁷⁶ Государственный банк. Краткий отчет о деятельности за 1860 по 1910 годы. СПб., 1910, с. 7.

РЕФОРМЫ В СФЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. Краткий очерк народного образования до Александра II

¹ Франклин Бенджамин (Вениамин) (1706—1790), американский просветитель, государственный деятель, ученый, один из авторов Декларации независимости США (1776) и Конституции 1787 г.

² См.: Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Государство и народное образование в России с XVII в. до учреждения министерств. К., 1873—1874.

³ См.: *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2, ч. 2, М., 1994, с. 264—265.

⁴ См.: *Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц. Т. 1—3, СПб.; Пг., 1914—1915.

⁵ См.: *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I в «Исследованиях и статьях». Т. 1. СПб., 1889.

⁶ *Титов А. А.* Реформы Александра II и их судьба. М., 1910 с. 168.

⁷ Шишков Александр Семенович (1754—1841), русский государственный деятель, филолог, писатель, адмирал, президент Российской академии (с 1813). В 1824—1828 гг. министр народного просвещения, инициатор издания т. н. чугунного цензурного устава 1826 г. Возглавлял группу консервативных литераторов и языковедов, объединенную в «Беседу любителей русского слова» (1810). Выступал как архаист. Автор од, переложений, псалмов. Член Верховного суда над декабристами.

⁸ Термин «теория официальной народности» впервые употребил в своих статьях историк А. Н. Пыпин (журнал «Вестник Европы», 1872—1873 гг.), вложив в него свое понимание формулы С. С. Уварова и отдельных положений славянофильства, что в целом представляло замаскированную критику самодержавия.

⁹ Уваров Сергей Семенович (1786—1855), граф (1846), русский государственный деятель, почетный член (1857) и президент (1818—1855) Петербургской АН. В 1833—1849 гг. министр народного просвещения. Автор формулы «православие, самодержавие, народность». Инициатор принятия университетского устава 1835 г. При нем было положено начало реальному образованию в России, восстановлена практика командирования ученых за границу; введена публикация годовых отчетов по Министерству народного просвещения.

¹⁰ *Канкрин Е. Ф.* Очерки политической экономии и финансов. СПб., 1894, с. 176.

¹¹ *Титов А. А.* Указ. соч., с. 169—170.

¹² Там же, с. 170.

2. Реорганизация народного образования

¹³ Путятин Евфимий Васильевич (1804—1883), граф (с 1855), русский государственный деятель, дипломат, адмирал (1858). В 1822—1825 гг. совершил кругосветное путешествие. В 1852—1855 гг. глава экспедиции на фрегате «Паллада», открыл острова Римского-Корсакова. Подписал русско-японский договор 1855 г. и Тянь-цзиньский трактат 1858 г. В 1861 г. министр народного просвещения. После студенческих волнений 1861 г. вышел в отставку.

¹⁴ См.: *Чехов Н. В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912, с. 37.

¹⁵ См.: *Рождественский С. М.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802—1902. Спб., 1902, с. 353.

¹⁶ В состав восстановленного ученого комитета первоначально входили: князь Шербаков, Вышнеградский, Воронов, Гаевский, Фишер, Чебышев, Срезневский и др.

¹⁷ См.: *Обзор...*, с. 138.

¹⁸ См.: *Титов А. А.* Указ. соч., с. 171.

¹⁹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / Отв. ред. А. И. Пискунов. М., 1976, с. 19.

²⁰ Редкин Петр Григорьевич (1808—1891), русский правовед, историк философии и педагог, почетный член Петербургской АН (1890), профессор Московского (1835—1848) и Петербургского (1863—1878) университетов, ректор Петербургского университета (1873—1876). Один из организаторов и первый председатель Петербургского педагогического общества (1859—1874), основатель Фребелевского общества (1871);

Сент-Илер Карл Карлович (1834—1901), русский зоолог, преподаватель естественных наук, директор Петербургского учительского института, инициатор введения ручного труда;

Воронов Андрей Степанович (1819—1875), педагог, деятель народного образования, публицист. Один из основателей и вице-председатель (с 1859) Петербургского педагогического общества, председатель Фребелевского общества;

Паульсон Иосиф Иванович (1825—1898), русский педагог, методист начального обучения. Один из организаторов Петербургского педагогического общества (1859). В 1861 г. вместе с Н. Весселем основал педагогический журнал «Учитель» и был его редактором.

²¹ Воскресные школы в России конфессионального типа эпизодически возникали с первой половины XVIII в. при многих церковных приходах.

²² Павлов Платон Васильевич (1823—1895), русский общественный деятель, историк, профессор. В 1859 г. один из организаторов первых воскресных школ в Киеве. В 1862 г. в Петербурге прочел публичную лекцию о 1000-летию России, в которой призвал интеллигенцию к сближению с народом; выслан в Ветлугу. Труды по истории России XVII в., публикации Сибирских летописей.

²³ *Обзор...*, с. 141.

²⁴ Проект был напечатан в «Журнале Министерства народного просвещения» (1860, ч. CL, март), в «С.-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях».

²⁵ См.: *Смирнов В. З.* Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М., 1954, с. 25.

²⁶ См.: *Смирнов В. З.* Указ. соч., с. 27.

²⁷ *Мизко Ник.* Взгляд на проект устава низших и средних училищ, ст. в «Журнале Министерства народного просвещения». 1861, январь, с. 20.

²⁸ *Пирогов Н. И.* Мысли и замечания о проекте устава училищ, состоящих в ведомстве МНП. Статья написана в октябре 1860 г. См.: *Н. И. Пирогов.* Избр. пед. соч., изд. АПН РСФСР. 1953, с. 198—221.

²⁹ *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. М., 1936, т. 8. Статья «Проект устава учебных заведений».

³⁰ *Толь Ф.* Проект устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве МНП. «Современник», тт. XXXII и XXXIII.

³¹ *Ушинский К. Д.* Соб. соч. Изд. АПН, РСФСР. 1948, т. 2, с. 358.

³² Данные на 1850 г. при общей численности населения России свыше 63 млн. человек. См.: *Князьков С. А., Сербов Н. И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910, с. 222; *Смирнов В. З.* Указ. соч., с. 57.

³³ РГИА. Архив департамента народного просвещения, дело № 139930, ч. 1, л. 1. Письмо за № 11.

³⁴ РГИА. Архив департамента народного просвещения, д. 139930, ч. 1 л. 12.

³⁵ В межведомственный комитет по выработке общего плана устройства народных школ вошли: подполковник Полетика — от Министерства финансов, фон Шульц — от Министерства внутренних дел (вице-директор департамента духовных дел инославных исповеданий), Н. Тютчев — от Министерства уделов, Опочинин — от Министерства государственных имуществ, князь Урусов — от православного духовного ведомства, И. Делянов — от Министерства народного просвещения (председатель).

³⁶ См.: *Чехов Н. В.* Указ. соч., с. 39.

³⁷ Там же, с. 41.

³⁸ Там же, с. 42.

³⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, т. III (1855—1864). СПб., 1865, с. 1226—1234.

⁴⁰ Каракозов Дмитрий Владимирович (1840—1866), русский революционер, ишутинец. 4 апреля 1866 г. неудачно стрелял в императора Александра II. Повешен.

⁴¹ Текст рескрипта опубликован в 2ПСЗ, т. XVI, отд. 1, № 43298.

⁴² *Чехов Н. В.* Указ. соч., с. 47.

⁴³ *Смирнов В. З.* Указ. соч., с. 165.

⁴⁴ *Титов А. А.* Указ. соч., с. 175.

⁴⁵ См.: *Чехов Н. В.* Указ. соч., с. 51.

⁴⁶ См.: *Благовещенский Н. А.* Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. М., 1893, т. 1 с. 188—189; Труды подсекции статистики X съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Киеве 1898 г. Чернигов, 1900, с. 192—211.

⁴⁷ ОР РГБ, ф. 169, карт. 10, д. 17, л. 205 об.—206.

⁴⁸ Московские ведомости. 1865, № 273.

⁴⁹ *Ушинский К. Д.* Собр. соч., т. 3, с. 261.

⁵⁰ Московские ведомости. 1865, № 278.

⁵¹ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли..., с. 108.

⁵² См.: Исторический архив. 1958, № 1, с. 150, 152.

⁵³ См.: Былое. 1907, № 1(13), с. 237, 239.

⁵⁴ 2ПСЗ, т. XLI (отд. 1). № 43298.

⁵⁵ Московские ведомости. 1871, № 156.

⁵⁶ См.: Былое. 1907. № 1(13), с. 239.

⁵⁷ Московские ведомости. 1871, № 86.

⁵⁸ См.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971, с. 52, 56.

⁵⁹ Русский архив. 1899, № 8, с. 614.

Николаи Александр Павлович (1821—1899), русский государственный деятель, барон, в 1861 г. попечитель Киевского учебного округа, в 1862 г. товарищ министра народного просвещения; с 1863 г. сенатор и начальник Главного управления наместничества кавказского, председатель Кавказского комитета об устройстве быта крестьян; с 1875 г. член Государственного совета; с 1878 г.

почетный опекун, управляющий воспитательным домом; в 1881—1882 г. министр народного просвещения, в 1884—1894 г. председатель департамента законов.

⁶⁰ Пазухин Алексей Дмитриевич (1845—1891), русский публицист, общественный деятель. Помещик Алатырского уезда Симбирской губернии. Избирался мировым судьей и уездным предводителем дворянства. В 1885 г. выступил со статьей «Современное состояние России и сословный вопрос», представлявшей программу «контрреформ». Принимал участие в практической реализации своей программы в качестве правителя канцелярии Министерства внутренних дел.

⁶¹ Пазухин А. Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886, с. 24—25.

⁶² Журнал Министерства народного просвещения. 1867, январь, с. 14.

⁶³ РГИА, ф. 733, оп. 165, д. 711, л. 10.

Делянов Иван Давыдович (1818—1897/98), граф (с 1888), русский государственный деятель. Почетный член Петербургской АН (1859). С 1882 г. министр народного просвещения. Проводил политику контрреформ: усиление церковного влияния в начальной школе; ограничение приема детей низших сословий в гимназии и евреев в средние и высшие учебные заведения, а также ограничил автономию университетов, препятствовал развитию женского высшего образования.

⁶⁴ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли..., с. 106.

⁶⁵ Сборник постановлений и распоряжений по гимназии и прогимназиям, ведомства Министерства народного просвещения. СПб., 1874, с. 71.

⁶⁶ См.: *Рождественский С. В.* Указ. соч., с. 525.

⁶⁷ Сборник постановлений и распоряжений по реальным училищам Министерства народного просвещения за 1875—1909 гг. М., 1910, с. 1.

⁶⁸ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли..., с. 548.

⁶⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. III. СПб., 1865, с. 268.

⁷⁰ Вышнеградский Иван Алексеевич (1821—1872), русский педагог. Стронник среднего женского бессословного образования. Основал журнал «Русский педагогический вестник» (1857—1861). Составил первую русскую программу по педагогике.

⁷¹ История СССР. XIX—начало XX в.: Учебник для вузов по спец. «История» / Под ред. И. А. Федосова. М., 1987, с. 174.

⁷² См.: *Миллюков П. Н.* Указ. соч., с. 306.

⁷³ См. подробнее: *Эймонтова Р. Г.* Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки, т. 70. М., 1961.

⁷⁴ См.: *Татищев С. С.* Указ. соч., 1903, с. 248.

⁷⁵ См.: *Модестов В. И.* Русская наука в последние двадцать пять лет // Русская мысль. 1890, № 5.

⁷⁶ Очерки истории школы и педагогической мысли..., с. 173—174.

⁷⁷ Сабуров Андрей Александрович (1837—1916), русский государственный деятель, с 1875 по 1880 г. попечитель дерптского учебного округа, с 24 апреля 1880 г. по 24 марта 1881 г. управляющий Министерством народного просвещения; затем сенатор, член Государственного совета и статс-секретарь.

⁷⁸ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли..., с. 553.

⁷⁹ См.: *Рождественский С. В.* Указ. соч., с. 502.

⁸⁰ См.: Второй съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию в России // Техническое образование. 1895, кн. 7, с. 227.

- ⁸¹ Ларионова А. М. История Института инженеров путей сообщения имп. Александра I за первое столетие его существования, 1810—1910. СПб., 1910.
- ⁸² См.: Лисовский В. Г. Академия художеств. Историко-искусствоведческий очерк. Л., 1982.
- ⁸³ См.: Прокофьев В. И. Московское высшее техническое училище. 125 лет. М., 1955.
- ⁸⁴ См.: Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева. К столетию основания. 1865—1965. М., 1969.
- ⁸⁵ См.: 100 лет Ленинградской консерватории, 1862—1962. Л., 1962; Московская консерватория. 1866—1966. М., 1966.
- ⁸⁶ См.: Правила о зачете полугодий студентам императорских российских университетов 23 августа 1885 г. Циркуляр по С.-Петербургскому учебному округу. СПб., 1885, № 10.
- ⁸⁷ См.: Замечания на проект общего устава императорских Российских университетов, ч. II. СПб., 1862, с. 520—521.
- ⁸⁸ См.: Вестник воспитания. 1910, № 9, с. 125; Правительственный вестник. 21 мая 1873 г.
- ⁸⁹ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1877—1881, т. VII. СПб., 1883, с. 942—943.
- ⁹⁰ Герье Владимир Иванович (1837—1919), русский историк. Организатор и руководитель (1872—1905) Высших женских курсов в Москве. Автор сочинений о Великой французской революции, о средневековых деятелях католической церкви; лекций по всеобщей истории; статей по вопросам образования.
- ⁹¹ Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897), русский историк, академик Петербургской АН (1890). В 1878—1882 гг. возглавлял петербургские Высшие женские курсы. Труды по русской истории, историографии.
- ⁹² См.: *Рождественский С. В. Указ. соч.*, с. 628.
- ⁹³ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 684, л. 7.
- ⁹⁴ История СССР. XIX—начало XX в. / Под ред. И. А. Федосова, с. 174.

Глава десятая

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ

1. Армия на пороге преобразований

- ¹ Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. Т. 2. М., 1993, с. 291. Керсновский Антон Антонович (1907—1944), русский военный писатель, историк. Основные труды «Философия войны», «История русской армии».
- ² Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие 1855—1880 гг. СПб., 1880, с. 52—53.
- ³ Ридигер Федор Васильевич (1784—1856) — граф, генерал-адъютант, боевой генерал, командовал во время венгерской кампании частью действующей армии и заставил 1 августа 1849 г. сложить оружие вождя венгерских войск Гёргея; в 1854—1855 гг. исполнял должность наместника в Царстве Польском, с 1855 г. — главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами.
- ⁴ См.: Столетие Военного министерства. Прилож. к I тому / Пер. с фр. СПб., 1901, с. 20.
- ⁵ Плаутин Николай Федорович (1794—1866) — генерал-адъютант, командир Отдельного Гренадерского корпуса (1856—1862), член Государственного совета (1862).

⁶ Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1968, т. 5, с. 222.

⁷ См.: Обзор..., с. 135.

⁸ Кони А. Ф. Указ. соч., с. 224.

2. Подготовка и проведение военных реформ

⁹ ОР РГБ, ф. 169. М., 7841, «Воспоминания», с. 111; Дневник Д. А. Милютинн. Т. 1, М., 1947, с. 22.

¹⁰ Аничков Виктор Михайлович (1830—1877), генерал-майор, состоящий для особых поручений при военном министре, профессор Николаевской академии Генерального штаба по кафедре военной администрации, один из редакторов «Свода военных постановлений»;

Обручев Николай Николаевич (1830—1904), русский генерал от инфантерии (1887), почетный член Петербургской АН (1888), профессор Академии Генштаба. В 60-х годах был близок к Н. Г. Чернышевскому, один из организаторов «Земли и воли». В 1867—1881 управляющий делами Военно-ученого комитета, участвовал в проведении военных реформ 60—70-х годов. В 1881—1897 г. начальник Главного штаба;

Гейден Федор Логгинович (1821—1900), граф, военный деятель, генерал от инфантерии (1870), генерал-адъютант (1862). Сын адмирала Л. П. Гейдена. С 1861 г. дежурный генерал Главного штаба. Один из ближайших соратников Д. А. Милютинна по проведению военных реформ 1860—1870-х годов. С 1866 г. начальник Главного штаба и председатель Военно-ученого комитета, с 1870 г. председатель Комиссии для разработки оснований всеобщей воинской повинности. Под руководством Гейдена разработаны положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении. С 1881 г. финляндский генерал-губернатор, командующий войсками Финляндского военного округа, член Государственного совета. С 1897 г. в отставке;

Кауфман Константин Петрович (1818—1882), русский военный деятель, инженер-генерал (1874), генерал-адъютант (1864). С 1856 г. — начальник штаба генерал-инспектора по инженерной части, с 1861 г. — директор канцелярии Военного министерства. С 1867 г. туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. Руководил завоеванием Средней Азии.

¹¹ Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991, с. 92.

¹² ОР РГБ, ф. 169. М., 7841 «Воспоминания», с. 122.

¹³ Численность войска была несколько увеличена перед этим в связи с Польским восстанием 1863 г.

¹⁴ Вестник Европы. 1881, № 4, с. 13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. подробнее: *Макшеев Ф. А.* Русский Генеральный штаб. Состав и служба его. СПб., 1894.

¹⁷ Обзор..., с. 431.

¹⁸ См. подробнее: Военно-окружные управления. СПб., 1907.

¹⁹ ОР РГБ, ф. 169. М., 7844, с. 294.

²⁰ Барятинский Александр Иванович (1815—1879), князь, русский военачальник, генерал-фельдмаршал (1859). В 1859—1862 г. главнокомандующий войсками и наместник на Кавказе на последнем этапе Кавказской войны, взял в плен Шамиля (1859). Выступал против прогрессивных военных реформ 60—70-х гг. XIX в.

²¹ См.: Военные реформы императора Александра II // Вестник Европы, № 1, 1882, с. 18.

²² ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 495, л. 9 об.

²³ Военно-судебная реформа // Военный сборник, кн. 8, 1867, с. 226.

Крыжановский Николай Андреевич (1818—1888), генерал-адъютант, член Военного совета, с 1865 по 1881 г. командующий войсками Оренбургского военного округа и оренбургский генерал-губернатор.

²⁴ См.: Столетие Военного министерства, т. XII, кн. 1, ч. II. СПб., 1914, с. 303.

²⁵ Воинский устав о наказаниях. 2ПСЗ, т. 43, № 45813.

²⁶ Столетие Военного министерства, с. 317.

Чертков Михаил Иванович (1829—1905), генерал-адъютант, с 1877 г. временный киевский, подольский и волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа, с 1881 г. член Государственного совета.

²⁷ См. подробнее: Кузьмин-Караваев В. Д. Военно-юридическая академия. 1866—1891. СПб., 1891.

²⁸ См.: Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952, с. 115.

²⁹ ОР РГБ, ф. 169, М., 7842, с. 266.

Бахтин Николай Иванович (1796—1869), русский государственный деятель, с 1834 г. управляющий делами Комитета министров, в 1843—1853 гг. Государственный секретарь, с 1853 г. член Государственного совета. Инициатор уничтожения откупов.

³⁰ Шувалов Петр Андреевич (1827—1889), граф, русский государственный деятель, дипломат, генерал от кавалерии (1872). Брат Павла Андреевича Шувалова. В 1861 г. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделением. В 1866—1874 гг. шеф корпуса жандармов и начальник III Отделения. Ближайший советник Александра II. В 1874—1879 гг. посол в Лондоне;

Фадеев Ростислав Андреевич (1824—1883), русский военный историк, публицист, генерал-майор. Противник военных реформ Д. А. Милютина, сторонник панславизма. Сотрудничал в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Русском мире». В 1876—1878 гг. доброволец, участник национально-освободительной борьбы балканских народов. Труды по истории войны на Кавказе, «Письма о современном состоянии России» (1881).

³¹ РГИА, ф. 1275 Совета министров, оп. 1, д. 83, 1870; ОР РГБ, ф. 169. М., 10499.

³² Зайончковский П. А. Указ. соч., с. 267.

³³ Осипова М. Н. После Крымской войны // Военно-исторический журнал. 1992, № 2, с. 12.

³⁴ ОР РГБ, ф. 169, п. 26, ед. хр. 12, л. 24.

³⁵ См.: Зайончковский П. А. Указ. соч., с. 277.

³⁶ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 495, л. 37.

³⁷ Кони А. Ф. Указ. соч., т. 5, с. 225.

³⁸ ОР РГБ, ф. 169, к. 84, ед. хр. 47, л. 3—6.

³⁹ Таблица составлена на основе данных, приведенных в издании «Столетие Военного министерства. 1802—1902. СПб., 1902, Т. IV, ч. III, кн. I, отд. II, с. 152—168.

⁴⁰ Охотник — лицо, добровольно поступающее на военную службу, если оно по образовательному цензу не удовлетворяет условиям, установленным для вольноопределяющихся. Возраст его устанавливался не моложе 21 года; в мирное время не старше 30, в военное — 40 лет.

⁴¹ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 444, л. 1.

⁴² Таблица составлена на основе данных из «Всеподданнейшего доклада по Военному министерству 19 февраля 1877 г.», РГ ВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1(Л), оп. 2, д. 23, л. 167.

⁴³ См.: *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 178—179.

⁴⁴ Обухов Павел Матвеевич (1820—1869), русский металлург, основатель крупного производства литой стали и стальных пушек в России, полковник (1861). Окончил Институт корпуса горных инженеров в Петербурге (1843). Являлся непосредственным продолжателем работ П. П. Аносова по производству высококачественной стали. В 1861 г. Обухов был избран чл.-кор. Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления и назначен начальником Златоустовского горного округа. Пушка Обухова, выдержавшая свыше 4 тыс. выстрелов, отмечена золотой медалью на Всемирной выставке в Лондоне (1862). С 1863 г. руководил строительством крупного сталелитейного завода в Петербурге (Обуховский завод);

Калакуцкий Николай Вениаминович (1831—1889), русский ученый в области металлургии и артиллерийского дела, генерал-майор артиллерии (1884). Основные труды по строению стального слитка, повышению прочности орудийных и ружейных стволов. Открыл и объяснил ликвацию в стали (совм. с А. С. Лавровым);

Лавров Александр Степанович (1838—1904), русский металлург. Основные труды по строению стального слитка. Впервые применил для раскисления стали алюминий. Выдвинул идею подогрева стали в изложнице с помощью термитных смесей. Открыл и объяснил ликвацию в стали (совм. с Н. В. Калакуцким);

Маиевский Николай Владимирович (1823—1892), русский ученый-артиллерист, основатель русской научной школы баллистики, член-корреспондент Петербургской АН (1878), генерал от артиллерии (1889). Труды по внешней и внутренней баллистике (теория вращательного движения снаряда, деривации и др.). Автор книги «Курс внешней баллистики» (1870);

Чернов Дмитрий Константинович (1839—1921), русский ученый, основоположник металловедения и теории термической обработки стали. Открыл критические точки фазовых превращений стали (т. н. точки Чернова). Установил влияние термической обработки стали на ее структуру и свойства. Создал стройную теорию кристаллизации стального слитка. Внес значительный вклад в теорию металлургических процессов, в развитие артиллерийского производства. Разработал теорию износа артиллерийских стволов на основе изучения выгорания каналов орудий при стрельбе в результате действия пороховых газов и других факторов.

Вышнеградский Иван Алексеевич (1831/32—1895), русский ученый, почетный член Петербургской АН (1888). Один из основоположников теории автоматического регулирования, основатель научной школы по конструированию машин. В 1888—1892 г. министр финансов. Ему удалось достичь некоторого сбалансирования бюджета, накопления золотых запасов, укрепления курса бумажного рубля.

⁴⁵ Баранцов Александр Алексеевич (1810—1882), военный деятель, генерал-адъютант (1855), граф (1881). С 1856 г. начальник штаба генерала-фельдцейхмейстера, с 1862 г. начальник Главного артиллерийского управления и товарищ генерала-фельдцейхмейстера. С 1863 г. непосредственно возглавлял управление артиллерией русской армии. Под его руководством проведено перевооружение артиллерии нарезными заряжающимися с казны орудиями, введено несколько систем стрелкового оружия, осуществлены реорганизация и усиление артиллерии и артиллерийско-технических заведений, созданы новые патронные и орудийный (в Петербурге) и ракетный (в Николаеве) заводы, усовершенствована подготовка артиллерийских кадров. С 1881 г. — член Государственного совета.

⁴⁶ Леер Генрих Антонович (1829—1904) — русский военный теоретик и историк, генерал от инфантерии (1896), член-корр. Академии наук, почетный член Шведской академии военных наук. Окончил Военную академию (1854). Участвовал в Кавказской войне. С 1865 г. профессор Академии Генштаба и Инженерной академии. В 1889—1898 гг. — начальник Академии Генштаба. С 1896 г. — член Военного совета. Был организатором и редактором 8-томной «Энциклопедии военных и морских наук» (СПб., 1883—1897) и 4-томного «Обзора войн России от Петра Великого до наших дней» (СПб., 1885—1898). Автор лучшего для своего времени курса стратегии;

Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905) — русский военный деятель, теоретик и педагог, генерал от инфантерии (1891). Окончил Академию Генштаба (1856). В 1863—1869 гг. — профессор кафедры тактики Николаевской академии Генштаба; написал «Очерки австро-прусской войны в 1866 г.» (СПб., 1867), издал «Записки тактики» (СПб., 1866) для военных училищ. В 1873—1877 гг. — начальник 14-й пехотной дивизии. В 1878—1889 гг. — начальник Академии Генштаба, затем командовал войсками Киевского военного округа. С 1898 г. — киевский, подольский и вольнский генерал-губернатор с оставлением в должности командующего округом. С 1903 г. член Государственного совета.

⁴⁷ РГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1(Л), оп. 1, д. 27284. Приказ по военному ведомству № 161 от 25 мая 1873 г.

⁴⁸ Исаков Николай Васильевич (1821—1891), русский генерал от инфантерии. В 1863—1881 гг. начальник военно-учебных заведений. В ходе военных реформ 1860—1870-х годов осуществил переустройство военно-учебной системы, преобразовал кадетские корпуса в военные гимназии, основал педагогические курсы, учительскую семинарию военного ведомства, педагогическую библиотеку, музей и журнал «Педагогический сборник».

⁴⁹ См.: *Алпатов Н. И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. (Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М., 1958.

⁵⁰ См.: *Бобровский П. О.* Двадцатипятилетие юнкерских училищ. СПб., 1889.

⁵¹ Здесь уместно сравнить с системой комплектования училищ в советский период. В Советском Союзе повсеместно при поступлении в училища работали так называемые мандатные комиссии. Они ограничивали поступление юношей по разным причинам: и по национальным, и по социально-политическим. Например, если не было справки об отце, поступление в летное училище было закрыто.

⁵² См.: *Очерки истории школы и педагогической мысли...*, с. 178.

⁵³ См.: *История Императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) Академии за сто лет. 1798—1898.* СПб., 1898.

⁵⁴ ГАРФ, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 495, л. 78.

⁵⁵ Там же, л. 111—112.

⁵⁶ *Дневник Д. А. Милютина*, т. 4. М., 1950, с. 95.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Источники</i>	8
<i>Литература</i>	17

Часть I СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ РЕФОРМАТОРА

<i>Глава первая. Воспитание наследника престола</i>	
1. Детство и отрочество (1818—1834)	61
Истоки. Воспитатель К. К. Мердер. Восстание декабристов. Наставник В. А. Жуковский. План обучения. Годы первоначального образования	
2. Юность (1834—1838)	86
Завершение учебы. Путешествие по России.	
3. Возмужание.	90
Курс высших государственных наук. Зарубежное путешествие. Женитьба. Государственная и военная деятельность цесаревича. Итоги воспитания	

<i>Глава вторая. Крымская война. Начало царствования</i>	
1. Восточная война	104
Россия и Европа накануне войны. Непосредственный повод Восточной войны. Силы противоборствующих сторон. Начальный период войны. Вступление в войну союзников. Осада Севастополя. Героическая оборона Севастополя. Смерть Николая I	
2. Начало царствования Александра II	126
Первые шаги. Последние сражения за Севастополь. Завершение боев на Кавказском фронте. Парижский мир. Итоги войны	

Часть II АЛЕКСАНДР II И ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ 60—70-х ГОДОВ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

<i>Глава третья. Крестьянская реформа 1861 г.</i>	
1. Предпосылки реформ. Подготовка отмены крепостного права в России	149
Кризис феодально-крепостнической системы Первые предложения. Окружение царя. Начало преобразований. Подступы к реформе. Обсуждение проектов реформы. Редакционные комиссии	

2. Проведение реформы	173
Обнародование Манифеста и «Положений 19 февраля 1861 г.»	
Правовое положение крестьян. Органы проведения реформы.	
Уставные грамоты. Крестьянские учреждения.	
Наделы и повинности. Прекращение обязательных отношений крестьян к помещикам. Выкуп.	
Реформа в удельной и государственной деревне.	
Освобождение дворовых и крепостных рабочих.	
Крестьянская реформа на окраинах России.	
Отношение современников к реформе.	
Крестьянское движение в ответ на реформу 1861 г.	
Значение крестьянской реформы 1861 г.	
Изменения в системе государственных органов	

Глава четвертая. Земская реформа

1. Подготовка земской реформы	208
Органы местного управления в дореформенный период.	
Первые наброски реформы. Комиссия Н. А. Милютина.	
Комиссия П. А. Валуева	
2. Проведение земской реформы	217
Положение о губернских и уездных учреждениях	
1 января 1864 г. Отклики на земскую реформу.	
Недостатки земского Положения 1864 г.	
3. Некоторые результаты работы земства	222
Земская школа. Земская медицина.	
Экономические мероприятия земства.	
Значение земской реформы	

Глава пятая. Городская реформа

1. Краткая история городов	228
Возникновение и развитие городов России.	
Состояние городов в I половине XIX в.	
2. Подготовка городской реформы	234
Первые предложения о реорганизации городского управления.	
Особые комиссии в городах.	
3. Новое Городовое положение 16 июня 1870 г.	241
Главное содержание Положения 1870 г.	
Значение реформы 1870 г.	

Глава шестая. Судебная реформа

1. Краткая история дореформенного суда в России	248
2. Подготовка реформы	253
Три взгляда на судебную реформу.	
Создание нового проекта реформы	
3. Проведение судебной реформы	257
Основные положения уставов 20 ноября 1864 г.	
Трудности осуществления реформы. Краткие выводы	

Глава седьмая. Реформа телесных наказаний

1. Краткая история жестоких наказаний	264
Понятие о телесных наказаниях.	
Изуверские репрессии за рубежом.	
Лютая кара в России.	
Немилосердные наказания при Александре II	

2. Борьба за отмену варварского возмездия	275
Отмена драконовских мер.	
Значение реформы телесных наказаний	

Глава восьмая. Финансовые реформы

1. Подготовка финансовых реформ	282
Проекты финансовых преобразований.	
Предложения В. А. Татаринова. Влияние крестьянства	
2. Основные положения финансовых реформ	288
Бюджетное единство. Кассовое единство.	
Гласность бюджета. Реорганизация государственного контроля.	
Преобразования в налоговой системе. Учреждение банков.	
Попытка проведения денежной реформы.	
Итоги финансовых реформ	

Глава девятая. Реформы в сфере просвещения

1. Краткий очерк народного образования до Александра II	301
2. Реорганизация народного образования	307
Жгучие вопросы дня. Воскресные школы.	
Начальное образование. Среднее образование.	
Высшее образование. Высшие женские курсы.	
Краткие выводы	

Глава десятая. Военные реформы

1. Армия на пороге преобразований	332
2. Подготовка и проведение военных реформ	334
Программа деятельности. Реорганизация управления.	
Военно-судебная реформа. Перестройка комплектования армии.	
Перевооружение армии. Изменения в боевой выгучке.	
Перемены в подготовке военных кадров.	
Обновление иррегулярных войск. Значение военных реформ	

<i>Примечания</i>	352
-----------------------------	-----

ТАЙНЫ

В монографии Е. П. Толмачева «Александр II и его время» рассмотрен один из наиболее ярких периодов истории Российского государства, связанный с жизнью императора Александра II.

Привлекая обширный фактический, в основном архивный, материал, автор повествует о трагической судьбе царя-освободителя, о предпринятых им Великих реформах, о внешней политике страны второй половины XIX века.

ИСТОРИИ

ISBN 5-300-02052-4

9 785300 020521